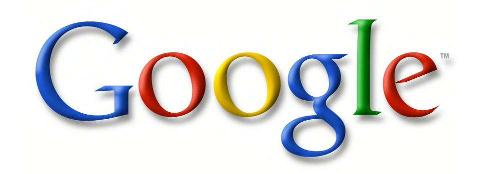


PN517
V425
1886
v.2

ORD UNIVE

Veselovskii, A. N.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIV, № 3.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РОМАНА И ПОВѢСТИ.

МАТЕРІАЛЫ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

СЛАВЯНО-РОМАНСКІЙ ОТДѢЛЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

СЛАВЯНО-РОМАНСКІЯ ПОВѢСТИ.

Подъ названіемъ «славяно-романскихъ» повѣстей я желалъ бы выдѣлить особую группу южнославянскихъ разсказовъ, объединенную характеромъ ихъ источниковъ и нѣкоторыми особенностями ихъ идеальнаго содержанія. Мѣсто, занимаемое ими въ исторіи развитія славянской повѣсти вообще, со включеніемъ русской, приходится по срединѣ между византійскимъ вліяніемъ, обусловившимъ древній составъ югославянской повѣствовательной литературы, и позднимъ западнымъ, коснувшимся Руси при посредствѣ, главнымъ образомъ, Польши. Этому послѣднему принадлежитъ сохранившаяся въ познанскомъ сборникѣ XVI вѣка «Исторія объ Аттилѣ королѣ Угорскомъ», относящаяся къ особому роду историческихъ повѣстей и баснословныхъ хроникъ. Выключая её изъ группы «славяно-романскихъ» сказаній я отнесъ-бы къ нимъ, наоборотъ, греко-сербскую Александрію: она пришла къ южнымъ славянамъ изъ греческаго источника и въ этомъ смыслѣ могла быть включена въ отдѣлъ «византійскій», но ея складъ, стиль и характеръ нѣкоторыхъ подробностей обличаютъ въ ея авторѣ знакомство съ западной романтикой, отводя ей мѣсто въ исторіи литературнаго воздѣйствія запада на византійскій востокъ. Это воздѣйствіе сказывалось переводами и подражаніями и передѣлками древнихъ сюжетовъ, въ которыхъ сентиментализмъ и реализмъ поздняго греческаго романа причудливо смѣшивались съ полупонятыми мотивами рыцарства,

греческіе витязи являлись паладинами и строгія очертанія древнихъ типовъ смягчались въ полусвѣтѣ романтизма. Къ подобному пониманію стараго эпоса приводило уже спеціально-греческое развитіе: оно переставило центры эпическаго интереса, выдвинуло на первый планъ легенду о Парисѣ, создало образъ влюбленнаго Ахилла, заставивъ его тосковать по Поликсенѣ, увлечься красавицей Еленой, которую онъ видитъ на стѣнахъ Трои и съ которой Ѳетида сводитъ его въ волшебномъ сновидѣніи [1]). Припомнимъ прелестную фантасмагорію Филостратова Героика [2]): Ахиллъ и Елена, никогда не видавшіе другъ друга при жизни, влюбляются взаимно въ царствѣ тѣней; и вотъ, по просьбѣ Ѳетиды, Нептунъ создаетъ на Черномъ морѣ, изъ ила Ѳермодонта, Борисоена и Истра, островъ Λευκή, гдѣ влюбленныя тѣни живутъ въ идеальной связи, въ лунныя ночи водятъ хороводы по цвѣтущему лугу, а съ береговой стоянки робко прислушивается къ ихъ чудеснымъ пѣснямъ морякъ, не осмѣливающійся проникнуть внутрь острова.

Къ этому романтическому теченію примкнула, не достигая его поэзіи, струя западно-рыцарскаго романа; Ахиллъ явился любовникомъ, банально вздыхающимъ по Поликсенѣ (Roman de Troie; Διήγησις Ἀχιλλέως). Образъ Александра въ греко-сербской повѣсти о немъ принадлежитъ тому-же направленію мысли; отличіе этого памятника отъ другихъ «славяно романскихъ» лишь во внѣшней лингвистической формѣ, въ которой онъ объявлялся славянамъ, тогда какъ романъ о Тристанѣ и пѣсня о Бовѣ пришли

---

[1]) Объ Ахиллѣ и Еленѣ сл. Ἰσαακίου καὶ Ἰωάννου τοῦ Τζέτζου Σχόλια εἰς Λυκόφρονα, ed. Christ. Gottfr. Müller, къ стих. 143 и 171—173; Lycophronis Alexandra, recensuit, scholia vetera codicis Marciani addidit God. Kinkel (1880), комментарій къ стих. 143 и 172; Eudociae Augustae Violarium, rec. J. Flach (1880), стр. 265—6 (съ ссылкой на Δοῦρις ὁ Σάμιος). Сл. Welcker. Der epische Cyclus, II, стр. 105.

[2]) Flavii Philostrati Opera, ed. Kayser, v. II, стр. 211 слѣд. Сл. Птолемея Гефестіона у Фотія, Biblioth. c. CXC, ὅτι Διὸς Ἑλένης καὶ Ἀχιλλέως ἐν μακάρων νήσοις παῖς πτερωτὸς γέγονεν, ὃν διὰ τὸ τῆς χώρας εὔφορον Εὐφορίωνα ὠνόμασαν (Westermann, Μυθογράφοι, p. 188).

къ нимъ изъ Италіи, и латинскій-же или романскій подлинникъ слѣдуетъ предположить для древне-славянской притчи о Троѣ.

Изъ сказаннаго выяснилось, что мы понимаемъ подъ «славяно-романскими» повѣстями: сербскую Александрію, Троянскія Дѣянія и сербскіе Тристана и Бову, дошедшіе до насъ въ бѣлорусскомъ пересказѣ. Всѣ эти памятники представляются объединенными и мѣстомъ своего происхожденія: Боснія и сѣверная Далмація, куда, вмѣстѣ съ византійскими, легче всего было доходить и западнымъ вліяніямъ, общественнымъ и литературнымъ. Послѣднія тѣмъ интереснѣе, что облеченныя въ форму повѣсти, они распространялись и далѣе по славянскому міру, разнося въ той или другой мѣрѣ слѣды, часто искаженные, обусловившаго ихъ западно-рыцарскаго міросозерцанія. Если Тристанъ извѣстенъ пока лишь въ бѣлорусскомъ пересказѣ сербскаго оригинала, то Александрія и Троянская притча имѣли широкое распространеніе, а Бова перешелъ у насъ и въ народную сказку. Какой отпечатокъ западнаго быта и рыцарскаго уклада сохранили они въ своихъ далеко-разошедшихся отраженіяхъ? Дѣло идетъ не о вліяніи одной культурной среды на другую, а о контрастѣ, въ которомъ должны были очутиться идеалы, воспитанные извѣстными отношеніями общества, въ литературѣ, отвѣчавшей другимъ жизненнымъ спросамъ.

Въ славянскую среду наши повѣсти[1]) вносили свѣдѣнія о чуждомъ ей обиходѣ рыцарства и его особомъ нравственномъ кодексѣ. Первый усваивался внѣшнимъ образомъ, многое показываетъ, что иныя его черты были неясны и понимались вполовину. Подробно описывается вооруженіе рыцарей, ихъ поединки, обычай вызова перчаткой, турниры, въ которыхъ рядомъ съ рыцаремъ является и его конюшій, «оправца» (Тр.). Бой идетъ сначала на коняхъ: противники такъ стремительно наскакиваютъ другъ на друга, что еслибъ не добрая сброя, они пали-бы мертвыми, а ихъ копья разлетаются въ щепы. Упавъ съ коней

[1]) Далѣе онѣ цитуются такимъ образомъ: А (Александрія), ТД (Троянскія Дѣянія), Тр. (Тристанъ), Б (Бово).

на землю, они тотчасъ-же вскакиваютъ на ноги и продолжаютъ биться мечами, иногда расходясь, чтобъ отдохнуть, опершись на щитъ (Тр.). Сл. описаніе боя Ильи Муромца съ сыномъ:

Разъѣхались на копья востры:
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черенья копья разсыпалися;
Разъѣхались на палицы боёвыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломилися;
Разъѣхались на сабли востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы кольчужныя [1]).

Славянскому читателю эти картины были понятны, какъ понятенъ былъ горделивый отказъ воителя сказаться побѣжденнымъ, чтобы спасти свою жизнь, и желаніе узнать имя противника, и радость, когда противникъ оказывался именитымъ рыцаремъ: славно будетъ пасть отъ его руки, еще славнѣе — сразить его (Тр. ТД). Въ такихъ случаяхъ рыцарскіе обычаи могли идти на встрѣчу народному юначеству, какъ оба сходились въ осужденіи убійства спящаго врага (Тр. А.):

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
А бить-то мнѣ-ка соннаго что мёртваго [2]).

Но едва-ли вразумителенъ былъ символизмъ другихъ рыцарскихъ обрядовъ, напр. опоясываніе мечемъ (Тр. Б.), и смутными могли слагаться представленія о «ѣзджалыхъ» рыцаряхъ (chevaliers errants), ищущихъ «фортуны», о дѣвушкахъ, бродящихъ по свѣту съ какимъ-нибудь невещественнымъ порученіемъ (Тр.) и т. п.

Таково усвоеніе внѣшняго обихода рыцарства; посмотримъ, какъ усвоялся его идеалъ. Онъ, по существу, западный; главныя требованія отъ рыцаря — это *добротъ* и *дворность*. Добротъ,

---

1) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 323.

2) Сл. l. c., стр. 12 и 405—406 и Servii ad Aen. I, 487; II, 541.

несомнѣнно, переводъ: proesse, дворность, дословно—courtoisie, нерѣдко въ соединеніи: рыцарство и дворность, дворность и пресечность (Тр.). Славянская притча о Троѣ выражаетъ понятіе дворности словами: *честь*, *почтеніе въ дворъ*, *дворщина:* honneur et courtoisie [1]), тогда какъ *дворбой* (ТД), *службой* (ТД, Тр.) обозначались отношенія, въ которыя вступалъ юный витязь, являясь ко двору какого-нибудь именитаго властителя, чтобы обучиться рыцарскому дѣлу и служенію дамамъ, «добрымъ госпождамъ» (ТД) — belles dames. Въ этихъ отношеніяхъ развивалась и еще одна существенная сторона рыцарскаго идеала: культъ *любви*, понятіе *милости* (Тр.), какъ всесильнаго чувства, самоопредѣляющагося, не подлежащаго другимъ нравственнымъ критеріямъ.

Такое пониманіе любви плохо согласовалось съ отрицательнымъ взглядомъ на женщину, какъ по существу «злую», сосудъ грѣха: взглядомъ, господствовавшемъ въ средне-вѣковомъ — и славянскомъ обществѣ подъ вліяніемъ церковно-ригористической морали. На западѣ это противорѣчіе было если не замирено, то устранено торжествомъ рыцарскаго идеала, удалившаго враждебный ему въ кружокъ рьяныхъ блюстителей строгой отеческой старины. Въ нашихъ славяно-романскихъ повѣстяхъ противорѣчіе осталось, наивное и простосердечное, потому что не осмысленное соотвѣтствующимъ поворотомъ въ жизни.

Средневѣковая литература полна нападокъ на женщинъ [2]).

---

[1]) Сл. Konrad von Würzburg, Der Trojanische Krieg: Парисъ говоритъ Менелаю, чему онъ желаетъ отъ него научиться:

20494 ob iuwer reiniu lêre
mich wîset ûf daz rehte
daz hilfet mîn geslehte
an *êren* iemer unde ouch mich.
20517 biz ich von iu gelernen müge
die *zuht*, die ritters *êren* tüge.

[2]) Сл. между прочимъ: Hubatsch, Die lateinischen Vagantenlieder, стр. 73 слѣд.; **Franke**, Zur Geschichte der lateinischen Schulpoesie, стр. 71 слѣд.; Huemer, *Lateinische* Rhythmen des Mittelalters (Wiener Studien VI, стр. 292 слѣд); **Tobler**, Proverbia que dicuntur super natura feminarum (Zeitschrift f. rom.

Въ старофранцузскомъ Chastoiemoent, переводѣ Disciplina Chricalis Петра Альфонса (XII в.), отецъ такъ поучаетъ своего сына: «иди за львомъ и дракономъ, за медвѣдемъ, леопардомъ и скорпіономъ, не ходи только за злой женой, какъ-бы тебя не улещали, и мысленно моли Господа, славнаго и всемогущаго, дабы онъ спасъ тебя отъ женскихъ ковъ, да и самъ отъ нихъ стерегись».

Beax fils, sui lion et dragon,
Ors, liepart et escorpion,
La male feme ne sui mie
Por losenge que l'en te die.
Prie Dieu molt devotement
Le gloriox omnipotent,
Qu'il te deffende de lor art,
Et tu te garde de ta part [1]).

Такъ злословили и другіе ригористы, и Морольфъ могъ самонадѣянно отвѣтить на попытку Соломона защитить женщину — предсказаніемъ, что и самъ онъ будетъ ею обмануть [2]). Онъ въ самомъ дѣлѣ попалъ въ число многочисленныхъ жертвъ женской злобы, среди которыхъ авторъ русской «Бесѣды отца съ сыномъ» помѣщаетъ, Адама и Ноя, Лота, Давида и Соломона, сильнаго Самсона и храбраго Александра [3]). Какъ авторъ Chastoiement, такъ и анонимный списатель Бесѣды подтверждаетъ свои положенія, уже сведенныя въ общій кодексъ Пчелою [4]) и Поученіемъ Даніила Заточника [5]), цѣлымъ рядомъ прикладовъ и разсказовъ, изъ которыхъ вытекаетъ одна и та-же мораль: изъ за женъ «многія крови проліяшася и царства разоришася и царіе

Philologie IX, 287—331); Novati въ Giornale storico della letteratura italiana VII, 432—442; его-же: Carmina medii aevi, стр. 15 слѣд.

[1]) Barbazan et Méon, Fabliaux II, p. 81; сл. Пыпина, Очеркъ, 273.

[2]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 274—5 и прим. 2. Сл. L'Évangile aux femmes y Jubinal, Jongleurs et trouvères, стр. 26 слѣд.; Paul Meyer, Plaidoyer en faveur des femmes, Romania № 24, стр. 499—500 и изданное имъ стихотвореніе: Du bounté des femmes, Romania № 58—9, стр. 316 слѣд.

[3]) Пыпинъ, l. c., стр. 274.

[4]) Безсоновъ, Книга Пчела, стр. XXXI и слѣд.

[5]) Памятники росс. словесности XII в., стр. 237 слѣд.

отъ живота гонзнули» (Пчела стр. XXXIII: О добротѣ бо женстей мнози соблазнишася..... Отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ); «горе граду тому в немже владѣтелствуетъ жена; горе дому тому, имже владѣетъ жена; зло и мужу тому, иже слушаетъ жены;» «украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу, уды своя связали шолкомъ, лбы своя поттягнули жемчюгомъ, ушеса своя завѣсили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ почитанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія»; «женскій разумъ яко храмина непокровенна и яко вѣтрило на верху горъ скорообразно вертящеся...; лутче купити коня или вола или ризу, нежели злу жену поняти» [1]). «Лутче есть во утлѣ корабли плавати, нежели злой женѣ правда повѣдати», говоритъ другое русское Слово: «корабль утелъ товаръ потопляетъ, а злаа жена домъ мужа своего пустъ сотворяетъ и самого мужа своего погубитъ. Немочно человѣку пѣшу въ полѣ заица постичи, а со злою женою спасенія не добыти. Злаа жена отгнаніе ангеломъ, угоженіе діаволе». Эти порицанія жены развиваются наконецъ въ такомъ народно-поэтическомъ климаксѣ: «Егда загорится храмина, чѣмъ ее гасити? Водою. Что болѣ воды? Вѣтръ. Что болѣ вѣтра? Гора. Что сильнее горы? Человѣкъ. Что болѣ можетъ человѣка? Хмель: отъимаетъ руки и ноги. Что лютѣе хмелю? Сонъ. Что лютѣе сна? Жена зла» [2]).

Всѣ эти представленія, выработанныя церковной моралью, утверждались въ сознаніи общества аскетическимъ направленіемъ такихъ повѣстей какъ Варлаамъ и Іоасафъ, какъ Синагрипъ, гдѣ въ числѣ поученій Акира сестричу Анадану есть и слѣдующее: «Сыну, уне есть огнемъ болѣти, али трясавичею, негли жити съ злою женою, да не будетъ совѣта въ дому твоемъ, а сердечнаго ей не вѣщай». Это — одинъ изъ совѣтовъ, пристроившихся въ средневѣковой новеллѣ къ имени Соломона: не повѣрять женѣ тайны, ибо она смертельный врагъ мужу [3]).

---

[1]) Пыпинъ, l. c., стр. 272.

[2]) Пыпинъ, l. c., стр. 270.

[3]) Сл. мои Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 7.

Восточныя повѣсти о женской хитрости и коварствѣ, перешедшія на Западъ, пріютившіяся и въ славянскомъ мірѣ, должны были поддержать сложившуюся уже характеристику «злой жены». Разсказывали о невѣрной супругѣ Соломона, о вѣтренности матроны Эфесской и т. п. Читатели славяно-романскихъ повѣстей обрѣтали въ нихъ тѣ-же знакомые типы: плотски-назойливыхъ дѣвушекъ французской chanson de geste, въ родѣ Дружнены и Мальгоріи (Б.) и дочери короля Перемонта (Тр.), податливыхъ, какъ жена Сегурадежа (Тр.), коварныхъ, какъ «пани з Локви» (la Dame du Lac), уморившая Мерлина (Тр.), преступныхъ, какъ мать Бовы (Б.) или мачеха Тристана (Тр.). Всё зло пошло отъ женъ, читалось въ сербской Александріи: отъ нея погибъ и Адамъ, и крѣпкій Самсонъ и мудрый въ человѣцѣхъ Соломонъ, и въ Троѣ многіе витязи и цари погибли изъ-за одной жены Елены, la fole peccheresse Heleine, какъ называетъ её Gower [1]). Много крови прольется изъ-за тебя, говоритъ ей Энона (ТД): ея роковая красота представлялась демонической, но не въ нашемъ значеніи слова, а въ томъ, которая побудила нѣмецкую народную книгу о Фаустѣ представить Елену отродьемъ ада, а болгарскаго сказателя одной троянской повѣсти прозвать её Гилудой: демоническимъ существомъ народнаго повѣрья, похищавшимъ и пожиравшимъ новорожденныхъ. Понятно послѣ этого, почему наша троянская притча заставляетъ её умереть насильственной смертью: она понесла заслуженную кару, и средневѣковой вагантъ удивляется, почему она именно избѣжала участи, уготованной ею другимъ:

Femina digna mori reamatur amore priori
reddita victori deliciisque thori.
Saeva, quid evadis, non tradita cetera tradis?
Cur rea tu cladis non quoque clade cadis? [2]).

Внятнѣе всѣхъ этихъ «злыхъ женъ» долженъ былъ представиться ригористически - настроенному читателю типъ Изотты.

[1]) Stengel, John. Gower's Minnesang u. Ehrzuchtbüchlein (Marburg 1886), p. 21, № X.

[2]) Carmina Burana № CLII, стр. 61.

Съ первой брачной ноги и до конца разсказа она — вѣроломная жена, всецѣло отданная любовнику, который, въ добавокъ, не всегда ей и довѣряетъ. Такъ по крайней мѣрѣ въ бѣлорусскомъ пересказѣ сербскаго текста, въ эпизодахъ, къ которымъ не нашлись западныя параллели. Имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ глоссой переводчика, вмѣнившаго Тристану правило — не довѣряться женщинѣ? Тристанъ проѣзжаетъ съ Изоттой мимо шатра, въ которомъ столуетъ Артуръ и его дворъ, и не велитъ ей смотрѣть по сторонамъ: гляди мнѣ, Тристану, между плечъ, а коню своему промежъ ушей, не то я разгнѣваюсь на тебя. О Тристанъ, отвѣчаетъ она, много я ходила по морю и по суху, а не видала ни одного рыцаря выше тебя. Въ другой разъ когда Жиневра упрекнула ее, почему цѣной невинной лжи она не спасла жизни одному человѣку, она объясняетъ, что не смѣла сказать Тристану неправды — изъ боязни его гнѣва. — Когда послѣ цѣлаго ряда любовныхъ приключеній Тристанъ приводитъ наконецъ Изотту къ ея мужу, и тотъ благодаритъ племянника за его «вѣру и правду» — въ этомъ заключеніи переводчику чуялась не иронія, и не торжество роковой любви надъ связанностью обычая: онъ тѣмъ ближе и безучастнѣе отнесся къ своему подлиннику, чѣмъ менѣе выяснилъ себѣ отношенія своего собственнаго женскаго идеала къ широтѣ рыцарскаго.

Ригористическій взглядъ на женщину обнималъ её всецѣло, во всѣхъ положеніяхъ, не исключая и освященнаго церковью брака. Показаніе русскихъ «Словъ» въ этомъ отношеніи рѣшительно. Есть, разумѣется, и добродѣтельныя жены, и въ семьѣ можно было спастись, не столько женѣ, сколько матери, вдовѣ, отреченной отъ соблазновъ плоти, приписанной уставомъ Владимира Мономаха къ церковнымъ людямъ [1]), возвеличенной русскимъ былевымъ эпосомъ. Иначе и матерьяльнѣе бракъ допускался какъ нужда, какъ спасительное средство отъ другихъ излишествъ. «Брачное съвъкупленіе прощено бысть нужда убо ради,

---

[1]) Макарій, Исторія русской церкви I, 282, 285.

а не иного чего бракъ бысть», говорилъ у насъ преп. Іосифъ Волоцкій: еслибы прародители сохранили заповѣдь Божію, Господь могъ-бы умножать человѣческій родъ инымъ способомъ, какъ и Адамъ и Евва созданы были внѣ «брачнаго съвъкупленія». «Лучше человѣку женитися, нежели разжизатися плотію», значится въ книгѣ Измографъ гл. 42. Такъ понимаетъ дѣло и авторъ старофранцузскаго Miserere: Праведенъ путь брака; въ томъ цѣломудріе, коли супруги безъ страсти творятъ обоюдный долгъ. Бракъ — клѣтка для дикой птички, чтобы не упорхнула въ лѣсъ; убѣжище противъ бури, ловушка для вѣтренниковъ, чтобы не ходили за чужими женами, сѣнь отъ излишняго жара.

Droite voie est de mariage.
Chou est castées, se sans rage
S'aquite cascuns a sen per.
Noches sont ausi com le cage
Ou on enclot l'oisel sauvage
K'il ne puist au bos rescaper.
Ne se doit pas chil encouper
Ki vigne a del autrui craper;
Noches sont refuis por orage;
Noches sont por fol atraper
Ki veut autrui fame haper;
Noches font por trop caut ombrage [1]).

О любви въ бракѣ нѣтъ и рѣчи, или лучше, любовь цѣликомъ уходила въ чувство долга; прелестный образъ Ярославны и русскихъ женъ, плачущихъ о своихъ ладяхъ, взятъ въ исключительный моментъ скорбнаго причитанія. Характерно въ этомъ смыслѣ сравненіе древнерусской повѣсти о Девгеніи — либо ея благочестиво-окрашеннаго оригинала — съ греческой поэмой о Дигенисѣ. Послѣдняя воспѣваетъ не только подвиги своего героя, но и любовь, передъ силой которой склоняются слабые смертные; мѣсяцъ май — царь надъ мѣсяцами, краса земли, одѣваю-

[1]) Li romans de Carité et Miserere du Renclus de Moliens, ed. van Hamel, t. 2[d] (Paris, 1885: Bibl. de l'École des Hautes Études, fasc. 62), строфа CXCVIII.

щейся въ фіалки и розы, которыми она соперничаетъ съ красотою неба; мѣсяцъ любви, когда всё влечется къ утѣхамъ Афродиты. Дигенисъ самъ отдается обаянію этого чувства, измѣняя женѣ ради амазонки Максимы. Иначе въ русской повѣсти: побѣжденная Максима молитъ Девгенія: многихъ царей и королей я побѣдила, теперь Господь покорилъ меня тебѣ; если ты сочетаешься со мной и мы будемъ вмѣстѣ, никто не будетъ въ силахъ противостоять намъ. Мудрый Девгеній отказывается отъ союза: онъ досмотрѣлся въ вѣщей книгѣ «о житіи своемъ и о смерти», что если соединится съ Максимой, жить ему шестьнадцать лѣтъ, если овладѣетъ прекрасной дочерью Стратига — то тридцать лѣтъ [1]).

Жизненная практика могла во многомъ смягчать суровость книжныхъ воззрѣній на женщину, хотя иныя изъ нихъ проникли въ народный оборотъ во всей своей черствости. Кто такое: три гнѣвныхъ, три лукавыхъ, три болтливыхъ, трое, назначенныхъ быть битыми? Отвѣчая на эти вопросы англійская пѣсня XV-го в. кончала каждую отповѣдь упоминаніемъ женщины [2]). Напомнимъ относящіяся сюда пословицы: More, oganj i žena tri najveća zla; Ljubav ženska mreža vražja; Puški, konju i ženi ne treba vjerovati и т. п. [3]). Я съ умысломъ выбралъ именно южнославянскія поговорки, ибо онѣ служатъ къ характеристикѣ среды, въ которой наши славяно-романскія повѣсти объявились впервые, гдѣ на встрѣчу ригористическимъ взглядамъ книжниковъ шёлъ ригоризмъ народно-бытоваго этикета. Онъ господствовалъ даже въ высшихъ классахъ напр. Дубровника, судя по описанію Фи-

---

[1]) Галаховъ, Исторія русской словесности I, стр. 408—9.

[2])
Herfor and therfor and therfor I came,
And for to preysse this praty woman.
Ther wer III wylly, III wyly ther wer:
A fox, a fryyr and a woman.

Далѣе: III angry: A wasp, a wesyll and a woman; III cheteryng: A pcyc, a jaye and a woman; III wold be betyn: A wyll, a stokefysche and a woman. Сл. Songs and carols of the fifteenth century, ed. by Th. Wright.

[3]) Сл. Южно-славянскія пословицы, указанныя Krauss'омъ въ его Sitte und Brauch der Südslaven, стр. 432 слѣд.

липпа De Diversis[1]): бракъ окруженъ былъ торжественнымъ символизмомъ народнаго обряда, заключался отъ рода къ роду, дѣвочекъ сосватывали по одиннадцатому или двѣнадцатому году, молодые люди пребывали въ положеніи jurati нѣсколько лѣтъ до свадьбы, и во всё это время женихъ, при посѣщеніи дома невѣсты, рѣдко позволялъ себѣ поднять на неё глазъ. Такъ дѣлается у родовитыхъ людей, такъ и въ народѣ, говоритъ de Diversis[2]). Собственно народная жизнь и здѣсь была свободнѣе: она отводила любви поэтическій уголокъ въ преддверіи къ браку, въ любовной пѣснѣ, въ свиданіяхъ на играхъ и посидѣлкахъ, но и здѣсь обрядъ и обычай связывали силу стихійнаго чувства. Его объектъ—незамужняя дѣвушка, цѣль опредѣлялась церковнымъ союзомъ; любовная пѣснь раздается преимущественно въ извѣстныя времена года, какъ-бы обусловленная извѣстнымъ природнымъ спросомъ.

Новое откровеніе любви, какъ особой силы въ нравственномъ мірѣ человѣка, явится со стороны. Она отрѣшена отъ всѣхъ бытовыхъ и юридическихъ условностей, одинаково обращается къ дѣвушкѣ или замужней, лишь-бы къ любимой женщинѣ; признается и въ бракѣ, хотя не обусловлена имъ существенно: Поликсена не хочетъ пережить любимаго ею Ахилла (ТД), какъ Роксана своего мужа Александра; вѣдомо да будетъ вамъ, пишетъ Александръ матери по поводу своего брака, что пока лю-

---

[1]) Philippi de Diversis de Quartigianis Lucensis artium doctoris eximii et oratoris Situs aedificiorum, politiae et laudabilium consuetudinum inclytae civitatis Ragusij. Codice inedito della Biblioteca ginnasiale di Zara pubbl. ed. illustr. da V. Brunelli. Zara 1882, стр. 124 слѣд., pars IV, cc. XVI и XVII.—Часть текста Филиппа de Diversis уже издана была Макушевымъ, Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника (СПБ. 1867), стр. 358 слѣд.—De Diversis былъ вызванъ въ Рагузу въ качествѣ учителя (латинской) грамматики и реторики въ 1434 году и оставался въ этой должности до 1441 либо 1444 года (сл. Brunelli, l. c., стр. 3—5); его сообщенія служатъ, стало быть, къ характеристикѣ быта на переходѣ отъ XIV вѣка къ XV-му.

[2]) l. c. raro sponsus suis oculis sponsam intuetur, tametsi in domo soceri saepius convivatur et illuc adeat. Sic enim moris tam nobiles apud, quam populares, qui eos magistros et dominos imitantur.

бовь къ женщинѣ не обуяла моего сердца, мнѣ никогда не приходила на мысль ни ты, ни домашніе; я сталъ о томъ помышлять лишь съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ женщинѣ угодила мнѣ въ сердце, а дотолѣ одинъ лишь былъ у меня помыслъ: либо убить кого нибудь, либо быть убиту (A). Это ужъ идеалъ, взлелѣянный рыцарствомъ и усерднымъ изученіемъ Овидія. На западѣ, какъ извѣстно[1]), имъ зачитывались, онъ нашелъ перескащиковъ и подражателей, казуистовъ средневѣковой любви, подробно разработавшихъ и культъ чувства и ритуалъ нового служенія, посильно примѣняя къ условіямъ окружающей дѣйствительности шаловливыя заповѣди стараго поэта: гдѣ видѣться съ милой — на турнирахъ, въ церкви (вмѣсто театра, куда женщины Овидія Spectatum veniunt, veniunt spectentur ut ipsae); какъ ухаживать за ними, при чемъ овидіевское: «pede tange pedem» сопровождается практическимъ совѣтомъ — осмотрѣться, чтобы не наступить невзначай на ногу человѣка, который, быть можетъ, выпытываетъ такимъ образомъ тайну чужой страсти. Другое наставленіе поэта видоизмѣнено по такимъ-же соображеніямъ: любовнику полезно бываетъ иногда пролить слезы; какъ быть, если слезы не на готовѣ?

Si lacrimae (nec enim veniunt in tempore semper),
Deficiunt, uda lumina tange manu;

средневѣковой перескащикъ совѣтовалъ въ такихъ случаяхъ запастись — луковицей:

Et si tu ne peus avoir lermes,
Tu porras un oignon tenir,
Qui tantost les fera venir.

Преподается цѣлый рядъ совѣтовъ и готовыхъ возраженій, еслибы замужняя женщина вздумала защититься любовью къ мужу, боязнью за молву, за прочность высказываемаго къ ней

[1]) Сл. G. Paris, La poésie du moyen âge. Leçons et lectures, стр. 189 и слѣд.: Les anciennes versions françaises de l'Art d'aimer et des Remèdes d'Amour d'Ovide. Сл. изданный Morel-Fatio (Romania №№ 58—9) Liber Faceti, v. 131—384.

чувства. И женщинѣ и дѣвушкѣ даются указанія, какъ и чѣмъ она можетъ понравиться: пѣніе и умѣніе играть на псалтеріонѣ и другихъ инструментахъ привлекаютъ поклонниковъ, полезны также игры въ шахматы и тавлеи, танецъ мелкими, непринужденными шажками — и рекомендуется громкое чтеніе французскихъ книгъ (romans). Елена славянской повѣсти о Троѣ не только водитъ хорò, но и грамотна, тогда какъ Менелай въ этомъ неискусенъ, какъ вообще въ средніе вѣка на западѣ преимущество грамотности было на сторонѣ женщинъ [1]); оттого Елена одна понимаетъ слова, начертанныя Парисомъ краснымъ виномъ на бѣломъ убрусѣ:

Orbe quoque in mensae legi sub nomine nostro
Quod deducta mero litera fecit Amo

(Ov. Her. XVII, 87 слѣд.).

Она прислушивается къ его рѣчамъ: не изъ-за золота и серебра пришелъ онъ служить къ Менелаю, ибо того и другого въ Троѣ вдоволь: ты моя награда, и я предпочту всѣ другія муки — мученію по твоей «лѣпотѣ». Позднѣе, когда подъ стѣнами Трои Парисъ сраженъ Менелаемъ и спасенъ лишь предстательствомъ Венеры, Елена говоритъ ему словами той-же Героиды (v. 253 слѣд.):

Apta magis Veneri quam sunt tua corpora Marti;
Bella gerant fortes; tu, Pari, semper ama.

Рядомъ съ Парисомъ и Еленой — другая пара, которую также обуяла роковая любовь: та наслана Венерой, эта — волшебнымъ зельемъ. Когда Тристанъ и Изотта отвѣдали его, начали глядѣть другъ на друга и не мыслили ни о комъ, только о себѣ. Оба сидѣли, точно чѣмъ-то устрашенные: Тристанъ думалъ о милой, она о немъ, а о королѣ Маркѣ забыли. Дивно мнѣ, что это такое на меня нашло, чего прежде никогда не бывало! У нихъ является сомнѣніе, но зелье ихъ перемогло. Если

---

[1]) Schulz, Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger I, 123.

я люблю Изотту, тому дивитьтя нечего, разсуждаетъ съ собою Тристанъ: краше ея нѣтъ никого на свѣтѣ, я её вывезъ, она моя, а наша любовь можетъ быть утаена. А Изотта помышляла про себя: Не диво, что я люблю Тристана, онъ мнѣ ровня и высокаго рода, нѣтъ на свѣтѣ витезя больше его. Они не стерпѣли: Я тебя люблю отъ всего сердца, говоритъ ей Тристанъ; Я на всемъ свѣтѣ никого не люблю какъ тебя, и буду любить пока жива, признается Изотта. Тутъ они стали «одной мысли», и нѣтъ рыцаря, который столько-бы претерпѣлъ изъ-за любви, какъ Тристанъ (Тр.). Изотта отвѣчаетъ ему тѣмъ-же: когда онъ бьется съ Галіотомъ, она принимаетъ въ сердце всѣ направленные на него удары, блѣднѣетъ, когда ослабѣваетъ Тристанъ, становится веселой и румяной, когда онъ беретъ верхъ надъ противникомъ (Тр.).

Основой такой любви было возродившееся чувство физической красоты. Древнее христіанство небрегло ею, средніе вѣка считали её дѣломъ грѣховнымъ. «Аще который мужъ смотритъ на красоту женскую, дай Богъ ему трясавицею болѣти», говоритъ Даніилъ Заточникъ, парафразируя слова Сираха: Отврати око твое отъ жены красивыя (гл. IX, 8—9). Старофранцузскій моралистъ XII—XIII в. вторитъ тому: красота опасна и неразуменъ человѣкъ, который, зная коварство врага, не желаетъ отступиться отъ него (Mut est perilhose chose de beateit, mut est foz li om qui bien seit que li anemis est fel et si ne soi vult de lui partir)[1]. Если старый книжникъ отворачивался отъ красавицы, какъ отъ бѣсовскаго соблазна, то народный поэтъ приглядывается къ ней, но описываетъ архаистически, по одному и тому-же эпическому шаблону, связывающему выраженіе интимнаго впечатлѣнія. У русской красавицы

бѣлое лицо какъ бы бѣлый снѣгъ,
И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,

[1]) Poëme moral. Altfranzösisches Gedicht hrsg. von E. Cloetta (Romanische Forschungen hrsg. von K. Vollmöller, III B., 1 Heft).

А и черныя брови, какъ соболи,
А и ясныя очи, какъ бы у сокола.

Иначе, но также шаблоннымъ, является идеалъ красоты въ болгарской пѣснѣ у Миладиновыхъ (№ 375, стр. 407):

Бѣлиградо що ми сѣ бѣлеитъ?
Иматъ нещо за тва сѣ бѣлеитъ:
Во него ѥ Маро Бѣлогратка,
Лице иматъ, како ѣсно сѫнце,
Очи иматъ, како цѫрно грозѥ,
Вежи иматъ, како піявици,
Гѫрло иматъ како месечина;
За то'а сѣ Бѣлиградъ бѣлеитъ.

Столь-же устойчиво-односторонни описанія красавицъ, которыхъ воспѣваютъ рыцарскіе поэты: онѣ непремѣнно бѣлокурыя, чело у нихъ что лилія, очи смѣющіяся, зубы блестящѣе чистаго серебра, грудь бѣлѣе снѣга и цвѣта терновника, руки бѣлыя, съ длинными нѣжными пальчиками. Сл. описаніе Pons'a de Capduoill:

Las vostras belas sauras cris
el vostre fron plus blanc que lis,
los vostres olhs vairs e rizens,
el nas qu'es dreitz e ben sezens,
la fassa fresca de colors,
blanca, vermelha plus que flors,
petita boca, blancas dens,
plus blancas, qu'esmeratz argens,
menton e gola e peitrina
blanca com neus ni flors d'espina,
las vostras belas blancas mas
els vostres detz grailes e plas [1]).

Таковъ общій поэтическій типъ средневѣковой красавицы, какъ-бы ни мѣнялся объектъ поэта; такъ описывается и «бѣло-

[1]) Сл. мою замѣтку по поводу книги Renier: Il tipo estetico della donna nel medio evo, въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, февраль, стр. 188 слѣд. и Rivista critica della letteratura italiana II, № 5, стр. 132 слѣд.

курая» Елена. Въ средніе вѣка ея имя выражаетъ готовое эстетическое представленіе: красива какъ Елена; новой Еленой зовется Ирина въ поэмѣ о Дигенисѣ, въ обработкѣ Петритца; между тѣмъ и это представленіе — родовое, только усиленное количественно. Развивая краткія указанія Дарета, Benoît de Ste More называетъ Елену.

5100 De trestotes bialtez la flor.
Unques ne nasqui en cest monde
Dame si bele ne si blonde,
De totes fu la soveraine.
Ausi com est colors de greine
Plus bele de nule altre chose,
Et tot ausi come la rose
De bialté tote rien sormonte,
Ço dit Daires, qui ço reconte,
Sormontot de bialté Heleine
Tote rien qui nasqui humeine....
5113 Enz el mileu des dous sorciz,
Qui dougié erent et tretiz,
Aveit un seing en tel endreit
Que merveilles li aveneit.
Li cors de li ert biax et gras,
Molt par se vesteit bien de dras;
S'esteit si franche et de bon aire,
Que nus hom nel saureit retraire.

Когда она показывается среди троянскихъ женъ, смотрящихъ на битву съ городской стѣны, кругомъ нея точно освѣтило, всѣ показываютъ на нее другъ другу:

10531 Entor li resclarzist la place
De la resplendor de sa face.
Sa fresche chière colorée
Est lo jor de maint renommée,
Li uns la mostre à l'autre al dei [1]).

[1]) Сл. описаніе Елены у Конрада van Würzburg, Der Trojanische Krieg, ed. A. v. Keller, v. 19908 слѣд.

Надо было личному чувству красоты воспитаться въ самосознаніи, чтобы прорвать эту толщу эпическихъ формулъ, оживить ихъ реальными штрихами и передъ внѣшними очертаніями образа дать преимущество выраженію произведеннаго имъ впечатлѣнія. Нѣчто подобное чувствуется въ характеристикѣ Елены у одного южно-французскаго ваганта, очевидно тронутаго чтеніемъ классиковъ. Она предстала передъ сонмомъ боговъ, точно Цинтія, выступившая изъ воинъ Ѳетиды, слегка покраснѣвъ и потупивъ голову. Ея волосы частью распущены, частью заплетены и раздѣлены проборомъ; изъ подъ бровей сладострастно выглядываютъ глазки, лице цвѣтущее; будто нектаромъ Венеры увлажены губки и рука бога холила подбородокъ. Чтобы густыя кудри ничего не скрывали отъ ея красы, она откидываетъ ихъ по обѣ стороны лица, и оно является тогда, точно ликъ Авроры, когда она близится въ розовомъ блескѣ утра. Развеселились всѣ боги: Фебъ разгарается, Марсъ приходитъ въ страстное движеніе, Венера щебещетъ, будто въ объятіяхъ любви.

Partim nexu libera coma spatiatur,
tricatura nexili partim complicatur.
frontis hec ab apice recte disgregatur,
frons verenti similis parum inclinatur.
Sedet supercilium, oculus lascivit,
pulcre nasus eminet, oris color vivit,
Suo Venus nectare oscula condivit,
manu deus propria mentum expolivit.
Et ne decor lateat coma largiore,
hanc ad aures removet hinc et hinc ab ore.
tunc apparet facies similis aurore,
que ventura mixta est roseo candore.
Tunc videres superos undique gestire,
Febum calefieri, Martem lascivire,
Sicut in amplexibus Venerem gannire [1]).

---

[1]) Watt[illegible] Zeitschrift für deutsches Alterthum, XVIII, [illegible]

Это — первая, нѣсколько реалистическая попытка осуществить въ воображеніи впечатлѣнія античной красоты, которая раскроется вполнѣ лишь людямъ Возрожденія, титаническимъ вожделѣніямъ Марловскаго Фауста. «Это-ли взоръ, подвигнувшій тысячи кораблей, зажегшій вершины Иліона? Даруй мнѣ безсмертіе поцѣлуемъ, милая Елена! Ея уста высасываютъ у меня душу — вотъ она улетѣла! Приди, о, Елена, отдай мнѣ её назадъ! Здѣсь я останусь, ибо въ этихъ устахъ небо, и прахъ всё то, что не — Елена. Я буду Парисомъ, изъ любви къ тебѣ разрушенъ будетъ, вмѣсто Трои, Виттенбергъ; я вызову на брань хилаго Менелая, твои цвѣта украсятъ мой шишакъ. Самого Ахилла я поражу въ пяту — и снова къ Еленѣ за поцѣлуемъ! О! ты красивѣе вечерняго неба, одѣтаго прелестью тысячи звѣздъ; блестящѣе Зевса, когда въ огнѣ молній онъ предсталъ несчастной Семелѣ; прекраснѣе, чѣмъ Олимпійскій властитель въ лазуревыхъ объятьяхъ игривой Аретузы. Ты, одна ты будешь моей милой»!

Was this the face that launch'd a thousand ships
And burnt the topless towers of Ilium?
Sweet Helen, make me immortal with a kiss!
Her lips suck forth my soul: see, where it flies!
Come, Helen, come, give me my soul again.
Here well I dwell, for heaven is in these lips,
Aud all is dross, that is not Helena.
I will be Paris, and for love of thee
Instead of Troy, shall Wertenberg be sack'd.
And I will combat with weak Menelaus,
And wear thy colours on my plumed crest.
Yca, I will wound Achilles in the heel
And then return to Helen for a kiss.
O, thou art fairer than the evening air
Clad in the beauty of a thousand stars;
Brighter art thou than flaming Jupiter
When he appeared to hapless Semele;
More lovely than the monarch of the sky
In wanton Arethusa's azur'd arms;
And none but thou shalt be my paramour!

Елена нашихъ Троянскихъ Дѣяній блѣднѣетъ передъ этой роскошью красокъ; въ сущности мы не знаемъ и ея образа, какъ вообще красавицы славяно-романскихъ повѣстей чаще всего характеризуются однимъ эпитетомъ — красивыхъ. Но важно сознаніе Елены, что ея красота обязываетъ къ любви внѣ всякого нравственнаго мѣрила; когда Парисъ объясняется съ нею, она такъ отвѣчаетъ: о Александръ, я не ставлю тебѣ того въ упрекъ, ибо такъ достоитъ говорить витязю, узрѣвшему таковую красоту,— и полюбившему. Сл. Ov. Her. XVI, 35:

Nec tamen irascor. quis enim succenset amanti?
Si modo, quem praefers, non simulator amor.
Hoc quoque enim dubito, *non quod fiducia desit.*
Aut mea sit facies non bene nota mihi.
Sed quia credulitas damno solet esse puellis.

Эта одна черта, обобщившая цѣлое культурное теченіе, искупаетъ неясность цѣлаго образа.

Изотта нашихъ повѣстей вышла и того блѣднѣе. Она такая-же бѣлокурая, la bloie; дважды она предстаетъ на судъ свѣдущихъ людей, которые должны оцѣнить ея красоту сравнительно съ красотою жены Брунора и Женьевры; оба раза побѣда остается на ея сторонѣ, но намъ предоставлено угадать ея мотивы, ибо никакой обстоятельственности нѣтъ. Подлиннику славянскаго перескащика неизвѣстенъ былъ характерный эпизодъ стараго романа о Тристанѣ [1], который могъ-бы дать поводъ къ такому именно развитію: Тристанъ и Каэрдинъ наблюдаютъ, притаившись, за шествіемъ Изотты и ея свиты въ сценѣ, напоминающей шествіе Дюковой матушки и западныя параллели этого мотива [2]. Тамъ и здѣсь ожиданіе зрителя настроено: тамъ

---

[1]) Fr. Michel, Tristan, III, 3-й отрывокъ: Eilhard von Oberge (ed. Lichtenstein) v. 6458 слѣд.; Heinrich von Freiberg Tristan (ed. R. Bechstein) v. 4420 слѣд.

[2]) Сл. мои Южнорусскія былины, вып. II, стр. 160 слѣд.; 203 слѣд.

къ зрѣлищу невиданнаго величія и богатства, здѣсь къ откровенію ненаглядной красоты. Въ началѣ идетъ цѣлый рядъ прислужниковъ, съ гончими псами, конями и охотничьими птицами:

25 Vienent garzun, vienent vatlet,
Vienent seüz, vienent brachet
E li curliu e li veltrier
E li cuistruns e li bernier
E mareschals e herberjurs,
Cils sumiers....
Cils chevals palefreis [à destre]
Cils oisels qu'e[n] porte à senestre.

Ни королевы, ни ея приближенной Брангены еще не видно. Далѣе показываются прислужницы, портомойницы, постельницы, швеи.

39 A tant eis-lur les lavenderes,
Et les foraines chanberreres
Ki servent del furain mester,
Del liz aturner, del eshalcer,
Des draz custre, des chief laver,
Des altres choses aprester.

Вотъ она, восклицаетъ Kaerdins, думая среди прислужницъ узрѣть королеву. Нѣтъ, отвѣчаетъ Тристанъ. Шествіе дѣйствительно продолжается: за chanberlang тѣснится толпа рыцарей и дамъ, съ пѣснями и въ бесѣдахъ о любви:

51 De chevaliers, des dameiseles,
D'ensegnés, de pruz et de beles,
Chantent bels suns e pastureles.
Après vienent les dameiseles,
Filles à princes e à baruns,
Nées de plusurs regiuns,
Chantent suns e chant del[i]tus;
Od eles vunt li amerus,
Li enseignez e li v[ai]l[lanz],
De druerie vunt parla[n]z.

Еще разъ кажется Каэрдину, что̀ онъ видитъ Изотту, и опять это была ошибка. Наконецъ она явилась: вотъ она!

Такихъ драстическихъ сценъ сербскій романъ не знаетъ, какъ не знаетъ и знаменитой сцены, завершающей всю эту трагедію любви, мирящей съ тѣмъ, что въ ней могло казаться безнравственнымъ, искупающей цѣлую жизнь проступковъ страстнымъ движеніемъ послѣдняго акта. Тристанъ опасно раненъ, вызываетъ къ себѣ изъ-за моря Изотту, искусную лекарку, чтобы она полечила его. Онъ ждетъ не дождется ея, а ея соперница—жена увѣряетъ его, что корабль присталъ, а Изотты нѣтъ. Повѣривъ тому, онъ умираетъ въ тоскѣ, а Изотта является лишь за тѣмъ, чтобы упасть бездыханной на трупъ милаго:

Amis Tristans, quant mort vus vei,
Par raisun vivre puis ne dei,
Mort estes pur la meie amur,
E jo muir, amis, de tendrur [1]).

Психологическое значеніе этой развязки едва-ли могъ оцѣнить славянскій перескащикъ; не ему-ли принадлежитъ и мысль замѣнить её новой, необычной? Тристанъ раненъ на турнирѣ, вдали отъ Изотты, отъ которой приходитъ письмо: какъ рыба безъ воды не можетъ жить, такъ и я безъ тебя, пишетъ она ему. Онъ шлетъ къ дядѣ Марку съ просьбою — отпустить къ нему Изотту: пусть его полечитъ. Марко охотно отпускаетъ жену, и она, прибывъ къ Тристану, усердно принимается врачевать его. Умеръ-ли онъ съ тѣхъ ранъ, или выздоровѣлъ — не знаю!

Поэзія любви и красоты отразилась въ славяно-романской повѣсти блѣдными силуэтами; въ длинной вереницѣ приключеній и турнировъ, храбрыхъ рыцарей и влюбленныхъ царевенъ, напоминающей свиту Изотту, мы, безъ помощи западныхъ оригиналовъ, не нашли-бы, на комъ остановить глаза и не сказали бы: вотъ она! Такова судьба всѣхъ первыхъ откровеній: ихъ заслуга

---

[1]) Fr. Michel, l. c.

въ починѣ, не въ завершеніи; въ этомъ и заключается интересъ славяно-романскихъ повѣстей.

Ихъ матерьяльное вліяніе на составъ народно-славянскаго, особливо русскаго творчества, былъ незначителенъ: только повѣсть о Бовѣ подарила насъ народной сказкой, рядомъ новыхъ эпическихъ именъ (Бова, Полканъ, царь Задонскій) и «мечемъ кладенцомъ». Тристанъ, сохранившійся въ одной только рукописи и, вѣроятно, не имѣвшій особаго распространенія, не могъ оставить и отголосковъ; эпизодъ старофранцузскаго романа, который я привлекъ къ объясненію былины о Садкѣ [1]), не находится въ бѣлорусской повѣсти и самый разсказъ могъ зайти къ намъ не изъ бретонскаго цикла. Къ Троянскимъ Дѣяніямъ на Руси можно было-бы, но, разумѣется, подъ сомнѣніемъ, привязать образъ «Елены прекрасной» нашихъ сказокъ и побывальщинъ. Въ побывальщинахъ объ Алешѣ Поповичѣ она чередуется въ одной роли съ Настасьей царевной [2]); въ сказкахъ её *добываетъ* Иванъ царевичъ, противъ котораго злоумышляютъ его старшіе братья [3]), въ другихъ её *достаетъ* для царя Никита Колтома [4]), Иванъ или одинъ изъ семи Семіоновъ [5]); либо она сестра или жена Ивана, готовящая на него ковы изъ любви къ другому и въ наказаніе за то размыканная по чистому полю [6]); какой-то старикъ *выкралъ* её у отца у матери и продаетъ Ивану, которому она помогаетъ своимъ вѣщимъ знаніемъ [7]) — какъ и Иляна румынской сказки не только прекрасна какъ солнце, но и отвѣчаетъ извѣстному типу «мудрой дѣвы» [8]). Вниманіе останавли-

---

[1]) Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Декабрь, стр. 251 слѣд.

[2]) Сл. мои Южнорусскія былины, II стр. 397.

[3]) Аѳанасьевъ, Нар. русск. ск. № 102, 104; сл. Садовникова, Сказки и преданія Самарскаго края № 60.

[4]) Аѳанасьевъ, № 116 b; сл. № 133.

[5]) ib. № 84.

[6]) ib. № 118 a; 120.

[7]) Сл. мою статью: Мелкія замѣтки къ былинамъ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, Ноябрь, стр. 178—9.

[8]) Сл. мой отчетъ о сборникѣ Кремницъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 г., Январь, стр. 217.

ваютъ не столько нѣкоторыя подробности типа (любовь, увозъ), сколько постоянство эпитета: Елена прекрасная, Iléna Cosînţana, золотокудрая красавица румынскаго повѣрья [1]).

---

[1]) Сл. Arsenie, Noua collectiune de Basme sau istorii populare, 2 ed. стр. 5 слѣд.; Schott, Walachische märchen, № 17: Juliana Kosseschana.

I.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ О ТРОѢ.

Вопросъ объ источникахъ и развитіи троянской саги въ средніе вѣка уже создалъ цѣлую литературу. Укажемъ, для общаго обозрѣнія, на трудъ Joly [1]) и въ особенности на монографію Дунгера [2]), къ которымъ примыкаетъ рядъ спеціальныхъ изслѣдованій о Даретѣ и Диктисѣ, компендіозные разсказы которыхъ легли въ основу всѣхъ средневѣковыхъ поэмъ о Троѣ. Извѣстно, что по отношенію къ дошедшимъ до насъ латинскимъ текстамъ Дарета и Диктиса мнѣнія расходятся: одни полагаютъ, что они никогда не существовали въ болѣе подробныхъ версіяхъ, другіе заключаютъ о существованіи таковыхъ изъ разбора средневѣковыхъ поэмъ о Троянскихъ дѣяніяхъ, ссылающихся на Дарета и Диктиса и вмѣстѣ съ тѣмъ дающихъ, ссылаясь на нихъ, такія подробности, какихъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ текстахъ. Къ этому разногласію присоединилось и еще одно — въ вопросѣ о греческомъ оригиналѣ латинскаго сказанія, сохранившагося

---

[1]) Joly, Benoit de Ste More et le roman de Troie, ou les Métamorphoses d'Homère et de l'épopée gréco-latine au moyen âge. 2 vv, 1870—1.

[2]) Dunger, Die Sage vom trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihren antiken Quellen. 1869.

съ именемъ Диктиса, при чемъ одни считали его гипотетически возможнымъ [1]), другіе отрицали его существованіе.

Новая книга Грейфа [2]) хочетъ выяснить и устранить эти разногласія, являясь въ этомъ смыслѣ новымъ приращеніемъ литературы о Даретѣ и Диктисѣ; но такъ какъ по этому поводу автору пришлось разобрать цѣлый рядъ средневѣковыхъ произведеній, въ которыхъ вліяніе того и другого сохранилось или предполагается, его сочиненіе получило характеръ общаго обозрѣнія Троянскихъ сказаній въ литературахъ запада и Византіи. Согласно первой части задачи книга распадается на двѣ половины: поэты, пользовавшіеся текстомъ Дарета — во главѣ ихъ Benoît de Ste More — и подражатели Диктиса, въ ихъ главѣ Малала. Въ разборѣ каждаго произведенія, каждаго троянскаго сказанія выдѣляется доля заимствованія изъ Дарета и Диктиса и указываются другіе классическіе источники, которыми могъ пользоваться тотъ или другой авторъ: тутъ есть и Pindarus Thebanus, и Героиды и Метаморфозы Овидія, и Виргилій, и Гигинъ и т. п. Получается иногда такое впечатлѣніе, будто средневѣковые поэты работали съ цѣлой литературой въ рукахъ, съ библіотекой извлеченій, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ легче объяснить извѣстную долю классическихъ отголосковъ не изъ непосредственнаго знакомства съ древними авторами, а изъ цѣльныхъ утраченныхъ сказаній, въ которыхъ тѣ отголоски уже имѣли мѣсто. Примѣромъ можетъ служить оригиналъ славянской притчи о Троѣ съ ея частыми отзвуками изъ Овидія. Такое предположеніе кажется мнѣ необходимымъ, ровнѣе распредѣляя струю классическаго преданія и не заставляя средневѣковаго поэта работать при помощи эксцерптовъ, которые, по мнѣнію автора, простирались и на комментаріи Сервія и на глоссы къ древнимъ авторамъ (сл. стр. 105, 111). Идя такимъ путемъ надо будетъ допустить

[1]) Къ этому мнѣнію склонялся и я; сл. мою статью: Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Августъ, стр. 296.

[2]) Wilhelm Greif, Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage. Ein neuer Beitrag zur Dares- und Dictysfrage. Marburg, 1886.

и гипотезу Бугге, открывающую въ миѳологіи скандинавскаго сѣвера слѣды знакомства съ такой-же глоссарной литературой [1]).

Въ вопросѣ о Даретѣ и Диктисѣ общій результатъ, къ которому пришелъ изслѣдователь, слѣдующій: болѣе подробныхъ текстовъ приписанныхъ имъ сказаній, чѣмъ дошедшіе до насъ, не существовало, не существовало и греческаго Диктиса. Послѣднимъ авторъ занимается особо, въ пространной главѣ, посвященной Малалѣ (стр. 173—246), который самъ назвалъ источники своего отдѣла о Троѣ: Сизифа Косскаго, Диктиса и какого-то Домнина. Разбирая у Малалы то, что взято или могло быть взято у Сизифа, авторъ приходитъ къ заключенію, что Диктисъ пользовался тѣмъ-же источникомъ и рядомъ съ нимъ еще и другимъ, который Грейфъ пытается распознать въ текстѣ, выдѣляя въ немъ мѣста, обличающія любовь къ одному стилистическому пріему (сл. §§ 197, 200, 207, 210, 222; сл. стр. 241), стоящія въ тѣсной взаимной связи—и въ относительно слабой съ частями, заимствованными изъ Сизифа (= Малалы). Это — отрывки второго источника Диктиса, характеризуемые, какъ цѣлое, еще и выдающеюся ролью, которая дается въ Троянской повѣсти Паламеду. Авторъ выставляетъ гипотезу, что такимъ источникомъ могла быть упоминаемая Свидой Иліада Коринна, ученика Паламедова (сл. стр. 244). Стилистическій пріемъ, который имѣетъ въ виду Грейфъ, тотъ, что при разсказѣ о какихъ-нибудь «необычайныхъ событіяхъ дается возможность выбора между той или другой обусловившей его причиной» (стр. 205), напр.: Dict. I, 19: neque multo post, *irane coelesti an ob mutationem aëris* corporibus pertemptatis lues invadit; II, 30: *incertum alione casu an*, uti omnibus videbatur, *ira Apollinis* morbus gravissimus exercitum invadit; II, 34: *taedione an recordatione suorum;* IV, 4: permoti *querelis Rhodiorum an cupidine diripiendarum rerum* и т. д. Трудно представить себѣ, чтобы компендіатору, какимъ былъ псевдо-Диктисъ, пришло на мысль послѣдовательно сохранить въ своемъ латинскомъ сжатомъ пересказѣ излюбленный синтакси-

[1]) Сл. мои Разысканія VIII, стр. 353.

ческій оборотъ подлинника; еще труднѣе вмѣнить этотъ оборотъ ученику, или скорѣе, мнимому ученику Паламеда: ему приходилось разсказывать о подвигахъ своего героя, о которыхъ онъ зналъ, или мнилъ себя знающимъ, и къ усвоенному имъ характеру свидѣтели первой руки не пристали такія выраженія сомнѣнія или неувѣренности, какъ incertum — an и т. п.

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія Грейфъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (стр. 269—278) славянской повѣсти о Троѣ, которой касался, впрочемъ, и раньше (стр. 94—103, 105—6, 125—8, 148—9, 160—1).

Съ тѣхъ поръ какъ на латинскій переводъ славянской повѣсти, сдѣланный Миклошичемъ [1]), обращено было вниманіе Ф. Мейстеромъ при его изданіи Дарета [2]), западные ученые занялись этой версіей троянской саги и отыскали къ ней нѣсколько параллелей въ западной и классическихъ литературахъ (R. Köhler, F. Meister, Dunger, Mussafia), параллелей, которыя Грейфъ умножилъ и привелъ въ порядокъ, такъ что послѣ его свода нѣкоторые вопросы поставились на ново и яснѣе обнаружилось то, что еще остается въ области искомаго. Оказалось, что на извѣстномъ протяженіи разсказа наша славянская повѣсть идетъ параллельно съ цѣлымъ рядомъ западныхъ, число которыхъ увеличилось со времени изслѣдованія Грейфа; что, стало быть, всѣ онѣ почерпали изъ какого-нибудь общаго или сходнаго источника.

Грейфъ пользовался славянской повѣстью въ латинскомъ переводѣ ея текста, помѣщеннаго въ Ватиканскомъ спискѣ хроники Манассіи, переведенной на церковнославянскій языкъ по порученію болгарскаго царя Александра (1331—1365). Кромѣ этого списка, изданнаго Миклошичемъ (l. c.), извѣстенъ еще одинъ, также помѣщенный за храникой Манассіи: онъ находится въ рукописи С.-Петербургской Духовной Академіи = Новгородско-Софійской № 1497, XVI вѣка, описанъ А. Поповымъ [3]) и из-

[1]) Miklošić, Trojanska priča bugarski i latinski, въ Starine III (1871 г.).
[2]) De excidio Trojae historia. Lips. 1873.
[3]) А. Поповъ, Обзоръ Хронографовъ I, 125.

дается въ первомъ приложеніи къ настоящему очерку. Два хорватскихъ глаголическихъ текста были изданы Ягичемъ: одинъ въ отрывкѣ по ркп. XV-го вѣка[1]), другой, полный, по рукописи, съ помѣтками въ ней, позднѣйшей рукою, 1451, 1452 и 1552-хъ годовъ [2]). На Руси повѣсть наша внесена была въ хронографъ 1-й редакціи[3]); небольшой отрывокъ (судъ Париса) напечатанъ былъ Буслаевымъ[4]) по рукописи ему принадлежащей; краткій пересказъ, внесенный въ хронографъ особаго состава, помѣщенъ нами въ приложеніи подъ № 2; редакція, изданная Пыпинымъ[5]), съ ея сокращеніями и лишними эпизодами, заимствованными изъ другого источника, не представляетъ большаго подспорья къ возстановленію оригинала. Въ общемъ, во всѣхъ спискахъ текстъ повѣсти тотъ-же, если не считаться съ подновленіями языка, руссизмами русскихъ списковъ и сокращеніями, безъ которыхъ не обошелся и болгарскій текстъ. Въ виду этого полезно было-бы положить его, какъ наиболѣе древній, въ основу критическаго изданія, сближая съ Софійскимъ, принадлежащимъ къ одной съ нимъ рецензіи, и привлекая къ сравненію и другіе извѣстные доселѣ варьянты, среди которыхъ хорватскіе тексты Ягича представляютъ особую группу. Это упрочило бы и результаты сравнительно-литературнаго изученія, въ которомъ надлежитъ принять участіе и славянскимъ ученымъ.

Сообщая далѣе результаты, добытые сравненіемъ, я думаю тѣмъ самымъ облегчить ихъ будущую работу [6]).

---

[1]) Primĕri staroherv. jezika II (1866), стр. 180—4.

[2]) Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, 1868, стр. 57—72.

[3]) Сл. А. Поповъ, l. c. I, 220, 124 слѣд.; сл. II, 286—7.

[4]) Историческая христоматія церк. слав. и древ. русск. языка, стр. 977—8.

[5]) Очеркъ, стр. 306—316: по румянцевскому хронографу XVII в., № 456, съ варьянтами по румянцевскому-же хронографу № 459 и одной рукописи, находящейся въ частномъ владѣніи.

[6]) Текстъ (и латинскій переводъ) Миклошича цитуются далѣе: Micl.; Pril. = текстъ Ягича въ Prilozi; Prim. = Primĕri Ягича; Новгородско-Софійскій текстъ повѣсти (ркп. ПБ. Дух. Академіи № 1497) = Н.Соф.; Пып. = (Пыпинъ).

I.

Повѣсть начинается родословной троянскихъ властителей:

Пришедъ, Приидешъ (Micl.), Пришедъ (Н.Соф.), Придѣшъ (хронографъ 1-й редакціи), Придешь (Пып.), Приеш' (Pril. Prim.) = Phryx, Phrygius (* Фрижь).

|

Оилушъ, — а (Micl.), Өилуша (Н.Соф.), Илуш' (Pril.), Илоушь (Prim.) = Ilus.

|

Ламедонъ (Micl.), Ламеодонъ (Н.Соф.), Лавмедонъ (Pril. Prim.) = Laomedon.

|

Шарикоуша (Micl.), Ашарикуш' (Pril. Prim.) = Assaracus.

|

Дарданоуша (Micl., Н.Соф.), Дардануш' (Pril. Prim.) = Dardanus.

|

Троилоуша (Micl., Н.Соф.), Троилуш' (Pril. Prim.) = Troilus, Tros.

|

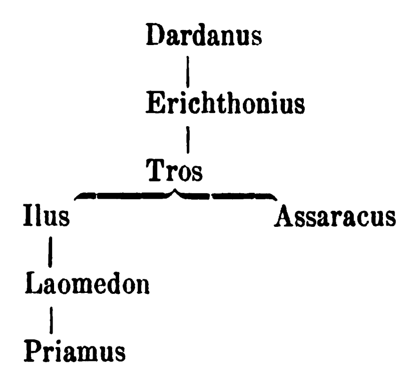
Прѣѩмоушь (Micl., Н.Соф.), Приѣмушь (Pril. Prim.) = Priamus.

Города, ими послѣдовательно построенные: Прижія (Micl.; Н.Соф.: Пружиꙗ; Pril.: Приħиѣ; Prim.: Прѣтиѣ) = Phrygia; Илиѡнъ (Micl. Н.Соф., Pril.) = Ilium; Ламедонія (Micl. Н.Соф.; Pril.: Лавмедониѣ); Шарикоушіа (Micl.; Pril.: Ашаракиѣ); Дарданіа (Micl. Н.Соф., Pril., Prim.); Троя [1]).

Запутанность этого родословнаго древа бросается въ глаза; древняя генеалогія (Apollod. III, 12) была другая:

---

[1]) Въ Preambulum ad Virgilianam historiam (Cod. Riccard 1233, XV вѣка) города, соотвѣтствующіе по названіямъ именамъ ихъ основателей и соединенные впослѣдствіи въ Трою, слѣдующіе: Dardania, Teucria, Troia, Ilo, Antenorida. Сл. Parodi, I rifacimenti e le traduzioni italiane dell'Eneide di Virgilio prima del rinascimento, Studj di filologia romanza, fasc. 5, стр. 197.



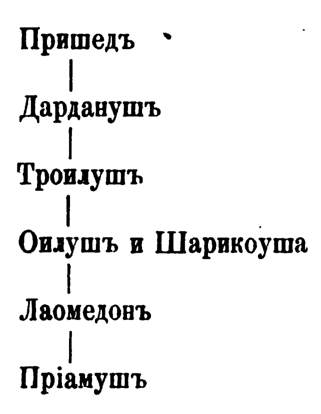
(Дарданія, Троя — названіе областей, χώρα; Ilium — города). У Диктиса (ed. Meister, IV, 22; I, 9) эта родословная измѣнена въ томъ смыслѣ, что Ассаракъ является не братомъ, а племянникомъ Ила отъ сестры Клеопатры. Въ средневѣковыхъ генеалогическихъ росписяхъ, разнообразія которыхъ я не берусь здѣсь исчерпать, древнія отношенія возстановляются: у Villani (I c. 10—12), Malespini (cc. IV и V), у Franceschino degli Albizzi и Forese dei Donati [1])—Ассаракъ и Илъ или Иліонъ снова братья, Tros названъ Troio (Villani) или *Троиломъ* (Malespini); Дарданъ поселяется во Фригіи (Villani; у Malespini: Africa), названной такъ по имени Friga, потомка Яфета (Villani). Сл. генеалогію въ прозаической передѣлкѣ романа Бенуа:

Frigus, — a, строитель города Frige
(сл. Пришедъ, Прижіа)
Dardanus
|
Erictonius
|
Tros
|
Ylus
|
Laomedon

---

[1]) Hortis, Studj sulle opere latine del Boccaccio, стр. 541.

Мы можемъ теперь объяснить родословную путаницу нашей повѣсти. Frigus, — а = Пришедъ привлеченъ въ родъ Дардана по смежности; Ерихтоній опущенъ, какъ и у Диктиса Tros является въ одномъ мѣстѣ не его сыномъ, а сыномъ Дардана[1]); Илъ и Ассаракъ были братьями, сыновьями Tros'а — Троила, но въ подлинникѣ нашей родословной были поставлены такъ, что сначала шелъ Илъ съ сыномъ Лаомедонтомъ, а затѣмъ Ассаракъ; эта послѣдовательность въ рукописи могла быть принята за генеалогическую, и Ассаракъ понятъ какъ сынъ — Лаомедонта. Наконецъ Дарданъ съ Троиломъ попали не въ свое мѣсто, можетъ быть, уже въ древнѣйшемъ текстѣ перевода. Въ его оригиналѣ послѣдовательность была такая:



Грейфъ (l. c. стр. 269) полагаетъ, что родословная нашей притчи, записана авторомъ по памяти. Авторомъ чего? Славянскаго текста или его искомаго источника? Грейфъ нерѣдко вмѣняетъ первому, что мы можемъ приписать лишь второму[2]). Работалъ-ли послѣдній въ данномъ случаѣ по воспоминаніямъ или слѣдуя какому-нибудь подлиннику — этотъ вопросъ я оставляю въ сторонѣ. Тѣми и другимъ можно одинаково объяснить топо-

---

[1]) У Armannino въ его Fiorita'ѣ Троилъ, отецъ Ассарака, не сынъ, а зять Дардана.

[2]) Сл. по этому поводу замѣчаніе Ягича въ его статьѣ: Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtlicher Einleitung, въ Archiv f. slav. Philologie II, стр. 25.

графію мѣстности, гдѣ поставленъ городъ Прижія: съ одной стороны «великое море», съ другой рѣка Ксанѳъ (Micl. Кашантоуша, Н.Соф. Кашандуша; Pril. Шанктуш, Prim. Шанак'тоушь; Пып. и хронографъ 1-й редакціи: Скомандра), съ третьей море, «кое сѧ зовѣше Пелешино море» (Micl. Н.Соф., хронографъ 1-й редакціи; Prim.: рѣка именемь море Пелешино), съ четвертой «лѫгъ, еже сѧ зовѣше Доудома лѫгъ» (Micl. Н.Соф. Пып. хроногр. 1-й редакціи; хронографъ южно-русскій у А. Попова, l. c., II, 286: Додома; Prim. лоуг' Лодома; Pril.: луг трд' веле), съ пятой «жиндолъ, на коемь растѣху цвѣти многоразличнии» (Micl. Н.Соф.; Pril. дол инћиин', в' ком' растѣше много племенита цвѣтѣ; Prim.: доль инћиинь, на комь растеше много чвѣт'и различнихь; хронографъ 1-й редакціи: юдоль; Пып. 307: удоль).— Какъ Ксенѳъ, такъ и жиндолъ и лѣсъ («лугъ) Дудома и Пелешино море представляются топографическими обозначеніями, которыя приходится разгадывать. Жиндолъ, дол инћиин' — можетъ быть: Идинъ долъ, Idaea vallis; въ европейскихъ параллеляхъ къ первой части нашей повѣсти («юность Париса») мѣстомъ дѣйствія является Ида. Интересно разночтеніе Pril. Prim.: долъ *инћиинъ*, невольно напоминающее *Inde* = Иду у Benoît de Ste More, своеобразно понятое у Guido delle Colonne: in minore *India*. — Лѣсъ Доудома — Δίνδυμον ὄρος? [1]) — Пелешино море, очевидно, стоитъ въ связи съ Фелешей, Пелешей, встрѣчающейся далѣе въ текстѣ. О ней говорится, что она вила и пророчица, «коя обладаше морскыми влънами и вѣтромъ» (Micl.; Н.Соф.: Ѳелеша); Пып. 310: «нѣкаꙗ жена именемъ Велеша, волхвующи, еяже пророчицу нарицаху, иже обладаше волшеніемъ морскими волнами»; Pril. ничего не говорятъ объ ея отношеніяхъ къ морю, ограничиваясь упоминаніемъ: «Пелеше госпое», «Палеш' госпа». У нея витязи Агамемнона убили «кошоутѫ», она воздымаетъ противъ грековъ бурю и её должны умилостивить принесеніемъ въ жертву «Цвѣтаны» = Ифигеніи (Micl.; Pril. Цвенуажия).

[1]) Dunger въ Jahrbücher f. class. Philologie, hrsg. von Fleckeisen, XIX Jahrg. (1873), стр. 566, склоненъ видѣть въ *Доудома* — *Idaeum* (nemus).

Дѣло идетъ, стало быть, объ Артемидѣ-Діанѣ; при общемъ взглядѣ нашей повѣсти на боговъ, какъ на пророковъ и волхвовъ, на богинь, какъ на вилъ, буря, поднимаемая Діаной, была обобщена, и богинѣ вмѣнена особая власть надъ волнами и вѣтромъ. Это объяснило-бы намъ отчасти и названіе моря — Пелешинымъ, если бы самое имя Пелеша, Палеша (Фелеша съ *ф* вмѣсто *п*, какъ Фарижь у Пып. 307 вмѣсто Парижъ Micl.) = Діана было ясно[1]. Не было ли смѣшенія съ Палешъ = Pallas, являющейся въ эпизодѣ о судѣ Париса? Она приходитъ на свадьбу Пелея = Пелешь, съ нею Юнаа (Micl.; Н.Соф.: млада; Pril.: Юношь) и Венуша (Micl. Н.Соф. = Venus): «три вилы пророчицѧ, коѧ бѣхѫ наилѣпшѧѧ вь *морскыихъ отоцѣхъ*» (Micl., Н.Соф.). Подъ морскими отоками въ оригиналѣ славянской повѣсти могли разумѣться острова Нереидъ, куда на свадьбу Пелея явились и три богини; Нереиды отождествились въ славянскомъ народномъ повѣрьѣ — съ морскими вилами; переводчику принадлежитъ, быть можетъ, только перенесеніе этого представленія на богинь, пришедшихъ на Пелееву свадьбу, которымъ онъ вмѣнилъ и прозвище «пророчицъ», относившееся первоначально къ Нереидамъ. Въ подтвержденіе этой гипотезы приведу слѣдующій разсказъ изъ Цвѣтника (Fiorita) Armannino giudice di Bologna, XIV вѣка (по ркп. Laur. 50 Plut. 89 inf.): Теламонъ и Пелей, сыновья критскаго короля Еака, выселяются: первый въ Experia magna (f. 33 a), другой въ Абруццы (f. 33 b). Пелей (f. 35 a) «udì dire allà gente latina che nelle parti d'Asya maggiore era uno re che Nereo havea nome. Questo havea cinquanta figliuole savie *indovine* e in ogni arte scientiate per le quali indovinare si puote per alcuna maniera e maggiormente per la igromantia. Queste habitavano in *Ysole di mare*..., ove loro

---

[1]) Dunger, l. c. стр. 566 и 567 объясняетъ *Пелешино море* изъ Ov. Metam. XI, 195: Citra *pontum* .... *Helles*, а представленіе *Пелеши* владычицей волнъ и вѣтровъ — въ связи съ Ov. Metam. XII, 36 слѣд., гдѣ по поводу отплытія греновъ говорится: ergo ubi, qua decuit, lenita est caede Diana — *Et pariter Phoebes, pariter maris ira recessit.*

arte meglio soperava». Пелей отправляется на *ysole nereite*.... Queste donne chiamano gli auctori[1]) *nimphe e dee del mare*, però che loro arte per idromantia operavano in quello castello». Вилы пророчицы на морскихъ островахъ обобщены, вѣроятно, изъ вѣщихъ (indovine), волхвующихъ Нереидъ, обитавшихъ in ysole di mare. Упрекая Париса, Энона говоритъ ему, что еслибъ знала о его вѣроломствѣ, умолила-бы «*морскую вилу*» воздвигнуть на него бурю, что̀ отвѣчаетъ у Ov. Her. V, v. 57: *virides Nereïdas*.

За разобраннымъ нами генеалогическимъ введеніемъ (Micl. § 1) начинается самая повѣсть. Я разберу особо ея первые эпизоды= юность Париса (Micl. § 2), ибо здѣсь именно можно услѣдить и въ нашемъ текстѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ отраженіе общаго оригинала.

1. У Якупы (Micl. Н.Соф.; Pril., Prim. Ѣкоупа; Пып. Якама), жены Пріама (Micl. Прѣѩмушь, Прѣѩмь; Н.Соф. Пріамушь; Pril., Prim. Приѣмоушь), былъ вѣщій сонъ: будто она родила головню, которая, вознесясь на небо, пала въ море, откуда вылетѣли искры, «и падоша на Трои, и погорѣ Троѩ градъ» (Micl. Н.Соф.; Pril. Prim.: до фундомен'та). Она говоритъ о томъ мужу, который призываетъ «пророкы и вльхвы (Micl. Н.Соф.; Pril. мештром', Prim. мештре), мѫдрьцѧ (Micl. Н.Соф.; Pril. властели, Prim. пророки) и нижнѧѧ люди» (Micl.; Н.Соф. болѩрѩ и нижнѩа люди) и совѣтуется съ ними. «Пророци» (Micl., Н.Соф.; Pril. Prim. мештри) толкуютъ, что у него родится сынъ, отъ котораго погибнетъ Троя (Pril. Prim. прибавляютъ: до фудомента). Пріамъ говоритъ женѣ, что когда родится у нея сынъ, пусть велитъ убить его, но мальчикъ родился столь прекраснымъ, что мать не въ силахъ это сдѣлать: повивъ его въ шелковыя ткани, положила къ нему много золота и серебра и велѣла одному юношѣ (Micl. Н.Соф.; Pril. Prim. юнаку) отнести и покинуть его далеко отъ Трои. Ребенка находитъ пастухъ, у котораго только что родился мальчикъ; онъ от-

[1]) На поляхъ помѣтка: Virgilio, Statio Achilleidos.

носитъ найденыша къ женѣ и называетъ его «Парижь Пастыревичищь» (Micl. Н.Соф.); Micl. = Н.Соф., вѣроятно, производитъ собственное имя отъ нарицательнаго (пастыревичищь); такъ и Pril., только здѣсь этимологія другая: «издѣ му име Париж', за-ч' растѣше како и париж' (= фарижъ. Сл. въ текстѣ Миклошича = Пып., наоборотъ: Paris = Фарижь) искружив' шию, а ки син' бѣше влащи, та растѣше како всако дѣте»; сл. Prim.: «изде моу име Парижь, ер растише искроуживь шию како фарижь. А ко си бѣше влащи синь, растише ѣко и дроуго дѣте».— Когда Парису было семь лѣтъ, онъ съ товарищемъ «играахѫ около добытка» (Micl., Н.Соф.); «Парижь сваждааше два волы, и бодѣхѫ сѧ, и кои прѣмагааше, тому виаше вѣнецъ ѡтъ цвѣтіа, а кои не прѣмагааше, томоу виаше ѡтъ сламы и полагааше имъ на рогу» (Micl. Н.Соф.; Prim. вм. вѣнецъ = кроуницоу, Pril. коруну; Пып.: отъ масличія). Pril. прибавляетъ: И Парижъ дѣлаше куч'му, а други та син' дѣлаше бат'; Prim.: Парижъ дѣлаше коуч'мицу, а дроуги синъ пастиревъ вделаше бащиноу.— Micl., Н.Соф. продолжаетъ: «И егда бѣше юноша Парижь, хождааше съ добрыми витезы и играаше, и прѣмагааше ихъ вьсакой игрѣ, и ту прободе единого витезѧ за щитъ прѣдъ краіемъ Априлежемъ»; Prim.: еднога витеза именемь Щита предь Апиешемь кралемь; въ Pril. то-же: пребори еднога витеза, именем' Щита; имя царя — Пріамъ; у Пыпина имени нѣтъ, «прободе за щитомъ единаго витязя».

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ я слѣдую порядку Micl. = Н.Соф.; въ Pril. = Prim. послѣдовательность другая.

Въ это время Фелешь краль (Micl.; Н.Соф. = Ѳелешь; Prim. Пелеоушь; Pril. Пелешин' = Peleus) женится на Тетишѣ (= Thetis) и зоветъ на свадьбу витязей и юнаковъ, Париса (такъ и у Пып.; въ Prim. нѣтъ) и добрыхъ госпожъ и трехъ вилъ пророчицъ; только одну госпожу не позвалъ, именемъ «Диевошькордиа» (Micl. Н.Соф.; Pril. нѣтъ; Prim. Дишекор'ди = Discordia), ибо она, «гдѣ идѣше, все свадѫ строаше». Она мститъ за это: «сковала» золотое яблоко и велѣла его забросить въ «овощникъ»

(Micl., Н.Соф.; Pril. Prim.: травникъ) короля Пелеша, а на яблокѣ было написано, что оно назначено красивѣйшей изъ трехъ богинь. Послѣ обѣда (Micl., Н.Соф.: и вьземѣхѫ оуброусы ѡтъ стола) витязи играють на фарижахъ, госпожи идуть въ садъ; яблоко найдено, три «сестреницы» начинають о нихъ спорить — и переносять судъ въ Трою передъ «Тебоха бога» и «Ипитера пророка» (Micl. Н.Соф.; Pril. только: Юп'тера бога, Prim. Юпитера бога). Онъ отказывается отъ суда и отсылаетъ богинь назадъ къ Парису. Pril. = Prim. объясняетъ причину отказа: «за-ч' ми е Юнош' жена, а Палеш' невѣста, а Вѣнуш' сестра» [1]).— Парисъ велитъ имъ раздѣться; онѣ предстали передъ нимъ въ однѣхъ «ризахъ» (Micl., Н.Соф.; Pril. кошулах'), и каждая прельщаетъ его: «Юнаа» (Micl.; Н.Соф. млада; Pril. Юнош') обѣщаніемъ богатства, Палешъ — побѣды, Веноуша (Micl., Н.Соф.; Pril. Вѣнуш') — любви: она дастъ ему «добрѫ госпождѫ Еленѫ», жену царя «Менелаоуша» (Micl. Н.Соф.), красивѣйшую во всѣхъ грекахъ, даетъ новое имя: Александръ и открываетъ, чей онъ сынъ. Парисъ присуждаетъ ей яблоко, обвеселился сердцемъ, идетъ проститься съ своимъ пріемнымъ отцемъ и затѣмъ въ Трою, гдѣ на рѣкѣ Ксанѳѣ встрѣчаетъ Энону: Оинеоушь, Оинешь Micl., Венеушь Micl. и Н.Соф., Ионеш' Pril. Онъ говоритъ ей: «Госпожде Венеоушь, люби мѧ, да тѧ люба. И ѡтъвѣща емоу Оинешь: ѡ Алеѯандре Фарижю, нинѣ мѧ любишь, нѫ пріидеть врѣмѧ, и оставиши мѧ. И рече еи Алеѯандръ: ѡ госпожде Оинеуше, не хощѫ азъ тебе оставати; егы ли тѧ оставѧ, тогы снази рѣка Кашантоуша вьспѧть да потечетъ. И постави с неѧ прьвое любве, и вьзѧ ѡтъ неѫ вѣнецъ» (Micl. Н.Соф.; Pril.: коруну).

Въ связи съ пересказаннымъ эпизодомъ нашей повѣсти о «юности Париса» мы разберемъ его западныя параллели [2]).

[1]) Глаголическій отрывокъ, напечатанный въ Primĕri и, очевидно, принадлежащій къ одной редакціи съ текстомъ Prilozi, на этомъ оканчивается. Послѣднія слова: «Придите пред' Парижа пастиревища, онъ вам' соуди».

[2]) Бо̀льшая часть изъ нихъ уже была принята въ разсчетъ Грейфомъ; итальянскія параллели заимствованы изъ работы Горры: Egidio Gorra, Testi

Основой имъ послужило классическое преданіе, на сколько оно было извѣстно въ средніе вѣка. О вѣщемъ снѣ Гекубы (fax) говоритъ Овидій Her. XVI, 237 слѣд.[1]); о его низменной долѣ въ юности (servus, pastor) Her. V, 12, 79, вся посвященная горестнымъ воспоминаніемъ нимфы Эноны о ея любви къ пастуху Парису: часто они покоились подъ сѣнью дерева, среди стада; она показывала ему чащу, гдѣ водится дичь, разставляла сѣти, водила на привязи его охотничьихъ псовъ, а Парисъ вырѣзалъ въ корѣ деревьевъ имя своей милой, клялся въ вѣчной вѣрности:

> 29 Cum Paris Oenone poterit spirare relicta,
> Ad fontem Xanthi versa recurret aqua.

Послѣ суда надъ богинями и обѣщанія Венеры все измѣнилось, и Парисъ покинулъ Энону для другой красавицы. Развѣ она его не достойна?

> 85 Dignaque sum et cupio fieri matrona potentis:
> Sunt mihi, quas possint sceptra decere, manus.

Правду говорила ей Кассáндра:

> 115 Quid facis, Oenone? Quid harenae semina mandas?
> Non profecturis littora bubus oras.

Когда-то любилъ её «conspicuus Troiae munitor (139), лишилъ ея дѣвственности и наградилъ чудеснымъ даромъ врачеванія;

> 149 Me miseram, quod amor non est medicabilis herbis!

---

inediti di Storia trojana preceduti da uno studio sulla leggenda trojana in Italia. Torino, Triverio 1887.

[1]) Иначе у Сервія in Virg. Aen. II, 32: Геленъ, сынъ Пріама, вѣщаетъ quadam die nasci puerum, per quem Troia posset everti; когда послѣ того родили въ одно время Гекуба и жена Thymoetae, Пріамъ велитъ убить послѣднюю вмѣстѣ съ ея сыномъ. У Аполлодора III, 12, 3 слѣд. сонъ Гекубы толкуетъ сынъ Пріама Αἴσακος; мальчикъ, по повелѣнію отца заброшенъ на Идѣ служителемъ Агелаемъ; въ теченіи пяти дней его кормитъ медвѣдица, послѣ чего Агелай находитъ его, воспитываетъ дома, выдавая за сына, и даетъ имя Париса. Имя Александра онъ получилъ «λῃστὰς ἀμυνόμενος καὶ τοῖς ποιμνίοις ἀλεξήσας, ὅπερ ἐστὶ βοηθήσας· καὶ μετ᾽ οὐ πολὺ τοὺς γονέας ἀνεῦρε.

На возвращеніе Париса въ Трою и на признаніе его братьями намекаетъ Сервій in Verg. Aen. V, 370: sane hic Paris secundum Troica Neronis fortissimus fuit, adeo ut in Troiae agonali certamine superaret omnes, ipsum etiam Hectorem. qui cum iratus in eum stringeret gladium, dixit se esse germanum: quod adlatis crepundiis probavit qui habitu rustici adhuc latebat. Гигинъ (fab. 91: Alexander Paris) указываетъ мѣсто этому эпизоду въ исторіи «юности» Париса: вѣщій сонъ Гекубы (fax), истолкованный волхвами (conjectoribus); ребенка велятъ убить; quem satellites misericordia exposuerunt, [eum] pastores pro suo filio repertum expositum educarunt eumque Parim nominaverunt. Is cum ad puberem aetatem pervenisset habuit taurum in deliciis. Quo cum satellites missi a Priamo ut taurum aliquis adduceret venissent, qui in athlo funebri, quod ei fiebat, poneretur, coeperunt Paridis taurum abducere. Qui persecutus est eos et inquisivit quo eum ducerent. illi indicant se eum ad Priamum adducere qui vicisset ludis funebribus Alexandri. Ille amore incensus tauri sui descendit in certamen et omnia vicit, fratres quoque suos superavit. Indignans Deiphobus gladium ad eum strinxit, at ille in aram Iovis Hercei insiluit. Quod cum Cassandra vaticinaretur eum fratrem esse, Priamus eum agnovit regiaque recepit. — У Овидія Her. XV слѣд. самъ Парисъ намекаетъ на этотъ эпизодъ:

357 Paene puer caesis abducta armenta recepi
Hostibus, et *causam nominis inde tuli*,

послѣ чего говорится о его борьбѣ съ братьями, Деифобомъ и Иліонеемъ:

359 Paene puer iuvenes vario certamine vici,
In quibus Ilioneus Deïphobusque fuit,

какъ и въ одной глоссѣ къ Her. XV, 360 (Dunger у Greif'a, стр. 105) разсказывается о побѣдоносномъ боѣ Париса съ Гекторомъ. Для насъ важно показаніе Овидія, что Парисъ получилъ свое имя по случаю побѣды надъ врагами (caesis hostibus),

уводившими его быковъ (abducta armenta). Вѣроятно, имѣется въ виду истолковать его имя — Александръ; къ имени Париса толкованіе въ указанной связи подыскать трудно, если не предположить, что уже въ древности знакомъ былъ сюжетъ легенды о судѣ надъ быками, съ которымъ средневѣковые его пересказы обыкновенно соединяютъ кличку — Париса. Диктисъ (III, 26) его еще не знаетъ; его краткая передача легенды говоритъ о снѣ Гекубы, воспитаніи Париса у пастуховъ на Идѣ, съ замѣткой: eum iam adultum, cum res palam esset, ne hostem quidem quamvis saevissimum ut interficeret pati potuisse: tantae scilicet fuisse eum pulchritudinis atque formae. Онъ женится на Энонѣ; желаніемъ увидѣть чужія страны мотивируется его отъѣздъ — и похищеніе Елены.

Около 1152 года Simon Capra Aurea (Chèvre d'or) написалъ въ двухъ книгахъ свою Ilias, извлеченія изъ которой помѣщены были въ Histoire litt. de la France, t. XII, стр. 487 слѣд. Отрывокъ другой латинской Иліады, напечатанный Leyser'омъ[1]) и предположительно приписанный имъ Гильдеберту Турскому, воспроизводитъ первые 153 стиха Иліады Симона, за которыми слѣдуетъ, но другимъ метромъ, разсказъ о паденіи Трои и судьбахъ Энея, тождественный съ напечатаннымъ Du Méril'емъ въ его Poésies latines antérieures au XII siècle, стр. 400 слѣд. Вторая книга Симона также говоритъ о судьбахъ Энея до смерти Турна, слѣдуя Виргилію; первая воспроизводитъ отчасти очертанія нашей повѣсти: сонъ Гекубы; Пріамъ велитъ служителямъ отнести новорожденнаго на Иду и тамъ убить его; убійца остановленъ въ своемъ намѣреніи улыбкой малютки и покидаетъ его (27 sub foliis vivum linquit). Здѣсь находитъ его пастухъ.

Extrahit, adspectat, nutrit, adoptat, habet.
Qui pastoris oves pastor dum pascit adultus,
Conveniunt ad eum Juno, Minerva, Venus,

[1]) Leyser, Historia poetarum et poematum medii aevi (Halle, 1721) p. 399 слѣд.; Troilus, ed. Merzdorf, Lpz. 1875 (въ приложеніи); сл. Parodi, l. c., стр. 350 слѣд.

Judicium Paridis quae sit pulcherrima quaerunt,
Promittunt etiam munera quaeque sua:
Juno decus, Pallas vires, Cytherea puellam:
Sed Veneri tribuit vincere, victus ea.

Царь подозрѣваетъ, что юноша его сынъ: онъ такъ на него похожъ.

Remque probans veram per servos vera fatentes,
Germanis Paridem reddit honore parem.
Ductus amore pater, vel matris somnia ducit
Vana, vel in melius vertere vera studet.

На сходство этого разсказа, внесеннаго частями, въ передѣлки романа Benoît de Ste More[1]), съ эпизодомъ въ Crónica Troyana испанца Pedro Nuñez Delgado обратилъ вниманіе уже Муссафія [2]). Я начну съ испанскихъ версій повѣсти, предпочитая группировку по народностямъ хронологической, которую трудно провести. Что особливо сближаемъ Delgado съ рецензіей Симона, это—подробность о смѣхѣ мальчика-Париса. Испуганный зловѣщимъ сномъ жены царь велитъ конюшему взять и убить ребенка, «mas las parteras que tal hecho conocieron, quando vieron tan apuesta criatura, hablaron con el escudero que non lo matasse, mas que lo diesse a criar secretamente. Maz dize el Virgilio que llevandolo á matar e stando allí donde le avia de matar, echando mano al cuchillo para lo degollar, que el niño se rió con una cara tan alegra que no oviera hombre que no tomara dél manzillo. Y quando el escudero aquello vió, fue muy espantado, ca la natura no otorga a ninguna criatura reyr antes de los quarenta dias, y dixo assi: Pues la natura tanto obro en ti,

[1]) Jean Malkaraume (XIII в.) внесъ въ свой пересказъ романа сонъ Гекубы и эпизодъ объ Энонѣ (о немъ сл. далѣе); Les livres des histoires du commencement du monde (Ms. 31 Bibl. nat. de Paris) говорятъ о рожденіи и признаніи Париса. Сл. Joly, l. c. I, стр. 13—14; Greif, l. c., p. 94 прим.*; Gorra, l. c., стр. 330.

[2]) Сл. Mussafia, Ueber die spanischen Versionen der Historia Trojana, въ Sitzungsberichte d. Wiener Ak. d. W., philol. hist. Cl. 1871, p. 39 слѣд. Сл. Morel-Fatio, Romania IV, p. 83 слѣд.

á mi demandaran los Dioses á este pecado. Y dexó el niño en una mata allí en el monte, y llamávase aquella montaña de Frigia, y era del rey Tantalo» (l. III, c. 1). Слѣдующая глава говоритъ о бракѣ Париса съ Эноной, señora del monte Pelio, третья — о судѣ Париса надъ богинями[1]).

Романсъ Lorenzo de Sepulveda[2]) обработалъ тотъ-же сюжетъ, но съ характерною подробностью, съ которой мы не рѣдко будемъ встрѣчаться: сонъ Гекубы, Пріамъ велитъ убить мальчика, но мать тайно отдаетъ его пастухамъ, и онъ пасетъ на Идѣ Пріамова стадо:

Quando lidiaban dos toros
Al vencedor de buen grado
Con corona de vitoria
Era por el coronado:
Dicen que es justo juez,
Paris todos le han nombrado

Слѣдуетъ его любовь къ Enome, и ея сѣтованія, когда, признанный царскимъ сыномъ, онъ её покинулъ. По содержанію къ этому романсу примыкаетъ другой, анонимный, отнесенный Дураномъ[3]) къ началу XVI вѣка. Сюжетъ—Судъ Париса—обработанъ въ рыцарскомъ стилѣ: являются Don Paris и don Héctor; запѣвъ народнаго характера:

Por una linda espesura
De arboleda muy florida
Donde corren muchas fuentes
De agua clara muy lucida,
Un rio caudal la cerca
Que nasce dentro en Turquía
En las tierras del Soldan
Y las del gran can Suría:
Mil y quinientos molinos
Que d'él muelen noche y dia,

---

[1]) Mussafia, l. c., p. 21, 25.

[2]) Cл. Duran, Romancero general I № 468 (изъ Romances nuevamente sacados изд. 1566 и 1580 г.).

[3]) l. c. № 469.

Quinientos muelen canela
Y quinientos perlas finas
Y quinientos muelen trigo
Para sustentar la vida.
Todos eran del gran Rey,

отца Париса, который заснулъ въ цвѣтущей чащѣ и видитъ въ грёзахъ, что къ нему явились три богини и просятъ его рѣшить, кто изъ нихъ нрекраснѣе. Яблока раздора нѣтъ; богини обращаются къ юношѣ съ словами:

Pues che sois tal caballero
Digno en la *sabiduria*,
Estad con ojos abiertos,
Derpertad la fantasia.

Парисъ проситъ богинь разоблачиться и отдаетъ первенство Венерѣ. Неясно, въ сновидѣніи или нѣтъ происходитъ судъ Париса; первое отнесло бы насъ къ Дарету; но въ романѣ богини побуждаютъ Париса: открой глаза, разбуди фантазію.

Перейдемъ къ итальянскимъ пересказамъ легенды о юности Париса.

Въ Chronicon Altinate (XIII в.) по дрезденскому списку [1]) она начинается сномъ Гекубы; узнавъ о его содержаніи Пріамъ велитъ, чтобы ему показали имѣвшаго родиться ребенка, quia volebat, etiam si lapis esset, terere vento, quam proicere; но мать тайно отсылаетъ его на воспитаніе своему пастуху (vacario), а Пріаму показываетъ другого мальчика (iuvenem pulcherrimum manutergio involutum presentari fecit Priamo; quem ut vidisset, ventoque sufflavit). Парисъ выростаетъ у пастуха, стережетъ его стадо; grege vero illo custodiente, duodecim latrones insultum fecerunt, ac vitulos necare ceperunt. In quos irruit, eosque prostravit, et spolia eorum presentavit: inde ille gaudens securus, eiusque gregem commisit. Parvo post transacto tempore [quum] quidam vicini sui gregis taurus suo cucurisset in prelium et accidisset ut suus vicisset vicinum: ille nempe recte diiudicans, florum

[1]) Нап. въ Archivio storico italiano, Appendice, t. V (1847), стр. 37—8.

coronam victoris imposuit cornibus; victus in properium taurus in longinquis recessit et maioribus arboribus, quas movere nequibat, circa ipsas tam diu pavit, quam usque eas cornibus movere potuit: deinde ad gregem rediit et de victore victoriam habuit. Moxque Paris de capite suo diadema abstulit, et illius fronti constituit. Cuius famà per universa climata divulgata: omnes mirabantur tam *recta consilia*. — Разсказъ переходитъ къ свадьбѣ Прозерпины съ Периѳоемъ: въ этомъ хроника расходится съ другими версіями разсказа, говорящими о свадьбѣ Пелея. Не позванная на праздненство Дискордія бросаетъ среди гостей золотое яблоко съ надписью: Pulcriori debetur, вызывая тѣмъ распрю трехъ богинь; онѣ обращаются за судомъ къ Парису, *qui recte diiudicans coronam dedit vincenti tauro*. Relictis ergo nupciis, properaverunt favere sententie iudicis. Парисъ проситъ ихъ повременить и явиться къ нему на слѣдующій день. Ceteris illis recedentibus, non post multam oram Venus, prout suis negotiis erat studiosa, se nudam Paridi presentavit: quam ut vidit, in eius amore exarsit, et illam victricem promisit, si satisfaceret eius petitioni. Illa terreno homini commisceri (ркп. commiseri) non esse licitum dixit, et Elenam pulcherrimam, Menelay uxorem, spopondit, si tamen litis victoriam obtineret. Парисъ отдаетъ преимущество красоты Венерѣ; cuius consilio cognitus est a Priamo et ex nemore portatus est in regale palatium.

Нѣкоторыя особенности этого разсказа разобраны будутъ нами по поводу другихъ версій легенды, разнообразящейся въ мелочахъ, развитіемъ либо умолчаніемъ того или другого эпизода. Бокаччьо[1]) напр. не знаетъ «боя быковъ»; разсказъ (ссылающійся на Цицерона in libro de divinatione) развивается такимъ образомъ: сонъ Гекубы; ребенка Пріамъ велитъ убить, слѣдуя оракулу Аполлона. Парисъ воспитывается среди пастуховъ на горѣ Идѣ, гдѣ приживаетъ съ нимфой Эноной двухъ дѣтей; въ Commento они названы: Dafne и Ideo; «e dimorando in abito pastorale in quella

[1]) Commento II p. 43—46 (Firenze 1831); Genealogia degli Dei (Venetia 1564), libro VI, p. 105—106; De claris mulieribus c. XXXV.

selva, addivenne un grande e famoso *giudice*, e ogni quistione tra qualunque persona con maravigliosa *equità* decideva. Per la qual cosa perduto quasi il vero nome, cioè Alessandro, era da tutti chiamato Paris, quasi *equale*. Свадьба Пелея, споръ богинь, которыхъ направляетъ къ Парису Юпитеръ: andate in Ida e quivi à un *giustissimo uomo* chiamato Paris, quegli giudicherà, qual di voi ne sia più degna. Судъ происходитъ въ части лѣса на Идѣ, что зовется Mesaulon. — Бой въ Троѣ разсказанъ по Сервію; молодой пастухъ побѣждаетъ въ состязаніи всѣхъ троянцевъ, чѣмъ вызываетъ гнѣвъ Гектора, бросающагося на него съ ножемъ. Парисъ спасается восклицаніемъ: Я братъ твой! О своемъ происхожденіи онъ узналъ отъ пастуховъ, убѣждаетъ же въ томъ родныхъ, предъявляя имъ crepundiae, которыя Гекуба положила къ нему, еще ребенку, когда дала его забросить.

Armannino такъ переходитъ къ легендѣ о Парисѣ послѣ приведеннаго выше (стр. 34—35) эпизода о Нереидахъ:

Пелей сватается за одну изъ дочерей Нерея, Θетиду; свадьба происходитъ въ Θессаліи (f. 35 b.): quivi venne Paris figliuolo del re di Troya, el quale sconosciuto era in quel paese per monstrare sua valoria con quella gente al giuoco di cesti, quale s'usava di fare in qnel tempo per provare i giovani la loro forza.... Or voglio dire come perchè Paris predecto era quivi sconosciuto dalla gente. Слѣдуетъ разсказъ о вѣщемъ снѣ Гекубы, совѣщаніи Пріама съ волхвами (indovini); по просьбѣ матери, не рѣшавшейся предать смерти ребенка, двое изъ ея приближенныхъ относятъ его и оставляютъ подъ деревомъ, а сами наблюдаютъ, что будетъ дальше. Двое пастуховъ, проходившихъ мимо, взяли его и отнесли къ своей матери, у которой онъ и воспитывается. Выросши, онъ сталъ пастухомъ, но это дѣло у него не шло (non sapea bene essere all'arte), почему онъ удалился оттуда и прибылъ въ страну d'una donna la quale Oenone per nome si chiamava. Она влюбилась въ красиваго юношу, который по нравамъ и привычкамъ не казался пастухомъ, а общаясь съ сосѣдними баронами научился у нихъ разнымъ играмъ и стрѣлялъ изъ лука

лучше всѣхъ другихъ стрѣлковъ, какіе тогда были. Однажды, когда Парисъ былъ на охотѣ вмѣстѣ съ Пелеемъ и товарищами въ лѣсу, что называется Lyda (= Ида), онъ заснулъ отъ усталости у одного источника. И здѣсь ему былъ странный сонъ; будто ему предстали три богини: l'una dea delle discordie, Pallas di senno e Venus di luxuria (f. 36 b) — Юнона забыта, Меркурій бросилъ посреди нихъ золотое яблоко съ надписью: questo pome sia dato alla più bella di tucte. Парису казалось, что богини обратились къ нему за разрѣшеніемъ спора, а онъ присудилъ яблоко Венерѣ, возбудивъ этимъ гнѣвъ другихъ богинь противъ него и троянцевъ.

Этимъ ограничивается первый разсказъ Armannino о юности Париса; что его судъ надъ богинями происходитъ въ сновидѣніи, это обличаетъ вліяніе Дарета (ed. Meister, § VII), которое мы отмѣтимъ, и въ той-же чертѣ, и въ другихъ пересказахъ нашего эпизода.

Armannino разсказалъ его еще въ другой разъ въ началѣ повѣсти о троянской войнѣ и послѣ перечисленія сыновей Пріама (f. 74 a)[1]). Отличія отъ предыдущей версіи слѣдующія: мать называетъ родившагося мальчика Александромъ, ma poi per la notrice fu chiamato Paris. Его уносятъ далеко отъ Трои, но такъ, что мать могла слѣдить за его судьбой (ma non che la madre no sapesse tucto quello che di lui poi adivenne). Мальчика, покинутаго у одной мельницы (lungo una valle d'uno grande mulino), находятъ двое пастуховъ и относятъ его къ своей матери. Парисъ становится впослѣдствіи храбрымъ и мудрымъ, отличнымъ стрѣлкомъ изъ лука, sommo maestro del giuoco di cesti. Слѣдуетъ его любовь къ Энонѣ, властительницѣ той области. У Пріама былъ обычай устраивать въ Троѣ военныя игры для упражненія сыновей; къ нимъ явился однажды Парисъ и побѣждаетъ всѣхъ братьевъ, за исключеніемъ Гектора. Желая отмстить за братьевъ, Гекторъ вооружается и вступаетъ въ бой

---

[1]) Сл. Gorra l. c., стр. 538 слѣд.

съ незнакомцемъ, который ему неуступаетъ и узнанъ матерью въ ту минуту, когда Гекторъ бросается на него, желая нанести ему смертельный ударъ.

Подробнѣе исторію объ Энонѣ мы встрѣчаемъ въ одномъ венеціанскомъ разсказѣ о Троянскихъ дѣяніяхъ[1]), основанномъ на текстѣ Guido delle Colonne, но внесшемъ въ него подробности изъ другихъ источниковъ; между прочимъ слѣдующія.

На f. 15 а разсказывается: Como Lida impartorì Chastor e Polus a come Elena fu involada. Это и дало автору поводъ ввести эпизодъ о юности Париса.

(f. 15 b слѣд.). *Unde in questa parte si tocha la istoria delo nasimento de Paris, sicome ello fo pastor ali boschi.*

Dixe la legenda che siando la raina Ecuba gravida de Paris, zoè la moier delo re Priamo, che fo da puo la prima destruzion de Troia, el dito re Priamo se insonia una note che Ecuba soa moier se impartoriva una fiama de fuogo, la qual brusava tuta Troia con tute le persone che iera dentro, e che lui medemo morirave con soa moier solamente per quella fiama. E siando desmesiedado lo re Priamo ave gran paura e dise ala raina questo insunio.

Como lo re Priamo disse ala raina Echuba che li desse quello ch'ela partoriva.

Digandoli: Fa che tu me dagis lo parto del to ventre quando l'averas impartorido, ch'io lo voio olcider, sì ch'io non muora mai per esso, nè mi con la mia zente. La dona silillo improferse de dar[l]ilo, e quando vene al tempo delo impartorir, la dona si fexe uno fiol mascolo alo qual ella messe nome Alesandro. E siando nasudo questo garzon, de presente la raina si lo manda a norigar a zerte femene muier deli pastori e si fexe creder al so signor lo re Priamo che la criatura si era nasuda morta, e lo re sì lo crete.

---

[1]) Gorra l. 184 слѣд.: по Laur. cod. 153 Leop. Med. Pal., конца XV вѣка. За выписку сообщаемаго далѣе отрывка приношу мою благодарность г. Горрѣ.

Como Paris cresce ali boschi e inpara a trar l'archo.

Or questo Alesandro si cresie e vene beletisimo zovene. E siando in questo boscho questo Paris, dito Alesandro, ello si ave a far con questa Enone dita de sovra, la qual si era ni[n]fa, zoè dia dele fontane e delle aque; feva chaxe in lo boscho zoè de foie e de chane e si stava la note a dormire sotto quelle; e questa Enone si fo quella che insegnà a cavalchar a Paris e amaestrallo del'arte a trar l'archo. E uno zorno vene una gran moltitudine de zente, li qual tolsse una gran quantitate de bestie de questi pastori e menavalle via a mal grado de loro, e Paris oldando questa novela si li tene driedo per lui sollo e silli messe in fuga e reschose quella inpresa per la soa posanza e ardimento. E voio che vui sapie che tuto lo deleto de Paris si era pur sollamente di veder combater. Pluxor fiade Paris toleva do moltoni e do tori, l'uno dixeva ch'era so, l'altro del suo compagno, e fevali una zoia frescha per homo a queste bestie e puo le faxeva combater queste do bestie insembre, e quela che avenzeva, ello li meteva la zoia fresca in chavo e fevali gran festa. Sì che questa iera tutto lo so dileto de Paris; e per zo follo chiamado Paris proter (?per tal?) sentenzia che iera ingual le sentenzie ch'ello daxeva.

Come Enone insegna a Paris chi era so pare e so mare.

E stagando Paris con questa Enone iu questa selva, un dì ella disse a Paris: Se tu me vuol imprometer de non me abandonar mai in fin a la morte, io ti dirò chi è to pare, che non lo vedesti mai. E Paris oldando questo sì li lo impromise e si fe' sagramento de non l'abandonar, e per più fermeza scrisse in una schorza de plopa che iera suxo un flume chiamado Santo e disse: Siame testemonio questo albero ti Enone (sic), l'aqua de questo fiume che chore in zoxo corerà in suxo. E Enone fo molto aliegra credando ale parole de Paris; e in quella fiada disse Enone: Sapi, Paris, co'lo re Priamo de Troia si è to pare e la raina Echuba sì è to mare; sapi ch'elo se fa una gran festa in Troia per amor

to e inperzò ch'eli à sapudo che tu è vivo, crezando elli che tu fossi morto, la qual festa dura molti dì; e per zò vatene a questa festa e date a chognoscer.

Como Paris andò a Troia e desse a chognoser chi lui era.

Oldando Paris queste parolle, de presente ello se partì da Enone e andà in Troia, e andando a quela festa, ello comenza a far de gran prodeze abatando tuti quanti che li avegniva inchontra; e lo re vegando questo zovene chusì prodomo e somiava ad Etor so primo fiol, silli mese amor adoso e sì li dise: Fiol mio, volesse li domenedei che tu fosi mio fiol ch'io te averave ben ccharo! E Paris respoxe de presente: Io son bem vostro fio e la raina Echuba sì è mia mare, e sì li dise la condizion e'l muodo delo so nasimento. Oldando lo re Priamo queste parole, sì fo molto alegro e sì fe' gran festa per Paris so fio e simelmente fe'la raina Echuba.

Como Enone manda forte rampognando Paris che non tornava.

Or siando con lo pare e con la soa zente, ello non curava più de Enone e silla abandona in tuto e non li volsse atender zò che ello li aveva improferto. E vignando Paris in Grezia e prese Elena e mandalla in Troia, e tolsela per moier segondo che se lezerà de qua indriedo in la Troia granda. Enone si lo manda forte rampognando e dixeva: O Paris traditore, tu me as abondonada per Ellena, e sì as fato sperzuro del to sagramento; mo per che me lasestu mi per Ellena? Tu credis aver fato una gran cossa per aver tolta Elena, mo non sastu ch'elo non è, ma sa tempo avanti ch'ela fosse moier di Menelaus, si andò la festa in Grezia che le done se andava a bagnar al fiume in chamixa, e siando le done sovra lo ladi del fiume, e li signori dal'altro ladi, e siando Ellena spoiada, sì se gita in lo fiume per lavarse; e Texeo, lo qual si era so amador, sì se li zita driedo a l'aqua e sì la prexe e menala a [A]tenes, e sì la tene molti zorni, e per li priegi de Chastor et de Epolus suo fradeli sì la rende. Mo pensa, Paris, chomo una zovene beletissima che avesse dormido chon

un so amador in leto, che fose frescho e gaiardo e avesse el so sangue chaldo, chomo ella se poria levar donzella dal so ladi? E non sastu ch'ela iera ben moier de Menelaus e sì à abudo una fía de quello? Mo perchè li astu messo tanto amor adosso e mì astu abandonada, sapiando che tu me avesti verzene?

Составъ этого разсказа вызываетъ нѣсколько вопросовъ. По мнѣнію Горры компиляторъ стихотворнаго анонимнаго Trojano [1]) имѣлъ передъ собою текстъ, близкій къ венеціанскому, можетъ быть, франко-итальянскій, также восходившій къ Гвидо, но обставившійся многими другими эпизодами, заимствованными изъ классиковъ и мѣстныхъ (сѣверно-итальянскихъ) либо античныхъ легендъ. Для меня ясно, что въ разсказѣ о юности Париса авторъ Трояно (либо его подлинникъ) пользовался двумя рецензіями сказанія, которыя и свелъ механически. Начало напоминаетъ первую рецензію Fiorita'ы Арманнино: говорится о двухъ братьяхъ, Tellemone и Pelleio (въ canto I строфа 7: Felleo; сл. въ слав. текстѣ: Пелешь и Фелешь), изъ которыхъ первый «Cicilia conquistò detta Tessaglia» (c. I st. 6), другой царствуетъ въ Романіи. Что не Гекубѣ, а Пріаму снится вѣщій сонъ — относитъ насъ уже къ венеціанской рецензіи; Гекуба поручаетъ ребенка кормилицѣ (nutrice), которая и воспитываетъ его въ деревнѣ, гдѣ дружится съ Enone, dea de le fontane (c. V., st. 35), какъ и въ венеціанскомъ текстѣ. По смерти кормилицы, передавшей Энонѣ тайну рожденія Александра, онъ воспитывается у пастуха, и Энона обучаетъ его, между прочимъ, c. V, st. 37:

A tirar l'arco e anco a cavalcare
entro la selva, e di belle canzone.
Il giovinetto incominciò a imparare,

---

[1]) Я пользовался имъ, благодаря Горрѣ, въ слѣдующемъ изданіи: Troiano, il qual tratta la distruttione di Troia per amor di Elena Greca, la qual fu tolta da Paris Troiano al Rè Menelao, e come per tal distruttione fu edificata Roma, Padoa e Verona e molt'altre città in Italia per Enea Troiano, con altre historie da diversi auttori descritti. In Verona e in Bologna per Gioseffo Longhi 1671. Con licenza de'Superiori. Изданія Troiano начинаются съ 1491 г., если не ранѣе.

tutti gli giovani l'amava per ragione
ch'egli era bello e mostrava di fare,
de' suoi compagni divenne campione,
era beato quel che il può obedire,
come maggior in tutto lui seguire.

---

38 Legger e scrivere le insegnò la Dea.
Così il giovine vien in bellezze
e a le braccia ciaschedun vincea,
e ancor l'arco e ogni prodezze,
ogni bontà quel giovine havea,
sì che ciascun l'amava per sue altezze,
ogni question tra compagni accordava,
onde per questo Pari lo chiamava.

---

39 Alessandro Pari era chiamato
E da quel Pari venne Paris.

Послѣднюю подробность мы уже встрѣтили въ намекѣ у Боккаччьо (Paris = equale). Энона отдается Парису и, подъ условіемъ его вѣрности, открываетъ ему, кто онъ: пусть пойдетъ въ Трою, гдѣ теперь празднують побѣду Гектора надъ Hercul gigante — и объявится. — Таково положеніе и въ венеціанской повѣсти; но рядомъ съ этимъ разсказомъ, гдѣ именно Энона открывала Парису тайну его рожденія и направляла его въ Трою, ходилъ другой: Парисъ въ лѣсу, *заснулъ* усталый съ охоты, когда являются три богини, спорящихъ о яблокѣ, будятъ юношу и просятъ его ихъ разсудить, послѣ чего онъ и отправляется въ Трою. Въ первой редакціи Арманнино этотъ мотивъ поддался вліянію другого, навѣяннаго Даретомъ, вслѣдствіе чего судъ представляется сновидѣніемъ Париса; но въ одномъ разсказѣ, изданномъ Горрой (по ркп. Laur. Gaddiano LXXI и Magliab. Cod. II, IV, 49) подъ заглавіемъ: Istorietta trojana — онъ совершается на яву: нѣтъ ни сновидѣнія Гекубы, ни разсказа о Парисѣ — найденышѣ, ни Эноны; въ то время, когда Пріамъ по-

слалъ Антенора въ Грецію, чтобы вытребовать у Теламона сестру Гезіону, Парисъ идетъ въ поле и здѣсь присутствуетъ при боѣ своего быка съ чужимъ, захожимъ, котораго, какъ побѣдителя, награждаетъ, возложилъ ему на рога вѣнокъ изъ цвѣтовъ. За этотъ приговоръ онъ и прозванъ былъ правосуднымъ. На другой день, отправившись на охоту, онъ, отдѣлившись отъ товарищей, *заснулъ* у одного источника, тогда какъ у другого, по сосѣдству, сошлись три богини: «madonna Giuno, madonna Pallas и madonna Venus». Онѣ бесѣдуютъ, но тотчасъ заспорили, когда среди нихъ упало яблоко (palla) съ надписью: pulchriori detur. Онѣ идутъ искать кого нибудь, кто-бы разсудилъ ихъ, и находятъ Париса, котораго и выбираютъ судьей, какъ человѣка, проявившаго свое правосудіе въ извѣстномъ рѣшеніи — по поводу состязанія быковъ. Какъ вездѣ, богини тщатся прельстить Париса обѣщаніемъ наградъ; Венера обѣщаетъ ему «chettutte le donne chetti vedranno, t'amaranno, e qualunque tue vorrai, sitti darò». Подобнымъ разсказомъ (напоминающимъ планъ испанскаго романса у Duran'a I № 469) воспользовался и компиляторъ Trojano: слѣдуя одному источнику онъ говоритъ объ Энонѣ, объ ея откровеніи Парису: она велитъ ему пойти въ Трою; здѣсь вступалъ въ свои права другой источникъ: Парисъ охотится за ланью, *засыпаетъ* у ручья; по близости расположились три богини, c. V, st. 45:

in animo di andare a un bel convito
e de la corte di un gran re fiorito.

Среди нихъ богиня Раздора (Dea de la Discordia), оскорбленная тѣмъ, что ея не пригласили на празднество, бросаетъ un pomo d'ore. Богини заспорили между собою, обращаются къ Меркурію, а тотъ направляетъ ихъ къ Парису, которому говоритъ c. V, st. 52, почему на него именно палъ выборъ:

Per la gran fama, che sententii bene
d'ogni question le qual ti vien dinante,
e al tuo detto ciascuno si tiene.

Обѣты богинь; Парисъ хочетъ видѣть ихъ раздѣтыми (с. V, st. 55) и, отдавъ предпочтеніе Венерѣ, возвращается къ Энонѣ. На другой день, когда онъ снаряжается въ Трою, Энона провожаетъ его до рѣки и клятвенно обязываетъ возвратиться къ ней; с. V, st. 58:

E in un arbor di sua man si scrisse (т. е. Парисъ),
in su la riva del fiume così disse:

59 O arbor grande sia qui testimonio
come io prometto a questa cara amica
di ritornar a lei con viso buono,
con quella star insieme si replica
in questa parte, o altrove ch'io sono,
viver insieme come ragion dica,
ne mai da me abbandonata sarae
se non quando quel fiume in su verae.

Въ Троѣ Парисъ отличается въ военныхъ играхъ, Пріамъ и другіе обращаютъ на него вниманіе, мать признаетъ по сходству съ Гекторомъ и имени — Александра.

Предложенныя сопоставленія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на оригиналъ славянской повѣсти и на ея лакуны. Ясно прежде всего, что ея эпизодъ объ Энонѣ не полонъ и что выпала его первая половина: разсказъ о раннихъ отношеніяхъ Эноны къ Парису. Въ настоящемъ своемъ видѣ текстъ представляетъ такую несообразность: Парисъ судитъ богинь, присуждаетъ яблоко Венерѣ, которая наставляетъ его, кто онъ, и обѣщаетъ наградить его любовью красивѣйшей женщины Греціи; Парисъ идетъ въ Трою и по дорогѣ предлагаетъ свою любовь — Энонѣ, клянется ей въ вѣрности, «и вьзѧ ѡтъ неѧ вѣнецъ», т. е. дѣвическій. Въ оригиналѣ расположеніе было, вѣроятно, такое-же, какъ въ первой рецензіи Armannino и отчасти въ Trojano: 1) юношеская любовь Париса и Эноны (вьзѧ.... вѣнецъ); 2) судъ богинь; 3) Парисъ уходитъ въ Трою, а Энона беретъ съ него клятву не покидать ея. Выпаденіе перваго эпизода стоитъ, вѣроятно, въ связи съ страннымъ смѣшеніемъ собственныхъ именъ въ разбираемомъ

отдѣлѣ славянскаго перевода: Венера въ сценѣ суда названа *Вѣнуш'*, *Веноуша*; Энона: Оинеушь, Оинешь, Ионеш и — *Венеоушь*. Смѣшеніе этихъ именъ въ непосредственно другъ за другомъ слѣдовавшихъ эпизодахъ, принадлежавшое, быть можетъ, уже оригиналу повѣсти, могло повліять и на запутанность самого изложенія: когда въ славянской притчѣ Венера, а не Энона, открываетъ Парису тайну его происхожденія, мы вправѣ спросить себѣ: разумѣется-ли здѣсь Вѣноушь = Венера или Венеоушь = Oenone?

Нѣкоторые результаты, полученные нами изъ предыдущаго обзора, помогутъ намъ при критикѣ легенды о Парисѣ въ Trójumannasaga'ѣ [1]) и вызовутъ новые вопросы касательно славянской повѣсти.

Сага начинаетъ также со сновидѣнія Гекубы, которое она сообщаетъ мужу и толкуютъ мудрецы. Пріамъ велитъ забросить (út bera) мальчика. Когда онъ родился, ему дали имя Александра; онъ такъ красивъ, что мать не рѣшается привести въ исполненіе приказъ мужа и отдаетъ его на воспитаніе: fékk hann til fostrs á laun, ok var hann þá kallaðr Paris; en er hann vóx upp, elskaði hann mjök Freyju; en síðan, er hann vissi um aett sína.... Въ рукописи далѣе, очевидно, кое что пропущено или, скорѣе, обнаруживается неумѣлость компилятора, ибо слѣдующая фраза: ok hann gerði brullaup sitt til Thetidem — относится не къ Парису, а къ Пелею: «когда онъ выросъ, онъ сильно любилъ Фрею, а впослѣдствіи, когда узналъ о своемъ родѣ.... (Пелей) устроилъ свою свадьбу съ Өетидой». — Фрея въ судѣ богинь отвѣчаетъ Венерѣ; но что означаетъ выраженіе, что Парисъ *любилъ* Венеру? Въ связи съ непосредственно слѣдующей фразой: «а впослѣдствіи, когда онъ узналъ о своемъ родѣ» я полагалъ возможнымъ объяснить это загадочное показаніе изъ славянской повѣсти, гдѣ именно Венера открываетъ Парису, кто онъ; лю-

[1]) Издана Jon'омъ Sigurdsson'омъ въ Annaler for nordisk Oldkyndyghed og historie за 1848 годъ.

бовь къ ней объяснилась-бы изъ сходнаго мотива Альтинской хроники (сл. выше стр. 44). Вѣроятнѣе слѣдующая гипотеза: компиляторъ саги пользовался нѣсколькими пересказами легенды о Парисѣ. Въ одномъ изъ нихъ разпорядокъ былъ такой-же, какъ и въ (возстановленномъ нами) оригиналѣ славянской повѣсти: любовь Париса къ Энонѣ и непосредственно затѣмъ судъ надъ богинями; какъ въ подлинникѣ нашей притчи смѣшены были Энона = Венеушь и Венера = Венушь, такъ и въ источникѣ саги; въ результатѣ явились смѣшенія: славянскій текстъ заставилъ не Энону, а Венеру, въ сценѣ суда, говорить Парису о его родѣплемени, сага перенесла на Фрею-Венеру юношескую любовь Париса къ Энонѣ. Объясняется это смѣшеніе тѣмъ, что компиляторъ саги опустилъ судъ богинь, ибо нашелъ его во второмъ своемъ источникѣ, начинавшемся съ свадьбы Пелея и затѣмъ уже переходившемъ къ разсказу о судѣ. Этотъ второй источникъ называетъ Пелея = Peleus и Feleus (сл. въ Trojano: Felleo и въ слав. повѣсти: Пелешь и Фелешь), онъ царствуетъ въ Figia = Φϑία, далѣе Pisia (сл. въ рукописяхъ Диктиса: Pithia вм. Phthia), приглашаетъ на свадьбу всѣхъ боговъ (þá baud hann þángat öllum guðum). Затѣмъ новый пропускъ: говорилось, что не позвана была богиня Раздора, и что, оскорбленная тѣмъ, hon tók upp eitt gullepli (она взяла золотое яблоко) и бросила его посреди трехъ богинь: millim þeirra Freyju ok Sif ok Gefjon. Фрея, по объясненію издателя (l. c. стр. 20, прим. 1)—Венера, Sif—Юнона, Gefjon, вмѣсто которой далѣе названа Frigg, отвѣчала-бы Аѳинѣ-Палладѣ. Обыкновенно Gefjon является переводомъ Артемиды-Діаны (l. c.) [1]); двойственное значеніе Gefjon = Артемида и Аѳина не броситъ-ли какого-нибудь свѣта на подобную-же двойственность въ (оригиналѣ) славянской повѣсти: Палешь=Паллада въ спорѣ богинь и Пелешь-Діана въ эпизодѣ о «кошутѣ», котораго въ сагѣ нѣтъ?

---

[1]) Сл. Vigfusson, Dictionary, a. v., гдѣ указывается Gefjon и въ рѣдкомъ значеніи Венеры.

Богини спорятъ между собою о преимуществѣ красоты, идутъ судиться къ Юпитеру (þaer gánga fyri Júpíter), который отсылаетъ ихъ къ пастуху Парису, въ лѣсъ Иды (í skóginn Idam). Сага вставляетъ здѣсь разсказъ о судѣ Париса надъ быками; помѣщеніе его въ этомъ мѣстѣ объясняется, вѣроятно, тѣмъ уже извѣстнымъ намъ обстоятельствомъ, что этотъ судъ и создалъ Парису репутацію праведнаго судьи. Разсказъ слѣдующій: ok á nökkurum degi, er hann gaetti féarins, kom til hans gríðungr einn mikill, er hann hafði eigi fyrr sét, ok barðist við einn af hans gríðungum, ok varð sá sigraðr er Alexandr átti, þá setti þórr[1]) kórónu af dýrlegum blómum yfir höfuð hans; ok annan dag kom gríðungr, ok fór sem hinn fyrra dag; ok hinn þridja dag kom hinn sami grídungr ok mátti sá minna fyrst, er Alexandr átti, ok þá batt hann brod einn mikinn í enni honum, ok mátti sá þá ekki við, er til var kominn, ok undi þá Alexandr vel við, ok því setti hann kórónu á höfuð honum, ok tignaði hann þá svá fyri sigr sinn[2]).

Можно было бы ожидать въ дальнѣйшей послѣдовательности: суда Париса надъ богинями и его удаленіе въ Трою — или на свадьбу Пелея (сл. дальше рецензію Конрада). Но здѣсь компиляторъ саги обратился къ третьему источнику, версіи Дарета, къ которой переходитъ такимъ образомъ: þessi atburðr var sagðr Príamo, ok hér eftir gekk hann við fraendsemi Alexandrs; ok er hann var í aett kominn, tók hann virðíng sem aðrir broeðr hans; hann var allra manna kurteisastr[3]). Однажды, заснувъ въ лѣсу

[1]) Юпитеръ? Такъ переводится въ сагѣ (l. c. стр. 10) это имя.

[2]) «Однажды, когда онъ пасъ скотъ, пришелъ къ нему огромный быкъ, котораго онъ дотолѣ не видалъ, и сталъ биться съ однимъ изъ его быковъ; и побѣдилъ Александровъ, и онъ (Юпитеръ?) возложилъ на его голову вѣнокъ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ. На другой день пришелъ быкъ, и повторилось то-же; на третій явился тотъ-же быкъ, и сначала сталъ ослабѣвать Александровъ; тогда онъ привязалъ къ его лбу роженъ, и пришедшій не могъ устоять. Возрадовался Александръ и возложилъ на голову быка вѣнецъ, такимъ образомъ чествуя его за его побѣду».

[3]) «Объ этомъ произшествіи разсказали Пріаму, а послѣ того онъ призналъ Александра. Вступивъ въ родъ, Александръ былъ въ такомъ-же почетѣ, какъ и его братья, и былъ рыцарственнѣйшій изъ мужей».

Иды (здѣсь начинается версія Дарета), онъ видитъ во снѣ, что Сатурнъ (у Дарета Меркурій) приводитъ къ нему Sif ok Freyju ok Frigg (вмѣсто Gefjon), съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ красивѣйшая. Фрея обѣщаетъ юношѣ красивѣйшую женщину въ Греціи, Sif сулитъ богатство и славу, Frigg мудрость и побѣду въ битвахъ (hon var orrostu guð); nu kemr Freyja at honum ok maelti: minnstu nú hverja þú hefir mér heitið? (помнишь-ли, что ты мнѣ обѣщалъ?) — очевидная попытка компилятора связать съ редакціей своего третьяго источника Энону = Freyja перваго. Она обнажается (hon beraði líkam sinn), и онъ объявляетъ её красивѣйшею.

Сообщая вслѣдъ за рецензіей саги эпизодъ о юности Париса въ средне-англійскомъ Seege (ркп. H) или Batayle (ркп. L) of Troye[1]), я имѣю въ виду указать на такую-же черезполосицу источниковъ, какую мы замѣтили въ сагѣ. Новаго для критики легенды англійская версія сообщаетъ мало: Сонъ Гекубы; clerkys (H), maistres (L) толкуютъ ей сновидѣніе; въ H она тотчасъ отсылаетъ мальчика къ свинопасу; въ L сохранились въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отзвуки древняго оригинала: въ немъ говорилось, вѣроятно, что красота мальчика побудила мать не предавать его смерти, а отдать пастуху; здѣсь, когда ему минуло *семь* лѣтъ, онъ начинаетъ играть «около добытка» (= слав. повѣсть). Въ L изъ этого вышло слѣдующее: мальчикъ родился красивымъ, ему даютъ мамокъ; только когда ему минуло семь лѣтъ, мать вздумала о предсказаніи и посылаетъ сына на воспитаніе къ пастуху.

When þeo child was born of þat lady,
Fairer mygte no mon seo wiþ eygte,
Norices feole to him weore sougt,
þe child was gemed fair and softe.

---

[1]) Издана по двумъ рецензіямъ A. Zietsch'емъ въ Herrig's Archiv, B. LXXII, p. 11 слѣд. Сл. его-же диссертацію объ источникахъ и языкѣ этого памятника (Göttingen-Cassel, 1883). По письменному сообщенію Грейфа эпизодъ о юности Париса находится еще въ средне-англійской хроникѣ Robert'a de Brunne.

And whan þe child was seove ger old,
He was fair and of speche bold,
His modir þougte on hire dremynge
þat heo mette in hire slepyng
And þougte he no scholde sle no men
No þeo cite of Troye make beo slayn,
And dude make þe child cloþus tygt,
Curtel and tabard and hod al whyt,
And made him to þeo feld to gon
To kepe swyn wiþ staf and ston.

HL продолжаютъ: мать надѣется, что въ этомъ положеніи онъ не увидитъ ни оружія, ни битвы, а между тѣмъ мальчикъ проявляетъ свои наклонности, любуясь боемъ быковъ (H. Beres or bolles; L bole or bore) и вѣнчая побѣдителя. За его праведныя рѣшенія его и прозвали Парисомъ:

H. 237 Of alle domes he was wyse,
Therefore men cleped him Parys.
L. 275 Of alle dedis þe child was wis,
Forþy he was called child Parys.

Услышавъ о мудрости своего сына (H. 240: That his son of the lawe was so wyse; L. 278: How his son was wys of lawe), Пріамъ посылаетъ за нимъ самъ — въ отличіе отъ всѣхъ западныхъ редакцій нашей легенды и въ согласіи съ Малалой (Greif, стр. 184), гдѣ Пріамъ, по истеченіи двухъ-годичнаго срока, назначеннаго оракуломъ Аполлона, возвращаетъ ко двору сына, отданнаго на воспитаніе крестьянину. Парисъ возвращается въ Трою; Пріамъ думаетъ отмстить за смерть отца, укрѣпляетъ городъ; лишь позднѣе, когда онъ снаряжаетъ походъ въ Грецію подъ начальствомъ Гектора, Александръ проситъ послать его — и разсказываетъ о своемъ судѣ надъ богинями. Въ H онъ происходитъ на яву, богини названы: Juno, Pallas и Venesse; въ L замѣшалась рецензія Дарета: дѣло идетъ о сновидѣніи: Парису являются 480 Foure ladies of eluene land, но изъ богинь осталась лишь Venus, рядомъ съ которой выступаютъ Saturnus, Jupiter и Mercurius. Сл. Сатурна Trójumannasaga'и.

Одна подробность послѣдней остановитъ на время наше вниманіе: въ ней Юпитеръ присутствуетъ на свадьбѣ Пелея, Парисъ еще въ полѣ, и заспорившихъ на пиру богинь Юпитеръ отсылаетъ къ нему. Иначе въ славянской повѣсти, гдѣ Парисъ — гость у Пелея, богини, также присутствующія на пиру, идутъ судиться въ Трою къ Юпитеру, который обращаетъ ихъ назадъ, къ Парису [1]). Это хожденіе взадъ и впередъ представляется a priori неестественнымъ, но для рѣшенія вопроса, какой изъ двухъ плановъ древнѣе, нѣтъ матерьяловъ, или лучше, показанія двоятся. Первая версія Armannino называетъ Париса въ числѣ позванныхъ на свадьбу, но судъ его относитъ къ эпизоду (сновидѣнію) охоты. Въ Альтинской лѣтописи, на оборотъ, богини отправляются съ брачнаго пира къ Парису, очевидно отсутствовавшему. Такъ еще у Боккаччьо и въ одной латинской повѣсти о Троѣ [2]) гдѣ (f. 53 слѣд.) на свадьбу Пелея позваны были боги: merito cena deorum appellata est, in qua cena fuerunt Jupiter et Neptunus, Apollo musarum deus et Mercurius nec non et tres dee, id est Juno, Minerva et *Veneus*; позднѣе: Venus, но форма *Veneus* интересна: она объясняетъ намъ Венеоушь (Венеру и — Энону) славянскаго текста. Discordia бросаетъ въ ихъ среду malum aureum съ надписью: pulcriori dee donum; спорящія богини Jovem petierunt ut inter eas iudicaret quae earum pulcrior esset. Juppiterque positus in ambiguo, nolens aliquam earum ledere, eis respondit: Ego inter vos iudex esse non possum, sed dabo vobis iudicem qui inter vos iudicet. Quibus sic dixit: Ite ad pastorem, solus inter vos poterit iudicare, quia iudex iustus est. Если кто спроситъ, продолжаетъ авторъ, quare iustus iudex appellatus est, respondendum — слѣдуетъ разсказъ о юности Па-

---

[1]) Только въ Prim. не говорится о приглашеніи Париса на свадьбу.

[2]) Она описана Горрой, которому я обязанъ и сообщеніемъ интересовавшаго меня отрывка. Текстъ находится въ сборникѣ Riccard. № 881, XIV в., содержащемъ между прочимъ и Дарета, и надписанъ такимъ образомъ: Sancti spiritus adsit nobis gratia. Incipit liber exitium Troye. О ркп. сл. Parodi, l. c., стр. 182—3.

риса: сонъ Гекубы: испуганная имъ, она велитъ забросить мальчика, который выростаетъ у пастуха; далѣе: судъ надъ быками, споръ богинь, рѣшенный въ пользу Венеры; et dum haec geruntur, subito in animo Paridis amor spectaclorum quae apud Troyam gerebantur, quam numquam noverat, introivit et cepit pastori nutritori suo inminari ut ad Troyam ubi pater eius regnabat prae videndis spectaclis descenderet. Nutritor vero eius metuens ne eum perderet, cepit eum ab intentione revocare, tandem cum eodem ad spectaclum circi ad Troyam descendit, гдѣ Парисъ является побѣдителемъ и возбуждаетъ гнѣвъ братьевъ, поторые затѣваютъ убить его, когда воспитатель Париса объявляетъ, чей онъ сынъ.

Если Боккаччьо и латинская исторія даютъ поддержку сагѣ противъ славянской повѣсти и Арманнино, поминавшихъ Париса въ числѣ Пелеевыхъ гостей, то поэма Конрада Вюрцбургскаго[1]) занимаетъ среднее между ними положеніе: Парисъ не позванъ на свадьбу, но богини посылаютъ за нимъ въ поле, когда возникъ между ними споръ, послѣ чего онъ и является на брачный пиръ. Легенда о Парисѣ разсказана такимъ образомъ: Пріамъ, испуганный сновидѣніемъ жены, велитъ унести и убить ребенка; его невинный смѣхъ (сл. ту-же черту у Симона Capra Aurea и Delgado) останавливаетъ убійцъ, и они покидаютъ мальчика въ лѣсу, гдѣ его питаетъ лань[2]) и находитъ пастухъ, который и воспитываетъ его у себя вмѣстѣ съ своимъ новорожденнымъ ребенкомъ. Пріаму посланные предъявляютъ языкъ, вырѣзанный у собаки, въ удостовѣреніе, что они дѣйствительно убили мальчика. Подросши, найденышъ гоняетъ скотъ въ лѣсъ и поле, играетъ

[1]) ed. Adalbert von Keller въ Bibl. d. litter. Vereins zu Stuttgart, B. XLIV.

[2]) То-же въ Trójumannasaga'ѣ и въ особой среднеболгарской версіи Троянской повѣсти, изданной Сырку (Archiv f. slav. Phil. VII, стр. 80 слѣд.), гдѣ заброшеннаго Париса питаетъ, какъ у Аполлодора, медвѣдица. — О другомъ спискѣ этой повѣсти, найденномъ въ рукописи покойнаго проф. Григоровича, я узнаю изъ отчета о рефератѣ проф. Кирпичникова на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ. Елена носитъ здѣсь названіе Гилуды (Егvлуда въ текстѣ Сырку), Магдона (у Сырку) = Магдуны.

съ мальчиками, являясь между ними судьей въ ихъ воинственныхъ играхъ:

622 Jô was er ein griezwarte,
Und ein guot rihter under in.
Wan swer den sic dô fuorte hin,
Dem sazte er ûf sin houbet
Ein schapel wol geloubet.

Слѣдуетъ бой быковъ:

640 Sô vremde pfarren dicke striten
mit den sînen von geschiht,
son liez er sîn engelten niht
daz si dô fremde wâren,
er wolte rehtes vâren
und tet in guot gerihte kunt:
swaz dâ gesigte bî der stunt,
ez waere ein ohse, ez waere ein wider,
daz reht enleit er dô niht nider,
wan er im eine crône
sazt ûf sîn houbet schône....
662 Daz er geheizen Pârîs
wart dur sîn gelîchez reht:
«pâr» and «gelîch» sind ebensleht.
und ist an in kein underbint,
wan daz si mit den worten sint
gesundert und gescheiden.
ein sin lît an in beiden
und ein bezeichenunge.
dar umbe daz der junge
gelîche rihten wolte,
als er von rehte solte
dô wart er Pârîs dô genant
und alsô rehte wîte erkant,
daz er ûf allen velden
und in den wilden welden
wart der jungen hirten voget:
die kâmen alle z'im gezoget,

sô si krieges teten iht,
dur daz vor sîner angesiht
ir strît würd aller hin geleit.

Затѣмъ идетъ эпизодъ о юношеской любви Париса и «богини» Эноны, Egenoê; она счастлива, но боится, что какая-нибудь другая красавица похититъ у нея сердце милаго, и Парисъ успокоиваетъ её: въ корѣ дерева онъ вырѣзываетъ слово, съ которыми въ славянскомъ текстѣ онъ самъ обращается къ своей милой:

790 Sô Pârîs und Egenoê
von ir minne scheident
und beide ein ander leident,
sô muoz diz wazzer wunneclich
ze berge fliezen hinder sich
und widersinnes riuschen.

Въ славянской повѣсти это говорится о Ксанѳѣ согласно съ Ovid. Her. V, 30: Ad fontem Xanthi versa recurret aqua. — Юпитеръ сзываетъ на свадьбу Пелея боговъ и богинь, Пріама съ сыновьями, но не пригласилъ одной богини, v. 1254 Discordiâ geheizen = Диевошькордиа Micl., Discordia другихъ легендъ о Парисѣ:

Невидимая, благодаря волшебному кольцу, она бросаетъ въ среду гостей яблоко раздора, Юпитеръ присутствующій на свадьбѣ, не берется рѣшить возникшаго спора (1598: Vênus diu was sîn swester — und frô Pallas sîn tohter; 1602 sô was Jûnô sîn selbes wîp — und dar zuo diu swester sîn) и отсылаетъ богинь къ Парису:

1611 Doch seite er in ze maere
ein hübscher knabe waere
dâ bî in einem walde
der scheiden künde balde
swâz verlâzen würde an in....
1622 Ouch seite er in, der selbe kneht
waere ein hirte unmâzen wîs

und hieze dâ von Pârîs,
daz an im gelîche
der arme und ouch der rîche
fünden starc gerihte grôz
(сл. v. 1745 слѣд., 1810 слѣд.).

За Парисомъ посылаютъ, и онъ является на свадьбу въ грубой одеждѣ пастуха. Юнона обѣщаетъ ему богатство, Паллада мудрость, Венера обладаніе Еленой.—То, что слѣдуетъ далѣе у Конрада, принадлежитъ, по мнѣнію Грейфа (стр. 104), его изобрѣтенію: когда Парисъ присудилъ яблоко Венерѣ, она даритъ ему драгоцѣнныя одежды, въ которыхъ онъ и предсталъ, привлекая общее вниманіе. Кто научилъ тебя творить пастуховъ царями? издѣваются надъ Венерой обиженныя богини. Она отвѣчаетъ, что онъ именитаго рода.

3137 Und eines hôhen küneges fruht.
3140 Sîn vater eine crône treit.

Влекомый тайной склонностью къ юношѣ — сыну, Пріамъ проситъ Венеру дозволить ему взять его къ двору, но Юнона и Паллада подстрекаютъ Юпитера не отпускать его. Возникаетъ споръ, грозящій перейти въ общую схватку (дѣло Дискордіи); вопросъ предоставлено рѣшить боемъ между Гекторомъ и Пелеемъ, и Парисъ достается Пріаму. Признаніе между ними совершается уже въ Троѣ: Гекторъ и Парисъ тѣшатся военной игрой; первый, раздраженный неловкимъ ударомъ противника, готовится пронзить его мечемъ, когда во время является пастухъ, воспитатель Париса, и обнаруживаетъ, кто онъ.

Я согласенъ съ Грейфомъ, что эпизодъ о Парисѣ на свадьбѣ Пелея и споръ изъ-за его обладанія отзывается какой-то дѣланностью; но едва-ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ лишь изобрѣтеніемъ Конрада. Дѣло объясняется проще, какъ результатъ неловкаго свода: одинъ изъ источниковъ Конрада приводилъ Париса непосредственно изъ поля, послѣ суда надъ богинями, въ Трою, гдѣ онъ, неузнанный, бился съ братьями и узнанъ ма-

терью; въ другой р [illegible] или
риса, говорилось [illegible] (Ovid.
соединилъ оба п [illegible] пред-
Пелея сочинивъ [illegible] —216), слова
тивомъ. Я, мож [illegible] ческая игра
гиналъ славян [illegible] почему ли-
лась-бы указан [illegible] здѣсь
ромъ присутст [illegible] ся,
теру въ Трою. [illegible] и Pril.
славянскомъ т [illegible]
цензій, сведен [illegible]
Париса (бой бы [illegible]
см. выше стр. [illegible]
и признаніемъ: к [illegible]
Парисъ однажды [illegible]
можетъ быть, одн [illegible]
знаніе не совершае [illegible]
решелъ къ другой ре [illegible]
эпизода о юности) о я [illegible]
было посылать въ поле [illegible]
хожденія остался, и ко [illegible]
Трою.

Я отнесъ къ концу моего [illegible]
son на легенду о юности Парис [illegible]
объ источникѣ, въ которомъ извѣ [illegible]
сказаніе. Girauz наставляетъ жонгл [illegible]
сюжеты подобаетъ ему знать: онъ долж [illegible]

De Peleas
Com el fetz Troja destrui:
De Daracus
De Dardanus
Qe premier la feron bastir.

Daracus=Assaracus, Шарикоуша нашей притчи. Слѣд [illegible]
миnанія другихъ сюжетовъ, между прочимъ:

комъ пересказѣ легенды о юности: Fanol pastore, e po'lo mettono in loia, Come nesun suo *pari* inamorato [1]). Эту игру созвучіями, которая могла быть удержана въ какомъ-нибудь романскомъ текстѣ, славянскій переводчикъ повѣсти хотѣлъ сохранить, если не по содержанію, то для слуха: оттуда сближеніе *Париса* съ *пастыревичемъ* и *фарижемъ*, при чемъ я не берусь рѣшить вопроса, какая изъ двухъ звуковыхъ этимологій древнѣе.

Образъ мальчика-судьи между товарищами и надъ животными во всякомъ случаѣ напоминаетъ аналогическій образъ въ повѣсти о дѣтствѣ Соломона, знакомый на славянскомъ югѣ [2]) и, можетъ быть, не безызвѣстный славянскому пересказчику Троянской повѣсти, обратившему (Аякса) *Теламонича* въ *Соломоничъ* (Micl.), *Соломоникъ* (Н.Соф.), *Соломониковъ* (Пып.) [3]). Другую параллель къ соломоновскимъ сказаніямъ мы встрѣтимъ тотчасъ-же во второй половинѣ нашей повѣсти, отнынѣ расходящейся съ своими западными параллелями, которыя идутъ по слѣдамъ Дарета и Бенуа, тогда какъ въ ней продолжаютъ отзываться мотивы изъ Овидія. Грейфъ склоненъ вмѣнить знакомство съ ними славян-
му автору (l. c. стр. 101); на невозможность такого предпо-
нія указано выше, не говоря уже о томъ, что пользованіе
и тѣми-же источниками въ первой и второй части текста
скорѣе всего за существованіе одного оригинала. Изъ
гинала почерпнули западныя версіи троянской саги
ти Париса, или изъ какого-нибудь обособленнаго
это остается вопросомъ.

II.

.) продолжаютъ повѣсть — эпизодомъ
Pril. Prim. помѣстили ранѣе, между

іе II, стр. 428.
Ѣ и Китоврасѣ, гл. II, стр. 51
нѣ, о двухъ быкахъ и ко-

. ed. Wagner, v. 1765,
μόνης ὁ κρατῶν, δεσ-

терью; въ другой рецензіи сказанія, послѣ эпизода юности Париса, говорилось о его появленіи на Пелеевой свадьбѣ. Конрадъ соединилъ оба плана, удержавъ признаніе въ Троѣ, а сцену у Пелея сочинивъ по образцу боя съ братьями, но съ другимъ мотивомъ. Я, можетъ быть, не ошибусь предположивъ, что и оригиналъ славянской повѣсти былъ — сводный, чѣмъ и объяснилась-бы указанная выше несообразность: что съ пира, на которомъ присутствовалъ Парисъ, богини идутъ судиться къ Юпитеру въ Трою, а онъ ихъ обращаетъ назадъ къ Парису. И въ славянскомъ текстѣ есть какъ-бы слѣды двухъ различныхъ рецензій, сведенныхъ его подлинникомъ: первая говорила о юности Париса (бой быковъ; можетъ быть: юношеская любовь къ Энонѣ? см. выше стр. 53) и кончалась его боемъ съ братьями въ Троѣ — и признаніемъ: къ этому эпизоду относится, вѣроятно, черта, что Парисъ однажды поборолъ передъ Пріамомъ какого-то витязя — можетъ быть, одного изъ братьевъ? Черта эта не развита и признаніе не совершается, ибо авторъ непосредственно затѣмъ перешелъ къ другой рецензіи повѣсти, которая разсказывала (послѣ эпизода о юности) о явленіи Париса у Пелея; богинь уже нельзя было посылать въ поле на судъ къ мудрому пастуху, но мотивъ хожденія остался, и компиляторъ заставилъ ихъ ходить — въ Трою.

Я отнесъ къ концу моего обозрѣнія намекъ Girauz de Calanson на легенду о юности Париса, ибо онъ вызываетъ вопросъ объ источникѣ, въ которомъ извѣстна была автору троянское сказаніе. Girauz наставляетъ жонглёра Fadet, какіе эпическіе сюжеты подобаетъ ему знать: онъ долженъ умѣть разсказывать.

De Peleas
Com el fetz Troja destruir,
De Daracus
De Dardanus
Qe premier la feron bastir.

Daracus=Assaracus, Шарикоуша нашей притчи. Слѣдуютъ упоминанія другихъ сюжетовъ, между прочимъ:

E de Satan
Que Salamon saup pres tenir;
Del rei Seon
El rei Amon
Con fes Felip espaoirir.
Apren del pom
Per que ni com
Discordia lo fes legir.
Del rei Flavis
E de Paris,
Com lo saup lo vachier noirir [1]).

Очень можетъ быть, что упоминаніе царя Flavis не относится къ легендѣ о Парисѣ, такъ какъ наставленія не соблюдаютъ послѣдовательности сюжетовъ; иначе можно бы предположить въ Flavis передѣлку Peleus, Фелешь троянской притчи, Feleus въ Trójumannasaga'ѣ, Felleo въ Trojano. Мы получили-бы тогда такую серію напоминаній: явленіе Дискордіи, свадьба (?) Пелея, воспитаніе Париса.

Такова легенда о его юности, легшая въ основу цѣлаго ряда пересказовъ, какъ западныхъ, такъ и славянскаго, источникъ котораго уже Востоковъ (Опис. Румянц. музея, стр. 386) считалъ латинскимъ; я допустилъ-бы возможность и какого-нибудь романскаго оригинала. Тѣмъ и другимъ можно объяснить такія имена, какъ Юнона, Венера, Гекуба и т. п.; окончанія собственныхъ именъ на ушь = us, ешь = es и т. п. Отмѣтимъ въ Istorietta Trojana (сл. выше стр. 51) собственныя имена: Pelleus, Acilles (слав. Ацилешь), Giuppiter (Ипитеръ, Юпитеръ), Ulixes (слав. Урекшишь), Patricolus (слав. Патриколоушь) и т. п., и вмѣстѣ предположеніе издателя (Gorra l. c. стр. 165): что Istorietta переведена съ какого-нибудь французскаго оригинала, передѣлки Benoît de Ste More, равно какъ и соединенныя съ нею въ рукописи Эпистолы Овидія и сопровождающій ихъ комментарій [2]). На западное происхожденіе источника славянской по-

[1]) Bartsch, Denkmäler der provenzalichen Litteratur, стр. 96, 97.
[2]) Parodi, l. c., стр. 359—60.

вѣсти указываютъ и немногія заимствованія изъ Овидія или параллели къ нему, указанныя Грейфомъ: сонъ Гекубы (Ovid. Her. XVI, 237 слѣд.), требованіе Париса, чтобы богини предстали передъ нимъ раздѣтыми (l. c. v. 115—116), слова Париса къ Энонѣ (Ov. Her. V, 29 слѣд.). Этимологическая игра съ именемъ Париса могла-бы послужить къ болѣе точному лингвистическому опредѣленію источника, если-бы именно здѣсь тексты не расходились между собою и мы могли поручиться, что не имѣемъ дѣла съ подновленіями. Micl. = Н.Соф. и Pril. подновляетъ каждый по своему: Парисъ = Пастыревичъ и Парисъ = Фарижъ; Seege не этимологизируетъ, но говоритъ, что имя мальчику дано было за его мудрость (wis: Parys); такъ и у Конрада (wîs: Pârîs) и въ романсѣ у Duran'a I № 469: sabiduria. Иначе въ Istorietta: e ciò saputo (т. е. о судѣ Париса надъ быками), molto nè fue Paris lodato e tenuto a *giusto;* сл. испанскій романсъ у Duran'a I № 468: Dices que es *justo juez* — Paris todos le hon nombrado. Къ этой репутаціи *справедливости*, *правосудія* привязываетъ венеціанская повѣсть имя Париса: e per zò follo chiamado Paris, *per tal sentenzia che iera ingual le sentenzie ch'ello daxeva* — т. е. онъ названъ такъ потому, что давалъ *равныя* рѣшенія въ судѣ. Это повторяетъ и Boccaccio (Paris = equale) и Troiano (не знающій, какъ и Boccaccio, суда надъ быками): Парисъ праведно рѣшалъ всякіе споры между товарищами, почему его и назвали *Pari*, откуда позже и имя Paris'a. Эту этимологію объясняетъ Конрадъ: Paris названъ «dur sîn gelîchez reht», ибо

«Pâr» und gelîch sind ebensleht.

Стало быть: Paris отъ par, что поддерживается и средневѣковымъ латинскимъ стихотвореніемъ о паденіи Трои: Est *Paris* absque *pare*, quaerit, videt, audet amare, — audet temptare furta, pericla, mare [1]). Сл. Il Cantare dei Cantari, st. 14, въ крат-

[1]) Carmina Burana № CLII, стр. 60; сл. у Симона Capra Aurea: *Paridem* reddit honore *parem.*

комъ пересказѣ легенды о юности: Fanol pastore, e po'lo mettono in loia, Come nesun suo *pari* inamorato [1]). Эту игру созвучіями, которая могла быть удержана въ какомъ-нибудь романскомъ текстѣ, славянскій переводчикъ повѣсти хотѣлъ сохранить, если не по содержанію, то для слуха: оттуда сближеніе *Париса* съ *пастыревичемъ* и *фарижемъ*, при чемъ я не берусь рѣшить вопроса, какая изъ двухъ звуковыхъ этимологій древнѣе.

Образъ мальчика-судьи между товарищами и надъ животными во всякомъ случаѣ напоминаетъ аналогическій образъ въ повѣсти о дѣтствѣ Соломона, знакомый на славянскомъ югѣ [2]) и, можетъ быть, не безызвѣстный славянскому пересказчику Троянской повѣсти, обратившему (Аякса) *Теламонича* въ *Соломоничъ* (Micl.), *Соломоникъ* (Н.Соф.), *Соломониковъ* (Пып.) [3]). Другую параллель къ соломоновскимъ сказаніямъ мы встрѣтимъ тотчасъ-же во второй половинѣ нашей повѣсти, отнынѣ расходящейся съ своими западными параллелями, которыя идутъ по слѣдамъ Дарета и Бенуа, тогда какъ въ ней продолжаютъ отзываться мотивы изъ Овидія. Грейфъ склоненъ вмѣнить знакомство съ ними славянскому автору (l. c. стр. 101); на невозможность такого предположенія указано выше, не говоря уже о томъ, что пользованіе одними и тѣми-же источниками въ первой и второй части текста говоритъ скорѣе всего за существованіе одного оригинала. Изъ этого-ли оригинала почерпнули западныя версіи троянской саги эпизодъ о юности Париса, или изъ какого-нибудь обособленнаго разсказа о ней — это остается вопросомъ.

II.

Micl. (Н.Соф. и Пып.) продолжаютъ повѣсть — эпизодомъ о построеніи Трои, который Pril. Prim. помѣстили ранѣе, между

[1]) Pio Rajna, Zeitschr. f. roman. Philologie II, стр. 428.

[2]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, гл. II, стр. 51 слѣд.; стр. 67: судъ «о двухъ жеребцахъ и кобылицѣ, о двухъ быкахъ и коровѣ».

[3]) Замѣтимъ, впрочемъ, что въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, ed. Wagner, v. 1765, Аяксъ является царствующемъ въ *Саламонѣ*: τῆς Σαλαμόνης ὁ κρατῶν, δεσπόζων καὶ ῥησεύων.

юностью Париса (и ту пребори еднога витеза именем' Щита пред' Приѣмушем' кралем') и Пелеевой свадьбой (И по том' женаше се Пелешин' крал'). Пріамъ (заступившій мѣсто Лаомедонта) обѣщаетъ «три долы злата» (Micl., Н.Соф.) тому, кто поможетъ ему «вь троискомь дѣлѣ». Являются «два диавола земнаа», Нептенабоушь (Micl., Н.Соф. Пып. = Neptunus, Νεκτέναβος Александріи[1]); Pril. Нептумуш; Prim. Нектебоушь) и Тебоушь (Micl. Н.Соф. Пып.; Pril. Prim. Пебуш) гусельникъ, и «гѫдѣше въ гѫсли, и зиздаше сѧ Троа кѫдоу ѡни речахѫ» (Micl., Н.Соф.; Pril.: и гудѣше, и гредѣше само камение). Сл. Ovid. Met. XI, 199 слѣд.; Her. XV, v. 18 [2]).

Постройка кончена, но Пріамъ обманываетъ зодчихъ, суля имъ вмѣсто трехъ «долъ злата» — три пригоршни. Разгнѣванные, они говорятъ: мы создали городъ, мы же умыслимъ, какъ его разрушить. Они идутъ къ «пророчицамъ», обиженнымъ судомъ Париса [3]). — Неправедный судъ Пріама напоминаетъ таковой-же Соломона въ русской Палеѣ [4]): царь Дарій (Даріанъ, Адаріанъ) посылаетъ Соломону загадку, за разрѣшеніе которой Соломонъ обѣщаетъ отдать разгадчику третью часть серебра, которое пришлетъ ему персидскій царь. Загадку отгадываетъ кривой бѣсъ; когда Дарій прислалъ «три кади сребра» и двѣ кади отсыпаны для царя, онъ велитъ «ѡбратити кадь врьхоу дномъ, и повелѣ насыпати бѣсу верхъ».

Слѣдуетъ эпизодъ о Кассандрѣ (Micl. Н.Соф.: Кашрандра, Pril. Кшан'дра = *Каштандра): она идетъ на «рѣкѫ Шимоишеви (Micl. Н.Соф. = Simois; Pril.: поли рѣки Аморишеви) и встрѣ-

---

[1]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 443. Сл. Neptanabus = Нектанебъ у Bertran de Paris, строфа 8, v. 3—4, Bartsch, Denkmäler, стр. 87.

[2]) О построеніи Иліона Аполлономъ и Нептуномъ при Пріамѣ говоритъ и Trójumannasaga, l. c. стр. 34.

[3]) Въ Pril. и Prim. объ обидѣ пророчицъ нѣтъ рѣчи, ибо судъ Париса слѣдуетъ позже. Въ Prim. Фебъ и Нептунъ идутъ жаловаться «прѣд' Юпитра бога и не могоста его оупрѣти, и придоста к' пророчицамь».

[4]) Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 91 слѣд.; Сказки объ Иванѣ Грозномъ, Древн. и Нов. Россія 1876 г., № 4, стр. 320—1.

чаетъ Пебуша бога (у Micl. Н.Соф. два раза: «Ипитеръ» пророкъ, Pril. въ первый разъ: «богъ Юпитѣр'», во второй: «с Пебушем' богом'»). Онъ говоритъ ей: «Приди къ мнѣ, да ти повѣмь вьсѧ таины троискыѫ, що хощетъ быти»; только пусть не хвалится передъ троянскими женами, что бесѣдовала съ нимъ, иначе онъ такъ сдѣлаетъ, что ей не будутъ вѣрить (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. иныя подробности: богъ обѣщаетъ раскрыть Кассандрѣ тайны будущаго, если она учинитъ его «хотѣние», что она и дѣлаетъ; запретъ бога касается именно этого: пусть не разсказываетъ, «како си имѣла любав' с Пебушем' богом'». Она нарушаетъ этотъ запретъ, и ей не вѣрятъ, когда она пророчитъ, что Парисъ похититъ Елену и что вслѣдствіе того погоритъ Троя. (Pril. рассипати до фундомента. Сл. Ov. Her. XVI, 123: referes incendia tecum у Greif'a, l. c., стр. 270).

Кассандра играетъ роль въ болгарскомъ «Словѣ о ветхомъ Александрѣ», сильно искаженномъ и переиначенномъ разсказѣ изъ Троянскихъ Дѣяній, о которомъ говорено было выше[1]). Кассандра названа тамъ Магдоной, Магдуной, «рекше сирынскыи прѣмѫдра», Александръ (Парисъ) будто-бы означаетъ по эллински «обрѣтень». Оба толкованія измышлены; Магдуна, Магдона, вѣроятно = Mygdonia (virgo): по Пазванію (X, 27, 1) мигдонами названы фригійцы по королю Μύγδων; Мигдоніей называлась и фригійскаго Кибела (Val. Flacc. II, 46). — Сонъ о главнѣ видитъ царь, не царица, но такъ какъ первой рождается Магдона, онъ велитъ запереть ее «въ стлъпь», чтобъ удалить исполненіе пророчества. Здѣсь она прорицаетъ, что сонъ касается ея брата, «иже есть въ ѫтробѣ царици и хощетсѧ родити». Когда является на свѣтъ Парисъ, царь велитъ отнести его «въ поустыѧ горы»; «и ѡбрѣте ѡтрочѧ мечка, еже бѣ изгоубила щенцѧ своѧ ѡт ловець и болѣзноваше ѡт млѣка, и въспита ѡтрочѧ за .г. лѣта, дондеже ловци ѕвѣрѧ оубиша и отрочѧ ашѫ и приведошѧ къ царю», который его и признаетъ. Интересно

[1]) Сл. выше стр. 60, прим. 2 и мой отчетъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. Январь, стр. 76—7.

совпаденіе «мечки» съ сукой (или ланью?) Trójumannasaga'и и ланью Конрада; что это не измышленіе болгарскаго слова, доказываетъ легенда Аполлодора (сл. выше стр. 60 прим. 2; ср. также миѳъ объ Аталантѣ). Можетъ быть, въ связи съ какой-нибудь греческой повѣстью о Парисѣ-*Александрѣ* стоитъ и мотивъ заключенія Кассандры (иначе: *Александры*) въ башню. У Малалы (ed. Bonn. стр. 92 слѣд.) Пріамъ узнаетъ отъ оракула Аполлона, что имѣющій родиться сынъ, Πάρις, παῖς δύσπαρις, когда достигнетъ 30-лѣтняго возраста, будетъ причиной гибели фригійскаго царства. Вслѣдствіе этого онъ отдаетъ его на воспитаніе къ одному крестьянину ἐν τῷ ἄγρῳ, ποιήσας δὲ τεῖχος ἐν τῷ αὐτῷ ἄγρῳ μέγα ἐκάλεσεν αὐτὸ πόλιν τὸ Πάριον. Отсюда онъ и вызываетъ его по прошествіи указаннаго срока. — Интереснѣе другое совпаденіе Слова съ текстомъ нашей притчи: въ Словѣ царя Сіонъ (= Менелай) и Іогъ (Агамемнонъ) властвуютъ въ Мореѣ или Амореѣ (въ Мореѫ, въ Аморіи), что я объяснилъ[1]) въ связи съ библейскими (кн. Числъ 21) именами Ога и Сихона, какъ Амморея (Сихонъ царь Аморрейскій), тѣмъ болѣе, что Слово упоминаетъ подъ рядъ «царѣ ханааньскыѧ и месопотаміискыѧ». Подобныя тому библейскія воспоминанія въ собственныхъ именахъ являются и въ нашей повѣсти (по тексту Micl., Н.Соф.), можетъ быть, какъ искаженія; сл. рагоуилъстїи витези, какъ будто отъ Рагуила (кн. Товита), въ Pril. аргулеискіи = argolicus; островъ Абакоумъ (Micl., Н.Соф.), въ Pril. Авлида Ем'броикь = Euboica. Для Мореи, Амореи Слова я допустилъ[2]) смѣшеніе библейской Аморреи съ Мореей, гдѣ по греко-сербской Александріи царитъ Менелай = Сіонъ Слова. Но въ послѣднемъ *Аморемъ* или *Яморемъ* названъ и отецъ Александра, Пріамъ; этого имени я объяснить не умѣю, но укажу въ только что разобранномъ эпизодѣ нашей повѣсти на рѣку *Аморишеву* Pril. = Шимоишева Micl. (Pril. далѣе: на рѣцѣ Шиморишевѣ) = Simois,

[1]) Сл. мой отчетъ объ изданіяхъ Сырку, l. c. стр. 77.
[2]) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 440.

и въ южно-русскомъ хронографѣ [1]), въ нашемъ же текстѣ, на эпитетъ *поморскій:* «былъ въ Еллинѣхъ царь Поморскій именемъ Придешъ».

Парисъ отпрашивается у отца пойти «на дворбѫ», «на слоужбѫ» (Micl. Н.Соф.) къ Менелаю, которому говоритъ, что пришелъ къ нему не изъ-за золота и серебра, «нѫ да видѧ, коа кстъ чьсть на твоемъ дворѣ или коа довольна чьсти двора царьства ти» (Micl. Н.Соф.; Pril.: «ко е почтен'е в' твоем' дворѣ и ка двор'щина»). Эта честь при дворѣ, дворщина, «дворность» бѣлорусскаго Тристана, отвѣчаетъ дословно и содержательно франц. courtoisie, ит. cortesia, какъ названіе троянскихъ и греческихъ женъ — госпожами, добрыми госпожами, выражаетъ, быть можетъ, понятіе, стоявшее уже въ оригиналѣ: dames, belles dames. Я не предрѣшаю этимъ лингвистическаго характера подлинника, но указываю на его общественное міросозерцаніе. Въ стилѣ этого міросозерцанія и слѣдующее объясненіе Париса, съ мотивами изъ Овидія, столь популярнаго въ средневѣковой любовной казуистикѣ: Менелай, Парисъ и Елена за столомъ, пьютъ «чрълена вина триглѣна [2]) изъ единѫ чашѫ» (Micl., Н.Соф. Сл. Ov. Her. XVI, 79 слѣд.); Парисъ пишетъ червленымъ виномъ на бѣломъ убрусѣ: «Елено царице, люби мѧ, да тѧ любѧ» (Ov. ib. 87 слѣд.: Orbe quoque in mensae legi sub nomine nostro, Quod deducta mero litera fecit Amo) [3]); Елена понимаетъ это, Менелай нѣтъ, ибо не «оумѣаше книгѫ» (Micl. Н.Соф.).

Менелай хвалится въ письмѣ къ Агамемнону новымъ дружинникомъ; тотъ отвѣчаетъ: «блюди сѧ того, да не приидетъ чюждее добро (?) и вьзметь нашѫ чьсть, и бѫдетъ томоу велика

---

[1]) А. Поповъ, l. c. II, стр. 286.

[2]) «триглѣна» загадочно; едва-ли это эпитетъ вина; можетъ быть, искаженіе: in triclinio?

[3]) Сл. Konrad v. 20770:

«Amô» daz wort er dicke schreip
mit wîne lûter unde frisch
für die vil clâren ûf den tisch.

чьсть, а нама велика срамота» (Micl. Н.Соф.). Менелай жалуется, что его честь не дорога брату. — Всего этого нѣтъ въ Pril.; причина опущенія могла быть чисто внѣшняя: предыдущій абзацъ кончался писаніемъ Париса на убрусѣ, слѣдующій повторялъ: «и на вськь дьнь писааше Алеѯандръ чръвенѣмь виномь на бѣломъ оуброусѣ, а Елена царица мльчаше». — Однажды, призвавъ его къ себѣ, она велитъ ему оставить свою навязчивость, какъ-бы не замѣтилъ того Менелай, который «хощетъ тѧ оуморити злѣ» (Ov. Her. XVI 83: Et saepe extimui, ne vir meus illa videret). Онъ отвѣчаетъ: «ѡ госпожде моа Елено, да вѣси, о моей слоужбѣ нѣсть инъ оброкъ, нѫ ми еси ты оброкъ. (Ov. Her. XV, 19 Praemia magna quidem, sed non indebita posco; XVI, 132: praemia summa tibi; 135: Ergo ego sum virtus, ego sum tibi nobile regnum?) Азъ нѣсмь пришелъ, да слоужѫ на златѣ или бисрѣ, зане троискаа полата едина вѧще иматъ злата и сребра нежели гръчьскаа дръжава (Ov. Her. XV, 185 sq: Et quotiens dices: Quam pauper Achaïa nostra est! Una domus quaevis urbis habebit opes), и егы бы видѣла троискыѧ витезы, не би рекла, витези сѫтъ, нѫ господини и властеле (ib. v. 193—4). Да, госпожде моа Елено, готовъ есмъ прижти мѫкы, нежели длъго мѫчимъ бѫдѫ по твоей лѣпотѣ. И рече ему Елена царица: Ѡ Алеѯандре, не оставлѣмъ тебе въ кривинѣ, нѫ есть подобно рещи таковомоу витезоу, кои видитъ селикѫ лѣпотѫ и любитъ» (Micl. Н.Соф.; въ Pril.: за-ч' ки годѣ би витез' видѣл' сику лѣпоту, достоино му е тако говорити). Сл. Her. XVI 35 слѣд.

Между тѣмъ Менелай отправляется въ походъ противъ отторгнувшихся отъ него областей; Парисъ не идетъ съ нимъ, сказываясь больнымъ. Названіе области: роусагъ каакиискыи Micl., Н.Соф.; Пып. каякимскіи, каакенмъскіи. Далѣе у Micl. Н.Соф. говорится, что Менелай отправился въ «палагійскыѫ роусагы»; въ Pril. въ первомъ случаѣ: «се отврже пажиски град' и урсаг' иклаиски», во второмъ: «на Багаржию». Ягичъ читаетъ вм. пажиски = пагажиски, вм. Багаржия = Пагажия, что подтверждается дальнѣйшимъ упоминаніямъ этого имени.

Пагажиа, у Micl. далѣе, страна, гдѣ царствуетъ Полимнесторъ (Пып. всей Погажи). Если исправленіе вѣрно, то палагійскіе роусаги стоятъ вм. пагажійскихъ; но слѣдуетъ замѣтить, что «палагїйстїи» витязи не разъ являются въ текстѣ Micl. (въ Pril. нѣтъ), можетъ быть, вм. пелагонійскіе; послѣдніе встрѣчаются въ греко-сербской Александріи [1]); или пеласгійскіе? (сл. у Овидія и Pind. Thebanus: Pelasgi = греки). Что до Пагажіи Полимнестора, которую я старался объяснить въ связи съ «пажадскимъ» господствомъ сербской Александріи [2]), то въ Pril. ей отвѣчаетъ «траційскій» отокъ. Пагажія, Багаржія — быть можетъ — Прагажія вм. Ѳракіи? (Сл. Пебухъ и Тебухъ = Фебъ; Телеспонъ и Фелеспонъ). — Каакійскіе отоки надо будетъ объяснить совмѣстно съ Пагажіей, очевидно лежащей въ томъ-же направленіи похода. Миклошичъ толкуетъ каакиискъ = achaicus; Greif (l. c. стр. 270) цитуетъ Ov. Her. XV, 299—300:

> Non habuit tempus, quo *Cresia* regna videret
> Aptius.

Однажды, когда Елена вышла съ греческими «госпожами» «хоро играти» (Micl. Н.Соф., Pril.: играху тан'ца), Парисъ велитъ своимъ отрокамъ (Micl.; Pril. юнаком') привезти ему «бръзѫ катрьгѫ» (Micl., Н.Соф.; Ovid. Her. XV, 330: Jam facient celeres remus et aura vias) и показать ему его «знамение». Когда подняли на копьѣ его золотой шлемъ, Парисъ взялъ «Еленѫ царицѫ подъ пазоухѫ своѫ» (Micl. Н.Соф.) и увлекъ ее на корабль. — Въ Троѣ никто не вышелъ ему на встрѣчу, кромѣ Пріама и Гекубы.

Для слѣдующаго отдѣла (§ 5 Micl.) авторъ слѣдовалъ, по мнѣнію Грейфа (стр. 271), XIII-й книгѣ Овидіевыхъ Метаморфозъ. Хитрость Улисса и уловка Паламеда упоминается въ Met. XIII, 36 слѣд., переодѣтый Ахиллъ тамъ-же v. 162 слѣд., умилостивленіе Діаны Met. XII, 8 слѣд.; для другихъ подроб-

---

[1]) Сл. мое изслѣдованіе: Изъ Исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 169, 203.
[2]) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 80.

ностей допускается пользованіе схоліями, если не комментаріями Сервія къ Aen. II, 81 и II, 116.

Услышавъ о похищеніи жены Менелай возвращается «съ (ркп. Micl. Н.Соф. въ) каакїискыѫ дръжавы», Pril.: с Пагажие. Къ нему собираются: Агамено[нъ] царь (Micl., Н.Соф.; Pril. нѣтъ), Аѩкшь Шоломоничевь сынъ (Micl., Н.Соф.: Соломоникевъ; Pril. Аѣкш' Телемонищ'), Паламидешь, Придичевъ сынъ (Micl.; Н.Соф. Придекевъ; Пып.: Паламидъ, Придековъ сынъ; въ Pril. здѣсь не упомянутъ). Былъ тамъ одинъ мудрый человѣкъ «Оурекшешь именемъ, Лартѣшевичъ сынъ» (Micl., Н.Соф.; Pril. Урикшеш'), который, не желая причаститься къ войнѣ, «створи сѧ бѣсенъ и начѧ пѣськъ орати а соль сѣати» (Micl. Н.Соф.). «Паламидежио» (Micl. Н.Соф.; Pril. Палимидѣж) угадалъ его уловку и уличаетъ его: цари посылаютъ его и «Аѩкша Соломонича» (Micl.; Н.Соф. Соломоника; Pril. Телемонища) къ Улиссу, Паламидежъ бросаетъ передъ его плугъ его малолѣтняго сына, Улиссъ, не рѣшаясь его переѣхать, останавливаетъ воловъ, и Аяксъ ведетъ его къ царямъ [1]). Что и «Ацилешь»,

---

[1]) За разсказомъ о приводѣ Улисса слѣдуетъ въ текстѣ Пыпина (l. c. стр. 310) вставка такого содержанія: «Бяху же и иныи мнози, пріидоша ко царемъ на помощь ото многъ островъ, и отъ суша, и отъ воскраи сущихъ моря, отъ Аѳинъ, и тоземцы, и отъ Ѳеталья и ото Архія и отъ всея Еллады и отъ иныхъ многихъ. Бяше Менесиѳесъ отъ Аѳинъ (ex Athenis Menestheus, Dictys I, 14), Несторъ от Пиладисевес (e Pylo?), отъ Саламина Ея (вѣроятно: Еякшъ), Идоменевесъ отъ Крита (Idomeneus, Dictys I, 13), Тлипелемъ же отъ Рода (Tlepolemus ib. I, 14; сл. Dares c. XIV), вси родъ имуще отъ благородныхъ и отъ царскихъ кровеи, мужи храбріи; евѳіянинъ же Ахиллеи сіяше паче всѣхъ человѣкъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егожь и ироя нарицахоу: сего поставиша цари рати началника. Бѣ же рать многочисленна: 1170 кораблей исходятъ убо отъ отечества; посланъ убо бываетъ Ахиллеи отъ храбрыхъ друзіи, и на островы нападоша, и поплѣниша сушу, и тщахуся напасти на Трои, яко многимъ богатствомъ кипяше и хотяще отмстити обиду Елены ради. Видѣвше же Трояне толику рать, собравше себѣ пособники, Кари и Ликаони, Миси и Меони, и Ѳруги, придруживъ же весь Асійскій языкъ и родъ, противу изведоша безчисленно воинство; въ Троадѣ же устроя вяще 50000 мужей, и много время проводиша брань творяще, и сперва добрѣ ополчахуся на брань, да яко же искусиша Ахиллеево стремленіе и храбрость, сѣдяху при стѣнахъ заключившеся». Что мы имѣемъ здѣсь

«Ферелешевъ сынъ», также укрывался отъ рати, одѣвшись въ женское платье и ходя съ «госпождами по градѣхъ», говоритъ здѣсь только Micl. Н.Соф.

Направляясь подъ Трою греческое войско пристаетъ къ отоку «Абакоумъ» (Micl. Н.Соф.; Pril.: Авлида Ем'броикь = Euboica), гдѣ «витязи Агамена» убиваютъ кошуту Фелеши-Велеши (Micl. Н.Соф. Сл. выше стр. 33—35 и 55). Она поднимаетъ бурю, и корабли не могутъ тронуться. Спрошенный Менелаемъ «попъ Калкашъ» говоритъ, что буря уймется лишь тогда, когда Фелешѣ отдадутъ дочь Агамемнона (Pril. для жертвы богинѣ: «докле не.... убиемо ю»), Цвѣтану (Micl. Н.Соф. Пып.; Pril. Цвенуажию). Услышавъ о томъ Агамемнонъ разгнѣвался, но Улиссъ (въ Pril. лишнее: урь трациски) его уговариваетъ. У Micl. его рѣчь подробнѣе, чѣмъ въ Pril., гдѣ нѣтъ этническихъ именъ: отдай дочь за ту кошуту, «понеже си пошелъ съ братомъ своимъ, да наидешь чьсть, а срамотѫ да оставишь, и кои сѧ двигнѫле грьцкыѫ воеводы и саракинстїи оурове и каакїистїи и палагїистїи и рагоуилъстїи витези, да сие себе сѫтъ наишле съмрьть, а тебѣ срамотѫ, и наишло сѧ е много госпождь вь вдовичьство». Съ согласія Агамемнона Улиссъ отправляется къ его женѣ, Клѧтомещрици (Micl. Н.Соф.; Pril. Клитемеша), которой говоритъ, что греки замирились съ троянцами, Елена возвращена, а Цвѣтану хотятъ выдать за Еленоуша (Micl. Н.Соф.; Pril. Пебуша = Деифоба?), Пріамова сына. Царица отпускаетъ дочь, и буря улеглась; въ ту-же ночь (Pril.: и в ки ю дан' хотѣху убити, ту нощ') богиня явилась Агамемнону, говоритъ, чтобы онъ не безпокоился о дочери, къ которой обѣщаетъ быть милостивой. Её оставили на островѣ, опоивъ виномъ. — Греческіе корабли тронулись, пристають съ «сигиискѣм' брѣгом'» (только въ Pril.; Ovid.: Sigeia... litora), а войско идетъ на Трою.

дѣло съ вставкой, тому свидѣтельствомъ не только форма имени: Ахиллей (Ацилешъ древняго текста), но и неумѣстность эпизода, переносящаго насъ подъ стѣны Трои, когда слѣдующій за тѣмъ разсказъ возвращаетъ насъ къ Велешѣ = Діанѣ, возбудившей волненіе противъ греческихъ кораблей, направлявшихся къ Троѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Micl. и Pril. нѣсколько разъ расходятся. Отличіе есть и въ перестановкѣ эпизодовъ, и въ приставкѣ и выпаденіи иныхъ, причемъ иногда трудно рѣшить съ какимъ изъ двухъ явленій мы имѣемъ дѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такое затрудненіе представляется тотчасъ-же.

Micl. Н.Соф. открывается битвой: со стороны грековъ Иаиакша Шоломоничевь и Урекшеша Лартешевъ сынъ, противъ нихъ Екторъ, Анцидешъ (Anchises), Етенорь (Антенорь) и Е[ле]-нош ъ (Helenus?). Гекторъ одною «стрѣлою гобилотою» топитъ три греческихъ корабля, а Аяксъ «щитомъ зорѣнымъ»[1]) защищаетъ корабли «ѡтъ живого ѡгнѣ Иекторова» (сл. Ov. Met. XIII, 7 слѣд.; Pindarus Thebanus XV, 797 слѣд.)[2]). Слѣдуетъ

[1]) Сл. червленые щиты въ Слову о Полку Игоревѣ.

[2]) У Пып., l. c. стр. 311—12, послѣ эпизода съ Цвѣтаной-Ифигеніей, разсказъ о боѣ подъ Троей начинается такимъ-же образомъ: «Изыде противу имъ (т. е. противъ грековъ) Екторъ царь, Пріямовъ сынъ, и иніи мнозіи боляре, и нача стрѣляти Екторъ стрѣлою со огнемъ, и единѣмъ пущеніемъ погружаше три корабля греческія, и Аякшъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей отъ живаго огня Екторова». Затѣмъ слѣдуетъ такой разсказъ: Менелай идетъ въ Трою, проситъ отдать Елену; еслибы не Пріамъ, убилъ-бы его Парисъ. — Гекторъ поражаетъ множество греческихъ воиновъ, «и бояшеся гласа Ахиллеева; и поиде Ахиллеи подъ своимъ знаменіемъ противу Ектору царю, и состастася и ястася за руки и не хотѣста ся бити въ той день». — Греки берутъ въ плѣнъ дочь «Рижеуша попа»; богъ Тебугъ насылаетъ недугъ на греческое войско. «Потомъ же трояны дерзостны сотвори Паламидова смерть, притупи Ахиллеево стремленіе, любяше бо Ахиллеи Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань: Дисиѳесъ нисіотенинъ (Ὀδυσσεὺς ὁ νησιώτης?) храняше ненависть на Паламида и оболга его къ царемъ, яко трояномъ хощетъ добра, и побиша Паламида каменіемъ (у Диктиса II, 15 Діомидъ и Улиссъ заманили его въ колодезь, гдѣ будто-бы находился кладъ, и сверху убиваютъ его камнями. Сл. Ov. Metam. XIII, 56 и Serv. Comm. ad Verg. Aen. II, 81). О горе, какова твориши зависти! Онъ же ничесоже рекъ, точію глаголъ сеи: О убогая истина, тебе плачю, ты бо первѣе мене погибе—и тако умре. Ахиллеи же тяжцѣ проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань, и отъ сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ, и составляетъ на Еллины брань крѣпкоратную,. и падаютъ, якоже класы, Греческая, сирѣчь Еллинская тѣлеса, и езера кровемъ проліяшася. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убіенъ бысть Патрокліе, егоже любляше зѣло Ахиллеи, отъ руку крѣпкую Екторову, и сіе того принуди потещи на трояны: изыде убо Ахиллеи на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ

единоборство Еленуша, Пріамова сына, съ Тивоурцеромъ (иначе: Micl. Тивоуцеръ, Тивоучеръ, Н.Соф. Тиурцеръ=Teucer), Дичевымъ сыномъ (иначе: Micl. Дицеоушевъ сынъ, Н.Соф. Дицевъ), который падаетъ съ коня, «кои сѧ зовѣше рогафарижь, и лежаше вь троискомъ прасѣ *поблѣдѣвъ ѡтъ съмрътнаго страха*». (Micl. Н.Соф.) Улиссъ не осмѣливается помочь ему, помогаетъ Аяксъ. «И по томъ изыдошѫ грьчьстїи витези и воеводы подъ Трои и поставишѫ чрьвены заставы и бѣлыѫ тенты и сташѫ под Троѫ» (ib.). Страннымъ остается названіе Тивуцера — Дицеушевымъ сыномъ, когда его братъ Аяксъ — Теламоничъ. Вѣроятно смѣшеніе его съ Діомедомъ, сыномъ Tydeus'а: *Дицеоуша, *Дѣтеоуша.

Вмѣсто всего этого въ Pril.: «И изидѣ изъ Трое Троилуш' Приѣмушевищ' а из грчке воиске Тѣржижев' витѣз' и удриста се сулицема». Троилъ у Micl. не названъ; въ Pril. онъ является еще разъ въ эпизодѣ, котораго нѣтъ у Micl. и на мѣсто котораго въ послѣдовательности Pril. мы укажемъ далѣе. Въ этомъ эпизодѣ снова названъ и Те[р]житеш' = Thersites. — Вотъ содержаніе разсказа: Юпитеръ не желаетъ, чтобы Троя была разрушена и, явившись Агамемнону во снѣ, велитъ ему отступить. Агамемнонъ бѣжитъ со своими, но Улиссъ ихъ останавливаетъ, ворочаетъ назадъ, «и тече на Те[р]житеша зас'тавника и удри га

полки и побиваетъ первоборца. И паки призываетъ Пріамъ на помощь Амазоніи (Сл. о царицѣ Амазонокъ, Пентизилеѣ, у Диктиса III 15, 16; IV, 2, 3) и паки брань крѣпка, умираютъ мнози и отъ всѣхъ убо пустъ бысть Пріямъ; и умоли Тантія (вар. Тавтанія; Dictys IV, 4: Tithonus), индѣйскаго царя, и посылаетъ множество безчисленно воинство. Индіяне же вси чернообразни, ихъ же видѣвше гречестіи вои во странныхъ зрацѣхъ и убояшася отъ зрака ихъ оружія, и отъ звѣрей устрашишася, ихъ же Индія кормить. Нощію бѣжати мысляху и оставити Трои, но обаче ополчишася къ чернообразнымъ и индѣйскими кровми очервишася, Нивія и Скомандровы струя обращахуся кровми. Въ сихъ же наста Еллиномъ торжество, паче же и варваромъ и всѣмъ покой отъ ратей и отъ трудовъ, и убо Еллинстіи, еже есть Гречестіи, и Тройское множество вой воедино смѣшахуся, и никому же содѣяти ничесоже и никтоже смѣяше, праздника ради». (Сл. Dictys IV, 10: Solemne Thymbraei Apollinis incessit et requies bellandi per indutias interposita?) Слѣдуетъ сонъ Еутропіи = Андромахи и бой Гектора съ Ахилломъ.

по главѣ». Разсказъ этотъ напоминающій Иліаду (пѣснь II и IX), Метаморфозы Овидія XIII, 216 слѣд., и Pindarus Thebanus v. 110 слѣд., продолжается другимъ: Трои[лу]ш Приѣмушевищ' свалилъ съ коня Конштраневтора (=Нестора), который напрасно зоветъ на помощь Улисса; отбилъ его «Палимидеж' Дѣтеошевищ'», т. е. вѣроятно Діомедъ, сынъ Тидея, Tydides; Гекторъ сбилъ съ коня Улисса, который лежитъ, *«проблѣдѣв' с вѣликим' страхом'»* (сл. выше Micl. въ эпизодѣ о Тивуцерѣ); Аяксъ покрываетъ его щитомъ, а Улиссъ бѣжитъ, оставляя его въ сѣчѣ. Сл. Ovid. Metam. XIII, 63 слѣд. (гдѣ, впрочемъ, нѣтъ Троила):

Qui (sc. Ulixes) licet eloquio fidum quoque Nestora vincat,
Haud tamen efficiet, desertum ut Nestora crimen
Esse rear nullum: qui cum imploraret Ulixen
Vulnere tardus equi fessusque senilibus annis,
Proditus a socio est. non haec mihi crimina fingi
Scit bene Tydides, qui nomine saepe vocatum
Corripuit, trepidoque fugam exprobravit amico.
Aspiciunt oculis superi mortalia iustis:
En eget auxilio, qui non tulit; utque reliquit,
Sic linquendus erat: legem sibi dixerat ipse.
Conclamat socies, adsum, videoque trementem
Pallentemque metu et trepidantem morte futura.
Opposui molem clipei texique iacentem.

Вернемся къ послѣдовательности Micl.: послѣ битвы Троила съ Терзитомъ Pril. снова сходится съ нимъ; вѣроятно, подъ вліяніемъ упоминанія Троила въ предыдущемъ эпизодѣ онъ введенъ въ Pril. въ посольство Улисса и Менелая въ Трою за Еленой[1]). Оно разсказано кратко: Пріамъ хочетъ отдать Елену, но вступаются Парисъ, «Анцижеш' и Антинорь и Онеш'» и чуть не убили пословъ, которые и разсказываютъ о томъ въ греческомъ станѣ.—У Micl. Н.Соф., гдѣ въ посольствѣ участвуютъ Менелай и Улиссъ, не названы ни Анхизъ, ни Антеноръ, ни загадочный *«Онешъ»*, появле-

[1]) Сл. Dictys II, 20 слѣд.: Ulixes, Diomedes и Menelaus идутъ послами.

ніе котораго текстъ Micl. позволитъ объяснить[1]). Послѣ того, какъ Пріамъ защитилъ пословъ отъ угрозъ Париса (Ov. Met. XIII, 202—203: At Paris et fratres... vix tenuere manus), къ послѣднему является Энона, «*Аонеша*» Micl., Аѡинуша, Ѡинешь Н.Соф. и упрекаетъ его: «ѡ Алеѯандре, помѣни този, егда азь течахъ своима босама ногама по морскомоу остромоу пѣскоу без покривала оус твоего плавогривѣстого прусца, и рѣхъ ти: Алеѯандре Фарижоу, нинѣ ма любишь, а по томъ пріидетъ врѣма, како ма хощешь оставити. И ты са мнѣ клънѣше: Не щѫ тебе оставити, егы ли та ѡстава, тогы снази рѣка да потече вьспать (Ov. Her. V, v. 29 слѣд.). Тогы вьза Еленѫ царицѫ, а мене еси оставилъ. Да се хощешъ са еа ради велико кръвъ пролиати подъ Троѫ (сл. ib. v. 120) и мнози погыбнѫтъ. А егы ты идѣше въ грькы на дворбѫ Менелаоу царю, тогы са азъ молѣхъ морьской вилѣ, да оуставитъ морьскыѫ вльны (ib. v. 57: Utque celer venias, virides Nereïdas oro), да ты идеши съ веселемь срьдьцемь; а когы бихъ видѣла, поѫлъ си Еленѫ царицѫ, идешь (Н.Соф. а кьда быхъ знала ере си поѧлъ Елену царицю и идешь, то) то пакы умолила бихъ вилѫ, та бихѫ твои коробле потонѫле». Она идеть препираться съ Еленой, чего у Овидіи нѣтъ: «помѣни, егы то ны три сѣдѣхомь въ морьскомъ отоцѣ и доиде Тезишь витезъ и възa тебе из междѫ насъ (Ov. Her. V, 127 слѣд., XV, 147 слѣд.), и по томъ та е вьзалъ Менелаоушь царь, а сези си вь третиа постела прѣлюбы сьтворила, а мене изгнала. Да се хощетъ са за тебе великоа кръвъ пролиати». Сл. выше (стр. 49—50) соотвѣтствующій эпизодъ въ венеціанской повѣсти о юности Париса.

Когда послы вернулись въ греческій станъ, цари допрашиваютъ «попа Калкаша», какъ имъ взять Трою. Онъ отвѣчаетъ:

---

[1]) Или Онешъ — Еней? У Сервія Антеноръ, *Эней* и Helenus *совѣтуютъ* отдать Елену; противорѣчитъ Гекторъ, Парисъ грозится убить Менелая и Улисса, которыхъ спасаетъ Антеноръ (in Virg. Aen. I, 99, 242). Dictys II, 23, 24 говоритъ въ эпизодѣ о посольствѣ, что сторону Париса держалъ лишь Антимахъ = не Антеноръ ли нашего текста?

«прьвое трѣбѣ довести Ацилееша Ферлешева[1]) сына (Micl., Н.Соф.; Pril.: Пѣлеушевища), и дроугое трѣбѣ привести Пилоташа Петичева сына [с] стрѣлою габилотожь». Послѣдняго Pril. упоминаютъ далѣе, а къ требованію привести Ахилла присоединяютъ еще слѣдующее: «4 бѣле коне Рижуша (Rhesus) крала, ки се могу напоити на рѣцѣ Шиморишевѣ, ки су бързи како вѣтр', и кип' Палѣше госпое и пепел' Лавмѣдона вѣликога и Еленоуша Приѣмушевища». Micl. Н.Соф. продолжаетъ: «до колѣ стоить Дѣло[нъ] на стражѣ на высокомъ кастели (Pril. на високом' турни Дѣлон' вахтарь) и образь Минѣрве госпождѧ (сл. Pril. выше: кип' Палѣше госпое) и до колѣ стоитъ камень великы надъ враты» (Pril. на ком' е писано како ним' Троѣ стои) — Троя не будетъ взята; Pril. прибавляетъ еще: «докле не придѣ Пилоташ' Пеан'цижищ' (Philoctetes Poeantides) [с'] стрѣлом' и габилот, ка морета еднем' каменем' 3 турне рассипати». Сл. Ov. Met. XIII, 162 слѣд., 313 слѣд.; Serv. ad. Virg. Aen. II, 13, 241 (novimus integro sepulcro Laomedontis, quod super portam Scaeam fuerat, tuta fuisse fata Trojana); Сл. ib. III, 351 (то-же); II 166 (Helenus.... captus a Graecis est et indicavit coactus fata Troiana in quibus etiam de Palladio; сл. Dictys IV, 18); III 402 (о Филоктетѣ).

Улиссъ исполняетъ тотчасъ-же нѣкоторыя изъ этихъ условій. Micl. упоминаетъ только его передѣлку съ Делономъ и Реидешемь (Rhesus) и похищеніе образа Минервы. Pril. подробнѣе: Улиссъ «врже рѣмѣн'не лѣствицѣ ва високи туран' и влѣзѣ в Трою и украдѣ Елѣнуша у високом' турнѣ и кип' Палѣше госпое и пепел' Лавмедона вѣликога, и искаше Дѣлона вах'тара и наиде га стрѣгущ' стражу, и ѣм' га изведѣ от нега всу таину троиску и уби га туд'е. И още идѣ на Ружуша крала и поби га и дружину его. И ту нощ' уби Дѣлона вахтора, Шарпѣдона, Цера-

[1]) Сл. Ферлешь вм. Фелешь, Пелешь не только въ нашемъ текстѣ, но и въ сербской Александріи по спискамъ хронографа 1-й редакціи, въ эпизодѣ о посѣщеніи Александромъ Трои: «оружіе Ахиллово, сына Өилиреша царя». Сл. А. Поповъ, Хроногр., вып. I, стр. 120.

нона, Пиедона, Алѣктора, Кронуша, Акшандруша, Паркануша, Каропѣна пророка ки части своему господину не откладаше. И в' ту нощ' уби много част'них витѣзи и вазам' .4. бѣлѣ кони Рижуша крала (сл. Pind. Thebanus X 733 слѣд.: multo candore nitentes— Thracas equos rapiunt; у Micl.: бѣлого Фарижа), и придѣ въ грчки стан' с великим почтением'». Сл. для всего этого эпизода Ovid. Met. XIII, 255 слѣд.: разсказавъ объ убіеніи Реза и его дружины и похищеніи коней, Улиссъ продолжаетъ:

Quid Lycii referam Sarpedonis agmina ferro
Devastata meo? cum multo sanguine fudi
Coeranon Iphitiden et Alastoraque Chromiumque
Alcandrumque Haliumque Noëmonaque Prytaninque,
Exitioque dedi cum Chersidamante Thoona
Et Charopem, fatisque inmitibus Ennomón actum.

(fatis = части?).

Изъ эпизода объ исканіи Ахилла, найденнаго извѣстной уловкой Улисса, приведемъ лишь нѣкоторыя черты. За нимъ посылаютъ Аякса, но онъ не угадалъ среди дочерей царя Коеты (Micl. Н.Соф.; Pril.: Уѣетѣ крала, Уету кралю) на Калкадиновомъ отокѣ (Micl. Н.Соф.; Pril. Колков'; Миклошичъ толкуетъ: Καλχηδών, Χαλκηδών) переодѣтаго юношу (сл. Ov. Met. XIII, 163 и слѣд.: deceperat omnes — In quibus Aiacem), котораго Улиссъ прельщаетъ бѣлымъ фарижемъ (Micl., Н.Соф.: Реидеша кралѣ), оружіемъ и щитомъ, «на коемъ бѣ писано образъ пространного свѣта, слъньце и мѣсяцъ и звѣзды и боурѣ и лакомыи мечь Ореша кралѣ, кои вьсегда желааше троискыѫ кръве». Грейфъ (стр. 273) сравниваетъ Ov. Met. XIII, 291 и слѣд.:

neque enim clipei caelamina norit,
Oceanum et terras cumque alta sidera caelo,
Pleïadasque, Hyadasque, immunemque aequoris Arcton,
Diversasque urbes, nitidumque Orionis ensem.

Ахиллъ смотритъ на коня, какъ соколъ на птицу, хвалитъ оружіе и щитъ, а Улиссъ говоритъ ему: «ѡ *божина дѣвице*

(Micl.; Н.Соф. божіе дѣвице; Pril. бож'ѣ хщи), не оустрашаи сѧ ѡтъ Трож, ожидаетъ тебе Троа на разорение». Сл. Ov. Met. XIII, 168 и слѣд.: *Nate dea,* dixi, tibi se peritura reservant — Pergama. quid dubitas ingentem evertere Troiam?

Улиссъ уводитъ съ собою Ахилла; на пути въ Трою, они пристаютъ къ «придежьскимъ» отокамъ, гдѣ были витизи Гектора, съ ними «соуличникъ Фелеспонъ» (далѣе Телеспонъ, Фелепонъ). Ахиллъ убиваетъ его, «Жеребона витеза и Скадриѡна (Н.Соф. Скандріона) и нечьстиваго Иермѡна», а дочь Фелеспона, Брижеиду (Briseïs), «коа бѣше наилѣпа въ троискахъ странахъ», ведетъ съ собою въ Трою. Когда они прибыли, развеселились оба царя и вельможи, «и вси оурове грьцтїи и срациньстїи и каакіистїи и рагоуилъстїи витези. И творѣше брань Иекторъ краль и поражааше множьство грьчьскыихъ витезь на всѣкъ дьнь, и многыж вельмжже погоублѣаше, и боаше сѧ гласа Ацилешова» (Micl. Н.Соф.).

Въ Pril. редакція этого эпизода нѣсколько другая: Ахиллъ убиваетъ «Телепона» и беретъ его городъ, не сказано гдѣ и ничего о томъ, что онъ витязь Гектора: «И пришадша на *нерлешки* отокь и пр'еста градъ Желбона витеза и убиста га и .4. синове его. И взе Ацелиш' Брижеиду госпу хщер' Желбоню и веде ю подъ Трою в хотнич'ство сѣбѣ. И взеста .6. гради, идуща до Трое, и придоста, ище не бѣхоу ни една врата троиска отворена на рваню. И ондѣ Урикшеш' прво вечере утверди стражами оброве и ѣздѣ околу их' говораше витезем': Оружите се, и прошаше: О грчка господо, примѣте муку рване веселим' срцем', не боите се Екторове силе».

Грейфъ (стр. 273) видитъ въ этомъ эпизодѣ слѣды неправильнаго пониманія авторомъ Ov. Metam. XIII, 171 слѣд.:

Ego *Telephon* hasta
Pugnantem domui..........
Quod Thebae cecidere, meum est. me credite *Lesbon*,
Me *Tenedon*, *Chrysenque* et Cillan, Apollinis urbes,
Et *Scyrum* cepisse.

Telephon = Телепонъ, Фелеспонъ; далѣе названія городовъ (въ косвенныхъ падежахъ), будто-бы поняты, какъ личныя: Lesbon = Жеребонъ, Tenedon = Скадріонъ (!), Scyron = Иермонъ (!), Chrysen = Брижеида. Подобнаго рода ошибки возможны, но здѣсь искаженіе предполагается на столько сильное, что предположеніе тождества является сомнительнымъ. Замѣтимъ относительно Chryse = Брижеида, что мы ожидали-бы, въ соотвѣтствіи съ латинской формой имени, Рижеиду, которую тотчасъ и встрѣтимъ. *Нерлешскіе* отоки Pril. объяснятъ кое-что въ этомъ эпизодѣ: по классическому преданію Ахиллъ осадилъ городъ *Lirnessa* и, убивъ Минета, женился на женѣ его Бризеидѣ. Сл. также Dictys II, 17: Ceterum Achilles, haud contentus eorum, quae gesserat, Cilicas aggrediter, ibique *Lyrnesum* paucis diebus pugnando cepit. interfecto dein Eetione, qui his locis imperitabat, magnis opibus naves replet, abducens Astynomen, Chrysi filiam, quae eo tempore regi denupta erat. propere inde Pedarum expugnare occepit, *Lelegum* urbem, sed eorum rex *Brises* ubi animadvertit in obsidendo saevire nostros, ratus nulla vi prohiberi hostes aut suos satis defendi posse, desperatione effugii salutisque attentis ceteris adversum hostes domum regressus laqueo interiit. neque multo post capta civitas atque interfecti multi mortales et abducta filia regis Hippodamia. — Hippodamia — Бризеида Дарета, Brises отвѣчаетъ Желбону, въ имени котораго отразилось, быть можетъ, — *Lelegum* (конъектура издателя вм. Legeorum) urbem?

Pril. продолжаютъ разсказъ спеціально принадлежащимъ этому тексту эпизодомъ: о снѣ Агамемнона, его попыткѣ бѣгства и т. д., о которомъ сказано выше (стр. 77—78); Micl. Н.Соф.— встрѣчей Гектора и Ахилла, которые расходятся, поцѣловавшись и не желая биться (въ Pril. нѣтъ). Дальнѣйшее содержаніе Micl. Н.Соф. располагается по слѣдующимъ главнымъ эпизодамъ: 1) Рижеида (Chryseis); 2) Гекторъ и Аяксъ; 3) Парисъ и Менелай; Pril. представляетъ ихъ въ обратномъ порядкѣ; мы соблюдаемъ послѣдовательность Micl.

Греки берутъ въ плѣнъ Рижеудѫ (Micl. Н.Соф.; Pril. Крижеиду: Chryseis), дочь попа «Рижеоуша» (Micl.; Pril. Крижеуш'), служителя «Тебоуха» (Micl. Н.Соф.; Pril. Пебуша); «и видѣвъ ѫ Агаменъ царь лѣпѫ и краснѫ велми, и вьзѧ ѧ себе». Разгнѣванный богъ насылаетъ на греческое войско великій недугъ. «Калкашь» говоритъ, что недугъ не прекратится, пока Хризеида не будетъ возвращена (Pind. Theb. 55 слѣд.), что̀ Ахиллъ и дѣлаетъ (Micl. Н.Соф.; въ Pril. Агамемнонъ), а Агамемнонъ, разсердившись на это, отнимаетъ у него «женѫ» (Micl. Н.Соф.; Pril. хот'ницу, т. е. Бризеиду). Ахиллъ обиженъ и не хочетъ болѣе идти на брань (Pril. прибавляетъ: «и сѣдѣше у шаторѣ своем' и гудѣше в гусли»); къ нему посылаютъ Улисса (Micl. Н.Соф.: и Тивоучера), «Брѣжеидѫ» (Micl. Н.Соф.; Pril. Брижида, Брижюида; сл. Ov. Her. III, 85 и слѣд.), но все напрасно.

Слѣдуетъ бой Гектора съ Аяксомъ; у Аякса камень «коего не могѫтъ два витеза двигнѫти» (Micl. Н.Соф.; Pril.: 14 юнаки); Pril. прибавляютъ о Гекторѣ, что онъ носитъ съ собою «живе огне и образ' Юпитѣра бога, молаше на то како бы могал' пролиѣти крв' грчке воиске и них лад'е умчати». Гекторъ, сброшенный ударомъ Аякса (Pind. Theb. 602 слѣд.), говоритъ: «нѣсть съи оударъ ѡтъ грьцкыихь оударъ, нѫ есть прижиискыхъ кръвіи». Когда Аяксъ назвалъ себя, онъ повторяетъ: «нѣси ты ѡтъ грьчьскыхъ витезь, нѫ си ты ѡтъ прижиискыѫ кръви, а Ежеона (Hesione) госпожда мнѣ есть сестра» (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. Аяксъ ограничивается замѣчаніемъ: «исто ест' мати моѣ ис Трое». Гекторъ даетъ Аяксу свой золотой поясъ (только въ Pril.), Аяксъ ему свой золотой мечъ (у Pind. Theb. 630 слѣд.: Гекторъ даритъ Аяксу золотой мечъ; Аяксъ Гектору поясъ. Сл. Trójumannasaga стр. 60 и прим. 1: ркп. B), чтобы, встрѣтившись въ битвѣ, распознать и не убить другъ друга. Къ этому Pril. прибавляетъ: «От' туд' понесе Аѣкш' .ч. ран' у своем' щите, и ту поби охолога Шарпедонуша и застав' троиску, и учини .1000. корабл' от' живѣх' огнев' и от'пуди силне застави

от' корабал' грчкѣхъ'». О смерти Сарпедона отъ руки Улисса говоритъ выше (стр. 80) тотъ-же текстъ.

Гекторъ побуждаетъ Париса пойти на бой (въ Pril. нѣтъ), онъ сраженъ Менелаемъ, но Венера спасаетъ его, наведя мглу (Pind. Theb. 308). Елена встрѣчаетъ его словами: «Вѣдѣ говорѣх ти, противѫ не исходи Менелаоушоу царю, зане бо е похраберъ ѡтъ тебе (Pind. Theb. 327 слѣд.), а ты еси почьтенъ господинь и подобръ игрєцъ играти и веселити сѧ съ госпождами (Сл. Ovid. Her. XVI, 253 слѣд.: Apta magis veneri, quam sunt tua corpora marti; Bella gerant fortes; tu, Pari, semper ama), видѣхъ бо, ꙗко твои жльтїи власи лежахѫ вь троискѡмь прасѣ» (Micl. Н.Соф.; сл. Pind. Theb. 323).

«Потриколушь доичикъ, кои бѣше съ нимъ (т. е. Ахилломъ) едино млѣко салъ» (Micl.; Н.Соф. Потрикол'шь; Pril. Протоколош' доичищ'; Пып. Патроклїе; сл. Trójumannasaga l. c. стр. 44, 60: fóstbróðir hans), проситъ Ахилла дать ему его оружіе и знаменіе, чтобы пойти противъ Гектора. «И оубоа сѧ и еговъ фарижъ, и начѧ бѣжати, и пакы вративъ сѧ рече: Нѣсть ми срамота ѡтъ добра витеза оумрѣти» (Micl. Н.Соф.). Гекторъ убиваетъ его (сл. Pind. Theb. XVI) и привязываетъ къ хвосту коня. Въ Pril. подробнѣе: Троянцы бѣгутъ передъ знаменіемъ Ахилла, какъ овцы передъ волкомъ, Гекторъ обращается къ Патроклу: обратись ко мнѣ, я — Гекторъ краль, троянская десница, если меня побьешь, отворены тебѣ будутъ Тройскія врата. «А он' мисли, како би побѣгал', да би [не] погубил' глас' Ацѣлишев'».

Узнавъ о смерти Патрокла, Ахиллъ посылаетъ сказать Гектору (только въ Pril.): «Взнеси се, мнѣл' си, да си мене убил', каи си убил' мега драгого брата Протоколуша и взел' си на нем' мое оруж'е; ти е имаш платити. Вѣш' ка ста два дѣтища едан' сасац' саснула, еста си брата, и още едан' другого жаловати». Онъ посылаетъ къ «матери своеи Тетиши госпожди вь Елины» съ просьбой прислать ему такое-же оружіе, какое дала ему прежде. Она идетъ въ гору къ «Вл'каноушу» (Pril. = Vulcanus; Micl. Н.Соф. Калканоушу) ковачу, «под коимъ бѣ .т. малыхъ

діаволъ»[1]); онъ изготовляетъ ей оружіе (Pind. Theb. XVIII), которое и послано Ахиллу. Въ ту ночь жена Гектора, Евтропіа (Micl. Н.Соф., далѣе: Андрофіа; Pril. Андропа; Пып. Еутропія; Trójumannasaga 62, въ варьянтахъ: Andronia) видѣла страшный сонъ: будто изъ Трои вышла «велика мечка а изъ гръчьскыѧ воискы вепрь», который и сразилъ медвѣдицу. Она говоритъ о своемъ сновидѣніи Пріаму, прося его не пускать на слѣдующій день Гектора на брань. Но его не удержать: его просятъ не ѣхать Ѩкоупа и Андрофіа и Кащрандра и Поликшена, жена бросаетъ передъ его коня малолѣтняго сына, заступаетъ ему путь одѣтая въ черныя ризы (Micl. Н.Соф.). Въ Pril. его останавливаетъ Пріамъ, жены простираютъ «крзна своѣ» передъ его конемъ; Андропа облеклась въ «чрно рухо» и простираетъ передъ его фарижемъ «кр'зно бисер'но»; «а Ектор се обрнув' по крз'нѣ и иде на рв'аню». — У Micl. Н.Соф. Ахиллъ и Гекторъ встрѣчаются, но не бьются, отлагая бой до слѣдующаго дня; Гекторъ убиваетъ «.з. оуровъ гръчьскыхъ», а на другой день убитъ Ахилломъ, который приноситъ его тѣло въ свой станъ. Въ Pril. Гекторъ сразилъ семьсотъ человѣкъ, шесть греческихъ уровъ[2]); «и бѣше свргал' с кона Деомедежа Дѣтеушѣвица и видѣ на нем' свѣтло оружие, писано златом', и погнув' се дераше га». Убитаго Гектора Ахиллъ привязалъ къ хвосту коня, привлекъ въ станъ и положилъ въ своемъ шатрѣ. — Слѣдуетъ разсказъ о хожденіи Пріама въ станъ Ахилла за трупомъ сына (сл. Pind. Theb.

---

[1]) Сл. сходное представленіе о «fabrica fabrorum», управляемой Вулканомъ, въ Visio Tnugdali, ed. Schade, § 11.

[2]) Сл. Пып. l. c. стр. 313: «и въ тои день уби Екторъ 7 уровъ греческихъ, еже есть седмь полковъ, и заутра изведе Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ, и наѣха Ахиллеи Ектора и, убивъ, прободе его, и паде мертвъ; и въземъ его Ахиллеи понесе на свои станъ, потомъ-же разбиваетъ и полки, и побиваетъ ратоборца. Убьенну же бывшу Ектору дерзосердому, столпу троискому, мужу тяжку и храброму, въ оружіяхъ воспитанну, язвы носящу на персѣхъ: прежь даже еллини не пришли и составили брань, соплеташеся сеи со юнцы дивіими, — видѣвше же сіе троистіи велможа и господіе, начаша жалостно плакати, и взя Пріямъ царь на себя нищая и худая ризы и гусли» и т. д. (слѣдующая далѣе сцена въ шатрѣ близка къ изложенію у Micl.).

XXIV). У Micl. Н.Соф. онъ подробнѣе, чѣмъ въ Pril.: Пріамъ одѣвается нищимъ и съ гуслями въ рукахъ идетъ по греческому войску, спрашиваетъ, гдѣ шатеръ (Micl. Н.Соф. катоунъ; Pril. шатор) Ахилла, авось онъ накормитъ его «грѣшнаго и страннаго». Передъ шатромъ онъ началъ «гѫсти въ гѫсли жалостно вельми»; его накормили и пріютили; когда всѣ уснули, онъ принимается искать тѣло сына и видитъ его лежащимъ на постели Ахилла, который слышитъ стонъ пришельца, спрашиваетъ, кто онъ (Въ Pril. Пріамъ находитъ тѣло Гектора; «и паки приде к постели Ацѣлишеве и заче гибати Ацѣлишем', глаголе: Ацѣлиш', о Ацѣлишоу господине! Рече Ацѣлиш: Гдо еси ты?»). Узнавъ его имя, онъ говоритъ: «Аще ты еси Прѣıамоушь, то азъ ѡтъ страха твоего мрътвъ есмъ. И рече Прѣıамоушь: не бои сѧ, господине, ѡтъ млада того нѣсмъ створилъ, да спѧща витеза погоублѧ» (сл. Serv. ad. Aen. I, 487, II, 541). — Pril. восполняютъ здѣсь очевидный пропускъ Micl.: «Пришал' сам', ако ми даш' мега сина на откуп', дам' ти три онолике стлпе злата»; но Ахиллъ не только отказывается отъ откупа (здѣсь Micl. Н.Соф. снова сходятся съ Pril.), но и предлагаетъ отнести тѣло Гектора въ Трою, «по вѣрѣ и клѧтвѣ Прѣıамоушевѣ, да здраво вьнидѫ и пакы изыдѫ». Въ Pril. Ахиллъ относитъ тѣло и затѣмъ вторично приглашенъ Пріамомъ въ Трою, гдѣ и убитъ. У Micl. Н.Соф. это сведено въ одинъ разсказъ: Пріамъ приглашаетъ Ахилла: «поидѣвѣ въ цръквъ (Pril. Пѣбуша бога) клѧти сѧ дроугъ дроугоу зло не мыслити, да би сѣмѧ ѡставилъ въ Трои, и да ти вьдамъ моѭ дъщерь Поликшенѫ (Pril. Проликшену) госпождѫ». Въ то время, какъ Ахиллъ клянется (Pril. пред' олтаром'), Елѣноушъ (Micl. Н.Соф.; Pril. Париж') поражаетъ его въ пяту ядовитою стрѣлою, «зане бѣ весъ арматосанъ, толико ходила его без' железа» (Micl. Н.Соф.). Пріамъ горюетъ, что его слово нарушено, посылаетъ сказать о томъ греческимъ царямъ, а вмѣстѣ и оружіе Ахилла и, по требованію Грековъ, его пепелъ въ золотомъ сосудѣ. «И видѣвша царѣ и урове грьцтіи дивішѫ сѧ, глаголѭще: ѡ сило и славо Ацилешова, како тѧ не съвземѣхѫ вьси

гради и отоци, а нинѣ единь златъ крьчагъ нѣсть тѧ плѣнъ» (Micl. Н.Соф.; сл. Ovid. Met. XII, 615 слѣд.). Pril. продолжаетъ: «О Пелеуше, оче нега, ки велику част' имѣше отъ нега, а сада велику жалост'». Еленоушь Micl., убійца Ахилла, стоитъ, вѣроятно, по ошибкѣ, вмѣсто Париса Pril., гдѣ опредѣлена и мѣстность: храмъ Феба, какъ у Сервія (in Verg. Aen. III 83 и 321) и Дарета, гдѣ Ахиллъ убитъ Александромъ Парисомъ in fano Apollinis Thymbraei. У Диктиса убійцы: Александръ и Деифобъ[1]), какъ и въ греко-славянской Александріи, и говорится о желаніи Пріама выдать за Ахилла Поликсену (III, 27); эпизодъ, давшій поводъ Александріи къ особому развитію[2]): Александру показываютъ въ Троѣ чудное «крьзно» Поликсены, съ которой обрученъ былъ Ахиллъ, предательски убитый потомъ въ храмѣ Аполлона Парисомъ и Деифобомъ. Въ греческомъ текстѣ Александріи, напечатанномъ мною по вѣнскому списку[3]), включено въ этотъ эпизодъ краткое упоминаніе о любви Троила къ Бризеидѣ по поводу ея μαντέλο, которое показываютъ Александру. Новый

---

[1]) Такъ и у Пып., стр. 314: «и преклонися Ахиллеи клятися, и ту себе скры Александръ Фарижь, Пріамовъ сынъ, и Диѳовъ, и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою въ пяту, занеже бысть весь вооруженъ, точію плѣснѣ его безъ желѣза, и избѣгоша вонъ: Ахиллеи же падъ на издыханіи послѣднемъ. Ощути жь сія Дисевесъ (Одиссей), яздяше бо съ нимъ, и съ нимъ Діогеонъ (вар. Дигіонъ, Діогенъ: Діомедъ?) и Як[шъ] Теламонянинъ: вкупѣ же убо въ церковь вскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми обліянна и угасша и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакоста, и нападъ на перси его Ея[кшъ] великіи съ плачемъ ко Ахиллею рече: О ратемъ разрушителю, исполине крѣпкорукіи, кто погубити тя возможе, двояростнаго? Онъ же едва проглаcивъ рече: убиста мя лестію Александръ Фарижь [и Диѳовъ]; сія рекъ издъше» (сл. Dictys IV, 10, 11). Его пепелъ отданъ Грекамъ. Дальнѣйшій разсказъ идетъ въ такой послѣдовательности: Екама отсылаетъ Полидвора къ Полимнещеру (вар. Полинещеру); эпизодъ о конѣ, взятіе Трои; принесеніе въ жертву Поликсены и убіеніе Полимнещера Екамой; Менелай возвращается съ побѣдой, простоявъ подъ Троей 10 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. «И тако скончася троиское царство. Написа же повѣсть о троискомъ плѣненіи творецъ Омиръ. Ахиллеи же сеи бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша».

[2]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 204—5, 207, 446.

[3]) Сл. l. c. Приложенія, стр. 36.

списокъ греческаго романа, найденный мною во Флоренціи (cod. Laur. 1444, бывшій Ashburnam), смѣшавъ Бризеиду съ Поликсеной, говоритъ, что изъ-за первой убитъ былъ Ахиллъ. Что слѣдуетъ далѣе, привожу по флорентійскому списку, представляющему здѣсь нѣкоторыя отличія (и распространенія) противъ вѣнскаго: «καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, αὐτὴ ἐσφάγη εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως καὶ ἀπέθανεν· καὶ ὡς εἶδεν τὸ ροῦχον ἐκεῖνον ὁ Ἀλέξανδρος, πολλὰ τὸν ἔπομπεν καὶ ἐκαύχησεν τὴν τιμὴν τῆς γυναικὸς ἐκείνης, τὸ πῶς καθαρὸν πόθον καὶ ἐνεπιστευμένην ἀγάπην ἐκράτησεν πρὸς τὸν Ἀχιλλέα, ὅπου εἰς τὸν κόσμον ὅλον ἄλλη μία γυναῖκα οὐδὲν ἐποίησε τέτοιαν ἐμπιστοσύνην, καὶ πολλὰ τὴν ἐπαίνεσαν ὅλοι, ὅτι ὁ Ἀχιλλεὺς ἀπέθανεν καὶ αὐτὴ ὁλονοῦ ἀνθρώπου οὐδὲν ἠθέλησε νὰ γένη γυναῖκα. καὶ εἶπε ἡ Βρυσέϊδα (= Поликсена) εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως ὅταν ἐσφάγην ὁ βασιλεύς· Ἀχιλλέα μου καὶ λέοντα, ὁποῦ οἱ Τρωαδίταις ἀπὸ τὸν φόβον σου ἐτρόμαξαν, πῶς ἐγὼ ἡ αθλία νὰ ὑπηγαίνω εἰς ξένον τόπον; ὅπου ἔσαι, αὐθέντη μου λεοντόπαρδε; διατ' ἐμένα ἐχάθης, κάλλιον τὸ αἷμα μου νὰ πέση εἰς τὸ μνῆμα σου καὶ ἐγὼ ἄτιμον νὰ πέσω κοντά σου περὶ νὰ γένω ζοντανὴ καὶ νὰ ἐπάρω ἄλλον ἄνδρα». Такъ, въ сущности, и въ славянскомъ переводѣ; вѣнскій текстъ нарушаетъ здѣсь впечатлѣніе цѣлостности и какъ-бы противорѣчитъ похваламъ, расточаемымъ Александромъ вѣрности Поликсены, прибавляя свѣдѣніе о томъ, какъ она была заклана Пирромъ на гробѣ отца. Изъ какого источника заимствованъ необычный разсказъ Александріи о смерти Поликсены, я не зналъ; теперь я нашелъ его въ Филостратовомъ Житіи Аполлонія Тіанскаго l. IV, c. XVI: она (Поликсена) умерла на моей гробницѣ, говоритъ Ахиллъ, но не греки заклали её: она сама по собственной волѣ пошла на смерть, бросившись на мечъ, чтобы воздать честь нашей любви» [1]).

Улиссъ и Аяксъ спорятъ объ оружіи Ахилла. Pril. открываетъ эту сцену такимъ образомъ: «И слиша то внук' Тата-

[1]) «σφαγῆναι δὲ αὐτὴν οὐχ ὑπὸ τῶν Ἀχαιῶν, ἀλλ' ἑκοῦσαν ἐπὶ τὸ σῆμα ἐλθοῦσαν καὶ τὸν ἑαυτῆς τε κἀκείνου ἔρωτα μεγάλων ἀξιῶσαι προσπεσοῦσαν ξίφει ὀρθῷ».

нушев'[1]), како се хощета она прѣти, и отпуди ихъ, не хотѣ има шкодити, и рече господѣ сести редом' при своем' стану и поведа им' суд' разума. Господа сѣдѣху, а прости люди нижни стаху околу».

У Micl. Н.Соф. говоритъ Аяксъ («ѡ грьчьстіи царие и велмѫже и урове саракиньстіи и каакиистии и палагїистіи и раульстіи витези»), *нѣсколько* разъ чередуясь съ Улиссомъ, при чемъ каждый ссылается на подвиги, имъ совершенные и упомянутые въ предъидущемъ изложеніи. Грейфъ указалъ для этого отдѣла двѣ параллели въ Ovid. Met. XIII, 24 слѣд. и 386 слѣд.— Въ Pril. изложеніе совсѣмъ другое: Аяксъ и Улиссъ говорятъ каждый по *одной* рѣчи, похвальбы подвигами почти нѣтъ, или упоминаются не тѣ, что у Micl. Сл. Ov. Met. XIII, 1—381.

«И вста Аѣкш' Телемунищ' и гледа по господѣ аргулѣн'ской и рече: Оимѣ, колико тешка имам' пред корабли гр'чкѣми! (Ov. l. c. v. 5—6; agimus, pro Juppiter, inquit, — Ante rates causam). Урикшеш' умѣ лѣпо говорити езиком' а створом' ни рукома не море се рвати за корабле грчкѣ, како ѣ, Аѣкш' Телемонищ'. Грчка господо, повѣите право, како ѣ придох' на вашу помощ' с' .30. корабли (это напоминаніе есть и у Micl.). Господо грчка, не помене дѣл' своих прѣм', ви сте е видѣли, пред вами сам' чинил' (l. c. v. 13—14: Nec memoranda tamen vobis mea facta, Pelasgi, — Esse reor; vidistis enim). Господо, р'цѣте, да ѣви Урикшеш' своѣ дѣла, кѣм' су свѣдоци ка е учинил', а в нощи престрѣгал' е страж'ника Делона (l. c. v. 15: quorum nox conscia sola est). Господо грчка, судѣте право, даите ми то оруж'е, поменѣте да ѣ понесох' у моем' щите .1000. ран' (l. c. v. 119: Mille patet plagis). Ище, господо грчка, да би то оруж'е умѣло говорити, не бих' га ѣ просил', да то би мене просило оруж'е (l. c. v. 97: Atque Aiax armis, non Aiaci arma petuntur). О грчка господо, ѣ вас' прошу, даите ми то оружие, ѣ умѣм' ш ним' почтено ходити. Грчка господо, ѣ вам' правлю, хелам' Ацѣли-

[1]) т. е. Танталушевъ: Агамемнонъ сынъ Атрея, внукъ Пелея, правнукъ *Тантала*.

шев', ки е от' пречистога злата, не море стати на Урикшешевѣ плѣшивои главѣ (сл. Micl.: не даваите е Оурекшоу на плѣшивѫѧ главѫ) и нега сулица не море стати под лаживу мишцу Урикшеву, ка се е научила често рваню трпѣти (сл. Ov. l. c. v. 105—109). Грчка господо, каи смо учинили рѣч'ю, учинимо е и створом', рцѣта то оружие врѣщи на троиска врата: ки е взаме мѣи нама, тому буди (l. c. v. 121—2: Arma viri fortis medios mittantur in hostes: Inde iubete peti et referentem ornate relatis). И рѣше господа: то би право било, ар' би нам' през' грѣха. И Аѣкш' договори свою рѣч'.

И в'ста Урикшеш' на рѣч' свою и поче тихо говорити, обрисав' очи свои и и гледае по госпоѣ, и вздахнув' рече (l. c. v. 125—7: Astitit, atque oculos paulum tellure moratos — Sustulit ad proceres, expectatoque resolvit — Ora sono): Грчко господо, не буди в том' Аѣкшѣ користи, ка е мене псовал' ни манѣ шкодѣ. За-ч' нигдор' не море от свое доброте побѣгнути (l. c. v. 139: bona nec sua quisque recuset). ако би доброта ва мнѣ била, сумнен' бих небил': оба сва едне племен'щине (l. c. v. 143: totidemque gradus distamus ab illo, т. е. a Jove). Да ако ине оп'щине нѣмам' с' Ацѣлишем', брат ми ест' и братина оружиѣ прошу. Да ако са Аѣкш' прави свое доброте витежаство, а моѣ е доброта мудрост'. Грчка господо, моѣ мудрост' веще ест' вам' помогла у ваших' неволах', нере Аѣкшево витежаство. Грчка господо, колико век'ша ест' мудрост' от' витежаства, колико е крал' вещи от свога витеза (l. c. v. 366: quantoque ratem qui temperat anteit — Remigis officium, quanto dux milite maior, — Tantum ego te supero). Гдѣ бѣхоте ви охоли витези, гда не смѣхоте цару ни едну рѣч' рѣщи, г'да бѣше от' морске виле ср'да пришла к вашему лицу и имѣхоте погинути у отоцѣ? И пришад' укротих' цара и приведох' нега хщер' и откупих' душе, да не буду жене ваше вдовице: то сам' мою мудрост'ю помагал' вам' у ваших' неволах' (это упоминаніе есть и у Micl., но иначе разсказанное). О грчка господо, посласте Аѣкша искат' Ацѣлиша, и не море га наити; и поидох' ѣ, направив' мои корабал' рухом' и оружием', и наидох'

Ацѣлиша (есть и у Micl., но въ иномъ текстѣ) и пелах' га на мощнога Телепона сулич'ника, и убисва га и взесва град' его и инѣх 6 (е) взесва до Трое, и жива га приведох' к вам' (сл. Ov. Met. XIII, v. 171 слѣд.; сл. выше, стр. 82—83). Грчка господо, хощу да ми дасте жива мега брата Ацѣлиша, да си га жива поставлю гдѣ сам' га взел'». Такъ кончается вся эта сцена и у Micl.: «дадите его мнѣ, само да ωтъведѫ и поставлѧ, гдѣ того смь и взѧлъ».— Царь и воеводы и урове, сидѣвшіе «вькоупѣ» (Н.Соф.; Micl.: вь коулѣ), рѣшаютъ отдать оружіе Улиссу (Micl.); въ Pril. они ссылаются при этомъ на его послѣднія слова: «он' га жива приведе к нам', а ере е уб'ен, ми га жива нѣмамо ча дати, а оруж'ѣ су остала».

Аяксъ убиваетъ себя (Ov. Met. XIII, v. 386 слѣд.), а Улиссъ успокоиваетъ озлобленныхъ тѣмъ царей обѣщаніемъ — взять Трою хитростью. Pril. тотчасъ приступаютъ къ этому разсказу, въ Micl. Н.Соф. говорится передъ тѣмъ, что Якоупа, предвидя паденіе города, отсылаетъ сына своего Полидвороуша (Polydorus) къ «Полинещероу кралю», что царилъ «по всеи Пагажи» (сл. Ov. Met. XIII, 430 и слѣд.). Судьба Полидора досказывается впослѣдствіи, уже послѣ взятія Трои; такъ и въ Pril., помѣщающемъ отправленіе Полидора въ другомъ мѣстѣ. Разсказъ этотъ, стало быть, былъ разбитъ на два эпизода уже въ оригиналѣ повѣсти, къ которому Micl. Н.Соф. здѣсь, вѣроятно, ближе.

«И посла (Улиссъ) по Пилоташа П[е]анцижища, и придѣ носе стрѣлу габѣлову, ку мораше еднем' вдарцем' три тур'не развалити» (Pril.; у Micl. Н.Соф. нѣтъ). Слѣдуетъ разсказъ о взятіи Трои хитростью Улисса (по мнѣнію Greif'a, стр. 276, по Aen. II). Конь сдѣланъ изъ мѣди, стекла и воску (Micl. Н.Соф.; Pril. изъ чернаго стекла) и оставленъ, тогда какъ греческіе корабли скрылись «въ шимоишевѣхъ брѣзѣхъ» (Micl. Н.Соф.; Pril. за сигиски брѣге); чтобы ввести коня въ Трою, надо было «сътльщи камень, иже бѣше надъ враты» (Micl. Н.Соф.; Pril. прибавляетъ: «на ком бѣше писано: Докле та камен' стои, нѣ расипанѣ Трои»). Витязи, заключенные въ конѣ, выходятъ изъ

него, въ это время подступаетъ и греческое войско, «и начашѧ сѣщи троискыѧ витезы, а дроугыѧ изметашѧ въ море» (Micl. Н.Соф.). Pril. даетъ лишнія подробности: «и взеше войско турне, а Пилоташ' хиташе стрѣлу габѣлову и разбиѣше по три турне еднем' вдарцем'. И бѣше начинил', како ю опет' вращати. И взѣше Трою ѣлом' и вргоше доле с високога турна Ащина Иѣкаша Екторовища, и ондѣ стое гледаше оца своега, кадѣ хоѣше на рваню[1]). Приѣмуш' крал' с едну честию погибѣ, а троиске госпе за власе влачаху». Париса и Елену приводятъ къ Менелаю; она говоритъ мужу: «ѡ господине царю, ты бысть ваще кривъ, чемоу мене остави съ Алеѯандромь Фарижомъ, да мене своимъ невѣрьствомь прѣвари»? (Micl. Н.Соф.; Greif. стр. 277 сличаетъ Ov. Ars am. II, 365 слѣд.) Менелай отвѣчаетъ: «ѡ господине Елено, да вѣси, ѩко ѡтъ сели да сътворѧ азь, да инь никто тебе не прѣваритъ ни прѣльститъ» (Micl. Н.Соф.; Pril: «госпое, прѣе си познала Тѣжеуша цара, а сада Парижа Александра; вѣра ти е моѣ, како на то не придеш'). Онъ велитъ обоимъ усѣчь головы[2]).

Micl. Н.Соф. сообщаетъ за тѣмъ кратко объ усѣченіи Поликсены на гробѣ Ахилла; Гекуба достается на долю Улисса (Ov. Met. XIII, 483 слѣд.), который и увозитъ её. Между тѣмъ, узнавъ о паденіи Трои Полимнещеръ (Пып. id.) убиваетъ Поли-

---

1) Ov. Met. XIII, 415 слѣд.: Mittitur Astyanax illis de turribus, unde — Pugnantem pro se proavitaque regna tuentem—Saepe videre patrem monstratum a matre solebat.

2) Въ испанскомъ романсѣ (Wolf y Hofmann, Primavera y Flor de Romances, II, № 109), гдѣ Парисъ увлекаетъ Елену хитростью, онъ одинъ и наказанъ:

tres pascuas que hay en el año
le sacan á justiciar,
sácanle ambos los ojos
Los ojos de la su faz,
córtanle el pié del estribo,
la mano del gavilan,
treinta quintales de hierro
á sus pies mandan echar,
y el agua hasta la cinta
por que pierda el cabalgar.

дворуша (Пып. Полидворъ), когда пристаютъ греческіе корабли, и Гекуба, выйдя съ ведромъ за водою, находитъ трупъ сына. Короля, вышедшаго къ троянкамъ, чтобы ихъ утѣшить, онѣ убиваютъ ножами и сами побиты камнями. «И вьзврати сѧ царь Менелаоушь съ всѣми грькы съ великоѫ чьстиѧ, стоявше подъ Троѫ .і. лѣто и .з. мѣсаць».

Въ Pril., послѣ убіенія Париса и Елены, распорядокъ другой: Пріамъ (уже убитый, сл. выше 93) отсылаетъ Полидворуша Полинештору кралю, который убиваетъ его. Улиссъ увозитъ Гекубу къ своей матери. «И када придоше, кадѣ бѣше гроб' Ацѣлишев', и вста Ацѣлиш' гневом и рече: Ако ми не дастѣ Проликшене госпѣ въ жртву, хощу вам' мою срду разбити лод'е о землю. За-ч' бѣше рѣкал': Ако буду жив', да ми е жена, ако умру, да ми е жртва. И взамше витѣзи Проликшену госпу и пелаше ю на гроб' Ацѣлишев'. И рече Проликшена госпа: Не похитуите витѣзи за мое тѣло, ни една рука нѣ ка мне похитила развѣ матере моее; ако ли похититѣ, не буде жртва о мне сему витѣзу. А сама свиѣше лежащи окол' себѣ крила, да би не видѣли тѣла ее (Ov. Met. XIII, 447 слѣд.). И убише ю, и присташе корабли къ трациискому отоку к граду, кадѣ бѣше Полинештор' крал'». Гекуба велитъ дать себѣ ведро, «да си умию слзѣ от' очию моею», идетъ къ берегу и видит сына, «прободѣна в мору, и ине госпое взапише гласом', а она онемѣ и бѣ подоб'на к мрамору. И паки наостривши се срду, поче рути, како лавица, ка бѣше осирѣла щенетѣм' послѣдующи ловца свога. И придоше под градь Полинештров' и изазваше Полинештора крала, и придѣ к ним' и рече: Госпа Ѣкупа, каи си дала схранити своим' сыном', то е схранено, а син' твои жив' ест'. А она маненоваше о нега лажи, како би могла прити к нему. И скочи к нему и заврже рукама своима за нега власе и врже му очи ван'. А из града пустиша камение и побише те вси госпе. — А Грци придоше домов' скон'чавше Трою за .10. лѣт' и .7. мѣсѣцев'».

Такъ кончается текстъ Pril.; въ Micl. = Н.Соф. слѣдуетъ еще нравоучительное заключеніе. «И тако сконча сѧ троиское

кралевьство прѣжде рождьства Христова на .тѯ. лѣтъ ендиктиѡна .з-го., и тако богъ смѣрѣетъ вьзносащихъ са и сѣма нечьстивыхъ потрѣбитъ, ꙗкоже пророкь провьзвѣсти глаголꙗ: Видѣхъ нечьстиваго прѣвъзносаща са и высаща са и мимо идохъ, и не обрѣте са мѣсто к тому, ꙗко богъ праведенъ и праудѫ вьзлюби а пѫти нечьстивыхъ потрѣби, и своеа мышцеа грьдымъ противитъ са, а право ходащимъ даетъ благодѣтъ, и не лишитъ добра ходящихъ незлобоѫ».

Заключеніе принадлежитъ, быть можетъ, славянскому перескащику, не нашедшему другой оцѣнки для повѣсти, гдѣ говорилось о чести и «дворбѣ», courtoisie и подвигахъ. Странно только, что всё это подводится подъ общее понятіе гордыни и нечестія, какъ въ русскомъ Луцидаріи Троя будто-бы пала за— волшебство: «таможъ было превеликое Троянское царство; зломерзскогожъ ради волхвованія разорися попущеніемъ божія чудодѣйства и въ конечную гибель осуждено, яко отнюдь тамо нѣсть жилища человѣкомъ, но дивіе звѣріе и зміевѣ тамо пожираютъ»[1]). Ближе было-бы развить нравоучительный моментъ, не разъ повторяющійся въ текстѣ: о «злой женѣ», изъ-за которой погибли народы и царства.

Это — любимая тема средневѣковыхъ вагантовъ, когда они говорятъ о паденіи Трои.

Causa rei talis meretrix fuit exicialis
Femina fatalis, femina feta malis,

поетъ одинъ изъ нихъ, обращаясь къ Еленѣ[2]);

Causa tua pene quid agebas, predo Lacene?

обращался другой къ Парису:

Fellis erant plene, que placuere gene.
O Venus inmitis, o dira noverca maritis,

---

[1]) Сл. Галаховъ, Исторія русской литературы I, стр. 404. — Иное обвиненіе у Giraldus Cambrensis, Descriptio Cambriae, l. II, c. 7: Константинъ Великій «Trojam reaedificare proponens, ibique orientalis imperii caput erigere volens, audivit hanc vocem: Vadis reaedificare Sodomam».

[2]) Wattenbach, Ganymed und Helena, въ Zs. f. deutsches Alterthum XVIII, 135.

O radix litis, cur mala tanta sitis?
O Venus effrenis, permiscens mella venenis,
Fel latet in venis, melle peruncta venis.
Hii mores Veneris, hyemem legit emula veris,
Hic quicumque seris, vomere saxa teris.
Urbs ita sublimis, ita pregnans rebus opimis,
Urbs domina in primis, iam sedet orba nimis [1]).

Троя погибла «жены ради нѣкыѩ Ѥлѣноуше (вар. Елены), кралꙗ лакѥдон'скаго (вар. лацедемонскога) Ме[не]леоуша», говорится въ троянскомъ эпизодѣ греко-сербской Александріи; отъ женъ идетъ взе зло: «прьвѣѥ бо Адамь женою прельштень быcть и паде, великыи и крѣп'кыи Самп'сонь женою погибе и прѣмоудрыи въ чловѣцѣхь Соломонь жены ради адь наслѣди. И въ Трои градоу мнози храбры витези и царіе за ѥдиноу женоу погибоше». Когда прочелъ о томъ Александръ въ книгахъ «нѣкоего философа Омира», сказалъ: «О колици сил'ныи падоше се жены ради мьрзскыѥ и лоукавиѥ!» [2]) Такъ и въ болгарскомъ Словѣ о ветхомъ Александрѣ [3]): «и видѣ Алеѯандръ колико зла сътворишасѧ ѡ единой женѣ: тогда Іерусалимь разоришѧ и дроугыхь великыхь градохь .сд., въсѧ воѧ и хоры опоустѣшѫ, и оубиша .гı. цареи, свѣне писидиискаго царѣ». Увидѣвъ это Александръ-Парисъ отсѣкаетъ Егvлоудѣ голову, а самъ бросается въ море.— Егvлоудой (=Гилуда текста проф. Григоровича) названа въ этой повѣсти Елена; простое-ли это искаженіе имени, или Егvлоуда Гилуда = Ἑλένη ἡ Γυλοῦ? [4]). Она не только «злая жена» въ

[1]) Huemer, Ein Trojanerlied aus dem Mittelalter, въ Zeitschrift für die oesterreichischen Gymnasien, 1887, I, стр. 9.

[2]) Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 203 (на 10-й строкѣ снизу читай: оучрьди се вм. оугрьди се), 205.

[3]) l. c. стр. 87.

[4]) О Γυλοῦ сл. мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI, стр. 41 слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, Іюнь, стр. 288—9. Сл. гилоуда = magae genus, у Miclosich, Lexicon a. v. съ ссылкой: «еще жены глаголемые гилоуды иссыхающе крьвь дѣтемь оумрьщвляютъ ихъ» и сближеніемъ съ русск.: голендуха. — Можетъ быть, сюда-же относится *Аюли* кавказскихъ татаръ, демоническая старуха, питающаяся печенью новорожденнаго (Дубровинъ, Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ т. I, кн. II, стр. 379).

смыслѣ средневѣковыхъ поученій, но и демоническая; не даромъ говорится, что когда Александръ ввелъ ее въ Трою, «потрѧсесѧ весь градъ велми» [1]).

Разборъ текста Micl. (= Н.Соф.) совмѣстно съ Pril. показалъ, что послѣдній не лишенъ значенія для констатированія ихъ общаго оригинала, котораго древнѣйшимъ, по записи, отраженіемъ является Micl. Рѣчи Аякса и Улисса, отличныя въ Pril. отъ Micl., могутъ быть объяснены позднѣйшей передѣлкой — по Овидію, но напр. въ эпизодѣ о Филоктетѣ = Пилоташѣ Pril. сохранилъ, что̀ въ Micl. можетъ быть объяснено лишь случайнымъ пропускомъ: въ Micl. Калхасъ ставитъ однимъ изъ условій взятія Трои — приводъ Филоктета, который далѣе не упомянутъ вовсе, тогда какъ въ Pril. онъ приведенъ и дѣйствуетъ. Нѣкоторыя изъ именъ и подробностей Pril. (Троилъ, Терзитъ, сонъ Агамемнона и его попытка къ бѣгству; Астіанаксъ и т. п.) могли также находиться въ древнѣйшемъ текстѣ и въ Pril. лишь попасть не на свое мѣсто. Лишь сравненіе съ другими, пока не изслѣдованными или еще не открытыми текстами повѣсти можетъ здѣсь привести къ какимъ-нибудь болѣе прочнымъ выводамъ.

Источники или параллели, указанныя для второй части повѣсти, не устанавливаютъ отличія между нею и первой, и это уже дало намъ поводъ къ апріорному заключенію, которое мы можемъ повторить: если сравненіе первой части нашей повѣсти съ западными легендами указало ихъ общій оригиналъ въ какомъ-то разсказѣ о юности Париса, то представляется невѣроятнымъ, что вторая составилась самостоятельно по тѣмъ-же источникамъ, съ такой-же близостью съ Героидамъ и Метаморфозамъ Овидія; тѣмъ невѣроятнѣе, что составителемъ пришлось-бы признать автора славянской редакціи. Эти затрудненія устраняются коль скоро допустимъ, что и для второй своей части онъ пользовался тѣмъ-же оригиналомъ, сохранивъ его, такимъ образомъ, цѣликомъ въ своемъ переложеніи.

[1]) Слово, l. c. стр. 85.

Что оригиналъ этотъ былъ латинскій или романскій, какая нибудь компиляція изъ комментированнаго, толковаго Овидія[1])— это заключеніе, высказанное для первой части, поддерживается и впечатлѣніями второй: тотъ-же обликъ собственныхъ именъ; менѣе значенія я склоненъ дать, въ опредѣленіи лингвистическаго характера подлинника, такимъ словамъ какъ *тента*, *кастель*, *габилотъ* (javelot, gavelot; gabilotto)[2]), къ которымъ Pril. присоединяетъ еще: *мештри*, *фудоментъ*, *короуна*, *танацъ*, *турн*, *оиме* (oime!), *поньстра* (= palaestra), ибо эти слова могли находиться въ словарѣ, не въ подлинникѣ переводчика, точно также какъ и грецизмы (хора, хорò; арматосъ и производныя; пиргосъ и пиргъ; трапе́за, катръга = χάτεργον, катоунъ = χατοῦνα), давшіе Миклошичу поводъ къ заключенію, что наша повѣсть могла быть переведена съ греческаго. Такое предположеніе возможно, разумѣется, лишь подъ условіемъ другого: что этотъ греческій оригиналъ былъ въ свою очередь переводомъ или обработкой какого-нибудь западнаго, латинскаго или романскаго, сохранивъ черты его міросозерцанія (сл. выше сказанное о дворьбѣ и госпожѣ, стр. 71) и форму собственныхъ именъ, какъ въ среднегреческой Александріи встрѣчаемъ: Πολυχρατούσης, Βρυνούσης = серб. Полоукратоушь, Вринноушь и т. п. Что сербско-славянская Александрія стоитъ на одномъ уровнѣ съ нашей притчей по отношенію къ своимъ источникамъ, лексикону и ономастику, замѣчено было мною уже по другому поводу[3]). Остановимся здѣсь лишь на ономастикѣ. Какъ въ Александріи, такъ и въ нашемъ текстѣ lat. *s* въ суффиксахъ -us, -as, -es, -is передается черезъ ш, ж: Анцидешъ (Anchises), Ацилешъ, Парижъ (сл. въ бѣлорусскомъ Тристанѣ: Самсижь = Lasancis); Кашантоуша = Xanthus, Дицеоуш-евичъ

[1]) Въ обѣихъ рукописяхъ Istorietta Trojana ей предшествуютъ комментаріи къ Овидію.

[2]) Pril.: «съ стрѣлом и габилотом, ка морета еднем' каменем' 3 турне рассипати». Разумѣется какое-то камнеметательное орудіе. Сл. въ древне-русскомъ переводѣ Іосифа Флавія: луки = πετροβόλοι (Е. Барсовъ, Слово о Полку Игоревѣ, I, стр. 225).

[3]) Изъ исторіи романа и повѣсти, I, стр. 442—3, 381—2.

(Tideus —), Палешъ. Кромѣ того s между гласными переходитъ въ ж: Брижеида, Рижеида, Ежеона, Тержитеж = Thersites (сл. въ бѣлорусскомъ Бовѣ: Дружнена = Drusiana; въ бѣлор. Тристанѣ: Ижота); s въ томъ же положеніи и въ началѣ словъ — въ ш: Шимоиш(евъ) = Simois, Шарикоуша = Assaracus; st въ щ (шт): Clytemnestra = Клатомещрица (Micl.), Полимнещеръ, Ащинъ (Astyanax), какъ въ бѣлор. Тристанѣ: Ящоръ (Astorre), Трыщанъ (Tristano); Кащандра указываетъ какъ-бы на Kastandra (можно бы ожидать: Кашандра; сл. Шарикоуша); x въ *кш:* Анкшь, Поликшена, Урикшешь — но Кашантоуша; chi въ ци: Ацилешь, Анцидешь; p въ ф: Peleus = Пелешь и Фелешь, Paris = Парижь и Фарижь; ph, f въ п, какъ въ сербской Александріи и бѣлорусск. Тристанѣ и Бовѣ: Philoctetes = Пилоташь, Придежьскъ; Прижиискъ = phrygius, Прижіа = Phrygia, Приидешъ = Phryx (?), Пебушъ = Phoebus, но и Тебоушь (Micl.), какъ Тезиwь, Тетиша, Телеспонъ (и Фелеспонъ). Интересно чередованіе ж и д въ прижиискъ и придежьскь, Приидешъ, какъ Rhesus передается въ Pril.: Рижушъ (Ружушъ), согласно съ обычнымъ s = ж, а у Micl. Реидешь; Анцидешь (Micl.) = Анцижеш' (Pril.). — Отмѣтимъ вставное р въ Тивоурцеръ, Кащрандра (Micl.), Шиморишевѣ рѣцѣ (Pril), Проликшена. Въ передѣлкѣ собственныхъ именъ замѣтно нѣкоторое стремленіе къ полногласію: Кашантоуша, Тивоуцеръ, Діевошкордія; въ этомъ стремленіи нашла-бы себѣ объясненіе и загадочная Пагажія (сл. выше стр. 72 — 73). — Пилоташъ отвѣчаетъ формѣ въ родѣ Philotas или Pilotas; разумѣется, какъ мы видѣли, Филоктетъ; кт удержано въ Ѥкторъ, но здѣсь произошла ассимиляція кт = тт, т, какъ въ ит. Filottete.

Гдѣ сдѣланъ былъ славянскій переводъ повѣсти? Сходство стиля и направленія, а также и звуковыя особенности, указанныя тотчасъ, не позволяютъ отдѣлить её отъ сербской Александріи, относимой Ягичемъ[1]) къ Босніи и сѣверной Далмаціи, и отъ

[1]) Jagić, Ein Beitrag zur serbischen Annalistik, Archiv II, стр. 24—25.

сербскихъ подлинниковъ бѣлорусскихъ Тристана и Бовы. Именно въ указанной мѣстности византійское и западное теченія могли скрещиваться и вызвать литературу переводовъ, распространившихся отъ Болгаріи (сл. текстъ Micl.) до Россіи. На сколько эти переводы вѣрно сохранили намъ свои подлинники, объ этомъ судить трудно; подлинника Троянской повѣсти мы не знаемъ, какъ не знаемъ западнаго текста Александріи, который подходилъ бы къ греко-сербскимъ версіямъ этого романа. Бѣлорусскій Тристанъ, если онъ вѣрно передалъ свой оригиналъ, въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, не встрѣтился пока въ этомъ видѣ ни въ одномъ западномъ пересказѣ, и если бѣлорусскій = сербскій Бово часто дословно переведенъ съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвояли, передѣлывая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ.

I.

Троянская притча по ркп. Н.Соф. № 1497, л. 205 об. — 232 об.

Бѣяше в пеʳвое времѧ єдинъ краль, иже сѧ зовяше имѧнеᵐ Пришеᵈ краᵈ, и бѣша зело богаᵗ, и пойде в нѣкой день ловитъ, понеᵐ драго му бѣше ловитъ, и дойде на моʳскиѐ ѡ̆токи и обрете єдинъ ѿ отокъ лѣпъ и красенъ вѣми, у коего ѿтока ѿ єдине страны течаше великое море, а ѿ другиѐ страны течаше река, коѧ именоваше Кашандуша река, а ѿ треᵗиее страны течаше того ѿтока море, кое сѧ зовеши Пелешино море, а ѿ чеᵗвеʳтые страны того ѿтока стояше лугъ, еже зовяше Дудома лугъ, ѿ пѧтыѐ страны того отока стояше жидовъ, на кое ростяху цвѣти многораᶻлични. И видѣ то Пришеᵈ(ши) краль, яко доᵇро єсть, и нача зидатъ граᵈ и созида градᵈ до староᶜти своея и нареᶜ имѧ граду тому свой именемъ, да му е имѧ Пружинъ граᵈ. Потомъ Пришеᵈ краль ѡстарѣ и роди сна своего именемъ Ойлуша кралѧ и поручи ему зидати граᵈ, а самъ почи ѿ смрти своея. И кой краль Ѡйлушъ створи сиьное дѣло, веще призида ѿца своего по смрти его, и що паки созида Ѡйлуша краᵈ, то именова своимъ именемъ, да му будеᵗ имѧ Илиѡнъ граᵈ. И потомъ Ѡйлушъ краль роди сна своего Ламеѡдона кралѧ великаго и поручи ему зидатъ грады, а самъ почи ѿ смрти своея. И Ламедонъ краль великій и той именова на свое имѧ грады своѧ Ламедониѧ граᵈ, и по семъ Ламедонъ краль великій ѡстарѣ и роди сна своего

имене[м] Ша[ри]куша кра̑, заповѣда ему зидати граді, а самъ почи ѿ смрти своея. Пото[м] Ша[ри]куша кра̑ сотвори сино дѣло, вище призида по смрти ѿца свое̑, и що бѣ зида[л] [то именова] свои[м] имене[м], да му е имя Ша[ри]кушія гра[д]. И пото[м] Ша[ри]кушія кра̑ ро[ди] сна Да[р]дануша краля и ре̑ ему зидати гра[д], а са[м] почи ѿ смрти своея. И Да[р]дануша кра̑ сотвори велико дѣло, выще призида по смрти быщине си и наре̑ на свое имя Да[р]данѣя гра[д]. И пото[м] Да[р]дануша кра̑ ро[ди] сна Тройлуша краля и ре̑ ему зидати гра[д], а са[м] почи ѿ смрти своея. И пото[м] Тройлуша кра[л] сотвори велико дѣло, веще призида ѿ отца свое̑ и наре̑ Троя гра[д]. Тройлуша[м] ро[ди] Приямуша краля. И Приаму имѣ жену имене[м] Якупа госпогя. Во едину нощь види снъ Якупа госпогя и ужасеся и воста ѿ сна свое̑ и прояви со мужу своему Приямушу кралю и ре̑ ему: Роди[х] главу и зиде на нбо и паки во[з]вратися па[де] в море, излетяше и[з] моря искры, падоша на Трой и погорѣ Троя гра[д]. Слыша то Приаму кра̑ и мышляше, что хоще се быти, и при[з]ва всѣ прорки и волхвы, мудреца и болярья и ни[ж]няа лю[ди] малі і велики Троади града, да реку[т] ему о снѣхъ. И рекоша ему прорци е̑ сие: Г[с]дне кралю, роди[т]ца ѿ жены твоея снъ, за кое̑ хотяще и[з]горѣти Троя гра[д] и разорити, и не ѡстане[т] каме̑ на камене. Слыша то Приамуша кра̑ и иде в полату и ре̑ женѣ своей: Ѡ Якупо убо госпоже, егда ро[ди]ши сна, не храни е̑, но повели да убью[т] е̑. И ре̑ ему Якупа госпо[ж]да: Г[с]дне кралю, вѣми рада е̑мі сему быти. И пото[м] егда ро[ди] Якупа госпож[д]а сна свое̑ и видѣ е̑ лѣпа и крана добрѣ, и смілися мтри своей, не може е̑ погубити, но повій его во брачини и с ни[м] мно̑ добы[т]ка сре[б]ра и злата, и дать его (ркп. ему) единому юноше и ре̑ ему нѣти и поврещи е̑ далече ѿ Троя града. И сотвори ѿро̑ тако, и обрете е̑ ѡвча[р] старе[ц], ему[ж] бѣ жена ро[ди]ла сна, и несе е̑ пасты[р] к женѣ свое[й] и ре̑ е[й]: Восхрані ми ѿрока се̑. И бы тако, и растяше тако скоро вѣми, и егда сотвори .з̄. лѣть, тогда идяху ѡтрочати ѡба на поле со ѿце[м] свои[м] и играху около добы[т]ка, и обрѣте̑на̑ ѿрока наре̑ Пари[ж] (пари[ж]) пятыревичищь. Пари[ж] свя[з]даху два вола и бодяху, и кой премагаше, тому и виаше венець ѿ цвѣтія,

а̀ кои̇ не премогаше, тому віа̂ше ѿ сламі и̇ пола[га]ше и̇ᵐ на рогу. И̇ е̇гда бѣше ю̇ноша Париᵐ, хоᵐдаше з доᵇрыми витѧзи и̇ и̇граше и̇ премогаше иˣ во всѧкоᵐ и̇грѣ, и̇ ту прободе е̇дина̂ витѧза за щиᵗ преᵈ кралеᵐ 'Апрідѣжемъ. И̇ т̂о времѧ женѧшѐ Ѳелешь кра̂ господою [Те]тишоᵐ, и̇ приᵛва к себѣ Ѳеле кра̂ гдѣ чюя̂ше доᵇріе вітезе и̇ ю̇наки и̇ Парижа пастыревика и̇ доᵇрые̇ госпоᵐде по хорѣ тоˣ. И̇ у̇видѣвше то три вили п҃рчице, кое̇ бѣху наи̇лѣпѣшее̇ в моᵖскиˣ ѡ̇тоцеˣ, и̇ дои̇доша на ѻ̇но веселіе̇, раᵛвѣ е̇дину госпоᵐду не зва, зане бѣше сваᵈліва, и̇менеᵐ Дие̇вошькордие̇, гдѣ идѧше все сваду строѧше, за то не хотѧху е̇ѧ звати, да му не будеᵗ свады меᵐду сватові и болѧри на веселіи̇ иˣ. И̇ ѡ̇на госпоᵐда мыслѧше на срᵈци своемъ, кою̇ бы могла сваду внѣти тамо за ѻ̇ноі̇ незвание̇, и̇ и̇скова злату ѧᵇлоку и̇ написа на неи̇ кнпᵐна пи̂ма, и̇ ѻ̇наи̇ слова глаголаху: Коѧ е̇ˢть ѿ ва̂ треˣ госпоᵐдь и пророчиⁿ полѣпˀша, тои̇ буᵈⁱ п҃рчци сиѧ златаѧ ѧᵇлока. И̇ даˣᵒ ю ѿроку свое̇му и̇ ре̂ ему: И̇ди и̇ въвеᵖзи ю̇ во ѡ̇вощаницы Ѳелеша кралѧ. И̇ взимаху у̇бруси ѿ стола и̇ и̇дѧху добріи̇ вітезие̇, и̇граху на ѳарижеˣ, а̀ добріе̇ госпоᵐде грѧдѧху во ѡ̇вощьни̂ Пелеѳа кралѧ. И̇ грѧдѧху напреᵈ три вили и̇ п҃рчице и ѡ̇брѣтоша ту ѡ̇ну златую̇ ѧᵇлоку и̇ про̂тоша на неᵐ ѻ̇на словеса, и̇же гл҃аху: Коѧ е̂ наи̇лѣпше ѿ ва̂ треˣ сестрениць, тои̇ буᵈⁱ сіа̂ златаѧ ѧᵇлока. И̇ раскарѧше̂ ѻ̇ное̇ раᵈⁱ ѧᵇлоки и̇ позваше̂ в Трою̇ прѣ[дъ] Тебоха бога и̇ преᵈ И̇типера (sic) п҃рка, и̇ сташа преᵈ нима и̇ вопросиша иˣ и̇ рекоша: Коѧ е̂ ѿ на̂ наи̇лѣпша, тои̇ даи̇те сію̇ ѧᵇлоку. И̇ ре̂ и̇мъ Тебоˣ богъ и̇ И̇питеръ п҃ркъ: Госпоᵐде, не можемъ ваᵐ ѡ̇ семъ суᵈⁱти, но пои̇дите тамо на ѡ̇пѧᵗ преᵈ Парижа пастыревика, тамо̂ е̂ ѡ̇брѣло и̇ тамо да сѧ раᵛсудиᵗ. И̇ возвратише̂ ѿ Троѧ и̇ дои̇доша преᵈ Парижа пастыревика и̇ рекоша е̇му: Гᵒдне, ѡ̇брѣтохоᵐ сію̇ златую̇ ѧᵇлоку во ѡ̇вощьнице Пелеша кралѧ и̇ про̂тохоᵐ на неи̇ книᵐныˣ слове̂, и̇ ѡ̇вако и̇сказуеᵗ: Коѧ е̂ ѿ ва̂ лѣпˀшаѧ, тои̇ буᵈⁱ сиѧ златаѧ яᵇлока, да повѣᵐдь намъ: коѧ е̂ ѿ на̂ наи̇лѣпшаѧ, тои̇ п҃рчици даᵐдь сию̇ златую ѧᵇлоку. И̇ ре̂ и̇мъ Париᵐ па̂тыреви̂: Пои̇дите, госпоᵐде, иᵛвлецете̂, зане бѧше на ниˣ бисеріе̇ и̇ злато и̇ драгое̇ каменіе и̇ свинаѧ рѹха. И̇ ѿидоша в овощьни̂ Пелеша

кралѩ и свлѣше прідоша в ризах пред не. И начат Млада Парижу: Присудии мнѣ сію златую ѩблоку и повѣждь мене найлѣпшую, и ѡблатна ѣть богатьством, да не буде чловѣкъ побогатѣи ѿ тебе. И паки втора велѩше госпожда, ѥи же имѩ Палешь, рече Паріжу: Присудии мнѣ златую ѩблоку и повѣждь мене налѣпшю, и ѡблатна ѥмь витежством, да не будет храбрійшіе витезе ѿ тебѣ. И паки третѩѩ рече, ѥи же имѩ Венуша госпожда, Парижу пастыревику: Присудии мнѣ сию златую ѩблоку и повѣждь мене найлѣпьшу, ѡблатна ѥмь любовию, да ти дам добрую любовь, да тѩ любовію имут добріе госпожди, и да ти дам добрую госпожду Ѥлену царицу греческую, Менелауша царѩ жену, коѩ е найлѣпѣйша во всѣхъ грецех, како тою сии и первое что, и да ти дам ново имѩ, да ти будет имѩ Алесандръ Париж, и да ти повѣм ѿца и матерь: ѿца ти е Прѣаму краль и мати Ѩкупа госпожда Троѩ грады, а нѣси ты ѡного старца сынъ. И слышав то Θариж пастыреви и прісудии Венуші госпожди златую ѩблоку и возвесели веми всѣмъ срдцем своим. И како чю и исправи ѿ Венуши госпожи кралев сынъ, и поиде изъ прощение ѿ старца ѿца свое, кой тому оць бі нареклъ, пойде в Трою град и приближи под Трою на реку, нарицаемую Кашатуша, и ту обрете Венеушь госпожду на нем, и пришед рече к ней: Госпождо Венеушь, люби мѩ да тѩ люблю. Ѿвеща ему Ѡйнешь: Ѡ Алесандре Θарижу, нине мѩ люби, но прійдет времѩ и ѡставиши мѩ. И рече ей Алесандръ: Ѡ госпожде Ѡйнеше, не хощу аз тебе ѿставити, ѩко ли ѿставлю, тъгда сіа-зи рѣка ваша К[аш]атуша вьспѩть да потечет. И поставив с нею прьвое любве и земъ ѿ неѩ венец и пойде в Трою. И изыдоша противу ему тройстіи витѩзі и тройские жены и самъ Прѣѩмуша краль и Ѩкупа госпожда тройска, приѩта е и введота в полату, і веселѩху всѣмь срдцем ѿ нем. Призва же Приѩму краль всѩ пророки и врачеві и ре: Кто ми хощет помогати в тройском дѣле, аз дамъ ему три доли злата. И слышата то два дыѩвола земленаѩ и прідоста пред кралѩ и рекота ему: Мы хощева сотворити Трою, да нама даси кій наю знай. И начата зидати Трою. И Тебушь бѣ гусльни и угудѩше в гусли, и зидаше Троѩ игдѣ ѡнѣ речаху, а Нептенабушь имене идѩше

в море и ношаше из мора вар и камение прігони и воду, и зидаху Трою кудѣ онѣ речаху. И къда соверъшиста все дѣло троиское, и прійдота пред Прііамуша краля и рекота ему: Даждь нам наю отвѣтъ еже на си рѣчь. И слыша то крал показа им три (ркп. пи) шюпи рукою и ре им: Да ви сіе доли насыплю до краія, сіе бо ви обѣщах. И видѣста она, іако их превари, и разгнѣватася и рекоста ему: Мы есва сотворила Трою град, мы хощева и умыслити како га и расыпати. И поидота [къ] онѣмъ (ркп. -мей) пророчицам, кое разгнѣваше за ону іаблоку, и начаша прорицати о злѣмь дѣле Трое града, како бы Троіа не стоіала до времене, да са бы разорил в Преіамушево времіа. И по сих идаше Кащрандра госпоида на реку Шимошеви, и ту приближил к ней Ипитер пророкъ и рече ей: Кащрандро госпоиде, приди ко мнѣ, да ти повѣмъ всѣ таины тройскіїа, что хощет быти, но се и не похвали троиским госпоидам, како си бесѣдовала сь Ипитером пророком, аще ли са похвалиш, да хощу та сотворити да та не вѣрують. И она пріиде [къ] троиским госпоидам и нача пророчествовати и глаголати: Хощет пойти мой брат Алесандръ Θарис в греки на служьбу к' Менелаушу царю и хощет ону дovести Елену царицю гречкую госпоиду, Менелауша царіа жену, коіа е найлѣпліа во всѣхъ грецех, и хощет еіа ради погорѣти Троіа град. И она сіе говораше, а они ей не вѣроваху. И прошаше Алесандръ Θарис у отца свое Приамуша кърала на всіа дне глаголе: Пусти мене во греки на служьбу к Менелаушу царю, и паки хощу оттонуду скоро прийти. А Пріамус крал не хоташе его пустити и не мож его удержати, но пусти е во греки на двор'бу служити Менелаушу царю. И направи Алек'сан'дръ Θарес кораб'ль свои и взіа многочестнаіа рухаль и злата и бисеріїа и ина многа различнаіа дарованіїа, и изиде самъ в кораб'ль со отроки своими, и отрину в море и отиде во греки и прибита под двор Менелаушев. И увидѣв то Менелае царь и изыде противу ему далече и целова е, и рече ему Александръ Θарес: О господине царю, да увѣсть царство ти, аз не придох служити тебѣ зла[та] ради или сребра ни на иное добытце, но да видѣ коіа есть честь на твоемъ дворѣ или коіа довольна чести двора царства ти. И слыша то Менелае царь и возвесели срдцем и поіат е и в'веде

в полату црскую къ Елене црце, и сѣдъше на едино⁽ᵐ⁾ трапезе и пьꙗху че⁽ʳ⁾вленаꙗ віна триглѣна и⁽ᵛ⁾ едине чаше Менелау црь и Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дръ Θариж и Елена црци. И потомъ егда приимаху убру⁽ˢ⁾ и умывалицу ѡ⁽ᵗ⁾ стола, тогда написоваше Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дръ Θари⁽ᵐ⁾ че⁽ʳ⁾вленѣмь вино⁽ᵐ⁾ на бѣло⁽ᵐ⁾ убрусе и тако говоряше: Елено црце, люби мꙗ да тꙗ люблю. И Елена црца умѣꙗше книгу, а Менелае не по⁽ᶻ⁾наваше ни слова. И пути Менелае црь брату своему Агамену црю и ре ему: Увѣжь, брате мой, како ми е⁽ˢ⁾ть бо пособи⁽ˡ⁾, и хотꙗ⁽ᵗ⁾ моꙗ дружина мнѣ служи⁽ᵗⁱ⁾, и бу⁽ᵈⁱ⁾ о сем весе⁽ˡ⁾. И слыша⁽ᵛ⁾ се Агаме⁽ⁿ⁾ црь и ѡзлоби⁽ˢ⁾ ср⁽ᵈ⁾це⁽ᵐ⁾ и ре: А⁽ᶻ⁾ ѡ семъ весе⁽ˡ⁾ е⁽ˢ⁾мь, ꙗко есва самоде⁽ʳ⁾жьца, а ѡ семь нѣсмь весе⁽ˡ⁾, еже наю дружина служи⁽ᵗⁱ⁾ намъ, да блю⁽ᵈⁱ⁾ сꙗ то⁽ᵍ⁾, да не прійде⁽ᵗ⁾ чю⁽ᶻ⁾деє до⁽ᵇ⁾ро и во⁽ᶻ⁾ме⁽ᵗ⁾ н[а]шу ч'е⁽ˢ⁾ть, и буде⁽ᵗ⁾ тому велика чѣть, а на⁽ᵐ⁾ велика срамота. И пути брату своему. Слыша⁽ᵛ⁾ се Менелае црь и ѡзлоби⁽ˢ⁾ ср⁽ᵈ⁾це⁽ᵐ⁾ и рече: Како нѣсть драго моꙗ чѣ брату моему! И на вꙗ⁽ᵏ⁾ де писаше че⁽ʳ⁾венѣмь вино⁽ᵐ⁾ на бѣло⁽ᵐ⁾ убрусе, а Елена црца мо⁽ᵏ⁾чаше. И во еди де призва Елена црца Але⁽ᵏ⁾сан⁽ᵈ⁾ра в' полату и ре ему тихими бесѣдами: Ѡ Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дре Θарижю, ѡставй дрьзо⁽ˢ⁾ть свою ѡ⁽ᵗ⁾ мене, аще бо увѣсть г⁽ˢ⁾днъ мой Менелае црь, то хоще⁽ᵗ⁾ тꙗ умори⁽ᵗⁱ⁾ зле. И ре ей Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дръ: Ѡ госпоже моꙗ Елено, да вѣси: ѡ моей слу⁽ᶻ⁾бе нѣсть и ѡ⁽ᵇ⁾ро, но ми еси ты ѡ⁽ᵇ⁾ро. Азъ нѣсмь прише⁽ˡ⁾ да служу на злате или бисере, зане тройскаꙗ полата едина вꙗще има⁽ᵗ⁾ злата и сре⁽ᵇ⁾ра нежели гре⁽ᵏ⁾скаа дрьжа[ва], и ꙗко бы видела тро⁽ᶦ⁾скиє витꙗзи, не бы рекла витези суть, но господа и властели. Да, госпо⁽ᶻ⁾де моꙗ Елено, гото⁽ᵛ⁾ е⁽ˢ⁾мъ приꙗти муки нежели до⁽ˡ⁾го мучимъ буду по твоей лѣпотѣ. И ре ему Елена црца: Ѡ Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дре, не ѡ⁽ˢ⁾та⁽ᵛ⁾лꙗе⁽ᵐ⁾ тебе вь крівіне, но ѣть подо⁽ᵇ⁾но рещи такововому витезю, кой види⁽ᵗ⁾ ѡволикуй лѣпоту и люби⁽ᵗ⁾. Въ днь то⁽ᵐ⁾ прійде гла Менелаушу црю ꙗко в'рьже сꙗ русагъ каꙗкіиский, и ре Менелае црь по греце⁽ˣ⁾ си⁽ᶻ⁾ву войску собрати и пойти на палаг⁽ᶦ⁾ѣйское русагі. Увѣдѣ то Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дръ Θари⁽ᵐ⁾ и сотвори⁽ˢ⁾ боле⁽ⁿ⁾ и леже во цр'ско⁽ⁿ⁾ полате, и та полата бѣше ѡпета рухо⁽ᵐ⁾ с'ви⁽ᶻ⁾ны⁽ᵐ⁾ и злато⁽ᵐ⁾ и бисеро⁽ᵐ⁾. И ре⁽ᵗ⁾ ему Менелае пойти с ни⁽ᵐ⁾ на войску, и ре ему Але⁽ᵏ⁾са⁽ⁿ⁾дръ: Ѡ г⁽ˢ⁾дне црю, немоще⁽ⁿ⁾ есмъ до зела, аще

востану, ра^д е^смъ послѣдовати цртву ти. И по си^х ѡ^тиде Менелаѐ црь на войску. Й ^вѣки^н дѐ поведе Елена црца девице хоро играти и со грече^скими госпо^жами по граду. Видѣ^в то Але^ѯа^ндръ Θари^ж и ре^ч свои^м ѡ^трокомъ: Привезете ми бо^рзую катрьгу и да видѧ^т знаме^нѐ моѐ сойда [sic] привезѣте. Й прім'коша негови унаци бо^рзи кора^бль его^в и двигнуша злати хо^ругвъ ѐ на копіѐ, и видѣвъ Але^ѯа^ндръ взем Елену црцю по^д пазуху свою и ^влѣзе с нею в бо^рзы^и кора^бль свой со ѡ^троки свойми, и ѡ^трину на море и доплу по^д Трою гра^д, и при^ста на Шимо[и]шове брезе. И увидѣ^вше тро^нсціі витези и тро^нскиѐ госпо^жe, и не хотѧху изыти противу ему ни еди вите^з ни еди^н ѡ^т отро^к, зане знаху^т колика има^т кро^в проли^ти по^д Трое^м за Елену црцю. Изыде противу ему ѡтець е^г Приѧму^ш кра^л и мти егова Іакупа го^спо^жда, и ѧтъ Приѧму^ш Але^ѯа^ндра за руку, а Іакупа госпожа Елену црцю и^введоша и^х в полату свою.

Й слыша Менелау^ш црь ѧко взѧ Але^ѯа^ндръ Θари^ж Елену црцю и ѡ^трину^с в море и ѡ^тиде по^д Трою, и ѡзлоби^с ср^дце^м ве^лми и во^звратис въ каакі^нс[киѧ] дръжавы. Й увѣдѣ сиѧ бра^т его Агамено^н црь и собра^в сѧ скоро пріде к Менелаушу црю, и жалова^ста ве^лми глюще: Колика срамота двигну нама! Й со^бра^вшу си^лну войску поити по^д Трою. Й прійде на пре^д Іакъшъ Соломонике^в с'нъ сь .л. ката^рги на помощь Менелаушу црю бе^з запове^ди, и пото^м пріиде Паламиде^ш, Придике^в снъ, сь .л. кара^блі бе^з запове^ди. Й по си^х бѣше еди^н чл̃къ мудръ Уре^кшешь имене^м, Ла^ктише^в снъ, и увѣдѣ той створи^с бѣсен и нача песо^к ѡрати а со^лсѣѧти, да сѧ толико не пріча^сти^т тро^нско^и крови. Й бѣше другій чл̃къ мудръ имене^м Па[ла]меде^жио, Прідике^в снъ, иже приступи рѐ црьма: Во и^стину Уре^кши^ш му^дръ чл̃къ ѡ^таметаѐ^тца таковою хитро^стью да сѧ не прича^сти^т тро^нско^и крови, да пу^сти да ве^ргуть сна ѐ пре^д ѡрало^м, да аще буде^т бѣсен, то преѡрати си ке сна, аще ли нѣсть бѣсе^н, то сьставити ке волове не ѡра^ти. Й пу^сти^ста оба црѧ Аѧкша Соломоника, и ухити му сна и поверже га пре^д рало^м, и Уре^кшишь устави волове не орати. Й поведе га Іак'ша^ш (ркп. или ак'ши^ш) пре^д ѡба црѧ, и ре^ч Уре^кши^ш к цре^м:

Волѣль бых тѣцати сь бесным псом по свѣту за три лѣта нежели видети тромскиѥ крови колика хощет быти за Ѥлену црцю. Бѣше же и Ацилеѥшь храбрын паче всѣх грек, Ѳерелешев снъ, и одѣвсѧ [въ] женское рухо и поиде сь го[спо]гами по градех ѥда се и тако утаит дас не причастит тромскои крови, зане знаша колика се ке кров пролиѣти за Ѥлену црцю. По сем изочтоста wба цра воиску корабле́и тисуща и .ро. и wтринувшес в море и поидоша под Трою, и присташа вь един wток красен зело, именем Абакумъ, и втом wтоце бѣша ѥдина лѣпа кошута вили и прорчица, именем Велѣша госпожда, коꙗ wб[ладаше] морскими волнами и вѣтром, и убиша wну кошуту витезе [А]галамена цра, понеж не знаху. И увидѣ то и Пелеша госпожа и разгнѣвас велми и пусти великиѥ волны на море да погубит всꙗ корабли грескиѥ до конца, и присташа в томь wтоце. И озлобис Менелае црь волнами и призва попа Калкаша и вопроси ѥ глꙗ: Почто бы се и хощем погибнути во wтоце семъ? И рече ѥму поп Калка(та)ша: Убили ѥть витезе wбретше кошуту вили прорчицу Ѳелеше госпожда, прогнѣвалас ѥ на них и пустила ѥ волны на море да погубит все греские корабли, а тѣ витезиѥ суть Агамена цра иже погубиша кошюту Ѳелеша госпожда. И тако велит: Доколе ми не будет дщи Агамена цра Цвѣтаны госпоже прелѣпиѥ, не хощу их пустити. И слыша то Менелаѥ црь и сказа брату своѥму Агамену црю. И увѣдѣвь Агамен wзлобис велми, и не смѣꙗше ни един приступити витез к нему, зане бѣ гнѣвенъ. И приступи к нему ѥдин члкъ наймудрѣи во всѣх грецехъ, именемъ Урекъшь и рече: W црю гдне, wстави гнѣвъ свои и пусти за своѭ дщер Цвѣтану госпожу, и подаи ю за wнуи кошюту, понеже си пошелъ со братомъ своимъ да найдеши честь а срамоту да wставишь, и кои се содвигнуле греские воеводы и саракѣисцыи урове [1]) . . . . ста под двор Агамена цра.

---

[1]) Въ рукописи пропускъ, для котораго оставлено бѣлое мѣсто. Сл. текстъ Миклошича (стр. 170): «и саракинстіи оурове и каакіистіи и палагіистіи и рагоуилъстіи витези, да сие себѣ сѫтъ наишле съмрьть, а тебѣ срамотѫ, и наишло сѧ е много госпождь вь вдовичьство, аще толико не поустишь за своѫ дьщерь. И слышавъ то Агамень царь и wстави гнѣвъ и сръдбѫ своѫ и поусти

и̓ дои̓де Клетомещрици црци и̓ реч ей: Направи свою̓ дщер да ю̓ повести под Трою̓. И̓ реч црца: Како се может быти е̓же повесть дщер мою̓ тамо? И реч ей: Ѡ госпоже моꙗ црце, да у̓вѣси ꙗко у̓мириши и̓ соединишисꙗ троꙗни со грѣки.... [1]) виномъ и̓ у̓спиша ю̓ и̓ ѿставиша ю̓ спꙗщу, и̓ ѡтринуша грецціи̓ корабли под Трою̓ на рать. И напред и̓дꙗше Иаиакша снь Соломаничев и̓ У̓рекшаша Лартешева сна, і̓ изыде противу им премоги витез Екторр крал и̓ с ним троссціи̓ витези Анцидешь и̓ Ѐтенор и̓ Ѐнош, и̓ стрелꙗше Ѐктор крал стрелою̓ габилотою̓ и̓ вь е̓дино пущение̓ потоплꙗше три корабла гречекіꙗ, и щищаше И̓аꙗкшь Шоломаничев снь своим щитом зорѣним и̓ защити зі кораблев грецкіх ѿт живаго огнꙗ Иекторова. И̓ потом и̓зыдоша грецкіи̓ витези на рать, и̓ и̓зыде противу их И̓е̓линуш Пріамушов снъ, брат Александров, и̓ нача бити под Трою̓, и̓ урва Ѐленуш Тиурцера Дицева сна, и̓ лежаше Тиу̓рцер под своим парижем, кои̓ сꙗ зовꙗше рогаѳарим, и̓ лежаше в троиском прасе побледѣвь ѿт смртна страха. И близ ег бѣ У̓рекшиш и не смѣ е̓го ѿтети, ну газ[н]е А̓ꙗкшь Шоломаничев снъ. И̓ потом и̓зыдоша грецціи̓ витези и̓ вое̓воды под Трою̓ и̓ поставиша червеніи заставы и̓ бѣліе̓ тенти и̓ сташа под Трою̓, и̓ поиде Менелае̓ црь и̓ У̓рекшь на вѣре Приꙗмуша кралꙗ вратити ѿпꙗт Ѐлену црцю бев рвани, да не за неꙗ рад пролеѣца велика кров и̓ мнози витези погибнут, и̓ хотꙗше крал вратити ю̓, и̓ у̓вѣдѣ то А̓лександръ Ѳарим и̓ дои̓де хотꙗ погубити Ме[не]лау̓ша црꙗ и̓ Урекшиша, а̓ще не бых Преа̓муш заступил. И̓ у̓вѣдѣ то А̓ѡи̓нуша

за своѫ дъщерь Цвѣтаны госпождѫ. и ѡт(ъ)поустиста оба царѣ Оуре[к]шиша, Лартѣшева с(ы)на, и направи Оуреекшишь свои бръзыи корабь, кои пробивше силныѧ морскыѧ влъны и доплоувъ приста подъ дворъ.

[1]) Въ рукописи бѣлое мѣсто; пропускъ восполняется текстомъ Миклошича, стр. 170: «и повратишѫ Еленѫ царицѫ без ръвани, и хощемъ дати Цвѣтанѫ госпождѫ нашѫ за Еленоуша, Прѣꙗмоушева с(ы)на, вь Трож. И слышавъ то царица и обвесели сѧ ср(ъ)д(ь)цемъ велми, и направи своѫ дьщере, и даст(ъ) ѭ Оурекшю повести под(ъ) Трож. и вньже д(ь)нь поведе ѭ, вь тъи д(ь)нь прѣсташѫ вльнениꙗ морю, и вь тыѫ нощь прииде Пелеша госпожда кь Агаменоу царю и рече емоу: остави ми без боазни своѫ дьщерь в сем(ъ) отоцѣ, азъ бо милостива еи хощѫ быти и хранити доволнѣ. И егда быст(ъ) за утра, опоишѫ ѭ вино.

госпожа и донде на Ѳарижа Александра и начас карати с ним и реч: Ѡ Алексанндре, помяни той егда аз течах своима босыма ногама по морскому шстрому песку без покрывала из твое плавогривастога про[у]сца и рѣхъ ти: Алесандре Ѳарижю, сьда мя любиши, а потомъ прiидет время како мя хощеши шставити. И ты сія мнѣ кленеше: Не кю тебе шставити, ако ли тя шставлю, тон да сия река да потечет воспят. Паки взял ес Елену црцю, а мене еси шставил, да ся хощетца ей ради велика кров пролити под Троем и мнози погибнут. А къда ты идяше в Греки на дворбу Менелау црю, тьгда аз молях морском виле, да устави морские волны, да ты идеш веселым срдцем, а кьда бых знала ере си поял Елену црцю и идеш, то паки да умолила бых вилу, тере би твои кораби потонули. И шстави Ѡинешь госпожа Алесандра и пойде на Елену црцю каратис с нею и реч ей: Помяні кьда то ны три сидѣхом в морском шстоце, и дойде Тезеш витез и взя тебе из меджду нас, и потом те узе Менелауш црь, а сьда си въ третiю постелю прелюбы сотворила, а мене изгнала, да ся хощетца за тя велика кров пролити. И слышав то Менелае црь и Урекшь, и ïзыдоста ис Троя и дойдоста вь грецким стан и казаста всѣмъ, коим бѣ смрть шбща шт Алесандра штлучена. Призваста шба цря попа Калкаша и начаста ег вопрошати: Повѣждь нама, кои се зданиа требе Трой на рваніа, како ли можемъ Трою пріати? И реч имъ поп Калкаш: Первое требе довести Ацилѣша Ѳерлешева сна, и другое требе привезти Пилоташа Петичева сна [съ] стрелою габилотою, и доколе стоит Дѣло[нъ] на стража на высоком кащеле и шбраз Минарве госпое, и доколе стоит камен велик над враты, тако сут пррци пророкли, не можетца Троя приати. И слышав то Урешем и заложи свою главу на срѣщу и сотворі ремением стозбу, заверже ю и влѣзе нощию в Трою, [и уби] Дѣлона стража на высоком кастеле, и взя шбраз Минарве госпое и дойде на тройска врата и на них бѣ Рейдем крал, и уби е [и изведе бѣлаго ѳарижа Рейдеша краля][1]) и доиде в грецкій стан с вели-

[1]) Фраза, опущенная въ текстѣ и приписанная тою-же рукою на поляхъ.

кою ч^с^тію. И во^з^веселише^с^ ѡба ц҃рꙗ и҆ всꙗ воеводы и҆ у҆рове гре^ч^сціи, и҆ пу^с^тиша Йаиакша да и҆ще^т^ Ацилѣша. И҆ иска е^г^ во многи^х^ мѣсте^х^ и҆ ѿтоце^х^ и҆ граде^х^, и҆ не може е^г^ найти. Дойде на е҆ди ѡ^т^ о҆то^в^ лѣпъ и҆ красе^н^ ве^л^ми, кои сꙗ зовꙗше Ка^л^кадиїно^в^ ѿто^к^, и ^в^то^м^ ѿтоце бѣше пу^р^гъ красенъ и҆ в то^м^ пи^р^зе бѣше кра^л^ и҆мене^м^ Коета кра^л^, и у҆ того бѣ кралꙗ .є҃. д'щере^м^ и҆ .ѕ҃. Ацилеи^ш^. Возврати по^д^ Трою и҆ исповеда и^м^, ꙗко и҆ска^х^ е^г^ по всѣ^х^ градо^х^ и҆ не мого^х^ ѡбре^с^ти е^г^. И҆ ѡ^з^лоби^с^та са ѡба ц҃рꙗ и҆ ^в^сѣ ве^л^може гре^ч^сци и҆ пу^с^тиста и҆ паки У҆ре^к^шеша иска^т^ Ацилеѣша. И направи У҆ре^к^шишь свои кора^б^ль мно^г^че^с^ны^м^ бисеро^м^ и҆ злато^м^ и҆ рухи златыми и҆ кра^с^ныѐ юнаки и҆ повѣдѣ бѣлога ѳарижа Рейдеша кралꙗ, и҆ преложи на немъ свѣтлоѐ ѡружиѐ и҆ [съ]щито^м^, на кое^м^ бѣ писано ѡ^б^ра^з^ про^с^т[р]анно^г^ свѣта, сл҃нце и҆ м^с^ць и҆ звѣзды и҆ бурꙗ и҆ лакомии мчь Ѡреша кралꙗ, кои всегда желаше троискиѐ крови. И҆ ѡ^т^рину^с^ на море и҆ поиде и҆скати Ацелеша, и҆ приста на то^т^жде ѿтокь в немъ^ж^ бѣ Коета кра^л^. И у҆видѣ Коета кра^л^ и҆ и҆зыде противу ѐму, зане ѐму бѣ ближнiи, и введе ѐго в полату, и҆ ѡбедоваху на ѐдино^м^ трапезе. И҆ по ѡбѣде ре^ч^ У҆ре^к^ши^ш^ кралю: Ѡ г҃дне, да знаю крале^в^с(о)тво ти, пу^с^тиша менꙗ ѡба ц҃рꙗ и҆ даша дарови твои^м^ т'щере^м^, а҆ мои^м^ сестра^м^, да повели и^м^ да и҆зыду^т^ на мо^р^скіи ѿто^к^, да си взимаю^т^ що ѐ коѐи драгоѐ. И҆ повѣлѣ кра^л^ и҆зыти всѣмъ госпо^ж^дамъ и^з^ двора на море, и҆ начаша взимати что коꙗ люби^т^, а҆ Ацилее^ш^ стоꙗше поглꙗдуꙗ на ѳарижа, ꙗко соко^л^ на птицу, и҆ мину мимо нега и ре^ч^: Сьи ѳари^ж^ подо^б^ра^г^ витезꙗ и҆ свиѐ ѡружиѐ на не^г^вѣ шируции плещи и҆ сьии щитъ на негову крѣпкою мы^ш^цу. И҆ слыша^в^ то У҆ре^к^ши^ш^ и҆ положи ѐму свои руци на рамѣ е^г^ и҆ ре^ч^ ко Ацилеѣшу: Ѡ б҃жiѐ девице, не у҆страша^и^сꙗ ѡ^т^ Троꙗ, ѻжидае^т^ тебе Троꙗ на разорениѐ. И҆ ту пре^(д)^вари У҆ре^к^ше^ш^ Ацилеѣша и҆ поведе е^г^ по^д^ Трою. И҆ дойдоста на приде^л^скиѐ ѿтоки, и ^в^то^м^ ѿтоце бѣше витези Иектора кралꙗ, сули^ч^ни^в^ Ѳелеспо^н^ с нiмi, и҆ хотѣху да погубꙗ^т^ Ацилеѣша и҆ У҆ре^к^шиша. И҆ поиде противу Ацилее^ш^ на бѣло^м^ ѳарижю и҆ у҆би Ѳелепона сули^ч^ника и҆ ѐгову дружину, Жеребона витеза и҆ Ска^н^дриѡна и҆ неч^с^тiваго Е^р^мона, и҆ взꙗ Ацилее^ш^ Ѳелеспона сули^ч^ника [дщерь] Брижѐ^з^ду госпою, коꙗ бꙗше най-

лѣпля во тройски^х страна^х, и поведе ю по^д Трою. И дойдоста во гре^чскій ста^н с великою ч^стію, и ѡбвеселиста ся ѡба цр̃ѧ и вси ве^лможие и вси урове гре^чсцій и рагуи^зсцій и витезе. И творяше бра^н Иекто^р кра^л и поражаше множество гре^чски^х витезеи на вся^к д'нь и многие ве^лможе погуб^ляше, и бояше^с гласа Ацелеешева. И егда бы^с в нѣкиї де^н, и направи^с Ацилее^ш и пойде по^д свою а^рматосию и свои^м знамение^м противу Ектору кралю, и ста^вше^с полюбистася и ястася за руки, и той де^н не хотяста ся бити. Бѣху пленили гре^цстій витези тройские страны и привели бѣше Рижеуше попа т'ще^р Рижеуду госпою (ркп. г'ле), коя бѣша найле^пша в тройски^х страна^х. Видѣвь ю Агамено цр̃ь лѣпу и кра^сну, взя^в ю себѣ, а Арижеушь бѣ по^п сн̃ъ Тебуга бг̃а, и увѣдѣ то Тебу^х богъ и разгнѣвася ве^лми и пусти свои^м во^лше^ство^м великій недугъ въ гре^чскую войску, и мнози помираху. И вопроси Ацилее^ш Ка^лкаша попа: По^что ра^згнѣва^с на на^с бо^г и хоще^м поги^бнити? И ре^ч Калка^ш по^п: Зане е Агаме^н цр̃ь Рижеуша попа тще^р взя^л, а Рижеу^ш по^п сн̃ъ е^сть Тебуха бога, и ре^клъ е Тебу^х богъ: До^ндеже не повратя^т Рижеуде госпо^жде ѡ^тцу ея, не хоще^тсѣ неду^г пре^стати ѡ^т гре^чскиe войски. Слыше^в же сия Ацилее^ш Рижеуде госпо^жде (Micl. емъ за ржкж.... Рижеоуджь госпождж) и во^зврати ю ко ѡ^тцу ея. И ра^згнева^вже^с Агаме^н цр̃ь взя^т жену Ацилеешу, и ра^згнѣва^с Ацилее^ш и не хотяше изыти на рать на Ектора. И пу^стиста ѡба цря Уре^лшеша и Тивучера ити ко Ацилѣешю, и реко^ста Ацилеешю: Г^сдне, ѡстави свой гнѣ^в і во^зми ѡружіе и по^ди противу Ектору кралю да бы^с ѡ^стави^л гре^чские войски. Ацилее^ж ничто^ж ѡ^твещеваше. И пу^стиста ѡба цр̃я Ацилеешю Брѣже^нду госпожу да ра^зговори^т е^г, и нача^т бесѣдовати к нему: Пу^стила мя ^ста ѡба цр̃я да мя приме^ш ѡпять, и ѡ^стави гнѣвъ свой, изыди по^д Трою на бра^н, да^нo^б ѡдолѣ^л Ектору кралю. И Ацилее^ш ничто^ж ѡ^твеща. И направи^с Айак'шь и пойде на Ектора, и ^взя Айа^кшь камень, кое^г не могу^т два витеза двигнути, и ная^зди и удари Ектора краля, и по^вле^ну Екто^р и егова ѳарія на землю и ѡ^бращь ся ре^ч: Нѣсть сей уда^р ѡ^т гре^чски^х уда^р, но е^сть ѡ^т царіжийскіи^х крови. И вопроси е^г: Кто е^с ты? И

реч ему: Аз есмь Йанакшь. И Екторъ реч: Право (реч) нѣси ты ѿт гречески витязъ, ну си ти ѿт прижийские крови, а Ежеона и госпожа мнѣ есть сестра. И дако ему, Ектору, своег златаго меча и реч мо[у]: Ѿпояши с сим златым мечем по ѿружию своему да егда идеши на рваню да аз ѿт тебе не погибну а ты ѿт мене. И поиде Екторъ в Трою и пришед реч брату своему Александру Өарижу: Не тебе ради ли приде бран сия на Трою и аз тебе ради кров свою проливам, а ты не хощеши никогда изыти со мною на рваню. И реч пойти, и кьда быс заутра и направис Александръ и пойде на бран, и увиди Менелае црь яко Александръ Парижь идет на бран, и начини ся Менелаушь црь и пойде противу ему, и нападиста ся, и урва Менелае Александра Өарижа, и лежаше в тройскомъ прасе. И вращь ся Менелае црь и хотяху ег погубити до конца, и приспѣше Венуша госпожда и сотвори велику мьглу, и не може ег ѿбрести, но убежь в Трою. И видѣ его Елена црца и реч ему: Александре Өарижю, вѣдѣ говорях ти, противу не исходи Менелаушу црю, зане бо е похрабрь ѿт тебе, а ты еси почстен господин и подобрь игрец играти и веселитис з госпождами, видѣх бо яко твои жельти власи лежаху в тройском прасе, аще не бы брат твои Ектер крал вобранил греческими витезем да придеши в Трою. И абие Екторъ крал бияше греческие вое, Ацилеешь же седяше и гледаше. И пріиде ѿтрок Ацилеешев имени Потрикоушь дочик, кой с ним едино млеко ссал, и реч ему: Гсдне Ацилеешу, пріими свое ѿружие и свои өарижь и поиди под свои знамением противу Ектору кралю, аще ли не хощеши, да пусти мене и направи мене в твоем ѿружие под твои знамением, давно ся бы вовратил Екторъ крал ѿт нас. И пусти ег Ацилеешь. И видѣ Екторъ крал знамение Ацилеешево и убояс и егов өарижь и нача бежати, и паки вовратис и реч: Нѣс ми срамота ѿт добра витезя умерти. И начаста с бити, и уби Екторъ Потроколуша и привяза ег өарижу ег ко ѿпаши и повлече ег в Трою, и радоваша с мня яко Ацилееша уби. Видѣ то Ацилеешь жалостен бѣ вельми и пусти мтри своей Тетиши госпождѣ въ Еллинѣ и реч ей: До пусти ми ѿнокой ѿружие каково то ми бѣше и преже дадала, аще ли ми не даси, да понести кю мою главу

голу под тровски зидъ и̓ к тому, мене не видиши. И̓ слышавше то Тетиша госпожда и̓ пойде в гору [къ] Кадканушу ковачю, под коим бѣ триста малых дьꙗвод, и̓ даде ему м'ног злата и̓ реч е̓му поскоро сковати всꙗка ѡ̓ружнаꙗ. И̓ скова ѡ̓ружиꙗ добра, и̓ пусти Тетиша госпожа Ꙇ̓Ацилеѐшу сн҃у своѐму под Трою̓. И вкой дев принесено быс ѡ̓ружиѐ се, в' туж ноч видѣ сон жена Ектора Ѐвтропиꙗ госпожда и̓ разбудди сꙗ ѡт сн'а своег и̓ нача плакати жалостно и̓ стао̓ши и̓де пред ложницу сверра своег Преꙗ̓муша кралꙗ. И̓ слышав то Приꙗ̓муш крад и̓ реч: Кто ес пред моею̓ ложницею̓ в полунощь и̓ толико плачет? И̓ реч госпожда: Господине, ѐво есмъ ав сама и̓ нѣсмь перво приходила ни говорила, и̓ сьда ти говорю и̓ молю тꙗ: не ѡтпущав сн҃а своег во у̓треш нев дев на р'ванию̓ на Ꙇ̓Ацилеѐша, ѐре га не кеш ѡ̓пꙗт дочекати. И̓ слышав то Приа̓муш нача ю̓ вопрашати в'став, и̓ сказа ѐму сон еже видѣ: и̓зыде ис Троꙗ̓ велика мечкаꙗ̓, и̓з гречскиѐ войске (ркп. вой све) веперь и̓ начастас борити, и̓ посече веперь мечку и̓ лежаше на троиском прасе и̓ вовлече ег вь гречских ѡ̓код, и̓ к тому не видѣхь камо ѡдѣну. Да а̓ще пустиш Ѐктора, то не кеш га видѣти. И̓ слышав то Прѣа̓муш крад и̓ нача тѣшити тихими бесѣдами: Ѡ̓ госпоже, не злосердис, ми хоке м створити что есть добро. И̓ проводи въ ложницу ѐꙗ̓. И̓ сьда быс зау̓тра и̓ направис Ектор крад на бран, и̓ и̓зыдоша противу ѐму тройскиѐ госпождіи, мт҃и ѐго Ꙇ̓Екупа госпожа и̓ жена ег Андроѳѣꙗ̓ госпожа и̓ сестры ег Кащрандра и̓ Полик'шеꙗна, и̓ возбранꙗху ѐму да не бы ишходид на бран, и̓ ѡн сꙗ не хотꙗше ѡ̓ставити. И̓ в[р]ъже жена егва сн҃а ѐго и мет'ну пред ѳарижа егва, да сꙗ бы воз[в]ратид, а̓ он сꙗ не хотꙗше возвратити, и̓ реч ему жена ег Андроѳѣꙗ госпожа: Ѡ̓ Екторе, почекав мене мало. И̓ шедши в ложницу свою̓ совлече сь себе свидноѐ рухи и ѡблече черныѐ ризы и̓ и̓де пред нег и̓ ста пред ѳарижем ѐго и̓ реч: Ѡ̓ Ѐкторе кралю, да вѣси а̓ще сꙗ не вратиш сьда, то и̓ ѡ̓вакоико рухо носити по тебѣ. И̓ тако Ектор не вратис, но пойде противу Ꙇ̓Ацелеѐшу. И̓ составишас, не бистас в тон дев, но постависта рок битис зау̓тра. И втон дев у̓би Ектор .з. у̓ров гречских. И̓ заутра и̓зыде Ектор крад и̓ начастас бити сь Ꙇ̓Ацилеешем, и̓ наѣха Ꙇ̓Ацилееш Ѐктора и̓ у̓рва ег и̓ прободе, и̓ мр'твъ

па^де на зе^млю, и ^взя е^г Ацилее^ш и понесе на свой ста^н. И видѣше тройские ве^можи и госпо^е и начаша жалостно плака^ти, и ^взя Прѣаму^ш кра^л на себе нищей худые ризы и гу^сли и по^де въ гре^скую во^ску и нача пыта^ти Ацилиешева катуна: кога еде^н бгъ поче^л, да мя напой и нако^рми грѣшна^г и стра^нна^г. И дойде Ацилееше^в кату^н и нача гу^сти в гусли жало^стно ве^ми, и даяше ему ѡ^т вечера свое ясти и пи^ти. Кога бы^с по вечерп, легоша спати пьяни и уснуша и стра^же, и во^ста Прияму^ш и нача иска^ти сна свое^г Ектора краля и ѡбрете е^г на по^стели мр'тва сь Ацилееше^м лежаща, и видѣ^в е^г Приямуш мр'тва и во^здо^ну^в ѡ^т ср^дца ве^ми. И видѣвь то Ацилѣешь и устраши и ре^ч ему: Кто е^с ты? И ре^ч ѡ^н: А^з е^мь Прѣаму^ш кра^л и ищу сна свое^г Ектера кралѧ. И ре^ч ему Ацилеешь: Ащи ты еси Приаму^ш, то а^з ѡ^т страха твое^г ме^ртвъ е^мь. И ре^ч Прѣаму^ш: Не бой ся, гд^сне, ѡ^т млада то^г нѣсть сотвори^л да спяща витезя погублю, но прошу сна свое^г Е^ктора. И ре^ч ему Ацилѣешь: Да а^з то сотворю да а^з понесу Е^ктора на свою плещу в Трою по вѣрѣ (ркп. — ь) [п] кля^тве Прѣамушевѣ, да здраво вниду и паки изыду. И заутра взем Ацилее^ш Е^ктора кралѧ и поне^се е^г в Трою, и прѣдаша е^г тро^йски^м госпожа^м, и начаша е^г плака^ти. И ре^ч ему Прѣяму^ш: Ацилеешу, пойдеве въ ц'рко^в кляти^с дру^г другу зло не мысли^ти, да бы сѣмя ѡ^стави^л в Трою и да ти вдамъ мою т'щер По^лкшену госпожу, коя то ѣ найлѣпшие во ^все^х госпожа^х тройски^х. И пойдо^ста въ ц'рко^в и кля^с Прѣяму^ш прьвіе и ѡ^тступи про^ч, и поклену Ацилее^ш кляти^с яко не рва^ти Трою, и ту и себе скры^в Елену^ш Прѣямушо^в снъ и удари Ацелеуша ядовитою стрелою в пяту, зане бѣ ве^с ѡруже^н, толико хо^ди^ла е^г бе^з железа. Тогда Ацилее^ш па^д на зем'лю и^з д'ше. И видѣ^в то Приаму^ш кра^л ѡзлоби^с ве^ми, и совлече с не^г Приаму^ш ѡру^же все и ѡ^тпусти ѡбѣма ц'рма и сказа има ка[ко] ему вѣру изломиша, да аще велита, да тѣло его принесу к ва^м. И плакаша ве^ми видѣ^ше ѡру^же Ацилѣешево и поручиста Преямушу кралю сьжещи тѣло е^г и ^всыпа^ти в ко^рча^г, да сотвори^м гро^б его на дале^чно^п земли. Слыша то Пріаму^ш кра^л и со^жже пло^т е^г и всыпа во зла^т ко^рчагъ и ѡ^тпу^сти ѡбѣма ц'рма. И вѣдѣша

ц҆ря и҆ у҆рове гре҆ції и҆ дивишаⷭ҇ гл҃ще: Ѿ сило и҆ сла̀ва Ацилешева, како тѧ не сьвьземаху (ркп.:—гу) вси градове и҆ ѿтоцы, а҆ седа е҆диⷩ҇ коⷬ҇чагъ злаⷮ҇ нѣсть тѧ плеⷩ҇!

И҆ нача У҆реⷦ҇шиⷲ҇ просити о҆ружиꙗ̀ еⷢ҇ и не даваше га И҆аи҆ак҆шь, но реⷱ҇: Ѿ гре҆сціи҆ пріѐ и҆ веⷧ҇можи и҆ у҆рове саракіи҆сціи҆ и҆ палагиⷩ҇сціи҆ и҆ рагуиⷩ҇сціи҆ витези, не даваⷤ҇те О҆уреⷦ҇шешу о҆ружиꙗ̀ Ацилеѐшева, не у҆мѣеⷮ҇ бо с ниⷨ҇ ваⷨ҇ работаⷮ҇ⷭ҇, но давайте Аі҆акшу кои҆ то га у҆мѣ носити, и҆ помѧнете: кꙋда пріидоⷯ҇ сь .л҃. кораⷠ҇ли на помощь ваⷨ҇ беⷥ҇ запо[вѣ]ⷣ҇ⷭ҇, а҆ У҆реⷦ҇шиⷲ҇ сѧ бѣ сътвориⷯ҇ бѣсенъ, тере песоⷦ҇ ѿраше а҆ соⷧ҇ сѣѧше да сѧ не причаⷭ҇тиⷮ҇ троискоⷨ҇ крови. И҆ паки ѡⷮ҇веща У҆реⷦ҇шиⷲ҇ и реⷱ҇: О҆урове гре҆сціи҆, не давайте Аа̀акшу о҆ружиѐ то, но помѧнете: коⷢ҇да хотѣхоⷨ҇ во ѿтоце ѡ҆ноⷨ҇ ѡⷮ҇ злыѧ̀ бурѧ погинуⷮ҇ⷭ҇ за о҆ную кошуту, и҆ не смѣ пойти Ї҆аи҆ак҆шь ѿпѧⷮ҇ въ Греки за Цвстану госпожⷣ҇у, но пойдоиⷯ҇ аⷥ҇ и҆ пріведоⷯ҇ ю҆, и҆ сташа воⷧ҇нениа̀ моⷬ҇скаѧ̀, и҆ вы пойдосте с весеⷧ҇ем поⷣ҇ Трою҆. Да присуⷣ҇ⷭ҇те У҆реⷦ҇шишу о҆ружіⷷ҇ то. И҆ реⷱ҇ И҆аи҆акшь: Ѿ гречесціи҆ у҆рове, не присужаⷤ҇те У҆рек҆шишу ѿружиѧ̀ тоⷢ҇, прісуⷣ҇ⷭ҇те ѐ Гі҆аи҆ак҆шу, кои҆ хощеⷮ҇ ваⷨ҇ почтено с ниⷨ҇ работаⷮ҇ⷭ҇, и҆ помѧнете то: ѐда дойдохоⷨ҇ поⷣ҇ Трою҆ на браⷩ҇ и҆ урва Ѐленуⷲ҇ Пріа̀мушоⷡ҇ с҆нъ Тиоуцера Дицевушева с҆на, и҆ блиⷥ҇ неⷢ҇ бѣ У҆реⷦ҇шиⷲ҇ и҆ не смѣа̀ше еⷢ҇ ѿтети, и҆ ѿтеⷯ҇ ѐго аⷥ҇ И҆аи҆ак҆шь. Дадите мнѣ то ѿружиѐ. И҆ реⷱ҇ У҆реⷦ҇шеⷲ҇: Ѿ гре҆стіи҆ у҆рове, помѧните: когда аⷥ҇ заложиⷯ҇ свою҆ главу на срѣщю и҆ пойдоⷯ҇ в Трою҆ нощию҆, и҆ сотвориⷯ҇ всѧ ваⷨ҇ еⷤ҇ на поⷧ҇зу, и҆ иⷥ҇ведоⷯ҇ бѣлого ѳарижа Рейдеша кралѧ, а҆ тоⷢ҇ погубиⷯ҇, дойдоⷯ҇ к ваⷨ҇ с великою҆ чⷭ҇тію҆. Дайте мнѣ то ѿружиѐ и҆ не давайте И҆аи҆ак҆шу, кои҆ не у҆мѣеть ни ѐдиноⷩ҇ ваⷨ҇ чⷭ҇ті сотвориⷮ҇ⷭ҇. И҆ реⷱ҇ Аиаⷦ҇шь: Ѿ гре҆стиі у҆рове, помѧните то, ѐгда пойдоⷯ҇ противу Ѐк҆тору кралю и҆ взѧⷯ҇ великіи҆ камеⷩ҇, ког(д)а не моⷤ҇даху двигнуⷮ҇ⷭ҇ два витеза ѡⷮ҇ зеⷨ҇лѧ, и҆ у҆дариⷯ҇ Еⷦ҇тора кралѧ, и҆ поклеⷦ҇ну Еⷦ҇тоⷬ҇ и҆ негов париⷤ҇ на зеⷨ҇лю. Да присуⷣ҇ⷭ҇те мнѣ то ѿружие, а҆ не даваⷤ҇те га У҆реⷦ҇шу на плешивую҆ главу. И҆ нача говориⷮ҇ⷭ҇ У҆реⷦ҇ша тихими бесѣдами: Ѿ госпоⷣ҇ⷭ҇на цр҃ѧ и҆ вси [е]гови веⷧ҇можиѐ и҆ у҆рови, да вѣсте, аⷥ҇ ничегоⷤ҇ прошу, но мене пуⷭ҇тите, да Ацилѣша доведу: и҆ пріведоⷯ҇ ѐго к ваⷨ҇, да сьда еⷢ҇ прошу ваⷨ҇, даⷣ҇ⷭ҇те еⷢ҇ мнѣ сѣмо, да

ѡͭведу и̓ поͨтавлю, гдѣ тога сьмь нузеͩ. Тогда цр҃ь иͮсе воѐводы и̓ у̓рове греͭцій, кои̓ седѧху в купе, и̓ начаша поглѧдати дру͛ на друга и̓ не и̓мѣху что ѡͭвещати У̓ре͡шишу, и̓ даша ѐму ѿружіѐ Ἀцилѐѐшево да иͫ не бы просиͩ Ἀцилееша. И̓ видѣ Ἀиа͡шь и̓ изѧ свои̓ малый меͭ и̓ прободеͨ на тоͫ мѣстѣ за жалоͨть свою̓. И̓ ѿзлобиͨ ѡ̓ тоͫ всѧ войска греͭскаꙗ̓ и̓ ѿба цр҃ѧ. И̓ видѣ то У̓ре͡ше͡ш, какоͨ ѿзлобиͨта ѿба ц҃рѧ и̓ ͮси болѧре е͛, и̓ реͭ У̓ре͡ши͡ш ѿбѣма ц҃рема: Не ͮзлобита са, госпо͡дна моꙗ̓, н҃ь да вѣста иͮвѣстно, аͮ вамъ хощу сотворити како хощеͫ Трою̓ приѧ̓ти леͨтію. И̓ видѣͮше то Ꙗ̓купа госпожа тро͡ска, ѧ̓ко хощеͭ Троꙗ̓ ско͡ча͡т, и̓ направи сн҃а свое͛ ме͡ше͛, кога зовеши Пилидвару͡ш, и̓ пуͨти е͛ на о͡пль морꙗ̓ Полинещеру кралю, кои̓ кралеваше по ͮсеи̓ Пагажи, и̓ многаꙗ̓ с҃ниͫ злата и̓ среͨра, ѐгдаͨ би семя (ркп.—и) у̓храни ѡͭ Троѐ. И̓ у̓мысли У̓ре͡ши͡ш-и̓ цр҃ема повеле пуͨти͡т вь греки и̓ донеͨти мѣͩ и̓ цкьло и̓ воскь, и̓ сотвори зело краͨна ѳарижа сѣра, и̓ иͮбра .т҃. витеͮ храͨрыͯ и̓ ѿружаͮ поса͡д иͯ в немь. И̓ воͨтаͮши войска зашеͩши скрыͨ и̓ кораͨли потайшеͨ в шимо[и]шевыͯ брезеͯ. И̓ и̓зыдоша и̓ͨ Троꙗ̓ на ѿколища греͭскааꙗ̓ и видѣша ѳарижа лѣпа и̓ краͨна веͩми, и̓ повѣдаше тро͡скиͫ госпожаͫ и̓ рекоша: Ἀще бы сѧͫ ѳариͫ быͩ в Трои̓, много бы му лѣпотѣ прибыло. И̓ рекоша тройские госпожи: Приведете е͛ наͫ да га видиͫ. И̓ твориша противу е͛ сѣни и̓ повезоша е͛ въ Трою̓ и̓ дойдоша до враͭ граду, и̓ не може внити ѐдино у̓хо во врата. И̓ бѣаше вели͡к каме͡н наͩ враты града и̓ хотѧху ѿбити у̓хо ѳарижу, и̓ дадошеͩ тройскіѐ госпожͩе н҃о и̓ рекоша сьтльщи каме͡н иже бѣше наͩ враты, и̓ паки хощеͫ, реͭ, зазида͡т подобрѣ, а̓ ѳарижа не мозити̓ ѡͨружити. И̓ растоͩкоша врата иͮвезоша ѳарижа во граͩ. Да ѐгда быͨ внутри̓, тогда воини раͮбиша цькло ͡чними главами и̓ напраͨно и̓ͨскочиͮше и̓секоша множеͨтво людеͫ и̓ прие͡ше граͩ, и̓ приспѣша мо͛сцій кораͨли и̓ ѧͫ по суху войски и̓споͩниͮше граͩ и̓ начаша сѣщи тро͡скиꙗ̓ витези, а̓ другіе иͮметаͮше в море. И̓ иͮведоша Ἀле͡ксa͡дра и̓ Ѐлену цр҃цю иͮ высоко͛ пи͛га преͩ Менелау̓ша цр҃ѧ, и̓ реͭ ему Ѐлена цр҃ца: Ѡ̓ госпо͡дне цр҃ю, ты быͨ веке криͮ, чему мѧ ѡͨтави со Ἀле͡кса͡дроͫ Ѳаріжеͫ, да мене своиͫ превари невѣр-

ствои? И ѡтвеща ей ц҇рь и рет: Ѡ госпоже Елено, да вѣси ꙗко ѡтселе да сотворю аз, да ин никто тебе не превари ни пре҇стит. И повелѣ ѡбѣма со Александром главы усѣкнучи, и тако скончас. И изведоша Ꙗкупу госпожу и всѣ тронские госпожки, и посекоша Поликшену госпожу на Ацилешсву гробу, ꙗко тоа радн погину. Ꙗкупу м҇трь ее дадоша на дел҇бѣ Урекшишу, и поведе ю со прочими госпождами, и кождо своег поведе. И начаша плакати троискиe госпожи, и тѣшаше их Ꙗкупа кралица гл҇щи: Мочите, чада моꙗ, не плачитес, аз имам тко ке наше сльзи утолити. И увиде то Полинещръ крал, како скончa Троꙗ, и повелѣ заклати Полидвоpуша Пріамушева с҇на и рет метнути ег в море. И ту присташа кораби греческій, и взꙗ Ꙗкупа ведро почерсти воду и обрете с҇на своег мр҇тва и возупи гласом велим плачющис. И слыша то Полинещрь крал и изыде на утешение Ꙗкупе и пріближис тройским госпожам на утешение, тогда тие восташе нан и ножеві его збодоша, и видѣвше то граждане и побиша их камением. И возвратис ц҇рь Менелаушь со всѣми греки с великою ч҇тію стоꙗвше под Троем. .Г. лѣть и .з. м҇ць.

И тако скончас троиское кралевство преде рж҇ства х҇ва на .тѯ. лѣть ендектиѡна .з. го. И тако б҇гъ смиреꙗт возносꙗщихсꙗ и сѣмꙗ неч҇твых потребит, ꙗкож пр҇ркь провозвести гл҇ꙗ: Видѣх неч҇тваг превозносꙗщесꙗ и высꙗщасꙗ и мимо идох, и не ѡбрете мѣсто ег к тому, ꙗко б҇гъ праведем и правду возлюби, а пути неч҇твых потреби и своею мышцею гордым противꙗтца, а право ходꙗщим дает бл҇годать и не лишит добра хотꙗщих незлобою, ꙗко тому подобает всꙗка слава, ч҇ть и поклонꙗние, ѡ҇тцу и с҇ну и с҇тому д҇ху н҇не и прі҇сно и во веки веком амінь.

II.

Ѿ созⷣанїи ї ѡ плѣне́нїи троⷩскоⷨ ї ѡ коне̑нѣⷨ раⷥре́нїи еⷤ бы̑ при Е̓зекїи ц҃ри їюде́йстѣⷨ (по ркп. СПБ. Духовной Академіи № 126 = Нов.Соф. № 1497, XVI вѣка).

Бѧ́ше в̓ пе́р̓ваѧ времена̀ ц҃рь нѣ́кїи и̓мене̑ Приде̑, и̓ быⷡшу е̓му на ловѣ в нѣ́коеⷨ ѻ̑то́цѣ мо̑скоⷨ, оу̓ негоⷤ ѿ еⷣⷩныѧ̀ страны̀ теча́ше великое̑ мо́ре, а̑ ѿ дрꙋгїа страны Скоманⷣра рѣка, а̑ ѿ г҃- а̀ страны Пеле́шино мо́ре, а̑ ѿ .д҃. страны стоѧ́ше лѫ̑ Дуⷯⷪма, а̀ ѿ е҃- а̀ страны ю̓доⷨ, и̓дѣⷤ растѧ́хоⷹ дре́вїе и̓ цвѣ́ти раⷥли̑нїи: видѣ̑ же ц҃рь добро́тꙋ мѣ́ста и̓ на̑ зⷣати граⷣ въ и̓мѧ своѐ и̓ по себѣ̀ повелѣ с҃нѫ свое̓мꙋ зⷣати та́коⷤ, и̓ про́чїи запо́вѣдохоⷹ кожⷣо с҃ноⷹ свое̓му, и̓ с преⷤниⷨ цреⷨ нача́ зⷣа́ти всѣⷯ .ѕ҃. до Тро́и̓ла ц҃рѧ, иⷤ вѧ́ще всѣⷯ дѣло сътворѝ и̓ наре̑ въ свое̓ и̓мѧ Тро́а граⷣ. Троиⷨ роⷣⷩ Прїа̀ма царѧ, оу̓ негоⷤ ц҃рца и̓ме́неⷨ Ґѧка́ма. И̓ роⷣⷩ два̀ с҃на, Е̓кто́ра і Алекса́нⷣра иⷤ и̓ Фариⷤ, ѡ̓ неⷨ же оу̓смотри́ша влъсви, ꙗ̓́ко е̓го раⷣⷩ хо́щеⷮ Троа̀ граⷣ разори́ти̑. Ц҃рьⷤ ре̑ женѣ своеи: Повели да оу̓бьюⷮ е̓го, ѡ̓наⷤ пощадѣⷡши красоты раⷣⷩ е̓го̀. И възмоⷹжаⷡ прїиде к Менелѧ́ю ц҃рю гре̑скому, еⷤ е̑ еллиⷩскомоⷹ, служиⷮⷩ съ мно́гиⷨ бг҃аⷮство̑ и̓ съ ѻ̑троки. Ц҃рь въⷥвесели̑ зѣло, срѣ́те е̑ дале̑ и̓ цѣлова́ и̓̆, и̓ ре̑ е̓моⷹ Алеѯанⷣръ: Прїи̓доⷯ аⷥ ц҃рю служи́ги тебѣ не на́ златѣ и̓ сребрѣ, но ч҃ти раⷣⷩ твоеѧ̀. Ц҃рьⷤ взеⷨ е̓го̀ къ Е̓ленѣ црци своеи в пола́тоⷹ, и̓ ѧ̓дѧ́хоⷹ и̓ пїѧ́ху на еⷣⷩнѣ. Ѥгⷣа у̓мываⷯ

рꙋцѣ и оуброусом отирахꙋ, Александръ писаше на оубрусѣ чрьвлѣным виномъ сице: Црца Елена, люби ма, ꙗко азъ тебѣ. Послам Менелае црь къ братꙋ своемоу Агамену гла: Радуи братѣ, да мнѣ хотат слоужит брата моа цри. Ѿписа ему брат е: Блюди да не прїидет чюжая доброта и въимет нашоу чть, и нам боудет велика срамота. И пойди Менела црь на войнꙋ и повелѣ Александру да пойдет с ним, ѡ же сътвори болен и лежа въ црков полатѣ, егда рече здравъ боуду, идоу въ слѣд тебѣ. По ошествіи цра изыде црца съ отроковицами прохождати по градꙋ, Александръ въсхити ю прїйде въ Трой град к оцу си и мтри. Слыша же Менелай црь и брат е Агамем црь събраша силу войскꙋ велїю зѣло. ,а рі. корабле, поставивша цра Ахилеа Фїанина рати начальника и прїидоша под Трои. Тројане оплъчивше испрьва добрѣ борахоу с ними, да ꙗком искусиша Ахилеево стремленїе и храбро, сѣдахоу въ градѣ заключивше. Потом же нѣкаа жена влъхвующи поусти влъненїе на морѣ да погоубит вса корабла греская, и дасть ей црь Агамем дще свою Цвѣтану, і оустави бурю, и ратовахоу Трою. І изыде противоу им Екто црь Прїамов снъ и нача стрѣлати стрѣлою съ ѡгнем, и единым пущенїем погружаше три корабла грескаа. І изыде Ахилеи на брань огнем дыхаа и разбивает пълки и побивает прьвобор'ца і оуби Ектора цра. И Прїам црь прїйде нощїю в полкъ над спаща Ахилеа и не погꙋби е. Ахилеи взем ѿ Прїама цра слово клатвеное, ем к томоу не воевати, и понесе Ектора на своею плещоу и предасть й троаном. И шед Ахилеи с Приамом црем в цквь Аполоню съврьшити клатвꙋ, Александръ тѫ оуби Ахилеа. Потомже паки быша моужей оубїенїа и заклана и паки кров'ми облиаса земла троискаа, и паки окровавлены быша Скомандровы струа, донде влъхвы им изрекоша прчтвом, ꙗко нѣ мощно ратїю взати Троа, но токмо лестїю. І абїе съдѣаша кона древана велика зѣло и затвориша в нем моужа храбры, и сами ѿити мнахоу въ своаси, съкрыша бо въ островѣ. Троанем никогом видѣвши, токмо кона стоаща, и внесоша его въ град, играм и пїтїем себѣ вдавше і оуснувше глꙋбоким сном, моужїем изшедше из кона заж гоша храмы и врата градꙋ ѿверзоша, еллиним ꙗко вода

влиꙗ́ша̑ и̓ взѧ́ша граⷣ, иⷥсѣко́ша всѧ веⷧмо́жа, и̓звеⷣⷪшаⷤ ’Алексанⷣра і̓ Е̇ле́ноⷹ цр҇цоⷹ к Менела́ю̓. Оⷩже повелѣ иⷯ оу̓сѣкноуⷮⷰ, и̓ про́чеѐ раскопа́ша граⷣ иⷥ о̓сновӓⷩѧ и̓ пусто сътвори́ша всѧ̀. Въⷥврати́ же̑ Менела́ю̓ цр҇ь с побѣⷣⷪю̀ и̓ вели́ко ч҇тью̓, стоѧ̀ поⷣ Тро́еⷨ .г҇. лѣⷮ и̓ .з҇. мц҇ь. Написаⷤ о̓ сеⷨ по́вѣ̑ сі́ю̀ твореⷰ О̓ми̑. ’Ахиле́иⷤⷷ бѣ сн҇ъ цр҇ѧ Каѐты, а̓ и̓н’дѣ пи́шеⷮ Фиреле́ша.

II.

БѢЛОРУССКІЯ ПОВѢСТИ

О ТРИСТАНѢ, БОВѢ И АТТИЛѢ

ВЪ ПОЗНАНСКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА.

БѢЛОРУССКІЯ ПОВѢСТИ О ТРИСТАНѢ, БОВѢ И АТТИЛѢ ВЪ ПОЗНАНСКОЙ РУКОПИСИ КОНЦА XVI ВѢКА.

На эти повѣсти обратила мое вниманіе статья О. М. Бодянскаго: О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1846 г., I). Пользуясь небольшими отрывками текста, которые онъ приводитъ, я могъ указать на итальянскій источникъ познанскаго Бовы въ отдѣлѣ, посвященномъ этому роману въ моемъ очеркѣ древне-русской повѣсти въ послѣднемъ изданіи Исторіи русской литературы Галахова (I, стр. 451 и слѣд.[1]). На замѣткѣ и извлеченіяхъ Бодянскаго основано и мое указаніе (l. c. стр. 460, § 8) на древнерусскаго Тристана, будто бы переведеннаго съ польскаго[2]); зна-

---

[1]) См. также мою замѣтку: Zum russischen Bovo d'Antona въ Archiv f. slav. Philologie, VIII, 2-tes Heft. Вторая замѣтка, помѣщенная тамъ же (IX, 2-tes Heft, стр. 310) и подъ тѣмъ же заглавіемъ, основана уже на моемъ знакомствѣ съ цѣлымъ текстомъ повѣсти, напечатанной далѣе въ приложеніи, вмѣстѣ съ другими, списанными для меня изъ познанскаго сборника г. Баранскимъ, благодаря любезному посредничеству С. Л. Пташицкаго. Такъ какъ подлинникъ повѣстей не могъ быть доставленъ въ Петербургъ, то сличеніе моей копіи съ оригиналомъ принялъ на себя проф. А. Брюкнеръ (Берлинъ), которому приношу живѣйшую благодарность.

[2]) Сл. статью A. Brückner'a: Ein weissrussischer Codex miscellaneus der Gräflich-Raczyńskischen Bibliothek in Posen, въ Archiv f. slav. Philologie IX, 3-tes Heft, стр. 387.

комство съ полнымъ текстомъ романа убѣдило меня, что какъ для Бовы, такъ и для Тристана слѣдуетъ предположить сербскій оригиналъ, на чтò намекаетъ и общее имъ заглавіе въ познанскомъ сборникѣ: «Починаетьсѧ повесть ѡ витязѧх с книгъ сэрбъских, а звлаща ѡ славномъ рыцэры Трысчане, ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о иншыхъ многихъ витезех добрыхъ». Это спеціальное указаніе ставитъ эти повѣсти особо отъ слѣдующей за ними Исторіи объ Аттилѣ, изобилующей полонизмами въ словарѣ и синтаксисѣ. На такое различіе источниковъ повѣстей познанскаго сборника я обратилъ вниманіе въ двухъ моихъ докладахъ въ романо-германскомъ отдѣлѣ филологическаго общества, состоящаго при С.-Петербургскомъ университетѣ, хотя и не въ состояніи былъ опредѣлить непосредственный оригиналъ Аттилы, нынѣ указанный профессоромъ Брюкнеромъ. Что до сербскихъ книгъ, съ которыхъ переведены были Тристанъ и Бова, то онѣ неизвѣстны или пока не найдены, и лишь оставили слѣдъ въ нѣкоторыхъ сербизмахъ словаря нашихъ повѣстей, на которые указалъ и я въ упомянутомъ выше отчетѣ, а Брюкнеръ сопоставилъ въ своей работѣ. Сюда относятся формы: *градъ, гласъ, злато, глава;* слова: *белегъ* (иначе знаменіе), *нејакъ* = слабый; *зафалено ти буди; племѧ* въ значеніи рода; особенно *племенида* изъ племенита = италіанск. gentile, и въ томъ же смыслѣ: *врожена*ѣ (панна); *кружки* рядомъ съ чаще встрѣчающимся *шранки; часть* = честь; *ѡсветити* = отмстить; *кошуба*, искаженное изъ *кошута; смиль* (gnapharium arenarium), какъ символъ печали, чтò, можетъ быть, и не сербизмъ; *отокъ* рядомъ съ островомъ: «к чорному ѡстрову ѡтоку» и т. д. [1]).

Предполагаемые нами сербскіе тексты Тристана и Бовы могли быть переведены съ италіанскаго: за это говорятъ a priori и литературныя отношенія Сербіи, и нѣкоторыя италіанскія слова, перешедшія изъ сербскихъ оригиналовъ въ бѣлорусскій

---

[1]) *Орыл* въ Бовѣ, вм. ит. *Orio*, указываетъ, быть можетъ, на сербск. Орио, переданное русскимъ пересказчикомъ по аналогіи: орао = орелъ; такъ объясняется, вѣроятно, и *Арменил* = ит. Arminion = сербск. Арменио (?).

пересказъ; таковы: *литра*, *прынчыпъ*, *морнаръ*[1]); *древо* въ значеніи legno = судно (Bovo ed. Rajna v. 413); *Говорнаръ* восходитъ, вѣроятно, къ италіанской формѣ Governaro. Ошибки переводчика Бово объясняются непониманіемъ именно *италіанскаго* оригинала: *палацъ* = v. 345 plaça; полемъ бѣгъ = v. 1098 per lo palaço (plaça?) sen va; по *другому* мору = v. 389 per l'alto (altro) mar; и зашол з *другого* мора и погубилъ всихъ = v. 751 E va ferir in payn d'oltramar (altro mare?); *опат* = v. 814 oltra (altra volta?); храбрениче = v. 438, 442, 464 valeto (valente? сл. витазь = v. 791 valeto); биите юнаци *свободно* = v. 710 ferì, franchi baron; у сватое *крэщение* = v. 1137 in santa cristentade (то-есть, въ христіанскую землю); въ ωдномъ *угле* = v. 1180 in un canton; маютъ *бѣгати* на конехъ воюючи = v. 1445 El no è dì ch'eli no cora ala città; *граженинъ* = v. 2234 lo Pitadin (прочтено = citadin); не хотели большеи *играти* = v. 2420 moto noli sonà.

Полонизмы, встрѣчающіеся въ Тристанѣ и Бовѣ, хотя въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Аттилѣ, должны быть, такимъ образомъ, объяснены иначе, чѣмъ для послѣдняго памятника: не вліяніемъ оригинала, а литературною и общественною средой, въ которой жилъ переводчикъ.

Языкъ всѣхъ трехъ повѣстей и слѣдующей за ними «Литовской хроники» — бѣлорусскій языкъ XVI вѣка, болѣе свободный отъ вліянія церковно-славянскаго, чѣмъ языкъ какого-либо другаго современнаго памятника русской рѣчи. Это даетъ нашимъ текстамъ особое значеніе для изученія литературнаго бѣлорусскаго языка, для котораго мы принуждены были еще недавно ограничиваться матеріаломъ, представляемымъ Библіей Скорины, Литовскимъ Статутомъ, лютеранскимъ катехизисомъ, хрониками, актами и т. п. Въ послѣднее время число бѣлорусскихъ памятниковъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется болѣе и болѣе значеніе бѣлорусской писменности въ общерус-

---

[1]) Brückner, l. c. стр. 374.

скомъ литературномъ развитіи: укажемъ на Дѣи Римскія, на житіе св. Алексѣя и находящіяся въ одномъ съ нимъ сборникѣ Никодимово Евангеліе и Повѣсть о трехъ царяхъ-волхвахъ [1]). Познанскія повѣсти стоятъ въ этомъ теченіи. Брюкнеръ даетъ ихъ обстоятельную фонетическую и грамматическую характеристику [2]), указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и на ихъ литературную и культурно-историческую стоимость. Познанскій сборникъ, говоритъ онъ, восполняетъ чувствительный пробѣлъ въ литературной исторіи Западной Руси: русскіе романы и повѣсти позднѣйшей поры сохранились главнымъ образомъ въ восточно-русскихъ текстахъ, и оставался открытымъ вопросъ о путяхъ изъ литературнаго перехода. Отвѣтъ даютъ бѣлорусскія повѣсти XVI столѣтія. Фактъ интересный, который и я спѣшу отмѣтить вслѣдъ за Брюкнеромъ, который готовъ былъ-бы обобщить, но съ небольшою оговоркой: что именно для исторіи восточно-русскихъ повѣствовательныхъ текстовъ познанскій сборникъ даетъ, по своему составу, лишь мало указаній, потому что помѣщенный въ немъ Тристанъ, если мы не ошибаемся, не существуетъ въ другихъ отраженіяхъ и, вѣроятно, остался одинокимъ, тогда какъ многочисленныя рукописи нашего восточнаго Бовы принадлежатъ другой редакціи, чѣмъ бѣлорусскій, и не могли пойдти отъ него, хотя подобно ему восходятъ къ сербскому источнику. Замѣчу кстати, что въ вопросѣ о послѣднемъ румынскій Бова не можетъ служить намъ подспорьемъ, какъ служила румынская Александрія въ вопросѣ объ Александріи сербской, ибо, по письменному сообщенію мнѣ г. Гастера, румынскій Бова не что

---

1) Сл. Владимировъ, Житіе св. Алексѣя человѣка Божія въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка (Журн. Мин. Нар. Просв. 1887, Октябрь, стр. 250 слѣд.).

2) О книжномъ бѣлорусскомъ языкѣ въ памятникахъ XVI и XVII вв. сл. между прочимъ замѣтки Недешева, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ (Русск. Филол. Вѣстникъ 1884 г.). Сл. также Карскаго, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи (Москва, 1886); Владимірова, Докторъ Франдискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ (СПБ. 1888). стр. 247 и слѣд.

иное, какъ переводъ (съ намѣренною замѣной собственныхъ именъ другими) соотвѣтствующаго отдѣла изъ еврейскаго Maase-buch, откуда какъ эта повѣсть, такъ и нѣкоторыя другія, были извлечены и изданы въ Букурештѣ подъ заманчивымъ заглавіемъ: Тысяча и одинъ день [1]). Вопросъ о источникѣ Бово въ пересказѣ Maase-buch насъ здѣсь не касается.

Въ составѣ познанскаго сборника Бова и Тристанъ, переведенные съ «сербскихъ книгъ», стоятъ рядомъ съ Аттилой, переведеннымъ съ польскаго, обличая такимъ образомъ и вкусы составителя-переписчика, и время, въ которое онъ жилъ: время, когда и въ области повѣствовательной литературы совершился переходъ отъ южныхъ (южно-славянскихъ) вѣяній къ западнымъ польскимъ, и послѣднія начинали получать перевѣсъ: на сколько можно судить по рукописнымъ (польскимъ и русскимъ) отмѣткамъ читателей сборника, они болѣе всего интересовались Литовскою хроникой и Аттилой, тогда какъ «сербскія повѣсти» были почти забыты.

Познанская рукопись состоитъ изъ 344 листовъ; повѣсти и хроника, идущія до 291 листа лиц., писаны одной рукой (A), которую въ немногихъ случаяхъ смѣняла вторая = B (сл. Brückner, стр. 353); слѣдующіе листы, записанные другими руками, представляютъ разнообразное содержаніе: на лл. 293—328 помѣщены два акта 1635 и 1528 гг., русскаго языка и письма; на л. 328 замѣтка объ уніи 1569 года; на лл. 333—335 родословная пановъ Трызновъ; далѣе слѣдуютъ фамильныя замѣтки

---

[1]) O mie și una de zile. Cele maĭ frumóse basme arabescĭ și persane, scrise de Califulŭ Osman. Tradus în limba romana de H. S. Bucurescĭ, 1881. Первая повѣсть: Istoria luĭ Baltazar și a frumoaseĭ Repsima — и есть повѣсть о Бовѣ. Доставленіемъ мнѣ указанной книги я обязанъ любезности г. Гастера.—Что до источника еврейскаго перевода Бовы (ed. Amsterd., f. 8ª), то онъ былъ итальянскій. Сл. Post = pasto, Sarwer = servitori и т. п. Переводчикомъ былъ Elia Levita, называвшій себя Bachur; онъ обучалъ высшее итальянское духовенство и переписывалъ въ Римѣ для кординала Эгидія изъ Витербо сочиненія каббалистическаго содержанія. Сл. Zedner, Hebr. Bibliogr. 1863, стр. 22; Serapeum 1869, стр. 132, прим. 3; Archiv f. Litteraturgeschichte, II, стр. 17—18.

Униховскихъ, въ семьѣ которыхъ наша рукопись обрѣталась въ теченіе почти 80 лѣтъ, свидѣтельствуя о литературныхъ интересахъ мелкаго литовско-русскаго дворянства XVI—XVII вѣка и объ его послѣдовательномъ опольщеніи. Послѣдняя запись Униховскихъ относится къ 1672 г., самая ранняя по времени, принадлежащая Григорію Павловичу Униховскому, первому владѣльцу рукописи, къ 1544 г. Между этимъ годомъ и 1574, годомъ появленія Аттилы Базылика, слѣдуетъ помѣстить и написаніе нашего сборника: приблизительно около 1580 года (l. c. стр. 354 и 345).

Проф. Брюкнеръ (стр. 354) считаетъ почеркъ второго писца повѣстей тождественнымъ съ почеркомъ Григорія Униховскаго, о которомъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній (стр. 352). Дополняю ихъ изъ письма ко мнѣ С. Л. Пташицкаго; оно бросаетъ новый свѣтъ и на мѣсто написанія рукописи и на время, когда она могла попасть въ семью Униховскихъ. «О самомъ Григоріи Униховскомъ у меня почти нѣтъ свѣдѣній, пишетъ мнѣ г. Пташицкій. Имѣю указанія изъ Литовской Метрики, что онъ былъ землевладѣльцемъ Новогродскаго воеводства (нынѣ уѣздъ Минской губерніи), владѣлъ въ Новогродкѣ домомъ, которому 28 Апрѣля 1590 г. король далъ «волности», и эта привилегія записана въ Вильнѣ въ метрикѣ, въ книгѣ записей № 76, документъ 165. 11-го Марта король подтвердилъ Григорію Униховскому запись, которую дала ему татарка новогродскаго повѣта Царевичовая Острынская на имѣніе Колбачевское. Запись внесена въ туже книгу на стр. 629. Такимъ образомъ первый извѣстный владѣлецъ рукописи — состоятельный земельный и городской владѣлецъ, имѣвшій дѣла въ великокняжеской канцеляріи около 1595 г. Въ тѣ годы (1594—1599) великокняжеская канцелярія (= Метрика) занята была перепиской старыхъ актовыхъ книгъ по распоряженію канцлера Льва Сапеги (сл. мое Описаніе Литовской Метрики, стр. 8). Книги переписаны тѣмъ-же *канцелярскимъ* почеркомъ, что и познанская рукопись. Почеркъ записи Униховскаго рѣзко отличается отъ почерка всей рукописи.

Правда, это твердая, опытная рука, но не писарская. Мнѣ думается, что рукопись переписана какимъ-нибудь канцлерскимъ писаремъ (дьякомъ), а Григорій Павловичъ купилъ её въ одну изъ поѣздокъ по дѣламъ въ Вильну. Да и самъ Григорій былъ по матери (урожд. Трызна) въ родствѣ, правда далекомъ, съ знаменитымъ канцлеромъ Львомъ Сапегой, который по обязанностямъ слонимскаго старосты нерѣдко бывалъ въ сосѣдствѣ съ Униховскимъ. При тогдашнихъ крѣпкихъ семейныхъ связяхъ сношенія между ними могли быть довольно тѣсныя».

Что касается опредѣленія времени, когда наша рукопись попала къ Григорію Униховскому, то для этого есть слѣдующія данныя: онъ скончался въ 1606 году; послѣдняя хронологическая память въ его записи относится къ женитьбѣ его брата Яроша въ 1598 г. Такъ какъ семейныя замѣтки Григорія Униховскаго не указываютъ своимъ почеркомъ на разновременное происхожденіе, а писаны какъ-бы въ одинъ *присѣстъ*, то 1598-й годъ и будетъ приблизительнымъ terminus a quo нашъ сборникъ попалъ въ его руки.

Въ слѣдующихъ далѣе главахъ я попытаюсь уяснить источники бѣлорусскихъ Тристана и Бовы, пока на основаніи пособій, находящихся у меня подъ руками, и, къ сожалѣнію, нѣсколько скудныхъ. — Что до послѣдняго № познанскаго сборника, то я принужденъ ограничить мою работу по его поводу сводомъ и распредѣленіемъ легендъ, окружившихъ имя Аттилы. Къ одному изъ позднѣйшихъ видовъ этихъ легендъ примкнетъ и открытый проф. Брюкнеромъ источникъ соотвѣтствующей познанской повѣсти.

I.

Тристанъ.

Поэтическая легенда о любви Тристана и Изольды принадлежитъ къ числу наиболѣе любимыхъ и популярныхъ въ средневѣковой поэзіи западной Европы [1]). Популярность эта объясняется своеобразнымъ содержаніемъ кельтской сказки, легшей въ ея основу [2]) и, болѣе того, поэтическими качествами ея древнихъ англофранцузскихъ и французскихъ стихотворныхъ обработокъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о нихъ крайне отрывочны и лишь отчасти восполняются позднѣйшими переработками утраченныхъ или фрагментарно-сохраненныхъ подлинниковъ [3]). Такъ англонорманскіе поэмы Béroul (ок. 1150) и Thomas

[1]) Сл. Sudre, Les allusions à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge, въ Romania № 60, стр. 534 слѣд.

[2]) О кельтскихъ мотивахъ въ романахъ Круглаго Стола сл. G. Paris, Les romans en vers du cycle de la Table ronde (extrait du t. XXX de l'Histoire littéraire de la France), въ введеніи и passim. Это не исключаетъ со стороны кельтскихъ сказочниковъ знакомства съ захожими сюжетами (сл. стр. 192) и даже съ классической миѳологіей (сл. стр. 140). По этому поводу позволю себѣ вопросъ: Bédier (La mort de Tristan et d'Iseut, въ Romania № 60, стр. 485), сближая разсказъ о смерти Тристана съ сходнымъ мотивомъ въ легендѣ о Тезеѣ, оговаривается: «les poètes bretons ignoraient Hésiode, Sophocle et tout le cycle gréco-romain», и они и Гезіодъ, «glanaient dans le même fonds de légendes qui avaient amusé, en des temps quasi préhistoriques, les esprits des hommes». G. Paris замѣчаетъ по этому поводу (l. c. стр. 485, прим. 2), что это сближеніе двухъ легендъ, давно предложенное имъ съ каѳедры, «me paraît s'appuyer sur divers rapprochements frappants, dont quelques-uns seulement sont indiqués ci-dessus». Интересно было-бы узнать, объясняетъ-ли онъ это сходство доисторическимъ преданіемъ или классическими воспоминаніями кельтскихъ сказочниковъ? Замѣтимъ кстати, что Sarrazin (Germanische Sagenmotive im Tristan-Roman, въ Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte, I, стр. 262 и слѣд.) попытался недавно, хотя и не совсѣмъ удачно, указать на германскіе сказочные мотивы въ романѣ о Тристанѣ, кельтскую основу котораго совершенно отрицаетъ Golther, Die Sage von Tristan und Isolde. Studie über ihre Entstehung und Entwicklung im Mittelalter (München, 1887), стр. 10, 100, 107.

[3]) Сл. общее обозрѣніе вопроса у G. Paris, Les romans, стр. 19—22.

(ок. 1170) [1]) сохранились лишь въ отрывкахъ, а Тристанъ Chrestien de Troies (ок. 1150 г.) [2]) вовсе не дошелъ до насъ. Къ тексту, сходному съ Béroul'евскимъ, восходитъ поэма Eilhart'a von Oberge (ок. 1195 г.) [3]), и подобнымъ же текстомъ пользовался отчасти редакторъ той версіи старофранцузскаго прозаическаго романа, которая легла въ основу его старопечатныхъ изданій. Томасу слѣдовалъ въ своей неоконченной поэмѣ Готфридъ Страсбургскій (ок. 1203 г.), авторы староанглійскаго Sir Tristram и нижненѣмецкаго Tristrant'a, сохранившагося въ отрывкѣ [4]), и существуетъ норвежскій прозаическій переводъ поэмы, недавно изданный Kölbing'омъ. Что до утраченнаго оригинала Chrestien de Troies, то о немъ мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, если оправдается мнѣніе G. Paris'a: что французскій прозаическій романъ о Тристанѣ восходитъ къ какой-нибудь передѣлкѣ поэмы Chrestien'a [5]).

Первоисточникъ познанскаго Тристана относится, очевидно, къ группѣ французскихъ прозаическихъ романовъ, приблизительную генеалогію которыхъ пытался установить Бракельманъ [6]).

Онъ распредѣляетъ ихъ на три группы:

1) Романъ Luce de Gast съ продолженіемъ Robert'a de Borron. Сюда относятся рукописи Bibliothèque Nationale №№ 756, 757 fol. 1—99; № 1434.

2) Редакція Élie de Borron: Bibl. Nat. №№ 750, 12599, 757 (fol. 89—263), 760, 755 и 104.

---

[1]) Новое изданіе послѣдняго готовитъ Vetter. Сл. его: La légende de Tristan. Marburg i. H. 1882 и Böttiger, Der Tristan des Thomas. Göttingen 1883.— Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Studj di filologia romanza имѣетъ появиться статья Novati: Un nuovo e un vecchio frammento del Tristano di Tommaso.

[2]) G. Paris, Les romans, стр. 14.

[3]) Сл. Ernest Muret, Eilhart d'Oberg et sa source française въ Romania № 62—64, стр. 288 и слѣд.

[4]) Сл. Lambel въ Germania XXVI, стр. 356: Titz, Zs. f. deutsches Alterthum XXV, стр. 248 слѣд.; Böttiger l. c. стр. 5.

[5]) G. Paris, Note sur les romans relatifs à Tristan, Romania № 60, стр. 602.

[6]) Сл. его статью въ Zeitschrift für deutsche Philologie, 1886 г., № 1, стр. 85 и сл., съ примѣчаніями Suchier.

3) Дальнѣйшая обработка предыдущей редакціи: Bibl. Nat. №№ 334, 102, 776, 100.

Это вульгата; къ ней близко примыкаетъ

4) Bibl. Nat. № 103, источникъ старопечатнаго романа, первое изданіе котораго явилось въ Руанѣ въ 1489 году; послѣдующія отличаются отъ него лишь опечатками.

G. Paris [1]) заподозриваетъ состоятельность этого распредѣленія, несомнѣнно подлежащаго провѣркѣ, ибо критической работы надъ рукописями прозаическаго романа пока не сдѣлано. Въ одномъ оба изслѣдователя сходятся: въ обособленіи рукописи № 103, какъ источника старопечатнаго романа. И въ самомъ дѣлѣ: во всѣхъ другихъ прозаическихъ текстахъ разсказывается, въ отличіи отъ древняго преданія, что Тристанъ убитъ былъ королемъ Маркомъ; редакторъ № 103 (а за нимъ и старопечатный романъ) измѣнилъ этотъ эпизодъ согласно съ какой-нибудь древней поэмой о Тристанѣ, типа Béroul'евой, ибо въ разсказѣ о кончинѣ своего героя онъ близко сходится съ Eilhart'омъ [2]).

Изъ италіанскихъ переводовъ французскаго прозаическаго Тристана я могъ пользоваться только изданіемъ Polidori, La Tavola Rotonda, которое имѣлъ въ виду и Брюкнеръ. Текстъ Полидори, представляемый еще и другою рукописью, имъ не упомянутою: Laurenziano, Plut. LXIII, c. 10, значительно отклоняется отъ французскаго старопечатнаго романа; ближе къ нему, по письменному сообщенію мнѣ Райны (отъ 23-го ноября 1886 г.), Cod. Riccard. 2543, извлеченія изъ котораго даны были въ Manuale Nannucci; къ сожалѣнію, рукопись эта не полна и на половину испорчена до неразборчивости. Близкимъ къ французскому оригиналу является и cod. Palatino-Panciatichiano E. B. 5. 1. 23, f. 150—269, которымъ отвѣчаютъ стр. 348 — 90 Polidori, послѣ чего, за большимъ пропускомъ, соотвѣтствіе возстановляется, начиная съ стр. 488 Polidori; разказъ кончается

---

[1]) Note sur les romans l. c. стр. 600; Golther l. c. стр. 116 и прим. 1.

[2]) См. объ этомъ подробно въ указанной выше статьѣ Bédier.

смертью Тристана и Изольды, отъѣздомъ Segramor'a въ Camellotto и эпилогомъ Hélie de Borron (Polidori, стр. LXVII). Изъ діалектическихъ обработокъ укажу на венеціанскій текстъ, описанный Муссафіей[1]). Такъ называемый Ланцелотъ Палатинской рукописи Е. 5. 4. 47, по сообщенію Райны, не что иное, какъ Тристанъ, съ внѣшнею сѣверно-италіянскою діалектическою окраской, тогда какъ самый текстъ основанъ на тосканскихъ версіяхъ. Такимъ же полу-діалектическимъ (болонскимъ?) оттѣнкомъ языка отличается и cod. Riccard. 1729, представляющій какъ бы краткій пересказъ италіанской версіи романа, болѣе близкой къ французскому оригиналу.

Съ какой изъ упомянутыхъ выше редакцій французскаго романа переведенъ текстъ Полидори — отвѣтить не могу[2]), потому что единственнымъ пока ихъ показателемъ является, для незнакомыхъ съ рукописями, старопечатное изданіе, на столько отличающееся отъ текста Полидори, на сколько оно сходно, въ извѣстной мѣрѣ, съ нашимъ. Старопечатнымъ французскимъ романомъ, кратко пересказаннымъ графомъ де-Трессаномъ[3]), я пользовался по слѣдующему изданію: Les grandes proesses du tres vaillant, noble et excellent cheualier Tristan, filz du noble roy Meliadus de Lionnoys et cheualier de la Table Ronde. Nouuellement imprimé à Paris l'an mil cinq cents XXXIII[4]); нѣкоторыя извлеченія изъ изданій 1489 и 1520 годовъ были доставлены мнѣ Р. О. Ланге. Сличеніе съ нашимъ Тристаномъ показываетъ, что, вопервыхъ, предполагаемый италіанскій оригиналъ

[1]) Mussafia, Ueber eine altfranzösische Hs. der königlichen Universitätsbibliothek zu Pavia (Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensch. Philol. hist. Cl. LXIV B., Heft III, Jahrg. 1870, März).

[2]) G. Paris въ прим. къ статьѣ Bédier (l. c. стр. 496, прим. 1) также не знаетъ источника текста Полидори.

[3]) Oeuvres choisies du comte de Tressan, t. VII (1788).

[4]) Я пользовался экземпляромъ императорской Вѣнской библіотеки, обязательно доставленнымъ мнѣ И. В. Ягичемъ. Древнѣйшее изданіе романа озаглавлено такъ: Histoire du tres vaillant noble et excellent chevalier Tristan, fils du roi Meliadus de Leonnois, imprimé a Rouen en l'ostel Iehan le Bourgeois le dernier jour de Septembre mil CCCCIIIIXX et IX.

его сербскаго подлинника отличался отъ текста Polidori; что, вовторыхъ, до извѣстнаго предѣла, приблизительно на три четверти всего разказа, нашъ Тристанъ отвѣчаетъ, въ общемъ, распорядку и содержанію, какъ текста Полидори, такъ, и въ большей мѣрѣ, старопечатному французскому, но что въ концѣ русская повѣсть значительно отличается отъ того и другого, представляя новыя подробности, измѣняя обычную катастрофу и производя впечатлѣніе чего-то скомканнаго, сокращеннаго въ торопяхъ или по незнанію. Едва ли подобное изложеніе принадлежало искомому италіанскому роману; выборъ остается между сербскимъ переводчикомъ-пересказчикомъ и его бѣлорусскимъ собратомъ. Послѣдній могъ сократить и измѣнить въ указанномъ смыслѣ сербскій подлинникъ, но могъ и сохранить измѣненія, уже совершившіяся въ послѣднемъ. Еслибы второе предположеніе оказалось болѣе вѣроятнымъ, какимъ оно представляется и мнѣ, то въ искомомъ сербскомъ текстѣ мы должны были бы признать не только переводъ, но и элементъ самостоятельной передѣлки, обнаруживающейся, между прочимъ, въ особой роли, какая дается Тристану. Во французскомъ романѣ, какъ и у Полидори, главнымъ героемъ разказа является Тристанъ, Ланцелотъ выступаетъ во второй роли и лишь за ними другіе рыцари и противники Круглаго Стола. Сербская книга также обѣщаетъ говорить о «Трысчане, ѡ Анцалоте», но первый сознательно господствуетъ надъ всѣмъ дѣйствіемъ, Анцалотъ является у него болѣе «въ товарищахъ», и согласно съ этимъ отсутствуютъ многіе эпизоды о послѣднемъ, посвященные ему въ текстѣ Полидори.

Кстати: откуда имя Анцалотъ или Ѡнцалотъ — въ сравненіи съ Lancelot, Lancialotto, Lanzelet? Едва-ли въ основѣ лежитъ французская форма: Ancelot (въ Ogier de Danemarche у Fr. Michel, Tristan, I, стр. V); скорѣе предположить, что сербскій переводчикъ принялъ начальное *l* имени за членъ (l'Ancialotto), который и удалилъ въ переводѣ, подобно тому какъ сдѣлалъ это при передачѣ другого имени: Lasancis (= lo Sancis),

Lasansisse (въ Cantare dei Cantari ed. P. Rajna въ Zs. f. romanische Philologie II, стр. 434)—Самсижъ? На оборотъ: Agius, Argius французскаго текста передано: Ленвизъ (= l'Anguis?), ит. Languis. Примѣры подобныхъ недоразумѣній не рѣдки: въ итальянскомъ эпосѣ Astolfo—англичанинъ, во французскомъ онъ изъ Langres; авторъ Entrée en Espagne называетъ его въ началѣ правильно: de Lengres или Lengrois, затѣмъ: de Lengle, Lenglois и наконецъ l'Englois, Englois [1]). Такимъ же образомъ объясняются въ другомъ случаѣ: Labigant = Baccano [2]).

Одна фонетическая особенность нашего текста даетъ поводъ для нѣкоторыхъ соображеній относительно мѣстности, гдѣ составлена была сербская передѣлка Тристана и, прибавимъ, переводъ Бовы, или по крайней мѣрѣ относительно той группы памятниковъ, къ которымъ могли бы быть отнесены и оригиналы познанскихъ повѣстей. Въ старосербской Александріи и въ болгарской и хорватской Троянской притчѣ лат. *s* въ окончаніяхъ собственныхъ именъ на — us, — es, — is, — as передается черезъ *ж* и *ш* [3]); такъ и въ Тристанѣ: Кандіэшъ = Gandaries, Пелишъ = Felis, Сегураджъ = Segurades, Самсижъ = Lasancis, но и Ленвизъ = Languis и т. п. Какъ въ троянской притчѣ лат. *s* между гласными переходитъ въ *ж* (Брижеида = Briseis, Ежеона = Hesione), такъ и въ Тристанѣ (Ижота = Isotta) и Бовѣ (Дружнена = Drusiana), тогда какъ Полимнещеръ (Polymestor) Троянской притчи отвѣчаетъ Ящору (Astorre) и Трыщану (Tristano) нашего романа [4]). Еще одна особенность Александріи и Троянской притчи: смѣна въ именахъ собственныхъ *f* въ *п* [5]), также извѣстна нашимъ текстамъ: для

[1]) Gaspary, Geschichte der italienischen Literatur I, стр. 118—119.

[2]) Pio Rajna, Un'iscrizione nepesina del 1131, стр. 50—1.

[3]) См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 442—443.

[4]) Объ этомъ звуковомъ переходѣ сл. замѣтки Schuchardt'a, Slawodeutsches und Slawo-italienisches (Gratz, 1885) и отчетъ Ягича въ Archiv f. slav. Philologie VIII, стр. 318—319.

[5]) Сл. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 321.

Бовы отмѣтимъ: Лукаперъ = Lucaferro, для Тристана: Пелишъ = Felis, Перемонтъ = Feramonte.

Окончу вопросомъ по поводу двухъ собственныхъ именъ: извѣстный Keux романовъ Круглаго Стола названъ то Кенишъ («опека Кенишова»; сл. у Polidori Chieso и Chienso), то Геушъ или даже Кажынъ; Женьевра — то Жениброй, то — Веливерой! Предположить ли, что пересказчикъ сербской повѣсти оставилъ въ этой двойственности слѣды двухъ рецензій романа, которымъ онъ слѣдовалъ, или онъ былъ начитанъ и наслышанъ въ литературѣ, которою интересовался, и одно изъ двухъ именъ подсказано воспоминаніемъ? Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Въ слѣдующемъ далѣе анализѣ нашего Тристана я сближаю его съ старопечатнымъ французскимъ романомъ и текстомъ Полидори[1]).

1. «Былъ король именемъ Клевдасъ»; у него гоститъ его другъ, король Аполлонъ, въ жену котораго влюбился сынъ Клевдаса. Не будучи въ состояніи добиться ея взаимности, онъ подстерегаетъ Аполлона на пути домой, убиваетъ его и велитъ бросить въ рѣку, а его жену съ сыномъ приказываетъ запереть въ высокую камору. Сюда онъ снова является къ ней съ предложеніемъ любви, но она выбрасывается изъ окна. Между тѣмъ вѣрный хортъ Аполлона вытащилъ его тѣло изъ воды, схоронилъ его въ вырытой имъ ямѣ и самъ сѣлъ сторожить на могилѣ. Видитъ это выѣхавшій на охоту король Клевдасъ, признаетъ хорта Аполлонова, велитъ выкопать умершаго и предается печали, а затѣмъ кличетъ кличъ, что одаритъ богатыми дарами того, кто укажетъ ему убійцу его друга, а кто знаетъ да не донесетъ, будетъ «коломъ каранъ». Одна дѣвка обѣщаетъ все разказать, если король исполнитъ то, о чемъ она его попроситъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Клевдасъ послалъ за сыномъ Аполлона, котораго велитъ воспитывать у себя, а своего сына сжечь на кострѣ.

---

[1]) Параграфы, на которые далѣе разбито изложеніе, имѣютъ цѣлью облегчить сравненіе внѣшнимъ обособленіемъ эпизодовъ. Начало Тристана въ рукописи пострадало отъ сырости, и нѣкоторыя слова не могли быть прочтены.

Тутъ выступила дѣвка съ своею просьбой, которую Клевдасъ обѣщалъ исполнить: она проситъ у него — его сына; она будетъ имѣть его, но — мертваго, отвѣчаетъ король. Разказъ переходитъ къ сыну Аполлона, Кандиэшу, который воспитывается у Клевдаса; текстъ здѣсь полонъ пропусковъ: («Кандиэшъ) был добрыи витез и великое доброты и за его.... был государемъ корновалским и елиωноским и вси ωба... ѧ король Клевдасъ дал за него дочку свою именемъ.... и у великой милости и ласцэ. И сплодили дѣти.... (стар)шого поставили королем корновалскимъ, а молод(шого елиωноскимъ), а иные шли по свѣту рыцэрскимъ ωбычаем.... а и так сѧ были по сторонах расплодили, иж не..... ꙗкии повиноватыи албо кревныи... дал королевство корновалское у руки королю Пелишу, ωнъ.... ем Марка, што сѧ вродилъ марта мѣсяца, а другого ....ь былъ близко смерти, ωн коруновалъ сына своего.... на королевство корновальское, король Марко далъ сестру.... за королѧ Мелиꙗдуша, которыи былъ велми... у Єлиωносе».

Слѣдующія извлеченія изъ старопечатнаго французскаго романа [1]) укажутъ на степень его близости къ оригиналу русскаго перевода, а вмѣстѣ помогутъ восполнить нѣкоторые пробѣлы послѣдняго.

Король Clovis (Клевдасъ) пригласилъ Аполлона присутствовать при его вѣнчаніи. Еще до поѣздки къ Хлодвигу Аполлонъ, по совѣту и желанію жены своей Глоріанды, сжегъ на кострѣ прелюбодѣйку, бѣжавшую съ любовникомъ, но пойманную и приведенную на судъ ко двору. Хлодвигъ, по совѣту Аполлона, вводитъ у себя такой же законъ, и этотъ законъ продержался во Франціи 200 лѣтъ, пока не вторгся изъ Германіи завоеватель Forles (Froles?) и не уничтожилъ его; Forles впослѣдствіи былъ убитъ Артуромъ, который отдалъ Францію Ланцелоту (I, f. XVIII — XIX). — За этимъ введеніемъ, котораго нѣтъ въ нашемъ текстѣ, идетъ разказъ общій обоимъ, съ нѣкоторыми отли-

[1]) По изданію 1533 г.

чіями, а иногда и дословнымъ сходствомъ. Сынъ Хлодвига (Childeric) влюбился въ жену Аполлона и, получивъ отъ нея отказъ (f. XIX — Vous estes fol et sachez se plus en parlez ie vous feray honte), подстерегаетъ ея мужа на обратномъ пути въ лѣсу и убиваетъ его, а его жену, сына и хорта велитъ отвести въ одинъ замокъ. Въ русскомъ текстѣ смертельно раненый король говоритъ женѣ (пропуски въ текстѣ): «[го]ре так сѧ стало и таѩ ѡкрутная смерть. [Королеваѩ был]а велми смутна и жалостлива. И рекла.... тое зло стало сѧ». Французскій текстъ излагаетъ подробнѣе: «Si dist (Apollon): Dame, encores dis ie vray quant ie dis que ie avoyes amene mon ennemy de vous[1]), car se ie [ne] vous eusse amenee, encor ne me fust ce mal advenu. Lors fut la royne dolente de ceste adventure» (f. XIX). Когда позднѣе сынъ Хлодвига явился къ ней въ башню, qui bien cuida faire sa voulente de la dame, она говоритъ ему: «Vassal, pourquoy me avez vous honnie qui mon seignenr avez naure a mort, lequel par deça vous estoit venu faire si grant honeur.... et encores me cuidez vous plus honnir. Ce ne sera iamais» (f. XIX) = «ѡ лихии злыи человече, мои господаръ прышо[лъ].... длѧ [т]воеи доброе славы, а ты его ѡ смерть прыправилъ и хотѣл[б]ы єси єще мене посоромотити, але то не може быти». Королева убилась, выбросившись изъ окна, а сынъ Хлодвига восклицаетъ: Haa las, que feray ie? I'ay faict mourir la plus preude femme du monde («ѩ самъ.... м уморылъ такую королевую з сего свѣта такъ цудную.... ѡпатръностю). Онъ велитъ осмотрѣть раны Аполлона, заключеннаго имъ въ темницу; врачи признали ихъ смертельными; мерт-

---

[1]) Намекъ на подробность, не имѣвшую мѣста въ русскомъ текстѣ ни, вѣроятно, въ его подлинникѣ: однажды за столомъ, на вопросъ Хлодвига, кого онъ привезъ съ собою, Аполлонъ отвѣчалъ: злого врага (жену), скомороха-забавника, jongleur (сына) и вѣрнаго друга (хорта); or n'y fault que mon serf (оселъ) l. c. f. XVIII — XIX. Отвѣтъ этотъ понравился Хлодвигу; когда позднѣе онъ видитъ Аполлонова хорта, ему приходятъ на память слова покойнаго: que c'estoit (то-есть, хортъ) son amy, et sa femme que c'estoit son ennemy (f. XIX). Подобныя отожествленія были популярны въ литературѣ новеллъ. Сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 88 слѣд. и прим.

ваго онъ приказываетъ бросить (f. XIX) «en l'eau de Loire». Слѣдуетъ извѣстный эпизодъ о хортѣ; онъ не даромъ воетъ, король самъ хочетъ дознаться «pourquoy ce estoit, car Apollo l'aymoit moult et luy auoit dit que c'estoit son amy et sa femme que c'estoit son ennemy. Lors fut dessus Apollo, et quant le roy le vit et il fut dessevely, si le congneut, lors dist qu'il estoit honny quant si preudhomme estoit mort en sa terre et en son conduit. Lors le fist le roy porter au chasteau ou il deuoit gesir et illec fut mis en terre. Puis fist crier le roy que qui scauroit a dire certaines nouuelles de la mort Appolo, qu'il luy donneroit ce qu'il luy demanderoit. Lors sault une damoyselle auant quant elle ouyt la promesse du roy et dist: Se tu me tiens verité de ta promesse, ie te diray verite de la mort de Appolo; et le roy l'en asseure. Et elle luy compte tout ainsi l'achoison de sa mort si comme vous ay dit deuant et que encor est son filz en la tour ou il fut mis en prison et le nourrit une Damoyselle. Et quant le Roy entend cecy, fust dolent et dist: Mon filz m'a honny, mais ie le honniray. Lors envoia querre l'enfant et le fist nourrir et garder tant que il fut puis roy de Cornouaille et de Leonnoys. Lors apres fist venir son filz deuant luy et luy dist: Vous me avez honny qui au conduit de moy avez occis le plus preudhomme que ie eusse, et ie vous honniray. Lors commence la damoyselle a plourer et le roy commanda que on en face ung grant feu pour l'ardoir. Et lors fut faict comme il eust commande, si y fut le filz du roy mene, et commanda que il fust gette dedans, car ia n'en seroit espargne. Et la damoyselle vient avant et dist: Sire, donnez moy mon don. Ie vous demande votre filz. Et vous l'aurez, dist le roy, mais il fera penitence de son mesfaict. Lors commande que il soit gette au feu, et l'en luy gette. Et quant il le vit en l'ardeur du feu, si dist: Damoyselle, or le prenez, car autrement ne vous sera delivre de par moy. Ainsi destruire fist Clovis son filz ne oncques ne le voulut espargner.

Mais a tant ce taist du leurier et de l'enfant nomme Candace («Але тѡ ѡставмо и вернимо сѧ ку ѡному Аполонову дитати,

которому имя было Кандиешъ»). Когда онъ выросъ, Хлодвигъ отдалъ за него свою дочь Cresille; у нихъ 13 сыновей; старшій, Crises, наслѣдовалъ отцу въ Cornouaille, младшему братья уступили Leonnois, а сами (f. XX) s'en allerent pourchasser en estrange terre. — Послѣднему эпизоду нашего отдѣла, особливо пострадавшему отъ пропусковъ, отвѣчаетъ въ романѣ слѣдующее мѣсто: «Tant allerent les roys de Cornouaille de hoir en hoir que il en y eust ung appellé Felix qui tant hait gentilz hommes que il en fut mehaigne dedans la grant esglise de Norchoult. Le roy Felix eut deux filz et quatre filles; l'ung des filz fut appelle Marc pource qu'il fut ne au mardy au moys de mars. Le roy Felix fist couronner son filz Marc a roy, quant il gisoit luy et sa femme du mal de la mort, du royaulme de Cornouaille, et puis si fist tant que le roy de Leonnoys print une de ses filles qui estoit appellee Ysabel, et le roy estoit appelle Melyadus».

Всему этому отдѣлу въ изданіи Полидори отвѣчаютъ приблизительно стр. 8—10 перваго тома, но такъ, что при самомъ бѣгломъ сравненіи отличія редакціи бросаются въ глаза. Первымъ королемъ Корноваля изъ рода Соломона (e di suo lignaggio di Bramanza) былъ Codo (вар. Codonas, Condenas, Condones), у него сынъ Anzilere и дочь Trasfilas. Случилось однажды, что Anzilere безъ всякой причины предательски убилъ Аполлона, перваго короля Lionis'а, изъ Александрова рода. Codo велитъ отрубить ему голову и воспитываетъ восьмилѣтняго сына Аполлона, Gandaries'а, ставитъ его рыцаремъ, выдаетъ за него дочь, а по смерти оставляетъ ему свое царство. У Gandaries'а 12 сыновей; старшій, Zersides (вар. Cresides), становится позднѣе королемъ корнуальскимъ, второй, Baralis, властителемъ Lionis'а; остальные братья пускаются въ рыцарскія приключенія по далекимъ странамъ. По смерти Zersides царство переходитъ къ его брату Baralis, у котораго два сына, Feriando и Felissi; по смерти Baralis и Feriando ихъ царства соединяются въ рукахъ Felissi, который умираетъ съ горя вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго ему ирландскимъ королемъ Dilianfer. У Felissi три сына: Ме-

ліадусъ (король Lionis'a), Маркъ корнуальскій (такъ названный потому, что родился въ первый вторникъ мѣсяца марта) и Перна. — Лишь позже (стр. 31 — 32) говорится, что послѣ войны между Артуромъ и Меліадусомъ и по случаю празднованія мира между ними, первый предлагаетъ второму женить его на Eliabella, дочери царя Andremo и царицы Felice, сестры Артура.

2. У Еліобелы и Меліадуса долго нѣтъ дѣтей; наконецъ королева забеременила. Въ дальнѣйшемъ изложеніи есть нѣкоторые пробѣлы: король ѣдетъ на охоту съ многими рыцарями, «и прыехал къ ѡднои воде, пры которои умеръ (кто)?...» Туда же является одна дѣвица, давно любившая его, и увлекаетъ предложеніемъ повести его въ такое чудное мѣсто, какого онъ давно не видалъ. Король согласенъ, и оба пускаются въ путь. «И ѡна ехала дорогою... омъ ехала... а потом ночъ была в... [ви]дели велми... вщы... чили многие велми весело прынали кона подъ королем и зброю. А то был город ѡное дѣвки; ѡна его повела ув-одну велми хорошую комору, и коли былъ король у ложницы, пременило сѧ королю сэрцэ и мысль и не была єму на вмѣ его королеваѧ а ни Єлиѡнос королевство єго, ни слуги, толко ѡнаѧ дѣвка, котораѧ его увела до тог[о] города иж был дивно зачарован. — Видевшы то королевы витези, иж не было королѧ колко ден, и ехали его искати и не могли его наити а ни ѡ немъ вѣдомости мѣти. И ѡнаѧ королеваѧ взѧвшы зъ собою ѡдну дѣвку и сама поехола искати королѧ Мелиꙗдуша, абы то могла ѡ немъ ꙗкую вѣдомост мѣти. И в'ехали у великоє добровы и много блудили, ищучы по всих сторонах королѧ, и поткали Мерлина пророка, и Мерлин поздравил кролевую. И ѡна ему на то рекла почесчене и рекла: Добрыи человѣче, если будеш слыхал албо маеш ꙗкую вѣдомост ѡ моемъ пану короли Мелиꙗдушу, которыи згибъ без вѣсти, для бога повѣдаи ми, если жыв есть. Мерлин рекъ: Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж ест жыв, здоров и вельми весел такъ, иж николи перед тым так весел не бывал; але ты вже его своими ѡчима не можеш видети. И то рекшы згинул ѡт нее, и ѡна была вельми жалосна и почала тужити и

плакати, кленучы день рожена своего и годину тую, въ которую сѧ родила; и хто бы тоє видалъ, не был бы так твердого сэръца, штобы на нее смотречы не плакал, и королевои размножыла сѧ жалост и не могла далеи ехати и зсѣла ис коня». — Сл. соотвѣтствующій эпизодъ французскаго романа: долгая неплодность королевы; Меліадусъ на охотѣ, встрѣча съ дѣвушкой, которая его любила и настигаетъ его (l. c. f. XX) «deuant une fontaine ou le roy estoit illecques descendu pour ung cheualier qu'il auoit illecques trouue occis. Si le salua et luy dist: Roy, moult ay ouy parler de toy en grant bien, mais se tu estoies si hardy comme on dit et tu me osoyes suiuir, ie te monstreroy encores ennuit une des plus belles adventures que tu vis oncques». Король соглашается и ѣдетъ съ дѣвушкой (l. c.) «tant qu'ilz vindrent en une roche qui estoit a la damoyselle. Ceulx de leans firent grant ioye et la damoyselle prend le roy et le mena en sa chambre qui moult estoit belle, et si tost comme il y fut entre, il ne luy souvint de riens nulle fors que de la damoyselle qui le avoit leans amene qui devant luy estoit, et en telle maniere demoura le iour avec la damoyselle. Ceulx de son hostel le queroyent par tout, mais oncques n'en sceurent scavoir aucune certainete et cuiderent que aulcuns l'eussent occis par trahyson. Quant la royne Ysabel vit que son seigneur ne revenoit pas, si print une de ses damoyselles et dist que elle mesmes le yroit querir si cele[e]ment que nul ne le scauroit. Lors monterent elle et sa damoyselle et s'en alla querant parmy le bois le roy Melyadus son seigneur. Ainsi que elle le alloit querant, si encontra Merlins. Cuidant que ce fut ung forestier si luy dist: Dy hau, forestier, me scaurois tu a dire nulles nouvelles du roy Melyadus mon seigneur qui perdu est en ceste forest? — Dame, dist Merlins, on ne peult recouurer ce qui est perdu, mais cestuy sera encores recouure; et sachez que il est sain et haite et ayse, mays iamais ne le verrez. Et quant il eut ce dit, il se esuanouit si que la royne nē sceut que il fust deuenu, et lors commence a faire son deuil de ce que Merlins luy avoit dit si grant que le mal de son ventre luy en print

et que elle ne peut avant aller, si le dist a sa damoyselle, que le mal de son ventre luy est prins. Et la damoyselle en commence a plourer de pitié; et lors commence la royne a crier a haulte voix et a reclamer Dieu et sa mere».

Королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, надъ которымъ жалобно причитаетъ: «прышла єсми жалосна на сеє мѣсто и в жалости есми тобѣ породила», говоритъ она, «а ты сѧ в жалости родилъ, и нехаи тобѣ будет имѧ Жалюст» (сл. l. c. triste vins icy, triste acouche et en tristeur ie t'ay eu, et la premiere feste que ie t'ay faicte a este en tristesse, et pour toy me mourray triste. Et quant par tristeur es venu en terre, tu auras nom Tristan). Королева умираетъ, дѣвушка остается съ ребенкомъ, когда являются два витязя, родственники Меліадуса. Увидѣвъ, что королева скончалась, они хотятъ сгубить и ребенка, чтобы завладѣть Еліоносомъ, но дѣвушка умолила ихъ пощадить дитя подъ условіемъ—отнести его въ другую землю, такъ что о немъ и вѣсти не будетъ. — Рыцари возвращаются назадъ съ тѣломъ королевы; но она была беременна, куда же дѣвалось дитя? спрашиваютъ горожане, и Мерлинъ является, чтобъ обличить злоумышленниковъ и объявить всѣмъ, что черезъ три дня они увидятъ Меліадуса. Воспитаніе его сына онъ хочетъ поручить Говорнару (Gouvernail) изъ королевства «гулешскаго» (далѣе: изъ Галіуша: de Gaule), который сопровождаетъ его до рѣки Брыкини (la fontaine Bargaigne)[1]), гдѣ на столбѣ (perron de marbre) надпись съ именами трехъ наибольшихъ рыцарей, имѣющихъ здѣсь съѣхаться: Галаада (Galaad), Ѡнцалота и Трыщана. Далѣе Мерлинъ ѣдетъ къ дѣвкѣ, воспитывавшей Тристана, и къ той, которая волшебствомъ держала у себя Меліадуса; первой велятъ отнести мальчика въ Эліоносъ, вторую заставляютъ силой выдать плѣнника[2]). Возвращенію Меліадуса всѣ рады; когда

[1]) Подробности нашего текста, что (беременная) женщина, отвѣдавъ воды изъ нея, не сносила бы ребенка, французскій романъ не знаетъ.

[2]) Во французскомъ текстѣ послѣдовательность другая: Мерлинъ направляетъ людей Меліадуса къ дѣвушкѣ, державшей его у себя; она освобож

принесли Тристана, Мерлинъ велитъ беречь дитя, говоритъ, на вопросъ короля о его долѣ, что онъ будетъ изъ «трех рыцэровъ наибольшыи рыцеръ», (f. XXI ung des trois meilleurs cheualiers du monde), и совѣтуетъ поручить его Говорнару. Затѣмъ онъ удаляется, не склоняясь на просьбы короля — остаться. Узнавъ отъ дѣвушки, что его сынъ уже крещенъ и ему дано имя, Меліадусъ отдаетъ его въ науку и опеку Говорнару.

Для того, чтобы встрѣтить у Полидори разказъ, соотвѣтствующій сообщенному, надо перенестись отъ стр. 11 къ 39 — 48. Я укажу на главныя отличія въ содержаніи: о долгой бездѣтности Эліабелы нѣтъ рѣчи; Меліадусъ охотится въ великой пустынѣ di Medilontas (вар. Meliandes), гдѣ у fontana del Dragone встрѣчаетъ дѣвушку, la Savia Donzella, увлекающую его въ Torre dello Incantamento.—Эліабелла идетъ искать его съ дѣвушкой; встрѣча съ Мерлиномъ и рожденіе Тристана (имя ему Tantri = tant triste, но еслибъ поставить tri передъ tano, получилось бы болѣе красивое имя, говоритъ авторъ: Tritan). — Мерлинъ не самъ идетъ за Меліадусомъ, а посылаетъ вооруженную силу къ дѣвушкѣ, державшей его въ плѣну; вмѣстѣ съ Governale lo Pensoso онъ идетъ въ великую пустыню, гдѣ у fontana de Lionne (вар. del Lione) столбъ съ именами трехъ рыцарей (Galeotto = Galaad). Слѣдуетъ аллегорическое толкованіе столба (petrone di Merlino), заимствованное авторомъ изъ книги, на которую онъ часто ссылается, какъ на свой источникъ[1]). — Мерлинъ и Говерналь встрѣчаютъ дѣвушку съ Тристаномъ въ пустынѣ и вмѣстѣ возвращаются въ городъ, куда уже прибылъ Меліадусъ. — Дѣвушка награждена, рыцарямъ-предателямъ отрубили головы.

3. «То ѡставимо и поведаимо ѡ короли Марку короновалском» (l. c. f. XXI: Mais atant laisse le compte a parler de Tristan et

---

даетъ его; Мерлинъ ѣдетъ съ Говерналемъ къ дѣвушкѣ, у которой воспитывался Тристанъ.

[1]) Она принадлежала мессеру «Viero di Guascogna, dello lignaggio di Carlo Magno di Francia; e il detto libro si è al presente di messer Garo o vero Gaddo de'Lanfranchi di Pisa».

du roy Meliadus son pere et parle du roy Marc comment il occist son frere sur la fontaine au Lyon). У короля Марка былъ младшій братъ Перла (f. XXI Perneheu), добрый рыцарь. Послы изъ «Орълендэи» приходятъ требовать у Марка дани за семь лѣтъ. Онъ смутился; Перла совѣтуетъ дани не давать, «але ѡтоими сѧ мечомъ на поли, занюж если умрешъ ѡт меча, почесно умреш». (f. XXI se vous mourez, ce sera vostre honneur, se vous vivez, ce vous sera gloire et louenge toute vostre vie). Маркъ ссылается на то, что дань давали и прежде; Перла говоритъ: «ѧк которое перво глупе чынили, такъ и ты хочешъ» (ib. se vostre lignaige folloya, voulez vous pour ce faire follie et le maintenir?). Король съ этимъ не согласенъ, выслушиваетъ попрекъ брата и, зная его за добраго рыцаря, начинаетъ бояться его [1]). На охотѣ, когда Перла нагнулся пить къ рѣкѣ (l. c. fontaine au Lyon; о питьѣ нѣтъ рѣчи), Маркъ убиваетъ его. «Тогожь часу Мерлин дал знати Анъцолоту доброму рыцэру; потомъ Анъцолотъ ударылъ короля ув-очы: Ты-сь здрадне вбилъ доброго рыцэра брата своего» (l. c. ia ne eust este sceu se ne fust ung escript que Merlin fist en une roche que Gaheriet trouua depuis et le monstra a Lancelot. Ces deux sceurent ceste adventure et puis le reprocha Lancelot du Lac au roy Marc).

Сл. Polidori стр. 10—11: Amorotto (вар. Amoroldo) ирландскій требуетъ обычной дани (которую Felis обѣщался платить Derianfer'y — Dilianfer'y); братъ Марка названъ Perna; онъ убитъ на охотѣ nel diserto di Liantes, fontana del Lione. О Мерлинѣ и Ланцелотѣ нѣтъ рѣчи.

4. Меліадусъ женится во второй разъ на королевѣ «з *Малое* земли» (франц. романъ, l. c.: la fille au roy Houel de Nantes de la Petite Bretaigne), когда Тристану было семь лѣтъ. Мачеха ненавидитъ его, ибо боится, что онъ «подъ ее сыном ѡзметь панство», и пытается отравить его (и не могла иным, толко трутизною = l. c. mais elle ne veoit pas comment, se ce n'estoyt par

[1]) Франц. текстъ здѣсь гораздо подробнѣе; вѣроятны сокращенія со стороны переводчика.

venin). Приготовивъ ядовитый напитокъ въ серебряной фляшѣ (l. c. vaissel d'argent), она ставитъ его въ головахъ «в ложи»; не зная о томъ, нянька ея собственнаго ребенка напоила его тѣмъ питьемъ, отчего дитя тотчасъ же умерло. Нянька принялась горько плакать, ее всѣ обвиняютъ, вмѣстѣ съ другими и королева. Она говоритъ: не я его уморила, а тотъ, кто поставилъ здѣсь этотъ ядъ. Спрошенная королемъ, она отвѣчаетъ также, и король вѣритъ этому и велитъ ее отпустить, а Говорнаръ говоритъ ему, что та «трутизна» приготовлена была либо ему самому (Меліадусу), либо Тристану. Король втайнѣ совѣщается со своими (l. c. ung sien privé), кто бы могъ то учинить, а королева мыслила про себя: «толко есми сына вморыла, а чого есми хотѣла, того не вчынила». Говорнаръ велитъ Тристану не общаться съ мачехой, которая строитъ новыя козни. Однажды, когда Тристанъ пришелъ къ отцу въ ложницу, король велѣлъ дать себѣ пить; Тристанъ «ѡтворыл ѡдну ѡлмарею, где стоѧли добрые питьѧ, и нашолъ ѡдинъ кубокъ чыстое трутизны и взѧвъшы прынесъ королю, а королеваѧ прышла в тот час и вбачила в королѧ кубок в руцэ и закликала: Пане, длѧ Бога не пи того питѧ» — Почему? — «Не добро то тобѣ пити» (f. XXII Le boire n'est pas bon pour vous). Къ чему же ты хранишь такой напитокъ? спрашиваетъ король и гнѣвно задумался. Видитъ это Тристанъ, палъ на колѣна, проситъ у отца «ѡдного дару». Получивъ обѣщаніе, онъ молитъ отпустить гнѣвъ мачехѣ, ибо не подобаетъ «абы моѧ пани згинула коли еи могу жывот заховати». — «Хто тобѣ сее радил?» спрашиваетъ его король; Тристанъ отвѣчаетъ: «Бог вѣ, ни с кимъ сѧ есми не радил, але правда и подобность моѧ на то мѧ вела, иж ми сѧ то неподобало абы моѧ пани згинула коли еи могу жывот заховати» (f. XXII: Or me dy qui le te conseilla demander? Sire, dist l'enfant, fors que raison et aussi droicture qui mene mon cueur, et ce que ie ne doys pas laisser perir ma dame quant ie la puis bien sauluer). Тогда король велитъ женѣ выпить тотъ кубокъ; она отказывается и подъ угрозой смерти говоритъ, что тотъ ядъ она при-

готовила Тристану. Ее уводятъ въ темницу, а Меліадусъ собираетъ совѣтъ по ея дѣлу; судьи приговариваютъ ее къ смерти, хотя сами плачутъ, но король рѣшаетъ, какъ просилъ Тристанъ: «Будь такъ ꙗкъ ты хочешъ, нехаи будетъ тобою вызволена... И королеваѧ ѡстала вов-покои пры короли, але король не мѣл на неє ласки, леч толко ненавидѧл со всего сэрца». Однажды, когда Меліадусъ съ сыномъ и Говорнаромъ были на охотѣ, явились два рыцаря, спрашиваютъ: Кто здѣсь король? Имъ отвѣчаютъ: Здѣсь король съ сыномъ. Говорнаръ спохватился: Нѣтъ здѣсь сына, его оставили дома. Тогда тѣ рыцари приступили къ Меліадусу и говорятъ: «Ты намъ не чынилъ ничого злого, але нехто иныи с твоєго двора мыслит насъ погубити, и тепер мыслимо збыти того єсли узможемъ». Они убиваютъ короля и сами убиты. «А ѡни ѡбадва были племѧ кнꙗзю из Нороту, которые были наиболшое племѧ ѡт Корновали. То имъ была ѡднаѧ ворожбитка поведила: вам погинути ѡт королѧ Мелиꙗдуша двора. А въ том имъ была рада ѡтъ королѧ Марка корновальскаго, иж ѡнъ боꙗл сѧ Трыщана, єсли прыидет к лѣтомъ, абы єго с панства не выгналъ, ꙗкъ была ѡнаѧ ворожбитка рекла, ꙗкож и потомъ, коли Трыщанъ прышолъ к лѣтомъ, прышолъ изъ своею дружыною и вбилъ кнꙗзѧ изъ Норота своєю рукою и сказилъ город ихъ, ижъ там камень на камени не зостал». — Сбивчивость русскаго текста объясняется сравненіемъ съ французскимъ; рыцари говорятъ королю: (l. c.) Roy Melyadus, nous te voulons grant mal et si ne l'as pas desservy, mais toy ou homme de ton lignaige le desservira, car nous serons honnis et avillez par toy ou par homme de ton lignaige et toute Cornoualle en tremblera de paour, et pour le destourner si nous en prendrons a toy». Они «estoyent hoirs de Morhoult et leur avoit dit une damoyselle qu'ilz devoyent estre honny par le roy Melyadus, si s'en cuydoient par ce destourner, et sanz faille ilz y estoient venuz par le conseil du roy Marc, qui ne doubtait homme du monde autant comme il fesoit Tristan. Si advint tout ainsi comme la devineresse luy avoit dit» и т. д.

Тѣло короля отвозятъ въ городъ, Тристанъ и горожане оплакиваютъ его, а Марко «почал много мыслити ѡ том. И пришолъ к нему ѡдинъ хлопец, который болшеи вѣдал нижли иные люди по Мерлину (ib. ung nayn qui estoit deuin et scavoit des choses advenir et avoit este longtemps avecques Merlin qui moult lui avoit aprins) и все што мает быти». Онъ говоритъ ему объ опасности. которая ожидаетъ его отъ Тристана, когда онъ придетъ въ силу [1]), а Говорнаръ, видя, что мачеха продолжаетъ ненавидѣть Тристана «иж бы сѧ еи тая землѧ ѡстала», убѣждаетъ его уѣхать во Францію, къ королю Перемонту (l. c. En Gaule au roy Pharamon), гдѣ онъ научится рыцарству; когда ты вернешься въ Елионосъ, «нихто ти не будет смѣти рѣчы, штобы тобѣ невдѧчно» (l. c. ia ne trouuerez vous nul si hardy qu'il le vous ose contredire). Перемонту, который принимаетъ ихъ милостиво, они себя не называютъ. «Трыщанъ почалъ рости и лѣпъшати и в малых днехъ иж сѧ єму дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы (f. XXIII: ieu des eschetz et des tables) лепшеи надъ иныхъ, и всѧкое єго доброти не было ровни, а нихто такъ строине не мог на кони седѣти ꙗкъ ѡн». Въ него влюбляется дочь короля (во франц. романѣ: Belinde), долго томится, раздумывая о томъ, какъ дать ему знать о своей любви, и наконецъ открывается въ ней Говорнару: пусть приведетъ его къ ней, иначе «прыправлю его къ великои легкости». Говорнаръ смущенъ: что скажетъ король, если Тристанъ поддастся? Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ исполнить порученіе.—Французскій романъ разсказываетъ здѣсь (f. XXIIII) эпизодъ (= Polidori, стр. 55), неизвѣстный нашему тексту: о посѣщеніи короля Фарамона Morhoult'омъ (въ нашемъ текстѣ: Амуратъ) ирландскимъ; юродивый (fol) предсказываетъ ему смерть отъ руки Тристана, чему тотъ смѣется; позже, во время поединка съ Morhoult, Тристанъ напоминаетъ ему о предсказаніи.—Говорнаръ говоритъ Тристану объ увлеченіи дѣвушки; тотъ на отрѣзъ отказываетъ, не желая

[1]) Въ франц. текстѣ рѣчь карлика подробнѣе.

оскорбить принявшаго его къ себѣ отца («Єсли мѧ милует збыточною милостью, ѡ того не вчиню, нехаи збыток пры неи»; сл. l. c. se elle me ayme de bon amour, elle a droit, car aussi l'ayme ie de tout mon cueur a son preu et a son honneur, et s'elle m'ayme par folie, garde, car ia ne sera acomplie par moy). Когда Говорнаръ сообщаетъ объ этомъ отвѣтѣ, она сильно опечалилась. (Такъ ли сѧ Трыщан со всимъ ѡт мене ѡтнесл? = l. c. m'a il reffusée). Однажды, когда Тристанъ шелъ мимо ея ложницы, она выбѣжала, обхватила его руками и принялась его цѣловать; онъ, боясь, чтобы кто-нибудь того не примѣтилъ, оттолкнулъ ее отъ себя. Увидѣвъ «иж того мѣти не может чого хотѣла», она принимается голосить и сбѣжавшемуся люду говоритъ, что Тристанъ хотѣлъ ее изнасиловать (зкгвалътовати = l. c. honnir). Король веритъ обвиненію и велитъ посадить Тристана въ темницу. Говорнаръ опечаленъ; когда онъ идетъ къ Фарамону, встрѣчающіеся срамятъ его: «Так ли єси вывчил Трыщана? (l. c. qu'il auoit mal enseigné Tristan). Королю онъ говоритъ наединѣ о любви его дочери и ея порученіи; но король ему не довѣряетъ и хочетъ самъ испытать дочь. Пославъ за нею онъ сообщаетъ ей, что хочетъ отомстить за нанесенное ей оскорбленіе. Она отвѣчаетъ: «Государу, справедливе єст, нехаи каждыи ѡзметь по своим дѣлам. И рек король: Дочко, єсли ты въсхочеш, ты будешъ єму жона, а єсли не всхочешъ, ѡнъ будет мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и познаъ король иж не єстъ панна непрыѧтель Трыщану» (f. XXIIII: Sire, il est droit que chascun compare sa folie. Et le roy dist: Fille, ia de telle mort ne le scaurez iuger, qu'il ne meure, sur vous en sera le iugement. Et celle pense, se le iugement estoit sur elle, que il n'auoit garde comment que elle en fust blasmee apres. Le roy voit bien et appercoyt qu'elle ne hayt pas Tristan tant comme on cuide). Тогда онъ велитъ привести Тристана и Милиенца, двоюроднаго брата («дѧдковича») дочери (l. c. Meliant son cousin), обвиненнаго въ смертоубійствѣ, и говоритъ дѣвушкѣ: пусть выбираетъ, кому изъ нихъ умереть, одному онъ проститъ. Та не знаетъ, что ска-

зать, боится попросить за Тристана, проситъ за Милиенца, потомъ за Тристана, когда король замахнулся на него мечемъ. Король настаиваетъ на ея первомъ рѣшеніи, а она говоритъ: пусть лучше ее убьютъ, чѣмъ его; затѣмъ проситъ у отца мечъ, чтобы самой отмстить Тристану, но когда мечъ у нея въ рукахъ, она объявляетъ отцу: отпусти Тристана, или я сама себя убью. Она сознается, что любитъ его, а король говоритъ ему: «Ты вжэ правъ» (l. c. delivre). Когда Тристанъ разсказалъ Говорнару, какъ онъ освободился отъ взведеннаго на него обвиненія, тотъ совѣтуетъ ему бить челомъ королю, чтобъ отпустилъ его: какъ бы панна «чого злого не вчынила» (l. c. mal nous en pourrait bien venir); они поѣдутъ въ Еліоносъ къ дядѣ Марку; ты такъ возмужалъ, что коли захочешь таиться, тебя не узнаютъ; будешь служить, а когда настанетъ время, самъ король опояшетъ тебя мечемъ (l. c. vous fera chevalier). Тристанъ идетъ откланяться Перемонту[1]); когда королевна узнала, что Тристанъ уѣзжаетъ, «она была збытне смутна и послала ему иноходника и выжла одным пахолкомъ», котораго Тристанъ обѣщаетъ, по его просьбѣ, поставить рыцаремъ, когда самъ будетъ таковымъ. Еще разъ посылаетъ королевна къ Тристану: проситъ прислать ей его мечъ, чтобы она могла поцѣловать его. Получивъ мечъ, она проколола себя на мѣстѣ. Во французскомъ романѣ (f. XXIIII) Тристанъ уже уѣхалъ, когда дѣвушка посылаетъ въ догоню за нимъ своего escuier, съ любовнымъ письмомъ, въ которомъ съ нимъ прощалась, такъ какъ рѣшила заколоться мечемъ, которымъ раньше ея отецъ хотѣлъ снести ему голову. Вмѣстѣ съ письмомъ она шлетъ ему своего brachet, «ung des meilleurs brachets du monde» (l. c.); объ иноходникѣ нѣтъ рѣчи. Самоубійство происходитъ до отправленія посланнаго за письмомъ; послѣдній остается при Тристанѣ. «Et sachez qu'il fut puis cheualier de grant proesse, compaignon de la table ronde, mais puis l'occist Tristan en la queste du sainct Graal par meschanceté,

[1]) Въ франц. текстѣ (l. c. f. XXIIII) сцена съ королемъ подробнѣе, и Тристанъ открываетъ ему, кто онъ такой.

ainsi comme il s'en alloit après Palamedes le cheualier sarrazin» (l. c.). Тоже говоритъ о немъ нашъ текстъ, но въ другомъ мѣстѣ по поводу перваго турнира въ Ирландіи: «И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцэром, и былъ храбръ и великое доброти и был товарыш ѡт Ѡкруглого стола великое доброти; и заса с прыгоды забилъ его Трыщанъ своею рукою не знаючы иж ѡн стоялъ за Паламидежом, которыи велми миловалъ цудную Ижоту. А тому рыцэру было имѧ Бербешъ». Французскій романъ (f. XXIX) повторяетъ при этомъ случаѣ то же извѣстіе, въ нѣсколько иной формѣ, называя на этотъ разъ и рыцаря: Hebes le renommé.

Обращаемся къ тексту Полидори, l. c. стр. 48—63. О томъ, что подробности о второмъ бракѣ Меліадуса здѣсь другія, сказано было выше.

Неудачныя ковы мачехи разсказаны въ обратномъ порядкѣ: сначала король хочетъ пить изъ кубка, въ которомъ приготовленъ былъ ядъ (лишнее: ядъ испытанъ на собакѣ), а затѣмъ уже говорится объ отравленіи сына мачехи. Смерть Меліадуса передается коротко, безъ подробностей: на охотѣ его убиваютъ враждебные ему рыцари; ихъ двѣнадцать; впослѣдствіи Тристанъ отмстилъ имъ, какъ вы о томъ услышите. Отъѣздъ Тристана къ re Fieramonte (вар. Feramonte, Ferramonte) in Gaules; онъ оставляетъ по себѣ правителемъ вѣрнаго человѣка, друга отца, messer Palmoano (вар. Palmiano, Palmino), которому поручаетъ пещись о мачехѣ. У Fieramonte (его столица Parigi) дочь красавица Bellices (вторая умерла), которая ввѣряетъ Governale'ю свою любовь къ Тристану. Слѣдуетъ, какъ и во франц. романѣ, пріѣздъ Аморольда Ирландскаго и предсказаніе одного «folle della corte, lo quale era appellato Rocchetto». Эпизодъ съ Bellices представляетъ такія отличія: Тристанъ фехтуетъ съ другими рыцарями въ большой залѣ дворца; Bellices любуется имъ и поджидаетъ его въ проходѣ между двумя покоями. Когда Тристанъ ей не внимаетъ, она кричитъ въ тоскѣ: Помоги, помоги мнѣ, дорогой, прекрасный повелитель! — разумѣя — Бога Любви. Когда

на ея крикъ сбѣжались, она говоритъ: Поглядите на этого негоднаго молодца, не желающаго оказать мнѣ чести и поклоненія (cortesia) и заставляющаго меня страдать до смерти. Въ сценѣ суда племянникъ короля названъ Brano или Abrano; король предлагаетъ Тристану руку дочери, онъ отказывается за юностью: ему еще надо поучиться рыцарскому дѣлу. Въ разсказѣ о смерти Bellices есть особенности, соединяющія отличія русскаго и французскаго текстовъ: она посылаетъ Тристану съ конюшимъ своего коня, выжлока (bracchetta) и письмо, и причитая о Тристанѣ, бросается на мечъ въ присутствіи посланнаго, дабы онъ могъ быть свидѣтелемъ ея смерти. Изъ письма, которое читаетъ Тристанъ, онъ узнаетъ, что мечъ былъ тотъ самый, которымъ король хотѣлъ отрубить ему голову. О просьбѣ конюшаго поставить его рыцаремъ ничего не говорится.

5. Тристанъ и Говорнаръ являются къ королю Марку, который не признаетъ племянника и нѣкоторое время спустя ставитъ его рыцаремъ. Во французскомъ романѣ, который вообще излагаетъ подробнѣе, это обстоятельство разсказано послѣ прибытія посольства отъ Morhoult, но раньше, чѣмъ оно принято въ аудіенціи Маркомъ: узнавъ отъ одного стараго рыцаря о цѣли посольства, Тристанъ проситъ опоясать его мечемъ, чтобы ему можно было биться съ Morhoult. — Въ это время явились изъ «Орълендэи» четыре рыцаря отъ Амурата (Morhoult) съ требованіемъ запущенной дани, иначе они грозятъ бѣдою: «не останеть тут пядь земли штобы не скажона» (f. XXV: il ne te donnera plein pied et toute Cornouaille en sera destruicte [1]). Марко устрашенъ, а Тристанъ выступилъ впередъ и велитъ сказать Амурату, что обычаю предковъ они слѣдовать не будутъ, «а если вашъ панъ король арленъдэиски хотѣлъ бы ее мѣти (то-есть, дань),

[1]) Нашъ текстъ сократилъ въ одно двойное упоминаніе Morhoult во французскомъ романѣ. Здѣсь послѣдовательность такая: пріѣздъ Morhoult (съ нимъ его товарищъ Gaheriet); требованіе дани и сѣтованіе корнуальцевъ; Тристанъ узнаетъ о томъ и хочетъ биться съ Morhoult; его ставятъ рыцаремъ; f. XXV: «ainsi comme ilz faisoient la feste Tristan, vecy venir quatre chevaliers sages et bien parlans de par le Morhoult».

нехаи прыидет а ѡзметь через мѣчъ на поли, (l. c. ie suis tout prest de me combattre a luy corps a corps), а инак ее не может мѣти, а ꙗ готовъ ѡтнати ее моєю рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? (l. c. Et ce pour vous que ce cheualier a parlé)? И король рек: Коли онъ хочеть взати тую битву за корновалскую свободу, говору и ꙗ». Когда послы Амурата замѣчаютъ, что онъ будетъ биться лишь съ человѣкомъ «великого роду» (l. c. de aussi hault lignaige), Тристанъ объявляетъ, кто онъ. Узнавъ объ этомъ, «хто ест, которыи тую битву взалъ» (l. c. qui la bataille a emprinse) и услышав похвалы новоставленному рыцарю, Амуратъ глумится: «ѡнъ будет калати сѧ, новыи рыцэр новую смерть хочет взати (f. XXVI: «il fut hier cheualier nouveau et demain luy convient essayer nouuelle mort»). Онъ снова посылаетъ къ Марку узнать о мѣстѣ, назначенномъ для поединка; вмѣстѣ съ другими идетъ Гарнотъ. «И рек Гарнот: Ꙗ вамъ вчыню дружбу (то-есть, буду вашимъ товарищемъ), иж того рыцэра увижу кого такъ фалатъ (l. c. et Gaheriet dit qu'il yra auec eulx, si verra celluy Tristan); Маркъ назначаетъ островъ Самсонъ (l'isle Sainct Sanson, l. c.)[1]), противники поѣдутъ каждый въ своемъ суднѣ, «и кождый будет собѣ морнаръ» (l. c. ayt chascun son batel et son marinier pour luy gouuerner). Гарнотъ доноситъ объ этомъ Амурату, котораго пытается отговорить отъ битвы съ Тристаномъ: коли ты падешь, «то великая шкода ув-Орленъдэи будет, а коли сѧ ему што станет, великаꙗ шкода всему свѣту будеть», но Амуратъ не хочетъ ничего слышать и готовится къ бою. Марко и Тристанъ съ рыцарями и всѣ корновальцы идутъ въ церковь; на другой день, снарядившись къ бою, Тристанъ идетъ «у гостилницу» (l. c. au palais; въ оригиналѣ стояло, вѣроятно, hostel, albergo), гдѣ Марко выходитъ къ нему на встрѣчу и упрекаетъ, зачѣмъ онъ таился отъ него? Коли бы онъ зналъ, кто онъ, не далъ бы ему

---

[1]) Такъ и въ Erec et Enide Chrestien'a de Troies:
La ou Tristanz le fier Morhout
En l'isle Saint Samson veinqui.

биться, «хотабы сѧ всѧ Корноваль пороботала» (l. c. en servage). Узнавъ, что Амуратъ уже переправился на островъ, Тристанъ вооружается, беретъ съ собою «доброго фреза» (фарижа, l. c. cheval) и переправляется на лодкѣ, которую, приставъ, отпихиваетъ отъ берега. Амурату онъ объясняетъ этотъ поступокъ: «ѡдному з нас проч поити твоеи лодьи, а другому тут ѡстати». Амуратъ уговариваетъ его покинуть битву, Тристанъ не согласенъ. Битва идетъ сначала на коняхъ («древа поламали» = glayues l. c.), затѣмъ пѣшая; Амуратъ начинаетъ страшиться; Тристанъ раненъ «у стегно кгроткем ѩдовитым» (l. c. du fer du glayue Morhoult qui envenime estoit), а противнику разрубилъ голову до мозгу, «и ѡстал єму вломокъ меча в голове». Дружина перевозитъ смертельно раненаго на тот берегъ, а корновальцы кличутъ врагамъ: «Злаѩ вам дорога, ѡто вамъ дань»! (l. c. allez vous en sans retournei, malle tempeste vous puisse tous noyer). Тристанъ жалуется на нестерпимую боль въ стегнѣ; никакія мази и лѣкаря не помогали, его страданія вызываютъ общее горе: «Ѡ Трыщане почестныи и добрыи рыцэру, цуднаѩ молодости, кол дорого купилъ єси свободу корьновальскую! (l. c. bien nous a faict par sa misericorde grant grace, par la proesse de Tristan est huy Cornouaille deliuree de servage). Мы ѡставуєм весели, а ты вмираєш ѡкрутною-смертью! (l. c. dont les preudhommes en sont moult dolens et dient: Ha, ha Tristan, comment vous auez cher achapte la franchise de Cornouaille! Vous mourrez a douleur de ce nous sommes a ayse). Одна женщина совѣтуетъ Тристану поискать излѣченія въ другой странѣ. «Рекъ Трыщан: Ѩ не могу на кони седѣти а ни на носилицахъ нести сѧ» (f. XXVII ie ne poyrroys cheuaucher ne ie ne pourroye souffrir a estre porte en litiere). Онъ проситъ дядю: «наради ми доброє судно и поставъ што ми так потреба в немъ, стравы и питьѧ и ѡдно легкоє ведро, котороє бы могъ ѡдин чоловекъ долов спускати, и покрыи ми єго добрым сукномъ длѧ дождчу и длѧ вѣтру: хочу сѧ пустити по морю, кгды ми фортуна прынесеть, ачеи ми сѧ гдѣ лѣкар наидеть к тои ране, ѡт которое умираю.... А коли

будет судно готово, вложи мѧ в него и даи ми мою аръфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести легъчало» (l. c. Pourvoyez moy d'ung petit vaissel a ung petit vaissel a ung petit voylle bien faict que ie puisse tout par moy monter et avaller quant ie vouldray, et sera par dessus couuert de soye pour le chault et pour la pluye et la me ferez mettre mes viandes dedans dont ie me pourray soustenir une piece de temps et si ferez mettre ma harpe, ma robbe et tous mes instrumens dont ie me deduyrai aucune ffois). Маркъ отпускаетъ его со слезами; черезъ два дня (l. c. quinze iours ou plus) «фортуна» пригнала его «в Орленъдэю под ѡдин город» (l, c.: le chasteau de Hesedoc), гдѣ царствовалъ король Ленвизъ, женатый на сестрѣ Амурата, искусной лѣкаркѣ. — Франц. романъ не называетъ здѣсь короля по имени, но далѣе ему имя Argius f. XXIX (то же въ Le nouveau Tristan 1586 г.), что отвѣчаетъ близко нашему Ленвизъ-Anguis (l'Anguis?) Когда Тристанъ «былъ на краи морѧ перед замком, ѡнъ с того былъ велми весел и взѧл аръфу и настроилъ и почалъ играти што нацуднеи могъ». (l. c. si doucement, que nul ne l'ouyt qui voulentiers ne l'escoutast). Слышитъ это Ленвизъ, подозвалъ королеву и оба идутъ къ берегу; когда Тристанъ узналъ отъ нихъ, что онъ въ Ирландіи, устрашился, называетъ себя рыцаремъ «изъ Элиѡноса города а ѡт земли ѡбъфитое», (l. c.: de Leonnoys pres de la cite d'Albime), ищущимъ излѣченія отѣ раны. Царь ободряетъ его: у него есть дочь, которая знаетъ въ ранахъ толкъ лучше всѣхъ лѣкарей, она будетъ ходить за нимъ «для бога и длѧ дворности» (l. c. pour dieu et par pitié). Тристана переносятъ въ одну комору, а Ленвизъ посылаетъ къ нему свою дочь Ижоту; ея зелья сначала не помогаютъ («Болшеи десяти днеи панна прыкладала зѣлье» = l. c.: En celle chambre fut Tristant dix iours entiers. La damoyselle prenoit garde chascun iour de luy), пока она не догадалась, что рана ядовитая и не употребила соотвѣтствующихъ средствъ. Тогда выздоровленіе пошло быстро, и Тристанъ спѣшитъ уѣхать, пока его не узнали, когда явились три рыцаря «ѡтъ ѡкруглаго

стола короля Артиуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул» (франц. романъ: Gaheriet, Keu, Baudemague), на турниръ, который выкликала одна панна: «которыи бы рыцэр болшъ мужовал в томъ турнаю, тот ее поиметь, а если бы ее не хотѣлъ понати, и wна ему масть дати дар такъ много, што колко десатъ рыцэров мают» [1]). Рыцари видятъ Тристана у Ленвиза, но его не признаетъ даже Гарнотъ (l. c. Gaheriet), приходившій съ послами Амурата: такъ онъ измѣнился отъ болѣзни. На вопросъ Гарнота, онъ называетъ себя просто гостемъ (l. c. estrange home) и сопровождаетъ Ленвиза на турниръ, хотя отказывается отъ оружія и коня: онъ еще слишкомъ слабъ [2]). На пути они встрѣтили Гаваона (l. c. Gauvain), племянника Артура; за нимъ ѣздитъ, нося его щитъ и сулицу (l. c. glayue), тотъ самый юнакъ (l. c. escuyer), который привелъ Тристану иноходца и выжлока отъ дочки Перемонта. Онъ узналъ Тристана, который проситъ его не открывать его имени, готовъ исполнить обѣщаніе — поставить его рыцаремъ [3]) и узнаетъ отъ него, что тотъ, за кѣмъ онъ ѣздитъ, Гаваонъ, о чемъ и сообщаетъ Ленвизу. Вечеромъ встрѣтился имъ рыцарь съ чернымъ щитомъ и двумя мечами; Гаваонъ объясняетъ Ленвизу, что носить два меча имѣетъ право лишь тотъ, кто отважится биться съ двумя рыцарями; что еслибъ его побѣдилъ рыцарь не «з Лондреша», то онъ обязанъ былъ бы отбросить одинъ мечъ, и — ходить цѣлый годъ безъ оружія

---

[1]) f. XXVII: Ils estoient venus en Yrlande pource que la dame de Glandos qui se vouloit marier, avoyt fait crier le tournoyement, si y estoyent ia venus les barons de (f. XXVIII) maint pays, et auoit este crié en plusieurs royaulmes par si que qui mieulx le feroit, auoit la dame en mariage s'il vouloit, et conviendroit que le roy d'Irlande qui tout ce avoit fait crier pour ce que la dame estoit sa cousine germaine, qu'il donnast au mieulx faisant cheualier le fief de dix cheualiers pour estre a celluy tournoyement.

[2]) Онъ прибавляетъ: «а коли ты въсхочеш ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо wружье, иж чоловѣкъ не вѣдает, што сѧ ему гдѣ прыгодит» = f. XXVIII: non pourtant se vous y voulez aller, ie vous feray voulentiers compagnie et par adventure que lors porteray armes et par adventure que non feray.

[3]) Объ этомъ обѣщаніи во французскомъ текстѣ раньше не говорилось. Теперь конюшій проситъ у Тристана «ung don»...: «Sire, vous me ferez demain cheualier».

«за соромы», еслибы былъ побитъ рыцаремъ изъ «Лондреша», гдѣ «наибольшые рыцеры» [1]). На другой день, поставивъ рыцаремъ юнака Перемонта (сл. выше стр. 153), Тристанъ ѣдетъ къ мѣсту турнира «на ѡдном болоте подъ замком» (f. XXVIII: Chasteau des Landes). Пріѣхали туда король «Іанишъ из Локви», «Артиуш з Лонъдреша» и король надъ Ста рыцарями, служившій «прынчипу Галиѡту». Послѣднихъ двухъ нѣтъ во французскомъ романѣ, а первый названъ: Aguysaulx d'Escosse, и далѣе являющійся въ нашемъ текстѣ подъ именемъ короля Сго(т)скаго. На турнирѣ сторону послѣдняго держатъ рыцари Круглаго стола: Гарнотъ, Иванъ, сынъ короля Урыяна, Гаваѡнъ, Геешъ, король Бэндемагул, Дондиелъ, Согремор, Гвирешъ (франц. романъ: Messire Gauvain, messire Yvain et le filz du roy Brien, Keux le senechal, Gaheriet, Garaches, Baudemagus, Dodineau le Sauvage, Sagremor le Desreé, Guires le petit, Girflet le filz do (sic), f. XXVIII), но рыцарь съ чернымъ щитомъ, который оказывается Паламидежемъ (Palamedes le sarrazin, f. XXIX), отбиваетъ у нихъ побѣду. Видя себя побѣжденнымъ, король надъ Сту рыцарями, любившій всѣмъ сердцемъ «красную Ижоту» (Iseult la belle, f. XXVIII), опечаленъ, хочетъ поправиться на другомъ турнирѣ, которому назначаетъ быть черезъ десять дней. А «Поломидеж поехал ув-Орлендэю [2]), говоречы тот турнаи почстене Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлъ на сэрцы и мыслил ꙗкъ в том другом турнаи мѣлъ бы сѧ з нимъ росправити... и вступил въ храброст против Поламидежа (en orgueil et en bobant, f. XXIV) и гледѣлъ на него злыми ѡчыма, иж сѧ ему видело, што ѡн чынить великии сором рыцэромъ...; и такъ сѧ ему видело, иж

---

[1]) l. c. s'il trouuoit ung meilleur cheualier que luy qui a oultrance le mist qui ne fust pas du royaulme de Logres, que en feroit il? Il n'en porteroit que une en signifiance de sa honte.

[2]) Во французскомъ текстѣ l. c. говорится, что когда Паламедъ возвращался съ турнира, король Шотландскій ѣдетъ за нимъ слѣдомъ, спрашиваетъ—будетъ ли онъ на слѣдующемъ турнирѣ. Далѣе Паламедъ встрѣчается съ королемъ Ирландскимъ, который и приглашаетъ его къ себѣ («ув-Орлендэю»). Въ русскомъ текстѣ этотъ эпизодъ спутанъ.

ѡн хочет мѣти Ижоту и ѡна его милуетъ со всего сэрца, и почали сѧ з нимъ непрыязнити и немиловати межы собою Трыщанъ и Паламидежъ». Ижота ни о чемъ не догадывается, догадалась ея прислужница Брагиня (французскій романъ: Brangien, f. XXIX), спрашиваетъ госпожу: кого бы изъ двухъ она предпочла, еслибъ они ее любили? Та отвѣчаетъ, что Паламидежа, ибо онъ большій рыцарь; а «коли бы нашъ так рыцэр (то-есть, Тристанъ) былъ добръ и такого врожена, ıакъ по нем бачым (f. XXIX: de sa proesse gentil homme), ѡн бы былъ наиболшыи и наицуднеишыи рыцэр». Слова эти слышали Паламидежъ и Тристанъ, сидѣвшіе въ одной коморѣ; Тристанъ вышелъ гулять («на ѡдно болото» = XXIX en ung pré) и почал мыслити, иж его милост къ Ижоте нудила. Рек сам къ собѣ: Ꙗ не могу прыити на досконалост красное Ижоты (l. c.: qu'il ne peult avoir l'amour d'Iseult), если не ѡбороню пыхи (l. c.: s'il n'abat l'orgueil de Pallamedes) Паламидежовы, а того не могу вчынити без доброго конѧ и без доброи зброи». Тѣмъ не менѣе онъ отказывается отъ предложенія Ленвиза поѣхать на второй турниръ и остается дома печальный. На вопросъ Брагини онъ говоритъ, что тужитъ потому, что за неимѣніемъ коня и сброи не можетъ ѣхать на турниръ. Почему же не отправился ты съ королемъ?—Чтобы меня не познали. Тогда Брагиня даетъ ему добраго коня и сброю безъ знаменья (f. XXIX: armes et couuertures toutes blanches) и своихъ двухъ братьевъ, чтобы ему служили (l. c. Permis et Mathanael). Брагиню онъ проситъ никому ничего не говорить объ этомъ дѣлѣ. На турнирѣ появленіе Паламидежа вызываетъ общія ожиданія; онъ бьется, и поле остается за нимъ; всѣ кричатъ: «с чорнымъ щытом и з двема мечы другии раз добыл турнаѧ». (l. c.: tout vainquera le chevalier a l'escu noir, tout vainquera celluy aux deux espees). Когда Тристанъ распозналъ его, поѣхалъ на него и вызываетъ на бой: дважды[1]) свергаетъ его съ коня, гонитъ, дѣлая ему «соромъ» и для того, чтобы онъ не смѣлъ показываться на глаза

[1]) Между первымъ и вторымъ боемъ съ Паламедомъ французскій романъ помѣщаетъ бой Тристана съ рыцарями Круглаго стола.

Ижотѣ. Паламидежъ узнаетъ его, не зная его имени, по вызову: «Рыцэру, верни сѧ, да видимъ, которыи з насъ годнеишыи доброти рыцэръское, и которыи з насъ годнеишыи миловати красную Ижоту».

Сваливъ Паламидежа, Тристанъ ѣдетъ, и слѣдуетъ эпизодъ о его встрѣчѣ съ дѣвушкой, посломъ короля Артиуша, ѣхавшею искать рыцаря, что «взѧл Болѧчу стражу» (La douloreuse garde, f. XXX); она видитъ далѣе опечаленнаго Паламидежа, который говоритъ ей о своемъ пораженіи, и встрѣчаетъ Гаваона, также искавшаго побѣдителя Болячей стражи; «а то былъ Анъцолот з Локвеи» (f. XXX: du Lac). Вмѣстѣ съ Гаваономъ она ѣдетъ далѣе въ Лондрешъ (l. c. Logres).

Между тѣмъ Тристанъ вернулся домой ночью и на вопросъ Брагини, кто побѣдилъ на турнирѣ, говоритъ только, что Паламидежъ чести не добылъ, а «ıа єсми доконал свое вмышлениє ıакъ єсми хотѣл». Когда онъ всталъ на другое утро, «было ему видене затекло и посинело ѡт многих вдаров». Всѣ говорятъ о бѣломъ рыцарѣ, побѣдителѣ турнира, а Тристанъ «ѡ том стыдил сѧ, бо не рад бы штоб его познали» (f. XXX: у Тристана опухло лицо, и о немъ говорятъ, qu'il auoit este en feste. Et quant il ouyt que on disoit telles parolles, si en auoit grant honte). Говорятъ о бѣломъ рыцарѣ и король и Гарнотъ и Бандэмагул пан и Ѡванъ (послѣдняго имени нѣтъ во французскомъ романѣ); предполагаютъ, что то былъ Ланцелотъ, но Брагиня догадывается, что то былъ рыцарь, котораго она вооружила. Она открываетъ это Ленвизу, показываетъ ему сброю и щитъ, которые признаны за бывшіе на побѣдителѣ. Король идетъ къ Тристану, журитъ его (ıа мамъ на тѧ жаль = XXXI de vous ie me plains a vous), зачѣмъ онъ отъ него таился, проситъ сказать свое имя. Тристанъ сознается, что онъ былъ на турнирѣ, но имени своего не говоритъ, и король даруетъ ему свою пріязнь. «По том (Ainsi, l. XXXI) Трыщаново рыцерство было значно ув-Орленъдэи, и был велми честован ѡт королѧ и ѡто всих добрых людеи, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворе, котораıа бы

не была рада миловати его ѡт всего сэрца, если бы ѡн хотѣлъ. Внимали, што Ижота милуетъ его потаи, але ѡна мѣла цнотливое сэрце», (l. c.: fors seullement Yseult, celle n'y entend pas).

Французскій текстъ пересказываетъ здѣсь (f. XXXI — XXXII) вкратцѣ эпизодъ о боѣ Тристана со змѣемъ, извѣстный изъ другихъ рецензій романа[1]); русскій текстъ его не знаетъ.

Однажды, когда Тристанъ мылся въ ваннѣ, а Ижота и иныя дѣвушки ему прислуживали, «ѡдин чоловекъ, на имѧ Кушынъ (во французскомъ романѣ безъ имени: ung varlet parent a la royne, f. XXXII; не стояло ли въ италіанскомъ оригиналѣ cugino, что̀ могло быть принято за имя собственное = Кужинъ?), подойдя къ постели Тристана, залюбовался его мечемъ и, взявъ его, понесъ показать королевѣ. Та замѣтила въ немъ щербину (l'osche l. c.), вынула изъ скрыни (l. c. escrin) обломокъ меча, который она извлекла изъ головы брата своего Амурата, и догадалась, что рыцарь, скрывающій свое имя, есть Тристанъ. Съ мечемъ въ рукѣ она спѣшитъ въ комнату, гдѣ онъ мылся, замахнулась, хочетъ убить его, обвиняетъ его въ убійствѣ брата. «Трыщан скрылъ сѧ у кадь» (l. c. et Tristan ne se remue ne ne fist semblant de paour); одинъ пахолокъ (escuier, l. c.) останавливаетъ королеву, «а Ижота покинувши соромъ, бо ее милость Трыщанова тиснула, и защытила его рукою велми милосердъно»[2]). Король, прибѣжавшій на крикъ, говоритъ женѣ: «Тихо, (l. c. Taisez vous), пани, даи тую помсту на мене, ꙗ хочу вчынити ꙗкъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль». Тристанъ защищается, что онъ не предательски убилъ Амурата; «Ты єси мертвъ» (l. c. vous estes mort), говоритъ ему король, велитъ ему одѣться и прійдти къ нему во дворецъ. Всѣ жалѣютъ Тристана: «Бог вѣ,

---

[1]) Сл. фрагментъ Béroul'я у Fr. Michel, Tristan I, стр. 26; ib. II, стр. 109.— Eilhart von Oberge, ed. Lichtenstein, въ Quellen und Forschungen Heft XIX, стр. 4: Altes Gedicht, Bruchstück III—IV, стр. 90 (сл. Muret, l. c., стр. 306—307); Tristan und Isolde въ Bibl. d. litterarischen Vereins, Bd. 152, стр. 26—40; Kölbing, Die nordische Tristansage, стр. 35—42; Sarrazin, l. c., стр. 263—4; Golther, l. c., стр. 15.

[2]) Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

на свѣте нѣтъ такого рыцэра, и великии бы грѣх абы за того єго забити, которыи сѧ вже не може вернути» (l. c.: ce soit trop grand dommaige se si bel cheualier et si bon comme il est receuoit mort pour chose qui ne peult estre recouurée). Королева поддерживаетъ обвиненіе, но король рѣшаетъ отпустить Тристана потому вопервыхъ, что «прынал єсми тебе у мои дом немоцного и бѣдного, дал єсми тобѣ здорове; другоє: Ты єси таковъ рыцер, ѡ тобѣ ровни не знаю на свѣте[1]); третеє: Не зрадне єси убилъ моего шурына Амурата, убил єси єго рыцерским обычаєм». Только пусть скорѣе удаляется изъ его земли. Самъ король снаряжаетъ его, Брагиня даетъ ему въ услуженіе своихъ двухъ братьевъ, тайкомъ отъ королевы, гнѣвавшейся на Тристана[2]), «а Ижота и иные дѣвъки говорыли: Лепеи то ест, што Трыщан прост ѡт смерти за ѡного, которыи сѧ не мает вернути»[3]). Тристанъ возвращается въ Корноваль.

У Polidori, стр. 64—90, разсказъ, въ сущности, тотъ же, но есть отличія въ подробностяхъ и нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ и, какъ вообще въ этомъ текстѣ, стиль болѣе многословный. Посвященіе Тристана въ рыцари дядей сходно съ французскимъ романомъ; нѣтъ Гарнота = Gaheriet во второмъ посольствѣ Аморольда, такъ глумящагося надъ Тристаномъ: Sed egli è *novello cavaliere, io novellamente lo farò morire* (сл. русск. и франц. тексты). Онъ посылаетъ въ даръ Тристану свой мечъ, расчитывая, что онъ будетъ ему не подъ силу и обременитъ его въ поединкѣ; Тристанъ отдаривается мечемъ отца и выжлокомъ Ферамонтовой дочери, а поединку назначаетъ быть на isola Sanza Avventura. Какъ во французскомъ романѣ, онъ намекаетъ противнику, что видѣлъ его при дворѣ Ферамонта. Раненаго въ голову Аморольда онъ самъ кладетъ въ ладью и отталкиваетъ ее

[1]) l. c.: ie vous laisseray viure pour deux raisons: l'une est pour la bonté de cheualerie qui est en vous, l'autre si est pource que vous avez loge en mon hostel и т. д.

[2]) l. c.: Brangienne luy bailla ses deux frères qui le servirent si coyement que nul ne s'en apperceut.

[3]) Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

отъ берега, чтобы его люди могли его принять; уже изъ ладьи ранитъ его Аморольдъ стрѣлою въ правое бедро. Страдая отъ раны, Тристанъ удаляется въ palagio di Riano, на берегъ моря, куда беретъ свою арфу и altri stormenti da diletto. Онъ нѣсколько разъ готовъ бросится въ море, такъ сильны боли. Снаряженіе корабля другое, но есть арфа, и Тристану сопутствуетъ Говерналь. Пристаютъ они къ замку Languis'a, близко отъ города Londres; на игру и вопли Тристана выходитъ король съ четырьмя конюшими и находитъ Тристана почти умирающимъ на одрѣ. Isotta la Bionda тотчасъ же признаетъ рану отравленною; когда черезъ 30 дней больной почти выздоровѣлъ, она велитъ ему скакнуть, дабы испытать, зажила ли рана. Тристанъ скачетъ на 22 фута, и рана раскрылась; тогда Изотта снова принимается за лѣченіе; Тристанъ скачетъ на 30 футовъ и оказывается здоровымъ. Lo re di Scozia объявляетъ турниръ противъ lo re di Cento cavalieri; Тристанъ является зрителемъ, Galvano (Гаваонъ русск. т.) только упомянутъ, а о конюшемъ Bellices, дочери Feramonte, сказано лишь то, что Тристанъ поставилъ его рыцаремъ и назвалъ его Amadore del traportamento. Благодаря появленію Palamides lo pagano, сторона короля Ста рыцарей побѣдила; на ней находились и двѣнадцать странствующихъ рыцарей (именъ нѣтъ). Изотта прислуживаетъ за столомъ Лангвиса, Паламидесъ и Тристанъ засматриваются на нее; оттуда ихъ вражда. На второй турниръ Languis беретъ съ собою Изотту, а Brandina снаряжаетъ Тристана (armadure... con insegne bianche), который становится на сторону короля Ста витязей, остается побѣдителемъ и сражаетъ Паламидеса. Эпизода о дѣвушкѣ, искавшей Анцелота, нѣтъ. Вернувшись, Тристанъ разспрашиваетъ Лангвиса о турнирѣ, а самъ онъ такъ изцарапанъ, что это побуждаетъ короля обратиться къ нему съ вопросомъ: не бы ли тамъ и онъ. Боя съ змѣемъ нѣтъ. Мечъ Тристана приноситъ королевѣ неназванный scudiere; на ея крикъ явился король; онъ не прочь былъ бы осудить Тристана на смерть, чтобы удовлетворить королеву, но всѣ этимъ возмущены, сѣтуетъ и

Изотта, которой Аморольдъ, умирая, говорилъ, что Тристанъ бился съ нимъ въ честномъ бою. Она проситъ у отца дара: освобожденья Тристана, и тотъ отпускаетъ его по тремъ причинамъ: первая и вторая сходны съ русскимъ текстомъ, третья — ради моей дочери Изотты. Ея нѣжнее разставаніе съ Тристаномъ, ибо «они любили другъ друга вѣрной любовью». На обратномъ пути въ Корнуаль буря заноситъ Тристана въ Leonis, гдѣ онъ мститъ убійцамъ отца.

6. Тристанъ возвращается въ Корноваль, гдѣ встрѣченъ радостно: «так ꙗкъ бы имъ прышол ѡтец» (f. XXXII: comme se dieu fust illec descendu); онъ разсказываетъ о своихъ похожденіяхъ, о красотѣ Ижоты, но только не о побѣдѣ надъ Паламидежомъ (mais il ne luy compta pas comment il auoit vaincu l'assemblee et comme Yseult la Bloye la plus belle damoyselle du monde et qui plus scauoit de cirurgie l'auoit gary, l. c.). Была тогда въ Корновали одна красавица, «ꙗко цвѣтъ и рожа», жена одного рыцаря изъ Лондреша (Logres, l. c.), Сегурадежа (Segurades, f. XXXIII), за которой безуспѣшно ухаживалъ Маркъ. При его дворѣ она видитъ Тристана, и оба влюбляются другъ въ друга; «Трыщанъ забылъ Ижоту» (l. c.: il ne souuient plus a Tristan de Yseult). Прощаясь съ Тристаномъ, она открывается ему въ любви (онъ отвѣчаетъ ей: «Велика ласка, пани» = l. c. grant mercy), и вернувшись «до господы» (l. c. manoir), посылаетъ къ нему хлопца (l. c. nayn), чтобъ онъ явился къ ней въ сумеркахъ (l. c.: quant il sera anuyté), но вооруженный, ибо человѣкъ не знаетъ, что съ нимъ можетъ приключиться. Король видѣлъ, какъ Тристанъ говорилъ съ хлопцемъ (далѣе хлопецъ магушъ), у котораго выпытываетъ подъ страхомъ смерти тайну порученія[1]). «Дивно ми твоеи панеи», говоритъ онъ, «ꙗкъ сѧ такъ борздо розмиловала Трыщана (f. XXXIII: il me tourne a

[1]) Магушъ говоритъ Марку: «пане, ꙗ того не могу поведати, ѡтпусти мя, але дамъ ти знати иж тот твои сестренецъ ни стюдено, а ни тепло» = l. c.: n'en soyez iamais desirant, car ce n'appartient pas a vous, ne ce n'est chose ou vous doyez auoir dommage.

grant vieulté que la dame se est habandonnée à Tristan), которыи єще детина, а ꙗ знаю лепшого рыцэра нижли Трыщана, а панъ ест великии ꙗкъ ѧ самъ, которыи хотѣлъ велми миловати ее, ѡна сѧ ѡтмовила ѡт него (l. c. l'escondit). Рекъ магуш: Господару, не вѣдаете-ль вы того, што часто сѧ прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии ѡбереть собѣ меншую и пущую, а могла бы єму быт два крот лѣпшаꙗ; такъ же и невѣста не всхочет доброго рыцэра або великаго пана [1]). И рек король: Ꙗ сам ее досыт (l. c. plusieurs foys) искал, а ѡна сѧ ѡтмовила ѡт мене, и длѧ ее глупости хочу ее уморыти и домъ ее погубити». Зная короля за «наизрадлившого чоловека (l. c. moult felon), магушъ входитъ въ его планы [2]): Маркъ выѣдетъ вооруженный съ однимъ пахолкомъ (l. c. tout seul, но далѣе является escuier) и «буду ждати пры студни (l. c. au gué de l'Espine) куды вамъ ехати»; онъ сразитъ Тристана, и тогда магушъ поведетъ его, вмѣсто Тристана, къ красавицѣ. Магушъ совѣтуетъ ему не биться съ племянникомъ, но Маркъ настаиваетъ: неужели думаешь ты, что онъ сильнѣе меня? — Слѣдуетъ ночная встрѣча Тристана съ королемъ, котораго онъ сбрасываетъ съ коня и ѣдетъ дальше, не признавъ его; а король того и боится, чтобъ его не узнали. — Далѣе въ русскомъ текстѣ опущены слѣдующія подробности французскаго: пріѣздъ Марка домой; врачу, который лѣчитъ его рану, онъ не велитъ сказывать, что рана получена въ бою; Тристанъ въ объятіяхъ жены Сегурадежа, котораго въ то время не было дома; вернувшись и узнавъ о посѣщеніи Тристана по крови отъ ранъ, оставленной имъ на постелѣ, онъ нагоняетъ его и ранитъ въ бою, но и самъ раненъ и падаетъ съ коня. На другой день Маркъ спрашиваетъ Тристана

---

1) l. c.: «pour ce ne devez vous pas blasmer ma dame, quant vous voyez maintenant que ma dame ayme ung poure cheualier qui n'est si beau ne si vaillant comme est ce sire, et ung riche roy qui ayme bien une poure dame qui n'est si vaillant comme sa femme. Amours ne choisist pas».

2) «А лепеи бы панеи загинути нижли тое вчынити: потомъ бы Трыщанъ мыслилъ королю што злого вчынити» = l. c.: que sa dame fust sauvée et si pourroit bien estre que a Tristan en seroit de mieulx.

о его здоровьи; тотъ отвѣчаетъ, что раненъ и намѣренъ отомстить за это. Онъ разумѣлъ Сегурадеса, а Маркъ принимаетъ это на свой собственный счетъ (ff. XXXIII—XXXIIII).—Русскій текстъ продолжаетъ: при дворѣ Марка праздникъ; когда онъ сидѣлъ за столомъ «у великомъ палацу» съ панами и паннами, явился рыцарь Блерыжъ, родственникъ короля Бана изъ Банока (i'ay à nom Bliomberis du parenté au roy Ban de Benoic, f. XXXIIII), и проситъ у Марка дара, въ которомъ тотъ и не отказываетъ. Тогда онъ подходитъ къ женѣ Сегурадежа «поставилъ передъ собою» (на коня; сл. l. c.: la mist sur le col de son destrier) и увозитъ ее. Сегурадежъ гонится за нимъ, бьется, но сбитъ на землю [1]).

Въ это время проѣзжали два «еждчалые рыцэры», которые позднѣе названы Дондиэлемъ (фр. ром. Dodineaux le sauuage l. c.) и Согреморомъ (Sagremors le desréé l. c.). Маркъ былъ бы очень радъ довѣдаться отъ нихъ вѣстей объ Артіушѣ и рыцарѣ, добывшемъ Болячую стражу. Аудретъ (Andret, l. c.), другой племянникъ короля, завидовавшій Тристану, вызывается поѣхать за ними и привести ихъ. Пока онъ ѣдетъ, является ко двору дѣвушка, ни съ кѣмъ не здоровается и только смотритъ на всѣхъ; рыцари смѣются надъ ея глупостью (l. c. en fut tenue pour folle et nice): «што сѧ тобе ѡ насъ видить?» (l. c. que vous semble il de nous?), спрашиваетъ ее Марко, а она начинаетъ срамить Тристана. «Трыщане, злыи и худыи рыцэру и страшливыи (couard, f. XXXV) пущеи всихъ, што носиш зброю, а не бачышъ своее негодности (l. c. mauvaistie), и дивлю сѧ якъ смеєшъ ѡбцовати з людми добрыми (l. c. preudhommes)... и коли бы тѧ ѡни знали такого костю (l. c.: congnoissoient aussi bien ta mauuaistie), ѡни бы сѧ тобою соромели, бо ѡни тобою зганбени (l. c. empirez). А то тобѣ говору перед королемъ Маркомъ и перед добрыми людми, а ѡни нехаи знают твою негодност, а рекла ти єсми на што-м была прышла». Тристанъ

[1]) Французскій текстъ объясняетъ, почему Тристанъ не отправился въ погоню за Bliomberis, f. XXXIIII: pour la doubte de son oncle.

пораженъ (сталъ ꙗкъ забылъ сѧ = l. c. esbahy) эти нежданными рѣчами и, вернувшись «до господы» (l. c. hostel) и вооружившись, вмѣстѣ съ Говорнаромъ ѣдетъ за удалившеюся дѣвушкой, встрѣчаетъ Аудрета, возвращавшагося изъ неудачной поѣздки: онъ былъ сбитъ Согреморомъ («добылъ меча и вдарылъ его плазом по голове» — grant coup du plat de l'espée, l. c.), и Тристанъ мститъ за него, сбивъ и Согремора, и его товарища, и ѣдетъ далѣе. У одного «хлопца» (f. XXXV: escuyer) онъ спрашиваетъ, не видалъ ли онъ той дѣвушки; тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ и ее, и одного рыцаря съ панной (Блерыжа съ женой Сегурадежа). Переночевавъ у одной «вдовицы земѧнки» (f. XXXVI: une dame) сынъ которой призналъ въ Тристанѣ побѣдителя турнира въ Ирландіи, онъ продолжаетъ свою погоню за Блерыжемъ, съ которымъ бьется. Узнавъ имя противника, Блерыжъ говоритъ: «ꙗ сѧ тобѣ даю, мѣи тую битву за добытую» (l. c.: ie me rendz outré de ceste bataille et vous donne l'honneur). Рѣшили: предоставить самой паннѣ выбрать, съ кѣмъ изъ нихъ она захочетъ пойдти. Упрекнувъ Тристана, что онъ допустилъ ее увезти другому рыцарю, она идетъ за Блерыжемъ, а Тристанъ возвращается домой[1]).

У Polidori, стр. 90—95, красавица, которою увлекается Маркъ, названа: la donzella ebrea dell'Aigua della Spina; ея мужъ Lambergus; сходенъ съ французскимъ романомъ эпизодъ о Тристанѣ у жены послѣдняго и т. д., опущенный въ нашемъ текстѣ. — Маркъ велитъ разбить шатры на морскомъ берегу, на утѣху баронамъ и дамамъ; вмѣстѣ съ другими являются Тристанъ и la donzella dell'Aigua della Spina. — Тристанъ задумался при видѣ трехъ капель крови отъ убитой птицы на снѣгу: таковъ цвѣтъ лица Изотты, говоритъ онъ дядѣ. — Вмѣсто Блерыжа названъ Brunoro; Тристанъ отправляется за нимъ въ погоню по просьбѣ Марка; послѣ боя красавица, хотя и негодуетъ на Тристана, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ за нимъ. — Какъ

[1]) Сл. параллели къ этому эпизоду у Gaston Paris, Les romans и т. д., l. c. стр. 60—65.

видно, недостаетъ эпизода объ Аудретѣ, Сагреморѣ и Dodineaux, и дѣвушкѣ, позорившей Тристана.

7. Разсказъ Аудрета о храбрости Тристана наводитъ на Марка страхъ, еще болѣе разсказъ самого Тристана о своихъ прежнихъ подвигахъ, на который вызвалъ его дядя. Всѣ дивуются, говорятъ: «Теперь Корновал не бои сѧ докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ!»; король вторитъ этому, а втайнѣ смущенъ и начинаетъ помышлять, какъ бы ему уморить Тристана. И вотъ онъ надумался: однажды, когда нѣкоторые дворяне пристали къ нему съ просьбой, чтобъ онъ женился, что тогда и вся «Корновалѧ большеи была бы важона ѡт ѡколичныхъ сусѣдъ», онъ обратился къ Тристану со словами: Одинъ ты можешь меня оженить, и никто другой (f. XXXVI: quant il vous plaira ie l'auray). Тристанъ клянется, что исполнитъ это, «хотѧ ми на то горло втратити» (l. c. mieulx ayme a mourir) и, простирая руку къ сосѣдней церкви (l. c. chapelle), добавилъ: «Такъ ми бог помози и єго моц, ꙗ хочу вчынити мою моц» (f. XXXVI: et iura se dieu luy ayst et les sainctz — f. XXXVII: qu'i[l] en fera son pouoir). Тогда Маркъ объявляетъ, что єго женой можетъ быть лишь «королевна орленъдэискаꙗ краснаѧ Ижота» (f. XXXII: Yseult la bloye, fille du roys Argius d'Irlande), и проситъ Тристана снарядиться въ путь. «Трыщан рад бы сѧ былъ ѡтмовилъ ѡт тое дороги» (l. c.: se retrait voulentiers de ceste chose), но связанъ обѣщаніемъ, выбралъ «сорок панѧтъ молодых» (l. c. quarante cheualiers) въ спутники; они также неохотно ѣдути въ непріятельскую землю, а Говорнаръ говоритъ Тристану: «Можеш познати ꙗкъ тебе твои дѧдко ненавидить, а то ѡн вмыслилъ большеи длѧ твоеи смерти, ниж длѧ Ижоты. Рекъ Трыщан: Мистре, не бои сѧ, хотѧ ѡн мыслит зло, а коли ꙗ єму вгожу в томъ и в другомъ, мусить ми добро мыслити и чынити (l. c.: Or pouez vous veoir comment vostre oncle vous ayme. Ceste chose a il pourpensée pour vostre mort, non pas pour la damoyselle auoir. Beau maistre, dist Tristan, or ne vous esmayez, se mon oncle me hayt, ie feray tant, se Dieu playst, que par ma bonté il me

vouldra grant bien). На пути моремъ «была межы ними игра и куншты ѩкъ то межы рыцеры и молодыми людми[1]), а коли успоменули куды идут, тогды не вмѣли што речы, але Трыщан ихъ тѣшылъ и клалъ то у смѣхъ, и ѡни сѧ тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцэрство и говорыли: Мы съ Трыщаном не прыимемъ лиха». Буря, длившаяся сутки, принесла ихъ къ мѣсту, «которое звано Домолот» (f. XXXVII: en la grant Bretaigne a une lieue de Kamalot), столичное мѣсто Артиуша короля», который въ то время былъ въ «Карьдуели» (l. c. Cardueil en Galles[2]). Они вышли на берегъ, разбили шатры, вынесли щиты и сброю; проѣзжаютъ два рыцаря, «которые были знали сѧ на дорозе не знаючы ѡдинъ другого» (l. c.: qui s'entreestoient acompaignez ne ilz ne se congnoissoient point encores), Марганоръ (l. c. Marganon) и Ѩщоръ, братъ Анцалота (l. c.: Hector des Mares filz du roy Ban de Benoic de bas et frere à Lancelot du Lac). Ящоръ былъ поставленъ рыцаремъ «ѩкобы чотыри недѣли» (l. c.: pas plus d'ung moy), а уже «поехал фортуны искати» (l. c. aduentures) и былъ «ѡт добрых кольцовъ» (l. c. iousteur). Они говорятъ: «То сут еждчалые рыцэры (l. c. aduentureux), стоѩт в холоде, а щыты поклали ѡбычаемъ лонъдрешскимъ (выше l. c.: la coustume de la grant Bretaigne), которые кольвек едут мимо абы сѧ з ними коштовали. И хто бы их минулъ не покусившы сѧ, то бы єму соромъ». Они изготовляются къ бою; одинъ рыцарь Тристана, ѣздившій по землѣ Артіуша, зналъ этотъ обычай, о чемъ и предупреждаетъ Тристана, который въ слѣдующихъ за тѣмъ поединкахъ сбиваетъ обоихъ противниковъ. Узнавъ, что онъ сбитъ рыцаремъ изъ Корноваля, Ящоръ такъ опечаленъ, что бросаетъ оружіе и коня и удаляется пѣшій. — На другое утро судно пристаетъ къ берегу, на немъ король Ленвизъ; довѣдавшись, что дружина, стоявшая тамъ, изъ Корноваля и что съ нею Тристанъ, онъ велитъ сказать ему свое имя: онъ будетъ радъ увидѣться со

[1]) Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

[2]) На вопросъ Тристана «морнары» (mariniers) отвѣчаютъ: «Мы єсмо у великой земли» (l. c.: en la grant Bretaigne).

мною. Они встрѣчаются радостно; король говоритъ, что расчитываетъ на помощь Тристана, тотъ отвѣчаетъ, что сдѣлаетъ все возможное, «ѡдно бы без моее ганбы» (f. XXXVIII: se grant honte ne m'en deuoit venir). Ленвизъ благодаритъ («Велика ласка» = Grant mercy, l. c.) и принимается разсказывать: на одинъ изъ турнировъ, бывшихъ по отъѣздѣ Тристана, явились четыре рыцаря, родственники («уроженые а кревные» = l. c. du parenté) «Бана баноцкаго» (l. c.: du roy Ban de Benoic). Ленвизъ попросилъ ихъ остановиться у него, но одинъ изъ нихъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ, а Бланоръ (l. c. Blaanor), его товарищъ, заподозрилъ въ убійствѣ хозяина и обвинилъ передъ королемъ Артіушемъ, который и вызвалъ его на судъ и бой съ обвинителемъ, чтобы «ѡтвести сѧ неправде» (l. c.: moy deffendre de la trayson). Ленвизъ проситъ Тристана постоять за него; Тристанъ готовъ; «уже-жъ буду мѣти Ижоту, по што єсми прышол», говоритъ онъ про себя, а Ленвиза побуждаетъ обѣщать ему при всѣхъ исполнить то, о чемъ онъ его попроситъ, а его имени не открывать. — Ирландцы весело сходятся съ корновалянами; «и пры том весельи прыехала у шатер ѡдна дѣвка носечы ѡдин щыт хорошыи, а был без иного белега, не так, какъ иные щиты (l. c.: ung escu d'autre maniere que nul escu qui fust pieça veu): на нем была написана ѡдна пани, и ѡдин рыцер целовал панию, а щытъ был росъщеплен по середине, и не могли его нимкъ стиснути, а ѡн щыт росщеплен былъ межы усты витезовыми и пани» (l. s.: il y auoit pourtrait un cheualier et une damoyselle qui s'entrebaisoient, se sembloit l'escu tout desioinct de la pointe de dessoubz jusques dessus a la boucle en hault et ioignoit la ou la bouche de la dame ioignoit a la bouche du cheualier). Узнавъ имя Тристана и по его желанію, дѣвушка объясняетъ эмблему щита: «У сеи земли ѡдин витезь такъ великии, иж над него ни близко ни далеко нѣтъ, а милует ѡдну панию велми высоку у сеи земли, так ю впрэиме милуєть, лепѣи нижли сам себе, а пани єго также, але єще сѧ не познали телесне, одно сѧ целовали (l s.: mais encore n'a eu de la dame que

ung seul baiser). Из ωное милости тот щыт учыненъ ест, якъ его видиш, и не может сѧ жадным ωбычаем зъступити, докул сѧ ωни злучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогды сѧ тот щытъ зъступит». Она говоритъ Тристану, что Артіушъ уѣхалъ въ Кардуэль (l. c. Cardueil), «а ωставил королѧ Кардоса (f. XXXIX: le roy Karados briefz bras) и королѧ из Сгоцеи (l. c. le roy d'Escosse) смотрети тое битвы, котораѧ мает быти королю ωрлендэискому з Бланором». Она сама отправляется въ Кардуэль, «бо там надевала сѧ знаити кого искала; а таѧ дѣвка была ωдное панеи з Локве (l. c. la dame du Lac), котораѧ была великаѧ зелеиница, чаровница большеи нижли иные вѣдьмы (l. c.: scauoit de charmes et de enchantemens a merueilles), а того была навчыла сѧ ωт Мерлина пророка (l. c. deuin), которыи много знал ω прыидучых речах (l. c.: les choses a aduenir), але сѧ в томъ не вмѣлъ мудро заховати, абы его не вморыла таѧ, которую миловалъ зо всего серца, и звѣрылъ сѧ еи всего, а ωна его вморыла руками его жывотъ (l. c.: le mist a mort par les enchantemens mesmes qu'il luy auoit apprins), затворыла у гробе подъ землею, зачаровавшы такъ, иж ωнъ не был собою волен (l. c.: que oncques ne se peut mouuoir). А ωт того велико сѧ зло стало, што такаѧ мудрост пала перед ωную жену. И там пани з Локве, о которои вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы (l. c. affaires), которые были межы королевою Веливерою (l. c. Genievre) и Анцалотом, ωна хотела ведати ихъ справу (l. c.: et pource que elle vouloit que la royne cogneust que elle scavait bien de son estre, luy enuoyoit elle cest escu), длѧ того послала королевои тую дѣвку и щыт и поручыла еи такие рѣчы, абы королеваѧ знала, што тот щыт, и гледѣла на него и дѣвку тэ-ж задержала в себе, паки сѧ злучыть з Онцалотомъ, хотечы видети, чы ступит сѧ тогды щытъ вмѣстѣ. То ωставмо. А Онцалот в тот часъ былъ в прынчипа Галиωта, которыи велми миловал Анцалота, волѣль бы вмерети, нижли бы не мѣти его въ товарышестве. А если бы Анцолот вмер, ωнъ и вси рыцэры силно бы его жаловали, бо не было так силное руки и так высокаго серца». Сл.

французскій романъ, l. c.: Ланцелотъ былъ «en royaulme de Soreloy savec Galehault, le seigneur des Loingtaines Ysles, lequel ayma tant Lancelot qu'il en mourut en la fin. Dont ce fut grant dommage de sa mort, car c'estoit le plus vaillant prince du monde et le plus eureux de terre conquerre, car celluy Galehault estoit filz a la belle Geande des Loingtaines Ysles».

Узнавъ о пріѣздѣ Бланора, Тристанъ идетъ къ королю, и они хотятъ поспѣшить къ бою, когда снова является та дѣвица, вся въ слезахъ: оказывается, что у нея отнялъ щитъ рыцарь Бреусъ (l. c. Brehus), за которымъ Тристанъ отправляется въ погоню и отнимаетъ добычу[1]). Слѣдуетъ снаряженіе къ поединку; Тристанъ и Ленвизъ отправляются въ Дамалотъ (l. c. Kamalot); племѧ Бана обвиняетъ Ленвиза передъ двумя королями (оставленными Артуромъ въ качествѣ судей), Бланоръ кладетъ «рукавицу» (l. c. son gaige) въ знакъ вызова, Тристанъ беретъ ее (l. c.: lors tend le pan de son haulbert). Ленвизъ ободряетъ Тристана, Блерыжъ (l. c. Bliomberis) напоминаетъ Бланору честь ихъ рода. Оба противника изумляются силѣ и храбрости другъ друга; среди битвы они отдыхаютъ; Бланоръ начинаетъ страшиться Тристана, желаетъ знать его имя, «нехаи быхъ зналъ ѡт чыее руки умру, або кого добываю». Узнавъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ повеселѣлъ: «Ꙗ есми слыхал ѡ тобѣ великую славу по свѣту, а если мѧ добудешъ, мои близкие не будут мѣти сорома, але коли пак даст бог ꙗ тебе добуду, великое чсти добуду». Бой начинается снова, уже Бланоръ не въ состояніи «меча подънести»; когда ударъ Тристана повалилъ его на землю, онъ молитъ отрубить ему голову: «нехаи моему сорому будет конецъ. Трыщан то виделъ, иж ѡнъ ѡт великого серца не хочеть подати сѧ и волить умерети, ниж мовити: Побитъ есми; а коли его пущу а не даст ми меча, моꙗ битва мало помочна, а ни добыта;

[1]) Бреусъ называетъ себя: «рек Трыщан: Чы по *милости* есть Бреусъ? Ѡнъ рекъ: Такъ мѧ люди зовутъ». Сл. l. c.: Ha, faict Tristan, Brehus sans *pitié*. Во французскомъ текстѣ Тристанъ отсылаетъ побѣжденнаго Бреуса къ Gauvain.

а коли его убъю, то зле учыню: убилъ такова витезя. И пошол до королевъ и рекъ: Панове, мы есмо сѧ так били, ꙗкъ вы сами видели, але ѡдин з насъ не хочет дати меча и мовити не хоче: Побит есми, и волить умерети, нижли мовити то своим езыкомъ. А што-бы тому за ганба, што єму на тот час фортуна не послужыла? А если сѧ вам видит, уложыте миръ межы нами, а нехаи король арлендэискии будет волен ѡт потвары»[1]). Королямъ заблагоразсудилось «иж бы перестала битва, а Бланор не вмеръ, коли естъ на то Трыщанова доброта и милосердье» (f. XL, но въ другомъ мѣстѣ: la courtoisie et la debonnaireté); Тристану велятъ «розобрати сѧ» (l. c.: or pouez oster voz armes), а Ленвиза освобождаютъ «ѡт поклепу Бланорова». Тристанъ вложилъ мечъ «у пошвы» (l. c. fourreau), вскочилъ на коня, словно не былъ раненъ. Ленвизъ ѣдетъ за нимъ, напередъ объявивъ имя своего защитника. «А было первеи слышано Трыщанова рыцэрство у лондрешском кролевстве у кралѧ Артиушовомъ дворѣ. И коли поведали королю Артиушу ꙗк Трыщан ѡтпустил смерть Бланору збившы его, а ѡнъ не хотел єму дати меч, рек король: То єсть наиболъшаѧ рыцэрскаѧ штука (l. c. une des plus grandes franchises), чого єсми нигдѣ не видел, и весь свѣт ѡ томъ эго хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великои славе, коли ѡн в тыхъ лѣтах, будучы молодъ, а умѣлъ показати такую доброть».

Polidori, стр. 96—111: Храбрость Тристана наводитъ на Марка страхъ: собравъ своихъ бароновъ, онъ въ присутствіи всѣхъ превозноситъ племянника и проситъ его поѣхать въ Ирландію и достать Изотту хитростью или силой. Тристанъ беретъ съ собою 60 юношей; буря; черезъ семь дней они пристаютъ къ reame de Longres, у города Cammellotto. Самъ Тристанъ велитъ вывѣсить щиты на шатрахъ, чтобы вызвать поединщиковъ; пріѣзжаютъ Lionello и Agravano; старый корнуальскій рыцарь,

---

[1]) Бой Тристана съ Бланоромъ вообще разсказанъ сходно съ французскимъ текстомъ, но сходство не столь дословное, какъ въ другихъ эпизодахъ романа.

пытавшійся удержать Тристана отъ боя, слышитъ отъ него упрекъ корнуальской трусости [1]). Поединокъ разсказанъ коротко (нѣтъ подробностей, отвѣчающихъ эпизоду объ Ящорѣ); причина обвиненія Languis'а разсказана дважды, сначала авторомъ, потомъ отъ лица обвиняемаго; рыцарь, вызвавшій короля, названъ Brunoro lo Vermiglio [2]). Дѣвушка съ символическимъ щитомъ направлялась къ Артуру, Жиневрѣ и Ланцелоту, которыхъ не нашла, ибо они уѣхали nello reame di Gaules a mostrare doglienza dello re Pellinoro, che è stato morto. Толкованіе эмблемы имѣетъ въ виду другія лица: рыцаря болѣе храбраго и вѣрнаго въ любви, чѣмъ Ланцелотъ, даму болѣе прекрасную, чѣмъ Жиневра; обращаясь къ одному изъ своихъ источниковъ, извѣстной намъ книгѣ di messer Varo o vero Gaddo de'Lanfranchi di Pisa, авторъ объясняетъ, что это — Тристанъ и Изотта. Короли-судьи: Agalone и Allielle. Breus носитъ кличку Sanza Pietà, il Disamorato (сл. русск. «по милости»). Послѣ сцены вызова Брунора поединокъ отложенъ на три дни; Брунора сопровождаютъ Astore di Mare, Lionello, Bordo, ободряетъ Briobris. Сраженный Тристаномъ Бруноръ прямо признаетъ себя побѣжденнымъ; короли-судьи пишутъ Артуру пространное письмо объ исходѣ поединка.

8. Вернувшись съ побѣдой къ своей «дружинѣ» и полѣчившись отъ ранъ, Тристанъ напоминаетъ Ленвизу обѣщаніе исполнить его просьбу и проситъ руки Ижоты для Марка. Ирландцы съ корновальцами смѣнили вражду на дружбу, веселятся; «Трыщан всю тую ноч працовал, а король мало спалъ; и назавтрее король позвалъ одного мудрого чоловѣка и поведал ему сонъ свои, што видѣлъ». Содержаніе сна не сообщается; мудрый человѣкъ отсовѣтываетъ королю отдавать дочь за Марка, ибо это грозитъ ей бѣдою, но тотъ рѣшился сдержать данное слово. Слѣдуетъ возвращеніе всѣхъ въ Ирландію и снаряженіе въ путь Изотты.

---

[1]) На этотъ эпизодъ намекаетъ позднѣе и русскій текстъ; сл. § 8.

[2]) Въ нашемъ текстѣ § 8, въ сценѣ подъ яблонею и слѣдующемъ за тѣмъ объясненіи Изотты съ Маркомъ, Бланоръ названъ «огненнымъ».

Во французскомъ романѣ распорядокъ другой: послѣ поединка Тристанъ напоминаетъ королю объ ихъ уговорѣ, который тотъ и подтверждаетъ. Затѣмъ всѣ возвращаются въ Ирландію, гдѣ ихъ принимаютъ съ восторгомъ. Король разсказываетъ о подвигѣ Тристана, который теперь въ большомъ почетѣ у ирландцевъ, чувствуетъ искушеніе добыть Изольду самому себѣ, но страшится нарушить обѣщаніе, данное дядѣ. Онъ требуетъ Изольду въ жены Марку, какъ даръ, заранѣе ему обѣщанный; король долго уговариваетъ его взять ее за себя, обѣщая вмѣстѣ и ирландское наслѣдье. Тристанъ остается твердъ. Послѣ того уже король видитъ сонъ: будто его дочь сидитъ въ чудесномъ дворцѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, и всѣ предъ нею преклоняются, когда явился Тристанъ, сбросилъ съ Изольды вѣнецъ, раздѣлъ ее до гола «et la menoit hors du palais, et tout le peuple voyoit la desloyaulté de Tristan et ne disoit mot. Mais touteffois emmenoit Yseult si honteuse et si dolente que nul ne la voyoit que il ne dist: Dieu, quel dommage de Yseult, et le roy Marc son oncle en appelloit Tristan traistre et desloyal» (f. XLI). За объясненіемъ видѣнія царь обращается a ung preudhomme.

Єнаряжая Ижоту, мать ея отозвала Говорнара и Брагиню и вручила имъ «флашу сребреную полну питья» (l. c.: vaissel d'argent plain d'ung merueilleux boire); они должны хранить его и дать напиться Марку и Ижотѣ, когда они «будут на постели»; они будутъ любиться до смерти; а остатокъ напитка пусть выльютъ, «бо если бы сѧ хто иныи того питѧ напил, много бы сѧ зла могло стати, иж сѧ то именует милостноє питє (l. c. le boire amoureux).

Для слѣдующей знаменитой сцены, какъ любовь внезапно охватила Тристана и Ижоту, я приведу in extenso соотвѣтствующій отрывокъ старопечатнаго романа[1]). И здѣсь отношенія нашего текста остаются тѣ же, какія мы могли наблюдать до сихъ поръ: онъ сходенъ, хотя не вездѣ тожественъ съ француз-

[1]) Сл. тотъ же эпизодъ по рукописи Британскаго музея у Estlander, Pièces inédites du roman de Tristan. Helsingfors. 1866, стр. 22—24.

скимъ, тогда какъ совпаденія съ Polidori ограничиваются частностями. Путники «напали парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни ѡдин не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, ѡдно правое доброе почстене. Идучи ѡни по мору, коли был третии день, Трыщан зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане злотоглавовая жупица и шата, а на Ижоте зеленого ѡксамиту санъ, а было то лѣте и былъ великии знои. Рек Трыщан: Треба ся намъ напити. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флашы милостного питя, забывшы ся, бо в коморе было много всяких судов, и далъ Трыщану, а другии далъ Ижоте». Какъ напились, «почали гледѣти ѡдинъ на другого и не мыслили ни ѡ комъ, толко ѡ собе. И сѣли яко-бы злякшы ся, Трыщан мыслил до Ижоты, а Ижота до него, а короля Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую ся, ѡткуль ми прышло то так прудко, а первеи ми того не было?... Если я милую Ижоту, то не дивно: ѡна есть намильшая речъ на свете, лѣпшое бых не могъ наити». У Ижоты являются такія же мысли. Когда Говорнаръ спохватился, что онъ сдѣлалъ, «ѡн ся злякъ и сталъ якъ забывъшы ся и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота его». Онъ передаетъ свои опасенія Брагинѣ, и оба смущены. «А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: Я тебе милую из серца. Ѡна ѡ том была велми весела и рекла Трыщану: Я не милую ни ѡдное рѣчы на свѣте якъ тебе, а ни даи Богъ поки буду жыва. Видечы то ижъ ест Ижота с нимъ ѡдное мысли, не ѡткладаючи далеи того, шли у комору и сполънили свою волю; ѡттоле на вѣки не ѡтменила ся их милость и ѡт тое милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцэра, которыи бы поднялъ толко муки для милости, колко Трыщанъ». Говоритъ Говорнаръ Брагинѣ: «Што ти ся ѡ том видит? Види ми ся, што Трыщан узял паненство Ижоте, я есми их виделъ уместе. Ѡна рекла Говорнару: Мы есмо погибли, коли ее наидеть король Марко не в паненствѣ, ѡн мусить погубити всих насъ». Говорнаръ берется помочь дѣлу. «А ѡ том Трыщанъ и Ижота не знали ничого, што ѡни то вѣдают, и не

мыслил Трыщан ничого, толко ω Ижоте, а Ижота ω Трыщане... И такъ вросла ихъ милость, ижъ не знали гакъ-бы сѧ въздержали ωдин ωтъ другого».

Предлагаемъ параллельныя мѣста французскаго романа.

(f. XLI) A tant se departent Tristan et sa compaignie, si se mettent en mer et s'en vont a grant ioye. Troys iours eurent bon vent et au quart se iouait Tristan et Yseult aux eschetz et faisoit si grant chault que trop eust Tristan soif. Si demande le vin a Gouuernail et a Brangien; ilz vont pour le apporter. Si trouuent le boire amoureux entre les autres vaisseaux d'argent dont il y auoit grant plante, par quoy ilz en furent deceuz, car ilz ne s'en prenoient garde. Brangien print la couppe doree et Gouuernail verse du boire en la couppe, qui cler estoit comme vin, et vin estoit ce voirement, mais il y auoit avecques autres choses meslees. Tristan beut toute plaine la couppe et puis commande que on en donne a Yseult, et on luy donne, et Yseult boyt. Haa Dieu, or sont en tribulation que iamais ne leur fauldra iour de vie, car ilz ont beu leur destruction et leur mort. Ce boire leur a semble bien doulx, mais oncques doulceur ne fut si cherement achaptee comme ceste sera. Leurs cueurs leur changent et leurs viaires. Si tost comme (f. XLII) ilz eurent beu, l'ung regarde l'autre tout esbahy, car or pensent autre chose qu'ilz ne faisoient deuant. Tristan pense a Yseult et elle a Tristan et oublie le roy Marc. Tristan ne pense fors auoir l'amour Yseult et Yseult ne pense que auoir l'amour Tristan. A ce se accordent leurs courages qu'ily se aymerent toutes leurs vies, et se Tristan l'ayme, ce veult elle, car a plus bel ne a meilleur ne pourroit mieulx s'amour auoir assise. Et se Yseult ayme Tristan, se veult il, car en plus belle ne pourroit auoir mys son cueur: il est tres beau et elle tres belle, il est gentil homme, et elle est extraicte de hault lignaige. Bien se peuent concorder ensemble par beaulte et par lignaige. Or quiere le roy Marc une autre royne, car ceste veult avoir Tristan et Tristan elle. Tant s'entreregarderent que chascun sent la voulente l'ung de l'autre. Tri-

stan scait bien que Yseult l'ayme de tout son cueur, et Yseult scait bien que Tristan ne la hait pas, molt est ioyeuse de ceste auenture et il est tant ioyeulx qu'il dist qu'il est le plus bieneure chevalier, qui oncques fust quant il est ayme de la plus belle damoyselle qui soit au monde. Quant ilz eurent beu le boire amoureux, Gouuernail qui recongneut le vaissel, fut tout esbahy, si est si dolent qu'il vouldroit estre mort, car or scait il bien qu'ilz en seront en coulpe luy et Brangien. Lors appelle Brangien et luy dist qu'ilz ont este deceuz par malle congnoissance. Comment? faict Brangien. Par ma foy nous auons donne a boire a Tristan et a Yseult du boire amoureux, si convient a force qu'ilz s'entreayment. Lors luy monstre le vaissel. Et quant Brangien voit que c'est verite, si dist: Mal auez exploicte, de ceste chose ne peult venir si non mal. Or nous souffrons, dist Gouuernail, si verrons a quelle fin ceste chose viendra. Brangien et Gouuernail sont en tristesse, mais ceulx qui ont beu orendroit le boire amoureux sont en lyesse. Tristan regarde Yseult si durement qu'il ne desire fors qu'elle, et Yseult ne desire fors que Tristan. Tristan luy descouure son couraige et luy dist qu'il l'ayme plus que riens, et Yseult luy redit, que aussi fait elle. Que vous diray ie? Tristan voit que Yseult accorde a sa voulente faire et ilz sont touz deux seul a seul, qu'ilz n'ont nul destourbier ne paour ne d'ung ne d'autre. Il fait d'elle ce qu'il veult et luy tolle le nom de pucelle. En tel lieu comme ie vous compte cheut Tristant en l'amour de Yseult, si que oncques puis nul iour ne s'en departist ne autre n'ayma ne autre ne congneut. Et par ce boire qu'il beut eust il puis tant de trauail et peines, que puis ne deuant ne fut cheualier qui tant souffrist de pouretez pour amour de femme comme Tristan fist pour l'amour d'elle. Gouuernail parle Brangien et luy demande qu'il luy semble de Tristan et de Yseult, et il luy dist qu'il luy sembloyt qu'ilz eussent eu affaire ensemble et que Tristan a Yseult depucelee sans doubte, ie les veiz gesir ensemble. Le roy Marc le honnira quant il ne la trouuera telle comme elle deust estre, il se (le?) fera

destruire et nous (vous?) avec qui la deussiez garder. Or ne vous esmayez, dist Gouuernail, puis que ainsi est, je vous en cheuiray bien, laissez m'en convenir, car sachez que ie feray tant que ia n'en serons blasmez. Dieu le vueille, dist Brangien».

Буря заноситъ Тристана къ одному изъ Дольнихъ острововъ (les Loingtaines Ysles), «а пан ихъ ест Галиωт прынчыпъ, а то была его ωтчызна, иные земли и панства побрал своею добротю; а тогды был Анцолот в однои земли, котораѧ сѧ зоветъ Сорениоисъ» (f. XLII: et en estoit sire Galehault le filz a la belle Geande, mais il n'estoit a l'heure en ce pays et estoit au royaulme de Soreloys auecques mon seigneur Lancelot du Lac). Узнавъ отъ морнаровъ (l. c. mariniers), что городъ на томъ островѣ — Плачевный (далѣе Плачный) городъ (l. c. le chasteau de Plour), Тристанъ не желалъ бы приставать къ нему, ибо знаетъ его злой обычай (l. c. mauuaises coustumes). Въ это время подошли къ берегу шесть вооруженныхъ человѣкъ, объявляютъ пріѣзжихъ своими плѣнниками и велятъ идти въ городъ. Тристанъ совѣтуется съ дружиной, спрашиваетъ Изотту: что дѣлать, уступить или защищаться? Дѣлай, какъ хочешь, отвѣчаетъ она, и Тристанъ рѣшается на первое. Ихъ привели въ домъ съ множествомъ «коморокъ» (l. c. a ung trop beau pre entre deux tours et si y auoit de molt belles chambres), обведенный твердою стѣной, гдѣ уже были другіе плѣнники. Всѣ печальны; на другой день Тристанъ узнаетъ отъ одного изъ пришедшихъ къ нимъ шести рыцарей, что изъ этой темницы никто не выходитъ, провожая «в слезахъ вси дни свои, и длѧ того сѧ зовет Плачныи город.... але коли бы нашол сѧ витезь велми высокого серца и рыцэрства (l. c. de tres haulte proesse et qu'il fust bon cheualier oultre mesure), а пани крашеи нашое пание, а прыехали бы ωба посполе, то бы были нам господары, а тыє бы мусили померети, которым мы служыли». Тристанъ обрадованъ этою вѣстью, вызывается выдержать испытаніе; рыцарь идетъ оповѣстить объ этомъ властителя острова, а авторъ объясняетъ намъ, почему тотъ городъ названъ былъ Плачный: «бо поставленъ злыми за-

коны в тыє лета, коли Иωсифъ пошол у великиє краины (en la grant Bretaigne, f. XLIII) прыказанєм Господа нашого Исуса Хрыста и ωбратил был множество люду на хрестѧнскую вѣру. А коли слышалъ, иж тыє Долниє ωстровы полны людъства, Иωсифъ послал там набожныхъ людеи (во фр. текстѣ идетъ самъ Іосифъ) ωбрачати къ богу народ, и ωбратили вси тыє ωстровы кромѧ ωдного ωстрова, которыи сѧ зоветъ Ѡрашы (isle au Geant). И тамъ мало было иныхъ людеи, толко ωрашы (ib. pource qu'il n'y habitoit sinon geans), а пан ихъ былъ ωрашец, и мѣл дванадцать сынов, и вси были ωрашцы (ib. geans). Коли хрестѧне прышли в тот ωстров, тогда был государъ тому ωстрову именемъ Давлитесъ (l. c. Dyalethes), и былъ нѣякъ ранен ωт медьведѧ дикого (l. c. une beste sauuaige) и тутъ ωткинул сѧ ωт Иωсифа крещениѩ». — Французскій романъ досказываетъ пропуски русскаго: Dyalethes, раздосадованный проповѣдью Іосифа, обратившаго въ христіанство его сыновей, предаетъ смерти и ихъ, и всѣхъ его послѣдователей; на костяхъ христіанъ построенъ этотъ замокъ и введенъ злой обычай: что всякій пріѣзжій рыцарь обязанъ биться съ хозяиномъ замка и, коли побѣдитъ его, отрубить ему голову, водвориться на его мѣстѣ и то же дѣлать относительно всякаго новаго пришельца; если явится дама и захочетъ вступить въ состязаніе въ красотѣ съ женою властителя и окажется красивѣе ея, исходъ тотъ же; не желающіе состязаться на вѣкъ осуждены томиться въ заключеніи. — Когда Brunor le pere Gallehault прибылъ изъ Ирландіи и завоевалъ этотъ островъ, «trouua leans une geande la plus belle dame du monde qui n'auoit pas plus de douze ans. Il geut auec la dame et l'engendra (то-есть, Gallehault), qui toutes terres conquist et mist en sa subgection. Celluy s'en partit du chasteau de Plour, car il n'y voulut oncques demourer quant il vit qu'il luy conuiendroit maintenir les mauuaises coustumes apres la mort de son pere et demourer illec toute sa vie en seruaige. Si luy aduint si bien qu'il fut loue et prise sur tous princes apres le roy Artus». (f. XLIII).

Когда рыцарь донесъ Брунору о корновальскихъ витязѣ и дамѣ, желающихъ состязаться съ нимъ и его женою, онъ велитъ позвать «тыхъ, которые маютъ судити и смотрѣти». Тристана выпустили, своего имени онъ не говоритъ, красота Изотты возбуждаетъ общее удивленіе — и сожалѣніе объ участи, предстоящей хозяйкѣ острова. Явившись къ мѣсту поединка, Бруноръ и его жена, при видѣ Изотты, смущены, судьи съ великимъ плачемъ объявляютъ ее побѣдительницей въ красотѣ, предупреждая, что ей можетъ предстоять та же участь, если явится красивѣйшая ея. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Бруноръ сраженъ, но не хочетъ отдать Тристану свой мечъ — ни сказать: «Побит есми. Рек Бруноръ: То быхъ был злыи чоловѣкъ, коли бых рекъ то своимъ езыком, што-б было з моею легкостю; не дай того бог до моее смерти, котораѧ ест близко мене (f. XLIV: a oultre ie ne me tenrois pour rien, car si ie disoye que ie fusse oultre, ie mentiroye. Celluy est oultre, qui par sa mauuaistie dit chose qui a honte luy tourne, mais celluy qui iusques a la mort se combat et qui en mourant garde son honneur, celluy est cheualier et doist estre tenu pour preudhomme, et en telle maniere ie mourray, car i'ay tant souffert contre toy, qui es le meilleur cheualier que ie trouuasse, que ie sens la mort au cueur). Рекъ Трыщан: Чуеш ли сѧ на томъ, што можешъ жыв-быти? Рек Бруноръ: Твои ми мечъ ни ѡдного продлуженѧ не далъ, вжэ естъ конец близко; если ми не верышъ, тепер же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу». По требованію обычая, Тристанъ еще обязанъ отрубить голову «Бруноровицѣ»; онъ дѣлаетъ это съ отвращеніемъ, но ему говорятъ: «Не тобѣ то ганба, але тым, которые тотъ закон учынили». Тристанъ съ Изотою вступаютъ во владѣніе островомъ, законъ котораго клянутся блюсти впредь [1]). Между тѣмъ сестра Галіота (Delice), опечаленная смертью отца и матери, положила ихъ головы (l. c. le corps de son pere et le

[1]) Во французскомъ романѣ Тристану объявляютъ, что по закону онъ не можетъ выходить изъ замка, гдѣ его помѣстили, развѣ для боя съ пріѣзжимъ рыцаремъ.

chef de sa mere) въ одну «судину» (l. c. nef.) и отправляется искать брата. — Слѣдуетъ во французскомъ романѣ длинный эпизодъ (f. XLV), опущенный русскимъ: о плѣнѣ Ланцелота у Морганы, которая его ненавидитъ за любовь къ нему Жиневры. Фея плѣнитъ его, подмѣниваетъ его кольцо, полученное имъ отъ Жиневры, другимъ, а то отсылаетъ къ Артуру какъ обличеніе преступной связи его жены съ Ланцелотомъ: послѣдній будто бы умеръ и на смертномъ одрѣ во всемъ сознался. Разсказъ посланной не вызвалъ довѣрія; рыцари сомнѣваются въ его правдивости и отправляются на поиски за Ланцелотомъ; въ числѣ ихъ Galehaut — Галіотъ, съ которымъ и встрѣчается его сестра.

Здѣсь снова примыкаетъ русская повѣсть: встрѣтивъ Галіота, сестра говоритъ ему о бѣдѣ, постигшей ихъ семью отъ руки Тристана. Галіотъ знаетъ, что вина не Тристана, а тѣхъ «злыхъ законовъ» (l. c. mauuaise coustume), но обѣщаетъ отмстить. Пока они поѣдутъ въ Сореилоисъ (l. c. Soreloys), гдѣ похоронятъ тѣла отца и матери. Прибывъ «к ѡному граду, у которомъ былъ король из Стома витези», (французскій романъ: оный градъ — chasteau l'enchanteur, гдѣ le roy des cent cheualiers... seiournoit pour une playe l. c.), Галіотъ разсказываетъ, какая «великаꙗ легкост и жалост» (l. c. il m'est durement mescheu) съ нимъ сталась, хочетъ одинъ, съ однимъ рыцаремъ и двумя пахолками» (escuyers f. XLVI) отправиться на бой съ Тристаномъ, а королю велитъ пойдти по морю съ военною силой (пѧть сотъ тисечъ воиска—l. c. cinq cens que cheualiers que sergens) подъ Плачный городъ, «хочу сказити тые злыє законы». Король напрасно старается отговорить его отъ опаснаго боя съ Тристаномъ[1]); похоронивъ головы отца и матери въ одномъ «клѧшторѣ», снаря-

[1]) Въ рѣчи короля оригиналъ (=французскій текстъ) не былъ понятъ. Король говоритъ: «ѡставъ тую битву с Трыщаномъ, а коли єго наидешъ *ласкою*, ѡнъ, видевъ такую твою *жалост*, ѡнъ самъ прыимет на себе тую *помсту*; а если *вы* два будете на поли, если тѧ ѡн не преможе, сотни ми главу»—f. XLVI: querons icelluy monseigneur *Lancelot du Lac*, car ie scay bien que si tost comme il scaura vostre *courroux*, il emprendra pour vous ceste bataille. Et s'il ne vous venge de Tristan, ie vueil que vous me destruisez moy et mon lignaige».

дившись и взявъ оброю «велми добрую и мѣчъ, которыи был Анъцолот дал», Галіотъ лишь угрозой смерти побуждаетъ «морнаровъ» (l. c. mariniers) отвезти его въ Плачный городъ, гдѣ тотчасъ же объявляетъ, что пріѣхалъ биться, сдержать законъ страны. «А Трыщанъ был у вышнемъ замку (l. c. roche au Geant) со Ижотою и з Говорнаром и з Брагинею у великом веселю» (l. c. maine glorieuse vie). Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничого, ѡдно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тое имъ нецство было велми сладко и мешкали ѩко-бы в бога (l. c. Yseult... ne demande autre soulas ne autre paradis ne Tristan aussi), а не поменули ѡ королю Марку а ни ѡ Корновали». Когда рыцарь приходитъ объявить ему о предстоящемъ поединкѣ, Тристанъ готовъ, думаетъ, что то пріѣхалъ Ланцелотъ; Говорнару пришла та же мысль, и онъ отговариваетъ Тристана биться, но тотъ радъ «покуситься съ нимъ»; «для смерти не треба ся боѧти, вѣдаеш ты сам, мистре, иж мы завжды на том» (f. XLVI car a mourir auons nous tous). Онъ успокоиваетъ Ижоту[1]); ночью приходитъ вѣсть о нападеніи короля «над Сту витези», которые побили Тристановыхъ людей, «и мы перед ними не могли терпети и дали сѧ есмо у их руки. И мы есмо, пане, у их руках, и ѡни сут из Коръелонѧ (выше: Сореилоисъ — f. XLVI Sorelois), люди Галиѡта прынчыпа».

Когда на слѣдующее утро на мѣстѣ поединка Тристанъ узнаетъ отъ Галіота, съ кѣмъ онъ будетъ биться, онъ воздаетъ хвалу Богу, что его противникомъ будетъ «наболшыи витезь ѡт света», «цвѣт добротам и храбръством (f. XLVII: la fleur de toute cheualerie), паном пан»[2]). Въ битвѣ оба сознаютъ обоюдную силу; «ѡни сѧ оба силили указуючы ѡдин другому свое витезь-

---

[1]) «И в том страху стоѩли, а Галиѡт ѡ томъ ничого не вѣдал» — f. XLVI: et s'ilz sceussent que ce fust Gallehault, ils demenassent ioye.

[2]) Къ переводу: Тристанъ радъ, что съ нимъ будетъ биться Галіотъ, «могучы поставити сто тисеч воиска на поли зброиныхъ зъ сулицами. *Конец тых рѣчеи пустилъ сѧ ѡдин къ другому.* Сл. f. XLVII: bien pert que il a bon cueur quant luy qui a plus de cent mille hommes dessoubz luy ne daigne mettre contre moy fors que son corps. *A tant laissent courre l'ung vers l'autre.*

ство, а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшъ,ниж сама себе; коли ѡн прыимал таковые ударцы, ѡна была блѣда и дала-б весь светъ, абы ѡн был здоров и простъ ѡт тое битвы; коли Галиѡт билъ Трыщана, тогды ѡн на коленах падал, а Ижота прыимала ударцы въ сэрце свое и была блѣда, ѥкъ папуга, а коли Трыщан Галиѡта билъ и поле єму брал, а Ижота была велми весела и румѧна»[1]). — Галіотъ начинаетъ изнемогать, когда показывается король надъ Сту витезями. Увидѣвъ его, Галіотъ кричитъ Тристану: ты погибъ, теперь я отомщу тебѣ за отца и мать. Тристанъ не вѣритъ, чтобы его противникъ прибѣгнулъ противъ него къ чужой помощи, говоритъ, что невиновенъ въ смерти его родныхъ; «а даю ти сюю битву за добытую, и пусти мѧ з моею дружыною свободне. Зле-м вчынилъ, иже-мъ добыл меча против тебе, напротивъ болшого пана и набольшого витезѧ, а то бог вѣ, же того не мовлю длѧ страху абых сѧ боѥл смерти. И прыступил, дал єму меч». Галіотъ не только прощаетъ ему свой гнѣв, но и принимаетъ въ пріязнь: ты «витез єси большыи, нижли ѥ, и нѣт тобѣ друга на свете», говоритъ онъ и останавливаетъ нападеніе короля надъ Сту витязями, которому превозноситъ храбрость Тристана: вотъ еслибъ имѣть его съ собою вмѣстѣ съ Ланцелотомъ! — Всѣ отправляются въ замокъ Ѡрашъ, гдѣ Галіотъ и Тристанъ лѣчатся отъ ранъ, тогда какъ люди короля надъ Сту витязями[2]) бьются съ жителями острова, искореняя законъ, который тѣ защищали. Отпуская Тристана, Галіотъ выражаетъ ему желаніе видѣть его у себя: пусть отвезетъ

---

[1]) l. c. Yseult n'est pas ayse, car elle voit souuent que Galehault surmonte Tristan. Le cueur luy fault et tous les membres et pert bien qu'elle ayme Tristan. Quand elle voit que Galehault fiert sur Tristan, elle tremble tout de paour. Mais au dernier elle se rasseure, car elle vit que Galehault en auoit le pire. Сл. f. L (битва Тристана съ Паламедомъ): Quand elle (то-есть, Yseult) voit Palamedes ferir sur Tristan, si luy est bien aduis qu'elle reçoiue les coups.

[2]) Въ текстѣ, очевидно, по ошибкѣ, король названъ Артіушемъ. Выше (стр. 159) въ описаніи перваго турнира въ Ирландіи, мы удалили такую же ошибку, объяснивъ ее пропускомъ: «король Іанишъ изъ Локви, а другии король Артиуш з Лонъдреша, [а третій король], который мѣлъ въ себѣ сто рыцэров».

невѣсту дядѣ, а затѣмъ пріѣдетъ къ нему «у королевство сиреломское» (f. XLVII: en la grant Bretaigne), «а ꙗ ти обецую сѧ ꙗкъ витезь, бо есми не король, тыэ панства и земли мое, што есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абых мѣлъ з вами двема товарышство, а вы со мною; ꙗ быхъ большого богатества не хотелъ». Тристанъ обѣщается и сильно опечаленъ, когда вскорѣ послѣ того ему принесли вѣсть о смерти Галіота. Пока Галіотъ пишетъ королевѣ Веливерѣ (Genievre) письмо, въ которомъ сообщаетъ ей о «попсованьи злыхъ законовъ» и о храбрости Ланцелота и Тристана; кто изъ нихъ большій рыцарь — онъ не знаетъ (f. XLVII: que en ce monde ne auoit que deux cheualiers et deux dames: Lancelot et Tristan, la royne Genieure et Yseult). «Коли Веливера тот лист прочла, было еи велми вдѧчно и рекла: Мило бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут было ѡ Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ час былъ ѡнъ з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогды, коли Милиенец королѧ Бана и Бендемагулъ прыехали у двор королѧ Артиуша и добыл королевую Веливеру въ опецэ Кенишевои столника и повел ее у Лондрешъ». Сл. f. XLVII: a ce point estoit Lancelot du Lac hors du sens et ce fust deux ans deuant que Meleagant emmenast la royne Genievre quant il la conquist contre Keux le seneschal, et puis alla Lancelot apres et la conquist et la ramena [1]).

Во французскомъ романѣ Тристанъ привозитъ Изольду въ Корнуаль, и Маркъ втайнѣ не радъ его пріѣзду, котораго никакъ не ожидалъ. Въ русскомъ текстѣ всѣ въ радости и веселіи; наступаетъ брачная ночь, Ижота смущена, проситъ Брагиню занять ея мѣсто на ложѣ [2]). Въ брачный покой являются, кромѣ молодыхъ, Говорнаръ и Брагиня, Трыщанъ тушитъ свѣчи: таковъ обычай въ Ирландіи, объясняетъ онъ королю: «коли хочет

---

[1]) Аллюзія на увозъ Жиневры, ѣхавшей въ сопровожденіи Keu, Meleagant'омъ (сл. Chrestien de Troyes, Conte de la Charete).

[2]) Во французскомъ текстѣ самъ Тристанъ проситъ Gouvernail'я и Brangien помочь дѣлу, а Gouvernail указываетъ Brangien, какъ поступить.

великии панъ на першую ночъ лечы с панною, свѣчы угашают, абы сѧ панна не стыдила. И мене мати ее заклела и ꙗ сѧ еи такъ ѡбецалъ». Въ это время Брагиня заняла мѣсто Ижоты, которая смѣняетъ ее позже. На другое утро Марко благодаритъ Тристана, «казал прывести всѧкиє гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы... Видечы панны такое веселье, танцовали горотинскии танец за доброт пану Трыщану»[1]). Онъ смотритъ на Ижоту, она на него, и кромѣ Говорнара и Брагини никто не зналъ, что между ними было[2]).

Однажды приходитъ къ Марку витезь, доноситъ ему, что «милуеть Трыщан Ижоту телеснымъ учынком», и что они обѣщали другъ другу сойдтись «у первую сторожу ночы у городец за сѣнми». Марко, желая о томъ довѣдаться, уѣзжаетъ, велѣвъ Тристану остаться, но тотчасъ же вернулся, «ушол у городецъ и възлѣзъ на ꙗблонь. А тогды была ночь месечна и длѧ того не могъ скрыти теню своего». Тристанъ видитъ ее, даетъ понять Ижотѣ; ставъ передъ нею на колѣни, онъ проситъ ее отвести отъ него гнѣвъ короля Марка, которому донесли будто бы онъ, Тристанъ, любитъ Изоту; онъ хочетъ удалиться, «мышлю поити по мору и по суху». Изота отвѣчаетъ ему въ томъ же стилѣ и обѣщаетъ убѣдить Марка въ несправедливости навѣта. Они расходятся, Маркъ успокоился, увѣренъ, что на племянника наклепалъ ему рыцарь, оскорбленный Тристаномъ, когда хотѣлъ воздержать его отъ поединка съ Ящоромъ и Марганоромъ[3]). На

---

[1]) Во французскомъ текстѣ нѣтъ описанія празднествъ.

[2]) Слѣдующихъ далѣе эпизодовъ: о свиданіи Тристана и Изольды подъ деревомъ и о снѣ Марка нѣтъ во французскомъ текстѣ, прямо переходящемъ къ разсказу, какъ Изотта задумала извести Брагиню. Сл. эпизодъ подъ деревомъ въ версіи Béroul'я (Franc. Michel, Tristan, t. I, стр. 3 и слѣд.), у Eilhardt'а v. 3331—3764; въ отрывкахъ Томаса (Fr. Michel, l. c., t. II, стр. 126, v. 775 и слѣд.), въ Tristamsaga'ѣ c. LIV—V (стр. 68, 20—70, 4), Sir Tristram v. 2014—2167 и у Готфрида Страсбургскаго v. 14224—15051.

[3]) Сл. выше стр. 170. Въ слѣдующемъ далѣе краткомъ упоминаніи эпизода о сватовствѣ есть новыя подробности противъ предыдущаго разсказа: Тристанъ присталъ «под замокъ Дамолотъ в лонъдрышъском кролевстве въ держанью королѧ Демагулѧ (?)», когда въ Дамалотѣ (Camalot) царитъ Артіушъ. Городъ Ленвиза названъ Біѧнъ.

другой день Изота объясняется съ мужемъ, но тотъ говоритъ, что навѣтамъ на Тристана не вѣритъ и разсказываетъ ей свой сонъ: «Было ѡдно панство велми хороше, и на немъ была выросла ѡдна рожа велми пекна, а на неи были цвѣты велми красны; и говорыли витези: То будет панство доброе дла тое красное рожы. И говорылъ пан того панства: Панство мое, але рожа не моıа; хтоколвек ѡзмет цвѣт ѡт рожы, будеть ему рожа. И многие рыцэры прыеждчали у тое панство, и каждыи рыцэр хотѣл того цвѣта ѡт тое рожы, и нихто не мог взати цвѣта ѡт рожы; и прышолъ ѡдин витезь и простер руку к тои рожы и ѡтналъ ѡдин цвѣтъ ѡт рожы. И рекли ѡные витези: То ест диво, ıакъ долго не могъ нихто ѡтнати цвѣта ѡт тое рожы, а сесь рыцэр скоро прышол и взалъ цвѣт ее. А тот витез был велми веселъ ѡ тои рожы, а коли еще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не мог болшъ уфатити. И в тот час прочутилъ са есми ѡт сна. Ижота рекла: Пане, мнѣ са видит, которыи витез взал цвѣт ѡт тое рожы, его будеть и рожа». Между тѣмъ у нея явилось подозрѣніе, не съ умысломъ ли разсказалъ ей свой сонъ король Маркъ и не проговорилась ли ему Брагиня? Она хочетъ извести ее: когда Тристанъ былъ въ отъѣздѣ, посылаетъ ее въ лѣсъ собрать зелій для ранъ, а двумъ хлопамъ, ее сопровождавшимъ, велитъ убить ее. Когда пріѣхали они «в чыстые дубровы», хлопы раздумались: «Таа панна много послужыла пану Трыщану у граде Биıану у Ѡрлендэи, ѡна ест мудра и хитра; споведаимо мы то еи, чого для поехали есмо, может-ли то ѡна вчынити, ıако быхмо были просты ѡт карности и ѡна ѡт смерти?» Они открываются ей, а она велитъ привязать себя къ одному дереву на распутіи: тамъ всегда много лютыхъ зверей, пусть они разорвутъ ее; «а дла того рекла, иж мало того, штобы не былъ витез пры том дереву». Хлопы поступаютъ по ея приказанію; въ это время проѣзжаетъ «красный Паламидежъ Ануплитичъ», узнаетъ Брагиню; вѣрно Тристана нѣтъ въ живыхъ, что такая участь ее постигла, говоритъ онъ; она проситъ отвязать ее отъ дерева и объясняетъ иносказательно, чѣмъ она проступилась

передъ Изотой: «пошла есми зъ своею госпожею з ωдного кролевства у другое, ωна понесла свои ωдинъ цвѣтъ, а ꙗ мои другии цвѣт, и ходили есмо морем и сухом; идучы по мору пани моꙗ утопила свои цвѣт, а ꙗ свои не втопила, и ωна поставила мои цвѣт, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми сѧ тоє зло стало». Паламидежъ проситъ ее послужить ему, какъ она служила Тристану; они ѣдутъ въ Корноваль, гдѣ останавливаются на «господѣ» рыцарской; Паламидежъ не велитъ пока сказывать своего имени и очень обрадованъ, когда узналъ, что Тристана нѣтъ дома. Три прохожія дѣвушки говорятъ между собою, что Маркъ велѣлъ всѣлъ рыцарямъ и дѣвушкамъ собраться во дворецъ. Это онъ обо мнѣ будетъ спрашивать, говоритъ Брагиня и указываетъ Паламидежу часъ и время, когда идти ко двору. Маркъ объявляетъ: «Хто бы мог вѣдати ꙗкою смертью згибла дѣвка Брагинѧ, ꙗ быхъ єго даровалъ велмы много, а хто-бы ее сповѣдал живую, за што бы его рука сѧгнула, то бы сѧ єму не заборонило». Паламидежъ играетъ съ королемъ въ шахматы на условіи: «которыи з насъ выиграет, по што сѧ єго рука хватит, нехаи собѣ ωзмет». Паламидежъ выигралъ, напоминаетъ королю о его обѣщаніяхъ; когда онъ подтвердилъ ихъ, Паламидежъ велитъ привести Брагиню, а себѣ проситъ въ даръ Ижоту. Маркъ велитъ ей снаряжаться, чтобъ ѣхать съ Паламидежемъ; она одѣвается тихо, поджидая Тристана. Паламидежу она говоритъ: «Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновалского, ωн велел мене тобѣ дати, ты самъ ведаєшъ, што єси служыл у моего ωтца тры годы длѧ мене, не могъ єси мене выслужыти, але коли мѧ єси досталъ так борздо у королѧ Марка, подмо ув-ωную цэрков и клeним сѧ богом, абы не ωставил ωдин другого до смерти». Изота входитъ въ церковь первая, «а были в тои цэръкви ремѧныє лѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тых лѣствицахъ до ωкна верхънего, и коли была у ωкне, узволокла лѣстницу к собе». Когда вошелъ Паламидежъ и проситъ ее сойдти, она совѣтуетъ ему удалиться, чтобъ не застали его рыцари Марка, «которые поехали у ловы». Паламидежъ не

хочетъ объ этомъ слышать, а Ижота уже завидѣла Тристана; у него былъ обычай, куда бы ни ѣхалъ, всегда заѣзжать въ церковь. Снова говоритъ Изота Паламидежу: Поѣзжай съ богомъ, витязь на тебя ѣдетъ; нѣсколько разъ напоминаетъ она ему о томъ, а тотъ отвѣчаетъ: будь одинъ витязь, будь ихъ три, десять, я безъ тебя не уѣду. «Не тры, не два, ѡдинъ Трыщан едеть», кричитъ Изота, и Паламидежъ пускается бѣжать; Тристанъ не поспѣлъ за нимъ на усталомъ конѣ, входитъ въ церковь, «виделъ цудную Ижоту и розгнѣвал сѧ велми, а не хотѣлъ длѧ Паламидежа пытати, ѡдно рек: Всѧдь, пани, на конѧ и едмо до королѧ Марка». Тутъ онъ узнаетъ, что самъ Маркъ отдалъ ее Паламидежу. «А по тыхъ речах поехал ѡт цэркви пан Трыщанъ со Ижотою»....

Во французскомъ романѣ эпизодъ о Брагинѣ слѣдуетъ непосредственно за свадьбою Марка; Изольда просто боится, чтобы Brangien «me la descouure» (f. XLVII). Иносказательный апологъ о цвѣткѣ[1]) разсказываетъ Brangien не Паламеду, а «хлопамъ», которые, привязавъ ее, уходятъ, послѣ чего Паламедъ является на крикъ Brangien. Способъ, какимъ онъ выманилъ Изольду у Марка, иной: Изольда крайне жалѣетъ о смерти Brangien, о которой ей донесли: «elle vouldroit auoir donné tout ce qu'elle a au monde et elle ne fust point morte» (f. XLVIII). Однажды она проѣзжаетъ мимо кустовъ (broces l. c.), въ которыхъ спрятался Паламедъ, и горько плачетъ объ утратѣ Brangien; когда тотъ предлагаетъ ей привести къ ней послѣднюю, она говоритъ: «il n'est rien que ie ne vous donnasse pour auoir Brangien» (l. c.). Паламедъ ѣдетъ въ монастырь (abbaye), гдѣ пріютились Brangien, привозитъ его ко двору, а Маркъ заставляетъ Изольду

[1]) У Эйльгарта и въ той редакціи преданія, на которую намекаетъ Raimbaut d'Orange (у Sudre'a, l. c., стр. 546; сл. Muret, l. c., стр. 309) въ апологѣ Брангіены вмѣсто цвѣтка является сорочка: будто-бы мать Изольды дала ей и Брангіенѣ передъ отъѣздомъ по сорочкѣ, съ наказомъ дочери — надѣть ее въ первую брачную ночь; сорочка Изольды оказалась разорванной и испоротой, и она попросила Брангіену ссудить ей свою.

исполнить обѣщаніе, данное рыцарю. «Don» состоитъ — въ самой Изольдѣ, которую огорченный царь и принужденъ уступить Паламеду. Тристанъ былъ въ то время на охотѣ; никто изъ рыцарей не рѣшается пуститься въ погоню за похитителемъ, кромѣ Lambegues, nepveu du roy Farien (f. XLIX), пріѣхавшаго къ Изольдѣ лѣчиться отъ ранъ; Паламедъ сбрасываетъ его съ коня, но пока бьется съ нимъ, Изольда бѣжитъ, хочетъ утопиться; проѣзжій рыцарь везетъ ее къ одной башнѣ, гдѣ она будетъ въ безопасности, а самъ ѣдетъ предупредить Тристана. Узнавъ отъ рыцаря, что Изольда спрятана, Паламедъ убиваетъ его и ѣдетъ къ башнѣ; Изольда кричитъ ему изъ окна: Пусть убирается, не то вернется Тристанъ и будетъ у него съ нимъ передѣлка. Вернувшись ко двору, Тристанъ узнаетъ объ увозѣ Изольды, вмѣстѣ съ Говерналемъ ѣдетъ слѣдомъ за похитителемъ, о которомъ узнаетъ отъ раненаго Lambegues, и бьется съ Паламедомъ подъ стѣнами замка, гдѣ скрылась Изольда. Она разнимаетъ ихъ, а Тристанъ возвращается съ нею къ Марку.

Пространному эпизоду, нами пересказанному, отвѣчаютъ у Polidori стр. 113—154. Сватовство Тристана, сонъ короля и его объясненіе, какъ во французскомъ текстѣ (на стр. 115—116 помѣщено, по извѣстной книгѣ di messer Gaddo, иносказательное толкованіе видѣнія). Любовный напитокъ хранится въ uno piccolo bottaccino d'ariento (сл. русскій текстъ). Лишнее: мать Изотты, Lotta, велитъ для себя устроить изображеніе дочери, на память о ней. На пятый день плаванія Тристанъ и Изотта играютъ въ шахматы (описанія костюма нѣтъ); относительно дѣйствія любовнаго напитка прибавлено: Идонія, собачка Изотты, подлизавшая вылитые остатки напитка, не только не покидала никогда Тристана и Изотту, но и околѣла на ихъ гробѣ, а Говерналь и Брандина, только ощутивъ его запахъ, никогда не измѣняли своей привязанности къ нимъ. Сцена между Тристаномъ и Изоттой на кораблѣ разсказана иначе, чѣмъ въ предыдущихъ текстахъ. Островъ названъ della Malvagia Uzanza (вар. delli Gioganti), Castello del

Proro (= Ploro)[1]); какъ во французскомъ романѣ разсказъ о происхожденіи злого обычая вложенъ въ уста одного рыцаря и представляетъ тѣ же подробности (Dialantes = Dialethes) съ нѣкоторыми отличіями: Brunoro lo Bruno, отецъ Galeotto, занесенъ былъ бурей на островъ, e combattè a messer Mago conte, nipote di Dialantes, che era a quel tempe sire di quest' isola, e a lui e a sua dama egli tagliò la testa; e appresso tagliò la testa a un altro cavaliere che ci arrivò, ch'era di Gaules, e sposòe sua dama per la più bella che quella di messer Mago; ей имя Bagotta. Во время поединка Изотта молится; ея молитва (напечатанная какъ стихи) — воззваніе къ Іисусу Христу, дѣянія котораго пересказываются въ порядкѣ времени. Жители обязываютъ Тристана, въ силу обычая, не только отрубить голову Баготтѣ, но и жениться на Изоттѣ; онъ говоритъ, что она назначена въ жены другому; ты обязанъ былъ бы жениться на ней, еслибъ она была твоею дочерью, говорятъ они ему: «poi voi apresso siete savio: farete quello che ve ne piaceràe di fare». Дочь Брунора — Dalis; она встрѣчаетъ Galeotto около Castello delle Incantatrici (нѣтъ эпизода французскаго романа: о Ланцелотѣ въ плѣну у Морганы и т. п.); головы отца и матери они похоронили nella badia di Lanorio (вар. Lanerio). Бой Галеотто съ Тристаномъ представляетъ отличія: нѣтъ подробности, что Изотта «принимаетъ удары въ сердце»; отпуская Тристана, Галеотто не зазываетъ его къ себѣ; узнавъ, что онъ везетъ Изотту въ жены Марку, онъ говоритъ ему: E tanto vi dico, che se voi la menate, se in prima non sapete s'ella sente d'amore, io v' appello cavaliere Perdiventura; Артуру онъ пишетъ о всемъ, совершившемся на островѣ Гигантовъ, съ похвалами Тристану, что̀ внушаетъ Ланцелоту желаніе

[1]) Сл. староиталіанскій Conto de Bruno e di Galeoto suo fillio (сл. Conti di antichi cavalieri, ed. Pasquale Papa, въ Giorn. storico della letteratura italiana, fasc. 8, 1884, p. 216—217), вѣроятно, извлеченный изъ какого-нибудь текста романа о Тристанѣ: Castello de Plor. Какъ и въ русскомъ текстѣ, мать и сестра Галеотто не названы; отпуская Тристана, онъ беретъ съ него слово, что, отвезя Изотту, онъ вернется къ нему въ «Sorlois, perchè esso volea luj e Lancelocto insieme avere».

познакомиться съ нимъ, отправившись въ Корнуаль. Возвращеніемъ Тристана Маркъ недоволенъ; слѣдуетъ сцена брачной ночи. Нѣтъ ни эпизода съ яблоней, ни сновидѣнія Марка; онъ такъ часто бесѣдуетъ съ Брандиной о нравахъ и обычаяхъ Ирландіи, что у Изотты является подозрѣніе противъ нея, и она рѣшается ее погубить. Дальнѣйшее, какъ во французскомъ текстѣ; его Lambegues'у отвѣчаетъ Sagris, безыменному рыцарю — Guirlandot. Тристанъ отвозитъ Изотту къ мужу.

9. Въ послѣдней своей части русской текстъ романа, какъ уже было замѣчено нами, радикально расходится какъ съ французскимъ, такъ и съ рецензіей Полидори. Разница ощущается и въ планѣ, и въ подробностяхъ. Обыкновенно разсказывается, что, освободивъ Изотту отъ Паламидеса, Тристанъ везетъ ее къ Марку; слѣдуютъ тайныя свиданія любовниковъ, подозрѣнія и открытія Марка, удаленіе Тристана, изгнаніе его вмѣстѣ съ Изоттой и возвращеніе, все это переплетенное цѣлымъ рядомъ другихъ приключеній; наконецъ женитьба Тристана на второй Изоттѣ. Любовь къ первой съ этимъ не угасла, раненый смертельно Тристанъ умираетъ, вмѣстѣ съ нимъ и Изотта, жена Марка. Въ русской повѣсти порядокъ почти обратный: Тристанъ тотчасъ удаляется съ Изоттой, освобожденной отъ Паламидежа, и лишь въ самомъ концѣ романа возвращается съ нею къ мужу; о женитьбѣ на второй Изоттѣ ничего не сказано, а только о турнирѣ, ею созванномъ, на которомъ бьется и раненъ Тристанъ. Онъ проситъ Марка прислать къ нему жену, полечить его, что тотъ и дѣлаетъ. «И не вѣм, єсли с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль ω нем писано».

Чѣмъ вызванъ былъ такой распорядокъ содержанія, устранившій цѣлый рядъ популярнѣйшихъ и иногда поэтическихъ разсказовъ о тайныхъ свиданіяхъ Тристана съ Изольдой и о козняхъ Марка — можно бы объяснить особою постановкой эпизода о Паламидесѣ. Въ западныхъ текстахъ, разобранныхъ нами, сама Изотта, необдуманнымъ обѣщаніемъ дара, вызвала свой увозъ, Маркъ принужденъ отпустить ее, но опечаленъ необходимостью;

въ этой постановкѣ легче представить себѣ ея непосредственное возвращеніе, чѣмъ въ планѣ русскаго разсказа, гдѣ самъ Маркъ проигралъ жену, хотя и незная того, и Изотта имѣетъ право сказать Тристану: «Не годит ми сѧ ехати икъ королю, ижъ ме ѡтдал Паламидежу». Вслѣдствіе этого и ея возвращеніе къ мужу могло быть удалено; стоило только обратить въ дѣйствительность, что̀ во французскомъ текстѣ явилось предположеніемъ. Сл. f. LI: освобо́дивъ Изотту, Тристанъ говоритъ ей: Dame, vous scavez bien que nous ne pouons departir l'ung de l'autre; se le roy Marc le scait, il nous fera honnir, si conseilleroye que nous nous en aillissions en l'hostel du roy Artus ou en autre lieu. La ne aurons nous garde de luy si userons nostre vie en ioye. Но Изотта отвергаетъ этотъ планъ; въ русскомъ текстѣ онъ ей принадлежитъ и приводится въ исполненіе: они ѣдутъ къ Артуру, какъ предлагалъ Тристанъ во французскомъ романѣ, Тристанъ мѣряется храбростью съ Ланцелотомъ, Изотта красотою съ Жиневрой. И это предусмотрѣно въ романѣ f. L—LI: разнимая противниковъ, Тристана и Паламеда, Изотта велитъ послѣднему поѣхать ко двору Артура et me saluez la royne Genieure de par moy et luy dictes qu'il n'y a au monde que deux cheualiers et deux dames, moy et elle, et son amy et le mien, et se le mien eust repaire en la grant Bretaigne, il fust bien autant prise d'armes comme le sien, et se nous estions ensemble elle et moy, ie feroye aux dames iuger de noz deux beaultez et des bontez de noz deux amys.

Принадлежитъ ли такое измѣніе плана сербскому (русскому) пересказчику, или его оригиналу — мы попытаемся отвѣтить на это далѣе; въ связи съ нимъ стоитъ распредѣленіе вины между дѣйствующими лицами: она тѣмъ сильнѣе на сторонѣ Марка, что вслѣдствіе перетасовки плана любовныя шашни Тристана и Изольды отпали сами собою и впечатлѣніе ихъ виновности не усиливается повтореніемъ ихъ тайныхъ свиданій и любовныхъ ухищреній. Вслѣдствіе этого ихъ любовь, во внѣшнемъ нравственномъ смыслѣ, является какъ будто чище, роковая страсть Тристана нераздѣльнѣе, ибо вторая Изотта ему не жена.

Такъ или иначе объяснить себѣ новый распорядокъ разсказа, вѣрно то, что онъ долженъ былъ повліять и на распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ границахъ измѣнившагося плана. Почти всѣ эпизоды послѣдней части русской повѣсти находятся и въ ея источникѣ, но размѣщеніе другое и много смѣшеній.

Далѣе мы пересказываемъ содержаніе остальной части французскаго романа и версіи Polidori, останавливаясь подробнѣе лишь на эпизодахъ, важныхъ для нашего текста, которые отмѣчаемъ буквами въ виду слѣдующихъ сближеній.

Audret доноситъ Марку о связи Тристана съ Изольдой; Маркъ застаетъ ихъ вмѣстѣ, хочетъ убить Тристана, но промахнулся; Тристанъ наноситъ ему ударъ мечемъ плашмя, отчего тотъ падаетъ, а самъ удаляется съ нѣкоторыми рыцарями въ лѣсъ. Очнувшись, Маркъ идетъ съ вооруженною силой къ дому Тристана, желая отмстить ему; узнавъ, что онъ въ лѣсу, пугается: теперь не будетъ выходу изъ города ни ему, ни кому другому. Audret обѣщаетъ Марку залучить Тристана: по его совѣту король пишетъ ему извинительное письмо и проситъ вернуться. Brangien, посланная съ письмомъ, предупреждаетъ Тристана, чтобъ онъ не слишкомъ довѣрялся. — Lamoral de Galles посылаетъ ко двору Марка зачарованный рогъ, испытующій вѣрность женъ[1]. — Уловка Audret'а уличить Тристана (лезвея, des faulx, поставленныя въ спальнѣ Изольды, которыми долженъ былъ порѣзаться Тристанъ) не удается. — Маркъ запрещаетъ, по совѣту Audret, входить кому бы то ни было изъ мужчинъ въ покой Изольды; дѣвушка (по имени Basille), любовь которой отвергнута Тристаномъ, говоритъ Audret'у, что Тристанъ можетъ проникнуть къ Изольдѣ изъ сада черезъ окно; Audret вмѣстѣ съ нѣкоторыми рыцарями даетъ ему пройдти къ своей милой и поджидаетъ его; Тристанъ, предупрежденный Brangien, расправляется съ засадой и успѣваетъ уйдти. — Маркъ запираетъ жену въ башню, гдѣ Тристанъ посѣщаетъ ее, переодѣтый женщиной;

[1]) Объ этомъ мотивѣ сл. Golther, l. c., стр. 20.

они схвачены и обречены на наказаніе, но бѣгутъ и вмѣстѣ съ Говерналемъ и damoyselle Изольды, qui auoit nom Lamide (f. LVIII), поселяются въ ung riche manoir qui fut a la sage damoyselle (l. c.), а рыцарей, какіе при нихъ были, отсылаютъ къ Артуру съ поклономъ Ланселоту и Lamoral. Въ отсутствіи Тристана Маркъ увозитъ жену; Тристанъ возвращается домой, раненый ядовитою стрѣлой, не найдя Изольды, предается горю. Его рана опасна; узнавъ о томъ, Brangien совѣтуетъ ему ѣхать en la petite Bretaigne[1])

а) къ королю Houel, дочь котораго, Yseult aux blanches mains, вылѣчила его рану. Онъ женится на ней, но брака не совершаетъ: его мысли у «красной Изольды» (la bloye), жены Марка; тайну своей страсти онъ повѣряетъ пріятелю, брату жены, Kahedin (Polidori: Ghedino, Gheldino), который предлагаетъ сопутствовать ему въ Корнуаль. Италіанскій текстъ прибавляетъ, что по разсказамъ Тристана Ghedino заочно влюбился въ его милую[2]); французскій — помѣщаетъ передъ отъѣздомъ

---

[1]) Отличія текста Polidori, стр. 154 слѣд.: Тристанъ и Изотта у Марка; одна donzella Изотты, отвергнутая Тристаномъ, сообщаетъ Adrette свои подозрѣнія относительно связи Тристана съ королевой. Неудачная уловка Adrette (лезвея въ спальнѣ Изотты); эпизодъ съ Amorotto di Gaules; заставъ Тристана у жены, Маркъ запираетъ ее въ башню. Далѣе разсказъ тотъ же до похищенія жены Марка. Раненаго ядовитою стрѣлою Тристана Брандина лѣчитъ, съ дозволенія короля, въ замкѣ di Cornazim. Однажды, задумавшись объ Изоттѣ, Тристанъ не отвѣтилъ на привѣтствіе проѣзжаго рыцаря и принужденъ вступить съ нимъ въ бой, который оканчивается признаніемъ: то былъ Ланцелотъ, нарочно пріѣхавшій, чтобы познакомиться съ Тристаномъ. Ланцелотъ миритъ его съ королемъ, тѣмъ не менѣе Маркъ продолжаетъ злоумышлять противъ племянника, подсылаетъ къ нему убійцъ, но успокоивается, увидѣвъ однажды, что, предупрежденный Брандиной о его посѣщеніи, Тристанъ спитъ не съ Изоттой, а съ Ланцелотомъ. Разсказъ переходитъ на время къ послѣднему, котораго въ Gioiosa Guardia осадилъ Артуръ, заставшій его вдвоемъ съ Жиневрой; Тристанъ явился на помощь Ланцелоту, устраиваетъ его примиреніе съ королемъ и, вернувшись въ Корноваль, ѣдетъ, по совѣту Брандины, въ Petitta Brettagna.

[2]) Во французскомъ текстѣ, f. LXXXII, онъ влюбляется въ нее, когда видитъ ее при дворѣ Марка: et tout incontinent que Kahedin veit Yseult, si l'ayma si durement que oncques puis son cueur n'en partit deuant la mort.

нѣсколько эпизодовъ, недостающихъ у Polidori; я остановлюсь на одномъ изъ нихъ.

b) Тристанъ, Изольда и Kahedin катаются по морю; буря заноситъ ихъ къ «pays du seruage», гдѣ великанъ Nabon le noir держалъ въ рабствѣ всѣхъ, кто приставалъ къ скалистому берегу. Тристанъ находитъ здѣсь Lamoral'я, Segurades'а и другихъ людей изъ Logres. Великанъ хочетъ отпраздновать военными играми посвященіе своего сына въ рыцари: бой палицами (bastons) при щитахъ. Lamoral побѣждаетъ одного норгальца, но самъ побѣжденъ великаномъ, вызывающимъ новаго противника. Вызывается Тристанъ, который и объявляетъ свое имя (f. LXV—LXVI): Certes, dit Nabon, or suis ie plus ioyeulx que deuant quant ie te tiens en ma prison: ce ieu n'est pas ieu de l'espee, plus te doubtasse que ie ne feray, si te vueil monstrer que aussi comme Tristan est le meilleur cheualier du monde, aussi est Nabon le noir le meilleur escremisseur du monde. Or te garde meshuy, car ie te ferray se ie puis nom pas iusques a la mort. Mais hardiement m'occiez de cest ieu se vous pouez, fait Tristan, que vous en scauez tant, car ie vous dis bien que ie vous feray se ie puis. Et Nabon dit que de ce se gardera il bien. A tant commence l'escremye Tristan et ne monstre pas qu'il en sache tant pource qu'il veult que le geant s'abandonne a luy. Et le geant s'abandonne a luy qui ne s'apperçoit pas comme Tristan se va faignant et cuide que Tristan ne saiche riens ainsi comme il luy est aduis. Tristan s'en va destournant une heure ça une heure la, si que le geant le fiert ung petit, mais il ne luy fist nul mal. Et puis dit Tristan: Or sachez que ie te eusse bien blece se i'eusse voulu. Ce sçay ie bien, dist Tristan, or me garderay ie mieulx une autreffois. Lors recommencent a gecter et Tristan dit: Nabon, garde toy mieulx que tu n'as faict, car saches que ie te feray se ie puis. Et Nabon dist qu'il se garderoit bien et qu'il ne fait que geter petis coups pour monstrer au peuple quelle courtoisie il faisoit a Tristan, combien qu'il scauoit de l'escremye plus que luy. Tristan si voit bien qu'il est temps de mener a fin

ce qu'il pensoit, si haulce le baston et fiert le geant parmy la teste, si qu'il chet a terre tout estourdy et ne scet s'il est iour ou nuyt. Alors gecte ung grant plaint et dist: Haa, Tristan, tu m'as occis. Se m'aïst Dieu, dist Tristan, vous mourrez se Dieu plaist, ainçois que vous m'eschappez. Lors recouure et luy donne ung si grant coup qu'il l'occist. Всѣ, находившіеся въ рабствѣ у великана, освобождены. Назначивъ властителемъ области Segurades'a, Тристанъ возвращается въ Малую Британію. — Слѣдуютъ во французскомъ текстѣ приключенія Lamoral'я, затѣмъ рыцаря à la cotte mal taillée; лишь послѣ этого разсказъ переходитъ къ Тристану — и къ согласію съ италіанскимъ текстомъ: Brangien приноситъ Тристану письмо отъ Изольды, приглашающее его вернуться; онъ ѣдетъ съ Kahedin, будто бы вызванный по дѣлу въ Leonnoys; буря заноситъ ихъ «pres de la forest Darnantes» (ит. Dernantes, Andernantes), ou la damoyselle du lac avoit emprisonne Merlin» (f. LXXVI), гдѣ какая-то дѣвушка (въ италіанскомъ текстѣ: Elergia) держитъ въ волшебномъ плѣну Артура, котораго безуспѣшно ищутъ рыцари его двора. Въ этомъ лѣсу происходитъ рядъ приключеній: Тристанъ бьется, между прочимъ, съ Keux le seneschal (ит. Chieso), который, не зная Тристана, глумится надъ корнуальскими рыцарями, но сбитъ Тристаномъ (позднѣе въ италіанскомъ текстѣ Ланцелотъ смѣется надъ Chieso: Ты думалъ, что Тристанъ испугается твоихъ словъ?). — Тристанъ освобождаетъ Артура.

За возвращеніемъ Тристана къ Марку слѣдуетъ въ италіанскомъ текстѣ эпизодъ съ «яблоней» (ит. pino), помѣщенный нашимъ текстомъ ранѣе. Новая хитрость Марка: между постелью своей жены и Тристановой, онъ велитъ посыпать полъ мукою, чтобы можно было по слѣдамъ узнать непрошеннаго посѣтителя. Тристанъ скачетъ со своего мѣста на ложе Изотты, при этомъ у него лопнули отъ натуги жилы на рукѣ, кровь осталась на полу и на постели. Маркъ хочетъ сжечь жену, но напередъ подвергаетъ ее испытанію Божьимъ судомъ; слѣдуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ эпизодовъ Тристановой легенды: Тристанъ, пере-

одѣтый юродивымъ, обнимаетъ Изотту, а она клянется, что никто, кромѣ этого юродиваго, ея не касался[1]). Одинъ навѣтчикъ совѣтуетъ Марку изгнать Тристана и Изотту изъ царства, чтобы заразъ освободиться отъ печали; они поселяются въ одномъ замкѣ и спятъ, положивъ промежъ себя обнаженный мечъ. Дѣлали они это потому, что то мѣсто было не безопасное; Маркъ, застающій ихъ спящими, толкуетъ мечъ, какъ знаменіе чистоты ихъ отношеній и съ честью возвращаетъ ихъ къ себѣ[2]).

Всего этого нѣтъ во французскомъ романѣ въ указанной связи: освободивъ Артура, Тристанъ ѣдетъ въ Корнуаль, и слѣдуетъ эпизодъ любви Kahedin'а (ит. Ghedino) къ Изольдѣ, параллельно съ соотвѣтствующимъ разсказомъ у Полидори. Я сообщаю его лишь въ общихъ очертаніяхъ: Kahedin пишетъ Изольдѣ любовное письмо; она отвѣчаетъ ему уклончиво и мягко, какъ будто обнадеживая, но лишь затѣмъ, чтобы не опечалить его. Письмо это попадаетъ въ руки Тристану, который, убѣжденный въ невѣрности Изольды, удаляется въ пустынный лѣсъ, одичалъ, живетъ какъ юродивый, изступивъ изъ ума. Здѣсь находитъ его Маркъ и ведетъ въ городъ, не узнаннаго; Изольда ухаживаетъ за нимъ, но когда онъ выздоровѣлъ, Маркъ высылаетъ его изъ Корнуаля.

Далѣе содержаніе французскаго и италіанскаго романовъ снова расходятся. Первый разсказываетъ объ отъѣздѣ Тристана въ Logres, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Dinadans, бьется противъ тридцати рыцарей, которыхъ Morgain поставила въ засадѣ, чтобъ

---

[1]) Сл. мои Славянскія Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 23—25 и прим. 1 на стр. 25; Lutoslawski, Les folies de Tristan, въ Romania № 60; Golther, l. c., стр. 13—15, 85 слѣд., 99; H. von Wlisłocki, Die Episode des Gottesgerichtes in «Tristan und Isolde» unter den transilvanischen Zeltzigeunern und Rumänen, въ Zeitschrift f. vergl. Litteraturgeschichte I, стр. 457 и слѣд.

[2]) Мотивъ меча, положеннаго между спящими на постели, знакомый Béroul'ю и Eilhart'у (сл. Muret, l. c., стр. 337—8; Golther, l. c., стр. 24, 118), Sarrazin (l. c. стр. 263, 270) считаетъ почему-то германскимъ. Онъ столь мало германскій, что встрѣчается напр. и у кабардинцевъ. Сл. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, VI, стр. 99.

убить Ланцелота. Слѣдуютъ подвиги Тристана на турнирѣ при Chasteau aux Pucelles. Не узнанный никѣмъ, онъ скрывается; рыцари Артура ѣдутъ искать его, находитъ Ланцелотъ. Маркъ отправляется въ Logres съ цѣлью убить Тристана; Артуръ миритъ ихъ и обязываетъ Марка не злоумышлять противъ племянника по пріѣздѣ въ Корнуаль, куда оба и отправляются. Тристанъ побѣдоносно отражаетъ нападеніе Sesnes, но Маркъ заключилъ его въ темницу, изъ которой его освобождаютъ Perceval и жители Leonnois, а въ темницу посаженъ самъ Маркъ.

Вмѣсто всего этого италіанскій текстъ даетъ такія подробности:

c) При rocca del Dianfer Тристанъ бьется съ исполиномъ Lucano lo Grande; первымъ выѣзжаетъ противъ исполина, вооруженнаго палицей, спутникъ Тристана, Dinadano; тотъ «sì lo prende per lo nasale del'elmo e lievalo di sul suo cavallo e leggiermente lo ne porta in verso la rocca».

d) Послѣ нѣкоторыхъ другихъ приключеній Тристанъ пріѣзжаетъ въ замокъ Медеи (Medeas); всякій, желавшій обладать ею, обязанъ былъ биться съ тѣмъ, кто въ то время пользовался ея любовью, и лишь убивъ его, вступалъ въ его права. Медея и ея сестры (Lavina, Agnena, Bresenda и Pulizena) были самыя распутныя женщины въ свѣтѣ, дочери «della bella suora d'Amore, la quale discese de la gentile reina Calistra (вар. Talistre), la quale fue reina dello regno Femminoro, capo e membro di lussuria» (Thalestris Александровыхъ романовъ) [1]).

Слѣдуютъ новыя приключенія и эпизодъ

e) объ одной дамѣ, волшебницѣ (la quale molto sapeva delle sette arti), по имени Escorducarla (вар. Ascherducola, Eschonducola); узнавъ, что одинъ изъ рыцарей Артура убилъ ея че-

---

[1]) Сл. сходный эпизодъ въ Méraugis de Portlesguez y G. Paris, Les romans, стр. 226—7, и въ одномъ прозаическомъ текстѣ старофранцузскаго Мерлина, изданномъ обществомъ des anciens textes français (Merlin, roman en prose du XIII-e siècle publ. par G. Paris et Jacob Ulrich, Paris 1887), t. II, стр. 44—57. Сл. G. Paris, l. c., стр. 237 и 172—3 (эпизодъ изъ Guinglain).

тырехъ сыновей, а самъ король отрубилъ голову ея дочери Elergia'и (сл. выше, стр. 198), она пишетъ своему брату Lasancis (вар. Lancisse, Asancis, Lasencis, Asencis), «il quale dimorava nella rocca della Ancisa de l'Isola Riposta nello mare Uziano», поручая ему свою месть. Тотъ отказывается за старостью, но она даетъ ему зачарованное оружіе, которое не беретъ никакое другое; копье, которое не погнется, если даже будетъ въ употребленіи въ теченіи цѣлаго года, съ такимъ остріемъ, что стоитъ только коснуться имъ противника, и онъ будетъ сбитъ. Такъ онъ сразитъ всѣхъ рыцарей Артура, запретъ ихъ во дворецъ и сожжетъ, а жителей Камелота предастъ смерти. Lasancis отправляется; рыцари (Артуръ, Ланцелотъ и др.) сражены одинъ за другимъ и заперты; Жиневра въ сообществѣ четырехъ дѣвушекъ ѣдетъ искать Тристана въ Tintoille, встрѣчаетъ его на границѣ Гаскони al castello di Barfonalle, не узнаетъ его (онъ мѣнялъ свои insegne), спрашиваетъ о немъ его самого, и когда онъ открылся ей, говоритъ о своемъ горѣ. Они отправляются вмѣстѣ; на пути отшельникъ сообщаетъ Тристану тайну вооруженія Lasancis'а и не велитъ биться съ нимъ на копьяхъ. Прибывъ въ Камелотъ, Тристанъ распоряжается, чтобъ убрали всѣ копья и дротики, какіе находились въ городѣ и, явившись на поединокъ съ желѣзной палицей въ рукахъ, говоритъ о себѣ Lasancis'у, что онъ юный рыцарь, не привыкшій къ турниру, къ тому же копья ему негдѣ взять, и онъ проситъ биться съ нимъ на мечахъ или палицами. Lasancis гордо снисходитъ къ его просьбѣ, дивится ударамъ противника, которые оружіе его выдерживаетъ, соглашается повторить бой на утро, но забываетъ на мѣстѣ свое копье. Когда онъ хватился его, было уже поздно; въ слѣдующемъ поединкѣ онъ сбитъ Тристаномъ и говоритъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Тристанъ запираетъ его на всю жизнь, а волшебное оружіе велитъ прокалить въ огнѣ, чтобы оно не попало въ руки кому-нибудь другому.

Послѣ этого Тристанъ возвращается въ Корноваль, посѣщаетъ Изотту подъ видомъ священника; ихъ застаютъ вмѣстѣ

и заключаютъ порознь. Является Prezzivalle, бьется съ Маркомъ, который въ свою очередь посаженъ въ тюрьму.

Сойдясь снова, оба текста

f) заставляютъ Тристана и Изольду ѣхать въ Logres. Во французскомъ романѣ (l. II, f. LXIIII) Тристанъ наѣзжаетъ подъ Joyeuse Garde на шатры Артура и его рыцарей, сбиваетъ многихъ изъ нихъ, но узнанъ лишь однимъ Ланцелотомъ, который приглашаетъ ихъ къ себѣ въ Joyeuse Garde. Желая увидѣть Тристана и Изольду, Артуръ назначаетъ турниръ deuant le chasteau de Louseph. — Италіанскій текстъ здѣсь подробнѣе: Тристанъ ѣдетъ съ Изоттой въ Gioiosa Guardia къ Ланцелоту, одѣтый монахомъ; Ланцелотъ выѣхавшій искать его, ибо до него дошли слухи, что Тристанъ въ заключеніи, не призналъ его въ монахѣ, на спутницу котораго заглядывается. Она краше Изотты и Жиневры, онъ удивляется, что монахъ водитъ ее съ собою, когда у него можетъ отнять ее любой рыцарь; навязывается къ нимъ въ спутники, гонитъ монаха прочь, желая завладѣть его дамой. Слѣдующій за тѣмъ бой кончается признаніемъ противниковъ, которые ѣдутъ вмѣстѣ; Тристанъ не велитъ о себѣ сказывать. Ланцелотъ проѣзжаетъ впередъ, находитъ Артура и его дворъ въ шатрахъ передъ городомъ; затѣмъ является и Тристанъ, требуя поединка, сбиваетъ Galvano, Mordarette, Agravano и другихъ; всѣ ждутъ, что Ланцелотъ отмститъ за пораженіе товарищей, а онъ подъѣзжаетъ къ Тристану и вмѣстѣ съ нимъ и Изоттой отправляется въ Gioiosa Guardia. — Позднѣе, узнавъ, что то были Тристанъ и Изотта, и желая ихъ видѣть, Артуръ сзываетъ турниръ al bel ciastel del Verzeppe.

Послѣ турнира, гдѣ Тристанъ показалъ чудеса храбрости, лишь италіанскій текстъ говоритъ, что

g) Ланцелотъ поѣхалъ искать своего сына, рожденнаго отъ дочери dello re Pilles Pescaor.

Слѣдуетъ тамъ и здѣсь бой Ланцелота съ Brunor le Noir (Brunor lo Bruno), которому Тристанъ ссудилъ свое оружіе, вслѣдствіе чего Бруноръ за него и принятъ. Въ слѣдующей за-

тѣмъ войнѣ между ирландцами и норгальцами Тристанъ и Ланцелотъ находятся на разныхъ сторонахъ; Артуръ миритъ ихъ.

Дальнѣйшія приключенія Тристана я сообщаю уже въ порядкѣ италіанскаго текста; французскій представляетъ здѣсь другую редакцію и лишь небольшое количество параллелей.

h) Оставивъ Изотту въ Камелотѣ, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ; встрѣча съ древнимъ рыцаремъ: ему болѣе 170 лѣтъ; онъ оказывается della Tavola Vecchia, по имени Sigurans lo Bruno,... cavaliere Agragone (вар. Agrone), lo più forte combattitore che avesse lo re Uterpandragone in sua corte. Тристанъ хочетъ съ нимъ помѣриться, и тотъ, узнавъ его имя, согласенъ. Оба падаютъ съ коней и сознаются, что никогда не испытали такого удара, а Ланцелота Sigurans сбиваетъ съ коня. Онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ, но они ѣдутъ далѣе; впослѣдствіи они узнаютъ о его смерти отъ паденія съ лошади.

Дама Озера залучила въ волшебный дворецъ Тристана и Изотту, Ланцелота и Жиневру. Освободившись оттуда и вернувшись въ Камелотъ, Тристанъ отсылаетъ Изотту въ Gioiosa Guardia въ сопровожденіи Аморольда и Паламидеса; позднѣе ему доносятъ, что Паламидесъ остался у Изотты, хотя онъ пробылъ въ Gioiosa Guardia всего одинъ вечеръ. Тристанъ смертельно ревнуетъ къ нему.

i) Разсказывается о рожденіи сына Ланцелотова, Galeazzo или Galasso, о появленіи его при дворѣ Артура, который, провидя грядущее запустѣніе Круглаго Стола, когда всѣ витязи увлекутся поисками за Святымъ Гралемъ, сзываетъ, въ воспоминаніе древняго рыцарства, турниръ, на которомъ Galasso сбиваетъ, между прочимъ, и Ланцелота. — Вскорѣ затѣмъ на турнирѣ al Castello di Ferelois, онъ снова сбиваетъ Тристана и Ланцелота и удаляется тайкомъ; они ѣдутъ искать его.

j) Въ боѣ съ великанами Ланцелотъ раненъ и остается въ одномъ аббатствѣ, а Тристанъ ѣдетъ дальшѣ, встрѣчаетъ въ Valle Ombrosa Паламидеса, которому не отвѣчаетъ на поклонъ. Тотъ смущенъ, и предупреждая вызовъ, самъ вызываетъ Три-

стана: ему лучше смерть, чѣмъ жизнь въ постоянномъ страхѣ; поединку быть на утро у petrone di Merlino. Тристанъ явился, Паламидеса нѣтъ; вмѣсто него пріѣзжаетъ Ланцелотъ, искавшій Тристана. Тотъ вызываетъ его на бой, принявъ за врага. Признаніе совершается во-время. — Во французскомъ романѣ этому эпизоду отвѣчаютъ два: изъ нихъ одинъ разсказанъ раньше (l. II, f. XX слѣд.): Тристанъ освобождаетъ Паламеда отъ нападенія десяти рыцарей, сбиравшихся убить его, но узнавъ кто онъ, вызываетъ его на поединокъ «au perron Merlin»; Паламедъ не могъ явиться въ назначенное время «car il fut emprisonne dedans le terme» (f. XXI); вмѣсто него противникомъ Тристана является Ланцелотъ; бой происходитъ въ присутствіи Говерналя. — Другой сходный эпизодъ слѣдуетъ за войной между ирландцами и norгальцами и миромъ, устроеннымъ между Тристаномъ и Ланцелотомъ. Тристанъ отправляется въ Joyeuse Garde вмѣстѣ съ Паламедомъ; въ лѣсу онъ подслушиваетъ lay, который Паламедъ сложилъ и пѣлъ про Изольду, и вызываетъ его на бой. Паламедъ не вооруженъ и назначаетъ поединокъ черезъ недѣлю, deuant la fontaine du pin, но на этотъ разъ Тристанъ не могъ явиться потому что былъ раненъ (l. II, f. CXVI слѣд.) [1]).

k) Ланцелотъ и Тристанъ ѣдутъ далѣе; у входа въ Valle Scura надпись на столбѣ запрещаетъ идти далѣе иначе, какъ не вооруженными и ведя коней въ поводьяхъ: въ замкѣ Derudicanoro (вар. Derundighanoro) властвуетъ lo cavalier Fellone, магъ, у котораго силъ было въ пять разъ больше, чѣмъ у всякаго, сражающагося съ нимъ. Онъ сбиваетъ Тристана съ коня, а Ланцелота беретъ въ плѣнъ; очнувшись, Тристанъ рѣшается во

---

[1]) Анонимный авторъ «Cantare quando Tristano e Lancielotto conbatetero al petrone Merlino», изданнаго проф. Райной (Scelta di curiosità letterarie № CXXXV), слѣдовалъ, по его мнѣнію, не тексту Tavola Ritonda, а компиляціи Rusticien de Pise (сл. стр. L и слѣд. введенія), либо ея итальянскому переводу (ib. стр. LVI), одинъ текстъ котораго былъ напечатанъ Tassi, Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa (Firenze, 1855). Сл. у Tassi стр. 55 и слѣд.

что бы то ни стало освободить товарища; дама верхомъ на конѣ предупреждаетъ его о волшебной силѣ Fellone: пусть пойдетъ въ такую-то часовню и поклянется передъ распятіемъ никогда болѣе не грѣшить съ Изоттой, а при всякомъ ударѣ противника говоритъ: Христе распятый, помози мнѣ; всякій разъ у мага убудетъ сила одного человѣка. Тристанъ побѣждаетъ Fellone, но головы ему не срубаетъ, ибо тотъ говоритъ, что только онъ одинъ можетъ освободить своихъ узниковъ. За то Тристанъ не выпускаетъ его изъ рукъ: когда невидимая рука приноситъ ему обѣдъ, онъ садится на Fellone и ѣстъ, ложась спать кладетъ его себѣ въ изголовье. Онъ слышитъ голосъ Брандины и Изотты, зовущей его къ себѣ, забывшись бѣжитъ къ другой постели, стоявшей въ покоѣ; въ это время раздается громъ, постель охвачена пламенемъ, Fellone, притворившійся мертвымъ, хватаетъ Тристана, но тотъ призвавъ имя Распятаго, отрубаетъ ему правую руку и велитъ поклясться, что онъ крестится, отпуститъ всѣхъ узниковъ и станетъ держать замокъ отъ имени короля Артура [1]).

l) Тристанъ и Ланцелотъ пріѣзжаютъ al castello di Cologia. гдѣ видятъ много рыцарей-сарацинъ; графъ Sebio (вар. Sabio, Sabbio) объявилъ турниръ: который рыцарь при одномъ лишь оруженосцѣ побѣдитъ его и его сто рыцарей, тому онъ даетъ руку своей дочери и замокъ. Никто изъ людей замка не пригласилъ къ себѣ пріѣзжихъ, только одинъ старый, бѣдный рыцарь позвалъ ихъ къ себѣ; его сынъ и дочь прислуживаютъ имъ. Ночью Тристанъ надумался, какъ бы наградить гостепріимнаго хозяина, и рѣшаетъ выйдти на турниръ, чтобы добыть руку дочери графа для сына рыцаря. Ланцелотъ съ этимъ согласенъ; онъ выступитъ въ качествѣ рыцаря, Тристанъ въ роли его оруженосца. Ланцелотъ бьется съ графомъ и убиваетъ его; глянулъ, а Тристанъ отдыхаетъ. Что это ты дѣлаешь? спрашиваетъ онъ его; а тотъ уже успѣлъ расправиться съ своими противни-

---

[1]) Сл. у G. Paris, Les romans, l. c., стр. 80, эпизодъ объ Escanor'ѣ (= Derudicanoro?) въ Le cimetière périlleux.

ками, другихъ запугать, такъ что они его не безпокоятъ. Тристанъ и Ланцелотъ женятъ хозяйскаго сына (которому дали имя: Sire Ricevi Ventura) на дочери графа, а сына графа (котораго прозвали: Sire Dona Avventura) на дочери хозяина.

m) Ланцелотъ и Тристанъ уѣзжаютъ и разъѣзжаются, первый въ поиски за Святымъ Гралемъ, Тристанъ къ Изоттѣ. По дорогѣ, вызванный на поединокъ, онъ убиваетъ Lucanoro и далѣе, не зная того, останавливается въ замкѣ его отца, которому одинъ конюшій говоритъ, что его гость и есть убійца его сына. У Тристана похищаютъ мечъ, связываютъ его и обрекаютъ на смерть; когда его вывели на казнь, проѣзжаетъ Паламидесъ; въ началѣ онъ радъ Тристановой невзгодѣ, но слова Тристана его образумили: не честь ему будетъ, если онъ не поможетъ рыцарю въ бѣдѣ. И вотъ онъ проситъ хозяина замка отпустить Тристана, и когда тотъ не соглашается, нападаетъ на него и убиваетъ; Тристанъ также освобождается отъ узъ и бьется на сторонѣ Паламидеса, который говоритъ ему: Еслибы я явился къ petrone di Merlino, ты бы теперь погибъ; онъ объясняетъ ему неосновательность его подозрѣній, они дружатся, и Тристанъ ѣдетъ въ Gioiosa Guardia.

Слѣдуютъ: приключенія Prezzivalle, Bordo и Galasso въ поискахъ за Святымъ Гралемъ; Маркъ осаждаетъ Артура въ Камелотѣ, но отбитъ; онъ похищаетъ Изотту и отправляетъ ее въ Корноваль; услышавъ о томъ, Тристанъ падаетъ какъ мертвый, сѣтуетъ и ѣдетъ совершенно забывшись, не слышитъ вызова messer Chienso и падаетъ съ коня отъ его удара; узнавъ, что это Тристанъ, Chienso опечаленъ; Тристанъ прощаетъ ему. — Поединокъ Тристана съ Astore di Mare; встрѣча съ дѣвушкой, съ которою fata Morgana посылала Марку отравленное копье — на смерть звѣрю, то-есть, Тристану. Подъѣзжаетъ Breus, спрашиваетъ Тристана, подъ его ли охраной та дѣвушка; получивъ утвердительный отвѣтъ, вызываетъ его на бой и, побѣжденный, проситъ Тристана и подъѣхавшаго Astore заѣхать въ его замокъ.

n) У Бреуса дама Галіена, которую изъ ревности онъ никому

не показываетъ, почему въ свой замокъ не пускалъ рыцарей, а всѣхъ дамъ считалъ распутными. Пріѣхавъ къ себѣ съ гостями, онъ не велитъ говорить, что у него есть дама, спрашиваетъ пріѣзжихъ объ ихъ имени; Astore не называетъ Тристана, но въ немъ самомъ Бреусъ призналъ своего врага, о чемъ и говоритъ племянницѣ: не будь другого рыцаря, онъ съ нимъ бы теперь расправился. Дѣвушка идетъ къ гостямъ и забавляетъ ихъ игрой на арфѣ; Тристанъ беретъ у нея арфу, играетъ еще лучше и затѣмъ исполняетъ sonetto, сложенный имъ, когда онъ узналъ объ увозѣ Изотты изъ Gioiosa Guardia. По игрѣ дѣвушка признаетъ въ немъ Тристана[1]), въ чемъ тотъ не сознается; узнавъ о томъ Бреусъ, допрашиваетъ Тристана, но онъ обѣщаетъ назвать себя лишь при разставаніи. На другой день, когда гости выѣхали изъ замка, Бреусъ поднимаетъ мостъ и задвигаетъ входъ, ибо, объясняетъ онъ, всякій влюбленный рыцарь ему врагъ и онъ таковому не довѣряетъ.

Слѣдуетъ рядъ приключеній, въ которыхъ выступаетъ Тристанъ и Ланцелотъ, Astore и Breus; Тристанъ въ Корновалѣ, посѣщаетъ Изотту переодѣтый дѣвушкой. Она и Тристанъ видятъ сонъ, предвѣщающій ихъ смерть. Они играютъ въ шахматы и поютъ сонетъ, сложенный Изоттой; Adrette слышитъ это и доноситъ Марку, который черезъ окно бросаетъ въ Тристана копьемъ Морганы. Простившись съ Изоттой, Тристанъ ѣдетъ al castello Dinasso; всѣ средства противъ раны тщетны, Изотта горюетъ, Маркъ доволенъ, но зная, что Тристану не избѣжать смерти, онъ разжалобился и по просьбѣ племянника дозволяетъ ему свидѣться съ его милой. Онъ обнимаетъ ее, и они умираютъ вмѣстѣ. Маркъ опечаленъ; когда любовниковъ похоронили, изъ гробницы выросла виноградная лоза: одинъ ея корень въ сердцѣ Тристана, другой въ сердцѣ Изольды[2]). Сагреморъ

---

[1]) Сл. сходную сцену французскаго романа (l. II, f. CIII): дѣвушка играетъ и поетъ lais въ присутствіи Тристана; затѣмъ играетъ онъ самъ; она узнаетъ его по игрѣ.

[2]) Сл. объ этомъ мотивѣ Golther, l. c., стр. 27—29; 71, 119, и замѣтки Gaidoz'a и Psichari въ Mélusine IV, стр. 12 и 60—62.

приноситъ вѣсть объ ихъ смерти въ Камелотъ; Маркъ наказанъ тѣмъ, что его сажаютъ въ башню возлѣ Тристановой гробницы, гдѣ онъ и умираетъ. Романъ (стр. 524 слѣд.) кончается разсказомъ о томъ, какъ разрушенъ былъ Круглый Столъ.

Разсказъ редакціи Polidori о смерти Тристана отъ руки Марка свойственъ французскому прозаическому роману за исключеніемъ ркп. № 103 и ея старопечатнаго отраженія [1]). Здѣсь за эпизодомъ о не состоявшемся поединкѣ Паламеда съ Тристаномъ говорится (l. II, f. CXVII): En ce temps que Tristan et Yseult estoient en la Joyeuse Garde fut entreprinse la queste du Saint Graal. Tristan se mist en la queste et en fut compaignon, et par ce eut le roy Marc Yseult et en fist le roy Artus la paix et fut le roy Marc deliure de prison [2]). Тристанъ отправляется въ Малую Британію, гдѣ Kahedin, братъ Тристановой жены, уже умеръ отъ безнадежной любви къ Изольдѣ, а другому, Runalem'y (№ 103: Ruvalen; изд. 1520 г.: Runalen), Тристанъ помогаетъ проникнуть къ любимой имъ Gorgeolain (№ 103: Gargeolain), женѣ Bedalys'a. Разсказъ объ этомъ прерывается двумя другими: о войнѣ Тристана съ графомъ Нантскимъ и о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ Корнуаль и въ образѣ юродиваго (sot) видѣлся тамъ съ Изоттой. Послѣдній мотивъ, сохраненный, какъ мы видѣли, италіанскимъ текстомъ, здѣсь полузабытъ и, очевидно, не у мѣста, хотя онъ находится въ той-же связи уже у Эйльгардта [3]), находился, стало быть и въ общемъ источникѣ послѣдняго и № 103 = прозаическаго романа [4]). Слѣдующія за тѣмъ слова Изольды, вѣроятно, присочинены, ибо ихъ нѣтъ у Эйльгардта [5]): Изольда говоритъ Тристану на прощаньи: «Beau doulx amy, ie vous demande que s'il aduient que

[1]) Сл. выше, стр. 134 и Golther, l. c., стр. 99.

[2]) Слѣдующій далѣе эпизодъ напечатанъ былъ Bédier (l. c. стр. 496 слѣд.) по ркп. № 103 съ варьянтами изданія романа 1520 года.

[3]) v. 8646—8941; сл. Ulrich von Türheim v. 2471—2704; Heinrich von Freiberg, v. 5015—5497.

[4]) Сл. Bédier, l. c., стр. 482; Lutoslawski, l. c., стр. 525—6.

[5]) Сл. Bédier, l. c., стр. 486.

uouz mourez auant moy ou que uous auez mal de mort ains que moy, que vous vous facez mettre en une nef et vous faictes ça apporter, et gardez que la moitie du voille qui en la nef sera soit blanche et l'autre noire; et se vous estes mort ou que ce soit mal de mort, que le noir soit mys deuant, et se uous n'estes mort et que uous soyez en plaine sante, si soit mis le blanc deuant et le noir derriere». Вмѣстѣ съ Runalem Тристанъ посѣщаетъ жену Bedalis'а, который, преслѣдуя не прошенныхъ гостей, сильно ранитъ Тристана. Онъ посылаетъ въ Корнуаль къ Изольдѣ, чтобъ она пріѣхала полѣчить его, а посланному наказываетъ (l. II p. CXXI): «se elle uient avec uous, gardez que la voille de uostre nef soit blanche, et se uous ne l'amenez, qu'il soit noir». Изольда ѣдетъ, но жена Тристана узнала тайну его условнаго знака и въ порывѣ ревности говоритъ мужу, что парусъ виднѣется черный. Услышавъ это, Тристанъ кончается, а надъ нимъ умираетъ и прибывшая между тѣмъ жена Марка.

Прослѣдимъ отличія этого эпизода по другимъ текстамъ.

У Eilhart von Oberge (ed. Lichtenstein), Тристана ранитъ отравленнымъ копьемъ (v. 9219) Nampetênis [1]), за женой котораго ухаживалъ братъ Тристановой жены, Kehenis (Kahedin проз. романа; Kaherdin Томаса). Тристанъ выписываетъ себѣ первую Изольду; далѣе разсказъ тотъ же, что и во французскомъ романѣ. Тѣ же подробности и имена, что у Eilhart'а, повторяются у Генриха Фрейбергскаго и въ нѣмецкомъ прозаическомъ романѣ XV вѣка [2]). — До сихъ поръ мы въ преданіи Béroul'я. Перейдемъ къ версіи Томаса: у него (Fr. Michel, Tristan II,

---

[1]) Bédier, l. c., стр. 484—485, на основаніи одного указанія въ редакціи Томаса, дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Nampetênis не что иное, какъ непонятое: nain Bedenis = Bedalis № 103 и прозаическаго романа; за его то женой ухаживалъ Kaherdins. Томасъ зналъ, стало быть, редакцію разсказа о смерти Тристана, сходную съ Béroul'евой, но устранилъ её въ пользу другой.

[2]) Heinrichs von Freiberg Tristan, hrsg. von R. Bechstein, v. 5719 слѣд. (Nampotênis, Kâedin); Tristrant und Isolde, Prosaroman des XV Jahrhunderts hrsg. von Fr. Pfaff (Bibl. des litt. Vereins in Stuttg. t. CLII): Nampetenis, Caynis

стр. 37 слѣд.) и въ сѣверномъ пересказѣ его поэмы [1]) Тристанъ и Kaherdin (сѣв. Кердинъ) являются неузнанные на турниръ къ королю Марку, при чемъ Kaherdin убиваетъ Kariado li beals (въ сагѣ, по смѣшенію: Mariadok) ухаживавшаго за Изольдой; послѣ того Тристанъ съ товарищемъ помогаютъ рыцарю, Тристану—карлику (Tristran le Nain), у котораго Estult l'Orgillius del Castel-Fer похитилъ жену; одинъ изъ враговъ ранитъ Тристана отравленнымъ мечемъ; конецъ тотъ же. Въ Sir Tristrem [2]) Тристанъ и Ganhardin ѣдутъ къ Изольдѣ, женѣ Марка, за которою тщетно ухаживаетъ Canados constable (строфа CCLXXV); на турнирѣ, созванномъ по просьбѣ Тристана (строфа CCXCIV), онъ убиваетъ Canados'а и возвращается въ Бретань, гдѣ рыцарь «Tristrem» (строфа CCC) проситъ его помочь ему достать похищенную жену, а о Тристанѣ говорится (CCCIV и послѣдняя строфа):

Ac an aruwe oway he bare
In his old wounde.

Обратимся теперь ко второй части русской повѣсти, указывая на ея соотвѣтствія съ эпизодами пересказанныхъ выше текстовъ.

Послѣ передѣлки съ Паламидежемъ Тристанъ съ Ижотой направляется къ Домолоту. Одна дѣвушка предупреждаетъ его: на переду стоитъ Артіушъ съ Жениброю и рыцарями, узрятъ они у тебя «нацуднеишую панну, усхотат ю у тебе ωтнати моцною битвою» Тристанъ не слушается и ѣдетъ; подъѣзжая къ шатрамъ Артура, говоритъ Ижотѣ: шатры распяты близко дороги, прямо поѣхать — будетъ битва, а поѣхать стороною, скажутъ: «ωно ведет страшливыи витез нацуднѣишую панну»; онъ ѣдетъ прямо, наказавъ Ижотѣ никуда не смотрѣть, «нижъ мнѣ Трыщану межы плеч, а коню своему межы ушы»; зацѣпилъ проѣзжая за «поврозы» шатра, такъ что онъ встряхнулся. Ко-

[1]) Kölbing, Die nordische und die englische Version der Tristansage, v. I.
[2]) l. c. v. II.

роль съ королевой сидѣли въ то время за столомъ; витязи дивятся дерзости проѣзжаго, выскочили посмотрѣть на него; Ланцелотъ, не узнавшій Тристана, «што был въ зброи» (но по нашему тексту онъ его раньше и не видалъ!), хвалит его посадку, а «подчашый именем Геушъ», имѣвшій «великую храброст, але мало силы», напоминаетъ Артіушу его обѣщаніе: «бых ꙗ видел нацуднеишую панну, тую ми єси мѣлъ дати». Онъ указываетъ на Ижоту, обѣщаясь привести и Тристана. Ланцелотъ его останавливаетъ: скорѣе увидишь ты твоего коня, наступающаго на поводья, чѣмъ того рыцаря у своего стремени. Ижота видитъ ѣдущаго за ними Геуша; какъ онъ ѣдетъ? спрашиваетъ Тристанъ; «што наборздеи колко конь может», отвѣчаетъ Ижота; это новоставленный рыцарь, говоритъ Тристанъ, съ нимъ легко будетъ справиться. Онъ не только сбросилъ Геуша, но и велитъ ему вернуться пѣшимъ, ведя коня въ поводахъ и неся на себѣ свою сброю, которую обязанъ принести въ даръ своему господину. Увидѣвъ возвращавшагося Геуша, рыцари Артіуша думаютъ, что онъ убилъ проѣзжаго рыцаря и его даму и нагрузился добытою сброей; но Ланцелотъ ихъ разувѣряетъ: то нашъ витязь свою же сброю несетъ. Артіушъ опечаленъ его пораженіемъ, велитъ Женибрѣ попросить Анцалота выступить противъ того рыцаря. Она молитъ его: «Наивышшыи витезю Анъцэлоте, дла бога соими з нашого пана корола Артыуша терновъ венец и узложы смилного, прыведи к нам того витезꙗ, а тобе будет ѡнаꙗ панна. Анцэлот рэкъ: Почтенаꙗ пани, чого дла мене шлеш за тым витезем, за прыкрою моею смертью?» Тѣмъ не менѣе онъ вооружается и ѣдетъ за Тристаномъ, который, узнавъ отъ Ижоты, что рыцарь ѣдетъ за ними «тихо ступою», рѣшаетъ, что «то ест витезь старых витезеи, ꙗ не вѣмъ, єсли ты будеш єго, або моꙗ». Онъ остановился отдохнуть въ тѣни церкви, снялъ шлемъ; Ланцелотъ узнаетъ его, они привѣтствуютъ другъ друга и возвращаются къ Артіушу, гдѣ каждый изъ нихъ спѣшитъ отдать другому преимущество: Тристанъ говоритъ, что Ланцелотъ большій чѣмъ онъ витязь и его самого привелъ, «ꙗкъ елена за горло», Ланцелотъ,

что Тристанъ не хотѣлъ его погубить, а привелъ, «ıакъ дитıа бичом, на стан королѧ Арътиуша» [1]). Рыцари Артіуша рѣшаютъ, что оба они ровны, а въ тоже время судьи сравниваютъ красоту Женибры и Ижоты и отдаютъ преимущество послѣдней. Женибра этимъ разгнѣвана, хочет чѣмъ-нибудь «поганбити» Тристана, проситъ Гаваона выѣхать противъ него. Тристанъ его сбиваетъ, бьется въ теченіи трехъ дней противъ всѣхъ рыцарей Артіуша, и когда королева снова направила на него Ланцелота, говоритъ ему, что эта битва ему не по сердцу, «нижли бачылъ єси, ıакова ми была моцнаıа битва за тыє тры дни? Даи ми рокъ тои битве ѡдин день». Ланцелотъ даетъ ему пятнадцать дней.

Для всего этого отдѣла сл. §§ f и b (бой съ Keux) романа въ нашемъ пересказѣ.

Тристанъ уѣзжаетъ, вмѣстѣ съ нимъ хочетъ ѣхать и Ланцелотъ, но королева удерживаетъ его: «чули єсмо, иж мает прыити король Самъсижъ ѡт Чорного Ѡстрова на двор королѧ Артиуша». Является Самсижъ, вызываетъ на бой всѣхъ рыцарей Артіуша: кого онъ свалитъ, тотъ будетъ въ его власти. Онъ сбиваетъ одиннадцать человѣкъ, Ланцелота и Артіуша, и уводитъ ихъ въ плѣнъ. По просьбѣ Ланцелота Женибра идетъ искать Тристана: одинъ онъ можетъ ихъ освободить. Одна дѣвушка говоритъ ей, гдѣ его найдти: «Вѣдаеш первоє прыстанище, а в того прыстанища много судьѧ, и перво вбачыш судъно пана Трыщаново въкрашоно пэрлы и дорогим каменемъ; а если єго в томъ судне не будеть, и ты єго тамъ пытаи, на котором стану красу и веселье наболшоє узрыш, бо то ѡн любит». Женибра входитъ въ шатеръ Тристана, который лежалъ раненый, сообщаетъ ему о своемъ несчастіи; какъ услышалъ онъ о томъ, «взѧлъ мѣчъ в головах и стреснул так прудко, аж з ранъ кровъ по постели потекла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королеваıа корунованаıа, ıакъ єси ты прышла къ набольшому витезю с печальными

[1]) Въ Chevalier au lion Gauvain и Ivain бьются другъ съ другомъ въ теченіи цѣлаго дня, не признавая одинъ другого; когда признаніе совершилось, каждый изъ нихъ спѣшитъ объявить себя побѣжденнымъ.

речми? Тобѣ было прыити тихо и ѡтворыти мꙗккие уста на тихие беседы[1]), нехаи бы сѧ витезю серцэ на храброст ѡбротило. Королеваꙗ рекла: Пани Ижота, ꙗкъ наша мысль розна! Ты напуднеишаꙗ пани на свѣте, а маешъ водле себе своего пана, у ком надею маешъ, ты его можеш учынити здорова наболеи до десети днеи, а ꙗ видела, гдѣ поведен мои панъ король Артиушъ и его витези. И поглѧнул панъ Трыщан сердито на Ижоту длѧ речеи королевое Женибры. Вѣдаючы Ижота ѡбычаи Трыщановъ, ижъ ему мило веселе, и похватила королевую за руку и почала играти горатанскии танецъ велми пекне, и длѧ того почало сѧ серцэ пану Трыщану на храброст ѡбрачати, и рече Говорнару: Даи ми лютню. И почалъ играти велми пудне, и ѡбема паням и пану Трыщану исполнило сѧ серцэ веселем слухаючы лютни». Онъ садится на корабль съ Ижотою, Жениброю и Говорнаромъ и ѣдетъ; во время бури, которой боится Женибра, онъ развлекаетъ всѣхъ своею игрой, такъ что всѣ забыли объ опасности.

Эпизодъ о Самсижѣ прерывается двумя другими.

Тристанъ и его спутники пристаютъ къ острову «валашеныхъ» (эвнуховъ); тамъ царила панна, не знавшая мужа и всѣмъ пристававшимъ къ тому острову предлагавшая либо быть лишенными мужской силы, либо вѣчно томиться въ темницѣ, куда попадаетъ и Тристанъ. Онъ находитъ тамъ товарищей своего несчастія; между тѣмъ младшій братъ той панны заглядѣлся на Ижоту (ее и Женибру Тристанъ выдалъ за сестеръ) и говоритъ, что если она пойдетъ за него, онъ освободитъ ея брата, а пока даетъ возможность увидѣть его. Ижота успѣваетъ забросить Тристану въ темницу его мечъ, который носила «подъ сукнею». При помощи его и другихъ узниковъ Тристанъ освобождается изъ заключенія, спѣшитъ къ той паннѣ; а у нея былъ такой обычай, «иж ни против ѡдного витезѧ не рушыла сѧ з мѣстца, коли еи чоломъ вдарылъ. А кгды еи споведали ѡ Трыщану, а ѡна на

---

[1]) Сл. Троянскую притчу: Пріамъ успокоиваетъ Андромаху «тихими бесѣдами».

золотом узголовю посмыкала сѧ ꙗк змиꙗ на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла велми прудко, стретила его насеред палацу, а вода по ногам текла, и поклѧкънула перед Трыщаномъ». Онъ срубилъ ей голову, спрашиваетъ Ижоту: который изъ братьевъ присватался къ ней, и съ нимъ поступаетъ также. «Женибра рече: Пани, чому то єси учынила? Ижота рече: Почстенаꙗ пани, ꙗ вижу тепер натуру пана Трыщана, коли бых єму правды не поведала, не вѣмъ што бы сѧ з нами учынило». Тристанъ отпустилъ и одарилъ всѣхъ плѣнниковъ; они хотятъ слѣдовать за нимъ, но онъ велитъ имъ идти по домамъ, «а которыи з вас усхочет назвати сѧ пану Анцолоту слугою, а мною Трыщаном данъ, хочу того вчынити тому замку и тому прыстанищу паномъ». Вызывается на это витязь Амодоръ[1]). — Сходнаго эпизода нѣтъ ни во французскомъ, ни въ италіанскомъ текстахъ (сл. впрочемъ § d).

То же слѣдуетъ сказать и о слѣдующемъ приключеніи Тристана на пути къ Самсижу: Тристанъ пристаетъ къ одному городу, гдѣ все хорошо, былъ только тамъ «ѡдин зрадливыи крыжнак (?), тот был много добылъ зрадою и был виненъ ганбою витезем и паннам, а таковыи ѡбычаи мѣлъ: кождаго гостѧ зрадне забивалъ и статки его брал». Всѣ дивуются Тристану и его чудесной игрѣ на лютнѣ, а «крыжнакъ» затѣваетъ убить его, подстерегаетъ утромъ, когда онъ идетъ къ обѣднѣ, но Ижота увидѣла его во время, и Тристанъ быстро съ нимъ расправился. Раздавъ награбленныя имъ богатства, Тристанъ ѣдетъ далѣе — и продолжается эпизодъ о Самсижѣ.

Подъѣзжая къ Черному острову, Тристанъ велѣлъ себѣ и Говорнару скроить «латынские шаты», учинился латынникомъ—купцомъ, а Изоту и Женибру одѣлъ монахинями и зоветъ ихъ своими сестрами. У Самсижа былъ такой обычаи, что рыцари его брали у заѣзжихъ купцовъ, что имъ вздумается, а король платилъ за всѣхъ; Тристанъ опасается, чтобъ у него не отняли

[1]) У Polidori (сл. выше, стр. 164) такъ названъ конюшій дочери Перемонта, поставленный Тристаномъ въ рыцари.

Ижоту и Женибру, а Говорнаръ проситъ, чтобъ имъ дозволено было торговать свободно, безъ опасенія насилія, что̀ и обѣщано. Одинъ рыцарь призналъ было въ «латынникѣ» — Тристана, побѣдителя ирландскаго турнира, но тотъ отнѣкивается. Самсижу говорятъ, что у пріѣзжаго купца двѣ сестры-красавицы; ты могъ бы ихъ купить. Король идетъ къ берегу: «Здоров, латынине! Трыщан потек к нему и поздоровил єго, и дивили сѧ кролевы витези, ꙗк мистерне тот латыненин до крола кинул; з нас бы того нихто такъ не вчынил». Король застаетъ въ шатрѣ обѣихъ дамъ въ игрѣ за «крышталовыми» шахматами; что они стоютъ? спрашиваетъ онъ. — «Не можеш ми заплатити. И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, ꙗ бых тобѣ дал за кождаго пѣшка єждчалого витезѧ, а за королѧ того кролѧ Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што сѧ не продает, того не можеш купити». Тогда Самсижъ проситъ продать ему Ижоту: онъ отмѣритъ золотомъ «тры крот», а серебромъ сколько хочешь, и затѣмъ предлагаетъ играть въ шахматы ѻ нее и о третью часть королевства. Но Тристанъ не умѣетъ играть; «ꙗ поставлю попа въ старшомъ местцу, а иншыи шахи гдѣ маєм поставити? Рек король: Правыи єстъ латыненин, у нихъ поп начеснеишыи». Тогда король предлагаетъ Тристану биться съ нимъ о ту панну и о полъ-королевства, или и о все королевство; коли не захочешь, я и даромъ возьму. Тристанъ говоритъ, что не знаетъ, какъ и на коня сѣсть и въ сброю убраться, «бо єсми не видал болшое битвы, ѡдно кали сѧ почнут бити играючы латынскиє дѣти текучы по улицах древнѧными мечыками; так ли и мы маємъ? Король рече: Так, латинъниче, але мы будем железными; добре єси учынилъ, што ми єси тую цудную панну прывелъ». Тристанъ снаряжается къ бою, но дѣлаетъ все на выворотъ; велитъ отнести сброю Самсижу, «иж не може прыстати свѣтлаѧ зброѧ на латынскиє плечы». Онъ надѣваетъ свои собственныя доспѣхи, велитъ приготовить снадобья для ранъ, ибо готовится пойдти «къ наболшому витезю сего свѣта», и съ Ижотой и Жениброй выѣзжаетъ на мѣсто поединка. Онъ знаетъ, что ему предстоитъ смерть, говоритъ онъ

Самсижу, «а коли маю вмерети, волѣлъ быхъ тамъ, гдѣ видять болшъ смерть мою». Онъ проситъ вывести Артіуша и плѣнныхъ рыцарей на мѣсто поединка, тотъ соглашается; Анцолотъ и его товарищи признали Тристана и смѣются, ожидая освобожденія.

«Король Самсиж прыступил и рече Трыщану: Би сѧ, латыниче. Трыщан рече: Пане, навчы мѧ. Король вынѧл мечъ и почал бразкати по зброи его говоречи: Так тъни, а так сѧ укрыи, и засѧ рече: Хочеш ли, латынине, ѡставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыл добре, ꙗко пан великии, але коли бых сѧ мог уложыти ѡт твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И ѡн рече: Єсли можеш, укрываи сѧ, але не узможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? Корол рече: Тни. Трыщан рече: Кролю, научыл мѧ єси, варуи сѧ-ж мѧ». Начинается бой; Тристанъ такъ ударилъ короля, что «ѡтпали ему руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметаи сѧ королю, абых ти рукъ не ѡкрвавилъ, але болшъ того не умѣю. И ухватилъ мѣчъ свои за конец и понес Самсижу говоречи: Чого длѧ єси покинул мѣчъ твои? Єсли тѧжок, на-жъ ти мои мечъ, а тот даи мне. И поизрел кроль Самсиж на Трыщана гнѣвным ѡбычаем. Рече Трыщан: Чому на мѧ так сердито смотрыш? Што єсми тебе победил хитре и мистэрне, инак єсми не вмелъ с тобою поити, єно такъ. Король рек: Почтеныи витезю Трыщане, по шырмеръству єсми тебѣ позналъ и просил єсми бога, абыхъ не вмер наглою смертью ѡт жестоких вдарцовъ твоих и ѡт ѡстрого меча твоего. Ꙗ тобѣ говору вѣрою витезскою, бы ми єси того послал хто бы ми ѡ тобе поведал, ꙗ быхтобѣ пустил королѧ Артиуша и его витези». Настаетъ общее веселье; «пан Трыщан казал прынести тоє веселє, которым сѧ Самсиж веселил, трубы, дуды, лютни, арфы, арганы, шахи, варцабы велми цудне украшено ѡбычаемъ господским, и почали веселити сѧ». Ижота представляетъ Ланцелолу рыцаря Амодара.

Для всего эпизода о Самсижѣ ср. наши извлеченія §§ e (Lasancis) и b (Nabon le Noir).

Нѣтъ ни во французскомъ романѣ, ни у Polidori непосред-

ственно слѣдующаго: витязь изъ Франціи «ѿт короля Перемонта» хочетъ перевѣдаться съ Тристаномъ и сраженъ имъ; другіе, прибывшіе за тѣмъ же, отказываются отъ своего намѣренія. Тристанъ разстался съ Артуромъ; Ланцелотъ желалъ бы сопутствовать Тристану, но Артуръ обѣщаетъ отпустить его лишь по возвращеніи домой.

Затѣмъ пріѣхали къ Тристану (куда?) семь витязей, жалуются на «Смердодуга поганина», ласково принимающаго въ своемъ пристанищѣ всѣхъ рыцарей, но затѣмъ подвергающаго ихъ мукамъ. Тристанъ хочетъ наказать его, самъ присталъ «у пристанищо Смердодуга поганина», который встрѣчаетъ его привѣтливо, помѣстилъ въ «чорныи палац», куда посылаетъ свою дочь — развлечь гостей игрой на лютнѣ, пока настанетъ время «вкинути их на муку». Она играетъ; Тристанъ попросилъ у нея лютни, играетъ такъ, что его заслушались. По игрѣ дѣвушка его узнала, о чемъ и докладываетъ отцу: Тристанъ не дастъ себя осрамить. Самъ Смердодугій идетъ бесѣдовать съ нимъ, оставляетъ его въ покоѣ, а на другой день, когда выпустилъ его изъ воротъ, заперъ ихъ и говоритъ его товарищамъ, что спасеніемъ своимъ они обязаны лишь Тристану. Затѣмъ Смердодугій, одумался, хочетъ «ѡсромотить» Тристана, нагналъ его, обѣщаетъ назваться его слугой, ѣздить съ нимъ по свѣту, а пока проситъ вернуться въ его замокъ. Тристанъ соглашается; когда онъ прибылъ, у него отобрали оружіе, а одинъ витезь «з далека» говоритъ ему, что его затѣваютъ убить. Его ведутъ на казнь; въ это время проѣзжалъ «витез Паламидеж Ануплитич..., наибольшыи непрыѧтель Трыщанов», говоритъ, что не годится доброму рыцарю безъ битвы голову снимать. Они глумятся надъ нимъ: «Мы видали, што тать за тата вступаетсѧ». Оскорбленный этимъ, Паламидежъ отдаетъ Тристану одинъ изъ своихъ мечей, и оба начинаютъ рубить на право и на лѣво. Смердодугій спасся тѣмъ, что скрылся въ церковь; Тристанъ благодаритъ Паламидежа за помощь, тотъ проситъ у него дара. — Все, чего ни попросишь, кромѣ Ижоты, отвѣчаетъ Тристанъ. А Паламидежъ того и же-

турнаѧ добывает, с кимъ ходит добрыи ѡправца. И был тут ѡдин король ѡт многих лѣт и рече: Не тот, але ѡныи витез добываеть, которыи свободно по турнаи ездит. А тогды свободно по турнаи ездилъ Ющор Мадерым (Astore di Mare!), брат Анцолотов, сынъ Домолота королѧ Локвенскаго. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тут и памет». Еще разъ повторяютъ судьи и король свое рѣшеніе, а дѣвушка имъ на это: «Ѡхъ мои боже, добрыи ѡбычаи у нашои стороне, не дадут скомороху добрыє люди зъ собою размовлѧти, дадут єму дуду, нехаи их веселит». Тристанъ вызываетъ Ящора, сбилъ его и узнаетъ, что то братъ Ланцелота; Ящоръ пристаетъ къ нему и Тристану, рыцари отъ нихъ сторонятся. «Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцэрским: Доколь конь не падет, не хочу зъсести длѧ того, ачеи будет рыцэр издалека ехал, а не прыспелъ, хочу єго дождати. Анцолот виделъ ѡдного травника, а ѡн траву несеть и рече: Рыцэру, ѡно едеть рыцер рыцерскимъ ѡбычаєм, трещыт єму конь копытомъ, а твои конь спрацовалъ сѧ. И ѡн (то-есть, Ланцелотъ) ѡбротил так моцно, аж єму конь пал; а длѧ того то Анцолот вчынилъ, абы сѧ рыцэрское слово сполънило». — Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ § 1.

Поставивъ свою панну королевой и выдавъ ее за сына Перемонта, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ и прибыли въ Кесарію, отчину трехъ братьевъ рыцарей, «што перед тым были на земли наимоцнеишые рыцэры». Имена имъ: Либрунъ, Игрунъ (у Polidori: Sigurans *lo Bruno*, cavaliere *Agrone*), Марко; двое изъ нихъ умерло, а Либрунъ «было сорок лѣт ѩкъ конѧ ѡпустил для старости, а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом ѡбросла. А была в него жона велми хороша, имѧ еи было Цвытажиѧ»[1]). Ставъ подъ городомъ, витязи посылаютъ ей сказать, чтобъ она вышла, «маемъ ѡдин зъ нас с тобою мѣти любовъ». Два раза проситъ ихъ Либрунъ удалиться съ Богомъ;

---

[1]) Florette, Florence? Сл. выше (стр. 75) въ троянской притчѣ *Цвитану* (въ текстѣ Миклошича), *Цвенуажію* (у Ягича въ Prilozi) = Ἀνθοῦσα, тамъ и здѣсь отвѣчающія Ифигеніи.

на третій велитъ дать себѣ сулицу и коня; «коли сулицу взали, аж ωна мхом поросла, и ωбвили ее ручниками». Тристанъ и Ланцелотъ спорятъ, кому изъ нихъ выѣхать противъ него; онъ хочетъ сражаться съ обоими вмѣстѣ, «бо га первшых витезей витез». Сулицы Тристана и Ланцелота разщепились отъ удара, «а Либрун схватил их с конем ωдного ωдною рукою, а иного иною рукою и положыл ихъ митус перед собою на кони и потрепал ихъ кождого рукою по челюсти и рекъ: Єдьте з богом, вы єсте ωба добрые витези». Сл. въ нашемъ пересказѣ § h и § с. и начало романа о Меліадусѣ Rusticien'a de Pise. Онъ начинается такимъ образомъ [1]): Ci commence le livre du Roy Meliadus de Leonnois qui fu pere au bon chevalier Tristan neveu au Roy Marc de Cornoaille; et premierement de *Braunor (Branor) le brun* qui avoit VI vins ans d'aage. Et comment il vint a la court le Roy Artus et amena une noble damoiselle avecques lui. Et comment il abati de coup de lance XII Roys et tous les chevaliers de la table ronde ne oncques ne le porent remuer de selle.... Et sachiez qu'il estoit si corsus que pou s'en failloit que il n'estoit jaians». Онъ является ко двору Артура съ прелестной дѣвушкой, которая оказывается впослѣдствіи его племянницей, сестрой Segurades le brun, вызываетъ всѣхъ помѣряться съ нимъ: кто его собьетъ, si aura gaignie la terre et la dame qui est bien une des plus vaillans dames du monde. Онъ сбиваетъ всѣхъ рыцарей, начиная съ Palamedes (filz Esclabor le mecongneuz) до Тристана, Ланцелота и самого Артура, но отказывается повѣдать, кто онъ. Лишь позже мы узнаемъ, что онъ изъ рыцарей короля Утерпендрагона, отца Артура, по имени *Branor le Brun, le chevalier au dragon* (сл. въ ит. текстѣ Girone: Branor Bruni, cavaliere d'Andragon; у Polidori: cavaliere Agrone, Agragone = a dragone), двоюродный братъ Hector le Brun; ему болѣе 120 лѣтъ и онъ 40 лѣтъ,

[1]) Сл. соотвѣтствующій отрывокъ, напечатанный у Bartoli, Storia della letteratura italiana III, Appendice I. Сл. Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa ed. Francesco Tassi (Ferenze, 1855), стр. 1 слѣд.; сл. 14, 18—19, 38, 53—55.

какъ не брался за оружіе, но, говоритъ онъ Артуру, «je avoie grant desirier d'esprouver vos chevaliers avant que je trespassasse, pour ce que il ont grant renommee de chevalerie, pour ce avoie je talent d'esprouver les chevaliers de cest pays pour savoir combien ilz avoient de povoir, et pour savoir li quel estoient meilleur chevalier ou li ancien ou li nouvel. Esprouve l'ay la Dieu mercis. Si vous di que je vi jadis tels deux chevaliers qui trespassez sont, que tous les chevaliers qui sont en vostre hostel pour qu'il fussent jusque .II. cens, ilz les aroient moult tost mis a la terre les uns apres les autres, si vous nommeray li quel furent cil: li uns fu monseigneur Hector le brun, cestui fu li ainsnez (= Игрунъ?), cestui fu bien parfait chevalier et puissant le plus qui fust a son temps; et l'autres fu Galehot le brun (Марко?), voirement fu cestui le meilleur chevalier du siecle a son temps».

Эпизодомъ о Branor le brun открывается романъ Rusticien'a, переведенный (пересказанный) имъ «du livre monseigneur Edouart le Roy d'Engleterre», говорящій далѣе и о Ланцелотѣ и о Тристанѣ и объ ихъ подвигахъ, ensi que l'on trouvera escript en tous les autres livres. Et pour ce que le maistre les trouva escrips en livre d'Engleterre, si metra une grant aventure tout premierement qui advint a Kamalot en la court le Roy Artus le Sire de Bretaingne», т. е. разсказъ о Брунорѣ. Въ объясненіе этого распорядка служитъ другое, нѣсколько темное мѣсто: Et sachiez que ceste nouvelle aventure (о Брунорѣ) veult regarder le temps et les aventures qui avindrent par le temps, ceste ne seroit pas de mettre en escript en chief de cestui livre, pour ce que telz nouvelles sont escriptes en cestui livre apres ceste qui furent assez devant, mais pour ce que maistre Rusticiens le trouva ou livre au Roy d'Engleterre tout premierement et tout devant, en fist il chief de son livre, pour ce qu'elle est la plus belle aventure et la plus merveilleuse qui soit escritte entre tous les rommans du monde». И такъ эпизодъ о Брунорѣ предполагаетъ совершившимися многія событія романа, о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди; помѣщая этотъ эпизодъ въ началѣ своего пересказа, ав-

торъ подчинился (случайному?) распорядку книги короля Эдуарда. Оригиналъ бѣлорусской повѣсти его не зналъ и стоялъ на болѣе древней точкѣ зрѣнія; его разсказъ о Либрунѣ тѣмъ интереснѣе, что не находя себѣ близкаго соотвѣтствія ни въ старопечатномъ французскомъ, ни въ итальянскомъ текстахъ, онъ бросаетъ свѣтъ на одинъ изъ источниковъ Rusticien'a.

Слѣдуетъ въ русской повѣсти встрѣча съ Галецомъ Анцолотовичемъ. Тристанъ и Ланцелотъ вызываютъ его на бой; онъ говоритъ, что не умѣетъ сражаться, но когда у него хотятъ отнять сброю и коня, бьется и свергаетъ Ланцелота и Тристана. Узнавъ, кого онъ сбилъ, онъ опечалился, «и ѡт такъ великое жалости пострыг сѧ въ мнихи, а ѡпосле не слыхали єсмо ѡ немъ жадное повести, єсли жыв або вмер». Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ §§ i и g.

Тристанъ съ Ланцелотомъ возвращаются къ Артіушу. Тристанъ прощается съ нимъ и ѣдетъ съ Ижотою въ Корноваль, гдѣ, передавая ее Марку, говоритъ ему: «Королю, маєшъ ми за нее дѧковати, што єсми тобе ее другии разъ мечом добыл». Маркъ обрадованъ, даетъ ему «ключы своєго королевства», а Ижота увѣрилась въ правдѣ Брагини, которую принимаетъ въ бо̀льшую, чѣмъ прежде, любовь.

Въ то время разнеслась вѣсть, что собирается турниръ «у Пазаранскои земли под городом Барохом. Волала єго ѡдна панна на имѧ Ижота з белыми руками, ѡдного королѧ дочка». Тристанъ ѣдетъ туда, сбиваетъ рыцарѧ «Львова знаменѧ», Климъберка» и убиваетъ Єрдина, брата «Ижоты, «што з белыми руками». Раненый, онъ ѣдетъ «в опатию. А в тотъ часъ прышол ему лист ѡт красное Ижоты говоречы: Пане, ꙗк рыба без воды не може быти жыва, такъ я без тебе не могу жыва быти. И Трыщан ѡт великого смутку и ѡт ран сомлѣлъ, занюжъ было дивно, ꙗкъ мог терпети таковыє раны, бо кров с него велми шла. И ѡтправил до короля Марка с тымъ: Пане дѧдко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ мѧ несли; єсли-м вамъ добре послужылъ, еще може мене вам потреба быти, пошли ми кролевую

Ижоту, ачеи бы мѧ злечыла, иж ѡна лѣкаръство добре умѣет, а ꙗ лежу в Пазареиской земли под градом Барохом. Корол Марко ѡтпустилъ Ижоту вдачне, и ѡна пошла велми з веселымъ серцем, а прышодшы почала его лечыти, што могучы. И не вѣм, єсли с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль ѡ нем писано».

Эрдинъ приведеннаго эпизода, которымъ заключается наша повѣсть, несомнѣнно отвѣчаетъ Ghedino, Gheldino у Полидори (франц. Kahedin, Кердинъ сѣверной саги; сл. у насъ § а), какъ названъ тамъ братъ бѣлорукой Изотты; остался и моментъ вражды къ нему Тристана, но вся обстановка другая; турниръ напоминаетъ такой же, созванный Изоттой (но — женой Марка), по просьбѣ Тристана, въ Sir Tristrem.

Соотвѣтствіе послѣдней части нашего текста, тамъ, гдѣ его планъ отклоняется отъ распорядка французскаго и италіанскаго романовъ, легче всего выразить послѣдовательностью, въ какой являются въ первомъ отдѣльные эпизоды послѣднихъ: f (b), e (b; сл. d?), k + n, m, j, l, h (c), i (g), a.

Гдѣ сложилась такая именно послѣдовательность? Въ сербскомъ текстѣ, подлинникѣ нашего, или въ итальянскомъ оригиналѣ перваго? Не имѣя возможности прямо отвѣтить на этотъ вопросъ, ограничимся нѣсколькими соображеніями. Разбирая составъ русской повѣсти, мы замѣтили его двойственность: первыя $^3/_4$ ея содержанія представились намъ довольно близкимъ переводомъ какого-то, вѣроятно, италіанскаго романа; послѣдняя, по отношенію къ своему плану, не услѣдима ни въ одномъ изъ извѣстныхъ западныхъ оригиналовъ и, особливо къ концу, обнаруживаетъ пріемы спѣшнаго, сокращающаго пересказа. Эта двойственность поддерживается соотвѣтствующею двойственностью нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: въ первой части Keux названъ: *Кенишъ* (можетъ быть: Кеишъ?) *стольникъ* или Геэшъ, Genièvre — *Веливера*; во второй — первый: *Геушъ подчашій*, вторая — *Женибра*. У автора сербской повѣсти было, стало быть, подъ руками два италіанскихъ оригинала романа, или два ихъ перевода, отвѣчающихъ двумъ намѣченнымъ нами частямъ его

компиляціи. Онъ ихъ соединилъ, и не ему ли слѣдуетъ вмѣнить особенности плана, въ которомъ является у него содержаніе его второй части? Что этотъ планъ оставилъ въ его текстѣ слѣды древняго распорядка, находившагося въ его источникахъ, тому свидѣтельствомъ *первая*, по нашей повѣсти, встрѣча Тристана съ Ланцелотомъ, при чемъ оказывается, что они уже *знаютъ* другъ друга. Кое-чего авторъ могъ не дознаться въ своихъ источникахъ; я имѣю въ виду сказанное о Галецѣ: «не слыхали есмо ѡ немъ жадное повести», о смерти Тристана: «потуль ѡ нем писано»; иное онъ могъ привлечь изъ неизвѣстныхъ мнѣ разсказовъ: въ эпизодѣ о послѣднемъ турнирѣ Тристана рыцарь Львова знамени *(Yvain?)* и Климберкъ не могутъ принадлежать его личному изобрѣтенію [1]). Болѣе свободному отношенію къ послѣдовательности разсказа отвѣчаетъ и бо̀льшая свобода въ стилистической обработкѣ второй части: я указываю въ примѣръ на сцены боя съ Самсижемъ, на турниръ у Перемонта, на эпизодъ о Либрунѣ — въ сравненіи съ соотвѣтствующими у Polidori и въ передѣлкѣ Rusticien'a. Во всемъ этомъ болѣе народныхъ красокъ, чѣмъ въ первой части повѣсти, хотя во всемъ текстѣ чувствуется рука сербскаго пересказчика и неравнымъ образомъ распредѣленное стремленіе осербить италіанскій романъ. Сюда относятся такія формы, какъ *Бруноровица*, *Ланцелотовичъ* (обѣ формы во второй части повѣсти); загадочное (Паламидежъ) *Анаплитичъ* (въ обѣихъ частяхъ), относящее насъ къ класическимъ воспоминаніямъ о Nauplias, отцѣ греческаго Паламеда: *(А)нуплитичу* отвѣчаетъ Naupliades, сынъ Навплія. Какъ попало сюда это классическое обозначеніе — не знаю; во французскомъ романѣ l. I f. XXX Паламедъ «filz a Clebor mescongneux; ib. f. CV: «Esclabor le mescongneux». Къ сербизмамъ относятся еще *кнаки и баны;* въ первой части escuier передается словами:

---

[1]) Имя Марка, брата Либруна и Игруна, старыхъ славныхъ витязей, едва ли принадлежитъ какому-нибудь литературному источнику, а скорѣе пѣсенному преданію — о Маркѣ Кралевичѣ. Въ основѣ могло лежать какое-нибудь созвучное собственное имя.

юнакъ, хлопецъ, пахолокъ, во второй является вмѣсто нихъ: оправца. Можетъ быть, и *банъ Банокскій* (Ban de Benoic) напомнилъ сербскому редактору знакомый ему титулъ *банатскаго бана*. *Горотинскій танецъ*, который исполняютъ корновальскія панны въ честь Тристана, *горотанскій танецъ*, который играетъ (то-есть, пляшетъ, взявши за руку Женибру) Изотта, чтобы развлечь его, едва ли не восходитъ къ сербскоту *оро* (= *хоро*). Сл. въ троянской притчѣ: «Вь нѣкыи дьнь поведе Елена царица дѣвица *хоро играти*» (текстъ Миклошича)»; «ти си боли в Трои *танца играти* с госпами», говоритъ Елена Парису (Prilozi). Слово *gigante* переведено было и даже понято въ смыслѣ собственнаго имени словомъ *ωрашъ* = сербск. орија̂ш. Слово это, пишетъ мнѣ И. В. Ягичъ, — по видимому, болѣе распространено по сѣвернымъ областямъ языка, у хорватовъ, въ особенности кайкавцевъ, чѣмъ далѣе на югъ. У Вука оно не приводится, но у Поповича есть, равно какъ у Бѣлостѣнца и Ямбрешича, двухъ кайкавскихъ лексикографовъ. У словенцевъ (въ словарѣ Гутсманна и Янежича) пишутъ orjak вм. orjaš. Миклошичъ считаетъ это слово заимствованнымъ изъ мадьярскаго óriás (оріяшъ; сл. окончанія въ grabancijaš, birtaš = шинкарь, изъ Wirthshaus), а послѣднее сближаетъ съ италіанскимъ orco, исп. ogro, huerco, франц. ogre, тогда какъ Чихакъ (Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Éléments slaves, magyars etc., a. v. uriaş) едва ли правдоподобно производитъ его отъ древне-нѣмецкаго unhiur, ungahiuri = Ungeheuer. Ягичъ спрашиваетъ: не есть ли мадьярское óriás передѣлка сербскаго орјатин, въ свою очередь заимствованнаго изъ среднегреческаго χωριάτης = rustico, grossolano, incivile? Правда, Вукъ объясняетъ орјатин = Halunke, но едвали точно. Замѣчу отъ себя, что если ωрашъ = орија̂ш, то первое слово можетъ быть объяснено искаженіемъ, принадлежащимъ бѣлорусскому переводчику или переписчику. Что въ италіанскомъ подлинникѣ могло стоять orco или ogro вмѣсто gigante — предполагать нѣтъ необходимости.

Въ эпизодѣ о Самсижѣ Тристанъ переодѣтъ купцомъ-латин-

никомъ или латининомъ, то-есть, не столько романцемъ, сколько католикомъ. Отказываясь отъ игры въ шахматы, за неумѣніемъ, онъ говоритъ Симсижу: «ꙗ поставлю попа в старшомъ местцу, а иншые шахи гдѣ маем поставити»? *Sacerdos*, *presbyter*, episçopus были обозначеніемъ пѣшекъ въ средневѣковой шахматной игрѣ [1]); въ чешскомъ трактатѣ о ней ея изобрѣтателемъ является Ксерксъ Филометоръ, давшій пѣшкамъ и ихъ названія: «krále, královú, kmeti zemské, *jimž my popi řiekáme* [2]), rytieře kralovy» и т. д.; «popy nazýváme v šachové hře to kamenie, jímž onen mudřec kmeti zemské mienil, múdré, staré, rozomné v práviech, ješto dávným obyčejem a přihodami zkusili rozličných věcí a čtli kronyka a psaná práva, a k tomu smysl majíce přirozený hodni sú a hotovi k statečné radě, jsúc chvalných obyčejóv a šlechetného úmysla, jimž česť a pravda milá. — Первое мѣсто отъ короля и королевы занимаютъ попы. Nemieniť kněži tu popi, ale starce múdré, urozené, bývalé v přihodách, rozomné v práviech. Takovíť vše mají býti při králi, aby měl král při sebě vždy statečnú radu. Второе мѣсто предоставлену рыцарю и т. д. [3]).

Тристанъ готовъ поставить попа на первое мѣсто, очевидно затѣмъ, чтобы авторъ могъ въ лицѣ Самсижа обличить его мнимое незнаніе: «правыи естъ латыненин», говоритъ онъ ему, у них поп начеснеишыи!» Едва ли эта отповѣдь принадлежитъ италіан-

[1]) Сл. W. Wackernagel, Kleinere Schriften I: Das Schachspiel im Mittelalter, стр. 110. Къ литературѣ шахматной игры въ средніе вѣка сл. нѣмецкія передѣлки Якова de Cessole (Solatium ludi scaccorum, иначе: Liber de moribus hominum, нап. ок. 1290 года) Конрадомъ von Ammenhausen (1337), Яковомъ Menuel (изданы F. Vetter'омъ: Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen, Mönchs und Leutpriesters zu Stein am Rhein. Nebst den Schachzabelbüchern des Jacob von Cessole und des Jakob Menuel. Bibliothek älterer Schriftwerke der deutschen Schweiz, hrsg. von J. Baechtold u. F. Vetter. Ergänzungsband), авторомъ Mittelhochdeutsches Schachbuch (ed. Sievers въ Zeitschrift f. deutsches Alterthum, XVII) и мейстеромъ Ingold'омъ, Das guldin Spil. Сл. Zeller, Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karlsepos. Marburg 1885, стр. 59 слѣд.

[2]) По нѣмецки означенные пѣшки назывались «die Alten» (Wackernagel, l. c.); въ словарѣ Яна Роскоханаго: pop = arippus.

[3]) Сл. Knižky o hře šachové, k tisku upravil F. Menčik (V Praze, 1880), стр. 5, 8, 28, 43.

скому оригиналу и не обличаетъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія сербскаго переводчика — не «латинника».

Остановимся наконецъ на эпизодѣ о Смердодугѣ «поганинѣ». Имя напоминаетъ мнѣ мѣстныя дубровницкія легенды, смѣшанныя съ мотивами итальянскаго романа и занесенныя въ одну дубровницкую лѣтопись XV вѣка[1]). Подъ 783 годомъ тамъ разсказывается: «Furono fatte due statue a Raguxa per un signor Francese Rolando, qual fo victorioso qui appreno Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia, over (ov'era?) preso uno Corsaro delli Saragini per nome *Saragino Spuzentè*. Qual statua fece Orlando de tutti duo: le que statue feze fare dove fo ponto, per lo qual si pàssava a Raguxa. Perchè li feze a quel loco? Perchè in colpo non si poteva abitar per caxon sua, e lui si fece al ponto perchè fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de *Swardo-duxzi* (puzzolente) Saragin fo fata ale porte de nostro Arsenal per caxon, perchè li Raguxei an ajutato Orlando con la galia e con due fuste; qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando». — *Swardo-duxzi* я объяснилъ, на основаніи параллельнаго: Saragino *spuzentè* и глоссы *puzzolente*, искаженіемъ изъ Smardoduxzi, какъ въ русскомъ эпосѣ татары, нехристи, являются не только погаными («поганинъ»), но и смердящими: Самородовичами (= Смородовичами), Смарадоновичами. Предположенному *Smardoduxzi* отвѣчаетъ *Смердодугій* нашей, то-есть, сербской повѣсти; тотъ — корсаръ, этотъ ласкою залучаетъ къ себѣ пріѣзжихъ, чтобы предавать ихъ истязаніямъ; того наказываетъ Роландъ, этого Тристанъ; тамъ и здѣсь одинаково соединеніе мѣстныхъ памятей съ героями и именами литературнаго, италіанскаго преданія. Можетъ ли все это оправдать предположеніе, что оригинала бѣлорусской повѣсти надо искать въ Рагузѣ или ея области?

[1]) См. мою замѣтку: Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и италіанскія поэмы о Гнѣвномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1879 г., Январь, стр. 9—10; Die Rolandsage in Ragusa въ Archiv f. slav. Philologie, V, стр. 468—469; Южно-русскія былины, вып. II, стр. 74, прим. 1.

II.

Бово.

Старо-французская Chanson de geste о Bueves d'Hanstone [1]), къ которой восходитъ, при посредствѣ италіанскихъ версій, наша сказка о Бовѣ королевичѣ, еще не издана въ первичномъ текстѣ, какъ не издана и ея передѣлка въ прозѣ, встрѣчающаяся въ рукописяхъ, и не опредѣлено ея отношеніе къ тексту, напечатанному Michel Lenoir'омъ (Le livre de Beufves de Hantonne et de la belle Josianne. Paris, 1502). Пересказъ древней поэмы помѣщенъ въ Histoire littéraire de la France, t. XVIII, p. 748—51, и въ книгѣ Райны [2]), лучшемъ пока изслѣдованіи различныхъ редакцій французской эпической пѣсни, которой суждено было стать у насъ народною книгой.

Первоначальное мѣсто дѣйствія первой помѣщалось, по предположенію Райны (стр. 123), гдѣ-нибудь на границѣ Франціи и

---

[1]) О рукописяхъ сл. замѣтку P. Meyer'а въ предисловіи къ Daurel et Beton (въ изданіи Société des anciens textes, 1880 г.), стр. XXI, прим. 1. Издатель относитъ этотъ романъ, разсказывающій о сынѣ Bueve'а, съ явнымъ подражаніемъ роману о послѣднемъ, ко времени около 1200 года или къ концу XII вѣка (сл. стр. XXIX). Если такъ, то chanson de geste о Bueve'ѣ онъ считаетъ болѣе древней; P. Paris (Hist. litt. de la France, t. XVIII, стр. 701, прим. 1) пріурочивалъ её къ половинѣ XIII вѣка. — Отрывокъ Bueve'а по ватиканской рукописи напечатанъ былъ A. v. Keller'омъ въ его Romvart, стр. 403—411.

[2]) I Reali di Francia. Ricerche intorno ai Reali di Francia per Pio Rajna seguite dal Libro delle storie di Fioravante e dal cântare di Bovo d'Antona. Bologna. 1872.

Германіи; лишь позже ее пріурочили къ Англіи, вѣроятно, англо-норманскіе пѣвцы; оттуда въ ней упоминаніе Londres, имя Вильгельма и отъявленная вражда къ ирландцамъ.

Содержаніе ея слѣдующее: По уговору Brandorie, Doon de Maience, ея любовникъ, убиваетъ ея мужа Guion de Hanstone и водворяется въ его городѣ. Bueves, малолѣтній сынъ Guion'a, остается нѣкоторое время при дворѣ, но затѣмъ мать поручаетъ двумъ своимъ приближеннымъ удалить его, и они продаютъ его купцамъ, которые въ свою очередь везутъ его въ Aubefort, въ Армянское царство, и тамъ продаютъ царю Hermin. Дочь послѣдняго, Josiane, влюбляется въ Bueves, онъ въ нее; между тѣмъ на Hermin идетъ войною, въ союзѣ съ Braidamont, царемъ Дамаска, Персидскій царь Danebus, которому отказано было въ рукѣ Josiane'ы. Hermin взятъ въ плѣнъ, но Bueves является на выручку: верхомъ на Arondel онъ побиваетъ враговъ. Hermin освобожденъ, но два предателя доносятъ ему о взаимной склонности двухъ молодыхъ людей, и онъ платитъ Bueves'у черною неблагодарностью: посылаетъ его къ Braidamont'у съ письмомъ, въ которомъ наказываетъ ему убить посланнаго. Bueves идетъ, заключенъ въ темницу, откуда спасается по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ африканскомъ городѣ Monbrant онъ находитъ Josiane'у супругой короля Yvorin'a — только по имени. Влюбленные спознались и бѣгутъ; Yvorin посылаетъ за ними въ погоню великана Achopart, который, будучи побѣжденъ Bueve'омъ, соглашается, по просьбѣ Josiane, креститься и пристать къ нимъ. Вмѣстѣ они отправляются въ Кёльнъ (Cologne), гдѣ Bueves женится на Josiane, послѣ чего, оставивъ её на попеченіи дяди-епископа, онъ ѣдетъ въ Hanstone, въ замокъ своего дядьки Soibaut[1]). Здѣсь по нѣкоторомъ времени онъ открывается своимъ друзьямъ и вмѣстѣ съ Soibaut и его сыномъ отправляется въ Кёльнъ, откуда привозитъ жену. Вернувшись въ Англію, онъ принимается воевать противъ Doon, который, не зная, что въ

---

[1]) Въ ватиканскомъ спискѣ у A. v. Keller'a, l. c.: Seinber.

числѣ его враговъ находится и законный наслѣдникъ Guion'а, идетъ въ Лондонъ жаловаться на Soibaut королю Вильгельму. Король приказываетъ обвиняемому предстать передъ него, и тотъ является въ сообществѣ съ Bueves, который говоритъ, кто онъ, и въ свою очередь обвиняетъ Doon'а въ предательскомъ убійствѣ отца. Назначенъ Божій судъ, на которомъ Bueves убиваетъ Doon'а, а затѣмъ возвращается въ Hanstone, гдѣ по его приказанію мать-измѣнница заключена въ темницу. Пока Bueves побѣдоносно бьется съ ирландцами, вліяніе Doon'овой родни растетъ при дворѣ, и они помышляютъ, какъ бы отмстить Bueves. Случай представляется самъ собою. Bueves приглашенъ въ Лондонъ на праздникъ посвященія въ рыцари сына короля, Hugues; въ скачкѣ въ запуски конь Бовы, Arondel, далеко оставляетъ за собой другихъ; Hugue'у онъ приглянулся, онъ проситъ Bueve'а уступить ему его, но тотъ не хочетъ разстаться съ подаркомъ Josiane'ы. Когда по наущенію родичей Doon'а юноша пытается похитить коня, тотъ убиваетъ его; король хочетъ предать Bueve'а смерти, но замѣняетъ её изгнаніемъ; съ нимъ вмѣстѣ отправляется и Josiane. Буря заноситъ ихъ по близости Monbrant'а, гдѣ въ лѣсу Josiane родитъ двухъ сыновей и послѣ разныхъ приключеній попадаетъ вмѣстѣ съ дѣтьми во власть Yvorin'а, тогда какъ Bueves и Teris, сынъ Soibaut, спаслись и прибыли въ Sivele. Здѣсь Bueves оказываетъ королевѣ значительныя услуги на войнѣ, принужденъ жениться на ней, но съ ней не живетъ и на постели между ними всегда лежитъ мечъ[1]). — Черезъ нѣсколько лѣтъ Soibaut отправляется искать своего господина; буря приноситъ его къ Monbrant'у, гдѣ онъ освобождаетъ Josiane'у и дѣтей и вмѣстѣ съ ними возвращается въ Hanstone. Между тѣмъ охладѣлъ и гнѣвъ Вильгельма, и онъ не только креститъ сыновей Бово, но одного изъ нихъ, какъ будущаго наслѣдника своего престола, называетъ

[1]) Сл. туже подробность въ романѣ о Тристанѣ, выше, стр. 199, прим. 2; Cosquin, Contes populaires de Lorraine I, стр. 79.

своимъ именемъ. Онъ прощаетъ и отцу, и Josiane съ Soibaut отправляются искать его; первая переодѣта скоморошкой. Прибывъ въ Sivele, она распѣваетъ на площади о своихъ приключеніяхъ и узнана Bouve'омъ, который уѣзжаетъ съ нею къ себѣ, а королеву убѣдилъ выйдти за Teris'а. Послѣ новаго ирландскаго похода Bueves отправляется на востокъ, повидаться съ королемъ Hermin, помогаетъ ему отбиться отъ Yvorin'а, убиваетъ въ поединкѣ предателей, когда-то донесшихъ на него и Josian'у, и жестоко мститъ Braidamont'у. Въ Іерусалимѣ, гдѣ его вѣнчаютъ царемъ Святаго Города, онъ получаетъ вѣсть, что Вильгельмъ намѣренъ оставить престолъ своему крестнику; второй сынъ Bueve'а, Herminet, будетъ наслѣдникомъ Hermin; когда изъ Арменіи Bueves вернулся въ Ангію, смерть шотландскаго короля освободила престолъ еще и третьему сыну Bueve'а, Guion'у. — Кончина Bueve'а не разсказана (въ неполной) рукописи библіотеки св. Марка, которой пользовался Райна; по старопечатному французскому роману въ прозѣ онъ умираетъ отшельникомъ.

Сходенъ съ пересказаннымъ текстомъ былъ французскій оригиналъ Bevers-saga'и, недавно изданный Cederschiöld'омъ[1]). Дѣйствующія лица: Guion, ярлъ Hamtun'а, Нѣмецкій императоръ, отвѣчающій Doon'у de Maience; Bevers = Bueves; его мать — дочь шотландскаго короля. Она посылаетъ сказать императору, чтобъ онъ явился съ рыцарями въ лѣсъ подъ Hamtun'омъ и убилъ бы Guion'а, котораго она вышлетъ туда безоружнаго. Представившись больной, она проситъ мужа выѣхать на охоту и достать ей кабаньяго мяса; отъ этого ей полегчаетъ. Guion ѣдетъ безъ шлема и панцыря, только съ тремя спутниками; императоръ убиваетъ его и посылаетъ его голову женѣ, которая проситъ его явиться и на другой же день сыграть свадьбу. Когда услышалъ объ этомъ Bevers, упрекаетъ мать,

[1]) Fornsögur Suðrlanda, utgifna af Gustaf Cederschiöld. Lund. 1884, стр. 209 слѣд.; сл. стр. CCXVI слѣд.

грозится отмстить, когда выростетъ; въ гнѣвѣ она такъ сильно его ударила, что мальчикъ упалъ; старый рыцарь Sabaoth, его дядька, поднялъ его, хочетъ отнести къ себѣ, мать обѣщаетъ наградить его, если онъ убьетъ ея сына. Тотъ обѣщается, но вмѣсто того велитъ убить свинью, и замаравъ ея кровью платье Bevers'a, показываетъ его матери. Bevers'a онъ посылаетъ пасти своихъ овецъ; черезъ недѣлю онъ проводитъ его дальше. Но мальчикъ не выдержалъ: услышавъ на полѣ гулъ брачнаго веселья, онъ врывается во дворецъ, бранитъ императора: ты убилъ моего отца, овладѣлъ любовью моей матери безъ моего позволенія, захватилъ мое наслѣдье. Онъ наноситъ ему три удара своей палицей, но схваченъ по приказанію матери; узнавъ въ немъ Bevers'a, рыцари даютъ ему бѣжать — къ Sabaoth'y, который прячетъ его у себя, а разгнѣванной королевѣ, явившейся къ нему, говоритъ, что утопилъ его. Она не вѣритъ, грозится сжечь Sabaoth'a, тогда Bevers выходитъ изъ своего убѣжища и беретъ всю вину на себя. По порученію матери два рыцаря ведутъ его къ морскому берегу и продаютъ купцамъ, которые везутъ его въ Египетъ и тамъ дарятъ королю Erminrik'y. Bevers сразу открываетъ ему, кто онъ, дѣлается его чашникомъ — любимцемъ, вызывая тѣмъ зависть другихъ рыцарей. Однажды Bevers отправляется на подвигъ, который не разъ напрасно предпринимали другіе: сражаетъ вепря, опустошавшаго страну, и на обратномъ пути принужденъ обороняться отъ одиннадцати рыцарей — завистниковъ, преградившихъ ему путь. Все это видитъ, стоя на башнѣ Iosvena, дочь Erminrik'a, и влюбляется въ юношу.

Слѣдуетъ нападеніе Brandamon'a, царя Дамаска, требующаго руки Iosven'ы. По ея совѣту, Bevers'y поручено начальство надъ войскомъ. Эрминрикъ ставитъ его рыцаремъ, опоясываетъ мечемъ Myrklei, а Iosvena даритъ ему коня Arundele, на которомъ могъ сидѣть лишь храбрый, родовитый витязь. Brandamon побѣжденъ и Bevers отпускаетъ его подъ условіемъ признать себя ленникомъ Эрминрика.

Послѣ побѣды обрадованный король поручаетъ дочери учествовать Bevers'а. Она ведетъ его въ свои покои, разоблачаетъ, нрислуживаетъ ему за столомъ и объясняется съ нимъ въ любви. Онъ говоритъ, что онъ бѣдный чужеземецъ и ея недостоинъ, къ тому же другой вѣры; она разсердилась, обзываетъ его неучтивымъ мужикомъ, бродягой. Плохо ты платишь мнѣ за мои услуги, говоритъ Bevers, — хочетъ удалиться, вернувъ ей ея подарокъ — Arundele; только мечъ Myrklei онъ удержитъ, ибо заслужилъ его. Онъ удаляется изъ дворца и переселяется къ одному горожанину. Въ то время, какъ онъ отдыхаетъ, является дѣвушка, проситъ простить ей обиду, готова обратиться въ христіанство. Вотъ это мнѣ любо, говоритъ Bevers, цалуетъ её; дурного между ними ничего не было, но двое рыцарей доносятъ Эрминрику, что они въ связи, и совѣтуютъ ему, какъ отдѣлаться отъ Bevers'а: онъ пошлетъ его съ письмомъ къ Брандамону, пусть устроитъ такъ, чтобъ Bevers никогда не вернулся въ Египетъ. Bevers хочетъ ѣхать на Arundele и взять съ собою Myrklei. Myrklei слишкомъ тяжелъ, говоритъ король, — я дамъ тебѣ другой мечъ, а поѣзжай ты на иноходцѣ (gangari). На пути онъ встрѣчается съ пилигримомъ (pilgrim, palmara), съ которымъ раздѣляетъ его трапезу; онъ оказался Terri, сыномъ Sabaoth'а, который послалъ его на поиски Bevers'а. Bevers не открываетъ ему своего имени и направляется далѣе къ Дамаску, гдѣ Брандомонъ, прочтя письмо Эрминрика, садитъ его въ тюрьму, глубиною въ 30 аршинъ, полную змѣй и жабъ.

Между тѣмъ за Iosvena'у, которой Эрминрикъ разсказалъ, что Bevers тайно уѣхалъ въ Англію, сватается король Ivorius af Munbrak. Эрминрикъ согласенъ, но Iosvena сохраняетъ свою дѣвственность въ бракѣ при помощи чудеснаго пояса, ею сдѣланнаго: пока онъ на ней, никто не въ силахъ лишить ея дѣвственности[1]). Она беретъ съ собою Arundele, котораго держитъ

[1]) См. такой же поясъ Сабры въ The renowned history of the seven champions of Christendom, въ моихъ Розысканіяхъ, II, стр. 110; сл. Warncke, Die Lais de Marie de France, прим. R. Köhler къ Lai de Guigemar, стр. LX — LXI;

на желѣзныхъ цѣпяхъ: никто не смѣетъ къ нему подступиться, а Иворина онъ однажды такъ ударилъ, что его надо было унести.

Семь лѣтъ томиться Bevers въ темницѣ, молится вслухъ: пусть Господь освободитъ его, или пошлетъ скорую смерть. Сегодня же ты будешь повѣшенъ, кричатъ ему два сторожа, услышавъ его. Одинъ изъ нихъ спускается по веревкѣ въ темницу, Bevers убиваетъ его и кричитъ другому, чтобы и тотъ спустился, ибо одному поднять его не по силамъ. Убивъ и этого и взявъ оружіе убитыхъ, онъ выбирается наружу по веревкѣ, находитъ коня и пускается въ бѣгство. Не найдя его въ темницѣ, Брандамонъ и его племянникъ Grandier гонятся за нимъ; сразивъ ихъ, а на пути и Брандамонова брата-великана, онъ добирается до Іерусалима, гдѣ патріархъ снабжаетъ эго муломъ и даетъ 24 золотыхъ. Какой-то человѣкъ, служившій вмѣстѣ съ нимъ у Эрминрика, говоритъ ему о бракѣ Iosven'аы и указываетъ путь въ Munbrak.

Къ Iosven'ѣ онъ является въ видѣ паломника, когда Ivorius былъ на охотѣ; говоритъ, что родомъ изъ Англіи, знаетъ Bevers'а, который недавно женился. Услышавъ это, она падаетъ въ обморокъ; не будь Bevers въ Англіи, говоритъ она очнувшись, я признала бы его въ тебѣ; только у тебя шрамъ на лбу, котораго я у него не видѣла. Bevers отнѣкивается, хочетъ посмотрѣть ея чудеснаго коня, о которомъ слышалъ; это не возможно, отвѣчаетъ она: съ тѣхъ поръ, какъ я утратила Bevers'а, никто не осмѣливается приблизиться къ коню. Въ это время входитъ служитель (skuiari) Iosven'ы, Bonifrey; она спрашиваетъ его: на кого похожъ паломникъ? — Да это Bevers, говоритъ онъ. А въ это время конь сорвался съ путъ, бѣгаетъ по двору и ржетъ; увидѣвъ Bevers'а, онъ остановился, даетъ ему сѣсть на себя, идетъ и пляшетъ (leikandi) къ Iosvena'ѣ. Она признала Bevers'а, хочетъ бѣжать съ нимъ; онъ говоритъ ей о

Nyrop, Storia dell' epopea francese, trad. da Eg. Gorra, стр. 76, прим. 1, и 212 (перстни, охраняющіе дѣвственность).

вѣроломствѣ ея отца и о томъ, что она — жена другаго и болѣе не дѣвушка. Iosvena увѣряетъ, что о предательствѣ отца она ничего не знала и еще дѣвушка.

Въ это время является съ охоты Ivorius; по совѣту Bonifrey Bevers говоритъ ему, что пришелъ къ нему съ вѣстью: его братъ Bibilant осажденъ въ замкѣ Abilant. Ivorius тотчасъ же снаряжается въ походъ, оставивъ блюсти царство и жену короля Garsich. Его и его людей Bonifrey опаиваетъ соннымъ зельемъ, послѣ чего бѣжитъ съ Bevers'омъ и его милой. Проснувшись на другой день, Garsich узнаетъ при помощи волшебнаго камня въ своемъ перстнѣ о бѣгствѣ Iosvena'ы, но преслѣдованіе не удается, потому что Bonifrey укрывается съ товарищами въ пещеру.

На пути Iosvena почувствовала голодъ; пока Bevers охотится, чтобы раздобыть лань (hind), Bonifrey, оставшійся при дѣвушкѣ, убитъ двумя львами, которые уносятъ Iosvena'у на гору. Bevers возвращается, освобождаетъ ее и снова пускается въ путь, когда настигнутъ великаномъ Eskopart, посланнымъ королемъ Ivorius'омъ. Высота его пятнадцать футовъ, онъ вооруженъ мечемъ и палицей, которой не поднять десяти человѣкамъ; промежъ глазъ уложится три фута, кожа черная, какъ уголь, носъ некрасивый, спереди загнутый крючкомъ. Ноги у него большія и длинныя, въ быстротѣ онъ переспоритъ птицу; голосъ — что лай десяти собакъ; волосы длинною съ конскій хвостъ, глаза большіе и черные какъ дно котла, зубы — что у кабана. Копье Bevers'а ломается о грудь великана, палица котораго, направленная на противника, разщепляется о дерево; Eskopart берется за мечъ, но Arundele свалилъ его съ ногъ, Bevers готовится убить его, а Iosvena совѣтуетъ пощадить: онъ крестится и будетъ ему слугой. Eskopart согласенъ, и они втроемъ ѣдутъ далѣе. На морскомъ берегу видятъ судно язычниковъ, собиравшихся на войну съ христіанами; Eskopart проситъ принять ихъ на корабль; за ихъ отказомъ, вскакиваетъ на палубу и всѣхъ перебиваетъ. Третья погоня Ivorius'а за ними столь же неуспѣшна, какъ и предыдущая. Бѣглецы добираются на ко-

раблѣ до Кельна (Colonia), архіепископъ котораго, дядя Bevers'a, креститъ Iosven'ay и Eskopart'a и сообщаетъ вѣсти о Sabaoth'ѣ. Къ нему стремится Bevers. Оставивъ въ Кельнѣ Iosvena'y подъ охраной Eskopart'a, онъ ѣдетъ въ Англію, пристаетъ къ Hamtun'y, гдѣ на берегу встрѣчаетъ императора, которому называетъ себя Geirarðr af Franz. Императоръ говоритъ ему, что его тревожитъ набѣгами изъ своего замка Sabaoth; Bevers-Geirarðr вызывается послужить ему, если его людямъ дадутъ одежду и оружіе. Тотъ согласенъ; Bevers отправляется къ замку своего стараго дядьки, гдѣ и открывается ему.

Между тѣмъ одинъ ярлъ въ Кельнѣ, по имени Miles, соблазнившись красотою Iosvena'ы, хитростью залучаетъ Escopart'a въ замокъ на островѣ, гдѣ его запираетъ, и силой женится на красавицѣ, которая ночью задушила его своимъ поясомъ. На другой день, когда это открылось, ее осуждаютъ къ смерти на кострѣ, но во время является Fscopart, вырвавшійся изъ заключенія, и Bevers, которому донесли о насильственномъ бракѣ Iosvena'ы. Они освобождаютъ ее, и Bevers везетъ ее въ замокъ Sabaoth'a. Императору онъ посылаетъ сказать, что онъ не Geirarðr, а Bevers, и вскорѣ его повѣситъ. Въ слѣдующей далѣе войнѣ императоръ взятъ въ плѣнъ и казненъ, а жена его, мать Bevers'a, при этой вѣсти бросается съ башни. Вступивъ снова въ отцовское наслѣдіе, Bevers женится на Iosvena'ѣ; онъ въ чести у англійскаго короля, его Arundele выигралъ призъ въ 200 марокъ, потому что оказался быстрѣе всѣхъ другихъ коней. Сынъ короля проситъ Bevers'a уступить его ему; получивъ отказъ, пытается завладѣть имъ, пока Bevers сидѣлъ за столомъ, но Arundele положилъ его на мѣстѣ ударомъ въ лобъ. Услышавъ о томъ, король хочетъ повѣсить Bevers'a; пріятели послѣдняго убѣждаютъ короля отпустить его, удержавъ коня; но Bevers не хочетъ съ нимъ разстаться и осужденъ на изгнаніе; его земля отдана Soibaut; Iosvena и Terri слѣдуютъ за Bevers'омъ, а Escopart, котораго онъ наградилъ леномъ, долженъ остаться на защиту Sabaoth'a. Недовольный этимъ, ибо онъ предпочелъ бы

отправиться съ Bevers'омъ, онъ ѣдетъ къ Ivorius'у, которому говоритъ, что искалъ все время Iosvena'у; онъ знаетъ ея похитителя и, такъ какъ ему всѣ дороги свѣдомы, найдетъ бѣглецовъ, если Ivorius дастъ ему людей. Тотъ соглашается.

Между тѣмъ Bevers, Iosvena и Terri странствуютъ моремъ и сушей; чувствуя приближеніе родовъ, Iosvena проситъ спутниковъ отойдти въ сторону и рожаетъ двухъ мальчиковъ. Въ это время является Escopart и похищаетъ ее; Bevers и Terri, вернувшись, находятъ лишь дѣтей; напрасно проискавъ Iosvena'у въ лѣсу, они ѣдутъ далѣе, по дорогѣ въ Грецію.

Sabaoth'у снится, будто на Bevers'а напало сто львовъ и уже разорвали его коня, и что ему слѣдуетъ идти помолится св. Юлію въ Орлеанѣ. Тамъ онъ случайно встрѣчаетъ Iosvena'у, которая говоритъ ему, что Escopart ведетъ ее къ Ivorius'у. Sabaoth съ горожанами убиваетъ Escopart'а и его язычниковъ и ѣдетъ съ Iosvena'ой далѣе, на поиски Bevers'а. Въ Abbaport'ѣ онъ заболѣлъ; Iosvena за нимъ ухаживаетъ.

Продолжая путь съ Terri, Bevers отдаетъ двухъ своихъ сыновей на воспитаніе: Guion'а лѣснику, Miles'а рыбаку. Они прибыли въ городъ Civile, отъ котораго отбиваютъ непріятеля; дѣвушка, владѣтельница города, предлагаетъ Bevers'у жениться на ней; тотъ отказывается, говоритъ, что женатъ; дѣвушка грозитъ ему смертью, и онъ соглашается на условіи — жениться на ней черезъ четыре года, если не найдетъ своей жены, а если найдетъ — дать ей въ мужья Terri. Пока онъ остается на защиту ея страны и отражаетъ враговъ, осадившихъ Civile. По прошествіи срока, положеннаго Bevers'омъ, дѣвушка соглашается ждать еще три года. Въ это время являются въ Civile Sabaoth съ Iosvena'ой и открываются Terri и Bevers'у; супруги свидѣлись, Bevers велитъ привести своихъ сыновей, воспитателей которыхъ щедро награждаетъ, а Terri женится на властительницѣ города.

Bevers узнаетъ, что Ivorius, обвиняющій Эрминрика въ уходѣ своей жены, собирается противъ него войною. У Bevers'а роди-

лась между тѣмъ дочь Beatrix, у Terri — сынъ, по имени Bevers. Когда Bevers явился на помощь къ Эрминрику, тотъ винится передъ нимъ и выдаетъ головою предателей (Gilistinn и Fures), научившихъ его послать Bevers'а къ Брандамону. Предатели казнены, разбитый Ivorius бѣжитъ; когда дошли слухи, что онъ снова грозитъ войною, Эрминрикъ, Bevers и Terri предупреждаютъ его подъ Munbrak'омъ и берутъ въ плѣнъ, изъ котораго онъ освобождается дорогою цѣною.

Вскорѣ послѣ того умираетъ Эрминрикъ, оставивъ Guion'у двѣ трети своего царства и королевскій титулъ, Miles'у остальную треть съ титуломъ герцога. Sabaoth возвращается въ Англію къ женѣ (Herinborg) и сыну (Rodbert).

Ivorius хочетъ отмстить Bevers'у; по его наущенію, воръ Jupiter похитилъ у него Arundele. Sabaoth'у снится, что Bevers сломалъ себѣ бедро; онъ чуетъ что-то недоброе и, отправившись въ одеждѣ пилигрима въ Abbaport, узнаетъ отъ Josven'ы въ чемъ дѣло. Онъ хочетъ ему помочь: ѣдетъ въ Munbrak, и когда однажды Arundele вели на водопой, проситъ Юпитера дозволить ему осмотрѣть чудеснаго коня, вскочилъ на него и былъ таковъ. За нимъ гонятся, нагналъ его вблизи Abbaport'а Fabur, верхомъ на жеребенкѣ отъ Arundele, столько же быстромъ, какъ она. Въ послѣдовавшей схваткѣ, въ которой принимаетъ участіе и Bevers съ сыновьями, преслѣдователи разбиты.

Слѣдуетъ еще война противъ Ivorius'а и помощныхъ ему королей. Побѣда на сторонѣ Bevers'а; папа, вызванный въ Munbrak, вѣнчаетъ его и Josvena'у на царство и креститъ язычниковъ.

Вскорѣ послѣ того Bevers получилъ извѣстіе, что англійскій король отнялъ у Sabaoth'а его земли. Онъ переправляется въ Англію съ войскомъ; узнавъ о его прибытіи, король объявляетъ своимъ вельможамъ, что по старости и болѣзни не въ силахъ противостоять Беверсу, съ которымъ и замиряется, предложивъ его сыну руку своей дочери и вѣнецъ по своей смерти. Черезъ три дня онъ умираетъ, Miles вѣнчается на царство, а Bevers,

вернувшись (черезъ Фландрію, Римъ и Іерусалимъ) въ Munbrak, находитъ тамъ свою жену при смерти, Arundele околѣвшей. Онъ молится, чтобы Господь сподобилъ его умереть вмѣстѣ съ женою. Они умираютъ, обнявшись, похоронены въ церкви св. Лаврентія, а въ Munbrak'ѣ воцаряется Guion.

Таковъ разсказъ саги, сохранившейся въ нѣсколькихъ рукописяхъ, изъ которыхъ одна[1]) носитъ слѣды личной переработки пересказщика. Къ сагѣ восходятъ исландскія Béfus — rimur и фарейскія Bevussar taettir[2]), какъ любимая въ Англіи народная книга о Bevis къ старо-англійской поэмѣ о Sir Bevis of Hampton[3]), пересказу одной рецензіи старофранцузскаго стихотворнаго текста[4]).

Французскій текстъ поэмы по ркп. импер. вѣнской библіотеки № 3429, съ содержаніемъ котораго я познакомился изъ сообщеній Singer'а[5]), къ сожалѣнію слишкомъ краткихъ, относится, по мнѣнію изслѣдователя, къ одной редакціи съ оригиналомъ саги, хотя нѣкоторыя черты заставляютъ въ этомъ усумниться. Такъ напр. Doon не казненъ (какъ отвѣчающій ему императоръ саги), а убитъ Bueve'омъ въ поединкѣ, какъ въ пересказанной выше французской поэмѣ. Замѣна Doon'а нѣмецкимъ императоромъ еще не совершилась; изъ именъ отмѣтимъ: Ermins, Josiane, Bonnefoy (= Bonifrey саги, Bonefas въ Bevis of Hamtoune), рядомъ съ которымъ является еще въ услуженіи Josiane'ы какая-то Pietris, дочь тирскаго короля; Yvoire de Montbrant; Sambault и его сынъ Thierry; Brademant. Пересказъ Singer'а, мало полезный для критики текстовъ Бовы и сдѣланный не въ виду этой цѣли, раскрываетъ другую любопытную подробность: что французскій оригиналъ старонѣмецкой поэмы о графѣ Рудольфѣ представлялъ сплоченіе какого-нибудь разсказа изъ собы-

---

[1]) Сл. Cederschiöld, стр. CCXXXIX, № 7.

[2]) l. c. стр. CCXLVI, CCXLVII—VIII.

[3]) Объ англійскихъ версіяхъ сл. ib. стр. CCXVI.

[4]) MS. Didot. Сл. P. Meyer, l. c., стр. XXI, прим. 1.

[5]) S. Singer, Graf Rudolph, въ Zeitschr. f. deutsches Alterthum B. XXX, стр. 379 и слѣд.

тій крестовыхъ походовъ (можетъ быть, похода графа Hugo de Puiset) съ мотивами Beuve. Оригиналъ этотъ извѣстенъ былъ въ устной передачѣ и Berthold'y von Holle который воспользовался имъ въ своей Crane (стр. 389). Не касаясь здѣсь послѣдняго вопроса, замѣчу, что мотивы Бово позволяютъ очень удачно возстановить связь между фрагментами графа Рудольфа, и что въ иныхъ эпизодахъ той и другой поэмы есть дѣйствительное сходство. Доказательнѣе всего собственныя имена: Bonifrey'ю, Bonnefoy, Bonefas отвѣчаетъ въ сходной роли Bonifait, а милая Бово, отвѣчающая Josiane'ѣ, получаетъ въ крещеніи имя Irmengard, что несомнѣнно указываетъ на отца Josiane'ы, Ermin, Hermin, хотя въ нѣмецкой поэмѣ стоитъ другое имя: Gilot, король Іерусалима. Въ провансальской поэмѣ: Daurel et Beton (ed. P. Meyer) жена Beuve'a также названа Ermenjart, а его сынъ любитъ язычницу Erimene (стр. 388).

Сложность и запутанность плана и обиліе подробностей, поражающихъ въ пересказанныхъ нами поэмѣ и сагѣ, говорятъ за позднюю редакцію ихъ оригинала. Въ болѣе древней и простой та же французская поэма была занесена въ Италію, гдѣ между 1250 и 1330 гг. отразилась въ двухъ текстахъ: одномъ франко-итальянскомъ (S. Marco XIII), другомъ венеціанскомъ, сохранившемся въ рукописи лауренціанской библіотеки. Оба, по прежнему мнѣнію Райны (l. c. стр. 144), восходятъ къ одному оригиналу, но не списаны съ него, а записаны по памяти, при чемъ одинъ пересказчикъ могъ вѣрнѣе запомнить одно, другой другое, а авторъ франко-венеціанской версіи кромѣ того позаимствовалъ конецъ своего разсказа изъ редакціи пространнаго французскаго типа. Три отрывка изъ другой также венеціанской поэмы о Бово, недавно открытые въ Udine и изданные Райной [1]), позволили ему точнѣе опредѣлить генеалогію лауренціанскаго текста: они оказываются принадлежащими къ одной съ нимъ редакціи, вышли изъ общаго франко-итальянскаго подлинника,

[1]) Zeitschrift f. rom. Philologie, B. XI, H. 2, стр. 153 слѣд.: Frammenti di redazioni italiane del Buovo d'Antona. I. Nuovi frammenti franco-italiani.

къ которому удинскіе фрагменты стоятъ ближе по количеству сохранившихся въ нихъ гибридныхъ французскихъ элементовъ, отличающихъ вообще старую эпическую литературу Тревизской Марки, тогда какъ въ лауренціанской поэмѣ начало мѣстнаго говора уже взяло перевѣсъ.

Такъ захожая сага пустила корни въ сѣверной Италіи и отсюда перенесена была въ Тоскану, гдѣ уже Villani свидѣтельствуетъ объ ея популярности: сообщая древнее названіе Вольтерры — Antonia, онъ прибавляетъ: «e secondo che si leggono i romanzi indi fu il buono Buovo d'Antona». Тосканскихъ пересказа его исторіи Райна отмѣчаетъ три. Первый по времени Bovo in 8-a rima, въ 22 пѣсняхъ и 1400 станцахъ: онъ всего ближе къ венеціанскому тексту, хотя его оригиналъ былъ развитѣе послѣдняго, а нѣкоторыя подробности относятъ насъ къ версіи франко-итальянской. Согласіе съ венеціанскимъ текстомъ простирается, собственно, лишь на первыя XIV пѣсенъ, слѣдующія VIII принадлежатъ, по мнѣнію Райны, фантазіи тосканскаго перескащика, за исключеніемъ впрочемъ послѣднихъ 28 станцъ, которыя первоначально могли непосредственно примыкать къ концу XIV пѣсни. Эти станцы разсказываютъ: о бракѣ и воцареніи Terigi (Tiris франц. chanson), о возвращеніи Бовы въ Антону, гдѣ вскорѣ умираетъ Drusiana, а онъ самъ убитъ предателемъ, подосланнымъ сыномъ Додона, Gualtieri. Услышавъ о томъ сынъ Бовы, Guidone, наслѣдовавшій дѣду въ Арменіи, идетъ съ большимъ войскомъ на Maganza'у и разрушаетъ городъ. Древнее содержаніе поэмы, пересказанной авторомъ Bovo in 8-a rima, отвѣчало бы: XIV пѣснямъ + 28 станцамъ XXII-й. Повѣрки этому предположенію потому нельзя было сдѣлать, что въ венеціанскомъ текстѣ, принадлежавшемъ, какъ мы видѣли, къ одной редакціи съ оригиналомъ Bovo in 8-a rima, не достаетъ конца: онъ обрывается именно на воцареніи и женитьбѣ Teris-Terigi. Нашъ бѣлорусскій Тристанъ, воспроизводящій венеціанскій текстъ, является здѣсь на выручку — устраняя гипотезу Райны. Къ этому прибавимъ еще слѣдующій вопросъ: Райна

говоритъ объ одномъ текстѣ Bovo in 8-a rima, имѣвшемъ, какъ извѣстно, множество изданій; слѣдующая выдержка изъ изданій 1491 (Venezia) и 1537 (Venezia) годовъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ двумя текстами:

ed. 1491.

st. 105. Alora don Alberico al primo trato
Con bella compagnia cavalcava
Verso Antona quanto potea ratto;
Gionto ala torre al palazo smonta,
Vane a Brandonia e conta tutto il fato
Ciò che Dudon dicendo gli mandava,
La visione e tutte l'altre cose,
Unde Brandonia così li respose:

«Indietro torna e di' al tuo signore
Che no li dia alcuna melinconia,
Ch'io li prometto per lo mio honore
Ossa ne carne di Buove no sia.
Io lo farò morir cum gran dolore
Mai più non udirà che se ne sia,
Voglio far morir secretamente
Per nostro honor, che nol sapia la gente

Tornati in dreto, a lui debiati dire».
Dono Alberico alor tolse comiato,
De la sua gente il fece seguire,
Trovano alhora el signor beato.
Alberico disse al suo fratello e sire,
El fato aponto aponto gli a contato
Come Brandonia ad esso referia
Che Buovo la sua vita finiria.

ed. 1537.

st. 54: Partisse lui con molti in compagnia,
Ad Antona al palazo dismontava,
Trovò Brandonia, il fatto li dicia
Come Dudone per Buovo mandava
Perchè li vol dar la morteria,

16*

Perchè in insonio Dudone amazava,
Unde Dudone fu disposto al tutto
Dar morte a Buovo e vederlo destrutto

Disse Brandonia: «Alberigo soprano,
Io son contenta di Buovo amazare,
Per nostro honor far coperto debbiamo.
Vanne Alberigo e debbi ritornare,
Di' a Dudone che l'habbia per certano
Che non lo sentirà mai nominare,
Che morte li darò, che dove el sia,
Non si saprà, te giuro in fede mia».

Dono Alberigo al campo ritornava.
A Dudon contava tal trattato.

Второй тосканскій пересказъ поэмы о Бовѣ представляютъ Reali di Francia. Райна полагаетъ, что источниками для компилятора, въ отдѣлѣ о Бово, были англонорманнская, франкоиталіанская и венеціанская версіи пѣсни; что поэму in 8-a rima онъ могъ слышать и кое-что позаимствовать изъ нея по наслышкѣ; что кромѣ того у него могъ быть и еще одинъ источникъ (сл. стр. 204 и 209), а конецъ разсказа, начиная съ 65 главы, принадлежитъ его собственному воображенію. Къ этимъ источникамъ Reali я могу присоединить и еще одинъ, благодаря проф. Райнѣ, предоставившему мнѣ пользованіе текстомъ, имъ открытымъ: тосканскимъ переводомъ (половины XIV вѣка; рукопись половины XV) франко-италіанскаго Бовы, сохраненнаго (безъ начала) въ cod. S. Marc. XIII. Къ сожалѣнію, переводъ въ рукописи обрывается задолго до конца, на сценѣ, когда Drusiana проситъ Бову дать ей вѣнокъ съ головы.

Въ половинѣ XV вѣка какой-то Gherardo, вѣроятно народный поэтъ, еще разъ пересказалъ дѣянія Бово въ пространной поэмѣ, въ которой сплотилъ то, что о его героѣ передавали старыя пѣсни французской и италіанской семьи.

На распространеніи нашего романа въ другихъ европейскихъ литературахъ отчасти указано выше. Я упомянулъ старо-

печатный французскій романъ въ прозѣ; къ нему слѣдуетъ присоединить стихотворную передѣлку Pierre du Ris; для Англіи отмѣтимъ, кромѣ старой поэмы о Sir Bevis of Hampton, еще и прозаическій романъ того же названія; для Нидерландовъ народную книгу XVI вѣка, заимствованную изъ французскаго прозаическаго романа. Еврейскій переводъ былъ упомянутъ выше (стр. 129, прим. 1).

Особая популярность досталась на долю Бовѣ на Руси, гдѣ судя по спискамъ XVII вѣка и упоминанію въ 1693 году потѣшной книги, въ лицахъ, о Бовѣ королевичѣ въ числѣ книгъ царевича Алексѣя Петровича [1]), «сказаніе» или «гисторія», «слово» о Бовѣ объявилось довольно рано. Подъ «сказаніемъ» или «гисторіей» я разумѣю ту извѣстную форму повѣсти, которая легла въ основу нашихъ лубочныхъ передѣлокъ, обнароднѣла до степени другихъ русскихъ сказокъ, къ героямъ которыхъ присосѣживаетъ и своихъ, иноземныхъ. Правда, «*Бова*, королевинъ сынъ» въ сказкѣ о Голѣ Воянскомъ, встрѣчается лишь въ сборникѣ Броницына (Русск. нар. сказки, стр. 27—43) [2]); *Лукоперъ* и *Полканъ* въ сказкѣ объ «Иванѣ богатырѣ крестьянскомъ сынѣ»— только въ лубкахъ [3]), но Полканъ попалъ и въ стихъ объ Аникѣ воинѣ въ числѣ богатырей, скошенныхъ смертью [4]), Чудище *Полканище*, *Полканъ Полкановичъ* въ народныя сказки объ Ильѣ, гдѣ онъ замѣнилъ былиннаго Идолища [5]); кое-гдѣ встрѣчаются имена *Додона* [6]) и (Василисы) *Кирбитьевны* [7]), тогда какъ въ бѣлорусской вертепной драмѣ Максимьянъ оказывается царящимъ въ городѣ *Антонѣ*, гдѣ Аника-воинъ защищаетъ его отъ нападеніи «Змѣя-Улана» и «Арапа». — Собственно въ былины не

[1]) Сл. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 248.

[2]) Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, IV, Приложенія стр. CLII.

[3]) L. c. стр. CLXXXV, CLXXXIX.

[4]) См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Поэма о Дигенисѣ, Вѣстникъ Европы, апрѣль 1875 г., стр. 771.

[5]) Кирѣевскій, l. c., I, Приложенія стр. XXXIV. Сл. Ровинскій, Русскія Народныя картинки I, стр. 146—7, прим. 4.

[6]) Аѳанасьевъ, Нар. русск. сказки № 158, c.

[7]) l. c. № 93, c.

проникъ, если не ошибаемся, ни одинъ изъ героевъ захожей италіанской повѣсти: всѣ они опоздали своимъ пріѣздомъ на Русь. Для исторіи русскаго эпоса это terminus ad quem, если точно опредѣлить время перехода повѣсти, успѣвшей обратиться въ русскую сказку, подарившей насъ въ XVII вѣкѣ даже личнымъ именемъ Бовы [1]), но поступившейся передъ цѣльностью законченнаго эпическаго цикла.

Откуда явилось къ намъ *Сказаніе* или *Гисторія?* Косвенный отвѣтъ на это можетъ дать повѣсть о Бовѣ, или «Исторыѧ о кнѧжати Кгвидоне» познанскаго сборника. Подобно Тристану она переведена съ сербскаго и за сербизмами, оставшимися въ бѣлорусскомъ пересказѣ, сохранила и нѣсколько италіанизмовъ— слѣды оригинала, надъ которымъ работалъ южнославянскій переводчикъ. Этотъ оригиналъ, или весьма близкій къ нему текстъ, мы и теперь еще можемъ признать по венеціанской поэмѣ, изданной Райной. Сербскій подлинникъ бѣлорусской повѣсти не найденъ; романическая исторія Бовы проникла къ южнымъ славянамъ, сколько пока извѣстно, лишь въ хорватскомъ (пока не изданномъ) переводѣ соотвѣтствующаго отдѣла Reali di Francia. Слѣдовъ особой популярности Бовы на славянскомъ югѣ также не замѣтно, но ея нечего и предполагать въ объясненіе его русской популярности. Повѣсть почему-то понравилась, пошла въ оборотъ; объясненіе лежитъ въ случайностяхъ народнаго вкуса, или въ томъ, что намъ представляется случайностью.

Исторія о Гвидонѣ», какъ мы будемъ называть ее далѣе, не принадлежитъ къ одной редакціи съ *Сказаніемъ* о Бовѣ; передъ нами, очевидно, два отраженія одного перевода. Если я позволилъ себѣ заключить, что и Сказаніе прошло къ намъ тѣми-же путями, по какимъ слѣдовала Исторія, то я спѣшу добавить, что основаній для такого предположенія, вѣроятнаго a priori, у меня не много. Сказаніе такъ часто пересказывалось и переписывалось, что приняло и русскій стилистическій колоритъ, въ которомъ нельзя и ожидать встрѣтить сербизмовъ Исторіи;

[1]) Пыпинъ, l. c. стр. 248.

исключеніе составляютъ развѣ юнаки = юноки, клобукъ = клобукъ бѣлорусской повѣсти. Важно, какъ указаніе, имя Лукопера, въ которомъ видѣли признакъ русской передѣлки и народнаго усвоенія Lucaferro, тогда какъ выше уже было замѣчено, что смѣна лат. италіанск. f въ слав. п въ именахъ собственныхъ составляетъ признакъ извѣстной группы древнихъ южно-славянскихъ памятниковъ. Съ этой точки зрѣнія объясняется и имя Дружнены: ит. Drusiana; сл. тотъ-же переходъ s въ ж въ Тристанѣ: Ижота, Самсижъ; дѣйствіе народной этимологіи ограничивается развѣ формой: Дружневна, упрочивающейся въ позднихъ спискахъ Сказанія, уже на русской почвѣ. Ясно, что имена повѣсти о Бовѣ не подверглись на южно-славянской почвѣ тому народному усвоенію, которое обратило, напримѣръ, въ Троянской притчѣ Ulixes въ Оурикшешь (по связи съ оуръ), Юнону въ Юнаа; въ Тристанѣ: (Lancelot) *du Lac* въ: *з Локве* (въ Черногоріи *локва* — природное или искусственное скопленіе воды, въ родѣ большой лужи). Хронологическій ли это признакъ или показатель большаго или меньшаго интереса къ той или другой повѣсти?

Перейдемъ къ анализу Исторіи въ связи съ венеціанскою поэмой о Bovo по списку Лауренціаны и удинскимъ отрывкамъ, восполняющимъ отчасти его пробѣлы[1]). Въ лауренціанской поэмѣ недостаетъ начала, которое такъ восполняется русскимъ текстомъ:

«Ꙗко писмо говорыт: Добрыи мужу, бог ти будь на помоч и вховаи тѧ ѡт смерти и ѡт злое прыгоды! Хочу вам поведати добрую повесть ѡ Кгвидоне Антонскомъ кнѧжати и ѡ его сыне, ѡ великом и славномъ рыцеру Бове. Тотъ Кгвидонъ храбрыи конникъ былъ, але ѡдну реч зле вчынилъ, иж в час жоны не понѧлъ, але коли вже старъ былъ, тогды понѧл жону з великого племени, и ѡна его не мела ни за ѡдин пѣнез. И в первую ночъ коли с нимъ спала, почала ѡт него сына. А коли вышли мѣсецы днеи, и ѡна родила сына цудного створенѧ, а коли єго крестили, дали имѧ єму Бово. И ꙗкъ почалъ рости, и ѡн єго поручыл

[1]) Послѣ 307, 479, 1154 и 1252 стиховъ. Сл. Rajna въ Zeitschrift f. rom. Philologie I. c. стр. 154.

ѡдному служебнику своему Симбалду, и ѡнъ его ховал болшеи нижли семъ годъ. И ѡное дитѧ за тую семъ годъ възросло немало, а был велми пекное ѡсобы, парсуна ему была ꙗкъ рожа, а волосы мѣлъ жолты ꙗкъ злото, и лепшое дитѧ над него не могло сѧ знаити.

Тутъ вернимо сѧ, поведаимо ѡпат ꙗкъ жона Кгвидонова згубила пана своего доброго Кгвидона, а еи было имѧ меретрысъ.

Ѡнаꙗ пани ѡдного часу по рану вставшы и убрала сѧ у добрые шаты и умыла сѧ водкою рожаною и погледѣла сѧ в зеркало и рече». Отсюда начинается венеціанскій текстъ; приводимъ отрывокъ его en regard съ русскимъ въ доказательство ихъ близости:

1. «Mal' abia *mio pare e'l mio parentà*
Che assè vechio marido m'à donà,
Che nonn-à far la mia voluntà;
No m'ay Dio se no men averò vendichà'.»
Un suo segreto ella apellà
Lo qual Rizardo fo chiamà
Chi era suo homo e *de son masnà.*
«Rizardo», disse la donna, «intendè lo mi' parlà:
Alla zità di Maganza ti convien andar;
Dirai a Dudon che t'avi a parlar;
Da mia parte l'averì a salutar,
E di che l'amo plu che pare nè mar;
C'allui me volsi voluntera maritar;
Non vol'mio padre nè'l mio parentà.
Questo sì ve digo ch'ell' è la verità,
Dili che con sua zente elo si deba armà,

Беда ми, *што мои ѡтец и мои род* покинули мѧ, *иж мѧ за тою старою мужа дали, иж ѡн не может ми ку воли вчынити. И прызвала ѡдною своею служебника, которому было имѧ Рычардо, и рече ему: Поѣдь къ городу Маганцу до кнѧжати Додона*, до моего милого, и *поздрови его ѡт мене, бо ми ест велми миль не пущеи ѡтца и матеры; и хотьла всми за него поити, але не хотель мои ѡтец и мои род.* Але ти говору: послужы ми в томъ *с правою серца* и мовъ ему: *нехаи зберет своих людеи пятнадцать тысечеи доброю люду зброиною, а нехаи прыидуть взѧти Антон град, а стали бы въ лузе ѡт Склоравенѧ, а ꙗ в тот час пошлю Кгвидона в лов; ѡнъ не ѡзмет зъ собою жадное зброи и слугъ не ѡзметь болшъ двадьцати юнаковъ, а тамъ можеть ѡтца своего смерть помстити; и ѡзмеш град своими*

Chon. XV. *milia chavalieri presà:*	*людми и все мое панство тобѣ*
Si *vengha a prenderè Antonia la città.*	*будет, а мене собѣ ѡзмеш за жону.*
In lo boscho de Sclaravena se debia inboschà:	
Io manderó lo dux Guidon a cazar,	
E chon si nonn-averrà arme a portar;	
Venti zoveni bazaler l'averà conpangnar,	
Della morte del suo pare se porà vendicar,	
Po' averà colla zente la cità conquistar;	
Della contrada farà la suo voluntà,	
Po'sì m'averà per moyer a spoxar».	

Ричардо отказывается: Не помози ми богъ если бых там поехал» (29 Nè m'ay Di', diss'ello, sili averò andar), но жена Гвидона грозитъ донести на него мужу, что онъ хотѣлъ её изнасиловать, и Гвидонъ «тѧ велит ѡбесит за горло» (35 per la ghola apichar) [1]). Ричардо соглашается (пани, могу ѩ вчинити на твою

[1]) Для сравненія приведу отрывокъ тосканскаго текста (переведеннаго съ франко-италіанскаго оригинала = Marc. XIII), найденнаго Райной: «Quando tutti si sono partiti ell'alba chiarita e'l sole levato, la reina Brandoria sissi levò del suo letto addorno e vestissi e calzossi; e calzata e vestita sissene fu ita a uno spechio e pose mente a suo figura. E veggiendosi così bella figura incominciò forte mente a pensare e con gran doglia incominciò addire: In che mal'ora fu io nata ad essere maritata assi vecchio! Chemmi vale città e castella, o oro o argiento, o priete di gran valuta, quando non posso contentare le voglie mie! Ben è il mio padre di gran possa, che per richezza mi potea con suo tenere. E così ragionando frassè stessi sen'andò ad una finestra sopra la marina cherriguardava inn'ogni parte sopr' alla terra dov'ella à signoreggiare; e così riguardando sentì usignuoli e altri uccielletti inn'un giardino a piè del palagio cantare; dov'ella molto addolorata cominciò addire: «Ogni animale si rallegra ed io mi contristo!» diciendo di ciò farne vendetta, «Lassa a me tapina, che mai fu io nata, chissono stata data a un vecchio che non mi può sollazzare nella notte nè il die». E così dolendosi sissi rammenta di Duodo di Maganza, che «Ora t'avessi io in mia balia! Io farei la tua voglia e tu faresti la mia!» E così diciendo e diliberata di man-

волю = 37 madona io farò vostra voluntà), садится на «иноходника» (= 39 palafren), «прыехал на двор Додоновъ и вшолъ у палацъ» (=44 vene ala plaça, sul palaço montà), сообщаетъ Додону порученіе своей госпожи. Рѣчь Ричардо въ венеціанскомъ текстѣ болѣе развита, чѣмъ въ русскомъ, но въ отповѣди Додона оба сходятся: «Курвыи сыну, бог даи тобе лихо (68 Dio te dia mal afar), Кгвидон естъ добрыи рыцэр на кони у зброи, коли ѡн убил ѡтца моего, и мнѣ тое-ж может учынити. Ѡн тебе послал на лазучъстве (71 Elo per quel tradimento sì v'à qui mandar); не поможи ми богъ, єсли тѧ не велю ѡбѣсит» (72 Non m'ay Dio s'io no-ve façо apicar). Ричардо проситъ его довѣриться ему, а пока не довѣдается, что онъ говоритъ правду, посадить его въ темницу. «*Вере* так мушу вчынити» (83 *Per la mia fè*, cossì te farò far[1]); сл. 518 Si m'ay Dio, io no ve la voio donar = *веро-ть* его не дам.

Додонъ ѣдетъ къ городу Антону съ войскомъ; вскочилъ на коня, даже «за стрымѧ се не прынѧлъ» (88 streve non ave piar); «гэтманом Дан Албрыго, брат Додонов муж удалыи» (91 Dan Albrigo lo confalon portà — Fradelo era de Dodon lo renegà). Они остановились въ указанномъ мѣстѣ, въ лугу «ѡт Скларавенѧ», куда жена посылаетъ Гвидона: она беременна, ей захо-

---

dargli inbasciata, ed escie fuori della camera e va giù per le scale ed escie fuori del palagio e scontrossi in un suo scudiere molto suo segreto, e dolciemente lo prese asalutare: «Ben ne venga il mio Sire!» Ed e'rispose: «Dio vi dia il buon die e vo' ben vegniate, Madonna. Chevvi piacie? A ogni vostra ubbidienzia sono: comandate mi ciò che vi piacie». Ella donna rispose: «Ben te lo dirò. E'ti converrà giurare di servirmi e tenermelo segreto; ed io t'inprometto renderti buon merito». Ello scudiere rispose: «A ogni vostro comandamento prometto di servirvi di cosa chemmi sia in possibile, insin da mettere la vita. E giuro alle sante Dio vangielle di fare vostra volontà». Когда онъ узнаетъ, что ему слѣдуетъ отправиться къ Дуодо, онъ говоритъ: «Madonna, io non vi voglio andare, altro che male nonn'è vostro pensato, e per male volete vada. Duodo di Maganza è nemico del mio signiore. Per tanto pensate d'altro messaggiere». Она грозитъ, что пожалуется мужу, будто онъ хотѣлъ ее изнасиловать; Antonio (= Rizardo другихъ текстовъ) сдается, и Brandoria садится писать письмо къ Дуодо.

[1]) Въ Buovo in 8 rima Ричардо не посаженъ въ темницу, а возвращается къ женѣ Гвидона, Brandonia.

тѣлось «зверынного мѧса» (103 salvadexine, далѣе: зверыны = 105 id), не достанетъ-ли ѡнъ? Гвидонъ ѣдетъ на охоту съ десятью юнаками (108 vinti çoveni; 113: XX nobeli infant); видитъ его Додонъ, говоритъ: «Кгвидоне Антонскии, тобѣ прышол нине последнии ден (122 finimant). Кгвидон почувшы почал плакати и вдарыл сѧ пастю в груди моцно (124 Leva la pugno per lo peti serand) и рече: Бѣдныи Кгвидон и злочастен, то естъ учынила моѩ жона Бландоѧ» (126 Blondoia; vv. 127—9: слѣдуетъ молитва о судьбѣ Бово, которой нѣтъ въ русскомъ текстѣ). Гвидонъ убитъ, Додонъ ѣдетъ къ Антону, гдѣ находитъ «узвод» (li pont) опущеннымъ; «а курва жона Кгвидонова (140 la putana) против єму вышла и рече єму: Добре єси прышол, воиниче (142 conbatant), погубил ли єси Кгвидона, которыи мнѣ не мил был а ни вдѧчон? Ѡн рече: Убил єсми єго, пани. — За то хочу дат на девет десѧт молитов (144 Mile marçè ve rand). И ѡна єго узѧла за руку и вела єго у ѡдну комору» (= 145 E la meltris per la man lo prand, In una camara lo menà a tant).

Люди Гвидоновы хотятъ удалиться изъ города, Додонъ ихъ удерживаетъ. Скрылся и Бово; его дядька Симбальдо (Sinibaldo) всюду его ищетъ, сокрушается: «Ѡ беда мнѣ, ѡтец мертвъ, а сына нѣт» (158 tristo, mal agurà, Morto è lo pare, lo fiol ò mal guardà). Онъ находитъ его въ конюшнѣ подъ яслями, говоритъ объ обійствѣ отца, спрашиваетъ, можетъ ли онъ доѣхать верхомъ до «свѧтого Симиѡна града» (San Simon), тридцать лѣтъ тому назадъ подареннаго ему Гвидономъ; еслибъ добраться до него, онъ сталъ бы воевать съ Додономъ. Бово согласенъ; Симбальдо тайно выѣзжаетъ съ нимъ, сыномъ Терызомъ (Teris) и шестидесятью конными, добрыми юнаками (182 LX chavalieri aparià). Одинъ изъ его спутниковъ, далѣе названный Рычардо (Riçardo), вернулся съ пути, чтобы донести обо всемъ Додону, который пускается въ погоню за бѣглецами, тогда какъ Рычардо нагоняетъ своихъ, вызывается разузнать, что за люди ихъ преслѣдуютъ (Симбальдо говоритъ ему по этому поводу: Поедь, богу тѧ полецам — бо не знал, што на зраде ходил = 219 A Dio

t'acomant, ch'elo no savea del tradimant), но вмѣсто того, вернувшись къ Додону, велитъ ему поспѣшить, а затѣмъ снова ѣдетъ къ Симбальду. Видитъ его издали Терызъ, говоритъ: «Ѡтче, то ми сѧ видит лазука, поеду ꙗ, вчыню его мертва» = 232 Pare, diss'elo, quel me par tradiment, Lassème andar, sil farò dolent). Онъ убиваетъ его.

«Тутъ «сѧ имъ нефортуна (esmeneventura) стала»: Бово упалъ съ коня, а Додонъ подхватилъ его. «Ѡ Боже великии, ꙗкаꙗ болесть нашла сѧ!» (245 Dio, que dol, che Synibaldo no sen' adà!). Симбальдо кричитъ Додону: «Юначе (251 baron), верни его ѡпят, хочэмъ его ѡткупити, ѡзми за него што хочеш, а если не всхочеш, Додоне, подъ божю прысѧгою (252 Per quel apostolo chi pelegrin va quirant) первеи хочэм помрэти, ниж его дати на срамоту». Онъ ѣдетъ за Додономъ до воротъ Антона, но своего не добился. Собравъ войско (261 Quatro cento soldadi; позднѣе русскій текстъ даетъ ему 10 тысячъ), онъ каждый день воюетъ подъ Антономъ, «и не смели люди из города выходити къ цэркви помолити сѧ богу, поки третаꙗ часть днѧ выидет» (263 Queli dentro no-se ossa acorlar S'el no-è ben terça passa'). Отношенія нашего текста къ эпическимъ амплификаціямъ венеціанской пѣсни легко усмотрѣть изъ слѣдующаго сопоставленія: «И ѡдного часу таю курва маретрыс рече Додону: Пане, доколе будем такъ без покоѧ жыти? бо покуль тот злодеи старыи буде жыв, не можемъ ѡт него впокоѧ мѣти. Ѡнъ прывелъ зъ собою десеть тисечеи воиска под Антонию, а в тебе в городе ест трыдъцат тисеч. И подобала сѧ ему ее речъ, и тотъ часъ велелъ у рогъ трубити, и собрала сѧ ихъ трыдцать тисечъ конных и добрых зброиныхъ. И с тыми людми ехалъ просто до свѧтого Семиѡна и прытѧгнулъ там, послалъ до Симбалъда посла и добывал города. А Симбалъдо з города боронилъ сѧ, и тамъ было мертвых на ѡбе стороне много».

265 Dela meltris eo ve voio contar.
Ben per tenpo ela fo leva',
De richi drapi ela s'adoba',

Vene a Dodon, silo domandà:
«Meser, diss'ela, or entendì ça.
Nu-no poremo viver dentro da-sta cità
Infin che'l traditor morto no serà.
XV milia chavalieri con vu avì menà,
Ben altretanti ne trovarì in la cità:
Fe sonar lo corno, si li fe adobar;
Eli serà ben. XXX. milia chavalieri aparià,
Suli destreri ben armà,
Fin a San Symon no-ve astala',
Prenderì lo gloton sil farì apicar».
Dodon l'intende, sì prexe a parlar:
«Madona, diss'elo, ben m'avì consià:
In piè se leva, fè lo corno sonar,
Eli fo ben. XXX. milia chavalieri armà;
Dan Albrigo lo confalon portà.
Esse d'Antona, plu no demorà,
Inver San Symon tosto cavalcà,
Infin al castelo Dodon no se arestà
E l'asedio a Sinibaldo messo à,
E gran bataia al castelo donà.
Eli se defende e molti morti n'à.

Въ первую ночь Додонъ «Маганецкій» (de Magança) видитъ сонъ, будто Бово прокололъ «ему серцэ иутробу» (293: lo cor e lo figà), и посылаетъ Данъ Албрыго къ Бландойѣ, чтобъ онъ разсказалъ ей его сонъ (разсказъ о снѣ повторяется въ русск. и венец. текстахъ), а она прислала бы ему Бова, котораго онъ хочетъ погубить. Данъ Альбрыго отправляется съ ста юнаками (307 chavalieri) — слѣдуетъ въ венеціанскомъ текстѣ пропускъ въ одинъ листъ, восполняемый удинскимъ фрагментомъ: «и нашодшы панию Бландою и поздровилъ ее Додоновым поздровением и мовил еи въ речы Додоновои. Ѡна рекла: Для ласки ѡтца Бовова не пошлю его къ Додону, але хочу его тутъ ѡтрутити заисте (Ud. v. 10 слѣд.: E la meltris dama comença a parler: «Don Albrigo, or ve torné arier E diré a mo sire ch'io non lo vo' mander. Per amor de son pier lo voio atuer). И Дан Ал-

брыго с тым поехалъ къ Додону, а пани велела Бова замкнути в ѡдну комору (Ud. v. 16 çanbra). И был тамъ Бово пѧть днеи (Ud. v. 17 ben .V. dì) не едѧ а ни пиѧ, и почалъ крычати: Ѡ мати, маєш великии грѣхъ иж мѧ хочеш такою смертью уморыти (Ud. v. 19—20 Ai, mia mier, tu fa torto e peçié, Che a cotal morte tu me fa transuer). И ѡна тоє учувшы, не могла стерпѣти и позвала ѡдну дѣвку и дала еи велми злую трутизну и речe: Замеси у тесте, испечы ѡдин хлѣбецъ (Ud. v. 29—30 E del plu malvasio tosego che se posa trover Tuto lo pan avrì intenperer) и понеси моему сыну Бову и мов єму: Поздоровлѧеть тѧ матка и велела тобѣ мовити: За жалост, которую маю со смерти твоего ѡтца, забыла єсми тебе, и коли доростеш, дам ти твоего ѡтца зброю и конь» (Ud. v. 33 слѣд. E diséli che de la morte de son pier son fost desconsolé, Che io de luy non m'ò arecordé. Quando le serà cresuto e fato civaler, Le raxon de son pier averò a doner, E da mia parte l'averì a saluder).

Далѣе венеціанскій и русскій тексты снова идутъ рядомъ: взявъ въ «ѡбрусѣ» (toaia 308; Ud. v. 38 tovaia) два хлѣба съ «трутизною» (310 tosego; Ud. v. 40 id.)[1]) дѣвка идетъ въ комору (311 camara; Ud. v. 41 canbra) къ Бовѣ, за нею двое голодныхъ щенятъ (cani 312; Ud. v. 42 livrer); она повторяетъ слова матери, даетъ Бовѣ хлѣбъ (не два хлѣба), пошла, но одумалась: ей жаль мальчика; вернувшись, она велитъ ему не ѣсть отравленнаго хлѣба. «Даи ми скибу» (Lo pan me dona' 334; Ud. v. 65 vianda), говоритъ ей Бово, разрѣзалъ одинъ хлѣбъ пополамъ и даетъ двумъ «выжламъ» (въ венец. и удинскомъ текстѣ опытъ сдѣланъ лишь съ однимъ livrer)[2]), у которыхъ отъ того «ѡчы выскакали». — Бѣгство Бовы; переводчикъ принялъ *plaça* за *palaço* и перевелъ: «вышол с коморы *у палац*, *а с палацу* побѣгъ из замку» = 344 Vene ala sala, de fora scanpà — *E in la*

[1]) Въ тосканскомъ текстѣ (= франко-италіанскомъ), найденномъ Райной: uno pavone atossicato e una schiacciata e uno bottaggio di vino.

[2]) Въ тосканскомъ (= франко-италіанскомъ) текстѣ Райны: una segugia.

plaça algun nol contrastà [1]). Онъ скитается въ теченіи трехъ дней въ великомъ «лугѣ» = 349 gran bosco (Ud. v. 81 id.); «и увидел ѡдно прыстанище у мора и пошол к тому *прыстанищу* на берегъ мора» = 354 è çonto su la *riva* del mar (Ud. v. 86 rivaço) какъ и въ Тристанѣ riva часто переводится пристанищемъ. Бово молится: «Боже дай мнѣ милост (358 O Dio, deme graçia; Ud. v. 90 iutorio) абых утекъ з моим жывотом и мстилъ быхъ смерти ѡтца своего. И смотрѣл на море и увидел ѡдно судно на моры и не мог сѧ докликати ихъ» (иначе 361 E vete una nave che no po plu avanti andar; Ud. v. 92 che non po avanti alier) И увидѣлъ его одинъ «морнаръ» (362 Un de li marineri); сорокъ (366: XXX ani; Ud. v. 97 id.) лѣтъ ходилъ онъ этими мѣстами, никого не видѣлъ «кром ѡдно двое скота а ѡдного лва» (368 Se no bestie salvaxe e lion afamà; Ud. v. 99 bestie salvaxe e lion abrevé); посмотримъ, что то за дитя: «єсли будет хрестѧнин, можемъ его взѧти, а коли поганин (372 saraxin; Ud. v. 103 id.; сл. далѣе венец. 378: E' tu cristian, saraxin o pagan = хрестѧнин або ли поганинъ; Ud. v. 109 se-vu cristian o pagan d'oltra mier), мы не берымо». Бово̀ говоритъ, что онъ христіанинъ, отецъ его «млынар» (382 pestrinar; Ud. v. 111 pestriner), а мать кормится тѣмъ, что моетъ на богатыхъ людей кошули; восемь дней какъ онъ заблудился, ничего не ѣлъ и не пилъ (383 L'altro dì con ley me coroca', Ben è VIII çorni no bevì nè manҫa'; сл. Ud. v. 114—115) [2]). Морнары берутъ его съ собою и «пошли

[1]) Ud. v. 75: E de for dela canbra Bovo el sen vien, E vient a le plaçe li nobel bacalier, E non trova chi li fese destorbier; въ тосканскомъ (= франко-италіанскомъ) текстѣ Райны: escie dalla torre.... E dipoi guarda per lo palagio e non vide persona; partisi e venne giù del palagio; e smontato ch'ene, vassene per la cittade.

[2]) Сл. тосканскій (= франко-итальянскій) текстъ Райны: «Messere, io mi fo chiamare Agostino. Mio padre fu fornaio [e] mia madre lavava panni a prezzo. E sono della valle di Pinzona, [e] mio padre mi fue morto, [e] mia madre mi volle avelenare. E fummi morto mio padre, ed io era piccolino. Io mi fuggi'». Въ другомъ мѣстѣ объ отцѣ онъ говоритъ: si guardava un mulino e facieva pane a vendere; въ третьемъ мѣстѣ онъ названъ: pistoriere; въ четвертомъ: mugnaio [e] fornaio.

по другому мору» (389 l'alto mar, Ud. v. 120 alto mer, какъ будто: l'altro); Бово похорошѣлъ, «лѣпшое дитѧ не могло быти на вѣки». Сл. v. 393:

Lo fant' è plu belo de roxa de pra.
Elo à li caveli plu beli d'or filà,
Le braçe grosse, lo pugno quarà,
Granda l'inforcadura per in destrer ben star.
Plu bel fante no se poria trovar.

(Ud. v. 124: Li fant vien plu belo de rosa de pre, Li cavés abondi, quant oro smeré, Li braç grosser e li pugno inquaré, La forcadura grande, ben staria in destrier: Li plu bel fant che may nasé de mier). «Служы мнѣ за страву» (399: al mançar; Ud. v. 130 mançier; дȧлѣе «пры ѡбыде»), говоритъ ему одинъ морнаръ; служи мнѣ, говоритъ другой, я первый тебя увидѣлъ. Они готовы поссориться и подраться, но Бово заявляетъ, что раздѣлитъ между ними свою службу; «добре мовит» (407 El'à ben parlà; Ud. v. 140: parlé), говорятъ они. — Судно пристаетъ къ Арменіи (Armenia; Ud. v. 142 Arminia), гдѣ царствуетъ король Арменилъ, здѣсь не названный въ венеціанск. текстѣ; сл. далѣе 564 Arminion (Ud. v. 172 Arminiun) и въ 8-a rima: Un re che Erminio si facea chiamare. Его появленія на берегу и торгъ съ морнарами, у которыхъ онъ покупаетъ Бово за «двадцать литръ злота» (435 Trenta marche d'oro = Ud. v. 170; въ 8-a rima: cento bisanti) разсказаны въ обоихъ текстахъ съ небольшими отличіями; переводчикъ передалъ nave 413 = Ud. v. 147 словомъ «древо» (ит. legno), proda 412,415, Ud. v. 150 nive = судно, la nave armiçà 421, Ud. v. 156 = «судно къ берегу прытѧгнули»; король спрашиваетъ у морнаровъ о Бовѣ: «чы з вашого города?» (429 del vostro parentà; Ud. v. 164 de vostro barné), а къ нему обращается съ словами: Храбрыниче, храбрэниче = 438,442 (сл. 464) valeto, очевидно по смѣшенію съ valente (Ud. v. 173 Fant; сл. v. 177). Король дивится красотѣ Бово: «Ѡ святаѧ Марыѧ, бы ты был з моими дворенми або з моими

хлопаты!» — 418 Santa Maria, lo Re sì parlà, Mo fos'tu mio scudero e de mia fameia (сл. Ud. v. 153—4). «А коли было такъ, *такъ писмо говорыть*, был Бово чотыры годы у конюшни служечы машталеромъ» = 445 *S'el' è cossì vero como dixe lo cantar*, Ben .IIII. ani stete Bovo in Armenia la cità (сл. Ud. v. 180—2). Всѣ говорятъ о его красотѣ, хочетъ видѣть его и дочь короля Друзіана.

452 La çentil dona un dixenar à ordenà;
A ben. LX. done ela à fato apariar.
E Druxiana su per la sala andà;
Baroni e cavalieri per ley se driçà,
Medeximo so pare in piè se levà.
«Fiola, diss'elo, que te plax comandà?
El no è toa uxança de vegnir qua».
«Pare, disse Druxiana, eo vel voio contar.
A done ben. LX. e' don dixenar.
Ele son bele, servidor mester li fa»
«Fia, disse lo Re, to'ne a toa voluntà».
La dona andè da Bovo, sì lo domandà:
«Valeto, deli altri fanti con ti menera'
De fin a. XX., sì m'averì servir e apariar».
Bovo respoxe: «A vostra voluntà».
«Fanti, disse Druxiana, vu me servirì al mançar».
«Ma-dona, disse Bovo, sì come vu comanda'».
Po' li diè del'aqua, ele se asentà.
La dona no po niente mançar,
De guardar Bovo no se po saçiar.
In le soe man un pane ave piar
E un cortelo ch'è ben afilà:
Per grand' ira del pan volea taiar.
E lo cortelo de man in terra andà,
Soto la tola ello rodolà.
Alora Bovo si se plegà
Soto la tola per lo cortelo piar.
S'el è cossì vero come dixe lo cantar (сл. Ud. v. 187—214).

Русскій и удинскій тексты восполняютъ слѣдующую лакуну: «племенида Дружненна» (Ud. v. 215 la çentil dona) нагнулась подъ столъ и поцѣловала Бово. Вся эта сцена разсказана почти

также, какъ въ италіанскомъ, за вычетомъ нѣкоторыхъ эпическихъ повтореній. Не переведено 469 (какъ и 1491): Po' li diè del' aqua, потому ли, что переводчику непонятенъ или неизвѣстенъ былъ этотъ застольный обычай, общее мѣсто всякаго эпическаго описанія западнаго обѣда? Вѣрно, по крайней мѣрѣ, что встрѣчая общее выраженіе «dar dell'acqua alle mani», онъ его обходилъ, тогда какъ подробное описаніе обычая (v. 2430 слѣд.) онъ перевелъ точно [1]). Съ *племенидой Дружненной* мы встрѣчаемся въ первый разъ; объясненіе даетъ далѣе *«племенида панна»* = 535 *La çentil dona;* племенида — испорченное сербское *племенита*.

Послѣ обѣда Дружнена идетъ въ свою ложницу (Ud. v. 225 vol alier a la çanbra ponsier) и посылаетъ за Бово; пытаетъ его о его родѣ-племени; онъ говоритъ о себѣ, что̀ говорилъ и королю; она не вѣритъ, «бо парсуна твоѧ того не вказуеть» (Ud. v. 244 Fiç a putan, dit ela, vu non dì verité, Che non te loda lo servir ni l'afer). Онъ просится у нея поѣхать въ поле, по траву конямъ; возвращаясь оттуда съ вѣнкомъ изъ травъ на головѣ (Ud. v. 253 çirlanda), видитъ подъ городомъ войско Маркобруна (Ud. v. 258 Marchabrun che Polonia mantien), пріѣхавшаго свататься за королевну (Ud. v. 261 Ch'è vegnù per Drusiana per muier) [2]); сама «племенида Дружненна» смотритъ на турниръ, на которомъ бьется Маркобрунъ [3]). Захотѣлось поѣхать туда и Бово: онъ проситъ у одного витязя его щитъ, «хочу людемъ чынити смехъ» (Ud. v. 274 tarçe; v. 272 E de quela çostra l'oit gran volonté; сл. v. 276), вмѣсто копья беретъ въ руки жердь (Ud.

---

[1]) Объ этомъ обычаѣ сл. Zeller, Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karls-Epos. Marburg 1885, стр. 38 и слѣд.

[2]) Сл. тосканскій (= франко-италіанскій) текстъ Райны: Questi sono signiori, ciò i rè Marcabruno che viene d'Apollonia per volere bigordare, che al tutto vuole Drusiana per moglie.

[3]) Сл. Ud. v. 264 слѣд. E la çostra è fata per ordenamento tiel, Che Drusiana ali balcon diè ster A veder la çostra deli baron civaler. E quand la jentil dama non vorà plu garder, Ela sì diè far un corno soner, E li baron si diè tuti quanti desarmer. Сл. прим. Райны.

v. 281 stanga; здѣсь снова начинается венеціанскій текстъ), выбилъ изъ сѣдла нѣсколько конныхъ пахолковъ и заѣхавъ «у великии турнаи» (487 in la maçor pressa = Ud. v. 289; сл. вен. 590 En la pressa = у бой) сбрасываетъ самого Маркобруна, но снова сажаетъ на коня. Маркобрунъ опечаленъ[1]); рыцари «розобрали сѧ» (499 se desarmà), а Бово, отдавъ щитъ его хозяину и прислонивъ жердь къ воротамъ, откуда ее взялъ, идетъ, все въ томъ же вѣнкѣ, въ конюшню отдохнуть; «а парсуна его была лепшеи нижли ѡдин цветъ» (512 flor de pra; Ud. v. 316 rosa de pre). Къ нему приходитъ Дружнена, проситъ дать ей вѣнокъ «абых єго с твоєе ласки носила; и рече Бово: Панно, не добре мовиш и велик грѣхъ маєш (516 vu di' torto e viltà; сл. Ud. v. 320), коли ты сакии венец хочеш ѡт мене носити». Она бранитъ его (курвыи сыну = 523 Fiol de putana), грозитъ пожаловаться отцу, что онъ хотѣлъ учинить ей насиліе; Бово бросаетъ вѣнокъ (не могъ инакъ учынити = 530 el non po altro far). Она этимъ недовольна: «Даи ти богъ зло́, курвинъ сыну» (538 Dio te dia mal, fiol de puta gadal; Ud. v. 342 Fiç a putan, Dio te dun ingonbrer), говоритъ она и повторяетъ прежнюю угрозу, если онъ не возложитъ ей вѣнокъ на голову. Бово это дѣлаетъ, «не могъ инак учынити» (541 no po altro far); она его цѣлуетъ.

Въ это время пришли изъ-за моря сарацины, съ ними Лукаперъ, «великого солъдана сын» (549 El soldan di Sadonia e Lucafer soa rità; 559: Lucafer de Boldras; въ Buovo in 8-a rima cc. III—IV: Boldrace, но въ c. XXII: Sandonia), проситъ за себя Дружнены. Арменилъ отказываетъ и вмѣстѣ съ Маркобруномъ бьется съ нимъ. Въ поединкѣ съ Лукаперомъ онъ «графлялъ єго под щыт и не мог єму зашкодити, бо щыт был добръ, але гвоздьє выпадало, а копє сѧ зламало» (570 So scu è sì bon, non

[1]) Сл. Ud. v. 295 слѣд. E Marchabrun sì fe soa çant clamer, E fe adober ben .c. civaler. E un conseio oit fato clamer: «E al ferir dele lançe sì l'avrì atuer, E çascun me le faça trabuçer del destier, O morto o vivo me le façe alier». E la bela Drusiana ali balcon est apuçé E vit li conseio de Marchabrun l'inperer; Amantinente fi le corno soner. In quella fià si parte l'inperer e Bovo li ber.

po falsar niant, L'asta è rota, lo torson vola al canp). Тоже случилось и съ Маркобруномъ, который ударилъ Лукапера «у щыт позлоцон (583 ad or smerà; сл. 705) и не могъ его пробити, а копъе зламал» (585 L'asta se ronpe, lo torson vola al pra). Арменилъ и Маркобрунъ взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Бово, услышавъ конское ржаніе, взошелъ на «ѡдинъ кганокъ (595 A una fenestra Bovo se va apoçant), увидѣлъ «гэрбъ» (insegna) сарацинскій и армянскій; взошелъ на «стену бронную» (598 peron) и узнаетъ отъ одного хлопца (599 damixelo), что̀ случилось съ Арменіломъ и Маркобруномъ (ꙗки-сь добрыи Маркобрун = 604 Marcabrun l'amirant). Бово идетъ въ конюшню, находитъ тамъ Дружнену, которой говоритъ, что ея отецъ и «паницъ» (608 chi ve dovea spoxar) взяты въ плѣнъ. Мы затворимъ городъ, «ты будеш панства сего корону носити» (612 De tute ste contrade corona averì portar), говоритъ она ему. «И ѡн рече: Ꙗкъ то може чоловекъ учынити, коли его пан за пѣнези купил на роботу? Але ѡдначе мушу там быти» (неясность русскаго текста восполняетъ италіанскій: 614 Madona, disse Bovo, que se po l'omo aprixiar, Quando lo so signor lo conprà per dinar, Se ale bexogne nol va aydar?), пойду съ оружіемъ, или захвативъ вмѣсто него «ѡдно великоє древо» (619 un gran baston quarado), пѣшій или конный. «Ты пѣшъ не поидешъ», говоритъ ему Дружнена, — «хочу тобѣ дати зброю (и доброго конꙗ) Гальца, и дам ти добрыи мечъ кгладэнцыю, которыи был доброго Аливера, и хочу ти дать доброго конꙗ, которого лепшыи не можеть быти: ѡн был ѡдин ѡт чотырох, и не могла на нем жаднаꙗ душа ехати».

622. Ela disse: Tu non andarè desarmado:
Dele arme delo Re Galaço tu serè armado,
Sì te darò Chiarenza, lo bon brand amolado,
— Po' fo Alteclera d'Oliver l'aprexiado —
Sì ve darò Rondelo, lo bon destrer asortado,
Mior de lu no fo mai trovado:
El fo de li. IIII. l'un chi fo afadado.

Lo cavalo è sì fato e sì norigado,
Ch'el nol po cavalcar hon nado,
S'elo no è chavalier e fiol de Re incoronado.

Многія подробности и намеки этихъ стиховъ, могли быть не поняты переводчикомъ, который довольно близко, за опущеніемъ одной черты, передалъ описаніе вооруженія Бово:

634 Alora Bovo veste l'usbergo, le ganbere calçà,
Alaçà l'elmo e in gran arçon montà;
La bona spada al colo se çità,
Lo forte scudo elo inbraçà,
La grossa lança elo inpugnà.

«И убрал сѧ Бово у зброю и взложыл гелмъ на главу, а добрыи мѣчъ ущепилъ на шыю, и взѧлъ щытъ на плечо и копъє в руки». На вопросъ Дружнены, почему онъ «сѧ мечомъ не ѡпасалъ», онъ говоритъ, что еще юнакъ, а не витязь. Тогда она велитъ ему слѣзть съ коня: она — дочь «королѧ коронованого, а у венцы єсми корунском» (646 Eo son fiola de Re e de Raina incorona'), можетъ поставить его «витезем», но для того ей нужно знать его «родину» (651 parentà). Бово говоритъ, что онъ сынъ короля (653 dux honorà), который «держалъ добрыи город Антонию» (654 mantene.... la mirabel cità). Она рада, что онъ не худородный, даетъ ему «заушницу» (661 una gran golta'), опоясала мечомъ и говоритъ: «Не ѡбцуи же з лихими и зрадливыми» (663 Tradimento ni felonia no uxar). Она «ѡблапила» его (664 Braço al colo li çità), а въ это время входитъ Игулинъ (въ другомъ мѣстѣ: Агулинъ = Ugolin), что носилъ «хоруговъ» (592 confalon) Арменила, упрекаетъ дѣвушку: «Курво, даи ти бог зло (670 Putana,.... Dio te dia mal afar), што чы чыниш, а твои ѡтец поиман и Маркобрунъ, которыи тѧ хотѣлъ понѧти.... Але коли ѡни с темницы втекуть, и ѡни тѧ сотнуть» (675 te farò bruxar). Разгнѣвался Бово, ударилъ его въ «стегно» (677 lo costà), такъ что тотъ упалъ съ коня, и разорвалъ ему одинъ рукавъ (679 E un de li braçi li fè scaveçar).

Дружнена велитъ 400-мъ коннымъ ѣхать за Бово, «штобы инакъ не было» (682 Eli ne va, ch'eli no po altro far), наѣхалъ на сарацинъ; Лукаперъ велитъ ему ѣхать назадъ: Дружнена не твоя, дай мнѣ Арменію безъ кровопролитія и увѣруй въ «Магомэта» (695 Macon). «Мысль тѧ заводить» (697 lo penser te falà), говоритъ ему Бово; «забол» коня (700 broçà), пробилъ щитъ Лукапера, «бенди ѡпали» (706 lo usbergo li desmaià), копье прошло въ сердце. «Биите юнацы свободно» (710 ferì, franchi baron), кричитъ онъ своимъ и съ помощью людей, высланныхъ Дружненой изъ города, побиваетъ всю сарацинскую рать. Убѣжалъ лишь одинъ старый сарацинъ, «Бог даи єму лихо» (721 Dio li dia mal afar), что «тры копѧ у хрыбте (723 in lo corpo) ѡтнес». Прибѣжавъ къ «солъдану», онъ сообщаетъ ему о смерти сына. Султанъ бѣжитъ на кораблѣ, «а другиє сарацэни почали бѣгати гдѣ хто могъ» (741 in galia intrà, Coli payn se messe a scanpar). Бова нагналъ ихъ на «прыстанищѣ» (744 riva del mar), убилъ (745 fè anegar) болѣе 20-ти тысячъ, затѣмъ, вернувшись, освободилъ Арменила и Маркобруна. «И кроль Арменилъ пошол за сарацэны, абы сѧ помстилъ, и зашол з другого мора и погубилъ всихъ, которыє были на прыстанищы» (750 Lo re d'Armenia se vol vendegar, E va a ferir in payn d'oltramar. Morti fo pay'afora queli chi in la nave intrà). Арменилу Бово говоритъ, что тотъ купилъ его за тридцать литръ злота (758 trenta marche d'oro), а онъ возвращаетъ ему на каждую литру сто (759 plu de mile).

Побѣдители возвращаются, Дружнена смотритъ на нихъ «стоечы на кганку» (764 ali balconi), выходитъ на встрѣчу отцу, говоритъ ему, чтȍ узнала о Бово, какъ поставила его рыцаремъ; «Мои ласкавыи ѡтче (778 Bel pare), даи ми его за мужа». Король и самъ о томъ думалъ; но является Агулинъ и говоритъ: «Кролю пане дадку (781 Barba), и мене Бово ударылъ у стегно и нагавицу ми раздрал (782 un braço me scaveçà), ꙗ *хочу с ним умрети и мовлю то, абы ѡн не былъ витезем»;* отдай дочь за Маркобруна, а за Бово мою сестру; «*з витезем Бовом* ꙗ *хочу*

бити сѧ, але не вемъ, вели ѡн похочеть». Сравненіе съ италіанскимъ текстомъ показываетъ, что сербскій переводчикъ точно передалъ его, бѣлорусскій невѣрно прочелъ одно его слово, что повело его къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ по смыслу. Сл. 783 Con lui sì me voria *acordar*. Io nol digo perch'elo no sia chavalier aprixià.... 791 Colo valeto Bovo me voio *acordar*, Eo no so s'elo lo voia far. De Bovo tradimento à pensà». Въ сербск. текстѣ могло стоять; ꙗ хочу с ним *умирити* (сл. 1431 Eli si *acordà* de caminar, гдѣ *acordar* понято въ смыслѣ помириться: «*змирившы* Бово. Сл. 1525 acordà = зъеднать) и не мовлю то» и т. д. Бѣлорусскій пересказчикъ прочелъ вм. умирити — умрѣти, и согласно съ этимъ замѣнилъ въ ст. 791 acordar словомъ *битисѧ*: сдѣлать это онъ могъ тѣмъ легче, что ст. 793, въ которомъ готовность къ примиренію является предательской, могъ и не быть переданъ сербскимъ переводчикомъ.

Всѣ витѧзи разъѣхались каждый до своей «господы» (795 oster), Бово ушелъ спать въ комору (797 camara), а Агулинъ собралъ 60 юнаковъ и «запрысегалъ ихъ на эвангелеи» (803 fè çurar e sagramento far), чтобъ они убили соннаго витязя. Они пришли къ нему, онъ лежалъ прикрывшись «колдрою» (въ соотвѣтствующемъ итальянск. стихѣ этого слова нѣтъ, но въ 798 contre de cendado; 811, 821: coltra), при немъ мечъ и сброя. Агулинъ «скрылъ» (811 levà) съ него колдру, говоритъ юнакамъ: «Верните сѧ ѡпѧт, можем его потом убити» (814 Vegnì *oltra*, signori, sil'averemo taiar. Oltra понятно какъ altra volta, откуда и непонятное *потомъ*), но они боятся къ нему приступиться, и Агулинъ опять его «ѡпранул» (821 la coltra adosso li ritornà) и возвращается въ палацъ. Одинъ старикъ говоритъ ему: «Ꙗ єсми твои человѣкъ» (825 Eo son vostro hon), могу тебѣ помочь: «ꙗ велми парсуною къ королю трафил сѧ» (826 Co lo Re eo son d'un tenporal); лягу въ коморѣ, будто король, а ты вели послать мнѣ Бову и «справ лист (837 breve) до солдана», съ которымъ я и пошлю Бово; а султану напиши «поздровлене и прыѧзнь» (838 salù e amistà) и чтобы съ послан-

нымъ онъ сдѣлалъ, что хочетъ, ибо это Бово, убійца Лукапера. Бово идетъ на аудіенцію къ мнимому королю, который велитъ «поздоровить» (854 saludar) султана; пусть проститъ ему смерть сына, какъ онъ прощаетъ ему гибель своихъ людей. «Могу-ль понести зброю зъ собою?» спрашиваетъ Бово. «Не треба, поедь на иноходнику (864 No andì vu, a palafren andar?). Ѡ боже небескии, и того Бово ничого не познал, а панна Дружненна ни корол того не вѣдали! И Бово поехал. А коли такъ было, ѩкъ писмо говорыть (867 S'el' è cossì vero como dixe lo cantar), ехал витезь Бово тры дни ни єдѧ ни пиѧ, кром зѣльѧ и коренѧ што по земли ростет (869 per li prà). Ѡ боже свѧтаѧ Мариѧ, матка божа, прыими Бова иж велми у злую дорогу входит! (870 Ay Dio, disse Bovo, Santa Maria mar — Quando io camino, mal trovo da mançar). Видитъ, подъ дубомъ (873 oliver) стоитъ «богорадникъ» (873 palmer), передъ нимъ «бохон хлѣба и вино» (874 pan e vin e carne assa'). Бово проситъ у «пельгрыма» (879 palmer) раздѣлить его трапезу; тотъ соглашается, но подаетъ ему «збанок» (881 botaço), въ которомъ было вино, смѣшанное съ зельемъ (886 aроxonà). Выпивъ его, Бово спитъ непробудно въ теченіи пяти дней, а богорадникъ уноситъ его мечъ, сѣлъ на его коня, а ему оставилъ своего «подъездка» (893 mul). Когда Бово проснулся, началъ сѣтовать: «то єсми у злыи час рожон!» (900 mal nassì de mar), подъездокъ не можетъ поднять его, и «небог Бово» (905 li ber Bovo) идетъ пѣшкомъ «день и другии» (907 D'un çorno in altro) и дошелъ до города Задоніи (908 Sadonia), «увидел солъданъ на кганку (912 ali balconi) стоечы и бороду скубучы (913 E con le man la barba se tirà), велми плачучы» о своемъ недавнемъ пораженіи. Бово привѣтствуетъ его: «Ваш панъ Махомет ховаеть великихъ и малых, которые суть в том городе, а звлаща царѧ солъдана» (922 Macometo, ch'è vostro signor prinçipal, Salve e guarde piçoli e grandi de-sta cità, E sovra tuti li altri lo signor Soldan). Онъ говоритъ ему о своемъ порученіи, подаетъ письмо; услышавъ его содержаніе, султанъ «почал смотрети у виденэ (941 el vixo) Бову: ѩ тѧ мало

могу любити (942 poco te posso amar), што ты моего сына Лукапера убил; а хто тебе сюда послал, не маеть тѧ ни за ѡдин пѣнезь» (944 dinar). Онъ велитъ своимъ юнакамъ (945 baron) схватить его, Бово убиваетъ кулакомъ одного сарацина, но ему завязали назадъ руки, глаза повязали «хустои» (950 una peça) и велятъ 400-мъ сарацинамъ (954 plu de mile) вести его «до шыбеницы» (953 ale forche). Дочь султана, Малгарыѧ (955 Malgaria), говоритъ отцу, что Бово добрый витезь, лучше его не убивать, а склонить къ магометовой вѣрѣ, будетъ кому по смерти султана держать его царство. Она сама идетъ, чтобы вернуть его: «и ѡни вернули, инакъ не смели учынити» (975 non olsa altro far). Самъ султанъ предлагаетъ Бово измѣнить вѣрѣ, жениться на дочери и быть его наслѣдникомъ, государемъ «болшъ трыдцати городов» (983 de XXXII cità). Бово отказывается: онъ не хочетъ «Господа Бога ѡставити и панну взѧти, котораѧ у твоеи земли росла» (988 Ni ch'io tolesse dona a sto mondo na, — Per amor de Druxiana, ch'io posso tanto amar). Султанъ снова хочетъ повѣсить Бово, но дочь проситъ отдать его ей, она посадитъ его въ свою «турму» (1000 tore) и обратитъ его къ Магомету; «а таѧ турма была болшеи сорока ступеневъ въ шырки» (1001 Plu de. XL. piè è la tore fondà), въ ней ящерицы и змѣи (1003 bisse e serpenti). Черезъ пять дней царевна понесла Бову ѣсть и пить, «и видел Бово у турми ѡдну змею, и просветила таѧ; ѡн ѡзрѣв сѧ и увиделъ ув-угле мѣчъ, которыи тутъ ѡт давных днеи стоѩлъ, и взѧлъ тотъ мечъ» (1013 Quela spada per antigo tenpo li sta; Quando la tore vegnia ben guarda', De cristiani fo tuta plena ça). Онъ замышляетъ убить Малгарію, но та говоритъ, что пришла спасти его, и спустившись къ нему внизъ (черта, изчезнувшая въ нашемъ переводѣ, ибо глубина башни замѣнена въ ней шириною), снова принимается уговаривать его взять её за себя: «цудънеишое панъны над мене не знаидешъ» (1031 Plu bela dona de mi no po'trovar. Ve'como io so blancha como flor de pra). Отказъ Бово такъ разгнѣвалъ дѣвушку, что она «за малымъ не поведала ѡтцу» (1042 Poco de men nolo disse a so par), но

одумалась: «Єсли повѣмъ, ѡн велить єго ѡбесити, и *не буду єго мьти у своеи коморе*. И пошла ѡт него». Переводчикъ не понялъ итальянской фразы, перенеся и знакъ препинанія: 1045 *Po'nolo porò may rescatar*. *Ala soa camara* ela indrio tornà. По венеціанскому тексту Бово сидитъ въ тюрьмѣ годъ и три мѣсяца, послѣ чего султанъ велитъ снова привести его къ себѣ, чтобъ допросить. Въ переводѣ это разсказывается (вслѣдствіе пропуска; сл. далѣе), какъ совершившееся тотчасъ по посѣщеніи Малгаріи: двадцать сарацинъ посланы за Бово, зовутъ его: «Гдѣ ты темничнику?» (1060 prixoner). Семь человѣкъ спускаются къ нему, за ними другіе семь; онъ ихъ перебилъ, «всѣлъ на коловорот» (1082 monta su la tola), когда оставшіеся сарацины его вытянули, убиваетъ и ихъ, кромѣ одного, который ушелъ и «почалъ верещати» (1088 cridar) о бѣгствѣ Бово. За нимъ пускаются въ погоню два «дадковичы» султана (сл. далѣе 1104 nevo del Soldan), «братеники» Транкацын и Абрам (1095 Troncatin e Abrayn, intranbi era fra; Bovo in 8-a rima c. V, st. 17: Abraino, Turcino). Бово бѣжитъ «полем» (1098 per lo *palaço* sen va; A salto a salto esse fora dela çità), Абрам за нимъ; Бово убиваетъ его, вскочилъ на его коня, а далѣе расправляется съ Транкацыномъ, желавшимъ «ѡсветити (1119 vendegar) смерть брата своего».

Добѣжавъ до морского берега, Бово проситъ торговцевъ, которые уже собирались «ѡдопъхнути сѧ», взять его къ себѣ: онъ христіанинъ, годъ и три мѣсяца просидѣвшій въ темницѣ у султана; «хочу поити у свѧтое крэщение» (1137 in santa cristentade voio andar). Они берутъ его, но въ это время прибыли къ морю сарацины, требуютъ султанскаго плѣнника. Купцы хотятъ его выдать, но Бово отрубилъ одному изъ нихъ голову, другіе просятъ его: «Пане, не чыни зла» = 1154 Meser, diss'eli, no ne fa algun mal (слѣдуетъ въ венеціанскомъ текстѣ лакуна въ три листа), они повезутъ его, куда онъ хочетъ. Онъ велитъ идти въ Арменію, но вѣтеръ ихъ не пустилъ. На другой день Бово узнаетъ отъ одного рыбака (сл. во 2-мъ изъ удинскихъ отрывковъ v. 348: Pescier de bon aira, dist Bovo li ber, Che tera è

questa?), что они вблизи города Монбрада (Ud. v. 351 Monbrando), въ которомъ царитъ Маркобрунъ и въ этотъ день будетъ праздновать свою свадьбу съ дочерью Арменила, Дружненой. «А коли ѡна тутъ с нимъ прыехала, ѡна просила его, абы не спал с нею до году; дла того ѡна учынила, покул Бова забудет (Ud. v. 357 E quando li rois Marcabrun la oit mené, Ela lo fe plevir e çurer Dechia un ano conplì e pasé Ch'elo non l'averia a toçer, Per amor de Bovo che la po tanto amer). Крол на томъ еи шлюбил, а то вже ѡт того дна до нинешнего дна годъ». Бово проситъ рыбака отвезти его на тотъ пиръ, «бо не можеть лепшого скомороха над мене быти» (Ud. v. 367: Mior çupler de mi non se po trover; Buovo in 8-a rima, c. V, st. 38 Io so dir folle per ogni ragione), велитъ купцамъ дать рыбаку двадцать литръ золотомъ за рыбу (Ud. v. 371: XXX marche d'or clier), и самъ даетъ, что было въ «калитѣ», «пать болванцовъ золотых» (Ud. v. 376: V besanti d'oro; въ 8-a rima c. V, st. 40 cinque bisanti). Но какъ войдти въ Монбрадъ въ «золотыхъ шатахъ»? Его узнаютъ. Онъ проситъ у одного богорадника, стоявшаго подъ дубомъ (Ud. v. 393 E sot un pin vit çasir un palmier), помѣняться съ нимъ платьемъ; когда тотъ отказалъ, онъ «възвернулъ єму гуню на голову» и увидѣлъ подъ нею свой мечъ «кгларенцыю», узналъ и въ пилигримѣ того, кто опоилъ его. Онъ хочетъ съ нимъ расправиться, ударилъ его «болъдицою и тым ударомъ пробилъ єму тры ребра» (вен. 1155 Che .II. de le coste in corpo li speçà. Снова возстановляется соотвѣтствіе съ венец. текстомъ). Тотъ проситъ: «Пане, дла бога не вчыни ми зла, дам ти ѡдно зѣльє бѣло ꙗкъ снѣгъ (1159 radixe, 1161 lo plu blanco che se possa trovar), а хто бы са имъ умылъ (1162 fregar), будет чорныи ꙗкъ уголь (1163 cun' agrament stenprà); и єще ти дамъ другоє зѣльє: хто бы єго розмешавши з вином хота мало укусилъ, три дни (1167:. V. dì) не пробужаꙗ са будеть спал». Взявъ зелья и разодраныя «свиты» (1173 drapi) пилигрима, Бово подпоясалъ мечъ подъ «гуню» (1175 sclavina), натерся зельемъ и сдѣлался чер-

нымъ (1177 Plu negro de mora). Трое горожанъ, стоявшихъ въ «ѡдном угле» (1180 canton), дивуются росту пилигрима, который говоритъ, что онъ изъ Франціи, спасся отъ кораблекрушенія (пропускъ 1-го листа въ венец. текстѣ) и проситъ дать ему что нибудь «за милость доброго витезѧ Бова». Одинъ изъ горожанъ ударилъ его за это: Развѣ не знаешь ты здѣшняго «ѡбычая» (далѣе 1216 обычай = bando), то-есть приказа, не поминать имени Бово? Онъ разсказываетъ о предстоящей свадьбѣ Маркобруна и Дружнены и велитъ идти въ «палац», куда всѣ званы къ обѣду и всѣ подадутъ ему. Бово идетъ на кухню и снова проситъ «за милость доброго витезѧ Бова». Одинъ «кухаръ» ударилъ его за то горячей головнею, Бово убилъ его, ударилъ и другого, остальные разбѣжались (снова продолжается венец. текстъ). Онъ идетъ на палацъ (1191 per me'la sala), одинъ дворянинъ (1192 un de queli dela corte) упрекаетъ его въ убійствѣ кухаря: «Даи ти Бог зло» (1193 Dio mal te darà). «Не меи ми за зле» (1198 nol'abiè per mal), отвѣчаетъ Бово, объясняя, какъ было дѣло. Дворянинъ совѣтуетъ ему пойдти въ комору, гдѣ сидитъ Дружнена съ паннами, и попросить у нихъ «про бог» (1203 sì domanda carità). И здѣсь, склонившись на «посохъ» (1208 bordon; Ud. v. 399 id.), Бово проситъ той же формулой. Какъ услышала то Дружнена, подошла къ пилигриму, спрашиваетъ, гдѣ онъ видѣлъ Бово. Онъ отвѣчаетъ, что сидѣлъ съ нимъ въ темницѣ у султана. Въ это время конь Бово узналъ по голосу своего хозяина, чуть не сорвался съ семи цѣпей и заржалъ сильно, «мало сѧ весь град не ростсрасъ» (нѣтъ въ ит. текстѣ); «ѡнъ был ѡт чотырох наболшыхъ, которые у граде хованы» (1226 El fo de li .IIII. l'un chi fo afadà; Ud. v. 418 El fo de li .IIII. l'un che da Dio for fadé). На вопросъ Бовы Дружнена разсказываетъ ему о немъ самомъ, между прочимъ о томъ, какъ она, «злочастница» (1241 topina; Ud. v. 433 id.), поставила его рыцаремъ, какъ онъ бился съ Лукаперомъ «поганымъ» (1243 lo renegà) и затѣмъ исчезъ не извѣстно куда. Того коня, котораго она подарила Бово, она привела съ собою; принесла также и его

сброю (1231 прибавляетъ: Afora Chiarença, lo bon brand amolà; Сл. Ud. v. 423 Ceto Clarença, li bon brando d'acel); что она за Маркобруномъ, на то воля отца, не ея, по Бовѣ она до сихъ поръ неутѣшна (слѣдуетъ въ венец. текстѣ лакуна въ 3 листа) и тотчасъ бы пошла съ нимъ, еслибъ онъ явился: для того я взяла съ собою его сброю и коня, который не даетъ себя повести ни одному чоловѣку, кромѣ нея, и уже убилъ семнадцать юнаковъ, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ въ этой «стаини».

«Вроженая (gentile = племенита, племенида) панна то говорыть, а сама плачеть». Входитъ Маркобрунъ, спрашиваетъ её о причинѣ слёзъ; она говоритъ, что пилигримъ принесъ ей вѣсть о смерти матери. А конь продолжаетъ ржать, и Бово объявляетъ себя лекаремъ, вызывается укротить того коня. Маркобрунъ согласенъ, обѣщаетъ наградить Бово; вмѣстѣ съ нимъ и Дружненой онъ идетъ въ конюшню, гдѣ падаетъ, заслышавъ конское ржаніе, и удаляется. «И што то вчынил конь добрыи? И всталъ на задние ноги, а передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорыти, рекъ бы ему: Добре еси прышол, пане. И ѡпат сѧ ѡпустил на землю». Ты очаровалъ его, говоритъ Дружнена пилигриму, который заявляетъ, что онъ и есть Бово; въ доказательство онъ показываетъ изъ подъ гуни «меч кглѧренцыю»; она проситъ его снять «клобук» и указать знакъ, «што есми лечыла тебе ув ѡтца своего, коли еси был с ѡдное скалы спал». Тутъ они спознались, рѣшаются бѣжать; вернувшись къ мужу Дружнена говоритъ ему, что пилигримъ проведетъ ночь въ конюшнѣ, дабы укротить коня, и ему надо послать туда постель, а въ постель увязала Бовову сброю. Подавъ Маркобруну «чашу забытного питьѧ» (1253 una gran copa de poxon araxà[1]). Снова начинается венеціанскій текстъ), она идетъ въ конюшню, гдѣ Бово уже вооружился «в зуполнои зброи и гелмъ на голову прыправил и мечом сѧ ѡпасал, щыт взложыл на руку и взѧл толъстое копъе

[1]) Въ Buovo in 8ª rima, c. VI, st. 26, самъ Бово даетъ Друзіанѣ сонного зелья для Маркобруна.

под паху и скочыл на конѧ и за стрымѧ сѧ не прынѧл и не розминул сѧ бы с тысѧчою витезеи (1259 Elo à vestù l'usbergo, le ganbere calçà, Çenta à la spada, l'elmo alaçà, Salta sovra Rondelo, che streve no pià, Inpugna la lança, lo scu inbraçà, Per mile chavalieri no se renderà ça). Вмѣстѣ съ Дружненой, которая сѣла на «прудца»[1]) (1264 palafren), они выѣзжають изъ города; проѣхавъ двадцать миль, Дружнена устала, они остановились у «студенца», гдѣ Бово соединяется съ ней; «и на том месте почала Дружненна два сыны, ꙗко писмо говорыть: ѡдин хочеть быти кроль, а другии княже» (1284... come dixe lo cantar; L'un fè Sinibaldo clamar, E l'altro Guidon l'aprexià; Lun fo Re, l'altro dux honorà).

Пока Бово отдыхаетъ, Маркобрунъ проснулся, не нашелъ жены ни подле себя, ни въ конюшнѣ, «зменила сѧ єму парсуна» (1293 se smarì), онъ «сѣлъ у великом *плачу* (вм. палацу или *полачу*[2]), *сълъ* изъ другого стиха 1295... in palaço tornà, Sovra un drapo de seda elo se *asentà*), а велел у рог трубити». Онъ разсказываетъ своимъ людямъ, что случилось, хочетъ послать войско въ погоню за бѣглецами, но мудрыи Мамродо (1305 Morando; въ Bovo in 8-a rima, c. VI, st. 45: Un vechio cortegian) говоритъ ему, что войску ихъ не догнать, «а в тебе ест ѡдинъ чоловѣкъ, именемъ Пулкан (Pulican), ꙗкии сѧ чоловѣкъ не можеть наити над него: ѡн можеть на трыдцат тисечеи конных ударыти. Маеть ѡбразъ чоловечыи и руки и перси шыроки, до поеса чоловѣкъ, ано нижеи ꙗк пес, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест (эта подробность стоитъ въ ит. текстѣ далѣе), а николи на конѧ не вседал, завжды пѣшъ хожывал, и нѣт на свете конѧ, которого бы ѡн не втекъ... а ѡн естъ твои чоловѣкъ, а ты єго даруи ѡт твоего именꙗ (1321 sil'averì afrancar, Del vostro aver

---

[1]) Вм. прусца. Сл. въ Троянской притчѣ: проусьць = gradarius (Mic!. VI).

[2]) Сл. Троянскую притчу у Ягича, Prilozi k historiji književnosti, стр. 61: «Менелауш... веде га (Париса) в *полачу* к жене своеи»; «в'едном *полачи* троискои».

li averì donar)[1]), ѡн ти может прывести Бова и Дружненну».— Маркобрунъ призываетъ Пулкана, обѣщаетъ ему свободу и щедрую награду, и онъ отправляется, захвативъ съ собою, по своему обычаю, «тры жерди» (1343 dardi); «и третего днѧ (1348 avanti che fosse terça) почал догонѧти Бово»: «его звукъ за двѣ мили было чуть». Дружнена предупреждаетъ Бово, что это Пулканъ, «ѡт пса и ѡт жоны рожон ест и много конников погубил» (1355 D'una femena e d'un mastin inçenerà). Она проситъ его: «улезмо у тотъ луг» (1352 bosco); Бово отвѣчаетъ: «Не помози ему бог и светаѧ Марыѧ матка божа, если ꙗ мам ѡт ѡдного чоловѣка погинути» (1260 Nol voia Dio ni santa Maria mar, Che per un mastin io debia scanpar). Онъ ждетъ нападенія съ щитомъ и «сулицей» (1363 lança) въ рукахъ и на угрозы Пулкана отвѣчаетъ: «мысль тѧ заводить (1369 lo pensar te falà), перво сѧ дамъ розсечы, ниж быс мѧ повел». Пулканъ бросаетъ въ него жердь, Бово «заложыл сѧ» щитомъ, «а з другое стороны богъ ест защытилъ, што его не вдарылъ (1374 L'altro dardo lo malvaxio çità, Dio guarì Bovo, ch'elo nol tochà), и рече: То ест ѡдин дъꙗбол, што с пекла выгнанъ (1376 Questo è un diavolo d'inferno caçà). И почали сѧ бити копьꙗми (1377 Alora cola lança ferir sel cuità. Elo salta in alto, ferir nol po ça); Пулканъ вдарыл Бова по гелму, гелмъ был моцон, пробити не могъ, а Бово прыгнул сѧ на седелныи лук» (1381 sul colo del cavalo se plegà). Бово опечаленъ, что не можетъ ударить Пулкана, бросилъ копье, соскочилъ съ коня, нападаетъ на противника съ мечемъ въ рукахъ, но Пулканъ скакнулъ черезъ мечъ, который забился въ землю, «Бово мало не здох ѡт жалости» (1396 per poco no rabià).

---

[1]) Переводчикъ не точно передалъ выраженіе *masnà* въ v. 1310: человѣкъ; надо бы: *твой* человѣкъ, въ смыслѣ: крѣпостной, сервъ Маркобруна, который и обѣщаетъ ему свободу (сл. выше v. 7. de son masnà = служебникъ). Въ позднѣйшихъ италіанскихъ передѣлкахъ непониманіе термина, вышедшаго изъ употребленія вмѣстѣ съ институтомъ, отразилось иначе: Пулканъ является плѣнникомъ Маркобруна. Сл. Rajna, I Reali, стр. 145—6.

Новая лакуна въ (въ 1 листъ) въ венеціанскомъ текстѣ: конь Бово помогаетъ своему хозяину, ударилъ Пулкана, и когда тотъ вскочилъ на него, унесъ его «у наигущыи луг» (bosco?), гдѣ «содралъ єму всю парсуну». Пространная молитва Дружнены, въ общемъ стилѣ chansons de geste, съ священными воспоминаніями отъ Адама до Іисуса Христа.

«А добрыи конь идеть против своєму пану» (1397); Дружнена напоминаетъ Пулкану, какъ она «ховала» его, «коли тебе Маркобрун прывелъ зъ собою у двор ѡтца моего» (1403 No te recorda in corte de mio par, Che Marcabrun con si te dovea menar?); пусть не платитъ ей за добро зломъ и помирится съ Бово. Пулканъ согласенъ: если бы Бово захотѣлъ, «ꙗ быx пошол с нимъ, иж таких двух другов (1416 Mior conpagni) не може быти». Они замирились, «вложыли шлюб (1427 la fé) межы собою» (въ Buovo in 8-a rima, c. VII st. 22 Пуликанъ предлагаетъ Бовѣ быть его fratel giurato) и отправляются вмѣстѣ. «И прышли ку ѡднои горе и убачыли на неи замок ѡдного великого кнѧжати; имѧ тому городу Костелъ, а кнѧжати имѧ Ѡрыл». Сл. 1437 E vete un *castelo* d'un dux honorà. Pulican, de chi è sto *castelo?* Bovo dito li à. Въ русск. текстѣ Костелъ = castello сталъ собственнымъ именемъ (Сл. далѣе 1493 castel = замокъ; городъ, passim; 1579: castelo = городъ Костел); Ѡрыл = 1441 Orio; онъ отнялъ тотъ городъ у Маркобруна «и на кождыи ден ѡни мають бѣгати на конех воюючи Маркобруна» (1445 El no è di ch'eli no cora ala cità). «У тот город добро намъ поити» (1449 è bon andar), говоритъ Бово, а Дружнена прибавляетъ: «То ест моꙗ ѡтчызна» (1452 Una mia cuxina li çaxe dallà). «Воротныи» не хочетъ имъ отворить воротъ, но Пулканъ перескочилъ черезъ нихъ и отворилъ, и они въѣхали. Орылъ стоитъ съ женою «на кганку» (1467 ali balcon); «коли кнѧже видел Пулкана (въ русскомъ текстѣ вѣроятенъ пропускъ: 1469 Quando lo dux Pulican veçudo à, Lasso, diss'elo, fato è tradimant, Per la via eo veço vegnir Pulicant. La moier respoxe de prexant), и рекла ему жона»: говоритъ, что то, вѣроятно, Бово, увезшій

жену короля Маркобруна (1477 al' amirant). Она идетъ къ Дружненѣ, спрашиваетъ: «Родичко (1483 cuxina), што са тебе поткало?» Та разсказываетъ. Они сѣли за столъ, а въ это время подошелъ подъ замокъ Маркобрунъ съ войскомъ, выѣзжаетъ одинъ, безъ сброи и въ плащѣ (1498 maltelo d'armin), велитъ «воротному» вызвать Орыла. «И встал Орыл, рече витезю Бову: Што велиш? Мов. Як са бога боиш, поиди, але вѣдаю, чого онъ прышолъ» (1511 Per Dio, disse Bovo, vu li devè andar, E saveremo qu'el' à in cor de far). Маркобрунъ говорытъ Орылу: «Брате (1517 frar), то добре вѣдаеш, иж то городъ мои, а ты ми его держышъ кгвалтом (1519 per força); але мнѣ он не стоитъ ни за пенез» (не понято; сл. 1520 E no men de valissant un dinar; E say ben che men solivi dar Quando lo castelo te avi donar) .. и ja быx са с тобою хотел зъеднать» (опущено; сл. 1525 Sì che con ti me voio acordà, Lo castelo quito e delivro te voio lassar, E ogni ano .XXX. marche d'or te voio donar), если онъ выдастъ ему Пулкана и Бово и Дружнену (1529 E Druxiana, quela meltris gadal). Орылъ отказываетъ, грозится: «Велю та слонами убить» (1532 ve farò dele piere çitar). Вернувшись онъ обо всемъ разсказываетъ Бово, который, оставивъ Пулкана стеречь Дружнену, выѣзжаетъ противъ Маркобрунова войска: «хочу са о королa покусити» = 1549 Cola çente del re me voio provar. Lo dux. V. milia chavaleri li delivrà. Послѣднимъ стихомъ нашъ текстъ воспользовался далѣе.

Онъ встрѣтилъ «воеводу» (1553 confaloner) короля, «щытъ ему обилъ (1555 fende) и зброю ему пробилъ (ib. l'usbergo li desmaià), а воевода палъ мертвъ на землю (1556 Del destrer morto el trabuchà. «Ferì, franchi cavaleri, Monçoia», cridà. Çascun abate lo so morto al prà) и копи поломали на много урушков» (1559 A. XV. colpi Bovo sua lança speçà). Бово совершаетъ чудеса храбрости, Орылъ вывелъ изъ города пять тысячъ войска, Маркобрунъ беретъ его въ плѣнъ, приказалъ трубить въ рогъ «и пошол своею дорогою из своимъ воиском» (1572 l'olifant sonà; Inver de Apolonia con soa çente sen va). «И коли витез

Бово воиско побилъ и поле взалъ, а того не вѣдалъ, што корол княже ухватил» (1575 Dio, que mal, che Bovo nolo sa! La moier del dux ben veçudo l'à; Ela prexe a plançer, fort se lamentà. El canpo Bovo recolto à). У воротъ города онъ узнаетъ отъ жены князя и Дружнены плачущихъ, что Орылъ взятъ; хочетъ отправиться на его выручку, но онѣ уговариваютъ его лучше защищать городъ. Между тѣмъ Орылъ посаженъ въ темницу и Маркобрунъ чинитъ съ нимъ «умову» (1593 pato): отпустить его завтра (1597 questa sera) и давать ежегодно по десяти литръ (1595 .XXX. marche), если онъ выдастъ бѣглецовъ. Орылъ въ началѣ отказывается, но потомъ, подъ страхомъ смерти, соглашается; Маркобрунъ велитъ ему собрать тысячу молодцовъ (далѣе, по забвенію, сто), пусть на постели убьютъ Пулкана и Бову; Орылъ оставитъ ему въ «закладѣ» (1622 per ostadi) своихъ двухъ сыновей, а Маркобрунъ будетъ ждать въ засадѣ, въ лугу (1613 inboscar). Орылъ возвращается въ городъ, собранные имъ юнаки идутъ въ палацъ, готовясь убить Бова и Пулкана; Пулканъ слышитъ ихъ шаги, слышитъ у дверей ложницы, какъ Орылъ разсказывалъ женѣ о задуманномъ имъ предательствѣ, какъ она противилась тому и онъ её ударилъ такъ, что «кровъ еи линула сѧ з носа» (1655 Lo vermeio sangue in terra fè andar). Онъ «мѣлъ смертную жалость» (1656 dolor mortal); ворвавшись въ покой, онъ убиваетъ князя («вдарыл єго трыкроть пожомъ»= 1661 tanti colpi li da), разогналъ убійцъ, оповѣщаетъ Бова и Дружнену, и всѣ вмѣстѣ выѣзжаютъ изъ «города Костела» (1672 fuora del castelo). Пулканъ велитъ Бово ѣхать съ беременной Дружненой (ибо онъ самъ «в тои земли был не свѣдом», поясняетъ русскій текстъ, говорящій однако далѣе, что Бово поѣхалъ по дорогѣ, указанной Пулканомъ, сл. v. 1692), а самъ бросается на войско Маркобруна («хочу поити тое воиско пробити» = 1678 sbaratar). «И розбил воиско на двѣ части и ѡбернулъ сѧ ку ѡднои стороне (1685 Dal'altro cavo), и стретилъ его ѡдин полкъ короля Маркобруна, и побил ихъ и повезал ихъ, кони погнал передъ собою» (1686 In le some del re se incontrà;

Davanti da si sele caça). Догнавъ Бово, онъ говоритъ ему: «Мы есмо добре дошли в той земли (1690 nu avemò ben guadagnà). Пулкан велми сѧ здобыл (?1692 savea ben la contra'); и рече Бово: Подмо тамъ, гдѣ еси гуфъ побил» (1694 Le some se vol desligar).

Въ лѣсу Дружнена родитъ двоихъ сыновей: Симбалдо и Гвидона; Пулканъ ухаживаетъ за ней, «иж ѡн былъ тут усюды свѣдомъ усюды ходечы».

Между тѣмъ Армениљъ услышалъ, что Бово увезъ Дружнену, велитъ «десеть голеи направити» (1711 fè .X. galee armar), собралъ войско и всѣмъ заказалъ искать Бова и Дружнену. Поручивъ её и дѣтей Пулкану, Бово идетъ къ морю, «ачеи прыидеть крол Армениљъ з воиском на прыстанище з мора, ѩ быхъ воиско розогнал (?), и пошли быхмо у Армению» (сл. 1719 Eo so ben che Arminion lo sa Che a Marcabrun Druxiana n'ò menà. Io son certo ch'el' à fato navilio armar, Per tute part ne farà cercar. S'io podesse de quele nave trovar, In Armenia averèssemo andar). Въ то время, какъ Пулканъ спалъ подъ дубомъ (1734 olivier), пробѣгаетъ «кошута» (въ рукп. кошуба = 1735 cerva), за ней два льва. Испуганная за дѣтей, Дружнена зоветъ Пулкана, который проснувшись, убиваетъ обоихъ львовъ, но погибаетъ и самъ. «Ѩкое зло учынила пани, иж закрычала; а коли бы молъчала, лвы ничого не чынили». Итальянскій текстъ поясняетъ: 1742 Per ch'eli era fioli de Rayna incorona'.

Оставшись одна, Дружнена съ дѣтьми идетъ дорогою, что вела къ морю, искать Бово, ищучи его «по свету и по городех». Русскій текстъ ничего не знаетъ объ эпизодѣ ит. 1763—1784: Друзіана пришла къ берегу, узнаетъ отцовскіе корабли, на которыхъ и возвращается къ Арминіону. Лишь позже говорится, что она «прышла ув-Ормению и жыветъ у дворе ѡтца своего корола Арменила».

Не найдя ничего у берега, Бово возвращается къ шатрамъ, видитъ убитыхъ Пулкана и львовъ, думаетъ, что они съѣли жену и дѣтей, и похоронивъ Пулкана въ «ѡдной ѡпатии» (1800 soto

la tera), ѣдетъ «ко светому Семиѡну и уехал ув-ѡдин город, а нашол в городе сто конников збройных, которыхъ собралъ ѡдин витез, готуючы сѧ некуды прочъ. И Бово не смѣлъ своего конѧ ѡтыити и прывезалъ его велми коротко, абы иных конеи не бил. Таковыи был конь у Бова; жадному не дал к собѣ прыступити, толко самому Бову; и прывезал конѧ, вшолъ у палацъ городовыи, а в нем было много добрых людеи. И видел сѧ им Бово велми добрыи рыцер, и вси против его встали». Русскій переводъ, вообще сокращающій къ концу разсказа, опустилъ здѣсь нѣкоторыя подробности:

1805. Alora Bovo in lo camin intrà,
E duramente sì se lamentà,
Ch'elo no sa qu'elo se debia far.
Davanti da si Bovo reguarda;
Una gran tore veçudo elo à.
Infin ala tore Bovo andà,
E andè ala plaça, e li se sta,
Che algun niente dito li à.
A tanto Gutifer oster per la plaça andà;
Vene a Bovo, sì lo domandà:
«Meser, disse Gutifer, ve plaxe albergar?»
—Per Dio, disse Bovo, sì che mester me fa.
«Messer, disse Gutifer, se vu no avì dinar,
Quando n'averì, sì me n'averì dar».
«Dio, disse Bovo, sì farò in verità».
Alor Bovo con Gutifer andà.
En la stala Bovo lo destrer menà,
Ch'elo no se vol ad algun lassar tochar,
Sì che medesimo Bovo lo convene ligar.
In su la sala Bovo sen'anda;
Ben. C. soldadi in sula sala sta,
Che un chavaler li avea asoldà.
Quando Bovo fo su la sala, tuti in piè levà,
Per che da vilan elo no par ça;
De sovra da li altri el'è un pe mesurà.

Одинъ «чолѡвѣкъ добрыи Рычардо» (Riçardo) спрашиваетъ его объ имени (онъ называетъ себя Ангосъ = 1836 Angossoxo),

предлагаетъ пойдти къ нему на службу, быть «гетманомъ (1839 cavo; сл. далѣе 1855 = воевода) над сто конниками», разсказываетъ объ убійствѣ Гвидона и о томъ, что Симбальдо послалъ его разыскивать Бово: онъ хочетъ отомстить за смерть Гвидона, воевать подъ Антоніей. Бово согласенъ («То ест на твоеи воли = 1857 A vostra voluntà), и они отправляются (въ разсказѣ объ этомъ v. 1858. слѣд. венеціанскій текстъ снова касается норова Бовова коня). Прибывъ «ко сватому Семиωну» Ричардо говоритъ Симбальду, что Бова не нашелъ, а привелъ сто конниковъ и одного витезя, «великое пади болшъ иных людеи», на котораго особенно надѣется. «Мусиш ты быти добрыи витез, и парсуна твоѧ так указуєть», говоритъ Бову Симбальдо. «И Рычардо рече: Не стоить пенѧзѧ. Коли тое Бово услышалъ, рече єму: За што, брате, ганиш? ꙗ с тобою не хочу турнаꙗ коштовати, а ни в битве на поли» (1891 In campo ni in bataia con vu no me prova'). Когда тотъ вызываетъ его, онъ соглашается на такомъ условіи: «єсли ꙗ тебе с конѧ зобю, нехаи мое юнацы твоимъ наплюють» (1897 Li mie'conpagni li vostri averà robar), и наоборотъ. Побѣда остается на сторонѣ Бова; «и рекли Бововы конники Рычардовымъ: Видите, што умеєть чынити нашъ витез?» (1908 E Sinibaldo a Riçardo va, Sì li disse: Que ve par del nostro soldà?). Рычардо вызываетъ Бово помѣряться на мечахъ, но тотъ говоритъ ему, что отвѣдаетъ его раньше, чѣмъ отъѣдетъ отъ города.

Рано утромъ Бово и Терызъ идутъ подъ городъ; Бово «былъ свѣдомъ ωного Антониѧ въ кождомъ месте» (1925 Ch'elo sa ben lo vegnir e l'andar) и отбиваетъ городское стадо. Узнавъ объ этомъ, Додонъ выѣхалъ съ войскомъ; гетманомъ у него Дан Албрыго (1938 dan Albrigo lo confalon portà).

Въ слѣдующемъ далѣе эпизодѣ русскій текстъ представляетъ наибольшее и не случайное отклоненіе отъ италіанскаго. Въ послѣднемъ признаніе Бова Симбальдомъ совершается, при особыхъ обстоятельствахъ, послѣ битвы съ Додономъ; въ русскомъ этотъ разсказъ опущенъ и замѣненъ такимъ образомъ: передъ битвой Бова «споведал сѧ Терызу, прызвалъ его к собе и рече:

Я есми, брате, витез Бово, вкажи ми, если познаешъ у воиску, хто загубил нашого пана. И сталъ с того Терыз велми веселъ», указываетъ на Додона: «ωно што перед всими едеть» (въ италіанскомъ текстѣ v. 1946 лишнее: El'è quel a quel falcon dorà), совѣтуетъ вернуться, ибо непріятелей много. Но Бово непремѣнно хочетъ попробовать свой мечъ «на Додоновомъ воиску зрадцы злого» (1952 Sovra la çente le trait deslial), «древо взал под паху» (1955 Bassa la lança) и прокололъ Додонову сброю «ꙗкъ былъ кгротокъ долгъ» (1960 Co' l'asta è longa a tera lo roversà, E le budele defora li andà). Додона уносятъ его люди, а Бово взялъ свой «добрыи мечъ кгларенцыю» (1964 Clarença) и убиваетъ Дан Албрыго.

«Видѣлъ тое Терыз и вельми его похвалилъ; и тое воиско витез Бово прогнал и пошол ко сватому Семиωну». Тутъ и (v. 1969 сл.) начинается въ италіанскомъ текстѣ эпизодъ признанія, опущенный нашимъ переводчикомъ — не потому ли, что ему непонятенъ былъ западный обычай, по которому дамы прислуживали рыцарямъ, мывшимся въ ваннѣ?[1]) Бово съ Терисомъ возвращаются въ замокъ Синибальдо, Терисъ разсказываетъ отцу о подвигахъ новаго витязя, и у него является сомнѣніе: не Бово ли это? Такіе удары давалъ его отецъ Гвидонъ. Синибальдо спрашиваетъ жену, бывшую кормилицу Бово, узнала ли бы она его? Та говоритъ, что у него на правомъ плечѣ была родинка въ видѣ креста; услышавъ подозрѣніе мужа, она совѣтуетъ ему изготовить ванну для себя и для пріѣзжаго витязя, она войдетъ со свѣчею и узнаетъ, точно ли это Бово. Такъ совершается признаніе, и поэма снова совпадаетъ съ нашимъ переводомъ: 2061 De Dodon de Maganza ve voio contar, Che per tute part mesaçer mandà, O'che se podesse un medego trovar, Chi savesse soe plaghe sanar, Tanto li darà oro comò saverà domandar = «А Додон был велми немоцон ωт раны на смерть и почал говорыти: Хто ми можеть помочы ωт тое раны, дам єму злота колко сам

[1]) Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ Тристанѣ, выше, стр. 162.

усхочеть». — Бово и Терызъ хотятъ выдать себя врачами и пойти лечить Додона; помазались зельємъ и стали «чорнеи уголья (2079 agrement destenprà), такъ что ихъ не призналъ и Симбальдо, которому Бово велитъ быть на готовѣ и явиться на помощь по призывному рогу. Симбальдо даетъ Бову письмо къ «воротному» города, своему брату Глиберту (2090 Çilberto); одѣвшись «пелгрымами», подпоясавъ мечъ «подъ гуню» (le sclavine 2094), они идутъ, а Глибертъ, прочтя письмо брата, пріютилъ ихъ въ своемъ домѣ. Скоро разнеслась по городу вѣсть, что пришли «знаменитые лѣкары» (2122 medexi natural), и Додонъ посылаетъ за ними. Онъ сидитъ на постели, блѣдный «якъ пупава» (2129 come cenere lavà); измѣнился въ лицѣ и Бово, завидѣвъ мать, объясняетъ это встрѣчей съ женщиной: лекари, идущіе къ больному, этого не любятъ. Вернувшись на другой день (завтра; непосредственно далѣе сказано по ошибкѣ, что они вернулись на осьмой), они говорятъ, что изъ города Момбрада (2148 Monbrand), и Додонъ обѣщаетъ: «Єсли можете злечыти, хочу ся вамъ злотом ѡтважыти (2151 A fin oro ve farò pexar. Alora Bovo sì lo desligà, E como medego ben lo cerchà, Po' al suo albergo sen tornà. Que ve dov' e' plu le parole perlongar? Ben .IX. dì Bovo lo medegà. Quando fo li .IX. dì conplì e passà, Bovo e Teris al palaço sen'andà, E vete la plaga chi era molto fondà). И ѡны ѡгледавшы рану, рекли: Послухаи, Додоне, тот витез, которыи ти тую рану дал, мыслить тебе загубити». Они сбросили гуни, открываются Додону, но Бово не хочетъ его убить, «занюж мати моя тебе навела забити ѡтца моего», а велитъ выѣхать изъ города, къ которому подошелъ Симбальдо съ войскомъ. Свою мать Бово затѣваетъ сжечь (русскій текстъ прибавляетъ: «або коньми волочыти»), но по совѣту Симбальдо приказываетъ замуровать между двухъ стѣнъ, «нехаи ся своихъ греховъ каєть (лишнее противъ италіанскаго: «нехаи на нее всяка мокрота и студен падаеть, а нехаи ся ее похоть гасить) И Бово так вчынил, якъ Симбальдо велелъ (2186 Bovo fè como Sinibaldo lo consià. Un ano e .III. mesi là dentro demorà) и ве-

лелъ еи давати на ден по тры еицы (= onxe.... de pan 2188) и хлѣба и по малу воды въ уста пускати».

Между тѣмъ Додонъ ушелъ во Францію, жалуется королю Пипину (2193 Pepin) на Бово, выгнавшаго его изъ его царства. Вмѣстѣ съ Пипиномъ онъ подошелъ подъ Антонію, разбилъ шатры (2205 pavion), выжегъ все предмѣстье (2206 tuti li borghi). Бово выѣзжаетъ изъ города, за нимъ все войско (въ италіанскомъ текстѣ нѣтъ 1-го листа); убиваетъ Додона и беретъ въ плѣнъ Пипина, котораго везетъ въ Антонію (соотвѣтствіе съ итальянскимъ текстомъ возстановляется: 2214 Fè avrir le porte e li ponti abassar, Intrà in Antona, lo Re per prixoner menà) и упрекаетъ за учиненное имъ зло. Тотъ сознается, что былъ не правъ, присягаетъ «на эвангелеи» (2223 per sagrament), что никогда не станетъ воевать противъ него, и обѣщаетъ дать въ заложники сына (229 Mio fio Karlo). Сынъ находился при войскѣ, и за нимъ посылаютъ: «и пошелъ его посол, а с нимъ ѡдин гражении (2234 Drogo lo Pitadin sil'aconpagnà. Переводчикъ, очевидно, прочелъ: Citadin); «а пры немъ были два чоловеки знаменитые, ѡдин Солумон, которыи его ховал, а другии Кгвидон, которыи его учыл» (2235 Salamon le ardì e Guidon l'insenà). Пипинъ передаетъ сына Бову, взялъ у него «прощене» (2237 comiado domanda), а своему войску «почал поведати» (2238 bando cridar), что замирился съ Бовомъ.

Начало слѣдующаго абзаца въ русскомъ переводѣ, очевидно, принадлежитъ недоразумѣнію: «И послышал (то-есть, Бово), што Дружненъна прышла ув-Ормению и жывсть у дворе ѡтца своего корола Арменила». Вѣрно непосредственно слѣдующее, согласное съ италіанскимъ текстомъ: что Дружнена узнала о возвращеніи Бова въ Антонію (въ италіянскомъ текстѣ 2246 Spesse fiade à oldù contar — A nobeli cantadori e bufon e a çublar) «и не мѣла своего жывота, если не наидеть своего пана Бова» (2250 S'ela nol trova, viver non vol ça). Натершись однимъ зельемъ, отчего она стала черна «ѧкъ уголь» (2253 plu negra de mora), взявъ съ собою гусли (2254 arpa) и учинившись

«скоморошницою» (2258 çubiara), она вмѣстѣ съ сыновьями ходитъ повсюду, разыскивая мужа. Непонятъ переводчикомъ поводъ къ такому превращенію: потому онъ такъ преобразилась, говоритъ италіанскій текстъ, что она была красива и ей пришлось пройдти многія царства, прежде чѣмъ нашла Бово (2265 Per ço lo fè Druxiana ch'ela avea lo vixo smerà, Per che molti riami li conviene cercar, Avanti ch'ela podesse Bovo trovar). Сл. переводъ: «Племенида Дружненна видела сѧ людемъ доброе ѡсобы про то, што мѣла твар хорошу; а то длѧ того чынила, занюж еи стоѧло за великоє королевство, коли бы Бова нашла» (?).

Бово игралъ въ шахматы съ однимъ витяземъ и веселилъ свое серце (2275 so cor confortar), когда является посолъ отъ Малгаріи, говоритъ, что ея отецъ умеръ, а ее осадилъ король угорскій (2284 Lo re Passamont d'Ongaria), хочетъ насильно взять ее за себя. Малгарія напоминала Бову «великую доброть» (2288 servixio), которую она ему чинила, просила помощи, обѣщала креститься и предлагала свою руку. — Бово сбираетъ войско (у него гетманомъ Терызъ: 2306 L'insegna de Bovo Teris la portà) и идетъ къ Задоніи. Битва подъ нею разсказана въ нашемъ текстѣ въ двухъ словахъ: «И видел Бово на поли воиско и пошол к нимъ. Тоє воиско видевшы, што не могуть терпѣти противъ Бова, и побѣгли». Въ оригиналѣ нашего перевода, очевидно, былъ пропускъ, если не вмѣнить его разсѣянности переводчика. Въ италіянской поэмѣ подробно описывается походъ Бово моремъ, прибытіе подъ Садонію; не велѣвъ своему войску трогаться, онъ выѣзжаетъ одинъ и вызываетъ на бой Пассамонта. Между тѣмъ Дружнена съ сыновьями какъ разъ подошла къ Садоніи, усѣлась на горѣ, видитъ сражающихся и по знамени узнаетъ въ одномъ изъ нихъ Бово, котораго и показываетъ дѣтямъ. Онъ поразилъ Пассамонта, непріятели «побѣгли. Витез Бово гонилъ за ними» (2386 Bovo cola soa çente li incalçà) и вступаетъ въ Задонію. Соотвѣтствіе текстовъ снова возстановляется.

Велѣвъ «стати добрым людемъ у великии круг» (нѣтъ въ италіанскомъ текстѣ) и позвавъ «бискупа» (2395 arcivescovo), Бово проситъ его окрестить Малгарію, «и дла ее цудности не хотѣлъ еи имени ѡтменити и велелъ ее Малгорэтою звати» (2398 Lo nome è belo, nol volse canbiar, Malgaria li messe nome, cossì la fè clamar) [1]). Онъ готовится къ свадьбѣ, а въ это время явилась въ городъ Дружнена съ сыновьями, видитъ Бова и Малгорету, стоящихъ «на ѡдномъ кганку» (2403 ali balconi), начала на гусляхъ играть, сыновья танцуютъ, а она припѣваетъ «ѡ Дружненне цуднои, ꙗкъ ее Бово втратил близко мора на пристанищы» = 2406 Chavaleri e baron or intendì ça D'un novo sonar del regno de França, De Bovo d'Antona e de la bela Druxiana, Como elo la perdì sula riva del mar.

Слышитъ это Бово, сѣтуетъ, что «скоморошка ходечы по городом прыпеваетъ ѡ мне и ѡ Дружненне», призываетъ ее къ себѣ, чтобы её одарить, но она «не хотѣла болшеи играти» (2420 moto noli sonà = не проронила слова), идетъ къ себѣ на «стан» (2426 albergo), обоихъ сыновей убрала «в шаты» (2429 Lo cavo li petenà, lo vixo li lavà, Sili vestì d'un palio roxà), велитъ идти ко двору: а коли отецъ захочетъ умывать руки, одинъ пусть подастъ ему воду, другой ручникъ (послѣдняго въ ит. текстѣ нѣтъ); коли сядетъ за столъ, стойте передъ нимъ и на вопросъ, кто ихъ отецъ, отвѣчайте: никогда не видѣли его, ищемъ его по чужимъ землямъ, а мать наша здѣсь, можешь спросить ее. Въ ит. текстѣ 2443 слѣд. она велитъ имъ назвать себя и Бова по имени. — За столомъ дѣти обращаютъ на себя вниманіе Бова; Симбальдо о нихъ ничего не знаетъ, они говорятъ, какъ научила ихъ мать, называя Бова и Дружнену. Какъ услышалъ это Бово, скочилъ черезъ столъ къ дѣтямъ, началъ ихъ цѣловать «и ѡт великое милости сомлѣлъ» (2471 strangossà). Онъ открывается имъ, велитъ повести себя къ матери, а она сидитъ «чорна ꙗкъ уголь» (2481 carbon amorçà). — Вотъ наша мать, говорятъ

[1]) Сл. въ 8-а rima: Malgarita (вм. Malgaria) = Малгорэта.

дѣти. «Бово рече: Нешлахэтницы, вы мною куныштуете»! (2486 Ai, fel gloto', me volì vu beffar!) Но тѣ успокоиваютъ его: ихъ мать въ другомъ домѣ (2490 in questa camara). Удалившись въ другой покой, Дружнена умылась «водкою цудною» (2493 aqua roxada), одѣлась въ «велми коштовное платье у злотоглав, и взложыла на голову венец велми цудныи, и вчынила сѧ так красна, ѩкъ ни однаѩ рѣчъ на свете» (2495 Po'de richi drapi ela se adornà, Con un fil d'or ben se conçà, Çoia e ghirlanda in soa testa fermà; Ela è plu bela de fada ni d'ayguanà). Тутъ Бово признаетъ ее, цѣлуетъ, идетъ въ палацъ. По городу пошла вѣсть, что Дружнена вернулась; Малгарія привѣтствуетъ ее, а Бова проситъ и ей найдти мужа, который могъ-бы «рыцэрство носити» и держать ея царство. Бова даетъ ей Терыза; «Витез Терыз принѧл ее велми вдѧчно и сталъ господаремъ всеи еѧ державе» = 2524 Amantinente la dona spoxà; El fo signor de tute quele contra'.

На этомъ стихѣ обрывается въ венеціанской поэмѣ разсказъ, который нашъ переводъ досказываетъ въ нѣсколькихъ строкахъ: Бово съ Дружненой и сыновьями возвращаются въ Антонію, юнаки Бова по домамъ, Терызъ остался въ «сарацынскои земли». Бово ставитъ обоихъ сыновей витязями, одного изъ нихъ, Гвидона, еще при жизни нарекъ королемъ, другаго, Симбальдо, великимъ кнѧземъ (dux?). А у Терыза родился сынъ Гвидонъ, у котораго еще былъ сынъ, «имѧ ему было дѣдово, Терыз, а матка его была Спэрра. А такъ сѧ докончыло писанье ѡ Бове».

Мой анализъ познанской повѣсти о Бовѣ въ связи съ венеціанскимъ текстомъ, можетъ быть, грѣшитъ нѣкоторою подробностью; но съ одной стороны, дѣло идетъ о древнѣйшемъ, пока извѣстномъ, текстѣ одной изъ популярнѣйшихъ народныхъ книгъ, съ другой — манила задача, рѣдко такъ обставленная, какъ для нашего памятника, прослѣдить по этапамъ исторію его перевода, передѣлокъ и искаженій. Сербскій переводчикъ довольно близко, часто дословно передаетъ подлинникъ; что онъ тождественъ съ венеціанскимъ текстомъ или былъ къ нему чрезвычайно близокъ,

въ этомъ мы могли убѣдиться изъ сравненія. Опущены лишь два эпизода: разсказъ о единоборствѣ Бовы съ угорскимъ королемъ подъ Задоніей и эпизодъ признанія Бова въ банѣ; возможность послѣдняго опущенія сербскимъ переводчикомъ мы объяснили себѣ незнакомствомъ съ соотвѣтствующимъ обычаемъ, хотя здѣсь дѣло не въ простомъ пропускѣ, а, въ извѣстномъ смыслѣ, и въ передѣлкѣ, ибо признаніе Бово Терызомъ разсказано иначе. Можетъ быть, такая версія существовала уже въ подлинникѣ переводчика, отличномъ въ этой чертѣ отъ венеціанскаго текста? Это потому вѣроятно, что иныхъ слѣдовъ собственно rifacimento нашъ текстъ не представляетъ. Что въ венеціанской поэмѣ Бово готовится сжечь мать-измѣнницу, а въ русской повѣсти, кромѣ того, и размыкать конями — можетъ быть объяснено приставкой переводчика, но могло находиться и въ его оригиналѣ. Выраженія: черенъ (черна) какъ чернило, какъ шелковичный плодъ, какъ уголь — переданы всегда послѣднимъ сравненіемъ; это дѣло личнаго вкуса; юнаку отвѣчаетъ: bazeler, baron, cavalier; гетманъ (носящій знамя, хоругвь) и великій князь (dux) принадлежатъ, вѣроятно, русскому списку, лугъ въ значеніи bosco и пристанище = riva, можетъ быть, сербскому переводу: напомнимъ кстати, что и въ Тристанѣ встрѣчается послѣднее, необычное отождествленіе, перваго я не замѣтилъ, но это чистый сербизмъ и ближе далматизмъ: лугъ въ значеніи рощи сплошь да рядомъ встрѣчается у дубровницко-далматинскихъ поэтовъ; Della Bella переводитъ bosco: dubrava, lug, gaj; у хорватовъ лугâр= лѣсникъ. Сл. въ Троянской Притчѣ (Mikl. I): Доудома лѫгъ = Dudoma nemus; лоугъ = чаща, дубрава въ книгѣ бытія неба и земли, изданной А. Н. Поповымъ (Чтенія, 1881, I, стр. 168). — Интересно обращеніе нѣкоторыхъ нарицательныхъ именъ въ собственныя, и наоборотъ: эпитетъ при Блондоѣ — *meltris*, то-есть, meretrix (сл. въ этомъ значеніи въ Recueil d'exemples en ancien italien, изданныхъ Ulrich'омъ въ Romania №49 p. 58, Glossaire: Meltrise = meretrice; meltrix у Bonvesin da Riva), понято какъ собственное имя: «а еи было имѧ *мере-*

трысъ»; сл. далѣе «курва жона Кгвидонова», «таю курва маретрыс», рядомъ съ Блондоей; въ позднѣйшихъ русскихъ текстахъ Блондоя совсѣмъ исчезла, вмѣсто нея *Милитриса*, что ближе къ meltris венеціанскаго текста, чѣмъ къ *меретрысъ* познанскаго, которое можетъ быть и этимологическимъ подновленіемъ. Для генеалогіи текста Бовы это отличіе важно. — Подобную передѣлку представляетъ и *castello*, гдѣ властвуетъ Орылъ: «онъ очутился городомъ *Костеломъ*, но рядомъ стоитъ еще и *замокъ;* позднѣйшіе тексты удержали первое. — *Chiarenza*, названіе меча Oliver'а (=Аливера), перешедшаго въ руки Бово, является въ формѣ *кгляренцыа* и *кгладенцыа;* оттуда мечъ *кладенецъ* великорусскихъ списковъ, обобщившійся въ сказкахъ въ имя нарицательное. *Sadonia'и* легко было перейдти въ *Задонію*, откуда въ позднѣйшей версіи повѣсти эпитетъ *задонскій*, перенесенный съ султана на Маркобруна и, быть можетъ, отразившійся въ «задонской» землѣ или ордѣ нашихъ былинъ.

Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ познанскій текстъ повѣсти о Бовѣ къ ея версіи, распространенной въ великорусскихъ спискахъ и лубочныхъ изданіяхъ — на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣтить обстоятельнѣе, когда первые будутъ приведены въ извѣстность и установлена генеалогія текста, ими представляемаго. Лубочной сказки я далѣе не касаюсь; изданія ея дѣлятся на двѣ категоріи: одна представляетъ «полную» исторію Бовы, на 32 листахъ: «Сказка полная о славномъ, силномъ, храбромъ и непобѣдимомъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ и о прекраснѣйшеи супруге его королевне Дружневнѣ»; другая, сокращенная впослѣдствіи, помѣщается на 8 листахъ подъ заглавіемъ: «Гисторія о храбромъ и о славномъ витезе Бове королевиче и о смѣрти отъца его»[1]). Полная редакція лубочной сказки ведетъ свое начало отъ одной изъ двухъ группъ, на которыя распадаются русскіе списки[2]).

[1]) Сл. Пыпинъ l. c. стр. 249; Ровинскій. Русскія народныя картинки т. I, стр. 77 слѣд. (краткій текстъ), 84 слѣд. (полный текстъ).

[2]) Предлагаемое далѣе распредѣленіе приблизительное, не рѣшающее, а вызывающее вопросъ. Такъ олонецкій списокъ, которымъ я пользуюсь далѣе, принадлежитъ по началу къ типу b, но далѣе даетъ варіанты къ a.

Одна (b) представляется скорописнымъ сборникомъ Императ. Публичной библіотеки, конца XVII вѣка (Толст. 2,215, Публ. библ. XVII, Q, 27), по которому наша повѣсть была напечатана въ Памятникахъ древней письменности (вып. I-й 1879 г.): Сказания про храбраго витезя про Бову Каралевича. Нач. «Нѣ в коемъ было царствѣ в великомъ государствѣ в славномъ граде во Антонѣ жилъ былъ славный король Видонъ і провѣдалъ в славномъ граде Ідементияне у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь прекрасную королевну Милитрису. І призва к себѣ любимаго слугу іменем Личарду і почелъ говорит». Онъ велитъ ему ѣхать свататься за Милитрису, слѣдуетъ описаніе сватовства; Милитриса заявляетъ отцу о своемъ нежеланіи выйдти за Гвидона и о своей любви къ Додону, но отецъ стоитъ на своемъ.— Ко второй группѣ текстовъ (а) принадлежитъ повѣсть Истоминскаго сборника XVII вѣка (въ Румянцовскомъ музеѣ), напечатанная въ приложеніи къ этому изслѣдованію [1]). Нач. «Бысть нѣкіи корол Гвидон в славномъ граде Онтоне. Коли он был млад і в добре поре, тогда к собѣ избирал во двор храбрых витязеи в златокованыхъ доспѣсѣх и на быстрыхъ коняхъ и охоч был с ними ѣздит в чистое поле тешитца на ловлю, с соколы и с ястрепы на птицы и с выжлоки на звѣри. И какъ бысть в болшомъ возрасте и тогда рече корол витяземъ своим, гдѣ-б ему приискали невѣсту от велика племяни; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича ест тщер прекрасная Милитриса». Онъ шлетъ за нее свататься своего «конюшего» Личарду; подробности сватовства кратче, чѣмъ въ предыдущемъ текстѣ.

Судя по началу, къ этой группѣ относится и Погод. № 1773, сборникъ XVII—XVIII вѣка: «Сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича зѣло послушати дивно». Нач. «Бысть нѣкіи король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антонове, младъ юноша великъ и храбръ, и збираетъ себѣ во градѣ храбрых витязей во златых поясѣхъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ тѣ-

[1]) За доставленіе мнѣ копіи съ этого текста приношу мою искреннюю благодарность А. С. Усовой.

шитца съ соколы и ястребы и съ выжлоцы»[1]). — Сватовство разсказано подробнѣе.

Въ обѣихъ рецензіяхъ a и b *Милитриса* очутилась собственнымъ именемъ, имя Блондои исчезло, вмѣсто *Бово — Бовá; Пулканъ — Полканъ; Дружнена — Дружнена* (a), *Дружневна* (b); *св. Семионъ — Суминъ* (ab). Явились новыя имена: отецъ Милитрисы *Кирбичъ* (a), *Кирбитъ Верзауловичъ*, царствующій въ *Дементіанѣ* градѣ (b; въ лубочной сказкѣ полнаго состава: Димихтіанѣ; въ a нѣтъ); вмѣсто Арменила *Зинзовей Андоровичъ* (a; Зензевей Адаровичъ b; въ лубочной сказкѣ: Зензевей Андроновичъ, Зензевій Андровичъ). Одному b свойственно ошибочное перенесеніе титула Зодонскаго (отъ Задоніи-Sadonia) съ Султана на Маркобруна, тогда какъ первый воцаренъ въ *Рахлейскомъ* царствѣ. Царедворецъ, разыгравшій роль Арменила, названъ *Орлопомъ*, Арлопомъ (a; въ b нѣтъ имени); Малгарія = *Малгрия* (a), Минчитрія, Миличитрія (b), Мельчигрія (лубочная сказка полнаго состава); племянники султана, преслѣдующіе Бову — *Аханъ* и *Онбанъ* (a; въ погод. сп.: Арам, Аврамъ; въ b нѣтъ самого эпизода); Орылъ = *Урилъ* (a), Орелъ (b), въ лубочной сказкѣ Урилъ; *Костелъ* остался всюду; Симбальду Бово, еще не открывшійся ему, говоритъ, что онъ изъ «*Празни града*» (a); прозвищу Ангосъ (Angossoxo), которое онъ даетъ себѣ, въ a ничего не отвѣчаетъ, въ b *Августъ*, въ лубочной книгѣ полнаго состава *Ангусей*, но этимъ именемъ онъ зовется и раньше[2]). Терызъ = *Терезъ* (a), *Тервизъ* (лубочн. сказка полнаго состава), *Дмитрей* (b); въ a является кромѣ того братъ Симбальда, *Агенъ*, погод. сп.: Аггенъ.

Общее у a и b съ познанскимъ текстомъ — опущеніе сцены

---

[1]) См. Пыпинъ, Очеркъ, стр. 248. Нѣкоторыми извлеченіями и варьянтами этого текста я обязанъ Ѳ. М. Истомину, сообщившему мнѣ также разночтенія рукописнаго Бовы, найденнаго имъ въ Олонецкой губерніи, но къ сожалѣнію не полнаго.

[2]) Сл. тосканскую (= франко-венеціанскую) версію, недавно открытую Райной: въ ней Бова называетъ себя Agostino уже купцамъ, принявшимъ его на судно послѣ бѣгства отъ матери.

признанія Бовы въ банѣ и эпизода битвы подъ Задоніей; оба опускаютъ эпизодъ о Пипинѣ; каждый изъ нихъ въ отдѣльности представляетъ отличія отъ познанскаго текста, сокращенія и развитія; послѣднія, если они стилистическаго характера, принадлежатъ, главнымъ образомъ, b; этотъ текстъ многословнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ народнѣе а; тамъ, гдѣ онъ отличается отъ а, послѣдній нерѣдко воспроизводитъ букву познанскаго текста. Въ генеалогіи текстовъ русскаго Бовы b стоитъ на столько дальше отъ оригинала, на сколько ближе къ лубочной сказкѣ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторыя его разногласія съ а, стилистическія и содержательныя, легко было бы объяснить русской передѣлкой. Слѣдуетъ ли и на а перенести то же опредѣленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ расходится съ познанскимъ текстомъ, — на это отвѣтить труднѣе: рядомъ съ отличіями есть дословныя совпаденія. Приведу примѣры.

Милитриса не любитъ Гвидона, «не имѣя его не за един *пеняс*» (олон. сп.: не на единой пенезь) = познанск. т.: «ѡна его не мела ни за ѡдин *пѣнез*» (въ b нѣтъ) — У Бовы «власы *желты* аки шелкъ, а лицо румяно *аки злато*» (въ погод. сп.: лице румяно, власы желты аки злато; въ олон. сп.: власы у него какъ прекрасное злато, лице у него какъ белыи снегъ, а ягоды румянны какъ маковъ цветъ) = позн. т.: «волосы мѣлъ *жолты* ꙗкѳ *злото*» (въ b нѣтъ). Только а удержалъ и названіе города *Маганца;* гдѣ царитъ Додонъ: *Моган'скъ* (погод. сп.: Моганъ, Моганетъ; олонец. сп.: Маганецъ), что объясняетъ несомнѣнно и слѣдующихъ далѣе «*могальцевъ»:* Милитриса поручаетъ сказать Додону, чтобъ онъ «погубилъ мужа моего с *могалцы* добраго короля Гвидона»; далѣе она узнаетъ, что Додонъ «добраго короля Гвидона с *могалцы* погубил» (пог. сп.: со ѡтроки). Первоначально стояло, вѣроятно: Додонъ съ *Маганца* и далѣе, по недоразумѣнію, съ *Могальцы* (въ b нѣтъ). — Мѣсто убійства помѣщается «въ лугу в Скиаринѣ» (далѣе: Скияряи; пог. сп.: Скяринъ, в луга во скляренскія; олон. сп.: лугу в цыкляреве) = позн. т. лугъ «ѡт *Склоравена*», «лугъ» = bosco, какъ въ познан-

скомъ текстѣ; b: «в королевскомъ лугу». Додонъ выѣзжаетъ на охоту верхомъ на ослѣ (ab, позн. т. конѣ; такъ и въ олон. сп.), съ нимъ «ӏѐ *юноковъ*» (а) = позн. т. «десет *юнаковъ* (пог. сп.: отроковъ; олон. сп.: юношей; въ b нѣтъ). — Симбальдо, взявъ съ собою «.н҃. юноковъ» (позн. т. «шестдесатъ.... юнаков; олон. сп.: 60 человѣкъ юншъ»; b: «тридцать юношей») бѣжитъ съ Бовой въ градъ Суминъ; переметчикъ докладываетъ о томъ Додону: «ѡ королю Додоне, *твердо спишъ*» и т. д. = позн. т. «Додоне з Маганца, велми *твердо спиш* (олон. сп.: то же; въ b нѣтъ). — Ни въ а, ни b нѣтъ сцены на пути, когда предатель торопитъ Додона и убитъ Терызомъ: Бово падаетъ съ коня, подхваченъ Додономъ; b, вслѣдствіе пропуска, неудачно восполненнаго позже, опускаетъ: преслѣдованіе Додона Симбальдомъ, набѣгъ послѣдняго на Антонъ-градъ, тотчасъ переходя къ осадѣ Додономъ Сумина; а ближе держится познанскаго текста: когда Симбальдо тревожитъ набѣгами «град Онтонъ», Милитриса говоритъ мужу: «о королю Додоне, что то нам *сиі злодеи не дадут упокоя?*» = позн. т. покуль *тот злодеи* старыи буде жыв, не можем ѡт него *впокоѧ* мѣти. — Сонъ Додона: «кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен, а носит в руце своеи щит и копіе и мечъ кладенец (?) и прободает ему *сердце* и *утробу*» (такъ и въ олон. сп.) = познанскій текстъ «ѩко бы Бово у зброи проколол ему *серцэ* и *утробу* (b: утробу и сердце). — Братъ Додона въ а: Амбругустимъ, b Обросимъ = познанскій текстъ Дан-Албрыго; Додонъ велитъ ему ѣхать къ Милитрисѣ съ требованіемъ — выдать Бову. Онъ пріѣзжаетъ, «*поздравствоваше великолѣпное здравие*» = позн. т. *поздровилъ ее Додоновым поздровением* (b поздравити); она говоритъ, что «за *любовь* государя своего добраго короля Додона» и сама готова уморить сына (позн. т.: *длѧ ласки* ѡтца Бовова; въ b нѣтъ) — Непосредственно за этимъ b восполняетъ указанный выше пропускъ[1]). Въ раз-

[1]) См. въ изданіи Общ. люб. древн. русск. письм., стр. 49, строка 6-я сверху (И король Додонъ)—19 (Затворися накрѣпко). То же въ лубочной сказкѣ полнаго состава.

сказѣ о попыткѣ матери отравить Бову a и b опредѣляютъ «трутизну» познанскаго текста, какъ змѣиный ядъ (b змѣиное сало). Завидѣвъ Бову «корабленицы» (b корабельщики) посылаютъ «человѣка в плаволоке ко брегу» (b: «ярышковъ в подѣстке»; пог. сп.: паузокъ) узнать, кто тамъ кричитъ: «крестьянские вѣры» или «татарченокъ» (b: «хрестиянскова ли ты роду іли татарскова»; позн. т.: «хрестѧнин або ли поганинъ»). Бово отвѣчаетъ, что онъ пономаревъ сынъ (ab; позн. т.: сынъ «млынара»; пог. сп.: млатаревъ), а мать его мыла платье «на добрых людеи» (b «на добрыхъ женъ»; позн. т. «богатымъ жонам кошули»). — «Бова-ж у них (у корабельщиковъ).... *аки цвет цветет*, лице его возсияет яко солнечная луча» (b «не видали такова отрока, велми *лѣпообразенъ;* позн. т. «*лѣпшое дитѧ* не могло быти на вѣки»; сл. венеціанскій т. v. 393: *plu belo de roxa de prà*). — Ни въ a, ни въ b нѣтъ ошибки познанскаго текста: *другое* море вмѣсто *alto* mare; «бѣжали по морю» (b), «плавал с ними на море» (a). — Споръ корабельщиковъ изъ-за Бовы (b): они «промежъ собою хотятъ *смеяшные чаши пити*» (можетъ быть: ся мечи шибити или бити?) = (a) «мечи ся сѣчь» (позн. т. добыли мечовъ, хотели сѧ рубати; сл. олон. сп.: промежь себя сещися, но въ погод. сп.: *смертную чашу* пити). — Въ сценѣ, когда Зензевей (= Арменилъ позн. текста) приходитъ къ кораблю и видитъ Бову, a и b досказываютъ подробности, вѣроятно, сокращенныя въ познанскомъ текстѣ, образуя съ нимъ одну версію, въ отличіе отъ венеціанской. Въ послѣдней говорится: король гуляетъ по берегу, купцы говорятъ другъ другу: вонъ король! а онъ обращается къ своимъ баронамъ: смотрите, этотъ корабль только-что прибылъ. Онъ любуется красотой Бовы: Вотъ было бы хорошо, еслибъ онъ былъ моимъ конюшимъ или изъ моихъ людей! Онъ проходитъ мимо, въ городъ; корабельщики притягиваютъ судно къ берегу, и король снова къ нему возвращается. — Въ познанскомъ текстѣ Арменилъ, увидѣвъ судно, посылаетъ слугъ довѣдаться о немъ; «и якъ слуги к ним прышли, почали ихъ купцы пытати, естъ ли тут король арменеискіи. И король самъ до них пры-

шол». Не достаетъ отповѣди слугъ королю; а досказываетъ: «и послаша провѣдывать .к. юноков; юноки-ж приѣхали ко брегу и хотя воспрашати, которого царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на корабле отрока велми лѣпообразна, и зря на неизмѣрную красоту лица его, и смутися во умѣ своем и забы воспрошати. И сам говорит таково слово: Ѡ гости корабленицы» и т. д. Сл., для дополненія, версію b: «Они жъ (то-есть юноши) ему ничего не сказаша, только сказали, что видели на корабли юнова. И король Зензевеи скоро повелѣ осла подвести и поѣхалъ х короблю». Зензевей покупаетъ Бову за «.л. литръ злата» (то же въ олон. сп.; въ b и погод. сп.: .т. литръ»; позн. т.: двадцать литръ); Дружневна идетъ «*с плачем* к отцу своему»: въ подлинникѣ а стояло, вѣроятно, *съ полаца* или *въ полацъ*, сл. позн. т.: «на гору *у палац*»; b: «въ королевские *полаты*». Въ аb она сама указываетъ отцу на Бову, какъ на желаемаго ею служителя; сцена за столомъ (недостающая въ венеціанскомъ текстѣ), какъ въ познанскомъ, только краски наложены гуще, и слѣдуетъ непосредственно (съ опущеніемъ бесѣды Бовы и Дружневны въ ложницѣ) отъѣздъ Бовы въ поле по траву и далѣе, въ обратномъ порядкѣ противъ познанскаго текста, сцена съ вѣнкомъ въ конюшнѣ — и пріѣздъ Маркобруна. Въ первой встрѣчается одна подробность, на которую какъ будто указываетъ и познанскій текстъ въ разсказѣ о признаніи Дружнены и Бова въ конюшнѣ Маркобруна: она проситъ Бова показать ей тотъ знакъ, «што єсми лечыла тебе ув-ѡтца своего, коли єси был с ѡдное скалы спал» (сл. выше стр. 269). Венеціанскаго текста нѣтъ ни для этого эпизода, ни для эпизода съ вѣнкомъ; для втораго сл. а: Бова бросаетъ вѣнокъ на землю и бѣжитъ, «и шибѣ дверми полаты тоя, полата-ж оттова потрясеся, и упаде камен полаты той и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружнена нача рану Бове сама лечит» (сходно, но въ другомъ изложеніи, въ b). Позже, въ сценѣ признанія, Бова снимаетъ «клобукъ (позн. т. тоже) и показываетъ ей «язву, кою яз (Дружнена) у тебя сама лечила» (то же и въ b).

Маркобрунъ (a: «ис поморья», b: «из задонскаго царства») является сватать за себя Дружнену, съ угрозою, которой Зензевею приходится уступить; a: «аще не даш тщери своеи, царство твое все попленю»; b: «головнею покачу»; лишь послѣ того, какъ его предложеніе принято, слѣдуетъ его потѣха въ поле (позн. текстъ: турнай). Въ a Бова просится у Зензевея посмотрѣть, какъ «корол Маркобрун з дворяны своими на поле тешитца», послѣ чего слѣдуетъ разсказъ о подвигахъ Бовы безъ всякихъ подробностей о его необычномъ вооруженіи; въ b Дружневна будитъ его (моментъ, можетъ быть, перенесенный сюда изъ слѣдующаго эпизода: о нашествіи султана) разсказомъ о насильномъ сватовствѣ Маркобруна; онъ проситъ у ней коня и меча кладенца — она отказываетъ, ибо «еще ты дѣтище мало, только отъ роду семъ лѣтъ»; тогда онъ идетъ вооружившись метлой (= жердь позн. текста). Только въ a осталась древняя черта, что Бова скинулъ съ коня самого Маркобруна; въ a и b бой прекращенъ по просьбѣ Дружневны [1]).

Бова ложится спать, а между тѣмъ «пріиде из Задония града царь Салтан Салтанович, да с ним сынъ его Лукапер.... вышину имѣя .Г҃-хъ. сажен, промеж очима пяд» (позн. т.: межы ѡчъю велика пади); въ b он изъ Рахленскаго царства; у Лукопера голова «аки пивной котелъ, а промежъ очми добра мужа пядь, а промежъ ушми колена стрѣла ляжетъ, а промежъ плечми мѣрная саженъ». Въ познанскомъ текстѣ эта вѣсть застаетъ Бову во время бесѣды съ Дружневной въ конюшнѣ; въ ab, вслѣдствіе указанной выше перестановки эпизодовъ, Бова приходитъ къ Дружневнѣ и узнаетъ о вражескомъ нашествіи. Бой Лукопера

---

[1]) Такъ и въ отрывкахъ удинскаго токста, vv. 264 слѣд., 301 слѣд. и въ тосканской (= франко-итальянской) версіи, недавно открытой Райной: Маркобрунъ сбитъ Бовой, разгнѣванъ, велитъ двумъ своимъ рыцарямъ: Fate che qui davante ammè voi l'abbiate a ferire e spezzare». Друзіана видитъ съ балкона, что противъ Бовы что-то затѣвается, и велитъ затрубить въ рогъ: «e in quella terra è in usanza, che quando si suona il corno di Drusiana, chiunque ene a cavallo, si disciende di sella, e chi è armato, sissi disarma. Così fa Marcobruno e sua brigata».

съ Зензевеемъ и Маркобруномъ описанъ кратко; отмѣтимъ въ b, что Лукоперъ отсылаетъ плѣнныхъ къ своему отцу на «морское пристанище», понятое, очевидно, въ знакомомъ намъ употребленіи познанскаго текста (riva). Услышавъ разсказъ Дружневны, Бова хочетъ тотчасъ же ѣхать на выручку, царевна его останавливаетъ, но только въ b сохранилась отповѣдь Бовы, даже болѣе близкая къ венеціанскому тексту (v. 614 слѣд.), чѣмъ соотвѣтствующая въ познанскомъ: «который государь купитъ холопа добраго, а холопъ хочетъ выслужитца, да не на чемъ». Дружневна даетъ ему въ a «мечъ кладенецъ» (позн. т. кгладенцыю), кольчугу «доброго короля Молганскаго» (позн. т. Гальца, то-есть, Galaço; смѣшеніе съ Молганскъ = Маганца, сл. выше стр. 288); конь забытъ, b описываетъ его въ сказочномъ стилѣ: «есть у государя моего батюшки добрыи конь богатырский, стоитъ на .в͠і. цепяхъ, по колени в землю вкопанъ і за .в͠і. двермиъ».

Въ сценѣ, когда Бова на прощаньи открывается Дружневнѣ, рыцарскій элементъ изчезъ: въ позн. текстѣ царевна желаетъ напередъ узнать «родину» Бовы и тогда уже ставитъ его рыцаремъ, опоясывая мечемъ. Въ b отъ всего этого остался лишь послѣдній актъ, но ему никакого особаго смысла не дается. Не понятно мнѣ выраженіе b: Бова разсказалъ Дружневнѣ о своемъ родѣ-племени, «і Бова досталъ Дружневне песку, к сердцу присыпалъ» (?) То же и далѣе: когда рыболовъ разсказалъ Бовѣ о предстоящйе свадьбѣ Маркобруна и Дружневны, онъ «Бовѣ песку къ сердцу присыпалъ».

Агулину позн. текста отвѣчаетъ въ a и b безыменный дворецкій (въ погод. сп. Ангубинъ, въ олон. Анбугинъ). Въ описаніи боя съ Лукоперомъ общія мѣста заслонили древній текстъ: старому сарацину, съ тремя копьями въ хребтѣ (позн. т.), который приноситъ султану вѣсть о пораженіи, отвѣчаетъ въ a какой-то «богатыр Кухаз..., а на немъ быстъ д͠ раны мечевых да е͠ ранъ копѣиныхъ» (въ b, вмѣсто него, «не велкіе люди»); султанъ бѣжитъ, Бово является въ b «на морское пристанище» (позн. т. «на прыстанищо»; a: «к шатру»). — Похвальбѣ Бовы на обрат-

номъ пути (позн. т.: «Королю, ты мене купилъ за двадцать литръ злота» и т. д.) данъ другой оборотъ: а «нѣкиі господин купил собѣ холопа и дал за него .л. литръ злата, а ныне ему холопъ такову службу сслужил, избавил его от смерти; и ныне бы ево государь пожаловал, освободилъ на волю» (сходно въ b).

Слова, которыми Дружневна встрѣчаетъ возвращагося отца, удержаны лишь въ а; ни а, ни b не знаютъ слѣдующаго заявленія Агулина (=дворецкаго) и прямо переходятъ къ его попыткѣ убить соннаго Бову при помощи «юноковъ» (а; позн. т. юнаковъ; b юношей), при чемъ b ближе къ позн. тексту: «если есмо его теперъ не згубили, а ѡпосле ѡн нас всих побьеть, занюж Бово велми добрыи витез на кони» (позн. т.) = b «то[л]ко мы не можемъ Бовы соннаго убить, а Бова пробудитца, что намъ будетъ? Бова храбрыи витез»; а: «не похвала нам будет такова славнаго и силнаго богатыря соннова убит» — Старику, играющему въ позн. т. роль короля, отвѣчаетъ въ а «постелникъ, имянем Арлоп», въ b дворецкій безъ имени. — Посылая Бова къ султану, мнимый король говоритъ ему въ позн. т., чтобы онъ сброи не бралъ съ собою, а поѣхалъ-бы на *иноходникъ* (palafren); такъ и въ b: «не оседлалъ добраго коня богатырскаго, оседлалъ Бова *іноходца*»; въ а: «оседлал себѣ добраго коня надежнаго». Дѣлая такое измѣненіе и представляя себѣ подъ надежнымъ конемъ извѣстнаго коня, подареннаго Бовѣ Дружневной (ит. Rondello), редакторъ а увлеченъ былъ и къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ: всюду иноходника у Бовы уводитъ пилигримъ, а его коня, оставшагося дома, Дружнена беретъ съ собою, отправляясь къ Маркобруну. Въ пересказѣ а это оказалось невозможнымъ, ибо коня (=иноходца) увелъ пилигримъ, и надо было изобрѣсти новый мотивъ, чтобы онъ могъ очутиться позднѣе у Дружневны: конь сорвался у пилигрима и прибѣжалъ въ «поморье», то-есть къ Маркобруну. Для того, чтобы послѣднее указаніе было понятно, такъ какъ свадьба Маркобруна еще впереди, а въ нѣсколькихъ словахъ разсказываетъ о его сватовствѣ тотчасъ послѣ отъѣзда Бовы.

Пилигрима (а, далѣе: калагир = калугеръ), черноризца (b) Бова встрѣчаетъ подъ дубомъ (позн. т. дуб = oliver); онъ сидитъ и вкушаетъ «укругу» (а; позн. т. бохон хлѣба), что b понялъ какъ напитокъ: «пью укруха», «чашу укруги». — Обобранный Бова принужденъ идти пѣшкомъ (позн. т. дастъ ему подъѣздка = mul), а заставляетъ его положить въ клобукъ камень, чтобы было чѣмъ оборониться отъ враговъ. Султана онъ находитъ у обѣдни (а; b: царские палаты; позн. т.: на кганку); слова, съ которыми султанъ обращается къ Бовѣ: «*мало тя* перед собою *могу* видѣти», отзываются передѣлкой фразы познанскаго текста, въ свою очередь переведенной съ итальянскаго: «*ю тѧ мало могу* любити» = 942 *poco* te posso amar. — Бова убиваетъ (вмѣсто одного сарацина позн. текстѣ) 30 (а) или 60 молодцовъ (b); b присоединяетъ къ этому и неудачную его попытку вырваться и убѣжать. За Бову проситъ прекрасная Малгирія (а; пог. сп. Малгорія; олон. сп. Маргарея; b Минчитрия; позн. т. Малгарыѧ), обѣщающая отцу обратить Бову къ вѣрѣ «Бахмета» (позн. т. Махомета; b Ахмета), но узника не приводятъ болѣе передъ султана, а уговариваетъ его Малгирія и, послѣ его отказа, сажаетъ его въ темницу. Въ b она описана въ былинномъ стилѣ, и разсказъ о бѣгствѣ сильно измѣненъ противъ а и позн. текста: Минчитрія является въ темницу къ Бовѣ, уговариваетъ его снова и затѣмъ идетъ оповѣстить отца о своемъ неуспѣхѣ. Тотъ посылаетъ за Бовой 30 юношей, которыхъ Бова убиваетъ, по мѣрѣ того, какъ они спускаются одинъ за другимъ, найденнымъ имъ въ тюрьмѣ мечемъ-кладенцемъ; онъ кладетъ ихъ лѣстницей; когда султанъ, раздосадованный на медленность посланныхъ, шлетъ новыхъ, также поступаетъ и съ ними и бѣжитъ. «Царь Салтанъ Салтановичъ повѣлѣ в рогъ трубити и собра воиска ,i да погнася за Бовою». Слѣдуетъ эпизодъ о кораблѣ.

Ближе къ позн. тексту разсказъ а: Бова находитъ мечъ: «и пріиде Бова в угол, ажно в углу *просветися мало* (позн. т.: видел.... змею, и *просветила* таѧ). И пріиде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, *кабы от многих лѣт*

положен тут» (позн. т. которыи тутъ ѡт *давных днеи* стоялъ). Убѣжденія Малгиріи не дѣйствуютъ, она говоритъ о томъ отцу (согласно съ b противъ позн. текста), и тотъ посылаетъ за Бовой «т҃. юноков; Бова-ж тѣх всѣх побил, и подмостяс мертвыми людми (сл. въ b: лѣстницу, противъ позн. текста: коловоротъ = tola) и выде вон ис темницы и пріиде на царев двор», что̀ напоминаетъ въ позн. т. *«полемъ бѣгъ»* = v. 1098 per lo palaço sen va; въ оригиналѣ обоихъ текстовъ могло быть общее plaça. — Бова многихъ убиваетъ и бѣжитъ «на луки морские». За нимъ гонятся два «бра́та родные, богатыри Ахан да Онба́н» (пог. сп. Арам, Аврамъ), обѣщающіе султану: «Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .в҃. насъ». Это — «братеники» Транкацынъ и Абрамъ познанскаго текста, но подробности разсказа въ а иныя.

Бова принятъ на корабль; когда «гости корабленицы» хотятъ выдать его султану, онъ убиваетъ нѣсколькихъ (b.; позн. т.: одного), другіе ѣдутъ съ нимъ, «подбѣжали под задонское царство», но ихъ отнесло непогодою; подробность ненужная, оставшаяся изъ древняго (= познанскаго) текста, гдѣ Бова велитъ ѣхать въ Арменію, но великая «фортувина» относитъ ихъ къ Момбраду, гдѣ живетъ Маркобрунъ, т. е., по географіи b, къ задонскому царству. — Въ а Бова убиваетъ всѣхъ корабельщиковъ и остается на кораблѣ одинъ. — Отъ рыболова онъ узнаетъ, что онъ въ царствѣ Маркобруна и что скоро быть свадьбѣ послѣдняго съ Дружневной (какъ въ позн. текстѣ). Въ b Бова проситъ рыболова продать ему рыбы, за которую щедро платитъ, а себя велитъ перевезти на берегъ; въ а, оставившемъ Бову одного на кораблѣ, нѣтъ купли рыбы; Бова садится въ лодку, а въ это время поднимается буря, погибаетъ и корабль и лодка и рыбакъ и мечъ-кладенецъ.

Встрѣча съ пилигримомъ подъ дубомъ; въ позн. текстѣ онъ даетъ Бовѣ два зелья: отъ одного онъ будетъ черенъ какъ уголь, другое — усыпляющее; въ а тоже два: отъ одного «будешъ аки угол чернъ, а другимъ умоешъся зелиемъ, и ты аки цветъ процветеш а лице твое просияет аки солнечная луча»; b: «трое

зелье: усыпающее да зелье бѣлое, а третье черное». Въ а забытъ обмѣнъ платья съ пилигримомъ, также и въ b, но здѣсь мотивъ подновленъ: непосредственно за встрѣчей съ пилигримомъ Бова видитъ старика, гребущаго щепы, и насильно мѣняется съ нимъ платьемъ.

Слѣдуетъ встрѣча съ тремя юношами, «иже баше при *единой странѣ*» = позн. т. трое гражданъ, стоящихъ *«в ωдном угле»* (въ b нѣтъ); съ поваромъ (ab; позн. т. кухаръ) и дворецкимъ (ab; позн. т. дворанинъ), который велитъ Бовѣ пойдти «под комору», гдѣ сидитъ Дружневна (позн. т.: «в комору»; b: «на задней дворъ»). Конь узналъ голосъ Бовы, началъ «велми ржати, и кои тут звездочетцы сами говорят промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышит кон государя своего Бову королевича»; когда позже Бова входитъ къ нему, онъ, будучи «привязан на б҃-ми *чепях*, и то все оборвал». Сл. b: конь «почелъ на конюшне ржать, і от конскаго ржания *град трясахуся*»; «збился зъ .в҃і. цепей»; позн. текстъ: конь «почал ръзати так моцно, мало сѧ *весь град не рострасъ*; «ланцухи покрышил»; въ венеціанскомъ текстѣ нѣтъ сотрясенія города, конь едва не порвалъ *семи цѣпей*. — Въ а, какъ и въ позн. текстѣ, Маркобрунъ, услышавъ, что пилигримъ принесъ Дружневнѣ вѣсть о смерти ея матери, велитъ его накормить (позн. т.: даи ему ести; а: вели, госпоже, ему дат поесть; въ b нѣтъ), только въ позн. текстѣ Дружнена плачетъ, разсказавъ пилигриму о своихъ отношеніяхъ къ Бову, въ а и b узнавъ отъ пилигрима, что онъ былъ товарищемъ Бовы по заключенію. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ на конюшнѣ b сокращаетъ, а близокъ къ позн. тексту, напримѣръ: конь «скокнул Бове на горло, *а пережние копыта положил ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а такобъ кон имел у себя язык, и он так рек: Откуды еси пришол и гдѣ еси был»?* = позн. т. *«передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорыти, рекъ бы ему: Добре еси прышол, пане!»* — Въ сценѣ признанія ab заставляютъ Дружневну усумниться, не унесъ-ли пилигримъ у Бовы его мечъ; она признаетъ

его по ранѣ на головѣ (сл. выше, стр. 269 и 291); лишнее противъ позн. т. (въ венеціанскомъ здѣсь пропускъ), что Бова трется бѣлымъ зельемъ и къ нему возвращается прежняя красота; въ b усыпляющее зелье для Маркобруна даетъ Дружневнѣ Бова.— Дружневна выѣзжаетъ на «иноходцѣ» (b; а: конѣ; позн. т.: прудцѣ = palafren). — Слова Маркобруна, когда онъ проснулся и готовитъ погоню, напоминаютъ одинъ изъ итальянизмовъ познанскаго текста: «могу Бову повѣсити». — Какъ въ позднѣйшихъ итальянскихъ версіяхъ, Полканъ представляется плѣнникомъ Маркобруна (а: в погребе; b: в темнице); о его происхожденіи отъ жены и пса ничего не говорится; Маркобруну на него указываютъ «юноки» (а; b: юноши; позн. т. Мамродъ). — Бой съ Бовой разсказывается такимъ образомъ: мечъ Бовы уходитъ въ землю, Полканъ ударилъ его вырванной имъ съ корнемъ дубиной (а; b: палицей), такъ что тотъ свалился, а Полкана Бовинъ конь мыкаетъ по лѣсу (позн. т.: лугъ); Дружневна миритъ богатырей, а и b поняли это какъ братанье: «яз рад з Бовою братство воспріят» (а); Полканъ называетъ Бову «болшимъ братомъ» (b). Сл. Buovo in 8-a rima.

Слѣдуютъ приключенія въ «Костелѣ», гдѣ княжитъ Урилъ(а), или «мужикъ посацкой, а имѧ ему Орелъ» (b), который принимаетъ пріѣзжихъ съ честью. Дальнѣйшій разсказъ а сокращаетъ: Маркобрунъ подходитъ подъ Костелъ, беретъ въ плѣнъ Урила съ сыновьями, отпускаетъ перваго въ городъ, оставляя послѣднихъ въ залогѣ; сцена въ ложницѣ, какъ и въ познанскомъ текстѣ, и непосредственно за нею выѣздъ Бовы и Полкана противъ Маркобрунова войска: Маркобрунъ бѣжитъ, Уриловы сыновья отбиты и посажены властвовать въ своей «отчинѣ». — Въ b посадскій мужикъ Орелъ вызвалъ и соотвѣтствующую народную обработку разсказа: Маркобрунъ шлетъ ему «грамоты»: пусть выдастъ бѣглецовъ, не то «яз ваш град Костелъ огнемъ пожгу і головнею покачю. І мужикъ посацкой велѣлъ мужикомъ собратца в земскую ізбу, и мужики собралися. И посадникъ мўжикъ Орелъ пришолъ в земскую ізбу и мужикамъ грамоту про-

челъ і почелъ говорит мужикамъ: Пойдемъ мы противъ короля Маркобруна, и яз сам пойду і двух сыновъ с собою возму. И мужики собрались да и выехали против короля Маркобруна. И король Маркобрунъ мужика посадника и з детми полонилъ а дву сыновей взялъ в закладе, а велѣлъ здать з города Бову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну. І мужикъ пришолъ въ городъ і велѣлъ збиратца мужикамъ в земскую ізбу, і скоро мужики собрались, да сталъ за мужиковъ і мужикъ посадникъ, почелъ говорить: Здать-ли намъ з города выѣзжихъ людей или не здавать? І выступала Орлова жена и почела говорить: Выезжихъ людей з города не здавать, а уже дѣтямъ своимъ намъ не пособить. І мужикъ Орелъ почелъ говорить: У всякие жены волосы долги да умъ коротокъ. И присовѣтовали мужики, что Бову з города здать. И пошелъ Полкан къ Бовѣ: Брате Бова, долго спишъ, ничего не вѣдаешъ, хотят насъ мужики з города здать. И рече Бова: Злодѣи мужики, что они про думу не гораздо удумали, не гораздо и имъ будетъ. И скочилъ Бова скоро с кровати и опахнулъ на себя шубу одевалную и взялъ под пазуху мечь кладенецъ и пошелъ в земскую ізбу, і почелъ мужиковъ рубить, от дверей і до куту мужиковъ порубилъ да и вон пометалъ. А Орлова жена побѣжала с коника к печи і почела говорить: Государь храбры витез, не моги меня горкие вдовы погубить. И рече Бова: Матушка государыня, не бойся, дай мнѣ до утра сроку, я і дете твоихъ от полону» (то-есть: освобожу). И здѣсь дѣло кончается тѣмъ, что Бова Орловыхъ дѣтей «учредилъ».

Въ познанскомъ текстѣ, послѣ рожденія дѣтей (Симбальдо и Кгвидонъ; b: Симбалда и Личарда; въ a именъ нѣтъ), Бова, оставивъ Полкана при семьѣ, ѣдетъ къ морю, не найдетъ ли тамъ кораблей Арменила; въ это время на Полкана и нападаютъ львы.— Въ a Бова отправляется на охоту и заблудился; въ b Полканъ приводитъ Бовѣ «языковъ» отъ войска Додона, отъ которыхъ узнаютъ, что они посланы въ армянское царство, чтобы схватить тамъ Бову, послѣ чего самъ Бова отправляется туда на

«дело ратное». Такъ объясняется въ a и b отсутствіе Бовы въ то время какъ Полканъ погибаетъ, отбиваясь отъ львовъ.

Конецъ повѣсти поражаетъ въ познанскомъ текстѣ краткостью изложенія: переводчикъ какъ будто спѣшилъ, и здѣсь a и b наиболѣе расходятся съ его оригиналомъ, но въ тоже время и между собою; не потому ли, что каждый восполнялъ по-своему краткое изложеніе и своего подлинника? При такомъ взаимномъ отношеніи текстовъ нельзя и ожидать между ними тѣхъ дословныхъ совпаденій, какія до сихъ поръ встрѣчались.

Обратимъ вниманіе на послѣдовательность, въ которой всѣ три текста излагаютъ послѣднія событія повѣсти.

Познанскій текстъ. По смерти Пулкана Дружнена идетъ искать Бова; онъ возвращается, погребаетъ Пулкана; Рычарда приглашаетъ Бова, назвавшагося Ангосомъ, на службу къ Симбалду. Бой Рычарда съ Бовомъ. Походъ на Антонію; *Бово открывается Терызу передъ началомъ битвы.* Бово и Терызъ лекарями у Додона; его *удаляютъ* изъ города; Блондоя замурована. [Эпизодъ войны съ Пипиномъ и вернувшимся Додономъ, неизвѣстный a и b]. — Дружнена въ Арменіи у отца. — Послы Малгаріи, у которой умеръ отецъ, просятъ Бова оборонить её отъ короля угорскаго и жениться на ней. — Бова въ Задоніи, куда является и Дружнена; признаніе; Терызъ женится на Малгаріи, у него сынъ Гвидонъ и внукъ Терызъ.

Текстъ a. Дружнена, по смерти Полкана, идетъ искать Бову и заблудилась; Бова возвращается, находитъ Полкана убитымъ; Личарда принимаетъ Бову (имени Ангоса нѣтъ) на службу къ Симбалду; бой Бовы съ Личардой (кончающійся смертью послѣдняго). — Бова «потерся бѣлымъ зелием» и *узнанъ Симбалдой.* Походъ на Антонію; Бова и Терызъ идутъ лекарями къ Додону, котораго и *убиваютъ;* Милитрису приказано *«обковат в бочку дубову».* — Бова посылаетъ *свататься за Малгирю,* которой отецъ не умеръ и приглашаетъ Бову самого пріѣхать за дочерью. — Дружнена приблудилась въ Арменію, гдѣ царствовалъ «отца ея короля Зинзовея постелникъ, имянемъ Арлопъ, а отца

ея короля Зинзовея в животе нѣт»; она потихоньку выспрашиваетъ путь «ко граду Онтону». Свиданіе ея съ Бовой происходитъ здѣсь, не въ Задоніи; о Малгирѣ далѣе нѣтъ рѣчи, и повѣсть кончается тѣмъ, что Бова снова пожаловалъ Симбалду Суминомъ градомъ, Арлопъ, когда-то измѣннически пославшій Бову къ султану, осажденъ въ городѣ Арменѣ и повѣшенъ, а на его мѣсто поставленъ братъ Симбалды, Огень.

Текстъ b. Потуживъ о Полканѣ, Дружневна ѣдетъ въ Арменское царство, оттуда въ «Рахленское». — Бова, похоронивъ «Полкановы плесны», также отправляется въ Арменское царство, «чтобы ему *дворецкаго убить*, которой дворецкой послалъ ево на смерть». Это какъ будто указываетъ на эпизодъ а объ Арлопѣ, но далѣе о наказаніи дворецкаго мы ничего не узнаемъ. — Зензевею Бова незнакомъ, ибо король разпрашиваетъ его объ его имени: тотъ называетъ себя *Августомъ*; очевидно, Зензевей по ошибкѣ поставленъ вмѣсто Симбалда, которому въ познанскомъ текстѣ Бова назвался Ангосомъ. — Зензевей проситъ Августа послужить ему; между тѣмъ пришли изъ Рахленскаго царства послы провѣдывать Бову: царевна Минчитрия хочетъ за него замужъ идти. Августъ велитъ имъ вернуться; «а Бова будет у васъ». Онъ является къ Минчитріи, креститъ ее, положили быть свадьбѣ; а «у Дружневны дѣти уже на разумѣ, Симбалда іграетъ в гусли, а Личадра в домъру».—Признаніе совершается; Минчитріи Бова обѣщаетъ не дать ея никому въ обиду, а самъ ѣдетъ, подъ тѣмъ-же именемъ Августа, къ Симбалдѣ, который жалуется ему на Додона, убившаго Гвидона и отгоняющаго ихъ «животину». Бова и сынъ Симбалды, Дмитрій, идутъ подъ градъ Антонъ, въ свою очередь отгоняютъ животину (подробность, забытая въ а, но извѣстная познанскому тексту), а Бова ранитъ и Додона. Три дня ходитъ Бова плакать на могилу отца, Дмитрій говоритъ о томъ Симбалдѣ: «Не государь ли нашъ храбрый витез Бова Королевичь?». Умывшись бѣлымъ зельемъ Бова снова сталъ «велми лѣпообразенъ», его *признаютъ*.—Слѣдуетъ извѣстное леченіе Додона, голову котораго, прикрытую на блюдѣ ши-

ринкой, Бова подноситъ матери; «і велѣлъ Бова гроб здѣлать, мать свою живу во гроб, и одевал гроб камками і бархаты, погреб Бова мать свою живу в землю». Повѣсть кончается тѣмъ, что онъ освобождаетъ изъ темницы и выдаетъ за князя дѣвку, которая не дала Бовѣ отвѣдать отравленныхъ хлѣбовъ, посланныхъ ему матерью; съ тѣхъ поръ она томилась въ тюрьмѣ, «ажно у дѣвки власы до пят отросли». Дмитрія Бова женитъ на Минчитріи; «и почелъ Бова жить на старинѣ з Дружневною да и з дѣтми своими, лиха избывати а добра наживати. И Бовѣ слава не минетца отнынѣ и до вѣка».

Я далъ нѣсколько подробныхъ выписокъ изъ рецензіи b, чтобъ охарактеризовать ту череду въ развитіи народной книги, когда она готовится перейдти въ сказку, охватывается ея стилемъ, тянетъ къ почвѣ, какъ напримѣръ, въ той сценѣ, гдѣ герцогъ Оріо обратился въ посадскаго мужика Орла, средневѣковой замокъ — въ земскую избу; или когда описывается посольство, и всякій разъ посолъ кладетъ на столъ грамоту и т. п. Въ духѣ того же народнаго пріуроченія нѣкоторыя былинныя выраженія (напримѣръ: «головней покачу»; сл. Гильф. № 207: Хочутъ Кіевъ градъ головней катить), любовь къ повтореніямъ: о конѣ Бовы дважды въ разныхъ мѣстахъ говорится, что онъ стоитъ привязанный на столькихъ-то цѣпяхъ, за столькими-то дверями, и уже до послѣдней добирается; дважды посылаетъ Дружневна своихъ сыновей къ Бовѣ, чтобы дать ему возможность дважды явиться къ ней и увидѣть ее то въ измѣненномъ, то въ своемъ образѣ. Къ сказочнымъ пріемамъ принадлежитъ и особое предрасположеніе къ эпической справедливости. Враги и измѣнники должны быть наказаны: въ познанской повѣсти (и въ венеціанской поэмѣ) Бова бьется съ Ричардо, но не убиваетъ его, при чемъ, очевидно, этотъ Ричардо не одно лицо съ приверженцемъ Додона въ началѣ повѣсти, ибо тотъ убитъ Терызомъ. Въ a и b послѣдняго эпизода, какъ мы видѣли, нѣтъ; Ричарда, съ которымъ бьется Бова въ a, дѣйствительно, предатель, сторонникъ Додона, и Бова его наказываетъ. Къ этому a и b присоединяютъ

наказаніе еще и другаго предателя: дворецкаго, пославшаго Бову на вѣрную смерть къ султану[1]). На оборотъ, но въ духѣ той же эпической справедливости, награда, которой въ b удостоивается дѣвушка, спасшая Бову.

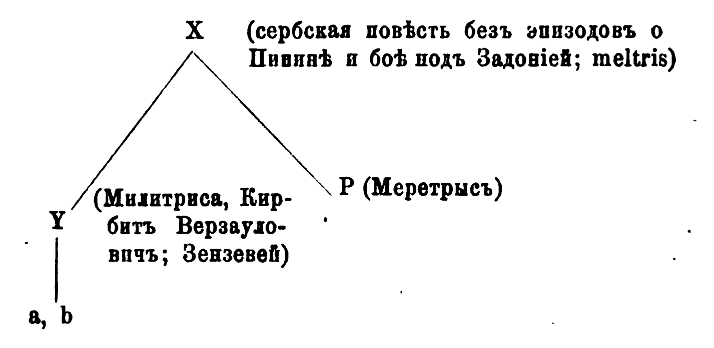
Въ а подобныхъ передѣлокъ и особенностей, характеризующихъ b, вообще меньше; на значительномъ протяженіи онъ довольно близко отвѣчаетъ содержанію и плану познанской повѣсти, воспроизводя отчасти и ея *фразу*, но такъ, что въ иныхъ случаяхъ бóльшая близость оказывается на сторонѣ b. Тамъ и здѣсь а и b удержали, стало быть, букву своего подлинника, близкаго къ подлиннику познанскаго списка. Что этотъ оригиналъ былъ сербскій, на это указываютъ удержавшіеся, не смотря на полную великорусскую переработку, сербизмы въ родѣ: юнокъ, клобукъ, лугъ въ значеніи bosco, оставшійся всюду, гдѣ тому не перечилъ смыслъ и замѣненный лѣсомъ лишь тамъ, гдѣ по смыслу безъ него нельзя было обойдтись (въ сценѣ, когда конь Бовы ободралъ Полкана, нося его по лѣсу). — Что не бѣлорусскій текстъ познанскаго списка былъ исходною точкой великорусскихъ версій, доказательство тому я вижу не столько въ отсутствіи въ послѣднихъ какихъ-бы то ни было слѣдовъ діалектическихъ особенностей перваго (въ великорусскомъ пересказѣ имъ легко было стереться), сколько въ имени *Милитрисы* вм. позн. *Меретрысъ*. Если меретрысъ, какъ мы предположили, есть этимологическое подновленіе бѣлорусскаго переводчика, вм. мелетрисъ = meltris, то наша Милитриса привязывается не къ подновленной, а къ древней формѣ имени, стоявшей въ оригиналѣ а и b. Въ этомъ оригиналѣ не было ни эпизода о Пипинѣ, ни сцены боя подъ Задоніей, которыхъ не знаетъ и познанскій текстъ. Изъ этого источника (= x) пошелъ, съ одной стороны, познанскій текстъ (= p), съ другой — подлинникъ а и b. Что ведетъ насъ къ его обособленію, это новыя имена, согласно являющіяся въ а

---

[1]) См., впрочемъ выше, стр. 232, сходный эпизодъ въ старо-французскомъ романѣ.

и b (Кирбитъ Верзауловичъ, отецъ Милитрисы[1]); Зензевей Андоровичъ = Арменилъ), либо являющіяся въ одномъ а (Аханъ, Онбанъ, Арлопъ[2]), городъ Празнь; Огень), можетъ быть, лишь опущенныя въ b (?). Этотъ непосредственный источникъ а и b (= у) могъ быть сербскимъ, но его амплификаціи могли принадлежать и русскому перескащику, хотя первое представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

Всѣ эти выводы, а вмѣстѣ и предположенія, ожидающія провѣрки, могутъ быть выражены въ слѣдующей генеалогической схемѣ:



При такомъ предположеніи Бова явился у насъ въ двухъ переводахъ съ сербскаго; сходство нѣкоторыхъ фразъ между р и аb объяснилось бы не изъ взаимной ихъ зависимости, а изъ стилистическаго сходства источниковъ; р осталось въ рукописи, отраженія у (аb) завладѣли народною фантазіей и пошли гулять по лицу русской земли. Лугъ = bosco заставляетъ подозрѣвать и для сербскаго Бова то же далматинское происхожденіе, какое мы сочли возможнымъ допустить, на основаніи другихъ соображеній, и для источника познанскаго Тристана. Замѣтимъ кстати,

[1]) Въ Buovo in 8-a rima, c. I, st. 9, отецъ Брандоніи названъ Duca Borgorgnon (въ Maasebuch, изд. Amsterdam, 1661: Brandania изъ Burgundia); въ Reali di Francia: Ottone di Guascogna; въ отрывкахъ тосканской версіи, найденной Райной (= франко-италіанской), Ugo di Guascognia.

[2]) Въ Bovo in 8-a rima, c. IV, st. 24, старикъ, отвѣчающій Арлопу, не названъ.

что въ Зарѣ, у Piazza dei Cinque Pozzi, находится древняя башня, когда то носившая названіе: Lucerna di Sinella, впослѣдствіи прозванная: Torre di Buovo d'Antona. Sinella указываетъ не на венеціанскаго Бово и его отраженія, а на Reali di Francia, извѣстныя въ старомъ хорватскомъ переводѣ (сл. выше, стр. 246): здѣсь Sinella, отвѣчающая Садоніи, Сидоніи венеціанскаго и франко-итальянскаго, Sivele, Civile (= Севилья) французскихъ текстовъ [1]) — помѣщена именно въ Далмаціи (Schiavonia). Описка Sinele вм. Sivele, Suyelle и т. п. повела и къ новой, случайной локализаціи — и къ мѣстному прозвищу: Lucerna di Sinella.

---

[1]) Сл. выше стр. 232, 238 и P. Rajna, I Reali di Francia, стр. 206—7.

III.

Аттила.

I.

Историческая дѣятельность Аттила нашла себѣ народную оцѣнку въ цѣломъ рядѣ легендъ и сказаній, разнообразную смотря по средѣ, въ которой они слагались[1]). Для латинскаго запада Аттила былъ главнымъ образомъ разрушитель; тѣ народности, которыя, какъ готы, слѣдовали за нимъ въ его побѣдоносныхъ набѣгахъ, болѣе какъ союзники, чѣмъ какъ побѣжденные, сохранили о немъ память, какъ о могучемъ и славномъ властителѣ, впервые объединившемъ и обрушившемъ на христіанскій западъ соединенныя силы степныхъ и германскихъ ордъ. Такъ сложились два эпическихъ теченія, латинско-христіанское и гуннско-германское или ближе гуннско-готское; ни то, ни другое не дошло въ своемъ развитіи до организаціи пѣсеннаго цикла и цѣльности поэмы, но оба пережили обычные въ жизни эпоса процессы детеріораціи и осложненія, несчитающагося съ хронологіей. Какъ въ латинско-христіанской традиціи Аттила является смѣшаннымъ

[1]) Онѣ были разобраны Am. Thierry, Histoire d'Attila et de ses successeurs 1874, t. II p. 221 слѣд. и D'Ancona'ой: La leggenda d'Attila Flagellum Dei in Italia, въ Studj di critica e storia letteraria (Bologna, Zanichelli, 1880) p. 363 слѣд. и въ Antichi poemetti popolari italiani (также, 1886 г.), стр. 169 слѣд.; на это изданіе мы далѣе и ссылаемся.

съ Тотилой и вмѣстѣ мучителемъ (въ 451 г.) св. Урсулы и ея спутницъ, выѣхавшихъ изъ Бретани въ 383 году, такъ въ нѣмецкомъ эпосѣ онъ представляется современникомъ Эрманариха, Теодориха и Одоакра. Въ первомъ случаѣ циклизація произошла подъ впечатлѣніемъ христіанской легенды: для нея Аттила былъ «бичемъ божіимъ», на него естественно переносились всѣ ужасы преслѣдованій и мученическихъ казней; во второмъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ ходячихъ промаховъ эпической памяти: за Аттилой нѣмецкихъ поэмъ необходимо предположить древнее, готско-гуннское пѣсенное преданіе, въ которомъ Аттила являлся *дѣятельнымъ* центромъ; это положеніе осталось за нимъ и впослѣдствіи, но когда историческое содержаніе преданія изсякло и новыя имена и разсказы явились на смѣну старыхъ, Аттила спустился къ значенію центра *собирательнаго:* вокругъ него разыгрывается трагедія Нибелунговъ, къ нему примыкаетъ и отъ него исходитъ дѣйствіе поэмъ о Дитрихѣ-Теодорихѣ готскомъ, о Битерольфѣ, Вальтерѣ Аквитанскомъ. Параллельно съ этимъ идетъ и детеріорація его типа, напоминающая ту, которая въ старо-французскомъ эпосѣ постигла Карла Великаго: онъ слишкомъ благодушенъ и слабъ для героя, и богатыри, столующіе у него, переросли его головою. Таковъ онъ въ Etzels Hofhaltung.

Подобное измѣненіе типа, но въ обратномъ смыслѣ, совершилось на почвѣ латинско-христіанской легенды. Аттила явился въ ней въ началѣ представителемъ жестокаго язычества въ его противоположности къ христіанству; божьей кары, насланной на христіанъ за ихъ прегрѣшенія: flagellum Dei. Этотъ библейскій эпитетъ, сложившійся въ приложеніи къ Аттилѣ въ V—VIII вѣкѣ, у насъ примѣнявшійся къ Половцамъ [1]), обращается позднѣе въ кличку Атиллы, которую онъ носитъ сознательно. Такъ въ разсказѣ у Thwrocz'a I, 15, несомнѣнно болѣе древнемъ въ своей основѣ, чѣмъ его запись: накавунѣ каталаунской битвы гунны

[1]) «И се попусти Богъ казнь на ны..... се бо есть *батогъ Его*, да подвигнемся отъ злаго пути».

схватили въ лѣсу подъ городомъ отшельника, слывшаго за пророка. На вопросъ Аттилы, за кѣмъ останется побѣда, онъ отвѣчаетъ: Tu es flagellum Dei.... accipiet tamen hunc gladium a te dum voluerit et illum alteri tradet. Аттилу это вѣщаніе приводитъ въ восторгъ и онъ восклицаетъ въ реторическомъ самозианіи:

Stella cadit, tellus fremit, en ego malleus orbis.

Когда позднѣе онъ подъѣзжаетъ къ стѣнамъ Труà и требуетъ, чтобъ ему отворили городскія ворота, епископъ св. Лупъ спрашиваетъ его: Tu quis es qui terram dissipas et conculcas? Cui Attila: Ego sum Attila, rex Hunnorum, flagellum Dei (ib. I, 16). Bene venerit flagellum Domini mei! (ib.), отвѣчаетъ епископъ, велитъ отворить ворота и, схвативъ подъ уздцы коня Аттилы, вводитъ его въ городъ. За нимъ идетъ все гуннское войско, но они ничего не видятъ, пораженные слѣпотою, и прозрѣваютъ лишь выступивъ изъ другихъ городскихъ воротъ. Подобныя разсказы о чудесномъ ослѣпленіи привязались съ именемъ Аттилы къ другимъ мѣстностямъ Франціи (Metz, Dieuze и др.), по легендѣ о св. Лупѣ сложилась сходная о св. Геминьянѣ, епископѣ моденскомъ (Thierry l. c. 244), какъ, наоборотъ, легенда о св. Германѣ Оксеррскомъ отразила главныя черты римской: о папѣ Львѣ (D'Ancona l. c. стр. 199 прим. 1). Мѣстный эпосъ разростался по направленію нѣкоторыхъ излюбленныхъ разсказовъ, передававшихся изъ одной среды въ другую: положеніе и мотивы оставались, пріуроченія ограничивались часто собственными именами.

Демоническое самознаніе Аттилы въ пересказѣ Thwrocz'а едва-ли не позднѣйшая черта; она напоминаетъ извѣстный монологъ Ezzelino da Romano въ Eccerinis Albertino Mussato; но орудію Божія гнѣва естественно было быть служителемъ дьявола: въ житіи св. Никазія самъ сатана открываетъ Аттилѣ врата Реймса, побуждая его къ избіенію и насиліи. Въ этой связи стоитъ, въ извѣстной мѣрѣ, и развитіе иконографическаго типа Аттилы въ Италіи, гдѣ его любятъ представлять съ песьей головой. Уже Іорданъ разсказывалъ о готскихъ колдуньяхъ, из-

гнанныхъ при королѣ Филимерѣ въ Скиѳію, гдѣ отъ ихъ сожительства съ нечистами духами произошли предки гунновъ; въ IX вѣкѣ Корвейскій грамматикъ отождествляетъ ихъ съ Гогомъ и Магогомъ, заключенными Александромъ В. за горами сѣвера[1]) — въ числѣ другихъ нечистыхъ народовъ, которыхъ древнерусская иконографія любитъ изображать песиглавцами[2]). Прибавимъ къ этому страшный, необычный видъ гунновъ, ихъ непонятную рѣчь; слово *ханъ*, Kan, сближенное съ canis — и мы объяснимъ себѣ, какимъ образомъ Аттила, показатель гуннской расы, могъ представиться кинокефаломъ. Такимъ изображаютъ его народныя итальянскія картинки: съ палкой-скипетромъ въ рукѣ, съ собачьими ушами, выступающими изъ-за вѣнца, съ клыками собаки, придавленнымъ носомъ и бородой (D'Ancona l. c. 254). Подобный портретъ Аттилы, принесенный изъ Польши Алоизіемъ Липоманомъ, епископомъ Вероны и папскимъ легатомъ, видѣлъ въ Венеціи Marzari (Historia di Vicenza, 1604, p. 44); другія изображенія, также итальянскаго происхожденія, замѣняютъ уши — рогами (D'Ancona l. c., стр. 254—5, прим. 3). Отъ такого представленія недалеко было и до другого, смежнаго и сравнительно популярнаго въ Италіи. Въ поэмахъ и повѣстяхъ о Bovo D'Antona о чудовищѣ Pulicane (русск. Полканѣ) разсказывалось, что онъ рожденъ отъ женщины и пса; въ Fiorita'ѣ Armannino, giudice di Bologna, говорилось, что Резъ (Reso re di Thirpoya) послалъ въ даръ Гектору «Pellicane, mezzo cane e mezzo uomo, valentissimo arciere e leggerissimo nella corsa». И вотъ въ поэмѣ болонца Niccolò da Casola (XIV в.) и, вѣроятно, въ его франкоитальянскомъ источникѣ разсказывалось объ одномъ венгерскомъ королѣ, задумавшемъ выдать свою дочь за наслѣдника византійскаго престола и заключившемъ ее пока въ башню, дабы уберечь ее отъ опасностей, грозившихъ ея красотѣ. Случилось, чего онъ не ожидалъ: царевна забеременила отъ своей собачки и родился — Аттила. — Эту версію легенды,

---

1) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 178, прим. 1.

2) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 455.

удержанную, хотя съ оговоркой (però comunque sia, V'ha chi la crede e chi l'ha per bugia) авторомъ итальянской народной поэмы (D'Ancona стр. 282), но умолчанной въ Maggio объ Аттилѣ (ib. стр. 285), D'Ancona сближаетъ съ карачайскимъ преданіемъ, слышаннымъ на Кубани однимъ венгерскимъ путешественникомъ[1]). Мѣсто дѣйствія другое, но завязка та-же: одинъ константинопольскій императоръ такъ бережетъ честь своего имени и рода, что заключаетъ на одномъ островѣ Пропонтиды свою единородную дочь-красавицу Allemely; при ней старуха-мамка и пятьнадцать дѣвушекъ, данныхъ ей въ услуженіе; къ острову запрещено приближаться кому-бы то ни было подъ страхомъ смерти. Въ этомъ одиночествѣ выростаетъ Allemely; ея красота ростетъ, и кто-бы не увидалъ ее, всѣ въ нее влюбляются, вѣтеръ ласкаетъ ее своимъ дуновеніемъ, морскія волны лобзаютъ ея ноги, когда она идетъ берегомъ; однажды, когда она заснула, лучь солнца проникнулъ къ ней въ окно и оплодотворилъ её. Когда отецъ узналъ о ея беременности, онъ поспѣшилъ скрыть свой стыдъ: посадилъ дочь и ея свиту на корабль, нагруженный золотомъ и алмазами, и пустилъ въ открытое море. Вѣтеръ бережно пронесъ его въ Босфоръ и Черное море, и оно, обыкновенно грозное для всякаго, пытающагося плыть его водами, тихо довело его до кавказскаго прибрежья, къ области, гдѣ въ то время властвовали мадьяры. Молодой вождь ихъ былъ въ то время на охотѣ, видитъ богато убранное судно, женщинъ, молившихъ о помощи; онъ ловко пускаетъ стрѣлу, къ концу которой прикрѣплена была длинная шелковая веревка; стрѣла упала на корабль, никого не ранивъ, дѣвушки, спутницы Allemely, привязываютъ веревку къ мачтѣ, а люди хана притягиваютъ судно къ берегу. Красавица разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ и, разрѣшившись отъ бремени сыномъ солнца, выходитъ замужъ за хана, котораго также подарила сыномъ. Выросши молодые люди ненавидятъ другъ друга; отецъ пытается

[1]) Сл. Thierry l. c. p. 419 слѣд., по: Voyage en Crimée au Caucase etc., fait en 1830, pour servir à l'histoire de Hongrie. Paris. 1838.

помирить ихъ, умирая надѣется предотвратить будущія разногласія, упорядочивъ права наслѣдства; но напрасно: по его смерти усобица сыновей раздѣлила и народъ на двѣ партіи, боровшіяся другъ съ другомъ; вторженіе иноземцевъ довершило остальное: мадьяры побѣждены, разсѣяны, утратили свое имя; такъ кончилось ихъ народное существованіе.

Сличите съ этимъ сказаніемъ слѣдующее: о происхожденіи киргизовъ[1]). У хана Altyn Bel'я сынъ Kaischyly Kan и дочка, родившаяся такой красавицей, что отецъ велѣлъ стеречь её подъ землею, дабы её не увидѣлъ человѣческій глазъ. Узнавъ отъ приставленной къ ней старухи, что есть еще и другой свѣтлый міръ, она упросила её показать его ей; только что вышла она изъ подземелья, какъ Божій взоръ упалъ на неё и она забеременила. Догадавшись объ этомъ, старуха винится матери, та открываетъ происшедшое мужу, который велитъ умертвить дочь или вообще удалить её съ глазъ. Мать положила её въ золотой сундукъ, дала съ собой пищи и пустила въ море, привязавъ снаружи ключъ отъ замка. Съ берега, гдѣ они охотились, Domdagul Sokur и Toktagul Mergän видятъ сундукъ, рѣшили достать его и, чтобы впослѣдствіи не спорить о дѣлежѣ, подѣлили напередъ: Toktagul Mergän возметъ, что внутри, Domdagul Sokur что снаружи. Первый выстрѣлилъ въ сундукъ стрѣлою, къ которой былъ прикрѣпленъ шелковый шнурокъ, и такъ притянулъ его къ берегу. Оба поражены красотой дѣвушкѣ, которая говоритъ, кто она, и согласна выйти замужъ за Toktagul-Mergän, когда сама разрѣшится отъ бремени. По нѣкоторомъ времени она родила мальчика, красивѣе ее самой, по имени Schyngys'a[2]);

---

[1]) Radloff, Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, III, стр. 80 слѣд. Легенды о Чингисѣ сл. у Потанина, Очерки сѣверо-западной Монголіи IV, стр. 801 слѣд.

[2]) Въ бурятской сказкѣ о Шингысѣ разсказывается иначе: у одного хана было двѣ жены; у младшей родился ребенокъ; у старшей не было. Младшая написала мужу, находившемуся въ походѣ, письмо; старшая подмѣнила письмо и написала: родился ни ребенокъ, ни звѣрь. Царь отвѣтилъ: Оставить до моего пріѣзда. Старшая жена опять подмѣнила письмо и написала: Заложить въ смо-

въ городѣ, гдѣ они жили, умеръ какъ разъ властитель, и Schyngys'а выбрали ему преемникомъ: онъ былъ справедливъ, никого не обижалъ, народъ жилъ въ мирѣ, не было въ немъ ни лжи, ни воровства. Между тѣмъ мать Schyngys'а вышла замужъ за Toktagul-Mergän'а и прижила съ нимъ трехъ сыновей, которые начинаютъ враждовать съ безроднымъ Schyngys'омъ изъ-за наслѣдства и власти. Опасаясь за свою жизнь, онъ говоритъ матери, что хочетъ удалиться къ источнику той воды, по которой она приплыла, къ мѣсту, гдѣ живетъ его отецъ; она будетъ знать о его пребываніи по птичьимъ перьямъ, которыя принесетъ къ ней теченіе. Онъ удаляется, а правленіе его своднаго брата Börgöltöi заставляетъ всѣхъ пожалѣть о Schyngys'ѣ: узнавъ у его матери о направленіи, въ которомъ его слѣдовало искать, 25 лучшихъ людей изъ народа идутъ и приводятъ его назадъ. Споръ между нимъ и братьями порѣшенъ матерью: кому удастся повѣсить свой лукъ на солнечномъ лучѣ, тотъ пусть и будетъ властителемъ. Это удается лишь Schyngys'у, ибо онъ сынъ солнца. Его царствованіе столь славно, что жители Рума, Крыма и народъ Калифа просятъ его дать имъ властителемъ одного изъ сыновей, а русскимъ досталась властительницей его дочь Ak Bībä [1]).

Тождество киргизскаго сказанія о Чингисѣ съ кавказскимъ внѣ сомнѣнія, только развязка и этническое пріуроченіе другое. Если «мадьяры» послѣдняго принадлежатъ дѣйствительно ему самому [2]), не соображеніямъ и фантазіи мадьярскаго путешествен-

---

лянную бочку и бросить въ море. Носило бочку по морю и прибило къ берегу. Шингысъ, заключенный въ бочкѣ, топнулъ ногою и бочка разлетѣлась. Онъ вышелъ изъ бочки; въ это время жаворонокъ пропѣлъ: «Шинъ, шинъ! За это и дали ему имя Шингысъ. Сл. Потанинъ l. c. IV, стр. 231—232

[1]) Потанинъ l. c. IV, стр. 324—5 (дочь Чингиса-русскій царь). Иначе ib. II, стр. 149: Акъ-падша (русскій царь) — сынъ Чингиса.

[2]) Въ доступныхъ мнѣ сборникахъ кавказскихъ преданій я соотвѣтствующаго разсказа не встрѣтилъ. Для начала сл. чеченское сказаніе о Ляль-Султа (Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ IV, отд. II: Ахріева, Изъ чеченскихъ сказаній, стр. 8—15): У одного царя единственная дочь-красавица, ко-

ника, то сходство его начальнаго эпизода съ соотвѣтствующимъ итальянскаго преданія объ Аттилѣ въ самомъ дѣлѣ интересно: оно явилось-бы поддержкой старой гипотезы о родствѣ мадьяръ, народа уральско-финско-тюркской помѣси, съ загадочными въ этнографическомъ смыслѣ гуннами. Но гипотеза эта оказывается лишенной всякой научной подкладки: отождествленіе двухъ народностей явилось продуктомъ невольнаго смѣшенія, обусловленнаго сходствомъ ихъ исторической роли, тождествомъ осѣдлости и условій быта. Такъ уже у лѣтописцевъ, повѣствующихъ о мадьярскомъ погромѣ; въ XI вѣкѣ тождество гунновъ и мадьяръ уже возведено было въ Венгріи въ значеніе оффиціальнаго вѣрованія [1]); въ Италіи, гдѣ набѣги мадьяръ распространились отъ фріульскихъ Альпъ до границъ неаполитанской области, ихъ нашествіе могло не только обновить память о гуннскомъ погромѣ, содержаніе сложившихся о немъ легендъ, но внести и новыя. Именно мадьяры могли разсказывать о сверхъ-естественномъ происхожденіи своего родового вождя Аттилы; итальянцы переняли

торую онъ съ рожденія держитъ въ заперти; она не видитъ ни людей, ни солнца; однажды солнечный лучъ проникнулъ случайно въ ея покой, и она увидѣла на дворѣ молодыхъ людей, игравшихъ въ снѣжки. Одинъ изъ нихъ предлагаетъ другому найти что-нибудь на свѣтѣ бѣлѣе снѣга; тотъ говоритъ, что таковъ Лялъ-Султа; при этомъ имени въ воображеніи царевны сталъ рисоваться образъ красиваго юноши; она поклялась выйти за него за-мужъ, стала задумчива и угрюма. Служанка разсказала обо всемъ царю, который велитъ посадить свою дочь въ бочку съ желѣзными обручами и пустить по рѣкѣ. Позже она выходитъ за Лялъ-Султа.

По указанію Ногмова, очевидно навѣянному его литературными, не народными воспоминаніями, черкесскія пѣсни будто-бы сохранили память объ Аттилѣ-Adil; въ одной онъ названъ «бичемъ божіимъ» (?): «Господь сжалится надъ нами, горы и долы — наши, бичь божій счастливо миновалъ ихъ»; «наша избранная конница, охотники (?), отправилась къ Аттилѣ; когда ночь будетъ, пойдемъ и мы»; «вдоль высокихъ горъ, точно блестящія звѣзды, сбираются къ Аттилѣ наши воины, ихъ удары точно удары грома». Вмѣстѣ съ тѣмъ говорится, что *сказаній* объ Аттилѣ никакихъ не сохранилось. Сл. Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volkes, gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet u. mit einer Vorrede versehen von A. Bergé. Leipzig 1866, стр. 34.

[1]) Marczali, Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin 1882 стр. 55.

этотъ разсказъ но дали ему другое освѣщеніе: Аттила былъ имъ врагомъ демоническимъ; его чудесное происхожденіе было удержано, но изъ божественнаго и сверхъестественнаго оно стало противуестественнымъ: онъ уже не сынъ солнца, а отродье пса.

Такъ объясняетъ себѣ D'Ancona (l. c. 230) взаимныя отношенія кавказской и итальянской легендъ въ эпизодѣ о рожденіи и въ пониманіи типа Аттилы. Что итальянское преданіе представляетъ детеріорацію его типа, съ этимъ нельзя не согласиться; всё дѣло въ томъ, какъ понять его и какъ опредѣлить ея границы. Итальянскому перескащику происхожденіе отъ пса могло представиться позорнымъ и онъ съ умысломъ вмѣнилъ его Аттилѣ, мадьярскому сыну солнца; но ничто не мѣшаетъ предположить, что уже въ мадьярской легендѣ онъ нашелъ основныя очертанія своей, но безъ ея ухудшающаго освѣщенія. Монгольскія роды ведутъ свое происхожденіе отъ лисицы, волка, медвѣдя и т. п., и эта генеалогія, не идущая въ укоръ, принадлежитъ древней традиціи; Айно говорятъ о себѣ, что произошли отъ смѣшенія женщины съ собакой и т. п. Итальянская версія могла удержать сходныя данныя гуннско-мадьярскаго разсказа; ея детеріорація ограничилась въ такомъ случаѣ лишь тѣмъ, что она вмѣнила въ зазоръ, что первоначально было безразлично либо считалось и почетнымъ.

Рядомъ съ измѣненіемъ типа Аттилы идетъ въ латинско-христіанскомъ преданіи огрубѣніе его христіанскаго содержанія. Въ началѣ оно понято было идеально, по общей схемѣ древнихъ мученическихъ житій: Аттила, носитель грубой языческой силы, поступается передъ силой христіанскаго убѣжденія, засвидѣтельствованной словомъ и дѣломъ. Этимъ идеальнымъ элементомъ чуда не удовлетворились послѣдующіе перескащики легендъ и внесли въ него мотивы грубаго, вещественнаго чудеснаго. Въ житіи св Лупа, написанномъ, какъ полагаютъ его ученикомъ, Аттила поспѣшно отступаетъ отъ Орлеана къ Шалону, преслѣдуемый по пятамъ Аэціемъ, и переходитъ Сену выше Труà. Разрушенный въ предыдущіе гуннскіе набѣги, безъ стѣнъ

и войска, городъ этотъ не могъ противостоять гуннамъ; тогда св. Лупъ отправляется къ Аттилѣ и склоняетъ его своими мольбами пощадить городъ. Между тѣмъ его жители, не довѣряясь гуннамъ, разбрелись по лѣсамъ, и когда св. Лупъ вернулся отъ Аттилы, удержавшаго его въ качествѣ заложника, онъ нашелъ свою митрополію пустынной. Таковъ разсказъ древней исторической легенды (Thierry l. c. 241); мы видѣли, какою она стала въ позднѣйшемъ пересказѣ: сила убѣжденія замѣнена чудомъ внезапнаго ослѣпленія. Еще далѣе и глубже былъ процессъ огрубѣнія, постигшій извѣстный, грандіозный въ своей простотѣ разсказъ о папѣ Львѣ, остановившемъ Аттилу на берегахъ Mincio могучею силою своею слова. Въ среднія вѣка эта сцена уступила мѣсто другой: за папой, бесѣдующимъ съ Аттилой, явился, видимый ему одному, образъ ап. Петра, облаченный въ папскія ризы и съ мечемъ въ рукѣ. Когда вожди Аттилы упрекали его за его уступчивость безоружному старику, онъ отвѣчаетъ: не этотъ священникъ понудилъ меня вернуться, а другой, стоявшій позади его и вооруженный мечемъ, сулившій мнѣ смерть, если я не исполню его велѣнія. Эта версія легенды, напоминающая разсказъ Іосифа Флавія и греческихъ Александрій о пришествіи Александра В. въ Іерусалимъ, осложнилась въ свою очередь: на ряду съ ап. Петромъ предсталъ и ап. Павелъ; такова версія Павла Діакона (VIII в.), освященная кистью Рафаэля (Thierry l. c. 236—7). Еще далѣе, и легенда о свиданіи Аттилы съ папой Львомъ уступила мѣсто другой: въ разсказѣ Дамасція [1]) Аттила, никогда не доходившій до Рима, стоитъ подъ его стѣнами; происходитъ жаркая битва, въ которой съ той и съ другой стороны пали всѣ, кромѣ вождей; но еще въ теченіи трехъ дней и ночей души павшихъ продолжаютъ бороться съ прежнимъ ожесточеніемъ. Эта легенда, сложившаяся быть можетъ въ Азіи

[1]) Сл. мои Южно-русскія былины, вып. II, стр. 285—6. Къ приведенному у меня (стр. 286 прим. 1) разсказу Дамасція о Валимерѣ, тѣло котораго издавало искры, присоединю и свидѣтельство Евстаѳія (Λεξικόν): Βαλιμὲρ Γότθος σπινθηροβολήσας ποτὲ ἐκ τοῦ ἰδίου σώματος

(Thierry l. c. 253) или Греціи (D'Ancona l. c. 195), перешла въ Италію и полюбилась — въ самомъ Римѣ: стали показывать врата, у которыхъ происходила битва духовъ — и свиданіе папы Льва съ Аттилой перенеслось съ береговъ Mincio на берега Тибра.

Такъ сложилась *римская* легенда объ Аттилѣ, и она манила къ подраженію. Аттила никогда не осаждалъ Равенны, но Равенна желала быть имъ осажденной (Thierry l. c. 246 слѣд.); фигурировать въ легендарной исторіи Аттилы было своего родомъ отличіемъ, и городъ, соперничавшій въ политическомъ и церковномъ отношеніи съ Римомъ, не желалъ отставать отъ него. Въ IX-мъ вѣкѣ Agnellus разсказываетъ намъ о появленіи подъ Равенной гуннскихъ полчищъ: ихъ такъ много, что подъ ними не видно земли, какъ песчаная долина исчезаетъ подъ тучей саранчи, её облегшей. Впереди всѣхъ Аттила на богато-убранномъ конѣ, закованный въ золотые латы, съ щитомъ въ рукѣ, съ блестящимъ султаномъ на шлемѣ. Испуганный епископъ города, Іоаннъ, молится объ отвращеніи опасности и, слѣдуя бывшему ему видѣнію, выходитъ на зарѣ во главѣ духовенства, одѣтаго въ бѣлыя ризы, съ крестомъ, хоругвями и кадильницами и при пѣніи псалмовъ направляется къ стану Аттилы. Онъ въ то время держалъ военный совѣтъ въ своемъ шатрѣ; пѣніе поразило его, небывалое зрѣлище вызвало вопросъ: кто эти бѣлые люди, куда идутъ и чего отъ меня хотятъ? Кто-то изъ его окруженія, болѣе другихъ знакомый съ обычаями и фразеологіей христіанъ, отвѣчаетъ: это эпископъ, являющійся, чтобы умолить тебя за своихъ дѣтей, жителей Равенны. Аттила недоумѣваетъ, разгнѣванъ неумѣстной шуткой, за которую шутникъ поплатится: можетъ-ли у одного человѣка быть такое множество дѣтей? Ему объясняютъ, что это дѣти — по благодати, и Аттила успокоился; когда епископъ явился, склоняется къ его просьбѣ — пощадить городъ. Но вы хитры на выдумки (ingeniosi et solertissimi), говоритъ онъ епископу: станете разсказывать, что провели меня и прогнали; въ сосѣднихъ городахъ повѣрятъ, что я васъ испугался, а это

повредило-бы мнѣ и моему войску. Сдѣлайте такъ: поспѣшите назадъ, снимите съ крюковъ всѣ городскія ворота и повалите ихъ на землю; когда отъ вашей ограды останутся однѣ лишь стѣны, я вступлю въ городъ и пройду черезъ него, не сдѣлавъ вамъ никакого зла.

Равеннскій епископъ представляется въ нашей легендѣ блюстителемъ православія: онъ держитъ къ Аттилѣ рѣчь о единосущности Отца и Сына и тѣмъ склоняетъ его къ милосердію. Римъ не могъ оставить за Равенной этой славы — и мы присутствуемъ при новой метаморфозѣ легенды, внушенной церковными антипатіями: епископъ Іоаннъ не только схизматикъ, но и аріянинъ; пытающійся своею проповѣдью обратить Аттилу къ ереси; когда онъ наставилъ его, очернивъ въ глазахъ завоевателя вѣроисповѣданіе и характеръ папы Льва, онъ предлагаетъ сдать Аттилѣ Равенну и императорскую казну, если онъ пойдетъ на Римъ и изгонитъ оттуда папу-еретика. Аттила отправляется, но по дорогѣ встрѣченъ св. Львомъ, который въ свою очередь обращается къ нему съ поученіемъ и раскрываетъ ему невѣріе и коварство равеннскаго ересіарха. Открывъ обманъ, разгнѣванный Аттила возвращается вспять, беретъ Равенну приступомъ и объявляетъ: что такъ будетъ поступать со всякимъ, отвергающимъ правовѣріе папъ и главенство римскаго престола.

Какъ равенская и послѣдняя римская легенда объ Аттилѣ одолжены своимъ происхожденіемъ церковной распрѣ, будто-бы имъ разрѣшенной, такъ въ другомъ случаѣ его имя внесено было въ исторію древняго политическаго соперничества тосканскихъ городовъ между собою, служа къ его объясненію — и сложились извѣстныя легенды о Флоренціи и Фьезоле. У Malispini[1]) раз-

---

[1]) Извѣстно, что Scheffer-Boichorst, развивая сомнѣніе, высказанное старыми итальянскими критиками, въ сильной мѣрѣ заподозрилъ подлинность лѣтописи Ricordano Malispini, которую объявляетъ подложной передѣлкой хроники Виллани. Такъ какъ текстъ послѣдней еще не изданъ критически, то рѣшеніе вопроса, крайне вѣроятное, судя по сопоставленіямъ Scheffer-Boihorst'а, не можетъ еще быть признано окончательнымъ. Говорю это въ объ-

сказывается, что 500 лѣтъ спустя по смерти Катилины, именитый и могущественный мужъ, по имени Аттила flagellum Dei, пришелъ съ 200-тысячнымъ войскомъ обновить городъ Fiesole и разрушить Флоренцію въ наказаніе за поношеніе, учиненное тамъ Катилинѣ. Войдя въ городъ хитростью, онъ велъ большую дружбу съ флорентійцами, одаряя ихъ и приглашая на пиры; однажды, позвавъ къ себѣ самыхъ родовитыхъ изъ нихъ, онъ велѣлъ срубить имъ голову, по мѣрѣ того, какъ они являлись одинъ за другимъ, а трупы бросать въ рукавъ Арно, отведенный къ его дворцу и лишь за городомъ снова впадавшій въ главное русло [1]). Совершивъ это, Аттила принялся убивать всѣхъ безъ разбора, стараго и малаго, поджегъ городъ съ семи концевъ, а самъ удалился на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ городъ Fiesole, который обстраиваетъ на ново, чтобы досадить римлянамъ и ихъ городу Флоренціи, который они обновили лишь по смерти Аттилы. Выступивъ изъ Фьезоле онъ отправился въ Марему, гдѣ и умеръ. У него была лысая голова и собачьи уши; назывался онъ Bello, былъ царемъ di Valdel, родился въ Готіи (nella provincia di Gozia), а властвовалъ надъ Швеціей, Панноніей, Венгріей и Даніей. А было это при папѣ св. Львѣ въ 450 году по Р. Х.

Смѣшеніе въ этомъ разсказѣ Аттилы съ Тотилой несомнѣнно (D'Ancona стр. 188); въ самомъ дѣлѣ: не Аттила, а военачальники Тотилы осаждали Флоренцію въ 542 г.; прозвище Bela приписывается нѣкоторыми лѣтописцами Тотилѣ, не Аттилѣ, и лишь о первомъ извѣстно, что онъ скончался въ Мареммѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Malispini имя Тотилы стоитъ вмѣсто Аттилы; въ одной читается такъ: Attile overo Totile.

То-же смѣшеніе находитъ и у Виллани [2]). Разсказавъ о томъ,

ясненіе послѣдовательности, въ которой является у меня разсказы Malispini и Villani. Сл. D'Ancona l. c. стр. 185 слѣд.

[1]) Сл. сходный мотивъ въ болгарской повѣсти объ императорѣ Фокѣ. Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXXI, Январь, стр. 79.

[2]) Оно обычно и у другихъ писателей его времени. По разсказу Armannino (Fiorita, Conto XXXIII) Perugiá и другія города были разрушены «al tempo di

какъ Bela, по прозванію Totile, король вандаловъ и готовъ, убилъ своего брата, лѣтописецъ ведетъ его къ осадѣ Аквилеи, говоритъ о городахъ, взятыхъ имъ въ долинѣ По; только Модена спаслась чудомъ св. Геминьяна. Замучивъ въ Болоньѣ епископа, св. Прокола, Аттила направляется къ Флоренціи; мотивъ мести за Катилину замѣненъ здѣсь другимъ: мщеніемъ за смерть готскаго короля Радагайса, предшественника Аттилы, убитаго въ той области. Дальнѣйшій разсказъ о Флоренціи и Fiesole тотъ-же, что и у Малиспини; слѣдуетъ перечень другихъ городовъ, раззоренныхъ Аттилой, встрѣча съ папой Львомъ, видѣніе двухъ чудесныхъ старцевъ, за нимъ стоявшихъ, разсказъ о разрушенной аркѣ, представившейся въ видѣніи императору Маркіану въ ночь, въ которую умеръ Аттила. Его кончина тоже пріурочена къ Мареммѣ, но иные говорятъ, прибавляетъ лѣтописецъ, что онъ вернулся въ Паннонію, гдѣ и скончался внезапно. Смѣшеніе Аттилы съ Тотилой продолжается и далѣе, ибо вслѣдъ за Тотилой въ исторіи нашествій на Италію названъ — Теодорихъ Великій.

Едва-ли можно сомнѣваться, что въ смѣшеніи Аттилы съ Тотилой точку отправленія представилъ первый, имя послѣдняго явилось случайною связью съ воспоминаніемъ объ осадѣ Флоренціи въ 542 году. Вѣроятно, отъ Аттилы на Тотилу перенесено было и прозвище Bello; D'Ancona устранилъ мнѣніе Thierry, видѣвшаго въ немъ нарицательное bello, несогласимое съ итальянскимъ представленіемъ объ Аттилѣ; но что такое Bello, Belo, Bela? Если это венгерское Bela, неизвѣстно какимъ образомъ примкнувшее къ имени Аттилы, то итальянская легенда о немъ сохранила какъ въ этой подробности, такъ и въ созвучіи разсказа о его рожденіи съ кавказской сказкой, черты захожаго,

---

Totyle, lo quale, chome io dissi, veramente fu flagello di Dio». Впослѣдствіи Perugia была отстроена при императорѣ Юстиніанѣ его плѣнниками: re di Persia и re di Roscia; отъ ихъ именъ, будто-бы, пошло названіе города, до тѣхъ поръ называвшагося Tyberia. — Замѣтимъ, что Armannino помѣщаетъ Аттилу = Тотилу до Константина Великаго.

вѣроятно венгерскаго преданія. Можетъ быть и Павлимиръ, по прозвищу Bello, въ хроникѣ Дуклянца, такой-же — Bela: «Paulimirus jam juvenis effectus coepit esse valde robustus et fortis *bellator*, ita ut in civitate Romana nullus ei esset similis, unde parentes ejus, nec non alii Romani coeperunt illum valde diligere immutaveruntque nomen ejus et imposuerunt ei nomen *Bello*, eo quod *bellum* facere valde delectabatur». За этой, очевидно, поздней этимологіей, замѣненной впослѣдствіи другой (bello: лѣпый у Качича), стояло первоначально созвучное, захожее имя, встрѣченное, быть можетъ, дуклянскимъ пресвитеромъ въ одномъ изъ своихъ источниковъ: libellus Gothorum[1]).

Особенную симпатію встрѣтила легенда объ Аттилѣ въ сѣверной Италіи: венгерскіе набѣги обновили здѣсь воспоминаніе о страшномъ завоевателѣ, съ именемъ котораго соединилось преданіе объ основаніи Венеціи жителями разрушенныхъ Аттилою городовъ. Аквилейцы будто бы явились сюда съ своимъ епископомъ во главѣ и мощами св. Ермагора и Фортуната и осѣлись въ Градо; Caorle (Caprula) основана бѣглецами изъ Конкордіи и Oderzo (Opitergium), Eraclea выходцами изъ Feltre и Oderzo, принесшими съ собою и тѣло св. Стефана; падуанскіе консулы Simeone dei Glauconi и Antonio Calvo da Limiana положили основаніе городу Rialto и т. п. «Венеція представлялась такимъ образомъ возросшей изъ жалкихъ остатковъ святого римскаго сѣмени, и родовитые люди и народъ могли одинаково кичиться, что въ ихъ жилахъ чистая латинская кровь не смѣшалась съ варварскою» (D'Ancona l. c. стр. 257—61). Такова въ сущности идея разнообразныхъ легендъ объ Аттилѣ, характерныхъ для сѣверной Италіи: противоположеніе языческаго и христіанскаго моментовъ, существенное, какъ видѣли, для всего этого цикла сказаній, получило въ Италіи другую, національную окраску и ощущается, какъ противоположеніе народно-латинскаго начала всему варварскому.

---

[1]) Сл. мои Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCI, Январь, стр. 97, 99, 100.

Въ сѣверной Италіи и, тѣснѣе, въ венеціанской области слѣдуетъ искать и начала литературной обработки мѣстныхъ легендъ объ Аттилѣ. Исторія этой обработки еще не выяснена въ частностяхъ (D'Ancona, l. c. стр. 263 слѣд.); въ общихъ чертахъ она представляется слѣдующей: въ основѣ лежитъ составленный, вѣроятно, еще во франко-итальянскій періодъ литературнаго развитія сѣверной Италіи, древній сводъ легендъ, авторомъ котораго былъ какой-нибудь народный пѣвецъ изъ Падуи или Тревизской марки. Въ одной рукописи библіотеки св. Марка, XIV вѣка (cl. X cod. XCVI), еще сохранилась, подъ заглавіемъ Histoire de Atile, французская прозаическая повѣсть, пока ближе не разобранная. Изъ стараго французскаго оригинала пошелъ латинскій пересказъ, Historia Atilae, находящійся въ рукописи Амвросіанской библіотеки, XV вѣка, № 0,73 Sup. Съ латинскаго текста переведена была итальянская народная книга объ Аттилѣ, древнѣйшее изданіе которой восходитъ къ 1472 году: Incomincia il libro di Attila el qual fu inzenerato da uno cane: Et poi domentre la matre se marido a uno barone, Atila nascete: come el destrusse Altin e molte altre città e in quel tempo fu principiata Venesia. Opera impressa per maestro Gabriele de Piero e maestro Phylippo suo compagno in Venecia Adi XX Zenaro M.CCCC.LXX.II. Въ концѣ этого изданія читаются слова: Finisse la historia d'Attila flagellum Dei *translacta de lingua francesca in latina* de parola in parola l'anno della incarnation del nostro Signor m. Iesu Cristo MCCCCLXXI. — Къ концу XVI-го вѣка относится стихотворная парафраза этой повѣсти, извѣстный итальянской poemetto, устранившій изъ народнаго обращенія свой источникъ и имѣвшій цѣлый рядъ сѣверно- и среднеитальянскихъ изданій, начиная съ перваго, Venezia, 1583. Poemetto послужилъ съ своей стороны оригиналомъ народно-драматической пьесѣ, maggio, объ Аттилѣ.

Такова народная, или скорѣе, полународная струя въ литературной исторіи итальянской легенды объ Аттилѣ. Она дала поводъ къ особому, школьно-придворному развитію; ему подле-

жала въ особенности та сторона итальянскихъ легендъ, которая возвеличивала значеніе народно-латинскаго элемента въ борьбѣ съ иноплеменниками, а въ ней память о томъ или другомъ мѣстномъ героѣ, родоначальникѣ какого-нибудь мѣстно-чтимаго рода. Эти памяти можно было развить и приумножить — въ услуженіи придворно-династической цѣли; такъ сдѣлалъ Nicolao da Casola въ пространной французской поэмѣ объ Аттилѣ, начатой имъ въ 1358 году и пока не изданной. Матеріаломъ ему послужилъ старофранцузскій текстъ легенды, но въ неё онъ внесъ и новые эпизоды, назначенные прославить родъ Эсте и его родоначальника Foresto, одного изъ противниковъ Аттилы. На сколько онъ руководился при этомъ дѣйствительно легендарными мотивами, не попавшими въ древній сводъ легенды, на сколько просто сочинялъ въ угоду свои цѣли — рѣшить трудно. Его герой Foresto, выведенный имъ рядомъ съ Giano народной традиціи, такъ и остался принадлежностью традиціи литературной:

Il buon Foresto, dell' Italia Ettore,

какъ поетъ о немъ Тассо. Histoire de Atile сравниваетъ съ Гекторомъ своего Gilius'a = Giano, но въ рѣчи, которой послѣдній ободряетъ своихъ соратниковъ, уже выступаетъ будущій ореолъ Эсте: He prince d'Est et uos seignor uaillant!

Обратимъ вниманіе на нѣкоторые эпизоды сѣверно-итальянской саги объ Аттилѣ.

Pietro Alighieri пріурочиваетъ его смерть къ Римини; другой комментаторъ Божественной комедіи, Iacopo della Lana, разсказываетъ о немъ, что онъ прокрался въ городъ тайкомъ и переодѣтый и вошелъ въ лоджію, гдѣ играли въ шахматы; одинъ изъ игроковъ призналъ его и положилъ на мѣстѣ ударомъ шахматной доски. Это преданіе, извѣстное по Histoire de Atile, повторенное и другими толкователями Данте, разсказывалось еще въ XVII вѣкѣ въ Rimini съ цѣлымъ рядомъ топографическихъ подробностей: Аттила прокрадывается въ городъ съ цѣлью осмотрѣть его; подходитъ къ аркѣ della Madonna del Giglio, гдѣ въ то время нѣсколько военачальниковъ играли въ

шахматы; удачный ходъ одного изъ игроковъ заставилъ его забыть о своемъ incognito и онъ провѣщился — песьимъ голосомъ, узнанъ и обезглавленъ на высокомъ окнѣ палаццо, прежде принадлежавшаго Сципіону Тинголи, нынѣ Помпею di Giulio Cesare изъ того-же рода (D'Ancona стр. 199—200 и прим.). — Rimini еще разъ встрѣтится намъ въ легендѣ, разсказывающей о цѣломъ рядѣ городовъ, либо построенныхъ бѣглецами, спасавшимися отъ гунновъ (какъ Ferrara), либо разрушенныхъ ими, какъ Миланъ, Тичино, Павія, Бергамо, Брешія, Пьяченца, Кремона, Вегра (l. с. стр. 201—204). О разрушеніи Аттилой Милана говоритъ Іорданъ; сохранились молитвы для отвращенія вражьяго нашествія — и анекдотъ Свиды: будто увидѣвъ въ Миланѣ картину, изображавшую скиѳовъ у ногъ римскихъ императоровъ, Аттила позвалъ живописца и велѣлъ написать себя на престолѣ, а цесарей, идущихъ къ нему съ мѣшками на плечахъ, полными золота.

Тогда какъ другіе итальянскіе города, являющіеся въ его легендѣ, кичились своимъ латинскимъ происхожденіемъ, объ Udine, какъ и о Fiesole, разсказывали, наоборотъ, что онъ построенъ самимъ Аттилой: занятый осадой Аквилеи онъ выбралъ по сосѣдству долину, гдѣ нынѣ стоитъ Udine, чтобы построить тамъ крѣпость на зимовку своему войску, и желая возвести её на высокомъ мѣстѣ, въ три дни насыпалъ холмъ изъ земли и камней, принесенныхъ его воинами въ щитахъ и шлемахъ. Преданіе это долго сохранялось — въ названіе одной древней, вѣроятно, римской башни: Torre di Attila, и ему-же приписанъ былъ шлемъ, найденный въ XVI-мъ вѣкѣ въ насыпи, будто бы имъ сооруженный (l. с. стр. 205—7).

Однимъ изъ первыхъ городовъ, испытавшихъ ужасы гуннскаго нашествія, была Аквилея, когда-то «caput Italiae», ключъ къ ея восточнымъ областямъ и значительное торговое мѣсто, нынѣ бѣдная рыбацкая деревушка (l. с. стр. 207 слѣд.). Она такъ долго сопротивлялась Аттилѣ, осадившему её въ 452 году, что онъ уже помышлялъ объ отступленіи, чтобы не попасться между войсками императора Маркіана и Аэція. Легенда помѣщаетъ здѣсь анекдотъ, передающійся также и объ осадѣ Al-

tino: Аттила замѣтилъ однажды журавлей, вылетавшихся изъ города, и объяснилъ своимъ, что птицы эти покидаютъ свои гнѣзда лишь понужденныя къ тому голодомъ. Это ободрило гунновъ: съ изморенными жителями легко будетъ справиться; городъ дѣйствительно взятъ приступомъ и разрушенъ до основанія.

Этотъ разсказъ объ аквилейскомъ сидѣніи испыталъ рядъ наслоеній: разсказывается о нѣкоей женѣ Degna, бросившейся съ высоты башни въ рѣку Natisone, дабы спасти свою честь (Hist. miscella); о томъ, какъ въ одну изъ своихъ ночныхъ развѣдокъ въ городѣ Аттила чуть не попался въ руки враговъ: прислонившись къ стѣнѣ, съ лукомъ въ рукѣ, мечемъ въ зубахъ, сверкая глазами, онъ отбивается отъ нападающихъ, въ рукахъ которыхъ оставилъ свой шлемъ. — Позднѣйшіе разсказы сдѣлали изъ осады Аквилеи общеитальянское дѣло: къ ея властителю, Menappo, къ его брату Antioco (либо: Orioco, Orico, въ имени котораго D'Ancona видитъ Erico, фріульскаго герцога, стр. 214, прим. 1; въ Histoire de Atile: Menapus, Ariochus) приходятъ на помощь представители другихъ итальянскихъ областей: Rimini посылаетъ во главѣ отряда Gualtieri, Анкона Raffaello, Фано-Bertologi; въ именитыхъ семьяхъ Фріули и венеціанской области могли держаться горделивыя преданія, что ихъ предки бились съ Аттилой, и если Casola называетъ ихъ по именамъ, въ его измышленія придется удѣлить мѣсто и родовымъ, хотя бы и фантастическимъ воспоминаніямъ. Menappo съ братомъ долгое время держатся; однажды Menappo чуть не убилъ Аттилы, котораго спасли подоспѣвшіе гунны; убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивленіе немыслимо, защитники города тайно удаляются на корабляхъ, направляясь къ Градо, а на покинутыхъ стѣнахъ поставили деревянныя куклы, въ шлемѣ и доспѣхахъ, которыхъ враги принимаютъ за часовыхъ — пока охотничій соколъ, сорвавшійся съ перчатки одного гунна, не опустился на голову одного изъ мнимыхъ воиновъ. Аквилея взята, грабежъ и пожаръ длятся десять дней; по одному мѣстному преданію, державшемуся еще недавно, аквилейцы, прежде

чѣмъ удалиться, схоронили всѣ свои драгоцѣнности въ нарочно для того вырытомъ колодцѣ, который потомъ засыпали. Еще въ началѣ нашего столѣтія въ нотаріальныхъ актахъ Аквилеи при куплѣ и продажѣ земли продавецъ выговаривалъ себѣ обладаніе тѣмъ колодцемъ — если бы паче чаянія онъ былъ найденъ.

Уже въ повѣсти объ осадѣ Аквилеи выступаетъ на сцену лицо, вокругъ котораго эпически соединились воспоминанія объ итальянскомъ народномъ подъемѣ въ пору борьбы съ Аттиллой: это властитель, царь Падуи Aegidius, Gilius, иначе Ianusius, Genusius, Jano, Giano [1]). Scardeone (De Antiquit. urbis Patavii l. 3, cl. XIII) называетъ его «Rutenum principem»; «legitur hunc Genusium natum esse anno salutis quadringentesimo decimosexto ex progenie Vitaliani et patre Valerio ex matre Lavina, dicuntque in ejus ortu nova in coelo prodigia apparuisse, atque eadem nocte e stabulo patris equum fugisse qui numquam amplius potuit reperiri» (D'Ancona l. c. стр. 218—219 прим. 1). При осадѣ Конкордіи (ib. стр. 218 слѣд.), которую легендарная исторія Аттилы помѣщаетъ за взятіемъ Аквилеи, Аттила видитъ во снѣ вѣнчаннаго, опоясаннаго мечомъ мужа, который наступаетъ на него и смертельно ранитъ въ мѣстности, опустошенной и выжженой до тла. Это — Giano. Судьба Конкордіи та-же, что и Аквилеи; жители спасаются моремъ, а Аттила, послѣ нѣсколькихъ другихъ побѣдъ и опустошеній, доходитъ до Altino, гдѣ встрѣчается лицемъ къ лицу съ представителемъ латинской расы: Аттила бьется съ Giano на копьяхъ и мечахъ и такъ поражаетъ противника, что того спасаетъ лишь быстрота его коня, а Аттила успокоивается на счетъ бывшаго ему пророческаго видѣнія. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь жители Altino бѣгутъ на корабляхъ; городъ разрушенъ и выжженъ (l. c. 221—222); Аттила обращается къ осадѣ Падуи, на помощь которой

[1]) Giano, очевидно, Janus, древне-итальянскихъ легендарныхъ генеалогій. О царѣ эпиротовъ Янѣ, спасшемъ своимъ самопожертвованіемъ Римъ, осажденный варварами, разсказываетъ Беда, De divisionibus temporum и его подражатели Сл. G. Paris, Le récit Roma dans les Sept Sages, Romania, v. IV, p. 125 слѣд.

пришли руководимые Almerigo павійцы (Histoire de Atile: cuens de Pauie, Naimeris li lombars) и побѣдоносный Giano: онъ сражаетъ Аттилу, который, одолженный своимъ спасеніемъ своему коню и помощи трехъ тысячъ гуннскихъ всадниковъ, вызываетъ на другой день своего противника на поединокъ. Giano выбиваетъ его изъ сѣдла, отрѣзалъ ухо, хочетъ снять голову, но ему на выручку являются 500 гунновъ. Giano взятъ въ плѣнъ, но Аттила не только поступаетъ съ нимъ по рыцарски, отпустивъ его на свободу, но и велитъ повѣсить гунновъ, нарушившихъ своимъ вмѣшательствомъ законы о поединкѣ.

Развязка этого эпизода напоминаетъ предыдущія — одно изъ общихъ мѣстъ итальянской легенды объ Аттилѣ: отчаявшись въ спасеніе города, Giano сначала высылаетъ изъ города падуанскихъ женъ подъ начальствомъ жены своей, царицы Адріаны, а затѣмъ удаляется и самъ въ Rimini (l. c. 222—223), куда на помощь ему являются представители Равенны, Виченцы, Фельтре, Анконы и др. Цвѣтъ итальянскихъ именитыхъ родовъ собирается для послѣдней битвы съ Аттилой. И здѣсь легенда не обошлась безъ видѣнія, сохранившагося въ особой латинской статьѣ: Visio Egidii regis Pataviae (l. c. стр. 227, прим. 1): въ то время какъ Giano предается горю, помышляя объ участи Падуи, ангелъ является ему, пророчитъ объ основаніи приморскаго города, que numquam in servitute posita erit, и даетъ ему книгу, въ которой предсказаны были будущія судьбы Падуи и Тревизской марки — въ эпоху Ezzelino и Can della Scala.

Аттила пытается подкупить Giano дарами и обѣщаніями; не успѣвъ въ этомъ, прокрадывается въ городъ въ одеждѣ французскаго паломника съ отравленнымъ ножемъ, спрятаннымъ подъ гуней. Онъ хочетъ убить Giano, котораго находитъ играющимъ въ шахматы съ cavaliere d'Almonte (Histoire de Atile: Asmont); наблюдаетъ за игрой, улучая удобную минуту, но нечаянно выдаетъ себя: войдя въ городъ онъ говоритъ по французски, на этотъ разъ провѣщился по варварски; смѣется и показываетъ свои собачьи клыки; Giano узнаетъ его по отрѣзанному уху;

напрасны его обѣщанія — очистить Италію, принять христіанство; онъ казненъ, и его голову отсылаютъ гуннамъ, поспѣшно отступающимъ подъ начальствомъ Pandauco (Histoire de Atile: Panduccus). Итальянцы преслѣдуютъ ихъ, во Фріули они настигнуты и почти уничтожены греческимъ войскомъ; немногіе оставшіеся крестились; Италія свободна, христіанство торжествуетъ (l. c. 225—229).

Такова итальянская легенда объ Аттилѣ, проникнутая итальянской народной идеей, сотканная изъ историческихъ и мѣстныхъ воспоминаній, переполненная эпическими chévilles, среди которыхъ выдаются своимъ особымъ характеромъ нѣсколько разсказовъ, которые позволено привязать если не къ гуннской, то къ мадьярской традиціи: легенда о сверхъестественномъ зачатіи Аттилы и его прозвище Bela. «Археологическая» популярность Аттилы и разсказы о его вещественныхъ памятяхъ по всей вѣроятности ведутъ свое начало не изъ древняго народнаго преданія, предварившаго появленіе народной книги и poemetto, а отчасти обусловлены широкимъ распространеніемъ послѣднихъ. О мѣстныхъ воспоминаніяхъ Udine мы уже говорили; въ Тревизо добровольная сдача этого города Аттилѣ изображена была на Porta Attilia или Altinia живописцемъ Pomponio Amalteo; въ Raî, бѣдной деревушкѣ около Oderzo, существуетъ разрушенная башня Аттилы (Torre d'Attila), огоньки, виднѣющіеся тамъ по ночамъ — души жителей, убитыхъ гуннами; въ Torcello показываютъ сѣдалище Аттилы (sedia d'Attila), возлѣ Duino—его дворецъ, у Lagugnana'ы, на высотѣ близь морского берега, его бастіонъ; въ сосѣдствѣ съ S. Pietro al Natisone — гротъ, куда будто-бы скрылась при нашествіи гунновъ владѣтельница замка Antro; чтобы увѣрить враговъ, что осажденные не въ крайности, она выбросила мѣшокъ проса: сколько въ немъ зеренъ, столько у нихъ и мѣшковъ (D'Ancona, стр. 287—288). Въ одной итальянской реляціи 1688 года говорится о гробницѣ Аттилы и закопанной казнѣ, найденныхъ въ окрестностяхъ Липпы, тогда какъ по другимъ свѣдѣніямъ гробница Аттилы нашлась

въ округѣ Stuhlweissenburg'a, на границахъ волостей Zamor, Kaldo, Jordans и Tarnoke (l. c. стр. 289—290 прим. 1). Къ этимъ свѣдѣніямъ я присоединяю и еще одно, изъ Штиріи: «Atila.... na Kaciani pri kapeli zvun Radgone tabor imel. Na Kaciani je bukovje, gradiše imenovano; v njem je okrogli brežčen z' dvojim globokim jarkom obdan.». Здѣсь былъ городъ (grad) Аттилы; на камнѣ надпись: Ad. kapellam. In Eremo Kacian Attila Kastra metatus est CCCCXXXXII; тутъ находили человѣческія и звѣриныя кости, похороненъ и Аттила и съ нимъ кладъ; похороненъ онъ въ 3-хъ гробахъ; желѣзномъ, серебряномъ и золотомъ; гдѣ прошли гуннскіе кони, тамъ не зеленѣла трава. «U Celja se kaže na zidu velika butasta glava z rogi» — это портретъ Аттилы (Сл. Pajek, Črtice iz duševnega žitka štajerskih Slavencev, стр. 1). Голова съ рогами, видоизмѣненіе песьяго облика, очевидно указываетъ на итальянскую легенду объ Аттилѣ.

II.

На особенности нѣмецкой, или какъ я её назвалъ, гуннско-готской, указано было выше. Ея идеалъ Аттилы — положительный, отзвукъ древне-гуннскаго пѣсеннаго преданія, воспринятаго готами. Представленіе могучаго царя народовъ, властителя 12-и либо 30-и вѣнцовъ, окруженнаго невиданнымъ блескомъ (сл. напр. описаніе пріема Кримгильды въ поэмѣ о Нибелунгахъ) — несомнѣнно древнее, которое могло сложиться только въ гуннско-готскую пору, какъ, наоборотъ, позднѣйшей эпохѣ развитія эпоса, уже въ спеціально нѣмецкой средѣ, принадлежитъ образъ Аттилы трусливаго, выкреста и ренегата. Готы, сражавшіеся въ его войскѣ, могли воспѣвать и своихъ древнихъ царей, но и эти народныя пѣсни потянули къ одному эпическому центру, ставшему въ извѣстный историческій моментъ и центромъ готской исторіи — къ Аттилѣ. Такъ получилась схема древняго эпоса: готскіе короли воспѣвались при Аттилѣ какъ его соратники и пособники; содержанія этихъ пѣсенъ, въ которыхъ, вѣроятно, поминались и

жена Аттилы, Керка (у Приска = Helche Нибелунговъ), и братъ Bleda (Blödelin Нибелунговъ), мы не знаемъ, но существованіе ихъ слѣдуетъ предположить и такой именно составъ эпическаго цикла, иначе мы не объяснимъ себѣ его послѣдующія измѣненія. Когда блестящая историческая дѣятельность Теодориха Великаго сдѣлала его въ свою очередь героемъ народныхъ былинъ, онъ прошелъ въ готовый циклическій эпосъ, смѣнивъ въ немъ своихъ предшественниковъ, и очутился современникомъ и пособникомъ Аттилы: къ нему онъ бѣжитъ, спасаясь отъ козней дяди (съ исторической точки зрѣнія мы подсказали-бы: византійскаго императора), съ его помощью пытается снова водвориться въ свое итальянское наслѣдье, помогаетъ ему въ войнахъ, между прочимъ противъ Владимира русскаго и т. п. Народное пѣсенное а впослѣдствіи и фантастическое содержаніе этихъ повѣстей о Теодорихѣ постепенно заслоняло интересъ къ лицу, къ которому онѣ примкнули по закону эпической циклизаціи: образъ Аттилы поблѣднѣлъ на своемъ престолѣ, но престолъ по прежнему остается въ средоточіи пѣсеннаго цикла.

Появленіе Аттилы въ составѣ франко-бургундскаго эпоса совершилось инымъ путемъ. Паденіе бургундскаго царства подъ ударами гунновъ должно было оставить отзвукъ въ народномъ преданіи, которое и перенесло въ него имя Аттилы, какъ представителя гуннской мощи; Ildico, убившая его по историческому сказанію, отождествилась съ Krimhild'ой — Гудруной франко-бургундской саги, также убивающей Atli въ сѣверныхъ версіяхъ саги о Нифлунгахъ (Atlakviða in groenlenzka; Atlamál in groenlenzko). Если въ трагической ея развязкѣ нѣкоторые пересказы выводятъ рядомъ съ Аттилой и Теодориха — Дитриха Бернскаго, то, очевидно, на основаніи пѣсеннаго сближенія, поводъ къ которому указанъ былъ выше.

Нѣсколько собственныхъ (Аттила, Бледа, Керка) и этническихъ именъ (готы, бургунды), память о нѣкоторыхъ международныхъ отношеніяхъ, образъ Аттилы-властителя и разсказъ о его смерти — вотъ въ сущности всё, что германскія преданія

сохранили фактическаго изъ древней легенды о немъ; остальное было забыто подъ наплывомъ германскихъ эпическихъ сюжетовъ. Венгерскія преданія, поднявшія, какъ мы видѣли, въ Италіи память объ Аттилѣ, не восполняютъ эту лакуну: въ этомъ убѣждаетъ разборъ мадьярскихъ лѣтописей времени Арпадовъ, недавно предпринятый Marczali (l. c.). По его разысканіямъ отдѣлъ о гуннахъ, занимающій ихъ первыя страницы, отличается отъ народнаго стиля остальнаго разсказа своимъ полуученымъ характеромъ и, не принадлежа къ его составу, введенъ былъ въ него со стороны. Этой «исторіей гунновъ», воспользовались для своихъ хроникъ Анонимный нотарій (ок. 1278), Simon Kéza (1282) и составитель древней Будинской миноритской хроники (1330), сохранившейся въ нѣсколькихъ отраженіяхъ: въ Будинской лѣтописи и ея производныхъ (Пресбургская, Grosswardein'ская, Загребская хроники, лѣтопись Muglen'а ок. 1360 года и составленная по ней риѳмованная хроника), въ Дубницкой и Лицевой (1358) лѣтописи, изданной, съ прибавленіями, Іоанномъ de Thurócz (1464). Сл. генеалогическую таблицу у Marczali (стр. 118), представившемъ (стр. 54 слѣд.) и краткій анализъ источниковъ «гуннской исторіи». Для своего введенія ея авторъ воспользовался родословной книги Бытія по бл. Іерониму и Исидору Севильскому: родоначальникомъ мадьяръ, являющихся потомками Яфета, названъ библейскій Немвродъ; вслѣдствіе вавилонскаго смѣшенія языковъ Hunor и Moger, родоначальники гунновъ и мадьяръ, отдѣлились отъ отца своего Немврода и поселились у Азовскаго моря. Фактическая исторія Аттилы разсказана согласно съ Іорданомъ и Historia Miscella, свѣдѣніями которыхъ авторъ пользовался, вѣроятно, изъ вторыхъ рукъ, можетъ быть, по лѣтописямъ Ekkehard'а von Aura, Sigebert'а de Gembloux или саксонскаго лѣтописца. Аттила сталъ въ центрѣ мадьярскихъ интересовъ: битва при Шалонѣ, въ которой, въ противорѣчіи съ исторіей, гунны остаются побѣдителями, понята какъ національное дѣло; звуковое сближеніе каталаунскихъ полей съ Каталоніей дало поводъ къ легендѣ: Аттила посылаетъ войско про-

тивъ Miramammona (вѣроятно, изъ Emir и Emunin); «ex his etiam Hunis plures erant capitanei statuti qui eorum lingua *Spani* vocabantur, ex quibus quidem nominibus *Hispania* tota nomen assumpsit».

Третьимъ источникомъ «гуннской» исторіи была нѣмецкая сага объ Аттилѣ: описаніе его двора напоминаетъ поэму о Нибелунгахъ (ed. Lachmann z. 1275); какъ и тамъ Буда названа Echulburg, Etzelburg; великая гибельная битва гунновъ — prelium Crumheld; у Кезы, въ Будинской лѣтописи, какъ и у Олая, имя Кримгильды носитъ вторая жена Аттилы, первая — дочь императора Гонорія (Кеза, Буд. лѣт.), у Олая — Herriche, т. е. Helche, Kerka; отъ первой у него сынъ Aladarius, отъ второй Chaba. — Особливо характерно для нѣмецкихъ источниковъ мадьярской саги о гуннахъ — появленіе Теодориха = Detricus, Dietrich, какъ современника, но вмѣстѣ и противника Аттилы: Кеза зоветъ его *Detricum Veronensem*, Будинская лѣтопись *Detricum de Verona;* въ первой-же битвѣ съ гуннами онъ раненъ въ лобъ стрѣлою; letaliter Кезы нельзя принять дословно, ибо въ послѣднемъ побоищѣ сыновей Аттилы Детрикъ снова является на сценѣ. Интересно развитіе, какое получилъ этотъ эпизодъ о ранѣ и вообще весь образъ Теодориха въ одной передѣлкѣ лѣтописи Кезы (Сл. Grimm, Heldensage, 2 Ausg., стр. 166): римляне обращаются къ Теодориху за помощью противъ гунновъ, «quamobrem Detricus, congregato ingenti germanico italicoque acaliarum permixtarum gentium exercitu descendit in Pannoniam. Происходятъ три битвы, въ третьей побѣда остается на сторонѣ гунновъ; римскій полководецъ убитъ, Детрикъ раненъ стрѣлою въ лобъ. Cujus tandem sagittae truncum ipse Detricus urbem ad Romanam dignitatis imperatoriae in curiam pro documento certaminis per ipsum cum Hunis commissi in fronte detulisse et propter hoc immortalitatis nomen usurpasse narratur, Hungarorumque in idiomate halhatalam (т. е. halhatatlam = святой) Detreh dici meruit, praesentem usque in diem. Hunc Detricum galeam quandam habuisse et illam, quanto magis deferebat,

tanto majori claritate refulsisse fabulantur. Этотъ разсказъ повторилъ позднѣе и Олай (Vita Attilae c. 2 p. 864): Detricus in fronte sagitta gravi vulneratus vix evasit, ex quo vulnere aegre tandem convaluit. Ob quod vulnus acceptum cognomen Detrico ab Hunnis inditum Immortalis, quem in hunc diem Hungari *in suis cantationibus*, more greco historiam continentibus, Detricum immortalem nominant».

Нѣмецкія преданія не знаютъ разсказа о стрѣлѣ, но представленіе безсмертнаго Дитриха имъ знакомо въ особой церковной формѣ: демоническій конь занесъ его

in die wust Rumeney:
mit wurmen mus er streiden
pis uns der jungstag wont pey
(Etzels Hofh. 132 [1]).

Представленіе «злаго Детрыка» нашей новгородской лѣтописи принадлежитъ той-же церковной оцѣнкѣ его дѣятельности; въ этомъ отношеніи мадьярское сказаніе стоитъ на болѣе народной и древней точкѣ зрѣнія, еще не тронутой религіозной распрей. Интересно при этомъ свѣдѣніе о мадьярскихъ пѣсняхъ, воспѣвавшихъ Детриха: это могли быть, въ основѣ, нѣмецкія пѣсни болѣе древняго состава, чѣмъ дошедшія до насъ поэмы готскаго цикла, пѣсни, приноровленныя къ мадьярскому народному преданію и занявшія у него нѣкоторыя черты — можетъ быть, легенду о стрѣлѣ? Подобное перенесеніе эпическихъ мотивовъ и героевъ изъ нѣмецкой среды въ мадьярскую представляютъ преданія послѣдней о витязѣ Ботондѣ (Marczali l. c. стр. 86 слѣд.). Altaich'скіе анналы и Lambert von Hersfeld разсказываютъ о подвигахъ графа Boto и его вѣрнаго сподвижника маркграфа Вильгельма; Ekkehard von Aura говоритъ о немъ подъ 1101 годомъ: Boto comes cognomento fortis.... jam plenus dierum non lunge a Ratisbona defunctus est. Botonem sicuti corporis proceriorem atque famosiorem totius pene Germaniae atque Italiae testatur populus. Pannonia vero talem illum et tantum se fatetur

[1]) Сл. мои Разысканія V, стр. 118.

aliquando sensisse, ut is vel de gygantibus antiquis unus apud illos credatur fuisse. De quo plura referre copia, si compendiosi operis hujus propositum non vetaret. О немъ мадьярскіе лѣтописцы разсказываютъ, что̀ польскіе о Болеславѣ Храбромъ (и позднѣе о Болеславѣ II), разрубившемъ своимъ мечемъ кіевскія золотыя врата[1]); только вмѣсто Кіева названъ Царьградъ. Kéza упоминаетъ о немъ по случаю осады Константинополя, гдѣ онъ «ut dicitur, arrepto dolabro, quem ferre consueverat, super portam urbis, que erea erat, praecurreret, tantamque fissuram in ea fecisse dicitur cum dolabro uno ictu, ut Greci propter monstrum portam resarcire noluerunt». При этомъ онъ сразилъ одного греческаго великана, который и умираетъ отъ послѣдствій удара. По Будинской хроникѣ Botond, слѣдуя приказанію вождя, пробиваетъ въ мѣдныхъ вратахъ Царьграда такое отверстіе, что пятилѣтній ребенокъ могъ свободно проходить въ него. — У Анонимнаго нотаріуса Botond является уже чисто-мадьярскимъ героемъ и по поводу его подвига подъ Константинополемъ говорится: «*credite garulis cantibus joculotorum*».

Остановимся, въ связи съ вопросомъ о германскомъ вліяніи на гуннскій эпизодъ мадьярскихъ лѣтописей, на замѣткѣ Marczali (l. c. стр. 68 слѣд.) о хроникѣ Іоанна de Thurócz: въ основѣ ея лежитъ «лицевая хроника», но гуннскій эпизодъ развитъ по другимъ источникамъ, и Marczali отмѣчаетъ въ немъ слѣды эпохи св. Елисаветы. Такъ о Hunor'ѣ и Magyar'ѣ говорится, что они отличаются другъ отъ друга по языку, какъ саксонцы отъ тюрингенцевъ; Аттила держитъ дворъ въ Эйзенахѣ, въ мѣстности, гдѣ Вартбургъ еще сохранилъ преданіе о блестящемъ времени св. Елисаветы и Людвига. Всё это указываетъ, по мнѣнію Marczali, на автора, интересовавшагося саксонцами и тюрингенцами, и онъ полагаетъ себя въ правѣ спросить: не принадлежитъ-ли гуннскій эпизодъ какому-нибудь нѣмецкому составителю? Это

---

[1]) Сл. въ нашей лѣтописи (подъ 1151 годомъ) похвальбу половчанина Севенча Боняковича: «хочу сѣчи въ Золотыя ворота, яко же и отецъ мой».

объяснило-бы его отношенія къ Нибелунгамъ; другія сказочныя элементы могли быть внесены позднѣе мадьярскими лѣтописцами.

Послѣдній источникъ, которымъ они пользовались для своего отдѣла о гуннахъ и Аттилѣ, были западно-латинскія легенды, возникновеніе и развитіе которыхъ мы прослѣдили выше въ общихъ чертахъ. Выдѣлить ихъ изъ состава лѣтописи легче, чѣмъ прослѣдить въ ней спеціально-мадьярскіе мотивы. Пересказывая далѣе въ связи гуннскій эпизодъ мадьярскихъ хроникъ, мы не будемъ передавать подробно тѣ ея разсказы, содержанія которыхъ уже коснулись въ предыдущемъ изложеніи [1]).

Племя Moger, размножившееся какъ песокъ морской, высылаетъ часть свою для пріисканія новыхъ осѣдлостей; во главѣ выселяющихся стоятъ шесть вождей, трое изъ семьи Zemein'a: Bela, Kewe и Kadicha, трое изъ семьи Erd'a: Аттила и его братья Buda (= Bleda) и Rewa. Обогнувъ Черное море, гунны дошли до Дуная; на другомъ его берегу властвовалъ тогда ломбардецъ Макринъ, тетрархъ Панноніи, Далмаціи, Македоніи, Памфиліи и Фригіи, въ зависимости отъ Теодориха Веронскаго, котораго римляне назначили королемъ Италіи. Призванный Микриномъ, Теодорихъ является къ нему на помощь подъ стѣны Потенціаны; въ то время какъ оба вождя обсуждаютъ планъ нападенія, гунны переплываютъ ночью Дунай на надутыхъ мѣхахъ и разбиваютъ римскій арьергардъ. Теодорихъ отступилъ, но въ свою очередь завлекши гунновъ въ долину Тарнока, нанесъ имъ сильное пораженіе: со стороны непріятелей пало 125 тысячъ человѣкъ, но и у Теодориха легло 200 тысячъ. Убитъ былъ также одинъ изъ гуннскихъ вождей, Kewe; узнавъ о томъ, гунны, уже обратившіеся въ бѣгство, возвращаются, чтобы разыскать тѣло убитаго, котораго хоронятъ при большой дорогѣ, а на томъ мѣстѣ поставили, по скиѳскому обычаю, каменный столбъ (statua?). Съ тѣхъ поръ то мѣсто названо было Kewe-

---

[1]) Для дальнѣйшаго сл. Thierry l. c., II, стр. 364 слѣд.

Haza, т. е. домъ Кевы. — Преслѣдуя побѣдоноснаго непріятеля, гунны настигаютъ его неподалеку отъ Вѣны, и въ Cezunmaur'ѣ происходитъ жестокая битва, продолжающаяся съ разсвѣта до девятаго часа. Римско-германское войско разбито на голову: Макринъ убитъ, Теодориха угодила въ лобъ стрѣла (сл. выше разсказъ, почему онъ прозванъ «безсмертнымъ»); со стороны гунновъ пали Bela, Kadicha и Rewa; Аттила, провозглашенный царемъ, предоставляетъ своему брату Будѣ всѣ области на востокъ отъ Тиссы, а самъ избираетъ себя столицей Сикамбрію, которой даетъ свое имя. Германскіе короли, вмѣстѣ съ ними и Теодорихъ, объявляютъ себя его вассалами, а Теодорихъ, подъ видомъ дружбы, хитро направляетъ его на новое предпріятіе — завоеваніе всей Европы, въ надеждѣ, что онъ найдетъ тамъ свою гибель. Аттила возгордился: къ титуламъ короля гунновъ и правнука Неврода онъ присоединилъ и другіе: flagellum Dei, malleus orbis. Темнокожій, небольшого роста, съ широкой грудью, онъ держитъ голову назадъ и носитъ длинную бороду. У него парадный шатеръ изъ золотыхъ полосъ, складывавшихся и развертывавшихся какъ вѣеръ; его держатъ золотые чеканные столбы, украшенные драгоцѣнными камнями. Его походная кровать — чудо искусства; столъ и вся посуда золотыя, конюшни обтянуты пурпуромъ и шелкомъ, на кровныхъ коняхъ седла и весь приборъ изъ золота, въ которое вдѣланы брилліанты. Въ гербѣ у него, на щитѣ и на знамени былъ вѣнчанный ястребъ.

Слѣдуя совѣту Теодориха Аттила, переправившись черезъ Рейнъ, вступаетъ въ Галлію. Слѣдуетъ рядъ разсказовъ, уже освященныхъ латинско-церковной легендой; битва на каталаунскихъ поляхъ происходитъ въ Каталоніи; оттуда Аттила направляетъ часть своего войска въ Испанію и Марокко, тогда какъ другая, опустошивъ Галлію, пройдя землю фризовъ, Данію, Швецію, Литву и Турингію возвращается къ берегамъ Дуная. Вернувшись въ Сикамбрію Аттила узнаетъ, что братъ его Буда не только перешелъ границы, положенныя его власти, но и осмѣлился назвать Сикамбрію своимъ именемъ: Budavar, т. е. горо-

домъ или крѣпостью Буды. Возмущенный этими поступками Аттила убиваетъ брата; а нѣмцы поспѣшили прозвать Сикамбрію — Etzelburg, и лишь гунны придержались названія Буды.

Овладѣвъ большею частью Европы, Аттила занялся внутреннимъ устройствомъ своихъ владѣній: цѣпь сторожевыхъ постовъ и дозоровъ шла отъ Сикамбріи во всѣ четыре части свѣта и доносила въ столицу, что дѣлалось на окраинахъ гуннскаго царства.

Оставалась непокоренной одна Италія. Аттила направляется туда черезъ Истрію и Далмацію, разрушаетъ до основанія великолѣпные дворцы въ Салонѣ, тогда какъ одинъ изъ его вождей, Zoard, спускается по адріатическому побережью до Апуліи и Калабріи, опустошилъ Terra di Lavoro и выжегъ монастырь Montecassino. То, что разсказывается объ итальянскомъ походѣ Аттилы, повторяетъ извѣстныя намъ итальянскія легенды; нѣтъ только ихъ родовыхъ воспоминаній и представителя латинской расы — падуанскаго Giano; римско-равеннское преданіе передается согласно съ его позднѣйшимъ церковнымъ типомъ.

Аттила возвращается въ Паннонію; ему 124 года; отъ Гоноріи (Геррихи Олая) у него сынъ Chaba, отъ Кримгильды, дочери баварскаго герцога, Аладарій; когда царь Бактріи прислалъ ему въ жены свою дочь, красавицу Micolt'у, онъ справляетъ свадьбу съ невиданнымъ великолѣпіемъ. Но общее веселье перемежается зловѣщими знаменіями: его любимый конь издохъ въ день брака; когда молодая готовилась вступить въ брачный покой, она такъ сильно зашибла ногу о порогъ, что принуждена была сѣсть, чтобъ утолить боль, auditaque est ejus vox dicentis: Si tempus est, veniam. Quibus verbis mortem in dolore compellasse credidere [1]). На другой день Аттилу нашли на его ложѣ бездыханномъ и въ крови: его поразила геморрагія. Онъ похороненъ былъ въ Кеведазѣ, гдѣ положены были тѣла

[1]) Сл. Philippi Callimachi Experientis Athile Vita. Trevigi, Gerardo de Lisa, 1489 (также въ Bonfinii Rer. hungaricarum etc. Colonia 1690), въ концѣ. Итальянецъ Filippo Bonaccorsi, по прозванію Каллимахъ, жилъ при дворѣ Матвѣя Корвина.

Кевы, Ревы, Кадыка и Белы; тотчасъ по его смерти между его сыновьями началась усобица: за Аладарія, сына Кримгильды, стоитъ Теодорихъ, гунны поддерживаютъ Хабу; подъ Сикамбріей-Будой происходитъ страшная битва, которую нѣмцы прозвали «prelium Crimheld»; столько тамъ пролито было крови, пишетъ Симонъ Кеза (l. I, c. 4 § 5), что еслибъ нѣмцы не упорствовали въ своей тщеславной лжи, они сознались бы, что въ теченіи нѣсколькихъ дней ни люди, ни животныя не могли пить воды изъ Дуная между Потенціаной и Сикамбріей, ибо въ рѣкѣ было больше крови, чѣмъ воды.

Побѣжденный Хаба удалился съ остатками своего войска въ Грецію, къ дѣду своему императору Гонорію, а оттуда въ Азію, въ страну Moger, гдѣ еще живъ былъ его прадѣдъ Бендекузъ. Хаба помогаетъ ему въ управленіи, но оскорбляетъ народъ, кичась своимъ происхожденіемъ отъ императорской крови: гуннскія дѣвушки отворачиваются отъ него, и онъ «uxorem de Corosmenia traduxit de consilio Bendecus avi sui. Ex ista quidem uxore genuit Edemen et Ed.... Edemen in secundo reditu Hungarorum in Pannoniam per se cum maxima multitudine ex cognatione patris et matris introivit. Ed autem remansit in Scythia» (Будинская хроника у Marczali стр. 91).

Говорятъ, что не всѣ гунны вышли изъ Панноніи съ Хабой, а осталось три тысячи человѣкъ, укрывшихся отъ послѣдняго пораженія въ горы Erdelen, т. е. Трансильваніи, и принявшихъ названіе секлеровъ (Szekelyek, Siculi). Обороняя свою національность отъ нѣмцевъ, славянъ и валаховъ онѣ жили тамъ долго, питая надежду на возвращеніе Хабы; unde vulgus adhuc loquitur in communi: Tunc redire debeas, dicunt recedenti, quando Chaba de Graecia revertetur (Sim. Keza l. I, c. 4, § 6; Thwrocz, I, c. 24). Съ именемъ Хабы соединилось въ мадьярскомъ преданіи и еще одно повѣрье: посвященный въ тайны природы Хаба исцѣлилъ себя и своихъ ратниковъ отъ ранъ, полученныхъ въ prelium Crimheld, травой, которая и носитъ названіе Chaba-Ire, hoc est Chabae implastrum = pimpinella saxifraga.

Такъ разсказываетъ Олай въ своей жизни Аттилы. Упомянувъ его, мы коснулись уже «ученой» мадьярской исторіографіи, черпавшей изъ древнихъ народныхъ хроникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшейся и другими источниками и мнившей себя «критической» и болѣе достовѣрной. Первымъ въ ряду этихъ исторіографовъ является Юлій Цесарь Каланъ, если онъ въ самомъ дѣлѣ тождественъ съ епископомъ Cinque Chiese въ Далмаціи, 1197 года (D'Ancona l. c. стр. 263 прим. 2). Его жизнеописаніе Аттилы явилось впервые въ печати въ 1502 году; о подобномъ-же трудѣ Каллимаха упомянуто было выше [1]); третьимъ явился Сабелликъ въ его Декадахъ Венеціанской исторіи; наконецъ приматъ Венгріи Ник. Олай [2]), нашедшій польскаго переводчика въ Кипріанѣ Базиликѣ: Historia spraw Atyle, Krolá Węgierskiego. Z Láćinskiego ięzyká ná Polski przełożoná przez Cypriana Bázyliká. Cum Gratia et Privilegio. W Krákowie. Drukował Maciej Wirzbiętá и т. д. 1574 г. По указанію проф. Брюкнера — это и есть оригиналъ бѣлорусской повѣсти объ Аттилѣ, сохранившейся въ познанскомъ сборникѣ. Ту-ли же повѣсть («объ Атылѣ королѣ угорскомъ») имѣлъ въ виду Снегиревъ — сказать трудно. Единственное русское болѣе древнее упоминаніе объ Аттилѣ сохранилось въ эллинскомъ лѣтописцѣ, какъ вставка въ Малалу (ed. Bonn., p. 359, 1—7); ея источникъ мнѣ неизвѣстенъ: какъ у Дамасція, битва, но и смерть Аттилы, перенесены подъ Римъ; упоминаніе Приска относится, быть можетъ, лишь къ эпизоду смерти: «тъ бо Атилъ король прииде ѡтъ сѣвръскыхъ странъ и прия грады румьскыа в силѣ тажцѣ, и ѡбьстоаше градъ Роумъ. И баше тогда кнажна дѣвица прекрасна призадаласа къ костелѫ .ї. лѣтъ соущи. Тогда король Атыла, слышавъ ей велми бывши краснѣ, въпроси еа глагола: аще ми еа не дасте, то разорю

[1]) Сл. выше, стр. 337, прим. 1.

[2]) Изданъ Самбукомъ во 2-мъ изданіи Antonii Bonfinii Rerum ungaricarum decades quatuor cum dimidia. Basileae, ex officina opariniana 1568 (въ 7-й книгѣ) и Franc. Kollar'омъ, Nicolai Olahi metropolitae Strigoniensis Hungaria et Atila sive de originibus gentis regni Hungariae, situ etc. Vindobonae 1763.

градъ вашъ Римъ. Тогда же идоша вса старейшины съ ѡпаты своими къ дѣвици и оумолиша ю, глаголюще: изыиди к' королеви скоро Атылѫ, да не зълѣ погоубить града нашего Рима, да не погибнеть градъ нашь. Сѣдащи же еи оу ногѫ его и ѡномоу възлежащу, поустиса емѹу кровъ носомъ, и ѡтъ того оумре. Ѡна же вземше корозно его иде и повѣда гражданомъ, ꙗко умерлъ есть король Атыла; вои же его вземши и тѣло его, несши сквоѕѣ волохы и нѣмци и положиша в земли оугорьстѣй. Ѡтъ ней-же дѣвицы рѣчи списа премоудрый Прискосъ Фракѣнинъ». Малала упоминаетъ только о смерти Аттилы вслѣдствіе кровотеченія изъ носа и о слухѣ, что въ его смерти заподозрили его гуннскую наложницу; περὶ οὗ πολέμου συνεγράψατο ὁ σοφώτατος Πρίσκος ὁ Θρᾷξ. — Дѣвица этой легенды — явное смѣшеніе Ildico-Micolt'ы съ какой-нибудь героиней мученицей западноцерковной легенды объ Аттилѣ, точно также какъ и разсказъ о его смерти какъ-бы пытается соединить паннонское преданіе съ итальянскимъ, пріурочивающимъ кончину завоевателя къ итальянской мѣстности.

III.

Еще одну память объ Аттилѣ и о его погромѣ въ шалонской битвѣ мы могли-бы занести на страницы его легенды, если вѣрно толкованіе, предложенное Гейнцелемъ одного эпизода Hervarar-saga'и [1]).

Гейдрекъ царитъ въ Reiðgotaland'ѣ, южной Руси, съ столицей Dampar staðir, т. е. градъ Днѣпра. У него два сына: Ангантиръ и незаконнорожденный Hlöðr, воспитывающійся у дѣда своего, гуннскаго короля Humli. Отрывокъ древней пѣсни, которую зналъ составитель саги, начинается въ совершенно былинномъ стилѣ:

Hlöðr var þar borinn
í Húnalandi,
saxi ok með sverði,

[1]) Richard Heinzel, Ueber die Hervararsaga, Wien 1887.

síðri brynju,
hjálmi hringreifðum,
hvössum maeki,
mari vel tömum,
á mörk inni helgu.

«Hlöðr родился въ Гуналандѣ, съ ножемъ и мечемъ, въ длинной бронѣ, украшенной кольцами, съ острымъ булатомъ и снаряженнымъ конемъ; родился въ священной области». Узнавъ, что по смерти отца Ангантиръ захватилъ въ руки власть, Hlöðr требуетъ у него уступки половины отцовскихъ владѣній. Тотъ отвѣчаетъ отказомъ, предлагая въ замѣнъ дары и третью часть готскаго царства; воспитатель Ангантира, Гизуръ Grytingaliði, говоритъ, что для незаконнорожденнаго брата и этого будетъ довольно. Hlöðr удаляется, разгнѣванный, и снаряжается, вмѣстѣ съ дѣдомъ, къ войнѣ противъ брата. Они собираютъ громадное войско и доходятъ до лѣса Myrkviðr, до замка, гдѣ жила съ своимъ воспитателемъ, Ormar'омъ, сестра Ангантира, Hervör. Она назначаетъ, черезъ посредство Ormar'а, мѣсто для битвы, въ которой гунны остаются побѣдителями; Hervör убита, а Осмаръ бѣжитъ къ Ангантиру съ горестною вѣстью. Тогда Ангантиръ поручилъ Гизуру вызвать Hlöð'а и гунновъ на бой въ Dylgja, на Dúnheiði, подъ горами Jösur. Вслѣдствіе надменнаго вызова Гизура, Hlöðr велитъ схватить его, но Humli его защищаетъ, и онъ идетъ сообщить Ангантиру о превосходствѣ непріятельскаго войска. Происходитъ жестокая битва, длящаяся восемь дней, ибо готы сражаются за свободу и отечество. Ангантиръ бьется съ Тирфингомъ въ рукахъ, роковымъ мечемъ, который нельзя было обнажить, не причинивъ смерти, и убиваетъ Hlöð'а и Humli; гунны обращаются въ бѣгство; рѣки выступаютъ изъ береговъ, долины переполнены трупами, и Ангантиръ плачется надъ участью, сдѣлавшей его убійцей брата.

Какая битва готовъ съ гуннами имѣется здѣсь въ виду? Гейнцель указалъ на нѣкоторыя германскія параллели къ разсказу саги. Въ датскихъ историческихъ памятникахъ нерѣдко

встрѣчаются имена Humblus = Humli и Lotherus = Hlöðr; такъ у Саксона Грамматика (l. I, c. 22, ed. Müller), гдѣ они являются сыновьями Дана и Гримы и внуками перваго Humblus, родоначальника первой датской династіи. Humblus второй ведетъ войну противъ Лотера, лишаетъ его царства и становится тираномъ. Если въ этомъ разсказѣ Саксона интересующему насъ эпизоду саги отвѣчаютъ лишь собственныя имена, не содержаніе событій, то слѣдующій (l. I, c. 232 слѣд.) представляетъ и содержательное соотвѣтствіе. Дѣло идетъ о войнѣ между датчанами и гуннами, Frotho III-мъ и королемъ Hun'омъ, его тестемъ. Оскорбленный тѣмъ, что Frotho прогналъ свою жену, Hun въ союзѣ съ Olimarus'омъ, королемъ восточныхъ (orientales) людей или рутеновъ (Rutheni I 234 слѣд.), идетъ на датчанъ войною, при чемъ Olimarus начальствуетъ надъ морскими, Hun надъ сухопутными силами. Эрикъ идетъ соглядатаемъ къ флоту, затѣмъ къ гунской рати, рано утромъ видитъ ея аванпосты, тогда какъ ея арьергардъ проходитъ мимо него лишь вечеромъ. Эрика узнали и хотятъ взять въ плѣнъ, но онъ спасаетъ себя изреченіемъ: non decere unum a pluribus abripi и, вернувшись къ Фротону, говоритъ ему о численности непріятельскаго войска. Frotho побѣждаетъ Олимара, поступающаго къ нему на службу, но удаляется передъ гуннами, погибающими отъ собственной многочисленности; его покидаетъ и Uggerus vates, «vir aetatis incognitae et supra humanum terminum prolixae; qui Frothonem transfugae titulo petens, quidquid ab Hunis parabatur, edocuit». Гунны сбираютъ новое войско, которое Фротонъ разбиваетъ въ семидневной битвѣ (I, 240). «Cujus (pugnae) prima dies tanta interfectorum strage recruduit, ut praecipui tres Rusciae fluvii, cadaveribus velut ponte constrati, pervii ac meabiles fierent. Praeterea quantum quis itineris per triduum equo conficere posset, tantum locorum humanis cadaveribus completum videret. — Itaque praelio septem dies extracto, cecidit rex Hun. Cujus frater eodem nomine, inclinatam Hunorum aciem conspicatus, cum sua se cohorte dedere conctatus non est. Eo bello septuaginta

ac centum reges, qui aut ex Hunis essent aut inter Hunos militaverant, submisere se regi.... Igitur Frotho vocatis in concionem regibus sub uno eodemque jure degendi normam imponit. Praefecit autem Olimarum Holmgardiae, Onevum Cönogardiae, Hun vero captivo Saxoniam tribuens Revillum Orcadibus donat. Provincias Helsingorum, Jarnberorum et Jamtorum cum utraque Lappia Dimaro cuidam procurandas attribuit; Dago Hestiae regimen erogavit. Itaque Frothonis regnum Rusciam ab ortu complectens ad occasum Rheno flumine limitatum est».

Уже въ Antiquités russes I, 113 было указано на сходство роли, какую играетъ Эрикъ въ этомъ описаніи гуннской сѣчи, съ ролью Гизура въ гуннской-же битвѣ Hervararsaga'и. Frotho и Hun отвѣтили бы Ангантиру и Humli (вмѣстѣ съ Hlöð'омъ).

Chronicon Erici regis (Langebeck, Script. I, 153) пользовался, вѣроятно, тѣми-же источниками, что̀ и Саксонъ, въ разсказѣ о готско-гуннскомъ побоищѣ, о которомъ знала, быть можетъ, и древняя сага о Скьёльдунгахъ (Heinzel, 49) и англосаксонскій Widsið, упоминающій Hliðe = Hlöð'а и Incgenþéow'а = Ангантира, Wyrmhere = Ormar'а Hervasarsaga'и и побѣдоносную битву готовъ съ гуннами:

121 full opt þaér wíg ne alaeg,
þonne Hraeða here heardum sweordum
ymb Wistlawudu wergan sceoldon
ealdne êþelstôl Aetlan léodum

(«рѣдко тамъ обходилось безъ битвы, когда рать готовъ должна была крѣпкими мечами защищать у лѣса на Вислѣ древнія населья отъ людей Аттилы»)

Эту битву готовъ съ гуннами, упоминаемую сѣверными источниками, проф. Гейнцель склоненъ отождествить съ извѣстнымъ разгромомъ Аттилы при Шалонѣ въ 451 г. Предложенное имъ сравненіе лѣтописныхъ данныхъ о послѣднемъ съ описаніями саги и Саксона грамматика не всегда убѣдительно, когда касается мелочей и орудуетъ дублетами, въ предположеніи, что въ одномъ лицѣ саги могли отразиться двѣ различныя исто-

рическія личности. Теоретически — обобщенія саги, народнаго преданія должны идти именно этимъ путемъ, отвлекая отъ историческихъ фактовъ ихъ суть, сводя въ одно, что представлялось анологичнымъ, нагромождая на одно лицо сказанное о многихъ. Фактически доказать такой именно путь обобщенія трудно и частности всегда могутъ возбудить сомнѣніе. Такъ и въ нашемъ случаѣ: тамъ и здѣсь роковая битва готовъ съ гуннами, длящаяся нѣсколько дней, вначалѣ счастливая для гунновъ, имѣющая для готовъ особое значеніе, ибо дѣло идетъ для нихъ о защитѣ свободы и родины. Остановимся на частностяхъ сравненія: въ 439 году соперникъ Аэція, римскій полководецъ Литорій, нападаетъ съ гунской помощью на тулузскихъ вестготовъ, разбитъ и взятъ въ плѣнъ либо убитъ; въ 450 г. младшій сынъ одного франкскаго короля ищетъ покровительства Аэція и усыновленъ имъ, тогда какъ старшій обращается къ Аттилѣ, получившему такимъ образомъ поводъ къ вторженію въ Галлію. Аэцію перваго свидѣтельства и младшему царевичу второго отвѣчаетъ въ сагѣ одинъ и тотъ-же Ангантиръ; противникъ послѣдняго, Humli — историческому Аттилѣ; Hlöð'у, воюющему въ союзѣ съ Humli, Литорій и вмѣстѣ одинъ изъ франкскихъ принцевъ, тотъ и другой опиравшіеся на помощь гунновъ. Можетъ быть, и въ Гизурѣ саги сохранилась память о Генсимундѣ, воспитателѣ молодого остготскаго короля, и о вандальскомъ королѣ Гейзерихѣ (Gizericus, Gyzericus у Іордана), пособникѣ и наущателѣ Аттилѣ, тогда какъ Myrkviðr отразилъ въ себѣ — герцинскій лѣсъ, лежавшій на пути Аттилы въ Галлію.

Сближенію готско-гуннской битвы Hervararsaga'и съ фактами шалонской перечатъ повидимому два обстоятельства: перенесеніе мѣста дѣйствія и забвеніе главнаго дѣйствующаго лица, долженствовавшаго быть памятнымъ именно готскому преданію: Теодориха вестготскаго. Шалонскія поля забыты, готы саги являются не тулузскими вестготами, а обитателями Reiðgotaland'а, отдѣленнаго лѣсомъ Myrkviðr отъ Hunaland'а, лежащаго отъ него къ югу или востоку. Въ сѣверныхъ памятникахъ на-

званіемъ Reiðgotaland'a обозначались различныя мѣстности: Ютландія, Померанія, Швеція, но также и Россія. Haukr Erlendsson († 1334) перечисляетъ страны, лежащія у Garðaríki, между нами Púlínaland или Pólena; «а на востокъ отъ Поляніи лежитъ Reiðgotaland, а далѣе Húnland» (En austr frà Pólena er Reiðgotaland ok þá Húnland). Такъ и по Скальгольтской книгѣ, гдѣ въ Garðaríki помѣщены города Pallteskja ok Koenugarðar (Полоцкъ и Кіевъ). По этому представленію Húnland лежитъ въ южной и восточной Россіи, что отвѣчаетъ воззрѣніямъ саги af Eigli einhenda (FAS. 3,364: Hertryggr hefir konungr heitit, hann rèð fyrir austr í Russía. þat er mikit land ok fjölbygt, ok liggr milli Húnalands ok Garðaríkis = Гертриггомъ звали конунга, властвовавшаго на востокѣ, въ Россіи. Это великая и населенная страна, лежащая между Húnaland'омъ и Гардарики) и, очевидно, нашей Hervararsaga'и, помѣщающей столицу Ангантира въ области Днѣпра (í Arheimum?), и именно въ градѣ Днѣпра = Danpar staðir, знающей въ странѣ готовъ славный «дремучій лѣсъ» и «священную могилу»[1]). Если послѣднія описательныя указанія могутъ быть приблизительно истолкованы въ связи съ южно-русской мѣстностью саги, то другія труднѣе поддаются толкованію. Когда, отправляясь къ гуннамъ, Гизуръ спрашиваетъ Ангантира, въ какомъ мѣстѣ объявить имъ бой, тотъ отвѣчаетъ:

Kendu at Dylgju
ok á Dúnheiði
ok á þeim öllum
Jösurfjöllum!
þar opt Gotar
gunni hádu
ok fagran sigr
fraegir vágu.

«Назначь имъ (мѣсто) на Дильгѣ (вар. Dyngja) и на равнинѣ

---

[1]) Сл. мою замѣтку: Кіевъ — градъ Днѣпра въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1887 г., Іюнь и въ Зап. романо-герм. отдѣла Филолог. общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, вып. 1-й (1888 г.). Сл. Heinzel, l. c. стр. 57 слѣд.

Dún'a и у всѣхъ горъ Jösur. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блестящую побѣду». Dylgja = Dyngja не опредѣлима; въ первой части Dúnheiði могли отразится, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 70), названія Двины, Дона, скорѣе всего Дуная — можетъ быть, въ связи съ русскими походами на Дунай въ X-мъ вѣкѣ. Горы Jösur остаются загадочными — если это не горы Ясовъ, т. е. Алановъ, Осетинъ. Ясскія горы упоминаются въ Крыму въ XIV-мъ вѣкѣ; одинъ памятникъ XV-го столѣтія говоритъ объ аланскихъ или гуннскихъ горахъ въ седмиградскихъ Карпатахъ. Сл. Amm. Marcellinus 31, 2, 13: hoc (Tanai sc.) transito in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appelatione cognominati.

Память о царствѣ Эрманариха въ южныхъ мѣстностяхъ Россіи могла пережить его историческое существованіе, варяги — слышать о немъ преданія и пѣсни отъ крымскихъ готовъ, съ которыми они приходили въ общеніе, въ которыхъ находили своихъ родичей: ὅμοροι ὄντες (т. е. готы) ἤθεσι τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, говоритъ о варягахъ въ X-мъ вѣкѣ письмо готскаго монарха (Heinzel 72). Такъ могло сложиться представленіе Инглингасаги с. 20 о прибытіи боговъ, Асовъ, въ Скандинавію съ сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ великой Швеціи, Svíþjoð hin mikla, иначе Goðheimar, т. е. страны боговъ, вмѣсто: Got-heimar, страны готовъ (l. c. 75—6). Можетъ быть, отъ крымскихъ готовъ варяги слышали и какой-нибудь пѣсенный разсказъ объ эпизодахъ битвы 451 года (l. c. 72). Такъ опредѣлился-бы источникъ варяжскаго т. е. сѣвернаго преданія о ней, при чемъ ея локализацію на югѣ пришлось-бы отнести на счетъ представленія сѣверныхъ людей о мѣстоположеніи древняго Gotheimar. Но, очевидно, не крымскіе горы были проводниками преданія, прошедшаго на сѣверъ неопредѣленными путями (l. c. 105) и въ редакціи, народный характеръ которой Гейнцель попытался опредѣлить.

Выше было обращено вниманіе на странное, въ народномъ готскомъ преданіи, забвеніе имени Теодориха вестготскаго въ

разсказѣ о шалонской битвѣ. Объяснить это можно попыткой народнаго, мѣстнаго усвоенія громкаго, историческаго факта, иногда — забвеніемъ лѣтописца. Такъ Chronicon paschale (ed. Bonn. I 587 слѣд.) переноситъ на Алариха слухъ, сообщаемый Іорданомъ (с. 40): будто Теодорихъ вестготскій убитъ былъ стрѣлою, и притомъ въ битвѣ на Дунаѣ, отвѣчающей шалонской. Когда Аттила грозитъ войною, «Ἀέτιος ἀπῆλθε πρὸς Ἀλλάριχον εἰς τὰς Γαλλίας, ὄντα ἐχθρὸν Ῥώμης διὰ Ὀνώριον, καὶ προετρέψατο αὐτὸν ἅμα αὐτῷ κατὰ Ἀττίλα, ἐπειδὴ ἀπώλεσεν πόλεις πολλὰς τῆς Ῥώμης· καὶ ἐξαίφνης ἐπιρρίψαντες αὐτῷ, ὡς ἔστιν ἡπληκευμένος πλησίον τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ, ἔκοψαν αὐτοῦ χιλιάδας πολλάς. εἰς δὲ τὴν συμβουλὴν ὁ Ἀλλάριχος πληγὴν λαβὼν ἀπὸ σαγίττας τελευτᾷ». Детрикъ мадьярскихъ лѣтописей, раненый въ лобъ стрѣлою, по мнѣнію Гейнцеля (стр. 104), несомнѣнно вестготскій Іорданова преданія; но уже у Кезы онъ названъ веронскимъ, а въ одной передѣлкѣ его лѣтописи онъ являетъ черты, рано окружившія въ легендѣ его остготскаго соименника. Онъ бьется въ союзѣ съ Макриномъ противъ Аттилы на Дунаѣ (Кеза) или при Tarnok velgy (Ghronicon Budense ed. Podhraczky 1838, стр. 15), и Гейнцель считаетъ (стр. 104) вѣроятнымъ, что и въ этомъ случаѣ имѣется въ виду — шалонская битва, хотя budинская лѣтопись разсказываетъ о послѣдней далѣе и особо, выводя въ ней на мѣсто Теодориха — готскаго короля Aldaricus (Chron. Bud. 21). Еще и въ третьей и послѣдней битвѣ сыновей Аттилы, Аладарія (Алариха?) и Хабы, Гейнцель усматриваетъ «ясную связь съ воспоминаніями о побоищѣ 451 года, какъ онѣ сохранились въ сѣверномъ преданіи» (l. c. 105).

Эта замѣна историческаго Теодориха вестготскаго Аларихомъ (и, прибавимъ: Теодорихомъ остготскимъ) приготовляетъ насъ къ толкованію проф. Гейнцелемъ первоисточника сѣверной саги. Она не забыла Теодориха, а замѣнила его другимъ лицомъ. Центръ аргументаціи лежитъ въ толкованіи собственныхъ именъ: Hlöðr и Angantyr (сл. стр. 77, 80—2) — это франкъ *Chlodio*, побѣжденный въ 428 году *Аэціемъ* (стр. 51): Aiecius, Agetius,

Agatius, что̀ дало-бы германское Hagthér, въ которомъ сѣверные люди нашли знакомое имъ имя: Anganþer'a, Angantyr'a. Аэцій былъ женатъ на варварской, можетъ быть, готской царевнѣ, усыновилъ франкскаго принца, и это могло повести къ представленію его самого германцемъ, особливо среди франковъ, надъ которыми римляне Сіагрій и Эгидій властвовали съ почти королевскою властью. Въ побѣдоносной битвѣ противъ Chlodio-Hlöð'a его братъ и противникъ Аэцій-Angantýr заступилъ мѣсто Теодориха вестготскаго; послѣдній, какъ извѣстно, палъ въ битвѣ, Ангантиръ остается въ живыхъ — по требованіямъ *франкскаго* преданія, внесшаго въ разсказъ о битвѣ народныя имена, но оставившаго своихъ царевичей готами, ибо историческая память о роли готовъ въ шалонской побѣдѣ стояла слишкомъ крѣпко, и изъ нея трудно было сдѣлать — франкскую, съ франкскимъ героемъ во главѣ (Heinzel стр. 77).

Если такъ, то въ сѣверную сагу преданіе о шалонскомъ побоищѣ должно было проникнуть въ франкской версіи, съ именами Chlodio-Hlöð'a и Аэція-Ангантира, и сѣвернымъ людямъ принадлежитъ лишь ея южное пріуроченіе, навѣянное знакомствомъ съ Gotheimar. Но и оно оказывается не новымъ, если вѣрно предположеніе Гейнцеля, что Dunheiði, гдѣ Angantyr предлагаетъ бой гуннамъ, отвѣчаетъ долинѣ Дуная, ибо на Дунаѣ помѣщаетъ бой Алариха (= Теодориха) съ гуннами и Пасхальная хроника, битву Теодориха съ Аттилой тамъ-же мадьярскія лѣтописи. Эта согласная локализація въ памятникахъ, взаимно независимыхъ (я особенно имѣю въ виду Hervararsaga'у), едва-ли указываетъ на шалонскую битву и на Аттилу, а на какое-нибудь болѣе древнее столкновеніе готовъ съ гуннами и готскихъ властителей, враждовавшихъ другъ съ другомъ на болѣе древнихъ поселяхъ. Я не дѣлаю попытки обстоятельнаго сближенія, потому что для таковаго нѣтъ матеріаловъ. Замѣчу только, что въ Hervararsaga'ѣ нѣтъ имени Аттилы, а названъ гуннскій король Humli, можетъ быть, не историческое, а эпическое имя, въ которомъ нѣтъ нужды видѣть поздній субститутъ имени Аттилы

(сл. l. c. 79). Если въ Widsið'ѣ, гдѣ готы бьются съ гуннами «въ лѣсу Вислы» (= Дакіи, по мнѣнію Гейнцеля стр. 103), Аттила названъ рядомъ съ Hlipe = Hlöð'омъ и Incgenþéow'омъ = Ангантиромъ, то развѣ его имя не можетъ быть подновленіемъ, почерпнутымъ изъ памяти о лицѣ, ставшемъ пѣсеннымъ показателемъ гунновъ?

Присоединяю къ этому и другое возможное соображеніе. Готы назначаютъ гуннамъ битву á Dunheiði — ok á þeim öllum Jösurfjöllum. Dunheiði, можетъ быть, долина не Дуная, а Дона, что согласовалось-бы съ Jösurfjöllum = горами Оссовъ или Ясовъ, т. е. Алапъ, жившихъ на обширной сѣверо-кавказской равнинѣ, доходя на югѣ до главнаго хребта и Даріальскаго ущелья, а на западѣ до Мэотиды и нижняго теченія Дона[1]). На Дону или за Дономъ бьются съ ними русскіе князья по свидѣтельству нашихъ лѣтописей[2]), знающихъ и «горы высокія, ясскія и черкаськія, близъ воротъ желѣзныхъ», т. е. кавказскія, въ которыхъ Аполлинарій Сидоній помѣщаетъ caucasigenas alanos[3]). Ихъ западной границей было теченіе Дона, которому они дали и названіе: осет. дон = вода, рѣка[4]). У Ясскихъ горъ (Jösurfjöllum) и въ Dunheiði — долинѣ Дона и могли происходить битвы готовъ съ гуннами. Сл. Ammian. Marcell. XXXI, 3, 1: въ 375 году «гунны прошли черезъ земли алановъ..., убили и ограбили многихъ, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью вторглись въ просторныя и плодородныя владѣрія Эрменриха, очень воинственнаго царя, котораго страшились всѣ сосѣдніе народы — вслѣдствіе его многочисленныхъ и различныхъ подвиговъ храбрости»[5]). Это опредѣлило-бы и мѣсто дѣйствія и историческія воспоминанія

---

[1]) Вс. Миллеръ, Осетинскіе этюды, часть III, стр. 10, 11, 23, 30, 32, 35, прим. 1, 43, 44, 45, 58, 71, 75, 97.

[2]) l. c. стр. 66 слѣд.

[3]) l. c. стр. 75.

[4]) l. c. стр. 7—8.

[5]) l. c. стр. 42—53.

саги въ эпизодѣ о готско-гуннскомъ побоищѣ. Если оно является побѣдоноснымъ для готовъ на перекоръ исторіи, то это лишь характеризуетъ народный источникъ, изъ котораго историческій фактъ дошелъ до сѣвернаго сказителя. Народная гордость идеализуетъ пораженіе, обращая его въ побѣду; нѣчто подобное предположилъ и Гейнцель, объясняя, почему Ангантиръ не сраженъ, какъ его предполагаемый прототипъ — Теодорихъ вестготскій.

Воспоминаніе объ Аттилѣ исключаются нашимъ соображеніемъ, но получается взамѣнъ просвѣтъ на древнія отношенія южной Руси, на битвы и подвиги, забытые исторіи, переиначенные сагой, но, можетъ быть, присутствующіе неузнаваемыми нынѣ чертами въ народной метаморфозѣ русской былины.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 7 прим. 2. Сл. Сказание ѡ злонорьнивыхъ женахъ, напечатанное Ягичемъ по болгарскому сборнику берлинской библіотеки въ Starine V, стр. 63 и слѣд., и тамъ-же введеніе и примѣчанія къ тексту.

Къ стр. 21 внизу: въ послѣднемъ стихотворномъ отрывкѣ слѣдуетъ такъ исправить чтеніе рукописнаго текста: ст. 51 dameisels; ст. 52 bels; ст. 55: Filles à princes, à baruns.

Къ стр. 29 прим. 5. Сходный текстъ находится въ ркп. Московскаго Чудова монастыря № 57—359 (XVII в.), л. 40 и слѣд. Сл. описаніе этой рукописи Хр. Лопаревымъ въ Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. 1886 г. (Смѣсь), стр. 11.

Къ стр. 133. Къ вопросу объ отношеніи Готфрида Страсбургскаго къ Томасу и поэтической самостоятельности перваго отмѣтимъ для полноты библіографическаго обозрѣнія статью O. Glöde (Der nordische Tristanroman und die aesthetische Würdigung Gottfrieds von Strassburg, въ Germania XXXIII, стр. 17 и слѣд.), въ сущности мало доказательную.

Къ стр. 140 прим. 1. Сл. Archiv f. slav. Philol. I, стр. 285 (Aus dem südslavischen Märchenschatz, № 11) и въ фрагментахъ Beroul'я, стр. 35—36: Salemon dit que droicturiers — Que ses amis c'est ses levriers.

Къ стр. 322. Лишь по окончаніи моей работы я могъ познакомиться въ Венеціи съ Histoire de Atile, содержащейся въ ркп. библіотеки св. Марка, cl. X, cod. XCVI, л. 19 лиц. и слѣд. Я сообщу её въ краткомъ анализѣ, кое-гдѣ приводя и отрывки текста.

Разсказъ начинается введеніемъ общаго характера.

Apres ce que nostre Seignor Iesu Crist nasqui e fu penez e mort, apostre furent mout esgare. Mais apres ce que il fut resucitez, se reconforterent il mout que il le uirent e parlerent a lui maintes foiz. Mes li iors de la pentecoste donoit nostre sire a ses apostre sa grace e sa beneizonz e li saint esperit donoit il a zascunz que il l'auoient veu aler ou cielz le iors de l'ascension. E de lors en auant prist cascunz sa voie e s'en alerent parmi le monde preechant le noms de Iesu Crist e de tout ce qu'il uirent e oirent de luy.

Слѣдуетъ разсказъ о проповѣди и кончинѣ апостоловъ и ихъ учениковъ и перечень папъ начиная отъ ап. Петра до Сильвестра; онъ исцѣляетъ и креститъ Константина Великаго, который, предоставивъ ему и его наслѣдникамъ царскую власть, удаляется въ Грецію; f. 20 лиц. об.: Il fu sire e empereour en Grece. Il s'en aloit en en Bisançe et illec s'arestoit, illec il fist une citez la plus belle e la greignor e la plus riche que de lors en auant fust faite ou secle. Il l'apeloit de son non Constantinople. Que vos diro-ge? Illec fist il son empire et le tint de part l'apostoille de Rome, e fu le pais apelle Romanie por ce que li romains i remestrent.

Далѣе говорится о нахожденіи св. Еленой честнаго креста; объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ и разрушеніи Іерусалима Титомъ и Веспасіаномъ въ наказаніе евреямъ за смерть Спасителя. Іосифъ

Аримаѳейскій найденъ при этомъ случаѣ въ башнѣ, гдѣ его въ теченіи сорока лѣтъ поддерживалъ его чудесный сосудъ, f. 22 об.: sa precieuse escuelle que li Bretons appellerent le Saint Graal. Съ нимъ онъ отправляется въ Британнію, проповѣдуя Христову вѣру.

Такъ распространилось христіанство; авторъ хочетъ особо разсказать (f. 21 об. и слѣд.) de cels qe se cristienerent parmi Ytaire par le preechement de mon seignor saint Marc qe preechoit en Aquillee e par le preechement des saint homes qe apres mon seignor saint Marc preechons en Aquilee e parmi Ytaire. Первымъ былъ св. Маркъ: apres ce que mon seignor saint Piere s'en alloit de Antioche en Rome et enuoia son desciple li euangelistre mon seignor saint Marc en Aquilee, e de Aquilee s'en retornoit celui euangeliste en Rome e mesire saint Piere l'ennoia en Alexandre ou il reçut mort. Св. Маркъ крестилъ въ Аквилеѣ ея царя и многихъ другихъ; вмѣсто него поставленъ былъ въ городѣ другой патріархъ; e por le saint batisme preechier en fu occis li autres qe estoit patriarche en Aquilee, qe l'en apelloit saint Hermachore, e maint autres prudomes, pulceles e ueue dames e mariees, por ce que il auoient receuz le saint batisme. Mes apres lor mort fu la cristine loi moult esaucie qe en Aquilee qe en la Marche Ioiose por le preechement de mesire saint Prosdocime qe fu euesqes de Patauie, la maistre cite de la Marche Ioiose, qe il conuerti le buen roi Uitalianz, piere saint Justine, e tote la Marche Amorose qe estoit en la subiecions de celui roi Uitalianz e qe apres sa mort fu en la subiecions de madame saint Justine qe fu pois morte por Maximiens empereres de Rome por ce q'ele ne uoust lasier la loi cristiene. Et adunc fist Dex maint miracles par li qe en Lombardie por les prechement des saint homes e por les miracles qe nostres Seignor Iesu Crist fesoit por lor proieres. Mes lors quant li paiens d'Ongrie e des autres contrees uirent ce e qe le saint batisme estoit multipliee en Ytaire, si distrent qe il les destruiront touz. Il auoit en Ongrie un rois que l'en appelloit Ostrubalz, celui rois auoit une file mout belle

damoiselle de sa feme. La mere a la damoiselle estoit morte, qe neez fu dou lignage des Longobarz, e la damoiselle uenoit en aage de marierz, si l'amoit moult filz a baronz. La damoiselle estoit moult enparlant e comenzoit a amer por bmpr (amor)[1]) et estoit mout ioliue e la lxxxrlif (luxurie) la enchauçoit de iors en iors. Et li rois Ostrubalz la baoit a doner a fame Auradianz li filz li empereres de Constantinople. E ce fu qe Justiniens estoit empereres de Constantinople.

Quant li rois Ostrubalz d'Ongrie uit qe sa file estoit ioliue e si enparlant, si fist fermer une tor e la mist dedenz e li donoit maint damoiselles por li seruir, e fist fermer la tor sainz nul huis qe nul peust entrer dedenz ne oisir hors, fors a une corde li donoit l'em sa despense. Lors quant la damoiselle entra en la tor, son pere li donoit un petit liurier e li dist: Belle file, cest liurier voil ge qe tu nouris tant qe il soit d'aler en cace. Celle prist li liurier qe son pere li donoit, que mout estoit biaus e blanc come noif, si le nouri la damoiselle tant qe il fu grenet e uint en saut. Celui liurier couchoit souent ou lit de la damoiselle. Il auint une nuit que la damoiselle estoit toute nue en son lit e li liurier estoit deioste li. La damoiselle estoit escaufee de la lxxxrf (luxure), si adreçoit son nxentre (сверху: uentre) en uers le liurier, e li liurier sentiz la chalor de la damoiselle, s'adrfcokt (s'adreçoit) vers li, e pors le pechiez dou monde il cpnxkt (conuit) la dbmpksfllf (damoiselle) cbrnflfmf[n]t (carnelement). Grant fu li pechiez e doloreus le domage, qe la dbmpksfllf (damoiselle) fu fncfnktf (enceinte) df[n]fbnt (d'enfant). Molt furent a malase les damoiselles qe auec li estoient, quant elles uirent crpistrf (croistre) li

[1]) Въ слѣдующемъ далѣе эпизодѣ переписчикъ, или скорѣе, его оригиналъ, старался сдѣлать неразборчивыми слова, которыя считалъ соблазнительными. На л. 22 об. и 23 лиц. об. надъ нѣкоторыми изъ такихъ словъ другая рука вписала ихъ въ настоящемъ ихъ видѣ, и это выяснило мнѣ пріемъ, съ помощью котораго ихъ дѣлали невразумительными: согласныя не мѣнялись, гласныя замѣщались буквами, непосредственно имъ предшествовавшими въ порядкѣ алфавита, напр.: fncfnktf = enceinte, dbmpksfllf = damoiselle; непослѣдовательно: nxentre (сверху надписано: uentre).

ufntrf (uentre) a la file dou roi, e bien se perciurent au semblant dou liurier qe il auoit gfx (geu) a li, si le bouterent hors de la tor en li fousez ou il se noia. La damoiselle estoit tant iree e tant corocee que ne le baoit autre cause fors que a soi ocire, mes le damoiselles qe auec li estoient ne la leisoient pas ne peu ne grant seule, e lors en parlerent au roi. E quant il oï cest fet, il fu corociez a desmesure, e neporquant il dist que la colpe estoit toute soe. Lors la fist hoster de la tor et la donoit a fame a uns barons d'Ongrie qui moult en fut liez. Les noces furent grant e plenieres, que celui estoit moult rices hom e de haut lignaie. Si conuit sa feme, c'a l'enfanter tint l'enfant per suen, qe il le cuidoit vraiement auoir engendre. Mes quant l'enfant nasqui, il estoit demi a la semblance d'ome e demi a la semblance de chienz. Si en fu la doleur mout grant e mort eusent la damoiselle a tout l'enfant, se ne fust par trois chouses: l'une por la peour dou roi, l'autre porce qe li rois n'auoit nul heir, si estoit le roiaume de la damoiselle apres la mort de son pere; la tierce por ce que uns jueis qe mout estoit saie home de la loi et estoit de lui moult acointe, li dist qe celui enfant pooit bien auoir prise la semblance dou liurier qe la damoiselle auoit nouriz en la tor, quant son mari estoit auec li e la conosoit carnelement, se la damoiselle baoit a celui point au liurier de tout son cuer. E lors le traist auant l'estoire de Jacob quant il aloit a seruir Laban son oncle por ses files auoir a feme e qe il fist la couenance de auoir toutes les bestes uaires, e son oncles deuoit auoir les autre toutes. E le contoit l'enging que Jacob en fist, qe il escorçoit verges de maintes mainieres e les gitoit en l'eue ou les bestes beuoient, e li mascles les bsbkllogfnt (asaillloient) illec et au nestre de bestes uenoient toutes uaires. Tant dist li jueis de Jacob e des autres ensembles, qe il firent culpes e firent nourir l'enfant mout richement. E ensi fu Atile nez e non autrement. Mes celui jueis sauoit bien le estoire dou Menotaur qe auoit este nez en Cret d'un taure e d'une feme, dont il n'en descouuri pas l'estoire a celui point ne a cele foiz.

Выросши и воцарившись, Аттила наводитъ на всѣхъ страхъ своею храбростью и ненавистью, которую питаетъ къ христіанамъ. Его первый подвигъ — осада Аквилеи (города, построеннаго троянскими бѣглецами), гдѣ царитъ царь Menapus. Онъ выѣзжаетъ изъ города, и его люди бьются съ осаждающими (f. 24 лиц.: Cumanz, Blach, Ongre e Bolgre); въ поединкѣ съ Менапомъ Аттила сбитъ съ коня, но его люди его подняли. Менапъ и его братъ Ariochus, раненый въ бою, возвращаются послѣ вылазки въ городъ, а Аттила разгнѣванъ и выражаетъ своему коннетаблю Acinacus опасеніе, какъ-бы непріятели не учинили чего ночью. Но имъ не до того; Менапъ отослалъ раненыхъ въ Graz (Grado), а когда на другой день Аттила возобновилъ обстрѣливаніе города, и самъ туда бѣжитъ съ своими рыцарями и простымъ народомъ, напередъ обманувъ осаждающихъ извѣстной выдумкой: деревянными куклами, которыя и приняты за настоящихъ воиновъ. Обманъ узнанъ по соколу, безпрепятственно усѣвшемуся на одну изъ чучелъ; Аквилея взята, ограблена и выжжена.

Дальнѣйшій разсказъ переноситъ насъ подъ стѣны Corde, une uile mout belle e mout defensable qe l'en apelle Concordie (f. 25 об.); f. 26 лиц.: тамъ si s'estoit ia mis un prudome, rois coronez estoit e nouuellement cristienez il et sa fame, e son pere auoit este rois et estoit apelez Galayphe, dou linaie Uitalians li rois de Patauie, li pere saint Justine. Mout aidoit celui preudome les cristiens de tant com il pooit e de son cors e de sa ien. Il auoit une fame moult belle dame e cortoise et amoit molt la cristientes. Celui rois auoit non Gilius et la dame Adriane.... Il estoit rois de Patauie qe l'en apelle orendroit Padue. Il dist a la reine lors quant il se partoit de Peue (Павія? Падуя?) qe en uers la mer s'en alast e amenast auec els ses grant tresors, ses filz et ses files. Она высаживается на морскомъ островѣ, гдѣ построила часовню и назвала её les angelus Raphael. Жители Конкордіи также высылаютъ изъ города женщинъ и дѣтей en l'isle dou mer, s'apelerent li leus Caurol (Caorle = Caprula). — Gilius, li reis de

Peue (f. 26 обор.; надо-бы: de Patauie), запершійся въ Конкордіи вмѣстѣ съ Cordes li rois de Concordie, выходитъ на встрѣчу Аттилѣ, которому былъ ночью вѣщій сонъ: между прочимъ онъ видитъ uns home qui li trençoit la teste. Значеніе этого сна объясняетъ ему какой-то sortier: Аттила побѣдитъ и на этотъ разъ, но будетъ убитъ впослѣдствіи мужемъ, представившемся ему въ видѣніи. Sortier указываетъ его — въ Gilius'ѣ, предводителѣ перваго непріятельскаго полка. Аттила хочетъ отвратить исполненіе своего сна.

Битва подъ Конкордіей; въ числѣ ея защитниковъ uns cuens de Peue, Peron, противъ котораго выступаетъ Armanas, uns Cumans. Король Конкордіи взятъ въ плѣнъ, но отбитъ однимъ рыцаремъ, Contarel'емъ. — Побѣда на сторонѣ защитниковъ города, но они видятъ, что имъ долго не продержаться, и ночью удаляются на корабляхъ. Участь города та-же, что и Аквилеи; жители и Gilius удаляются въ Anthenoride, городъ, названный впослѣдствіи Atilie, e l'en l'apelle orendroit Altin (f. 28 об.).

Всюду, куда ни показывается Аттила, жители напередъ бѣгутъ къ морю, гдѣ селятся и строятся на островахъ. Такъ онъ никого не нашелъ въ Feltre, Belun и въ одномъ замкѣ f. 29 об.: li casteaux auoit nom Ansul et Oudherz (Oderzo) de gastail e Treuis la cite Amoreuse. — Подъ Атиліею происходитъ битва и поединокъ Gilius'а съ Аттилой; и здѣсь жители удаляются (f. 29 об. — 30 лиц. перечислены ихъ новые поселки), городъ выжженъ и никогда не былъ съ тѣхъ поръ возобновленъ.

Gilius отправляется къ себѣ въ Patauie, клянется, что встрѣтится съ Аттилой и будетъ биться съ нимъ на смерть (женщины, дѣти и старики выселены; перечислены поселенія). — Аттила подъ Падуей, куда собралось, на защиту города, много ломбардцевъ; ихъ предводитель cuens de Pauie, Naimeris li lombars (f. 30 лиц. об.). Gilius ободряетъ своихъ (He prince d'Est et uos seignor uaillant!), а самъ онъ походитъ на Hector li ardiz qui deuant Troie per son cors seulement trespesoit les greignors batailles. Ударъ Gilius'а ошеломилъ Аттилу, его ратники его за-

щитили. На другой день онъ посылаетъ Gilius'у вызовъ: пусть помѣряется съ нимъ одинъ на одного. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Gilius повергаетъ противника на землю, хочетъ снять голову, но явились сидѣвшіе въ засадѣ угры и отбили Аттилу, который велитъ повѣсить ихъ и ихъ коней: зачѣмъ они вмѣшались въ дѣло, положенное между имъ и Gilius'омъ? Онъ защитился бы и самъ. — Аттила стоитъ подъ Падуей семь лѣтъ; не будучи въ состояніи дольше держаться, Gilius удаляется въ Rimans, куда за нимъ слѣдуетъ и Аттила (графъ Римини Asmonç; со стороны Аттилы упоминается военачальникъ Valgrus, f. 33 лиц.). — Въ битвахъ подъ Римини побѣда на сторонѣ Gilius'а; Аттилу снова посѣтило его вѣщее сновидѣніе, а Gilius'а извѣщаютъ о близкой помощи Acharins princes d'Est, Alfans cuens Visentinz et Marcels cuens de Feutre (f. 34 лиц.). Въ тотъ-же день является изъ Константинополя dux capitel, capitels li dux Daire, бывшій правитель Равенны; когда городъ отдался Аттилѣ, Daire отправился въ Константинополь къ императору Eradianz— и теперь явился съ обѣщаніемъ греческой помощи.

Приготовленія къ битвѣ; въ числѣ защитниковъ города упоминаются: Varnerins li marins, иначе: li marchis Varnerins de Fan.... par sa noblecez fu apele la Marche — Marche de Guarner; li cuens Asmont (выше Asmonç, графъ Римини); cuenz Asmodee (или Asmonde) d'Ancone; Matolsels de Rimanz li noble catains; со стороны Аттилы: Luculus, начальникъ куманъ; li rois Bougris Libamgratis или Gratis Libans (li bans?); Malducas li Blac. — Битва состоитъ изъ ряда поединковъ; и на этотъ разъ побѣда остается за христіанами.

Аттила посылаетъ къ Gilius'у рыцаря Artabius съ предложеніемъ f. 38 лиц.: que il (т. е. Аттила) le metra en saisine de ta uille se tu voi leisier la loi qe tu as prise. Gilius отказываетъ. Тогда Аттила зазываетъ къ себѣ въ шатеръ пилигрима, мѣняется съ нимъ платьемъ и въ образѣ паломника изъ Святой земли проникаетъ въ Римини. Онъ говоритъ на lange francische; около дворца Asmont'а онъ видитъ двухъ рыцарей, играющихъ

въ шахматы: Gilius'a и Asmont'a; присматривается къ игрѣ, выжидая время, чтобы поразить Gilius'a отравленнымъ кинжаломъ — и необдуманно провѣщился en langage de Ongrie, который Gilius понималъ, ибо въ Падуѣ у него былъ drugumans (f. 39 лиц.). Gilius узналъ его, Аттила принужденъ сказать, съ какою цѣлью пришелъ, и Gilius сноситъ ему голову. F. 40 лиц.: In telz mainiere com ge uos di fu ocis Atile li flagelzs Diex por la mains dou rois Gilius li bon rois Candians, si ensi de lui li Candiens qui se herbergere auec sa mere en Uenise.

Голову Аттилы показываютъ его войску; оно начинаетъ отступленіе подъ начальствомъ Panduccus'a (другія имена угрскихъ вождей: Gorsipels, Arieuels, Marieltes, Aribacels, Ascubelins, Alcucharis, Galulus). — Битвы по пути: на угровъ нападаютъ итальянцы и греческое войско подъ начальствомъ Eradius li filz l'empereour Constantinople (упоминается: Alexandre li nies l'empereres Justinius и др.). Угры поражены, Panduccus, котораго Gorsipels покинулъ, тайно уйдя съ своимъ отрядомъ въ Венгрію, проситъ перемирія, но и самъ удаляется тайкомъ. Избѣжавъ смерти отъ руки христіанъ, онъ нашелъ ее на родинѣ, отъ руки Gorsipel'я. F. 44 лиц.: De ce furent Ongres moult corociez, mes il ne le porent amendier. — Deo gracias.

Corociez — amendier въ концѣ разсказа отзываются риѳмой; въ самомъ изложеніи замѣтны эпическія общія мѣста: слѣды стихотворнаго оригинала — или знакомства автора съ стилемъ франко-итальянскихъ chansons de geste?

Въ заключеніи предложу нѣсколько поправокъ къ слѣдующему далѣе тексту познанскихъ повѣстей. Онъ былъ напечатанъ прежде, чѣмъ я могъ ознакомиться съ соотвѣтствующими западными версіями. Онѣ-то и указали мнѣ на нѣкоторыя исправленія, частью которыхъ я могъ воспользоваться при напечатаніи моего введенія.

Далѣе ссылки сдѣланы на страницы Приложенія.

Стр. 7, строка 4 сверху: чит. гулешскаго вм. сулешскаго.

Стр. 22, строка 3 снизу: чит. а ни вм. аки.

Стр. 25, строка 19 слѣд. Слѣдуетъ такъ разставить знаки препинанія: «Трыщанъ рекъ: Ѡ боже, коли бы то могло быти, быхъ ꙗ былъ здоровъ, не просилъ бых бога! Болшеи десети днеи панъна прыкладала зѣлье».

Стр. 39, строка 15 снизу: Потом, чит.: По том = во франц. романѣ ainsi.

Стр. 44, строка 8 снизу: едет Трыщан с одным пахолкомъ и з магушем. Чит.: съ одным пахолкомъ из (= съ) магушем, во франц. текстѣ: Tristan et le nayn. Сл. стр. 43, строка 14 снизу: рек магушу хлопцу.

Стр. 76, строка 15 сверху: Сорелонсъ, чит.: Сорелоисъ.

Стр. 81, строки 7—8 сверху. Надо такъ расположить текстъ: «съ сулицами *(Битва Трыщанова зъ Галиѡтомъ)*. Конец тых рѣчеи пустилъ сѧ ѡдин» и т. д.

Стр. 83, строка 14 снизу: сирелонское, чит. сирелоиское.

Стр. 94, строка 14 снизу: Долота, чит. До[мо]лота.

Стр. 124, строки 6—7 сверху: чит. «Анцолот виделъ ѡдного травника, а ѡн траву несеть и рече: Рыцэру, ѡно едеть рыцер» и т. д.

Стр. 122, 1 строка сверху: имаэт, чит. и маэт.

Стр. 129, строки 10—11 снизу: надо начать абзацъ со словъ: «Тутъ вернимо сѧ, поведаимо».

Стр. 131, строка 7 снизу. Чит.: «Убил єсми єго, пани. — За то хочу» и т. д.

Стр. 140, строка 9 снизу: гальца, читай: Гальца (ит. Galaço).

Стр. 160, строки 7—8 снизу: чит. поехал.

Стр. 171, 1 строка снизу: его, чит. еѧ.

Стр. 173, 2—3 строки сверху: чит. Кадыком.

—— строка 8 сверху: Матрынусъ, чит. Макрынусъ (?)

Стр. 181, строка 14 сверху: Мартиѧн, чит. Маркиѧнъ (?)

Стр. 232, 3 строка снизу: вм. Кэму чит. Рэву.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Починаетьсѧ повесть ѡ витезѧх с книгъ сэрбъских, а звлаща ѡ славномъ рыцэры Трысчан[е], ѡ Анцалоте и ѡ Бове и о иншыхъ многихъ витезех добры[хъ].

Былъ король имен[емъ К]левдасъ, ѡнъ мѣлъ [вел]икую любов с ко[ролемъ] Аполономъ, и длѧ ихъ великое любови мешкал ѡдинъ у другого. . . . . . прыехавшы со всими слугами и двором своимъ. И прыѣхал коро[ль] Аполонъ з двором своимъ до королѧ Клевдаса и мешкалъ в него до году. И была у королѧ Аполона кролеваѧ велми хоро[ша], а королѧ Клевдаса сынъ былъ велми добрыи юнак и витезь вельми добрыи, и розмиловал сѧ королевое Аполоновое великою милостю, и вже болшъ не мог терпѣти и мовилъ еи ѡ своеи великои ку неи милости, але ѡна ни которым ѡбычаемъ на то не хотела позволити, и рекла ему: ꙗко ты мнѣ ѡ том не въстыдиш сѧ мовити? Видевшы ѡнъ иж не могъ к тому прыити, ждал коли сѧ розъедуть корол Аполонъ ѡт королѧ Клевдаса до своего королевства, и тогды сын королѧ Клевдасов направилсѧ и взѧлъ зъ собою добрыхъ юнаков в товарыштство, и засѣл в дубровахъ ѡдных близко дороги, и коли сѧ [къ] нему прыближил король Аполонъ, а ѡни сѧ направившы ждали королѧ Аполона и вдарыли на него и его самого поимавшы ѡкрутне зранили, с которых ран жыв быти не мог, и [всю] дружину его побили. И рекъ король Аполонъ своеи королевои. . . . . ре так сѧ стало и таꙗ ѡкрутная смерть. . . . . а велми смутна и жалостлива И рекла. . . . . тое зло стало сѧ. И коли сѧ сы[нъ]. . . . .

ѡнъ увошол ув-однукомору высоку. . . . . [короле-] ваѧ уведена хотечы сполнити сво. . . . . Королеваꙗ то видела иж длѧ нее много . . . . [рекла] ему: ѡ лихии злыи человече, мои господаръ прышо[лъ] . . . . . . (стр. 2) длѧ [т]воеи доброе славы, а ты его ѡ смерть прыправилъ и хотѣл [б]ы еси еще мене посоромотити, але то не може быти. [И то] рекшы ѡтступила ѡт него и скочыла ув-окно вельми з вы[сокого] палацу и забиласѧ на смерть. Коли ѡнъ повѣдал и рек: ꙗ самъ. . м уморылъ такую королевую з сего свѣта так цудную. . . . . . ѡпатръностю. И ѡн плакавшы и казалъ ее погрести, послал [къ] королю Аполону ран гледѣти, и поведали ему ижъ жыв не может быти, и ѡн его казал пустити. И коли умер король Аполонъ, ѡтказалъ тѣло его в реку вкинувшы утопити. И коли вкинули в реку, был у него ѡдинъ хортъ, которыи ѡт него николи нигде не ѡтступовал, але за паном своим шолъ у реку плавом ищучы в рецэ пана своего, и нашолъ его велми у глубоком виру, и нѧвшы его за руку и выволок на берег зубами своими, и выкопавшы ꙗму ногами своими и положыл в неи пана своего и закопал песком, штобы его не нашолъ ни ѡдин звѣръ, и сѣлъ на ѡнои могиле, штобы мог видети.

И поѣхалъ король Клевдасъ в ловы и ехал ѡдным узречэм и много звѣру половилъ и ехал [ку] ѡдному городу, и прыближылъ сѧ ку ѡному хорту Аполонову. Хортъ увидевшы люди и почалъ выть велми высокимъ голосом; коли король виделъ хорта, и послал видѣти што ест. Ѡни поехали и видевшы поведали королю мовечы: Нам сѧ видит ꙗкобы человѣкъ ново укопан, а хорт стоит на гробе а нигдѣ не идеть зъ гроба. А король был велми мудръ и поехал сам видеть ѡного [хорта]. И реклъ: То ест хорт королѧ Аполоновъ, которыи . . . . а то ест мои наболшыи прыꙗтель [и]сказалъ . . . . могилу, штобы видѧлъ мертвеца, ... лъ иж былъ король Аполонъ, и вдa-[рылъ сѧ] . . . . сом, говорѣчы: Вже-ж есми загибъ . . . . и наибольшыи мои прыѧтель умер

. . . . ылю ему быти ухованy. И зсѣлъ и и ско чылъ . . . . и с плачемъ, со слезами, и казал его понести . . . . которыи былъ недалеко ѡттуль, и вбравшы (стр. 3) тѣло королѧ Аполона ꙗк ест потребно, положыл его въ кошт. . . . . . А потомъ корол Клевдасъ казалъ кликати по всим мѣстам [абы сѧ до]вѣдати, хто вморыл королѧ Аполона, хотечы того вел[ми великіими] даръми даровати если бы ѡ том хто што пэвн[ого ведалъ, а если же] бы хто ведал, а не хотѣл правды споведати, такои мает быти коломъ каранъ. И коли вышла ѡтъ королѧ зап[овѣдь. . . . дѣвка Аполонова] рекла: Государу королю, если бы еси был ѡ . . . . вѣдаю ѡ королю Аполоне, ꙗкою ѡн смертью [умеръ, и могу ти все] споведати; водлугъ твоего шлюбу прошу тебе. . . . . ласки. Рек король: ѡ што мене будешъ просити. . . . . дам ти. И дѣвка все споведала по раду, ꙗкъ сѧ его [сынъ розми]ловалъ королевое Аполоновое и не могъ ее инак . . . . ув-однои дуброве и вбилъ мужа ее королѧ Аполон[а. . . . . и всю дру]жыну его побил, и ꙗкъ сѧ королеваѧ убила зъ жа[лости по королю и потомъ] што сѧ чынило по раду ему споведала. И рек король Клевдас: Сын мои и мене загубил и Аполона. И послал по сына Аполонова. . . . . вати поки бы мѣл лѣта. И потом послал по своего сына, и коли ѡнъ перед него прышол, поглядѣлъ на него велми серд[ито и рекъ: Над]зъныи чловѣче, уморыл еси ѡдного ѡтъ добр. . . . . [наболь]шого прыꙗтелѧ у моим дому, а мене еси . . . . Але такъ хочу вчынити, ижъ ѡзмеш заплату. . . . . злого прыстоит. А коли ѡнъ вид. . . . . вое злое воли против себе, и заволал: Государу, ... король не порушыл сѧ ни ѡдным милосръдьемъ. . . . . казал ѡгонь класти и сына своего в него вкинути. Таꙗ дѣвка, котораꙗ то споведала, и поклекнувшы . . . : Государу королю, дерьжы ми свои шлюб ꙗкъ ми еси ѡбецалъ. [И король] рекъ: Дѣвко, говоры. И дѣвка рекла: Прошу тебе твоего сына. И король рекъ: Готов ти ест, але мает прынѧти смерть. И казал его вскинути ув-огонь. . . . . ѡн вмер. И рек король

дѣвцэ: ѡзми. . . . собѣ. . . . . ꙗ вола таковое немилосрдье. . . . . его и п[огрести]. . . . .

(Стр. 4) [Але то] ѡставмо и вернимо сѧ ку ѡному Аполонову дитати, которому имѧ было Кандиешъ, который у доброи ѡпецэ у королѧ Клевдаса покул был добрыи витез и великое доброты и за его. . . . . был государемъ корновалским и єлиѡноским и вси ѡба . . . . . ѧ король Клевдасъ дал за него дочку свою именем. . . . . и у великои милости и ласцэ. И сплодили дѣти. . . . . [стэр]шого поставили королем корновалскимъ, а молод[шого єлиѡноскимъ], а иные шли по свѣту рыцэрскимъ ѡбычаем . . . . а и так сѧ были по сторонах росплодили, иж не. . . . . . ꙗкии повиноватыи албо кревныи. . . . . . дал королевство корновалское у руки королю Пелишу, ѡнъ. . . ем Марка, што сѧ вродилъ марта мѣсяца, а другого. . . ь былъ близко смерти, ѡн коруновалъ сына своего. . . . . на королевство корновальское, король Марко далъ сестру. . . . за королѧ Мелиꙗдуша, которыи былъ велми. . . . . у Єлиѡносе. Єлиобела королеваѧ была велми. . . . . . и собою у великои милости жыли и дивне сѧ назбыт. . . . а королева жыла за ним много лѣт, а детеи не мѣла, а потом. . . . жывоте плод носила, и все королевство. . . . узрадовало сѧ жедаючы мѣти потом. . . . на. И поехал корол у ловы з мно[гими рыцэры], и прыехал къ ѡднои воде, пры которои умеръ. . . . А прыехала ѡдна дѣвка, котораꙗ его [велми любила болшъ] нижли сама себе ѡт многих лѣтъ, длѧ [тое милости ѡна сама его] могла наити и рекла: Много говорать. . . . . . . быx ꙗ такую доброт познала, ꙗ быхъ тебе прывела у таковое мѣсто, гдѣ бы ты пры вечере видел цудную рѣч, ꙗковое еси давно не видалъ. Корол будучы велми добрыи рыцэр жедал видети тую реч. Ѡна рекла: ꙗ тебе поведу там. И король сѣл на конь и рекъ дѣвцэ: Вседаи, поеду за тобою. И ѡна ехала дорогою. . . . омъ ехала. . . . . . а потом ночъ была в. . . . . [вид]ели велми. . . . . . вшы. . . . . чили (стр. 5) многие велми весело прынѧли конѧ под королем и зброю. А то был город ѡное дѣвки; ѡна его повела ув-одну велми хорошую комору, и коли был король у ложницы, преме-

нило сѧ королю сэрцэ и мысль и не была ему на вмѣ его королеваѧ а ни Єлиωнос королевство его ни слуги, толко ωнаѧ дѣвка, котораѧ его увела до тог[о] города иж был дивно зачарован.

Видевшы то королевы витези, иж не было королѧ колко ден, и ехали его искати и не могли его наити а ни ω немъ вѣдомости мѣти. И ωнаѧ королеваѧ взавшы зъ собою ωдну дѣвку и сама поехала искати королѧ Мелиѩдуша, абы то могла ω немъ ѩкую вѣдомост мѣти. И вехали у великое добровы и много блудили, ищучы по всих сторононах королѧ, и поткали Мерлина пророка, и Мерлинъ поздравил кролевую. И ωна ему на то рекла почесчене и рекла: Добрыи человече, если будеш слыхал албо маеш ѩкую вѣдомост ω моемъ пану королю Мелиѩдушу, которыи згибъ без вѣсти, длѧ бога повѣдаи ми, если жыв естъ. Мерлин рекъ: Госпожо, правду тобѣ повѣдам, иж ест жыв, здоров и вельми весел такъ, иж николи перед тым так весел не бывал; але ты вже его своими ωчима не можеш видети. И то рекшы згинул ωт нее, и ωна была вельми жалосна и почала тужити и плакати, кленучы день рожена своего и годину тую, в которую сѧ родила; и хто бы тое видалъ не был бы такъ твердого сэръца, штобы на нее смотречы не плакал, и королевои розмножыла сѧ жалост и не могла далеи ехати и зсѣла ис конѧ. И прышло з оное туги часъ . . . . пороженьѧ и почала просити Бога мовечы: Господи боже ωтпус[ти]. . . . . . мое и прыими в ласку душу мою. И рекла еи дѣвка: Государине, ѩкъ сѧ чуешъ? Рекла королеваѧ: Тут вже мои конец, толко бы мѧ Богъ простилъ ωтъ беремени, што быx могла породити, а надо мн[ою] нехаи его сватое милости будетъ волѧ. И рекла: Государине, чы. . . . усѣсти на конь, ѩ быx ти помогла, ехали быхмо. . . . мѣ. . . . гдѣ бы могли мети огонь. Рекла [королеваѩ]. . . (стр. 6) не може быти, тут мои конец, проси Бога за мене. И дѣвка почала вельми грозно плакати и не вѣдала, што мѣла вчинити ωт жалости. И тую всю ноч мучыла сѧ, иж ее государинѧ въ великои болести была, а рано на свитаньи породила доброго витезѧ, а сама сѧ приближала къ смерти. И рекла дѣвцэ, котораѧ деръжала дитѧ: Дай ми мое дитѧ. И дѣвка еи подала, и

видевшы королевая дитѧ наипудненшое, которого перед тым николи так пудного не видала своими очыма, и рекла: Сыну мои, велми есми тебе жедала видети, але коли тѧ вижу з ласки божое наипуднеишое дитѧ, которого-м нигде николи не видала ѡт жоны роженаго, да твоꙗ краса мне ничого добраго вчынити не может, толко смерть длѧ великое муки, которую пры пороженю твоемъ маю. Прышла єсми жалосна на сеє мѣсто и в жалости есми тебе породила, але ми таꙗ жалост у веселє сѧ ѡбернула длѧ твоего порожена, и хоче быти вже мои конец. А ты сѧ в жалости родилъ, и нехаи тобѣ будет имѧ Жалост. А коли бы пан бог жывотъ твои в веселє и в радость обернулъ и его провадил! И то рекшы подала дитѧ дѣвцэ и сама Богу душу дала.

И в тотъ сѧ часъ родилъ добрыи витез Трыщан, которого чудные дѣла и доброе витезъство и цудные рѣчы хочу вамъ споведати и ꙗк єго девка везла. И коли девка видела свою государиню умерлую, ѡна почала плакати и драти лицэ свое и было ее чути велми далеко, и на голос тое дѣвки прыехали два витези, ѡни были кревные и близкиє королю Мелиіѧдушу. Коли ѡни видели дѣвку и дитѧ прыкрыто кролевое плащомъ [и кро]левую мертву, ѡни рекли: Коли король Мелиꙗдуш сгибъ [и ко]ролеваꙗ мертва, убимо мы тое дитѧ а будемо [гос]подары Єлиѡносу. И то чувшы дѣвка прыступила к нимъ и рекла им: Витези, не грешите передъ Богомъ душею и вмомъ, [не] вбиваите того дитѧти, а ꙗ вам прысѧгаю вѣрою и душею, [шт]о его хочу понести ув-ынную землю, гдѣ ѡ немъ николи вѣсти не [будетъ]. Ѡные витези дали дитѧ дѣвцэ и взѧли короле[вую] . . . . [не]сли ее у городъ. И люди почали говорити: Королеваꙗ были беремѣнна, гдѣ сѧ подѣло дитѧ? И ѡни сѧ ѡтмовлѧли иж не вѣдают дитѧти, нижли не могли сѧ ѡтмовити о том.

И прышолъ Мерлинъ пророк и рекъ им: Вы єсте нашли королевую и дитѧ и хотели єсте дитѧ забити, нижли его дѣвка ѡтпросила, а то єсте хотели длѧ того учинити, абы сѧ вам таꙗ землѧ ѡстала. И еще рек Мерлин: Панове, ꙗ вам повѣмъ вашого королѧ Мелиѧдуша, которыи забыл самъ себе и своего коро-

левства и вас всихъ слуг своих. Ѡни почали говорити Мерлину: Просим тѧ, пробогъ, повѣдь нам нашого пана королѧ Мелиѧдуша. Рек Мерлинъ: До трех ден єго увидите. И вбачылъ Мерлинъ одного младенца, которыи был кролевства сулешского, именемъ Говорнаръ, которыи былъ побег з дому боѩчы сѧ ѡтца своего и брата, а былъ велми добрыи и мудрыи. И рек: Пане Говорнаре, ѡзми сына королева и ховаи его а вчы мудрости и рыцэръству, иж ѡнъ къ таковои доброти хоче прыити и к рыцэръству, хотѧ не хочеш, им сѧ ѡпекаш. И ѡн ѡтказалъ: Ѩ тебе не знаю, ѡднакож его ѡзму на мою волю и на мою науку и в ѡпеку, ѩ его хочу ховати и опекати сѧ ѩкъ наболеи буду мог. А Мерлинъ рек: ѩ тобѣ єто давам. И потом поехали ѡба вмѣсте и другого днѧ прыехали к однои рецэ, котороѝ имѧ Брыкинѧ. С тое реки еслибы котораѧ жона пила, не зносила бы дитати до часу. И подле тое реки был столпъ мурованыи и на нем слова были вырыты здавна, которые говорылы: У сее воды хотѧт сѧ собрати наибольшые тры рыцэры. Мерлинъ указалъ писмо, рекъ: Што то ест? Рек Говорнаръ: ѩ чту слова а не вѣмъ, которые то вите[зи]. Рекъ Мерлинъ: То мають быти наибольшые рыцэры на свѣте, Гал. . . . а Ѡнцалот и Трыщанъ, которого (sic) мают быти высокого сэрца и рыцэрства, иж свѣт маєт мѣти ѡ нихъ великую реч и великую доброть, и ѡдин з них маеть быти королевичъ всего королевства. Але сѧ варуи абы не погиб твоим ѡпеканемъ. Рек Говорнаръ: Моимъ ѡпеканем не маетъ погинути поки ѩ буду могъ. И коли поехал ѡттуль и прыехал къ дѣвцэ, котораѩ ховала (стр. 8) дитѧ, а вже была его крестила и дала ему имѧ ѩк королеваѧ нарекла. Рекъ Мерлинъ девцэ: Понеси дитѧ у город, бо негодно єст тутъ держати, може там наити ѡтца своего. Дѣвка понесла его у Єлиѡнос, а Мерлин поехал с панами гдѣ была ѡнаѧ панна королѧ Мелиѧдуша зачаровала, и там ее зымали и рекли еи: Забъем тѧ если намъ не споведаеш королѧ Мелиѩдуша. И ѡна много хитровала ѩкъ бы его не дала, што его вельми миловала болшъ нижли сама себе; и ѡни ее грозно працовали, и ѡна рекла: Поидити, дам вам

вашого пана короля Мелиадуша. И велми сѧ възрадовали, з великим веселемъ прышли у Єлиѡнос, тут со всим народомъ вчынили великое веселе. За тым прыехала дѣвка з дѣтем у Єлиѡнос, подала его королю ѡтцу его, а корол был велми жалостен по королевои, коли видал дитѧ потешылъ сѧ, ѡ котором внимал абы дитѧ з нею погибло. Коли панове видели Трыщана и рекли: Вси есмо нинешнии день весэли, и рекли на Мерлина: Пророкъ тот тобѣ много доброго вчынил. И реклъ Мерлин: Тое добро, которое есми вам вчынилъ, вчынилъ есми болшъ длѧ иных нижли длѧ васъ. А тепер вамъ говору: Мѣите ѡпеку ѡ томъ дитати, бо ѡн мает прыити на великое добро человѣчество и на славу сего свѣта.

Король то бачечы велми сѧ дивил и, ѡтведъ Мерлина, просил его абы ему споведалъ, што ест ѡнъ. Мерлин рекъ: Могу ти споведати, але ты мѧ никому не повѣдаи. Король сѧ ему обецал; ѡнъ рече: ꙗ есми Мерлинъ пророк, ꙗ прышолъ вынимати тебе съ поиманꙗ, у котором тебе была панна зачаровала, а то есми тобѣ вчынилъ милуючы твоего сына. Рекъ король: Пане Мерлине, повѣдь ми, што ти сѧ видит ѡ моемъ сыну? Рек Мерлинъ: Маетъ быти трех рыцэровъ наибольшыи рыцеръ велми твердого жывота и многимъ будет потребен, и не даи его в опеку никому толко Говорнару изъ Галиуша, то ест человѣкъ вельми добрыи и верныи, тот сѧ имъ мает добре ѡпекати. Рек король: Будь так ꙗкъ ты велиш. Потом Мерлинъ ѡттоле проч пошолъ [и] на жадные прозбы не хотѣлъ сѧ унѧти. И потомъ король шолъ къ дѣвцэ и къ своему сыну и пытал (стр. 9): Вжэ ли крещено дитѧ? Рекла дѣвка: Уже. Рек король: ꙗкъ ему имѧ? Рекла дѣвка: Пане, имѧ ему ест Трыщан, так ему матка его дала имѧ умираючы. Потом позвалъ король Говорънара и рек ему: ѡзми сына моего на свою науку и ховаи его и ѡпекаи сѧ имъ так вѣрно и мудро, ꙗк бы еси у сороме не былъ, и прыстав к нему мамку ꙗкъ ест панѧти годно.

То ѡставмо и поведаимо ѡ короли Марку корновалском.

Корол Марко мѣлъ в себе брата молодшого именемъ Пэрлу,

доброго рыцэра. Въ тот часъ коли сѧ Трыщан родил, прышли послы изъ Орълендэи у Корновал просити дани, которую были долъжни ѡт семи лѢт. Кгды то споведали королю Марку, ѡнъ былъ велми смутен; и видал то брат его Перла, што сѧ корол застрашыл, а было много людеи у гостилницы. Рек: Прыступи каждыи слухаи. И рек: Не лекаи сѧ, королю Марко, не даваи дани, але ѡтоими сѧ мечомъ на поли, занюж если умрешъ ѡт меча, почесно умреш. Рек король: Которую дань давали первѣи, и теперъ того не могу ѡтняти сѧ. И рек Перла: ꙗк которое перво глупе чынили, такъ и ты хочешъ.

Король знал брата своего велми доброго рыцэра и смѣла и милована ѡт добрых людеи и вмыслилъ забити его, абы ему панъства не взалъ, и не был того долго. Поехали ѡба в ловы и спрацовали сѧ и прыехали к одной рецэ. Король сѧ напил, а Пэрло прыгнулсѧ пити, король вынялъ мечъ и тялъ брата Перлу по голове велми моцно, и Перло тогдыжъ умеръ. Корол здрадне вбил брата Перлу по голове велми моцнымъ ударом и скоро сѧ то стало, тогожъ часу Мерлин далъ знати Анъцолоту доброму рыцэру; потомъ Анъцолотъ ударылъ короля ув-очы: Ты-сь здрадне вбилъ доброго рыцэра брата своего.

То ѡставмо и вернимо сѧ до Трыщана, которого Говорнаръ взял на свою ѡпеку ѡт корола Мелиꙗдуша.

Которыи король Мелиꙗдуш былъ великии час не женившы сѧ после королевое Єлиѡбелы. Потом взялъ королевну з Малое земли за себе; ѡнаꙗ пани была досыт цудъна. (стр. 10) А коли ѡна была прышла, в тот час было Трыщану сем лѢтъ. А былъ так цудныи, иж на свѣте не было ему ровни, толко Анцэлот. А былъ у мачохи его сын, и ѡна коли видѣла Трыщана так хорошого и борздо ростучи, боєчы сѧ, ижъ подъ ее сыном ѡзметь панство, а сыну ее был ѡдин годъ, и вмыслившы рекла: Хотѧ ми умерети, а мушу Трыщана вморыт. И не могла иным, толко трутизною. Потомъ направила трутизну у флѧшу серебреную в питье и поставила у головахъ в ложи, и ѡдна панна носила королевича сына ее, ушла в ложницу, а дитѧ почало

плакати. И видѣвшы дѣвка вино у флашы свѣтло, взавшы напоила дита, а и кгды дита напоила, тогож часу умерло. И дѣвка видѣвшы закрычала плачом великим, и збѣгло са множство людеи и вбачыли дита вмерлое, говорыли дѣвцэ: Ты-сь смерти заслужыла иж королевича уморыла. Кгды королевана прышла на шныи гук и видѣла сына своего мертва, пала на землю и сомлѣла, и коли прышла къ памети и мовила шнои дѣвцэ: Што-м тобѣ злого вчынила иже-с ми сына вморыла? И девка штказала: на его не морыла, але уморылъ его тот, которыи трутизну тую поставил. Дѣвку инали и прывели перед корола. А король былъ велми смутенъ и рек дѣвцэ: Ты-сь винъна. Шна мовила: Тот виненъ, хто тую трутизну нарадилъ. Рек король: Пустите ее, шна тое трутизны не радила, лечъ хто злыи ненавидечы того дитати то удѣлалъ. А Говорнаръ, которыи был велми мудръ, рекъ: Пане, рач вѣдати, таа трутизна направлена тобѣ або твоему сыну, тепер будь шпатрен а умѣи са стеречы. Трыщанъ, которыи естъ у моеи шпецэ, даи его на мене, дали богъ будет добре шпекан. И корол добре позналъ иж таа трутизна справлена на когоколве з нихъ, имѣлъ раду съ своими паны потаи, нак бы мѣлъ наити хто то учынилъ. Шни ему штказали: Треба са тобѣ и Трыщану стеречы. А королевана была вельми жалостна уморывши сына злою справою и нешпатрностю своею и волела бы сама умерети и мыслила на своемъ сэрцу: Толко есми сына вморыла (стр. 11), а чого есми хотѣла того не вчынила. И почала са старати на кождыи день. А Говорнаръ, которыи мѣлъ в себе мудрост, бачылъ кождого дна ее рѣчы и погледы и почал са домышлати, иж шна мыслит ш смерти Трыщану, што шна была нарадила тую трутизну на Трыштана, и мовилъ ему: Если ты шбцовати будеш з мачохою, добудеш смерти; чсти ее и вгожаи еи, але варуи са ести и пити шт нее, нижли што на тобѣ дамъ, тое ежъ и пи. И рекъ Трыщан: на не впущу жадного росказанын твоего.

И было одного дна лѣте, седѣлъ король шдин в ложницы, и хотѣло са ему пити; прышолъ к нему Трыщанъ, король рек:

Сыну, принеси ми пити. И ѡтворыл ѡдну ѡлмарею где стоꙗли добрые питьѧ, и нашолъ ѡдинъ кубокъ чыстое трутизны и взавъшы прынесъ королю, а королеваꙗ прышла в тот час и вбачила в королѧ кубок в рупэ и закликала: Пане, длѧ Бога не пи того питꙑ. Король рек: Пани, што то ест? И ѡна не смела ему поведати, ижъ то трутизна, и мовила: Не добро то тобѣ пити. Рек король: Длѧ чого его ховаешь? Ѡна вмолкла, а король мѣлъ болшое розмышлене а гнѣвъ.

Трыщанъ прышолъ и пал на колѣне своемъ и на королевы поклонилъ сѧ з великою покорою просечы в него ѡдного дару. А король его миловал большъ нижли сам себе, и не домыслилъ сѧ абы мѣл о королевои просити. И король рек: Не проси, але сам ѡзми, ничого ти мною не заборонено. Трыщан тое чулъ и велми покорне и вдачне подѧковалъ ѡтцу своему и рекъ: Пане, ты-с ми далъ королевое жывот, покорне тѧ прошу абысь еи отпустил гневъ, которыи маешъ на нее, не радъ бых то видалъ абы моꙗ мачоха и моꙗ пани умерла тымъ ѡбычаем. Король былъ велми мудръ и не бачыл зрады ни ѡт кого толко ѡт нее, и не рад бы еи ѡтпустилъ. И рекъ: Сыну, хто тобѣ сее радил? Трыщанъ рек: Бог вѣ, ни с кимъ сѧ есми не радил, але правда и подобность моꙗ на то мѧ вела, иж ми сѧ то неподобало абы моꙗ пани згинула коли еи могу жывот заховати. Рек корол королевои: Выпи тот кубок: Рекла ѡна: Не буду. И король мовилъ: Тобѣ есть погинути што еси хотела Трыщана або мене уморити. И рек еи: Поведаи борздо, (стр. 12) на кого еси тую трутизну нарадила? Ѡна рекла: Не на тебе. Рекъ король: Але длѧ кого? годно ти погинути! Королеваѧ почала крычати: Королю, для Бога буд ми милостив! Рек король: Поведаи борздо, и взѧлъ мечъ и рек: Поведаи, або теперъ умрешъ. И коли сѧ ѡна видела пры смерти, рекла: Ꙗ-мъ то вчынила на Трыщана. Рекъ король: На мою вѣру собѣ еси смерть нарадила, иж тобѣ Трыщанъ невинен былъ ничымъ. И казалъ ее повести у везэне и собралъ пановъ и положылъ тую речъ перед ними и мовилъ имъ: На мою вѣру еслибы есте правдиве

судити не хотели, то вамъ будеть смерть. Ѡни рекли: Годно еи ест умрѣт, а инакъ не може быти дла того, што хотѣла сына твоего уморыти. И король рекъ: Тот суд вашъ не будеть рушон. И коли то пание увѣдали, почали велми плакати и чынити великую жалость, што ихъ панеи королевои вмерети, и не рекли ничого; а король рек: Сыну мои Трыщане, ты еи мыслил вѣрую доброть, а ѡна зло и зраду, и хотела та вморыти, але горшеи са еи стало нижли заслужыла. Будь такъ ꙗкъ ты хочешъ, нехаи будет тобою вызволена. Ѡн за то покорне подаковалъ ѡтцу и збавилъ мачоху ѡт смерти. И былъ Трысчанъ фален ѡт всихъ людеи добрыхъ въ Єлиѡносс и вси говорыли: Коли прыидеть к лѣтомъ, не хыбит великое доброти. И королеваа ѡстала вов-покои пры короли, але король не мѣл на нее ласки, леч толко ненавидал со всего сэрца.

Потомъ немного минувшы король поехал в ловы з доброю дружыною а с нимъ Трыщанъ и Говорнаръ абы са учыл лову, и ехали по дуброве, али прыехали два рыцэры у зброи и со всею бронею, и спытали: кое тут естъ король? Ѡни рекли: ѡто король и з сыномъ. Рекъ Говорнаръ: Што говориш? Нѣтъ тутъ егѡ сына, ѡставилъ дома. И прыступили тые рыцэры, рекли королю: Ты намъ не чынилъ ничого злого, але нехто иныи с твоего двора мыслит насъ погубити и тепер мыслимо збыти того если узможемъ. И вынавшы мечы нихто не могъ того оборонити абы король не был раненъ смертною раною у голове. А ихъ ѡбѣыхъ тутъ же забито. А ѡни ѡбадва были плема (стр. 13) кнꙗзю из Нороту, которые были наиболшое племa ѡт Корновали. То имъ была ѡднаа ворожбитка поведила: вам погинути ѡт корола Мелиꙗдуша двора. А в том имъ была рада ѡт корола Марка корновальского, иж ѡнъ боꙗл са Трыщана, если прыидет к лѣтомъ, абы его с панства не выгналъ, ꙗкъ была ѡнаа ворожбитка рекла, ꙗкож и потомъ, коли Трыщанъ прышолъ к лѣтомъ, прышолъ изъ своею дружыною и вбилъ кнꙗза изъ Норота своею рукою и сказилъ город ихъ, ижъ там камень на камени не зостал.

А кгды короля боıаре видели мертва, ѡни не вѣдали штобы мѣли вчынити, рекли межы собою: Ни ѡдинъ панъ не есть так зле въстережонъ ѡт своих ıакъ нашъ ѡт насъ. И Трыщан плакал много со всими людми своими, и прыправили носило на два кони и понесли короля. А коли были близко города, и люди зъ города вчынили великии плач и жалост по немъ и погребли почестно ıак слушыт на такового пана.

И коли то увидел король Марко, почал много мыслити ѡ том. И пришолъ к нему ѡдинъ хлопец, которыи болшеи вѣдал нижли иные люди по Мерлину и все што мает быти, и для того его корол большеи любилъ. Рек королю: Мысль борздо, хочет твои сестренец Трыщанъ учынити тебе велми жалостна. Рек король: ıак то може быти абы Трыщан к тому рыцэрству прышол? Рек хлопец: Мает на то прыити иж на свѣте не будет рыцэра над него. И король умолкъ. И Говорнар, которыи был велми мудрыи, бачыл, што мачоха его еще ненавидит иж бы ся еи таıа земля ѡстала, и ѡтведъшы его проч и рекъ: Мои добрыи прыıателю и сыну, твоя мачоха тебе велми ненавидит и мыслит тебе вморыти, поедмо у Францыю потаи ик королю Перемонту, там ся навчыш мужству и будешъ человѣкъ знаменитыи, а коли розвѣдают твою доброть, прыидеш на рыцэрство, тогды поедешъ у Єлиѡнос на свою ѡтчызну, нихто ти не будет смѣти рѣчы штобы тобѣ невдячно. Рек Трыщан: Мистре, гдѣ ми ты узвелиш, тамъ ıа хочу поехати, занюж не нахожу болшеи прыıазни ни ув-одномъ человецэ ıако в тобѣ. Рекъ Говорнаръ: Нарадимо ся, поедьмо завтра по зоры. Заказал (стр. 14) Трыщану, и нарадили ся ıак было имъ потреба и взяли з собою золота и серебра досыт и ехали тыи день до Францэи икъ королю Перемонту. Говорнаръ заказал Трыщану же бы ся не поведалъ хто а ѡткуль естъ. И Трыщанъ мовилъ: ıа радъ тебе слухати. А кгды прыехали до короля Перемонта, король его вдячне прынялъ и казалъ ему дати добрую господу. Трыщанъ почалъ рости и лѣпъшати и в малых днехъ иж ся єму дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы лепшеи надъ иныхъ, и всякое

его доброти не было ровни, а нихто такъ строине не мог на кони седѣти ꙗкъ ѡн.

И коли ему было дванадцат лѣт ѡнъ былъ великое доброти и мудрости во всѧкои его речы, пание и панны и кождыи человекъ дивовали сѧ ему которые его видели, и кождаꙗ была пани и панна рада тому абы их Трыщанъ миловалъ.

Трыщан ѡнъ тэж служыл дворно и почесно королю Перемонту, а король иншыхъ панѧтъ на дворе своемъ не ставилъ ни за што напротивку ему, а нихто тэж не знал его хто а ѡткуль ест. И мѣлъ тот король ѡдну дочку панну велми пекную, таꙗ сѧ розмиловала Трыщана и мовила: Человѣчее ѡко не видало такъ цудъного младенца ꙗкъ Трыщан естъ; и коли его гдѣ видела, ѡчи ее и мысль не была инде, толко при нем. Такъ его миловала ꙗкъ сама себе и не могла сѧ домыслити, ꙗк бы мѣла к ласцэ его и къ милости прыити и с ним пополнити волю свою, и мыслила ѡ том: Если ему дати знат, ѡн к тому не прызволить, еще молод, не сквапит сѧ ку такои милости. Але коли бы ми сѧ ѡбецал миловати мене, ꙗ быx ждала до его часу, и волѣла быx его ждати нижли быти королевою наибольшою наибольшого королевства. Але бою сѧ иж не всхочет длѧ молодости и несмѣти будет [длѧ] ѡтца моего того вчынити.

И нѣкоторого днѧ ѡна седела на впокои в однои коморе и казала къ собѣ [позв]ати Говорнара и рекла ему: Пане Говорнаре, ꙗ милую твоего Трыщана большеи нижли себе, прошу вас за то, прыведи его на то абы ѡн мене миловалъ. (Стр. 15) Если бы ѡн того вчынити не хотѣл, прыправлю его къ великои легкости. И Говорнаръ то слышалъ и засмутилъ сѧ и не вѣдал штобы мѣлъ с тымъ вчынити, и мыслилъ не малую филю: если бы Трыщанъ мѣлъ то вчынити, а король бы сѧ того довѣдалъ, каралъ бы его непочестне. И ѡтказалъ еи: Добре милостиваѧ королевна, длѧ вашеи милости то вчыню, буду то ему мовити иж бы ѡн твою волю пополънилъ, але ѡн естъ молодъ, если сѧ такъ борздо не станет, не меи на него гнѣву. И ѡна ему подѧковала велми вдѧчно, и за тым Говорнаръ шолъ до господы и былъ смутен

и почалъ мыслити: Если Трыщанъ то вчынить, то зле, а не вчынившы тэж недобре. И мовилъ Трыщану: Што мыслишъ вчынити? Королевна тебе назбыт милует, еслибъ еси ее миловати не хотѣлъ, ѡна хочет сама себе уморыти. И Трыщанъ ему ѡтказалъ: Єсли мѧ милует збыточною милостью, ꙗ того не вчыню, нехаи збыток пры неи, бо ꙗ зрадцою пану своему быти не хочу за тую его ласку и почесност, которую ѡн мне чынитъ, а не знаючы мене, хто а ѡткуль есми. Кгды то Говорнаръ слышалъ ѡт Трыщана, велми сѧ тому дивовалъ иж в таковои молодости бачылъ на таковую почестность, бо ѡного часу толко было ему трынадцат лѣтъ. И еще его Говорнаръ большеи коштовалъ в том и рекъ ему: Длѧ чого не хочеш такъ цудное панны миловати? Трыщанъ ему рекъ: Цудност ее не может мене прывести ку зраде, а если быx к тому прызволилъ, ꙗк ты мнѣ в томъ раду додалъ, але тобѣ было мене ѡтводити ѡт того. И на завтреи королевна прызвала Говорнара и рекъла ему: Доведал ли сѧ еси ѡт Трыщана? Ѡн рекъ: Трыщанъ вас милует дворною милостю, нижли того не хочэ вчынити што бы было ку зраде ѡтцу твоему. И рекла королевна: Такъ ли сѧ Трыщан со всимъ ѡт мене ѡтнесл? И пошла велми смутна, кленучы ден тот, в которыи сѧ родила, и увошла в ложницу и плакала велми грозно. И ѡдного днѧ была ѡна в ложницы в розъмышленю ѡ милости Трыщанове, а тая ложница была темна, в которои была ѡна. Трыщанъ шол мимо в другую комору, не вѣдаючы што ѡна там естъ. И ѡна его убачывшы выскочыла а въхватила его за горло ѡбѣма руками и почала цаловати и миловати, а ѡнъ, боечы сѧ (стр. 16) же бы его хто не вбачыл, и почал ее ѡтъ себе ѡтпихати ѡбѣма руками. Ѡна то ѡбычавшы, иж того мѣти не может чого хотѣла, закликала великим голосомъ. И почувшы рыцэры королевы и король не познал, что его дочка, и побегли тамъ рыцэры королевы и застали, а ѡна за горло Трыщана держыть и почала жаловати сѧ: Панове, Трыщан мѧ хотѣлъ зкгвалътовати. И ѡни поимали его и прывели до королѧ, поведали, что видели и

слышали ѡт панъны. Король засмутилъ сѧ велми и рек: ꙗ тебѣ честую ꙗкож ест ꙗвно всимъ людемъ, а ты прыводишъ мнѣ ганбу а тым собѣ смерть дѣлаешъ. И казалъ его вкинути в темницу. А Говорнаръ в тот час был на господе и доведалъ сѧ, што Трыщанъ естъ в темницы, и был ѡ том велми жалостен, рек самъ к собе: ꙗ есми загиб, нигдѣ не мам веселꙗ, а ѡ собѣ не вѣм што ми будет.

И шолъ Говорнар до королѧ, и которые его стречали, тые его соромотили говоречы: Так ли еси вывчил Трыщана? ѡн тепер впал въ зло. А Говорнар шол молчъкомъ и прышол перед королѧ и прыклекънулъ на колене, рек: Пане, длѧ Бога змилуи сѧ, выслухаи речы моее! И корол мовилъ: Говоры. И Говорнаръ рек: Пане, буд тое почестно заховано, навпокои хочу вамъ поведати. Король шолъ в одну комору, а Говорнаръ за нимъ и сказал ему все по раду, ꙗкъ ест королевна розмиловала сѧ Трыщана и мовила ему въ своеи речы посылаючы до Трыщана, и ꙗкъ еи Трыщанъ ѡтказалъ.

Король то слышалъ и не почал великого сэрца мѣти на Трыщана, нижли еще в том во всем Говорнару не доверал, и рек: ꙗ того хочу скоро доведати сѧ; если будет правда, тогды будет прост, а если будеть виненъ, хочу ему вчынити ꙗко винному.

И пошолъ Говорнаръ ѡтъ королѧ. А корол послалъ по дочку свою и рек еи: Дочко моꙗ милаꙗ, што мыслишъ с Трыщаном? ꙗ ему хочу зло вчынити, а твоеи легкости помстити. И королевна иного не смѣла речы, леч мовила: Государу, справедливе ест, нехаи кождыи ѡзметь по своим дѣлам. И рек король: Дочко, если ты въсхочеш, ты будешъ ему жона, а если не всхочешъ, ѡнъ будет мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и познaлъ король иж не естъ панна непрыꙗтель Трыщану, и казал прывести Трыщана (стр. 17) и Милиенца дѧдковича ее, которыи недавно человѣка забилъ. А кгды прыведены перед королѧ, король взѧл мѣчъ, рек: Дочко, видишъ тых двухъ млоденцов, которые мают померети, але ѡдного хочу пустити; которого ты

усхочеш, и ты пусти кого твоѧ волѧ ест, а другии нехаи умрет. Ѡна не вмѣла што вчинити, и мыслила сама в собе: Єсли пущу Трыщана, будеть королю жаль Милиенца, если пущу Милиенца, тогда моему намилеишому Трыщану вмерети. И замолчала, и король познал҄ъ иж ѡна милуеть Трыщана, и еще ее больш҄ъ прыстрашыл и рекъ: Дочко, ѡзми кого волѧ твоѧ будет. Ѡна боечы сѧ ѡтца рекла: Пусти моего брата Милиенъца. Рек король: Тогды ест Трыщану вмерети. И взѧл Трыщана за верхъ головы и замахнул мечом, рекъ: Маю тати. И ѡна тое видевшы не могла втерпети и рекла: Государу ѡтче, пусти ми Трыщана а з Миленцомъ чыни, што хочэшъ. И король рекл҄ъ: Узѧла еси Милиенца, а Трыщанъ мусить умерети. Ѡна рекла: Пане, каю сѧ, волю Трыщана, а з Милиенцомъ чыни, што хочэшъ. Рекл҄ъ король: Взѧла еси Милиенца, а Трыщан мусить умерети, которыи есть велми винен. И замахнул҄ъ мечомъ, ѩкобы голову ему стѧти; и ѡна прыскочывшы и защытила его рукою и рекла: Пане, не заби Трыщана, але заби мене. И рекл҄ъ король: Инакъ не можэ быти, ѡдно Трыщана мушу стѧти. И королевна рекла: Пане, даи мнѣ мѣчъ, нехаи ѩ его убъю. И король еи дал҄ъ мѣчъ, ѡна посмотрэвшы на Трыщана рекла: Пане, албо пусти Трыщана, альбо хочу сама себе убити тымъ мечомъ. И рекл҄ъ еи король: Чому ты так милуешъ Трыщана? Ѡна рекла: Большеи его милую нижли сама себе, а коли ты его убъешъ, ѩ хочу сама себе убити. И король рекл҄ъ: Дочко, ты мѣи Трыштана. А затымъ рекл҄ъ Трыщану: Ты вжэ правъ. А Трыщан подѧковал королю и королевне велми покорно (стр. 18) и пошол у великии палац. Коли Говорнаръ увидял҄ъ Трыщана, ѡн был҄ъ велми весел и пытал его: ѩкъ тѧ корол пустил҄ъ? Трыщан ему поведил все по раду ѩкъ сѧ што чынило. Рек Говорнаръ: Колиж еси простъ, би чоломъ королю абы тѧ ѡтпустил҄ъ, иж коли не вчыниш на волю панны абы ти чого злого не вчынила. Трыщанъ рек: Учытелю, ѩкъ сѧ тобѣ видит гдѣ быхмо мѣли ехати? Рекъ Говорнар: Болеи ми сѧ видит абыхмо ехали у дворъ королѧ Марка дѧдка твоего, а если сѧ усхочешъ таити, не может тѧ нихто познати,

иж еси много прыросъ ѡт тых часовъ, ꙗкъ есмо изъ Єлиѡноса выехали, и можеш тамъ служити до коле ти сѧ будет час пасати на рыцэрство, а коли усхочешъ пасати сѧ, король тѧ своею рукою пашеть. И рекъ Трыщанъ: Будь ꙗкъ ты велишъ. И назавтреи прышол Трыщан перед королѧ и вдарылъ чоломъ и рек: Хочу поехати у свою землю. И покорно подѧковалъ королю и добрым людѧмъ на ласцэ, и король ему подѧковалъ на его верной службе и ѡбецал ему свою прыꙗзнь. А коли увидела королевна, што Трыщанъ едет проч, ѡна была збытне смутна и послала ему иноходника и выжла одным пахолкомъ. Трыщан ѡбецал дар ѡному пахолку, чоґо будет просити. Ѡнъ рекъ: Пане, хочу коли будеш рыцэром, абыс мѧ пасалъ. И еще королевна послала ку єму просечы: Пане, даи ми свои мечъ, абых его помиловала. И Трыщан еи мѣчъ послалъ, и ѡна рекла: Волю умерети после меча Трыщанова нижли быти наиболшою королевою. И проколола сѧ на томъ мѣстцу. А Трыщан поехал съ Францэи ик королю Марку из Говорнаромъ и вдарыли єму чоломъ, и рек Говорнар: Милостивыи королю, то естъ пане прыехал тобѣ служыти абысь его пасал своею рукою на рыцэрство. Король его прынѧлъ весело, ѡбецал сѧ его пасати коли ѡнъ усхочет, а не познал єго. Трыщан служыл дворно и цнотливе, и хто его видел, кождыи сѧ дивовалъ што ест за пане. А потомъ Трыщан велелъ себе пасати, и король казалъ прыправити што потреба рыцэру, и прыправили велми почестно. Трыщан былъ у церкви, а на завтреи его король пасал: и тутъ было много людеи добрыхъ, хто его виделъ, кождыи мовилъ: Не видали есмо лепшого рыцэра. Будучы ему на томъ весельи, (стр. 19) прышли чотыри рыцэры изъ Ѡрълендэи икъ королю Марку и почали мовити без поклона: Королю, к тобѣ насъ послал добрыи рыцэр Амурат изъ Орълендэи говоречы: Даи дань, которую твое продки даивали моимъ продкомъ ис Корновали ув-Орълендэю, абы была готова днеи до десети. Єсли дасте, мы прыимемъ мир, а если не хочешъ дати, вѣдаи тое иж у малых днехъ не ѡстанеть тут пѧдь земли штобы не скажона.

Слышалъ то король Марко и престрашыл ся назбыт и не вѣдал што ѡтказати. А Трыштан выступилъ и стал передъ королемъ и рек посломъ: Ходите сюды, которые есте такъ зуфалое посэлство прынесли, поведаите вашому пану: ачколвек нашы продки з немудрости своее до вашого королевства дань давали, але тепер ее вже не ѡзьмешъ, а если вашъ панъ король арленъдэискии хотѣлъ бы ее мѣти, нехаи прыидет а ѡзметь через мѣчъ на поли, а инак ее не может мѣти, а ꙗ готовъ ѡтнѧти ее моею рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? И король рек: Коли ѡн хочеть взѧти тую битву за корновалскую свободу, говору и ꙗ. Рекли послы Трыщану: Хто есть ты? А ѡнъ рекъ: ꙗ есть гость, а имѧ мое Трыща́нъ. И ѡни рекли: ѡтпусти намъ, Амурат не будет сѧ съ тобою бити если не будешъ великого роду чоловѣкъ. А Трыщанъ рек: Длѧ того таꙗ битва не ростанеть: хотѧ ѡн ест королевичъ, а ꙗ сын королѧ Мелиꙗдуша елиѡноского, а племенник есми королѧ Марка. Таил сѧ есми досель, тепер сѧ таити не могу. И послы ехали проч борздо и споведали королю Амурату што им ѡтказал, и ѡнъ рекъ: Хто ест, которыи тую битву взѧл? Ѡни рекли: Сын есть короля Милиꙗдуша, племѣнъник есть королѧ Марка, ѡн ново постановленъ рыцэром, але есмо не видали так цудного рыцэра, иж ѡн самъ взѧлъ битву безъ намовеньѧ. И рекъ Амурат: Ѡнъ будет каѧти сѧ, новыи рыцэр новую смерть хочет взѧти. Нарадили есте тои битве где быти? Ѡни рекли: Нѣ; ѡнъ рекъ: Поидите ѡпѧтъ и направъте, того не хочу ѡткладати. И рек Гарнот: ꙗ вамъ вчыню дружбу, иж того рыцэра (стр. 20) увижу кого такъ фалѧтъ. И ѡни ехали морем и сухом и прышли в Корноваль ик королю Марку и поведали речы королѧ Амурата. Рекъ король Марко: Лепѣи нехаи будеть битва таѧ ув-острове Самсоне, ѡни два поедуть кождыи у своемъ судне, и кождыи будет собѣ морнаръ. И нарадили битву за две недѣли.

И послы прышли къ Амурату и поведали ему иж нарадили битву ув-острове Самсоне. Рекъ Амурат: То ми ест мило.

И рекъ Гарноту: Виделъ ли ты того рыцэра? Ѡн рек: Видел, и коли быс хотѣлъ моее рады слухати, ты бысь оставил тую битву а вчынилъ бысь мир межы вами, бо коли сѧ вы два соимете на тои битве, не може быти без великое печали, иж коли тобѣ што будет, то великаꙗ шкода ув-Орленъдэи будет, а коли сѧ ему што станет, великаꙗ шкода всему свѣту будеть, иж ѡн не будеть такии штобы дома мешкалъ. А у мое дни не виделъ есми лепшого рыцэра, а коли доидет лѣт, будет великое доброти. И рекъ ему Амурат: Мир не може быти если ми не доидеть дань готова. И почалъ сѧ направлѧти.

А король Марко и Трыщан и вси рыцэры, панны и паниe корновальские ходечы у цэрковъ молили сѧ богу, абы имъ бог помогъ и збавилъ ихъ ѡт Амурата.

Трыщанъ направилъ сѧ што было ему потребно, а на завтреи Трыщан мъшы слухал и шол у гостилницу у блѧхахъ и во всеи зброи, и вси панове шли против его.

И король Марко рекъ: Сыну мои милыи, чому-с сѧ так ѡт мене таилъ? Коли быхъ тѧ зналъ, хотѧ бы сѧ всѧ Корноваль пороботала, нѐ далъ быхъ ти бити сѧ, иж если тобѣ што сѧ станет, ꙗ николи не мам весельꙗ. Трыщан рекъ: Пане, не страшы сѧ, ачеи нас бог не забудет своею ласкою, и надею сѧ иж намъ даст бог почстенье и свою помоч. Тогды прышла вѣсть што вже Амурат ув-острове Самсоне; Трыщан рекъ: Даите ми гелмъ. И дали ему добрыи гелмъ, (стр. 21) и самъ корол повезал ему и поправил всю зброю и ѡгледал и потвердилъ, и прывели ему доброго фреза. Трыщан шол въ лодию и борздо стал ув-острове. Амурат его бачылъ, дивовалъ сѧ ꙗкъ смѣлъ взѧти битву противъ него, а Трыщанъ коли прыстал, ѡдопъхнул свою лодью на воду. И пыталъ его Амурат: Чому еси одопъхнул лодью? Рек Трыщан: ѡдному з нас проч поити у твоеи лодьи, а другому тут ѡстати. И Амуратъ тую речь прынѧл за мужство и волѣлъ бы его не пытати, што ему мудре ѡтказал. И рекъ Амурат: Покинь тую битву, бо не рад бых тѧ загубилъ, хочу тѧ держати ꙗкъ моего то-

варыша, а миловати ꙗко брата. И рекъ Трыщанъ: ꙗ битву покину коли дань ѡтпустишъ корновальскую, а если не хочешъ, ты сѧ би. Рек Амурат: Готуи же сѧ къ битве. И Трыщан рекъ: На то есми прышол.

(Битва Трыщанова зъ Амуратэмъ) И всѣли обѧ на кони и вдарыли сѧ так моцно, абы их добраѧ зброѧ не ѡдержала, ѡба бы были мертвы, и древа поламали и ѡба пали с конми на землю и в тотъ час ѡба скочыли на ноги ранены. Трыщан былъ ранен у стегно кгроткем ꙗдовитым, Амурат был раненъ бэзъ ꙗду. И взѧли мечы и почали сѧ рубати велми моцно велик часъ удараꙗ ѡдин другого, и ранили сѧ на много мѣстъ, и познали ѡдин другого иж естъ велми добрые рыцэры. Амурат внимал о собѣ, што ѡн болшыи есть на свѣте, а коли виделъ Трыщана, ѡн мѣлъ страх ѡтъ него и ѡба сѧ втомили, што инакъ не могло быти нижли одному тут ѡстати, и длѧ того кождыи сѧ змогал на вдарцы, и вси которые ихъ видели, дивили сѧ великимъ дивомъ. И бившы сѧ ѡтступилъ ѡдинъ ѡт другого уклонившы сѧ на щыты.

Амуратъ рекъ: Єсли Трыщан у другое прыидеть у такои моцы, ꙗ не могу ѡт него стерпѣти, иж бачыл его наибольшого рыцэра. И коли ѡни ѡпочыли, Трыщан скочыл и почал рубати велми з высока мечом и почалъ покрывати сѧ щытомъ и мечом. Амурат вже не могъ, и видел то Трыщан, розсеръдитил сѧ и вдарыл его моцно поверхъ гелма колко могъ и росталъ ему гелмъ и голову до мозкгу, и ѡстал ему вломокъ меча в голове. Амурат чул сѧ раненъ смертною раною и покинувшы щыт и мѣчъ и побегъ до лодьи и прыидеть (стр. 22) къ своему великому судну и къ дружыне, которые его ждали. Слуги его прынѧли велми смутно и вложыли его в судно. И рекъ: Идѣте борздо; и почали сѧ ѡтпихати плачучы. А корновалцы, которые того гледѣли, почали кликати: Злаꙗ вам дорога, ѡто вамъ дань. Рекъ король Марко и иные корновальцы: Бог дал нам почестность и Трыщанова доброть. Видевшы его ѡдного ув-острове пустили сѧ к нему много людеи, нашли Трыщана

велми ранена и велми слаба ѡт крови, што его кров сошла и не мог на ногах стоꙗти; але иные ему раны не так шкодили ꙗк таꙗ, што въ стегнѣ, што был раненъ кгроткем ꙗдовитымъ. И ѡны его повезли на краи.

Король прыступил и прыналъ Трыщана, почал цаловати и миловати и рекъ ему: ꙗкъ сѧ чуешъ? Трыщан рекъ: Велми ест ранен есми, а коли даст богъ, могу быти здоровъ. И король его повел въ цэрков дати фалу богу, а потом его повел на палац з великим веселемъ и играми, иж были ѡсвобожени Трыщаном ѡт роботы.

И потомъ Трыщан прышолъ до господы, розболѣлъ сѧ ѡт раны ꙗдовитое так силно, ижъ ледве стерпелъ; и прышли лекары и прыложыли мастеи што налепшыхъ, и скоро былъ здоров ѡто всих ран кромѧ тое, котораꙗ была ꙗдовитаꙗ, тое не могли злечыти, и што коли прыкладали къ ѡнои ране, то все ничого не помагало, и не розумѣли, што прыкладати к тои ране, котораѧ его велми мучыла. Ѡдное ночы Трыщан велми сѧ мучыл вразившы сѧ в оную рану, и нихто прыступити к нему не смѣлъ, толко Говорнаръ, тотъ николи не ѡтступал ѡт него никуды и плакалъ видечы пана своего пры смерти, иж не было человѣка, хто его первеи видел, абы его мог познати. И король почал плакати велми грозно и люди добрые вси плакали ꙗкобы имъ мѣлъ сын або братъ умирати: Ѡ Трыщане почестныи и добрыи рыцэру, цуднаꙗ молодости, кол дорого купилъ еси свободу корьновальскую! Мы ѡставуем весели, а ты вмираеш ѡкрутною смертью!

И будучи Трыщан на своеи постели самъ а пры немъ ѡдна невѣста, котораꙗ прышла гледѣти ꙗкъ ест немоцонъ, и почала плакати велми жалостно и рекла: ѡ Трыщане, ꙗ сѧ тобѣ дивую ꙗкъ ты (стр. 23) не мыслиш самъ о собѣ, ꙗкъ быс могъ наити ꙗкое лѣкарство в-ыншои земли! Ведь еси коштовал во всеи Корновали доброго лѣкара нѣт! Рекъ Трыщан: ꙗ не могу на кони седѣти аки на носилицахъ нести сѧ. Ѡна рекла: ꙗ тобе не могу порадити, навчыть тебѣ тот, которыи небо и землю сотворыл. И Трыщан рекъ Говорнару: Узнеси мѧ на палацъ, съ которого

на море видно. И Трыщан гледѣлъ великии час и рекъ Говорнару: Позови ми королѧ Марка. И король прышол и рек: Сыну, чого мѧ єси звалъ? И рекъ Трыщан: Прошу тѧ, пане, даи ми ѡдну реч, котораꙗ тобѣ немного важыти будеть. Рек король Марко: Хотѧ бы и много важыла, тогды ꙗ на твою волю вчыню, и нѣт того чого бых ꙗ длѧ тебе не вчынилъ. И Трыщан ему за то покорне подѧковалъ: ꙗ, пане, лекара у сеи земли не могу наити, тепер єсми терпел много и вижу добре, што сѧ моꙗ смерть прыближыла. Хочу поити ув-ыншую землю по свѣту, наради ми доброе судно и поставъ што ми такъ потреба в немъ, стравы и питьѧ и ѡдно легкое ведро, которое бы могъ ѡдин чоловекъ долов спускати, и покрыи ми его добрым сукномъ длѧ дождчу и длѧ вѣтру: хочу сѧ пустити по мору, кгды ми фортуна прынесеть, ачеи ми сѧ гдѣ лѣкар наидеть к тои ране, ѡт которое умираю; если пакъ сѧ не наидеть, тогды ꙗ мертвъ. Рекъ король: Сыну, ꙗкъ хочеш поити будучы так немоцон? И рекъ Трыщанъ: И хотѧ пакъ умру тамъ, ѡднакож и тут умру, а коли будеть божьѧ волѧ, ино мѧ море и вѣтръ къ фортуне прынесеть. А коли будет судно готово, вложы мѧ в него и даи ми мою аръфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести легъчало.

И король Марко то слышал, почал плакати велми смутно, и не мог ему долъго ѡтказати за слезами. Ѡтрезвевшы рекъ: Сыну Трыщане, пак ли мѧ хочеш ѡставити со всим? И Трыщан рекъ: Пане, инак тепер не может быти, а кгды наиду лѣкара и буду-л здоров, ѡбецую ти сѧ вернути засе у Корновалъ. И коли король видел, што инакъ не може быти, ѡн ему казал направити судно почестно, ꙗкъ самъ Трыщанъ росказал, и поставилъ въ неи што было потреба Трыщану всего досыть, и коли было готово, велѣлъ его увести у судно велми немоцного. И видевшы то корновалене почали плакати (стр. 24) велми жалостно, а король со всими велможами своими плакали безъ перестанꙗ. И коли Трыщан тое видел, и было ему велми жаль и ѡтопъхнул сѧ ѡт краю боръздо, и напали парусы, и былъ имъ

вѣтр вправныи а шли боръздо, а не ведали куды идут. И так шли два дни, и прыгнала его фортуна в Орленъдэю подъ ѡдин город, въ которомъ былъ король Ленъвизъ. Тот мѣлъ в себе жону сестру королѧ Амурата, котораго убилъ Трыщанъ, и мѣлъ в себе дѡчку на имя Ижоту. Ѡная панна велми знала лекарство от ран, и не было тое раны, которое бы не могла злечыти. И коли Трыщан былъ на краи морѧ перед замком, ѡнъ с того былъ велми весел и взѧл аръфу и настроилъ и почалъ играти што нацуднеи могъ.

Король Ленъвиз виделъ с палацу и прыступил ближеи и слухал великии часъ, и было ему видет велми дивно иж так цудне и жалостне играл, а судно коштовно покрыто злотоглавом. И прызвалъ къ собѣ королевую, и ѡна видела судно и слышала арфу и дивила сѧ много.

И рекъла королю: Прошу тебѣ, идѣмо видети ѡнога дива. И пошли надолъ къ мору самидва и слухали аръфы поки перестал.

А коли Трыщан пересталъ играти, почал плакати и крычати ѡт болести, которую мѣлъ. Прыступил корол и королеваѧ къ судну и видели Трыщана и поздровили его, и ѡн имъ вернулъ поздровлене. И пыталъ Трыщан королѧ, незнаючы, што король: Прошу тѧ, пане, котораѧ то землѧ, гдѣ есмо прыстали? Рекъ король: Вы есте в Орлендэи. Коли Трыщан тое чулъ, ѡн большъ былъ немоцонъ ѡтъ раны нижли первеи, што сѧ боѧл, если его познають, то ѡн загибъ длѧ Амурата.

Король спыталъ его: Прошу тебе, рыцэру, поведаи ми, ѡткуль еси? Трыщан рек: Пане, ѧ есми изъ Єлиѡноса города а ѡт земли ѡбъфитое, прышол есми немоцонъ ѡтъ раны, не могъ есми наити лѣкара, терпелъ есми такие муки и болести, бы на мою волю, давно былх рад умер, але коли пан бог не хочет, мушу терпѣти, а волелъ бых смерть нижли такии жывотъ.

Коли король слышалъ ѡт Трыщана такъ говоречы, ѡн над нимъ (стр. 25) мѣлъ милосердье и вѣрылъ ему иж правду поведает. И рек король: если-с рыцэр? Рекъ Трыщан: Єстэмъ. Рек король: Недбаи рыцэру, ты еси прышол в таковое мѣстцо,

где даст богъ будешъ здоровъ. Єст в менэ дочка, што сѧ всякои ране домыслить лѣпшеи всих лекареи, а ꙗ вѣмъ, будеть сѧ ѡна рада тобою печаловати длѧ бога и длѧ дворности. Трыщан ему подаковалъ велми дворно и покорне.

И король с королевою пошол до палацу, и нарадили ему господу в ѡдноu ложницы и велелъ его прынести на гору в комору, гдѣ было наражоно ему мѣстцо, и положыли его тамъ. А потомъ король послал по дочку свою Ижоту, и коли прышла рек еи: Милаꙗ дочко, поиди со мною, погледи ѡного рыцэра гостѧ, которыи ест велми немоцон ѡтъ раны, и печалуи сѧ имъ длѧ бога и длѧ мене и длѧ доброе славы, ꙗкъ бы былъ борздо здоровъ. Ѡна рекла: ꙗ, государу, рада твоего расказанія пополнити и буду сѧ працовати ꙗкъ могучы. А так шла до Трыщана, а коли ѡна видела рану, прыложыла ѡдно зѣлье, што сѧ годило до раны. Тогды Трыщанъ въздыхнувшы ѡт сэрца и ѡт болести, которую мѣлъ, а королевна, котораꙗ сѧ не стерегла а ни сѧ домышлала абы был ꙗд в ране, почала его тѣшыти и рекла: Не страшы сѧ, рыцэру, если будеть божа помоч ꙗ тебе хочу вчынити бо̂рздо здорова. Трыщан рекъ: Ѡ боже, коли бы то могло быти, быхъ ꙗ былъ здоровъ, не просилъ бых бога болшеи десети днеи. Панъна прыкладала зѣлье, которое знала, а ему все на погоръшене шло; и почала Ижота клести сама себе и рекла: ꙗ не знаю што чынити, што бы ми потребно ку тои ране. И почала рану розъгледати, и прышло еи на умъ, што естъ рана ꙗдовита, и рекла сама къ собѣ: Єсли не будет рана ꙗдовитаѧ, мушу его покинути, иж ему не могу помочы. И велѣла Трыщана понести на слонцэ и почала съ пилностью рану розгледати. Рана сѧ почала скварыти, и рекла Ижота: Пане, ꙗ вижу добре, што ти рану казило, и што еси не могъ лѣкарства наити: желѣзо, которымъ еси былъ ранен, тое было ꙗдовито, а того сѧ нихто не домыслилъ, а теперъ коли есми тое розбачыла, ты з божеею помочю будешъ здоров. Трыщан ѡ том былъ весел, а панна почала вабити ѧд из раны и почала знову лѣкарство прыкладати к ране, и у малых днех (стр. 26) познал Трыщан на

собѣ полепшэне, а не было его болшеи, толко кожа да кости. И до двухъ месецэи былъ Трыщан здоров, так хорош и легок, ꙗк перед тымъ былъ. И прышло ему на умъ абы ехалъ до Корновали што наборздеи, бо сѧ боꙗл абы его не познали, и былъ у розмышлении.

И в тые дни прыехали три рыцэры ѡт Ѡкруглого стола королѧ Артиуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул, и ѡные три рыцэры были великое доброти и великое славы; Кажынъ былъ меншого рыцэрства нижли тые два рыцэры, але был гордыи и мовныи, и прышли ув-Орленъдыю длѧ ѡное панъны, котораꙗ мѣла замуж ити и длѧ того велела кликати на турнаи. И прышло много добрых рыцэровъ: которыи бы рыцэр болшъ мужовал в томъ турнаю, тот ее поиметь, а если бы ее не хотѣлъ понѧти, и ѡна ему маеть дати дар такъ много, што колкодесѧтъ рыцэров мают. И длѧ того тые тры рыцэры прышли ув-Орленъдэю. А зналъ их король Ленвиз и радъ их виделъ и веселил сѧ ѡ них, и сели за стол, король и рыцэры. Коли видѣли Трыщана, нихто з нихъ его не позналъ; Гарнотъ его передъ тымъ виделъ, але сѧ рушыл Трыщанъ немоцю, и длѧ того его не позналъ, але не было межы ними ни ѡдного, которыи бы так цудныи былъ ꙗкъ Трыщанъ. А Трыщанъ позналъ Гарнота, скоро его успоменулъ, што ѡн прыходил у Корноваль с послы короля Амурата, и длѧ того большеи сѧ боꙗл, абы его не познали. А ѡни на него пилне гледели, што сѧ ѡн виделъ гость, и пытали ѡ немъ королѧ, и король имъ поведал все по раду, ꙗким умысломъ прышолъ изъ Єлиѡноса, и нѣт на свете человѣка, хто бы его видел такъ немоцного, штобы не жаловал; але милостью божю и працою дочки моее Ижоты ѡн естъ здоров. И тут ѡ немъ много говорыли и пилне на него смотрѣли. А Гарнотъ прыступил къ Трыщану и ѡтведъшы его проч, пыталъ его: Прошу тѧ, рыцэру, поведаи ми, если рачыш, хто еси а ѡткуль? Рекъ Трыщанъ: ꙗ есми ѡдин гость, болшеи сѧ ѡт мене не доведаешъ; прошу тѧ, не мѣи ми за злэ. И на том его Гарнотъ ѡставилъ.

И рекъ король: Хочу поити на тот турнаи, але бы мѧ там не познали, прошу вас, не кажыте мѧ если хто васъ будеть пытати. Потомъ король спыталъ Трыщана: Рыцэру, ꙗкъ сѧ чуешъ? Трыщан рекъ: Добре по милости божеи. Длѧ чого мѧ пытаешъ? Рекъ (стр. 27) король: Єсли тобѣ треба зброи и конѧ, ѧ тобѣ дам и млоденцов, хто бы тобѣ служыл. Трыщан рекъ: Пане, не єстэм у моцы моеи, не смѣю много працовати сѧ, а коли ты въсхочеш ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо ѡружье, иж чоловѣкъ не вѣдает, што сѧ ему гдѣ прыгодит. Рекъ король: Будь то на твою волю ꙗкъ ты велиш, але ми сѧ вельми хочет абы ты ехал со мною. Трыщан ему ѡбецал, а на завтреи поехал къ турнаю, и стрѣтил их Гаваѡн, племѣнъник королѧ Артиуша, а за нимъ ѡдинъ юнак, которыи ему носил щыт и сулицу, а то был тот юнакъ, которыи даровал находника и выжла ѡт дочки королѧ Перемонта. И тот виделъ Трыщана, позналъ его, прыступилъ, почал Трыщану ноги целовати. И Трыщану былъ страхъ, што его млоденецъ ѡткрыеть. И рек ему Трыщанъ: Поити хочу, не поведаи мѧ жадноi жывои душы. Ѡн рекъ: Пане, ѡ том не дъбаи, але прошу тѧ, даи ѡдинъ дар с твоее ласки. Трыщан рек: Готов ти ест, если такова речь, котораꙗ сѧ може дати. Рек юнакъ: Пане, велика ласка, вѣдаешъ ли што ми еси ѡбецалъ, даи ми. Рек Трыщан: Не вѣмъ. — Рекъ мѧ еси поставити рыцэром коли есми тебе даровал инаходникомъ и выжломъ ѡт Перемонта королѧ дочки. Але, пане, хотѣл быx, штобы мѧ еси завтра пасал. Рек Трыщан: Будет такъ, ꙗкъ есми тобѣ ѡбецалъ. Потомъ Трыщанъ спыталъ: Хто ест ѡныи рыцэр, которого ты ѡруже носишъ? Рек юнакъ: То ест панъ Гаваѡн, племѣнъникъ королѧ Артиуша, ѡн мѧ ѡбецал поставити рыцэром коли ꙗ усхочу, да коли есми видел твою милость, ꙗ волю быти рыцэр ѡт твоее руки. Рек Трыщанъ: ꙗкъ ты хочешъ, да прошу тѧ, поиди опят къ пану Гаваѡну и понеси ему древо и зброю, што можеш, для его кашталанства и дворности, рыцэръства а заса длѧ твоеи дворности. Рек юнак: Нехаи, пане, так будеть ꙗкъ ты велишъ. И взял ѡн в него зброю и поехал за

ним. И спытал его Гаваωн: Што то за рыцэръ, кому сѧ ты такъ умилно поклонил? Рек ꙗнак: То ест ωдинъ гость, але велми храбръ. Рек Гаваωн: ꙗкъ ему имѧ? Рек ꙗнак: Пане, тепер сѧ того не можешъ довѣдати. Гаваωн ωставил тую реч.

Король поехалъ з малою дружыною и нихто его не позналъ, (стр. 28) и Гаваωн его не позналъ иж и перед тымъ его не видал.

И спыталъ король Трыщана: Вѣдаеш ли што то за рыцэр, которыи сам ωдин едеть? Рекъ Трыщанъ: То ест Гаваωн, племѣнъникъ королѧ Артиуша. Рек король: ꙗ слышал ω немъ, ωн естъ дворен панѧм и паннамъ. И ехали посполе в товарыштве, корол сѧ не далъ знати Гаваωну. Коли было ближеи къ вечеру, стрѣтилъ ихъ рыцэр, которыи носилъ чорныи щытъ безъ знамени и с нимъ были пахолки два; рыцэр ехалъ велми строино и дворно и носил два мечы. Коли прыехалъ ближеи, рекъ Гаваωн: Видите-ль вы того доброго рыцэра? Король рекъ ему: ꙗкъ ты его доброт знаеш? Гаваωнъ рек: Ни ωдинъ добрыи рыцэр не смѣет носити двух мечов, если бы сѧ не билъ зъ двема рыцэры; по том познати доброго рыцэра, иж за их великую смѣлость ωни носѧть два мечы. Рек король: На мою вѣру великую рѣчъ взѧлъ тот рыцэр на себе; да прошу тебе, коли бы сѧ нашол рыцэр самъ собою же бы его добылъ, што бы вчынил ω томъ? Рекъ Гаваωн: Пане, если бы сѧ нашолъ рыцэр самъ собою, которыи бы не был изъ Лондреша, ωн бы терпелъ не носить оружѧ цэлыи год за соромы, а коли бы его побил рыцэр изъ Лондреша або которыи великии рыцэр, ωн бы ωткинул ωдинъ мечъ, а другий бы носилъ, иж сут з Лондреша наиболшые рыцэры. Коли король то слышалъ, рек: Тепер быхъ не ωставил за великую рѣчъ, абых не ведел тот турнаи и того доброго рыцэра. И тую ночъ стоꙗлъ близко турнаꙗ десет миль ув-одномъ замку. И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцэром, и былъ храбръ и великое доброти и был товарыш ωт Ωкруглого стола великое доброти; и засѧ с прыгоды забилъ его Трыщанъ своею рукою не знаючы иж ωн стоꙗлъ за Паламидежом, которыи велми миловалъ цудную Ижоту. А тому рыцэру было

имѧ Бербешъ. И назавтреи рано прышол король къ турнаю; Трыщанъ ѡного юнака поставившы рыцэремъ, дал ему конь и зброю и поехали къ турнаю, которыи сѧ былъ собралъ на ѡдном болоте подъ замком. А тот турнаи былъ посполитыи.

Прыехали тут два короли, король Іанишъ из Локви, а другии король (стр. 29) Артиуш з Лонъдреша, [а третій король], которыи мѣлъ в себе сто рыцэров. И тот служыл прынчипу Галиѡту а держалъ западные ѡстровы. И коли былъ тот турнаи в Орлендэи, того лѣта Анъцалот поставил сѧ рыцэром.

И коли сѧ злучыли обе стороне вмѣсто и тут указали ѡдны другим сулицы, и была битва велми густа и велми моцна, и тут рыцэры падали с конеи на землю. А было десет рыцэровъ ѡт Ѡкруглого стола, тые держали ѡдну руку против королѧ Іанишa из Локви и чынили ѡни великое чудо, прогнали много рыцэров. Гарнотъ а Иванъ, сынъ королѧ Урыꙗна, а Гаваѡн, Геешъ и король Бэндемагул, Дондиелъ, Согремор, Гвирешъ, тые рыцэры были велми добрые. И коли сѧ ѡни пустили в тотъ турнаи, ѡни вчынили великое чудо в малом часу, и вси не могли против ихъ стрывати и держати поле, а были бы побиты, коли бы не было доброго рыцера з двема мечы и с чорнымъ щытом. Коли ѡн вдарыл з другое стороны турнаꙗ и почал чынити великое чудо, если бы человѣкъ не виделъ, не могъ бы тому вѣрыти: ѡн почалъ здирати гелмы з рыцэровъ и метати с конеи по земли, и вси, которые его видели, мовили, што ѡнъ добыл сего турнаѧ; и длѧ его рыцэрства вси злякли сѧ и не могли стрывати против его. Гаваѡн былъ ранен двема ранами, а Гарнотъ мѣлъ тры раны, а Иван также, и все мѣли раны тажкие и звалены были с конеи. И коли король изэ стомя витезми видел себе побитого, ѡн былъ такъ жалостенъ, што мало не встек сѧ, бо ѡнъ миловал красную Ижоту всимъ сэрцэмъ и боꙗл сѧ абы ѡна того не довѣдала сѧ, и мыслил ѡ томъ ꙗкъ бы сѧ мъстил. Длѧ того послал волати по всим сторонамъ, нехаи будет опѧтъ турнаи до десѧтого днѧ, бо мыслилъ прыехати ѡпатрно и нарадно лепшеи нижли перво.

И коли был волан турнаи и было слышати усим, и розъехали сѧ вси [и] король Ленвизъ, абы сѧ справили къ другому турнаю. И коли видел король [С]госкии, што с чорнымъ щытомъ рыцэр тотъ турнаи добыл, ѡнъ его прынял у великую любов. Поломидеж поехал ув-Орлендэю говоречы тот турнаи почстене Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлъ на сэрцы и мыслил ꙗкъ в том другом турнаи мѣлъ бы сѧ з нимъ росправити с тым рыцэром с чорнымъ щытомъ и з двема мечы. (стр. 30) И вступил въ храброст против Поламидежа и гледѣлъ на него злыми ѡчыма, иж сѧ ему видело, што ѡн чынить великии сором рыцэромъ; длѧ того Трыщанъ на него мѣлъ гневливое сэрцэ и мыслилъ ему зло на сэрцу, што видел его так красного рыцэра и годного по всему добру. И такъ сѧ ему видело, ижъ ѡн хочет мѣти Ижоту и ѡна его милует со всего сэрца, и почали сѧ з нимъ непрыꙗзнити и немиловати межы собою Трыщанъ и Паламидежъ. А в том Ижота не знала а ни сѧ не домыслила жебы ѡни ее миловали. И была в нее служебница именемъ Брагинѧ, красна и мудра, ѡна сѧ домыслила иж ѡни ѡба милують Ижоту. И некоторого днѧ Брагинѧ рекъла Ижоте здворки: Господарыне, будь то за куншть, если бы тебе миловали тые два рыцэры, которого з них бы ты хотѣла миловати, Паламидежа албо нашого рыцэра, занюж ѡни ѡба тебе милуют? Ижота розсмеꙗв сѧ рекла: ꙗ им милости заборонити не могу коли сѧ мое сэрцэ к нимъ не ѡбернеть; а коли бы на тое прышло, волѣла бых прыстати къ Паламидежу, бо ѡн ест большии рыцэр. Коли бы нашъ так рыцэр былъ добръ и такого врожена ꙗкъ по нем бачым, ѡн бы былъ наибольшыи и наицуднеишыи рыцэр. И все тое говорене слышали ѡни ѡба, Паламидежъ и Трыщан, седѣли в однои коморе. И коли ѡни вышли вон, Трыщанъ пошолъ на ѡдно болото гулѧти и почал мыслити, иж его милост къ Ижоте нудила. Рек самъ къ собѣ: ꙗ не могу прыити на досконалост красное Ижоты если не ѡбороню пыхи Паламидежовы, а того не могу вчынити без доброго конѧ и без доброи зброи и безъ великое трудности и працы, кгдыж есть Паламидеж

ѡт добрых рыцэров. И так въ жестоком сэрцы пребывалъ Трыщан ажъ до турнаꙗ.

И коли король хотѣлъ поехати в турнаи и спытал Трыщана: Хочеш ли ты поехати в тот турнаи в нашо товарышство? И ѡн ему рекъ: Єще сѧ, государу, в силе не чую. Король ему увѣрылъ и на том его ѡставил; а то так длѧ того ѡтказалъ, хотечы поехати по турнаи ꙗк бы его не познали. И в третии ден король поехал къ турнаю з малою дружыною, а Трыщан ѡсталъ велми печален, иж не вѣдалъ ꙗк бы могъ пополънити што мыслил.

(Стр. 31) Будучы ѡн в тои мысли, прышла к нему Брагинѧ, котораꙗ его велмилю била, а рекла: Пане, што мыслишъ? Трыщан рекъ: Панъно, коли быхъ вѣдалъ иж ми можеш помочы в томъ моем мышленью, ꙗ быхъ вамъ поведал. Ѡна сѧ ему ѡбецала: Што буду могла. Ѡн рек: Панъно, ꙗ бых поехал к тому турнаю, бы ми был конь и зброѧ. Ѡна рекла: Чему-сь посполъ с королемъ не ехал? Рек Трыщан: Хотелъ быx поехати потаи ꙗкъ бы мѧ не познали. И рекла дѣвка: А зась длѧ того ѡсталъ? Трыщан рекъ: Заисте длѧ того. Ѡна рекла: Не тужы конемъ и зброею, длѧ того не ѡстанешъ што бысь не былъ в турнаю. Трыщан еи подѧковал велми ласкаве, а потомъ рек: Моꙗ милаꙗ панно, печалуи сѧ мною, ꙗ быx не хотѣлъ мешкати. Ѡна нашла доброго конѧ и добрую зброю безъ другого знамени, и дала ему свои два браты, абы ему служыли. Трыщанъ поехалъ, а Брагини просилъ, абы его никому не поведала, и поехал скровно, и засталъ много рыцэров ѡтъ многихъ сторон в турнаи.

И коли там вбачыли Трыщана, вси хвалили, которые сѧ на то гараздъ знали, иж строине на кони седѣлъ. Сталъ на ѡднои стороне против всих рыцэровъ гледечы што сѧ будеть чынити. И тогды прыехалъ Паламидеж в тои зброи и в том знамени, в которомъ перво былъ, велми пышно. Коли его видел Гаваѡн, погледевшы на великие рыцэры, и рекъ: Тепер маете што видети, што будет чынити добрыи рыцэр, и варуи сѧ каждыи ѡдарцу его.

Гарнот рекъ: Єще есми не видел ровни ему на свете. И ѡн почал таковое чудо чынити, што не было рыцэра в том турнаи, которыи бы не мѣлъ страху ѡт него, и збилъ много рыцэровъ, поехал по турнаю на лѣво и на право великое чудо чынечы, и не нашолъ са рыцэр, которыи бы смѣлъ дождати его. Король Ленвиз и король из стома рыцэры и вси великие рыцэры, которые перво поле деръжывали велми добре рыцэрскимъ ѡбычаем, и наконецъ прышло им ѡставити поле, хота и не хотечы, перед Паламидежом. И Паламидеж стал у томъ почстеныи, а вси почали кликати: С чорнымъ щытом и з двема мечы другии раз добыл турнаа.

(стр. 32) И коли Трыщан тое чулъ и видел, реклъ: То ест Паламидеж. Познал его знаме и рек: Даите ми гелмъ, з добрымъ рыцэром хотѣлъ быхъ са на поли видети. И рыцэры вси к нему кинули са, и каждыи з нихъ давал ему свои гелмъ. И кгды Трыщан гелмъ узложыл, и ѡни ему повезали и потвердили ıакъ ест потреба напротивъ другому рыцэру, и взал сулицу и справилъ са противъ Паламидежу.

И коли са увидели ѡдин другого, Трыщан рекъ: Рыцэру, потреба ми та ест. И ѡнъ са направилъ к нему; и ѡнъ рекъ: Едь сюда, да видишъ.

(Битва Трыщанова съ Паламидежомъ) И такъ са пустили ѡдин къ другому и вдарыли велми моцно, и Паламидеж зламал сулицу, а Трыщан вдарылъ его так моцно, што ѡн пал на землю с конем, и ѡт того вдару забил са велми и не вмѣлъ што вчынити, и дивилъ са тому, што са ему так прыгодило, и усѣлъ на кона и хотѣлъ поехати на стан и не смотрѣлъ ѡчыма а ни сам а ни там. А Трыщанъ, которыи са на него велми гнѣвал, виделъ его бегучы, ехалъ за нимъ и погонил его, и мало на том мѣлъ, што ему в том скиненью ѡдин соромъ вчынилъ, и мыслилъ его на то прывести, штобы николи не смѣлъ прыити къ Ижоте на ѡчы. И догонил Паламидежа, рек голосом: Рыцэру, верни са, да видимъ, которыи з насъ годнеишыи доброти рыцэрьское и которыи з насъ годнеишыи миловати красную Ижоту.

Коли Паламидеж тую речъ чулъ, ѡнъ сѧ домыслил, што естъ Трыщанъ, и престрашыл сѧ велми, ижъ не вѣрылъ абы ѡн так добрыи былъ доколе не виделъ ѡт него того удару, и вернул сѧ к нему и взѧлъ мѣчъ и виделъ, што не може ѡтехати без раны. Трыщан прышол велми прудко и взѧл мѣчъ, почали сѧ моцно рубати. Трыщан прыступилъ и тѧлъ его великим ударом по гелму; ѡн сѧ не могъ на кони ѡдержати и пал на землю розбит и лежалъ великую филю не знаючы єсли ден або ночъ. И коли Трыщан тоє виделъ, ѡн был ѡ том велми весол, што сѧ єму добре стало, и виделъ то, што сполнилъ свою волю чого наиболеи жедал. И коли добыл доброго рыцэра Паламидежа, которого велми ненавиделъ, и поставилъ его у такои ганбе, и поехалъ (стр. 33) ѡт того турнаꙗ до господы. И ехал пан Трыщан по дуброве, и стрѣтила его ѡдна дѣвка з двема пахолки и домыслила сѧ, што ѡн былъ в турнаи, иж видела в него зброю столкану ѡт великих ударов, и ставшы поздровила его велми умилно. Ѡнъ еи вернулъ поздровленє велми дворно, и рекла дѣвка: Пане, вы едете с турнаꙗ? Рек Трыщан: Ѡ чомъ мѧ пытаєшъ? Ѡна рекла: Пане, хотѣла бых абыс ми поведал, хто добыл турнаи. Рек Трыщан: Панъно, єсли на то твоѧ волѧ, ꙗ ти повемъ: сесь турнаи добыла ѡдна панна краснаѧ, которую єсми ув-очы виделъ сего днѧ. Ѡна стоѧла великую филю у розмышленю и рекла: Рыцэру, диво ми поведаеш, прошу тѧ поведаи ми имѧ тое панъны, нехаи бых умѣла поведати гдѣ буду пытана. Рек Трыщан: Тепер сѧ имени того ѡт мене не довѣдаєш. Рекла дѣвка: Прошу тѧ, пане, соими гелмъ з головы, нехаи быхъ парсуну твою видела, а вамъ почесност вчынила, бо єсми посол Артиуша королѧ. Трыщан знѧл гелмъ з головы и рек: Панно, смотри собе на мене колко хочешъ. Ѡна рекла: Пане, вижу тѧ велми весела, тепер сѧ могу пофалити, што єсми видела лѣпшого рыцэра надо вси рыцэры. Але прошу тѧ, пане, споведаи ми имѧ своє. И рекъ Трыщанъ: Моего имени тепер не можеш знати, бо єго трудно поведати. Дѣвка рекла: Ехала єсми много землъ длѧ твоего имени, шкода-ж моее працы, коли єсми васъ видела а имени

вашого не вѣмъ. Рекъ Трыщанъ: Ведаи заисте, иж не тот ꙗ, кого ты ищешъ. Рекла дѣвка: Прошу тѧ длѧ бога, чы не ты взял Болѧчую стражу и выкоренил злыи ѡбычаи, которыи трывал в томъ городе, где много людеи добрых померло за безъзаконье тое проклѧтое уставы? Рек Трыщан: Панна, заисте не был есми въ том городе, а ни ведал его; да прошу тѧ, панно, если взѧта Болѧча стража? Рекла панна: ꙗ есми видела, коли влѣзъ тотъ рыцэр въ оныи город и с ним неколко добрых рыцэров, а ни ѡдинъ такъ не вчынилъ своею рукою, ꙗкъ тот рыцэръ. Рекъ Трыщан: Прошу тѧ, панно, если ты его видела без зброи? Видела-мъ, ѡнъ ест всеи красы и всих лѣт, ꙗкъ ты, и длѧ того заисте внимала-м есми абы ѡн рыцэр, але в том есми хибила ѡтъ моее (стр. 34) мысли. И конец тыхъ речеи розехали сѧ.

Трыщанъ прыехал къ Брагини, котораꙗ ему много послужыла, и дѣвка поехала ѡт Трыщана велми смутна, што сѧ ѡ немъ не довѣдала. Прыехала в турнаи и вбачыла Паламидежа, поехала к нему, а ѡнъ плачеть велми грозно и кленеть день, в которыи сѧ родилъ, и час, которыи на конѧ уседалъ, а дѣвка плакала, што турнаѧ не зостала, которого жедала потребнеи усего видети. И прыехавшы к нему поздровила его, а не знала, хто ѡн естъ, и нашла его велми смутна: ѡнъ тужыл о своеи прыгоде и клѧл того днѧ, в которыи сѧ народил, и час, в которыи на конь усѣлъ. И прышедшы к нему дѣвка рекла: Рыцэру, боже тѧ потѣшъ. Ѡн еи ѡтказалъ: Даи ти богъ свою ласку. И рек Паламидеж: Длѧ бога, панно, стретила-ль еси рыцэра в бѣлои зброи? Ѡна рекла: Пане, ꙗ его стрѣтила и с нимъ говорыла неколко рѣчеи, ѡн едеть ѡдинъ самъ дубровою. Рекъ Паламидеж: Єсли вѣдаешъ ѡт него што говоречы, длѧ бога поведаи ми. Ѡна рекла: Не вѣмъ, иж есми перед тымъ его не видела и не могла имени доведати сѧ, бо ѡн ни ѡт Круглого стола ни ѡт двора Артиуша королѧ. Рекъ Паламидежъ: Если то правда? Ѡна рекла: Заисте такъ. Ѡн рекъ: Ѡхъ мои боже, то есми гореи еще зъсоромочон и жалостен, нижли первеи; и почал велми тужыти и плакати и ѡткинулъ гелмъ и ѡба мечы и щыт кинулъ

на дороіу, и всѣлъ на своего конѧ без зброи, и ехал с плачемъ и з великою жалостю; и видевшы то девка жаловала его велми любезно: Дла бога, рыцэру, поведь ми, чому сѧ так смутиш? Ѡнъ еи поведал все по раду:

Былъ мене богъ почстилъ у первомъ турнаю, а в другом, вышеи всихъ будучы ꙗ в том почстеньи, прышол некоторыи рыцэръ, такъ силно и жестоко збил мѧ напервеи сулицою и потомъ мечомъ и вчынилъ мѧ до конца у великои ганбе перед таким народом и перед такими людми добрыми. Длѧ того не могу носити оружѧ цэлыи годъ, а коли быхъ хотѣлъ носити, ꙗ быхъ сѧ печаловалъ ꙗкъ бы ему мъстилъ, (стр. 35) а тепер есми загиб и волѣлъ быхъ умерети нижли жыв быти. Рекла дѣвка: Пане, поведаи ми имѧ свое. И ѡн рекъ: ꙗ эсми Паламидеж. И то рекшы поехалъ ѡт нее велми борздо, и ѡна поехала своею дорогою искати того, которыи взѧл Болѧчу стражу; а то былъ Анъцолот з Локвеи, которыи поехал искати собе ровни и рыцэрства по кролевствам. Былъ послан Гаваѡн искати его также, и ехалъ всюды, гдѣ слышал соимы рыцэрские.

И едучы дѣвка по турнаи стрѣтила пана Гаваѡна едучы велми боръздо и поздровили сѧ. Рекъ Гаваѡнъ: Прошу тѧ, панно, поведаи ми ꙗкую повесть ѡ рыцэры, которыи носит знаме бѣло и зброю без другого знамени, што недавно ѡт нас ѡтъехалъ. Рекла девка: ꙗ ти повѣмъ если ми споведаешъ того, кого ꙗ ищу. Рекъ Гаваѡн: Которого ты ищешъ? Ѡна рекла: ꙗ ищу повести о рыцэру, которыи добыл Болѧчую стражу. Рекъ Гаваѡнъ: То внимам за правду, што то ест тотъ, которого ты стрѣтила, и ꙗ тэ-ж ѡ немъ сѧ пытамъ. И рекла девка: Заисте не тотъ, бо тот там николи не был, але ест онъ тому подобен поставою и мужством. Рек Гаваѡн: Єсли же не тот, ꙗ вжэ еду изъ земли гетое у Лондреш, ачеи быхъ мог чути ѡ нем длѧ кого есми много працовал. Рекла девка: Еду ꙗ с тобою. И поехали ѡба вмѣсте и прыехали к тому мѣсту, гдѣ был Паламидеж покинул зброю. Позналъ ее Гаваѡн и рекъ: То зброѧ ѡдного рыцэра велми доброго; и взѧл щыт и повесилъ его на дереве. Рекла панна: Коли

быю ведалъ того, которыи тую зброю покинулъ, ꙗкъ тужыл и плакалъ, ты бы сѧ тому велми дивовал. И поведала ему все по раду, што видела и слышала ѡт него. Гаваѡн рекъ: Можеш ли знати имѧ его? Ѡна рекла: Не хотѣлъ ми поведати. Рекъ Гаваѡн: Радъ бых вѣдалъ всю истоту ѡ нем, абых умѣл поведати королю Артиушу и у иншых королевских дворех. Потомъ поехали к королю и вошли у великии корабль.

То ѡставмо, вернимо сѧ къ пану Трыщану. Коли Трыщан ѡтъехал ѡт дѣвки, и ехал прудко и прыехал в город на господу ко Ижоте и къ Брагине и прышол ночъю таѧ сѧ. (стр. 36) А Брагинѧ стрѣтила, котораꙗ была рада вѣдати истоту ѡ турнаю, и коли ѡна видела, пошла к нему, поздровившы пытала его: Мои добрыи а почестныи пане, ꙗкъ сѧ еси мѣлъ у своеи речы? Поведаи ми ѡ турнаю, хто ѡт него чест мѣлъ? Рек Трыщан: Моꙗ милаꙗ панно, не могу ти того часу поведати. Рекла Брагинѧ: Пане, поведаи ми о Паламидежу; ѡн ли добыл турнаѧ? Рекъ Трыщан: Не могу ти ѡ нем поведати, леч добре то вѣм, што ѡн естъ ѡт добрых рыцэров, которые по свѣту слывут, але так сѧ ему тепер прыгодило, иж не добылъ чсти в томъ турнаи. Ѡна рекла усмехнувшы сѧ: А ты, наш рыцэру, ꙗкъ сѧ еси мѣлъ? Рек Трыщан: ꙗ єсми доконал своє вмышлениє ꙗкъ есми хотѣл, а прошу тѧ болшеи мѧ не пытаи. Ѡна его на томъ ѡставила, иж сѧ была домыслила, што ѡн не хочет ѡ своеи легкости а ни ѡ добромъ поведати, и ѡна ему дала добрую постелю, и ѡн легъ спати, што был вельми труденъ и ѡпухнулъ велми ѡт вдару. А коли ѡпочынул до своеи воли, и на завтреи было ему видене затекло и посинело ѡт многих вдаров. А коли почали люди говорыти ѡ рыцэры, которыи был в бѣлои эброи, а Трыщан ѡ том стыдил сѧ, бо не рад бы штоб его познали. И третего днѧ прыехал король Ленвизъ из своею дружыною у свои двор, а с нимъ прыехыли великиє рыцэры Гарнотъ, Бандэмаґул пан и Ѡван, и не мовили иного ничого, толко ѡ турнаи и ѡ бѣломъ рыцэру а ѡ Паламидежу, и дивили сѧ, што бѣлыи рыцэр безъ вести ехал. И рек Бандэмагулъ Гар-

ноту: Мнѣ сѧ видитъ иж то ест ѡныи рыцэр, которыи добыл Болачую стражу, тот рыцэр везде сѧ таил. Рече король: Прошу вас, што ест за рыцэр, ѡ комъ вы говорыте? И рек Гарнот: Пане, мы мовим ѡ томъ, которого недавно пасал мои ѡтец король Артиуш, и тот вчынил таковоє рыцэрство своєю рукою, ꙗкъ человѣкъ не видел а ни слышал, и нѣтъ чоловѣка, которыи бы имѧ его знал, (стр. 37) або хто ест ѡнъ. Рек король: Коли ѡн добыл битву, а имѧ свое таит и не хочет штобы его знали, тот велми ест добрыи. И вси тыє рѣчы его Трыщан передъ себе брал. А Брагинѧ была велми мудра и бачна, вси тыє рѣчы на сэрцы своем мѣла, и прышло єи на ум: Ачеи будет то рыцэръ, кому ꙗ дала конѧ и зброю и щыт? И почала пытати ѡдного и другого ѡ бѣлом рыцэры и довѣдала сѧ истотне, што ест Трыщанъ почстенъ в турнаи, и была ѡ томъ велми весела, и мыслила ꙗк бы могла вѣдати имѧ его, ѡткул естъ. И в тот вечор прышла ик королю Ленвизу и рекла: Господару королю, рач вѣдати ѡ бѣломъ рыцэры кого жедаешъ, которыи добыл сесь турнаи. Рек король: Девко, ꙗ того велми жедамъ, бо єсми видел велику доброть его моима ѡчыма. И рекла Брагинѧ: Не тужы, ꙗ тѧ хочу на дорогу навести. Рек король: Єсли ми правду споведаєшъ, буду тому велми вдѧчон. И на завтреє Брагинѧ рекла королю: Поиди со мною у палац. И ѡн шолъ, и вказала ему тую зброю и щытъ и рекла: Можеш ли ее знать, єсли єси видел в томъ турнаи? Рек король: Заисте таѧ зброꙗ и тот щытъ былъ на томъ рыцэры, которыи добыл турнаѧ. Але длѧ бога, девко, поведаи ми, єсли што ведаешъ ѡ немъ. Рекла Брагинѧ: Пане, коли єси ѡ том весел, не хочу таити перед тобою: то был ѡныи рыцэр, которыи у твоєм дому тепер, которого ты прынѧлъ ранного и болного, которого твоꙗ дочка злечыла.

Король то слышал, задивилъ сѧ, не вѣрыл тому же-бы ѡн так добрыи был, и почал пытати: Которым ѡбычаем то знаеш по нем? Ѡна ему поведала все по раду, ꙗкъ ему конѧ и зброю дала и ꙗкъ тэ-ж ѡпѧтъ прыехал к неи. И король прызвалъ там неколко людеи, которые были з ним на турнаю, и рекъ им: Мо-

жете ли познати тую зброю и тот щытъ? Ѡни рекли: Заправду таꙗ зброѧ добыла сего турнаꙗ. И потом король былъ веселъ.

И пошолъ до Трыщана и рек ему: Мои почстеныи рыцэру, ꙗ мамъ на тѧ жаль, што сѧ еси толко таилъ ѡт мене длѧ своего почстенѧ. (стр. 38) Єсли твоꙗ волѧ, поведаи ми имѧ свое. Коли Трыщан то чулъ, злѧкъ сѧ велми, што будеть познан, бо вѣдалъ иж ему тут наиболшое зло мыслѧт, и ѡтказал королю: Пане, длѧ мене еси много вчынилъ, чого ꙗ никому не повинен так много чынити ꙗкъ тобѣ, буду поки жыв, хочу ти ѡтдавати моими службами коли гдѣ мене будет потреба. Рек король: ꙗ иного тепер не потребую, ѡдно абыс ми споведалъ имѧ свое. Рек Трыщан: Мои пане, тепер то быти не можеть абых ти споведал. Рек король: Поведаи же ми, ты ли носилъ бѣлую зброю на семъ турнаи, которую ти дала Брагинѧ? И рекъ Трыщанъ: ꙗ носилъ тую зброю, да того ми жаль, што вы тое вѣдаете. Рекъ король: Рыцэру, ты можэшъ того не жаловати и дати мнѣ знати свою речъ, што ми еси вчынилъ великое почъстене, ижъ з моего дому рыцэр добыл турнаꙗ; длѧ твоего рыцэрства и длѧ твоее прыꙗзни и доброти дарую ти свою прыꙗзнь. Трыщан подѧковал велми умилно. Потом Трыщаново рыцэрство было значно ув-Орленъдэи, и был велми честован ѡт королѧ и ѡто всих добрых людеи, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворе, котораꙗ бы не была рада миловати его ѡт всего сэрца, если бы ѡн хотѣлъ. Внимали, што Ижота милуеть его потаи, але ѡна мѣла цнотливое сэрце, и король былъ рад штобы ѡна его миловала, а ѡн ее, и штобы ее взѧл за себе, бо знал тое иж ѡна не можеть за лепшого поити рыцэра над него, але ѡ том велми жаловалъ, што не вѣдалъ имени его, и не смѣлъ ему докучати ни пытати.

И ѡдного днѧ Трыщан мыл сѧ у ванне ув-однои коморе, и служыла ему Ижота и иные многие дѣвки, и каждаꙗ мела то собѣ за великии дар, што ему послужыла. И туды ходечы ѡдин чоловекъ, на имѧ Кушынъ, прыступил къ постели Трыщановои и взѧл мѣчъ, и вынѧвшы его почал гледѣти, и видевъ сѧ ему

хорошъ и ѡстръ, и не насытил сѧ гладечы на него и прынесъ его до королевое. Ѡна его почала ѡгледати и убачыла (стр. 39) в него щербину и рекла Кушыну: Поведаи ми, чыи то меч? И ѡн еи споведал. И ѡна рекла: Понеси его за мною; и ѡн понесъ и влез за нею у ее комору; ѡна вынела изъ скрыни уломок меча и прыложыла его къ мечу, и ѡн прыстал, и ѡна видела, што тот мѣчъ, которыи убил брата ее Амурата, и вдарыла сѧ по лицу и рекла: Ѡх мои боже, мои непрыѩтель ест у нашом дому, которыи убил моего брата королѧ Амурата доброго рыцэра! То ест Трыщан, длѧ того сѧ таилъ, а то ест тотъ мечъ, которыи учынил всихъ нас жалостных и понизил и уменшылъ всю Ѡрлендыю. И розгнѣвала сѧ велми, узавшы меч и пошла на Трыщана велми прудко, и прышодшы к нему замахнула тѧти его; Трыщан скрылъ сѧ у кадь. И рекла: Трыщане, ты еси тут мертвъ ѡт сего меча, которымъ еси убил моего брата королѧ Амурата; тепер еси мертвъ ѡтъ моее руки. Трыщан ниѩко сѧ не сполохал, а пахолокъ прыступилъ, рекъ: Пани, варуи сѧ, не вбиваи рыцэра своеи рукою, не слушыт тобѣ такои корунованои панеи королевои окрывавити свое руки в крови рыцэрскои. Єсли естъ виненъ, даи тую помсту на королѧ, ѡн может учынити, што будеть слушно ему и годно твою жалост мстити. А пани предъ сѧ не внела сѧ, наступила тѧти Трыщана, а пахолок ее уфатил за руку, не далъ тѧти, а Ижота покинувшы соромъ, бо ее милость Трыщанова тиснула, и защытила его рукою велми милосердъно. И рекла королеваѧ: Моѧ милаѧ дочко Ижото, што чыниш? То ест Трыщан, которыи убилъ твоего дѧдка Амурата.

И на тот крыкъ прышол король и рекъ: Пани, чому сѧ так гнѣваеш? Ѡна рекла: Господару, ѩкъ сѧ не гнѣвати? нашла єсми наиболшого непрыѩтелѧ своего Трыщана, которыи вбил брата моего Амурата, тым сѧ таил в нашом дворе; або его ты вби, або ѩ. То естъ тот мѣчъ, которыи Амурата вбил, а ѡн нехаи ѡт того-ж меча умрет. Король то чувшы и помыслилъ, бо был велми мудрыи, и рек: Тихо, пани, даи тую помсту на

мене, ꙗ хочу вчынити ꙗкъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль. И взялъ ѡт нее мѣчъ и рек: Поиди тепер вонъ. И ѡна пошла, (стр. 40) а король пытал Трыщана. И рек Трыщану: Милыи прыꙗтелю, ты-с вбилъ Амурата? Рек Трыщан: Таити сѧ болшеи не могу, ꙗ есми его вбилъ, нихто ми не може прыганити, иж такъ годило сѧ мнѣ его вбити, або ему мене, инак не могло быти. Рек король: Ты еси мертвъ; и засе ему рекъ: Оправи сѧ и прыиди ко мнѣ до великого палацу. А пры Трыщане ѡставил тры пахолки поки сѧ вбереть. Трыщанъ сѧ убралъ цудне и почестно и прышол до великого палацу у великои жалости, а наиболше и длѧ того, иж пры нем не было меча его. А палацъ былъ полонъ добрыхъ людеи, панеи и паненъ, и коли ѡни видели его, гледели на него велми пилно длѧ его цудности и великое доброти и рыцэрства и дивовали сѧ великои цудности его и цудныхъ умысловъ въ преспечности и дворности. И мовили панны до Ижоты: Єслибъ Трыщан мѣлъ смерть, которыи цуднеишыи всих на свѣте, было бы его жаль всим людем.

А такъ вси добрые люди и рыцэры мовили: Бог вѣ, на свѣте нѣтъ такого рыцэра, и великии бы грѣхъ абы за то[го] его забити, которыи сѧ вже не може вернути. Потомъ прышла королеваѧ и почала королю докучати со плачом мовечы: Пане, то естъ мои непрыꙗтель, мсти над нимъ поки ест у твоеи моцы, але коли ты его впустиш, не будет на твою волю.

Король миловал королевую и не ведал самъ, што мѣлъ учынити, и молъчал много ничого не мовечы, а наконецъ мовил всимъ у слышание: Трыщане, ты ми еси велми винен, але хотѧ ми вси люди будут мети за зле, што тѧ хочу пустити с покоем, ѡсвободити ѡт смерти, которую еси мѣлъ поднѧти, але прынѧлъ есми тебе у мои дом немоцного и бѣдного, дал есми тобѣ здорове; другое: Ты еси таковъ рыцэр, ꙗ тобѣ ровни не знаю на свѣте; третее: Не зрадне еси убилъ моего шурына Амурата, убил еси его рыцэрским обычаем. За то трое ѡтпускаю ти смерть, але такъ вчыни, ꙗкъ ѧ тобѣ повем: коли сѧ то такъ стало, тогды што можешъ наборздеи бежи (стр. 41) з моее земли, нигдѣ

не мешкаи, абых тѧ болшеи того нигдѣ не знашол, бо тѧ пэвне мушу забити если буду мог.

Слышавшы тое Трыщан, подѧковалъ велми умилно первеи богу и королю и взѧл ѡтпущенье ѡт королѧ и ѡт всихъ людеи, которые тут были. Король его ѡтправил почестне и дал ему конѧ и зброю, и Брагинѧ дала ему свои два браты, абы ему служыли, и велми была жалостна, але не дала сѧ знати королевои, бо королеваѧ гнѣвала сѧ длѧ Трыщана, што ему король ѡтпустил смерть. А Ижота и иные дѣвъки говорыли: Лепеи то ест, што Трыщан прост ѡт смерти за ѡного, которыи сѧ не мает вернути. А Трыщан поехал къ прыстанищу из своею дружыною, а люди говорыли и дивили сѧ его доброти и дворности. А коли ехал в судне, был имъ добрыи вѣтр на ихъ волю, прыгналъ ихъ боръздо у Корновалъ; и был тому Трыщанъ велми весел и въздалъ ѳалу богу со всего сэрца, и тут ѡпочынули ѡдинъ день пытаючы сѧ ѡ короли Марку и ѡныхъ панохъ. И назавтреи поехал гдѣ ему поведали королѧ Марка.

А коли Трыщанъ прыехалъ у двор королѧ Марка, король его велми вдѧчно прывиталъ, и тутъ было великое веселе, которое чынил король и панове, так ꙗкъ бы имъ прышол ѡтец, и миловали его панове, ꙗкъ свое сэрцо. Пыталъ король Трыщана, ꙗкъ сѧ ему што прыгодило ѡт того часу, ꙗкъ ѡт нихъ поехалъ на море немоцон. Трыщанъ ему поведал все по раду, ꙗкъ его фортуна прынесла ув-Орлендэю, и ꙗкъ его король прынѧлъ у свои двор и ласкав до него был, и ꙗк его дал лечыти дочцэ своеи Ижоте, котораꙗ вмела ѡт раны вышеи иных лѣкаровъ. И ѡпѧт поведалъ ѡ ее красе, и ꙗкъ его познали длѧ меча, и ꙗкъ его король збавилъ ѡт смерти и пустил его добре почестне; а не поведалъ ему ꙗкъ збил Паламидежа и добыл турнаꙗ. И былъ Трыщан в Корновали ѡт людеи у великомъ почъстеньи ꙗк самъ король Марко. А королевъство корновалское все было имъ свободно и многие стороны боꙗли сѧ его.

И в тые часы была ѡдна пани дочка ѡдного кнѧзѧ, цуднеишаꙗ над усю Корновалю, и недавно за себе понѧлъ ее ѡдинъ

рыцэр изъ Лоны(стр. 42)дрема, именемъ Сегурадес, длѧ ее красы, бо ѡна была ꙗко цвѣт и рожа. И король Марко розмиловал сѧ ее так сыльно, што нѣт на свете речы, чого бы длѧ нее не вчынил, толко бы ее по своей воли мѣлъ. И ѡна прыхожала часто въ королев двор на игру. И ѡдного днѧ прышла у дворъ на веселе, и король был велми веселъ ѡ ее прыходу. А коли ее видел Трыщан, почал на нее велми гледети, бо сѧ ему видела нанчуднейшаѧ реч по Ижоте, и прыстало к нему ее сэрцо и погледалъ хитро, ꙗкъ бы того нихто не бачыл. Коли ѡна видела Трыщана начуднейшого и наиболшого рыцэра, и прыпаде ей на умъ, коли бы хотѣлъ миловати ее, ѡна бы болшого не хотела, бо знала его доброт и мѣла всю свою мысль пры Трыщане и если бы могла без своее ганбы миловати его, а ѡко ее не было инде, толко пры Трыщане. И забыла всих людей пры Трыщане, а Трыщанъ забылъ Ижоту; ѡни поглядали ѡдин на другого велми умилно, и домыслилъ сѧ ѡдин, што в другого на мнѣ. И коли было къ вечору, пани узѧла прощане ѿт королѧ и прыступила велми вдѧчно къ Трыщану, мудро рекла: Пане, ꙗ есми твоѧ, если ты хочешъ. Рек Трыщанъ: Велика ласка, пани, ꙗ тѧ прынимаю велми вдѧчне, ꙗко твой рыцэр. Ѡдно тое рекшы межы собою, пани пошла до господы, а Трыщана понесла в серцы, и прышедшы на господу, послала хлопъца до Трыщана, которому сѧ велми звѣрыла, и рекла: Пойди скровно къ Трыщану и мов ему потаемне, нехай прыидет ко мнѣ на змерканьи и мовит со мною, и прыидет наражон со всимъ ѡружьемъ, бо не вѣдает человѣкъ, што сѧ ему где прыгодит; и прыедьте ѡба на болото конец мора. И хлопец рекъ: Пани, ꙗ готовъ справити твою волю. И пошолъ къ Трыщану и ѡтведъ его на ѡсобь и поведал ему посолство своее панее. Трыщан рекъ: ѧ радъ вчынити на ее волю, а ты не ходи никуды з двора, поедьмо ѡба посполе. И прызвалъ ѡдного пахолка и рекъ: Держы ми конь ѡседлан и зброю на первомъ змерканьи (стр. 43), да не поведай никому. А король Марко видел Трыщана, ѡдин на ѡдине с хлопъцом мовившы, и пошолъ ѿт пановъ у комору и велелъ всимъ выйти, и рекъ

хлопъцу: Што еси с Трыщаномъ говорылъ з моимъ сестренцомъ? И магуш рекъ: Пане, ꙗ того не могу поведати, ѡтпусти ми, але дамъ ти знати иж тот твои сестренецъ ни стюдено а ни тепло. Рек король: Хочу абыс ми поведалъ хотѧ и не по воли. Рек хлопец: Не годит сѧ мнѣ таемницъ поведати, а то бых зрадца былъ. Рек король: Мусиш поведати, албо маеш тепер же умерети. Хлопец злѧк сѧ велми и рекъ: Господару, ꙗ ти повѣмъ, да длѧ бога не поведаи никому. И король сѧ ему ѡбецал, и ѡн споведалъ все, ꙗкъ его пани послала къ Трыщану и ꙗкъ ѡнъ хочет поехати къ неи.

И услышал то король, былъ ѡ томъ велми жалостен, бо ѡн ее хотѣлъ мѣти по своеи воли, а ѡна сѧ ѡт него ѡтмовила и не прызволила ему жаднымъ ѡбычаем. И седѣлъ много мыслечы и рекъ самъ к собѣ: Бачъ на того, ѡна сѧ ѡт мене ѡтмовила такъ великому пану, а могъ бых еи зло и добро вчынити, и дала сѧ тому, которыи не может еи ничого вчынити и не ест рыцэр такъ добрыи ꙗкъ ѧ; по правде ѡна бэзумнаѧ невѣста и длѧ того будеть мѣти великую жалость. Але не дал знати магушу мысли своеи и ставил сѧ лѣпшымъ рыцэромъ, нижли Трыщан, и мыслил великии час и рек магушу хлопцу: Дивно ми твоеи панеи, ꙗкъ сѧ такъ борздо розмиловала Трыщана, которыи еще детина, а ꙗ знаю лепшого рыцэра нижли Трыщана, а панъ ест великии ꙗкъ ѧ самъ, которыи хотѣлъ велми миловати ее, ѡна сѧ ѡтмовила ѡт него. Рекъ магуш: Господару, не вѣдаете-ль вы того, што часто сѧ прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии ѡбереть собѣ меншую и пущую, а могла бы ему быт два крот лѣпшаꙗ; такъ же и невѣста не всхочет доброго рыцэра або великого пана. И рек король: ꙗ сам ее досыт искал, а ѡна сѧ ѡтмовила ѡт мене, и длѧ ее глупости хочу ее уморыти и домъ ее погубити. Коли магушъ то чулъ, злѧк сѧ, бо знал королѧ наизрадлившого чоловека, и домыслилъ сѧ тому (стр. 44) иж король мает ехати вмѣсто Трыщана, абы мѣлъ ее по своеи воли. А лепеи бы панеи загинути нижли тоє вчынити: потомъ бы Тры-

щанъ мыслилъ королю што злого вчынити. Рек король магушу: Што мыслишъ? И ѡн ему споведалъ всю правду.

И коли король познаъ, што ѡн свою панию зычыть ему болшъ нижли Трыщану, былъ тому велми рад: И ты ми можешъ добра много вчынити, иж ꙗ маю твою панию на мысли, бо коли бы мѧ мѣла разъ в себе, потомъ бы мѧ завжды рада мѣти. Рек магуш: Пане, ꙗ рад што буду мог вчынити, але с Трыщаномъ што мыслиш? А ꙗ рекъ поити з нимъ, а если ему золъгу, зле ми сѧ станет.—Длѧ того недбаи ничого, ꙗ хочу поехати с одным пахолкомъ въ зброи, а вас буду ждати пры студни куды вамъ ехати, и там хочу почостовати Трыщана, што забудет твоее панее милости. А коли его ѡтбуду, тогды поеду с тобою, а ты мѧ поведеш вмѣсто Трыщана, а тобѣ будеть за то велми добро. И магуш рекъ: ꙗ рад вчынити на твою волю, але длѧ бога поведаи ми, ꙗкъ мыслиш ѡтбыти Трыщана велми доброго и моцного рыцэра. Длѧ бога не пускаи сѧ на таковую прыгоду, бо ѡн хочеть поехати в зброи. Рек король магушу: Подобно сѧ тобѣ видить, штобы Трыщанъ моцнеи мене был? Не страши сѧ, хочу его вчынити ганбена. И вышол король з магушомъ с коморы. И Трыщан его видевшы и рекъ: ꙗ готовъ ехати. Рек магуш: Нехаи будет час. Король прызвал ѡдного пахолка: Наготуи ми конь и зброю ку змерканю, а не поведаи никому. И вбрал сѧ въ зброю и всѣлъ на конь и поехалъ с тым пахолъком к тому мѣсту, а пахолок понес его щытъ и сулицу. И прыехали к тои водѣ; король зъселъ с конѧ и рекъ: Намъ тут потреба ждати того, кого тут прохали. И ѡпочываючы ѡни вбачыли, аж едет Трыщан с одным пахолкомъ и з магушем. Король всѣлъ на конь и рек пахолку: Даи ми щыт и сулицу. Рек пахолокъ: Што хочеш, пане, чынити? (стр. 45) И король рек: Тот едет, кого ꙗ ненавижу и не могу весел быти покул не вкорочу жывота его. Рек пахолокъ: Пане, ѡтпусти ми, то ми сѧ не видит добре, бо коли ѡнъ есть у твоемъ дому, можеш его у другии поганъбити а вчынити на свою волю, а хитро сѧ ему не можешъ помстити, а если ти винен, не вдаваи сѧ на таковую пры-

...нова зъ Блерыжемъ) И скочыл ѡдин к ...ое рыцэрътсво, и вдарыли сѧ так моцно ...и на землю, и почали сѧ мечы рубати по ...ѡба не звышать ѡдин над другимъ, ꙗкъ ...наючы сѧ, и в малои фили ѡба ранили сѧ и ...и ѡт моцныхъ вдаровъ, и ѡбадва внимали ...ого прыиметь ганбу албо смерть, и ѡбема ...чынути. Блерыж ѡтступил и положил щыт ...очынулъ, почалъ дивити сѧ и рекъ: Не ест ...цалот з Локве; а Трыщан также ѡпочивал. ...ыцэру, ꙗ знаю што ты первыи ѡт добрыхъ ...у тѧ, поведаи ми имѧ свое. Не говору ти длѧ ... што напред дал, леч абых вѣдалъ кого есми ... хто мене добылъ. И Трыщанъ рек: Коли жо... имѧ мое, ꙗ есми Трыщан изъ Єлиѡноса, сынъ ...лдуша. Коли Блерыж то чулъ, рекъ: Во имѧ боже ... бити сѧ не хочу, бо есми слышалъ ѡ тобѣ много ... ꙗ сѧ тобѣ даю: мѣи тую битву за добытую. И подал ... Рек Трыщан: Ѡ пане, того почтенꙗ не заслужылъ ...стъ есми годен, бо также и мнѣ ест потреба ѡпочы... ...коли хочеш ѡставити битву, ꙗ рад, але маеш ѡтдати ...нию, бо ни длѧ чого иного не ехалъ если ѡдно длѧ нее. И ...лерыж: Пане, не могу того вчынити иж ты вѣдаеш, ижъ ... добыл есми сулицою; але если всхочеш, вчынимо так: ...мо на ее волю, с ким ѡна полюбит поити, нехаи того ѡна ...цет. Рек Трыщан: Добре. И поставили панию межы собою ... рекли еи: Таꙗ битва тебѣ дѣлѧ, злюби кого хочеш, нехаи ...ерестанет битва. Ѡна им подѧковала и рекла такъ: Трыщане, велми есми тебе рада видела (стр. 52) и миловала, але коли-с так лихии што мѧ еси допустил ѡдному рыцэру чужому повести з двора твоего дѧдка, длѧ того николи тебе не буду миловати. И ѡбернувшы сѧ пошла к Блерыжу. Коли Трыщан тое виделъ, был велми смутен, если бы его збито, не былъ бы так смутенъ, иж ѡн миловалъ тую панию со всего серца, и ѡт великое жа-

лости не мог ни слова промовити. И пошолъ до конѧ и прыехал у двор королѧ Марка.

Король Марко былъ слышалъ ѡт Аудрета ꙗкъ Трыщан збил тых двух рыцэров, и король мѣл великъ страх иж Трыщан прыидеть на великую доброту и ѡблакомившы сѧ абы ему не взѧл земли. И рекъ Трыщану въ слышанє всехъ людеи: Милыи мои сестренче, ꙗ много слышал ѡ тобѣ чому ꙗ могу вѣрыти; длѧ того, абых ѡ том не мыслил, прошу тѧ абыс ми присѧгнулъ, што ми споведаешъ и не затаишъ ѡ чом тѧ буду пытати, а тобѣ с того сорому не будет. Трыщан не хотѣлъ зневѣрыти сѧ дѧдку, и Говорнаръ ему мовилъ абы ему што мога угожал во всем. И рек: Пане, готов есми поведати все в чом ми ганбы не будет. И рек король: Прысѧгни-ж ми. Трыщан прысѧгнул, и король рекъ: Прошу тѧ, споведаи ми все по раду рыцэрство твое, што ти сѧ прыгодило ѡт того часу, ꙗкъ есми тебе пасал на рыцэрство. Рекъ Трыщан: Што естъ волѧ твоꙗ, а мнѣ того не трудно. И почалъ ему поведати по раду и прышол к тому, што был вчынил ув-Орленъдэи, и тут его слухали з великим дивом и стоꙗли вси ꙗк забывъ сѧ, и споведалъ имъ до Блерыжа. И король и Аудрет были велми смутны, а иные вси веселы, и рекъ Трыщан: Пане, большеи того есми ничого не вчынил, але, пане, забудьте тое, ꙗ то мамъ ни за што. И король рекъ: Не хотѣлъ быхъ забыти жадным ѡбычаемъ, а коли тобѣ Богъ даст, можешъ быти большыи рыцэр на свѣте, и ѡт сее фили вжо есми в доброи надѣи и лепеи весел нижли перво. А панове рекли: Тепер Корновал не бои сѧ докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ. И еще король рек (стр. 53): Боже ему даи здорове; а не ѡбѧвилъ король никому своее мысли, што былъ велми смутен, и почалъ боꙗти сѧ Трыщана, и не было на свѣте рѣчы, которую бы волѣлъ, только уморыти Трыщана нѣꙗкъ хитро, штобы сѧ не довѣдали. И почалъ мыслити ꙗк бы могло быти: бо ему не могу во всемъ угодити, а если хиблю, то есми загиб, а коли бы его не было на свѣте, ꙗ бых николи никого не боꙗл сѧ.

И будучы ѡн в тои печали прышла ему на умъ ѡдна реч, ѡт чого бы могъ весел быти и збыти Трыщана.

Ѡдного дна было неколко з нимъ дворан и мовили ему: Милостивыи королю, немудре чынишъ иж жоны не маеш. И Трыщан рек: Пане, велми слушне штобы сѧ ты ѡженил, и всѧ бы Корновалѧ большеи была бы важона ѡт ѡколичныхъ сусѣдъ. И король рекъ: Сестренчэ мои, коли ты въсхочеш, ꙗ буду собѣ мѣти жону, а иныи мене не может ѡженити, ѡдно ты, и на тобѣ то залежит: если въсхочеш, ты можеш наити мнѣ красную жону и добрую ꙗкую бых ꙗ хотѣлъ. Рек Трыщан: Єсли то на мене залежыт, будеш ю мѣти, хотѧ ми на то горло втратити. И простер руку противъ ѡдное цэркви, которую близко виделъ, и рек: Такъ ми бог помози и его моц, ꙗ хочу вчынити мою моц. Король рек: Уже ꙗко бых ю мѣлъ в мене, ꙗ тобѣ повѣмъ тую, которую бых мѣти хотѣлъ. Ты вѣдаєшъ, што ми еси поведалъ ѡдну панну и фалилъ єси ее, што-ж ее красе нѣт ровни на свѣте — таѧ ми нехаи будет жона, а инаꙗ жаднаѧ не будет, а то ест королевна орленъдэискаꙗ краснаѧ Ижота. И не мешкаи, прынеси ми ю, а ѡзми што тобѣ будет потреба, ꙗкъ дворан много и всего што вам надобеть. Коли Трыщан тое слышал, позналъ што его дѧдко ненавидить и шлет его на смерть ув-Орълендэю. И ачъколвек ма быти зъ его недобрымъ, ѡднако-жъ на то прызволилъ, ꙗко сѧ ему ѡбецалъ. И рек король: Милыи мои сестренъчэ, ѡбецаи ми сѧ пополнити с правого серца. И рекъ Трыщанъ: Пане, хотѧ ми умерети (стр. 54), а ты ее будеш мѣти. И король ему подѧковал и рек: Будьте готовы и справте сѧ порадне, ꙗкъ бы єсте тую реч повели почестне; але мое серцэ не ѡтпочинеть докуль сѧ ты не вернешъ а Ижота будеть у моемъ дому. И Трыщан рад бы сѧ былъ ѡтмовилъ ѡт тое дороги, иж знал што его шлет тамъ, гдѣ ему нагоршые непрыѧтели длѧ Амурата, и каꙗлъ сѧ ѡ том, але ѡднак сѧ не ѡтмовилъ. И выбрал сорок панѧтъ молодых абы ехали с ним, ѡни были вельми смутны, бо не надевали сѧ такъ мѣти ганбу ꙗко в наибольшых непрыꙗтелехъ, але хотѧ не хотели, муcели сѧ направлѧти на дорогу. Судно было готово и ѡни были готовы, Говорнаръ плакалъ велми и рек Трыщану: Можеш

познати мнѣ тобѣ твое дѣло [illegible], а то ся [illegible] большея для твоея смерти ниж для Ижоты. Рекъ Трыщанъ: Мистре, не бой сѧ, хотя ся мыслит зло, а коли ся могу втеку в томъ и в другомъ, мусить ми добро мыслити и чинити. Рек Говорнаръ: Боже ти дай добро. Панъ Трыщан отправилъ сѧ у судне на море изъ своею дружиною велми достаточне и богато. И коли [illegible], была межы ними игра и кунштиы якъ то межы рыцеры и молодыми людми, а коли [illegible] куды идут, тогды не вѣдали што речы, але Трыщан ихъ тѣшылъ и казалъ то у смѣхъ, и ѡни сѧ тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцерство и говорыли: Мы съ Трыщаном не прымемъ лиха. И былъ имъ супротивный вѣтръ, и корнары лякли сѧ и знегали сѧ много и не могли ити, а пустили судно куды вѣтръ понесеть, и почали Бога просити: Боже, змилуй сѧ избавь насъ отъ смерти. Трывала така година день и ноч, а на завтрея вѣтръ перестал и море утихло, и ѡни нашли сѧ близко ѡдного мѣста, которое звано Домолот, столичное мѣсто Артиуша королѧ, бо было роскошно и богато над вея городы выбрано, а было пры моры. И коли сѧ тут познали, не было тутъ короля Артиуша, поехалъ былъ у Карьдуель з невеликою дружиною. И спыталъ Трыщанъ корнаров (стр. 55): Гдѣ есмо? И ѡни рекли: Мы есмо у великои земли. Рек Трыщан: Вже не боимо сѧ и вздаимо фалу богу, што есмо на края, и ѡзмемъ собе тут покои и вчастность, фалечы Бога, што насъ здоровыхъ прынесъ на края. И такъ вчынили, роспали шест шатровъ великих и вынесли щыты и зброи и вывели кони и стояли на том местцу в-ыгре и у веселью. И в тот час выехали два рыцэры ежджалыхъ, которые были знали сѧ на дорозе не знаючы ѡдинъ другого, а з ними по пахолку, а имена ѡдному Ѩщор, братъ Анцалютов, а другому Марганоръ; Ѩщор былъ поставленъ недавно рыцэромъ ѩкобы чотыри недели, але не мешкалъ у дворе ни тыдна, поехал фортуны искати, и стало сѧ ему много добра иж ѡн былъ ѡт добрых кольцовъ и велми высокаго серца. А Марганор был старъшымъ лѣт а николи не был збит, але не былъ такого серца ѩкъ Ѩщоръ.

Коли ѡни прыехали ближеи къ шатром и ввидели щыты и гельмы, и рекли: То сут еждчалые рыцэры, стоꙗт в холоде, а щыты поклали ѡбычаемъ лонъдрешскимъ, которые кольвек едут мимо абы сѧ з ними коштовали. И хто бы их минулъ не покусившы сѧ, то бы ему соромъ. Рекъ Марганор: Мы маем кольбу, а тые нас ждут або иных, але если сѧ не будем с ними колоти, то єсмо в сороме. И рек Ꙗщор: Ну-жъ во имя боже! И направили сѧ ꙗкъ потреба. А с Трыщаномъ был ѡдин рыцэр, што ведал ѡбычаи тотъ, бо ездилъ по королѧ Артиуша земли, рекъ: Трыщан, видиш тые два рыцэры готують сѧ икъ кольбе, што не могут проити не бившы сѧ, видечы наши щыты перед шатры. Рекъ Трыщан: Так ли ест ѡбычаи ихъ? Ѡн рекъ: Так. Рекл Трыщанъ: Благословени тые, которые тот ѡбычаи постановили! И мы того не ѡпускаимо, даите ми зброю. И рекли другие: Чому? Рек Трыщанъ: Видите-ль тыхъ двух рыцэров, што хочут бити сѧ з нами? И ѡни рекли: А коли мы не хочем? Рекъ Трыщанъ: Коли мы сѧ маем боꙗти (стр. 56) тых двух рыцэров, тогды не ѡземемъ Ижоты из Ѡрлендэи, где инакъ ее не добудем.

(Битва Трыщанова з Маргаромъ) И коли былъ ѡправленъ, всѣлъ на конь и ѡтехал мало ѡт шатров. Рек Марганоръ: Рыцэр естъ готов, єсли хочеш едьмо к нему. Ꙗщоръ, будучы молодшыи, не хотѣлъ перед ним попередити, и ѡнъ ехалъ и вдарыл Трыщана в щыт велми моцно. Сулица пошла ему на трѣски, а Трыщан сѧ ни мало не рушыл и вдарыл Марганора велми моцно, и ѡн палъ на ѡдну сторону, а конь на другую, нижли не раненъ, и велми сѧ збил ѡт паденьꙗ.

(Битва Трыщанова зъ Ꙗщором) Трыщанъ збил ѡдного и ехал къ другому, и Ꙗщор къ нему и вдарылъ Трыщана, аж сѧ ему сулица на трески спадала. А ѡт того вдару пробилъ ему щытъ и зброю и ранилъ его в лѣвыи бокъ немного, а Трыщан его вдарылъ так моцно, аж Ꙗщор на землю пал, и видечы сѧ сколотъ, скочылъ и взѧл мечъ и рекъ: Рыцэру, почстил сѧ еси сулицою, би сѧ еще мечом доколе добудеть ѡдин другого. Рек Трыщан: ꙗ того не хочу, иж ми ни ѡ што не идеть, а кололи сѧ

есмо для ѡбычаю, а бити ся не́ хочу. Рекъ Ящор: Побимо ся немного. Трыщан рекъ: Не хочу. Ящоръ былъ велми смутен, рек: Так ти богъ помози, хто еси, што такъ боишъ ся мечного удару? Рек Трыщанъ: ю есми с Корновали. Ящоръ рек: Чы властныи еси рыцэръ короля Марка? Рек Трыщанъ: Єстэм и вси тые, которых бачышъ. Ящор рекъ: Въ злыи час вы пришли есте в сюю землю, коли ю зганбенъ. Рекъ Трыщанъ: Для чого? Ѡн рекъ: Хтокольвекъ почует, што ю зноденъ ѡт тебе, каждыи ма будет мѣти за худого рыцэра, и негоден есми ѡружя носити. И ѡткинулъ ѡт себе щытъ и мечъ и почалъ плакати и клести себе. Рек Трыщан: Што то чынишъ, прошу тебе? Ящор рекъ: Не хочу того носити ѡружя, а ни ехати на том кони, на которомъ есми таковую ганбу прынял ѡт ѡдного рыцэра, бы ми пѣшу поити. (стр. 57) И пустил коня у поле. И тому ся Трыщан насмеялъ и рек: Рыцэру, сором мнѣ есть пустити тя пѣша, коли не хочеш того коня и зброи, ѡзми мою зброю и конь. Рекъ Ящор: Не дай того богъ, то бых еще горей зганбен, бых ся ѡболокъ въ зброю корновальскую. И пошолъ пешъ, ѡставилъ того коня и зброю на поли, а с ним поехал Марганор велми жалостен. Трыщан вернулъ ся до дружыны и поведал имъ Ящоровы речы и почали дивити ся. И на завтрей стоечы ѡни там, узрели судно велико идеть к нимъ до прыстанища. Ѡни прыстали, а в томъ судне былъ самъ король Ленвизъ ѡрлендэски. И прыстали ѡдалей судна из стрельбищэ и вышли на краи, и поставили шатеръ, вывели кони, и король усѣлъ на конь и поехал къ Трыщановым шатром. И коли был у шатров, спытал: Ѡткуль ест тая дружына? Ѡни рекли: Ис Корновали. Рекъ король: Котораю потреба вас сюда загнала? Ѡни рекли: Зла година. Король спыталъ: Єсть ли тут Трыщанъ? Ѡни рекли: Ест, ѡно ѡтпочываеть у шатре. Але вы ѡткуля, што пытаете Трыщана? Король рек: ю есми ѡдин рыцэръ из Ѡрлендэи, велми есми ест радъ видети. Надеваюсь ся иж ѡн будеть рад видети ся со мною. И ѡни рекли: юкъ тобе есть имя, быхъмо ему умѣли поведати? Ѡн рек: Имя мое ест Ленвизъ, поведаите ему. Коли чул Тры-

щан менуючы Ленвиза, ѡнъ скочыл и рек: Где есть? Ѡни рекли: Тамъ тѧ ждеть. Ѡнъ пошолъ борздо и виделъ королѧ перед шатромъ и бѣгъ к нему велми весело, и ѡблапили сѧ велми мило и пытали сѧ, ꙗкъ сѧ кому прыгодяло ѡт того часу коли сѧ разлучыли. Рекъ король: Велми есми весел, што есми тебе нашолъ. Рекъ Трыщан: Пане, а ꙗкаѧ мене ест тобѣ потреба? ꙗ есми много мѣлъ почесности у твоемъ дворэ, а то недавно избавил мѧ еси смерти, а ꙗ тобѣ ѡбецалъ што нетъ рѣчы на свѣте, чого бых длѧ тебе не вчынилъ, ѡдно бы без моее ганбы. Рек король: Велика ласка, повѣм ти, длѧ чого есми прыехалъ тутъ у кролевство лондрешское. Были ув-Орлендэи после тебе частые турнаи, (стр. 58) на которыи прыеждчали много добрых рыцэров из Лондреша, из Галиуша и ѡт иныхъ сторонъ, и было неколико турнаевъ под ѡнымъ городомъ, где ты збилъ Паламидежа. И прыехали чотыри рыцэры уроженые а кревные короля Бана баноцкого, и тые добыли тотъ турнаи, и просилъ есми ихъ абы стоꙗли у моемъ дому, и они прыехали, и иныхъ досыт у тот город, у которомъ ты стоꙗл. Будучы ѡни тамъ, нашло сѧ по грехом, чого-ж ꙗ не свѣдомъ, иж ѡдинъ з них убитъ у моемъ дому, чого затаить не могу. Але то богъ вѣ, ижъ есми в томъ невинен. И жаловалъ есми того велми, такъ ми бог помози, волелъ бых утратити ѡдин добрыи замок, нижли бы сѧ тое злое у моем дому стало. И видевшы то тые тры рыцэры, которые были з ним, гневали сѧ на мене да не могли ми ничого учынити у моем дому, и ѡдинъ з нихъ, именем Бланор, рекъ: Королю Ленвизе, мы есмо прыехали у твои домъ званые ꙗко къ прыꙗтелю, а ты нам учынил ꙗк непрыѧтель, забил еси нашого брата у своем дому зрадне. Тутъ с тобою не можем ничого почати, але сѧ росправиш со мною на дворе королѧ Артиуша битвою. И то рекшы поехал, также и другие рыцэры, которые там были, говорыли, бо всимъ того было жаль. И недавно ми прынесли листы ѡт королѧ Артиуша, позываючы мене и даючы рок, абых сталъ перед ними бити сѧ и ѡтвести сѧ неправде, которую Бланор на мене положыл длѧ смерти своего

кревного. А дает ми вѣдати, если бых не стал, то мам згинути ꙗко зрадца; на которыи позовъ мушу стати, бо ест король Артиушъ так силенъ, иж можеть мѧ згубити, а во всих моих людех нѣтъ чоловѣка, которыи бы могъ бити сѧ зъ Бланоромъ, а ни сѧ сам таков чую, бых сѧ могъ ѡт его потвары ѡтвести, иж ѡдин ѡнъ ѡт добрых рыцэров, которые слывут по свѣту. Длѧ того есми у великои печали и не вѣмъ, што бых учынилъ. Але за мою доброт, которую еси мѣлъ у моемъ дому, смѣю тѧ просити, абы еси за мене з Бланоромъ билъ сѧ, и надѣю сѧ на твою ласку. (стр. 59) Коли Трыщан то выслухал, был велми весел и рек самъ к собѣ: Уже-жъ буду мѣти Ижоту, по што есми прышол; и ѡтказалъ ему: Пане, ты длѧ мене много чынилъ, а ꙗ готов длѧ тебе чынити. Але умовмо сѧ: Коли даст богъ тое справлю, даи ми ѡдинъ дар, которого буду у тебе просити. Король ему велми радъ ѡбецалъ, и Говорнар и вси панове корновальские и ѡрлендэиские почали мовити, абы чули ѡбе стороне, которые тутъ стоѧли: Трыщан естъ готов бити сѧ з Бланором за правду. А король ему ѡбецал дар, которого будет Трыщанъ просити, коли тую реч сполнить. И рекли: Такъ ли естъ? Рек король: Такъ; и Трыщанъ: Такъ естъ. И тут ударыли у бубны и у трубы трубити с обу сторон, и было великое веселье, ижъ ѡрлендэене знали Трыщана велми доброго рыцэра и рекли: Уже-жъ Бланор збитъ коли на тую потребу знашли Трыщана. А корновалене мовили: А мы маемъ то, што хочемъ. Трыщан рекъ тым и другимъ: Если мѧ милуете, не поведаите мѧ а ни ѡткуль есми ꙗ, а ни ѡ том, што мам тую битву прынѧти. Ѡни рекли: Пане, будь на твою волю. И злучыли сѧ вмѣсто ѡрлендэене с корновалены. И пры том весельи прыехала у шатер ѡдна дѣвка носечы ѡдин щыт хорошыи, а был без иного белега, не так, ꙗкъ иные щыты: на нем была написана ѡдна пани, и ѡдин рыцэр целовал панию, а щытъ был росъщеплен по середине, и не могли его ниꙗкъ стиснути, а ѡн щыт росщеплен былъ межы усты витезевыми и панее. Трыщанъ и иные почали дивити сѧ и пытати дѣвки: Ѡт-

куль еси ты? И ѡна рекла: Ꙗ есми гост с чужого панства, а послана есми ѡт ѡдное панеи до другое болшое. Рек Трыщан: Прошу поведаи ми, если рачышъ, чому тотъ щыт рощепил сѧ? Чы может сѧ стиснути которым ѡбычаемъ? Рекла дѣвка: А хто еси што мѧ пытаешъ? Рек Трыщанъ (стр. 60): Ꙗ есми гост с чужое стороны. Рекла дѣвка: Єсли хочеш нешто ведати ѡт мене, поведаи ми имѧ свое. Ѡн рекъ: Имѧ ми єстъ Трыщан, сестренец королѧ Марка корновалского. Ѡна рекла: Пане, слышала есми много доброго ѡ тобѣ ѡт многихъ людеи, длѧ того ти повѣмъ. У сеи земли ѡдин витезь такъ великии, иж надъ него ни близко ни далеко нѣтъ, а милует ѡдну панию велми высоку у сеи земли, так ю впрэиме милуеть, лепѣи нижли сам себе, а пани его также, але еще сѧ не познали телесне, ѡдно сѧ целовали. Из ѡное милости тот щыт учыненъ ест, ꙗкъ его видиш, и не может сѧ жадным ѡбычаем зъступити, докул сѧ ѡни злучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогды сѧ тот щытъ зъступит. Рек Трыщанъ: Поведаи ми, дѣвко, имѧ того рыцэра. Она рекла: Того ти не повѣмъ ни ꙗкожэ. Рекъ Трыщан: Дѣвко, ест-ли корол Артиушъ у Дамолоте? Ѡна рекла: Нетъ, але естъ у Кардуели, а ѡставил королѧ Кардоса и королѧ из [С]гоцэи смотрети тое битвы, котораѧ мает быти королю ѡрлендэискому з Бланором. У дворе тепер много добрых рыцэров племени королѧ Бана баноцкого, которые прыехали длѧ тое битвы. Трыщан рекъ: Ꙗков тотъ витезь с ким сѧ королю бити? Рекла дѣвка: Велми витежства доброго. За тым девка поехала до Кардуелѧ, бо там надевала сѧ знаити кого искала; а таѧ дѣвка была ѡдное панеи з Локве, котораѧ была великаѧ зелеиница, чаровница болшеи нижли иные вѣдьмы, а того была навчыла сѧ ѡт Мерлина пророка, которыи много знал ѡ прыидучых речах, але сѧ в томъ не вмѣлъ мудро заховати, абы его не вморыла таѧ, которую миловалъ зо всего серца, и звѣрылъ сѧ еи всего, а ѡна его вморыла руками его жывот, затворыла у гробе подъ землею, зачаровавшы такъ, иж ѡнъ не был (стр. 61) собою волен. А ѡт того велико сѧ зло стало, што такаѧ мудрост

пала перед ѡную жону. И таѩ пани з Локве, ѡ которои вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы, которые были межы королевою Веливерою и Анцалотом, ѡна хотѣла ведати ихъ справу, дла того послала королевои тую дѣвку и щыт и поручыла еи такие рѣчы, абы королеваѧ знала, што тотъ щыт, и гледѣла на него и дѣвку тэ-ж задержала в себе, поки сѧ тут злучыть з Онцалотомъ, хотечы видети, чы ступит сѧ тогды щытъ вмѣсто. То ѡставмо. А Ѡнцалот в тотъ часъ былъ в прынчыпа Галиѡта, которыи велми миловал Анцолота, волѣль бы вмерети, нижли бы не мѣти его въ товарыштве. А если бы Анцолот вмер, ѡнъ и вси рыпэры силно бы его жаловали, бо не было так силное руки и так высокого серца.

Трыщан ѡпѧт пошол до королѧ и поведал ему все, што чул ѡт девки, и ѡ Бланоре, ѩкъ прыехал у дворъ королѧ Артиушов, и ѩкъ король Артиушъ ѡставилъ два короли смотрети бытвы. Треба се вам поспешыти, рек король: так намъ бог помози и даи почстене, ѩкъ есми правъ. Говоречы ѡни такъ, аж ѡпѧтъ едеть девка плачучы; Трыщан сталъ ѩкъ забыв сѧ и ѡставил королѧ и шолъ борьздо къ девцэ и рекъ: Што сѧ тобе стало? Ѡна рекла: Пане, щытъ, которыи есми носила, ѡтнѧлъ ми его ѡдин витезь; ѩ есми загибла и не вѣм, што чынити, и мало мѧ не вбилъ, што есми не хотѣла щыта дати. Тепер сѧ не смѣю вернути ни на перед пoити куды-мъ шла. Трыщан был злое воли и рекъ: Щытъ може быти у тебе; поведаи ми, куды поехал? Ѡна рекла: Простою дорогою. И Трыщан сѧ убралъ у зброю борздо и поехал за нимъ, а с нимъ ѡдин пахолокъ, и борздо его догонилъ. И с тымъ витезем были два пахолъки; коли его видел Трыщанъ, кликнулъ витезю: Верни щытъ девцэ (стр. 62), або сѧ варуи мене.

(Битва Трыщанова зъ Бреусом) И ѡн забол к нему и вдарыл его всею моцю и зломалъ сулицу, а Трыщан его вдарылъ, аж сулица прошла плечо правое, а ѡн пал на землю. А коли Трыщанъ вынѧлъ сулицу, и ѡнъ сомлѣлъ ѡт болести; Трыщанъ, хотечы вѣдати хто ест ѡн, зъселъ с конѧ и снѧлъ ему гелмъ з головы и рекъ ему: Ты еси мертвъ, если сѧ не ѡбецаеш, што ти

велю! И ѡн видел голову свою голу и мѣлъ страх смертныи и вынялъ меч свои и подал Трыщану и ѡбецал ему учынити што велить. Рек Трыщан: Всѧдь на конь, а едь за мною веземшы щыт. И ѡн вселъ и поехал; и коли были близко шатров, ѡнъ вернул щыт девцэ, рек: Готов есми ѡправити, што тобѣ жал. Рекла девка: Не хочу ѡт тебе болшеи, толко щыта. Трыщан рекъ: Хто еси ты? Ѡнъ рек: Бреусъ. Рек Трыщан: Чы по милости естъ Бреусъ? Ѡнъ рекъ: Такъ мѧ люди зовут. Рек Трыщан: Ꙗ слышал ѡт людеи говоречы зло ѡ тобѣ, але коли бых тѧ такъ не пустилъ, ꙗ быхъ мстилъ на тобѣ за твою злост и зраду. Але иди съ покоем. А дѣвка подѧковала Трыщану велми умилно и поехала своєю дорогою. Трыщанъ прыехалъ до королѧ, и король рек Трыщану: Єдмо там, гдѣ насъ ждутъ. Рекъ Трыщан: Будь такъ; и нарадившы сѧ почестне поехали и прыехали в Дамалот и ехали мимо королевскии двор, а перед дворомъ седѣло людеи добрых досыт. Трыщан ехал изъ своєю дружыною господъскимъ ѡбычаємъ, а ехалъ в гелму, бо не хотѣлъ абы его познали, ѡдин витезь несъ сулицу, а другии ему несъ щыт. А тогды были у дворе вси добрые витези кревные королѧ Бана баноцкого, и были ѡные два короли, которых ѡставил корол Артиушъ видети тую битву. Коли ѡные племѧ видели королѧ ѡрлендеиского, што прышолъ нарадно ѡтвести сѧ ѡт зрады, которую на него Бланор зложыл, и видели, што естъ готов юнак и нараден, пытали сѧ ѡ нем и не могли довѣдати сѧ.

Король Ленвизъ прышол къ ѡнымъ двум королем и рек: Панове, ꙗ готовъ ѡ тую правду ѡт зрады, котораѧ на мене (стр. 63) положона ѡт другого, ѡтвести сѧ. И прыступившы племѧ королѧ Бана, рекли: Так ти хочем указати, ꙗкъ еси уморылъ нашого племенъника зрадне у своем дворе. Рек Бланор: Которыи ест ѡдин з нихъ наилепшыи рыцер? ꙗ ти хочу мечом указати, если богъ ми даст. И положылъ рукавицу на знакъ битвы. Трыщан прыступил икъ королемъ двум и рекъ: Панове, ꙗ ѡтнимаю королѧ ѡрлендэиского, иж ѡн у тои смерти невиненъ, которыи

убитъ у его дому. И взѧл рукавицу. Рекли короли: Едте-ж без мешканьѧ и конецъ тыхъ рѣчеи.

Бланор шолъ убрати сѧ и убралъ сѧ у наибольшую зброю, и ѡгледовали его, и дали ему великого конѧ и доброго, которыи был прынъчыпа Галиѡта королѧ, Блерыж ему щыт понесъ, а другии витез сулицу.

И ехали перед городъ з великою дружыною, а не былъ нихто з нихъ у зброи, толко Бланоръ. А коли были на поли, король Ленвиз вывел Трыщана и рек плачучы: Прошу тѧ длѧ Бога, мѣи сѧ самъ к собѣ и не лекаи сѧ. Рек Трыщанъ: Если бог похочет, которыи жывет у правде, ѩ тебе хочу тепер избавити ѡт Бланора. И взѧл щытъ и сулицу и сталъ на поли храбро. Рекъ Блерыжъ Бланору: Ѡно рыцэръ с ким ти сѧ бити, але знат по немъ, иж добрыи по седенью и на ношенью оружѧ. Помысль на то, што ни ѡдинъ витез з нашого роду не был такии злыи, гдѣ бы чсти не добыл, и намъ дал богъ тую ласку свою, а тепер варуи сѧ, абыхмо не были тобою понижоны. Ѡн рекъ: Брате, не ѡтчаи сѧ.

(Битва Трыщанова з Бланоромъ) И такъ ехали на поле; коли сѧ ѡба видели на поли, и пустили сѧ ѡдин къ другому и вдарыли сѧ, и ѡба поломали сулицы, а пали с коньми на землю, и ѡба сѧ ранили и розбили. А скочыли велми храбро и почали сѧ рубати по гельмах велми моцно, не уступаѧ ѡдин другому; и которые пры том были, вси сѧ дивовали, што ѡни чынили. Кордосъ король рек: Милыи боже, велико бы зло если бы тые два пали, ѩ вижу иж ѡные легкие и моцные. А витези сѧ рубали без престаньѧ, и в малом часу на нихъ (стр. 64) зброи ѡслабели и в щытовъ бенди ѡтпадали, и ранили сѧ на много мѣст. И дивилъ сѧ Трыщанъ Бланору а Бланор тэ-ж. Рекъ: Сего чуда ни чоловѣкъ не видалъ; и ѡба боѩли сѧ смерти, або ганбы. Трыщан позналъ Бланора, что ест добрыи витез, ѩкого не видѣлъ у свои дни, и бачылъ што сѧ силит зъ своеи моцы а наперед не мает в чом трывати, и почал Трыщан ему брати поле, и тут была битва сильна, и вси говорыли: Тые витези ѡт доб-

рыхъ витезеи. Блерыж рек своеи братьи: ꙗ вижу, што тотъ витезь не маеть ровни на свете, и Анцолотъ не ест таковъ, ꙗ знаю по вдарахъ, и видите Бланора иж ѡнъ не будет мочы стрывати до конца.

Король ѡрлендескии, видечы храбрость Бланорову, иж сѧ деръжыть противъ Трыщану, мѣлъ великии страхъ. И рубаючы сѧ ѡни, ѡслабели имъ вдарцы. Трыщанъ рек: ꙗ хочу видети докуль ты можешъ стерпети. И была имъ потреба ѡпочынути; Бланор не могъ болшеи и положыл щытъ и мѣчъ и възлегъ на землю, мѣлъ страх ѡт смерти, а Трыщан такъже. Коли почынули добрыи часъ, Бланоръ, которыи сѧ видел на погибели, мыслилъ: Єсли ѡн другии разъ не утомит сѧ, ꙗ не могу ѡт него стерпѣти. И рекъ: Витезю, знам, што єси набольшыи витез сего свѣта, длѧ того жедаю вѣдати имя твоє, и за то ти не хочу ни ѡдного добра вчынити, леч наибольшоє зло, але нехаи бых зналъ ѡт чыее руки умру, або кого добываю. Рекъ Трыщан: Єсли ми зло мыслиш, ꙗ знамъ по вдарцах твоего меча; ꙗ тебе фалю, але не мыслишъ о собе иж не можеш иного добыти, ѡдно смерти. Але вѣдаи ѡт кого умрешъ: ꙗ есми Трыщан, сестренец Короля Марка корновальскаго. Коли Бланор тое чулъ, ѡнъ былъ велми веселъ и рек: ꙗ есми слыхал ѡ тобѣ великую славу по свѣту, а єсли мѧ добудешъ, мои близкие не будут мѣти сорома, але коли пак дастъ бог ꙗ тебе добуду, великое чсти добуду. И взѧлъ щытъ и мечъ и рекъ: Бачышъ, на твою ганбу прышол єси сюда, єсли моѧ правица здорова будеть. Трыщан ѡтказалъ: (стр. 65) Моєю ганбою не будеш сѧ фалити, тепер познаєш с ким єси кружки делилъ. И скочылъ к нему и почала сѧ битва велми моцна, и вси почали говорыти: Єсли быхмо не видели, то быхмо не вѣрыли. И такъ ѡни ходили беручы ѡдин другому поле и рубали сѧ великую филю. Бланор болшъ не могъ меча подънести; видевшы то Трыщан рек: Борони сѧ, потреба ти ест, або мысль ѡ собе. И ѡн не могъ ничого ѡтказати. Виделъ Трыщан, што сѧ стыдить, ударыл его по гельму такъ моцно, иж не мог на ногахъ стоѧти, и

палъ на землю, не рушылъ ни рукою ни ногою и рекъ Трыщану: Соими ми главу, прошу тѧ, нехаи моему сорому будет конецъ. Трыщан то виделъ, иж ѡнъ ѡт великого серца не хочетъ подати сѧ и волить умерети, ниж мовити: Побитъ есми; а коли его пущу а не дасть ми меча, моꙗ битва мало помочна, а ни добыта; а коли его убъю, то зле учыню: Убилъ такова витезѧ. И пошол до королевъ и рекъ: Панове, мы есмо сѧ так били, ꙗкъ вы сами видели, але ѡдин з насъ не хочет дати меча и мовити не хоче: Побит есми, и волить умерети, нижли мовити то своим езыкомъ. А што-бы тому за ганба што ему на тот час фортуна не послужыла? А если сѧ вам видит, уложыте миръ межы нами, а нехаи корол арлендэиски будет волен ѡт потвары, а коли будет еще битва, муси быти ещэ гореи, то вже хто з насъ мусить жывот дати на тои битве.

Короли розумели иж Бланор волить умерети, нижли то мовити, и видели Трыщанову доброт, иж не радъ убити Бланора а маючы его по своеи воли и могучы надъ ним што хотѧ вчынити, и радили сѧ што-бы мѣли с тым чынити. А такъ сѧ имъ видело иж бы перестала битва, а Бланор не вмеръ, коли естъ на то Трыщанова доброта и милосеръдье. И рекли Трыщану: Рыцэру, дѧкуемъ ти на твоеи дворности, што ѡтпущаешъ смерть Бланору, ты вже можеш розобрати сѧ, если рачыш. Мы то прыимуем, иж корол ѡрлендэиски прав ѡт поклепу Бланорова. Трыщан имъ подѧковалъ; рекъ король ѡрлендэиски: Можемъ ли поити свободнѐ, ꙗкъ правые, куды хочем? Ѡни рекли: Можете, (стр. 66) куды ваша волѧ. Трыщан уложыл мѣчъ у пошвы, а щыт на плечы, и пошолъ до конѧ и всѣлъ велми легко, ꙗко-бы не раненъ, и вси сѧ дивили, ꙗкъ могъ на кони седѣти; а Трыщан такъ скочыл храбро, ꙗко-бы не ударенъ. — Видечы племѧ Бланорово, што Бланор палъ, шли к нему, внимаючы, штобы мертвъ. А корол Ленвизъ видел едучы Трыщана, рек двум королемъ: Панове, пустите мѧ за моим витезем бы ми не уехалъ, абых его не потералъ. Рекли ѡни: Споведаи намъ имѧ того витезѧ, а потом поедешъ з богомъ. Рекъ ѡн: Не могу вам споведати без хибы,

бо хочу ехати, абых его не потералъ: то есть Трыщан, сестренецъ корола Марка корновальского, витезь большыи на свете. То рекшы, вселъ на конь и прыболъ за ним борздо из своими дворены. А было первеи слышано Трыщаново рыцэрство у лондрешском кролевстве у крола Артиушовомъ дворе. И коли поведали королю Артиушу ꙗк Трыщан ѡтпустил смерть Бланору збившы его, а ѡнъ не хотел ему дати меч, рек король: То ест наиболъшаа рыцэрскаа штука, чого есми нигдѣ не видел, и весь свѣт ѡ томъ его хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великои славе, коли ѡн в тыхъ лѣтех, будучы молодъ, а умѣлъ показати такую доброть.

А коли Трыщанъ прыехал къ дружине къ шатром своимъ на берегъ, шли противъ его з великимъ весельемъ и пытали его ꙗкъ са ему стало. Ѡнъ рекъ: По милости Божеи избавил есми корола ѡт Бланора и ѡт печали. И ѡни пофалили Бога и рекли ему: Пане, не велми-ль еси зраненъ? Рекъ Трыщан: Не эстэм без ранъ, але недбаю того; коли есмо не посоромочени, то есмо весели иж достали чого хотели. И прыехал король Ленвизъ из своею дружыною и зъседшы с кона прышолъ къ Трыщану и почал целовати его говоречы: Трыщане, нашолъ ма еси мечом, ꙗ есми твои и все што мамъ, але жедаю ведати, не вельми-ль еси зранен? Рек Трыщанъ: Если будеть добрыи лѣкаръ, не бою са смерти ѡт ран. Рекъ король: Лѣкара добудем коли мы просты ѡт печали. Корол (стр. 67) позвал лѣкары, и ѡгледали ему ран и вдѣлали што потребно. Рекъ Трыщан: Королю, ты вѣдаешъ нашу умову? Рек король: Вѣмъ, мамъ ти дати, чого ты хочешъ. Трыщан ему подаковалъ велми покорно и рекъ: Ꙗ прошу твоее дочки Ижоты моему дадку королю Марку. А потом его пыталъ: Пане, куды хочемо ѡтселя? Рек король: Не хочу ити ѡтсела, поки тебе увижу здорового, а потомъ поедемъ ув-Орълендэю што можемъ наиборъздеи, але прошу тебе дла твоеи дворности, поедьмо со мною поспол, а змешкаэм тут покуль тобѣ потреба. И было тут великое веселье и прыꙗзнь орлендееномъ с корновалены, которые были перво в наиболшои непрыазни межы со-

бою. Трыщан всю туую ноч працовалъ, а король мало спалъ; и назавтрее король позвалъ ѡдного мудрого чоловѣка и поведал ему сонъ свои, што видѣлъ. Ѡнъ рекъ: Пане, ꙗ быхъ вамъ радилъ, не даи ты дочки своее Трыщану, бо коли ѡна поидеть в Корновалю, мусить мѣти велми нужные рѣчы, чого ни ѡдна дѣвка не мѣла. Король рек: Того не могу вчынити, ꙗ ее далъ за таковогo витеꙁѧ, ꙗкии естъ Трыщан, которыи так много вчынил длѧ мене; коли быхъ ее не далъ, то быхъ был зрадца, бо есмо умовилъ с нимъ икгды-мъ его потребовалъ на мою великую потребу; а ѧ дочку велми милую, але ми сѧ не годит длѧ нее вътратити честь. Нехаи сѧ станеть волѧ божѧ, не могу ее не дати. А пан Трыщанъ ѡтпочынулъ и велелъ морнаромъ ѡправити корабль и шолъ ув-Орлендэю. Тутъ была честь и великоє веселье въ дворе королевомъ, тут было витезеи, панеи и панен досыт, которыє смотрѣли славного витязѧ пана Трыщана, которыи ихъ избавилъ ѡт печали Бланоровы. И тутъ веселившы сѧ ѡтправили сѧ ѡт королѧ и ѡт королевое на море з великим весельемъ, а з собою ведучи красную Ижоту а с нею много добрых панеи и паненъ коштовно убраныхъ ꙗк естъ слушно таковои панеи. И з милости плакали король и королеваꙗ и вси люди добрыє, а королеваꙗ, ѡтозвавшы Говорнара и Брагиню и рекла им: Ѡзмите туую флѧшу сребреную полну питьа и заховаите ее, а коли король Марко изъ Ижотою будут на постели, даите им напить сѧ (стр. 68) того питꙗ, напервеи королю, а потом Ижоте; а коли сѧ ѡни ѡба напьют, проли ѡстанок, бо если бы сѧ хто иныи того питѧ напил, много бы сѧ зла могло стати, иж сѧ то именует милостное питє. А коли сѧ ѡба напъють, велми сѧ будут миловати, до их жывота нихто не можеть зла вкинути межы них. Ѡни сѧ ѡбецали то вчынити и потом взѧли прощене ѡт королѧ и ѡт королевое, и напѧли парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни ѡдин не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, ѡдно правоє доброє почстенє. Идучи ѡни по мору, коли был третии день, Трыщан зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане злотоглавоваѧ жупица и шата, а на

Ижоте зеленого ѡксамиту саѧнъ, а было то лѣте и былъ великии зnои. Рек Трыщан: Треба сѧ намъ напити. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флашы милостного питѧ, забывшы сѧ, бо в коморе было много всѧких судов, и далъ Трыщану, а другии далъ Ижоте. И скоро сѧ напили того пива, и еще не допившы кубъков впали межы собою у великую милость, аж и до жывота своего ѡдин другого не ѡставилъ. И почали гледѣти ѡдинъ на другого и не мыслили ни ѡ комъ, толко ѡ собе. И сѣли ѧко-бы злѧкшы сѧ, Трыщан мыслил до Ижоты, а Ижота до него, а королѧ Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую сѧ, ѡткуль ми прышло то так прудко, а первеи ми того не было? И мыслилъ ѡдинъ къ другому, и мовили сами собѣ: Мысль наша естъ невѣрна; але пиво их перемогло. Рек Трыщанъ: Если ѧ милую Ижоту, то не дивно: ѡна ест намильшаѧ речъ на свете, лѣпшое бых не могъ наити, а ѧ есми ее вывелъ и мнѣ ест дана, а милость наша скрыта може быти. А Ижота мыслила: Єсли ѧ милую Трыщана, то ест не дивно: ѡн естъ моѧ ровнѧ и такъ высокого роду ѧкъ и ѧ, и витезѧ большого на свѣте нѣт. И тую мысль ѡбачыли иж ѡба сѧ милуют со всего серца; Ижота сѧ ѡ том веселила и рекла: Коли мѧ милуеть наибольшыи витезь, чому мнѣ большого добра? А Трыщан рекъ: Ꙗ мам великую фортуну на свѣте, иж мѧ нацуднеишаѧ панъна милуеть, (стр. 69) а ѧ еи того не заслужыл. Коли Говорнаръ успоменул, што имъ далъ любовное пиво, ѡн сѧ злѧкъ и сталъ ѧкъ забывъшы сѧ и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота его. И рек Брагини:Мы есмо винни, што дали пить оное пиво не знаючы. Рекла Брагинѧ: Мы есмо злую дорогу нашли и погинули, а Трыщана и Ижоту погубили есмо. Ѡн указал флашу, в которои было пиво, и рекъ: Знаешъ-ли, што ест тое? Ѡна рекла: То ест пиво милостное. Ѡнъ рекъ: Зле есмо порученое намъ ѡстрегли, того есмо дали напити сѧ Трыщану и Ижоте, ѡто-ж сѧ милуют. Брагинѧ почала плакати и рекла: Зло есмо великое учынили, не може быти абы с того не пошло много злого; тепер намъ годить сѧ быти велми мудрыми, а мы есмо велми

смутны ѡ том; але их жалость была велми искрыта, што бы сѧ иные не довѣдали. А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: ꙗ тебе милую из серца. Ѡна ѡ том была велми весела и рекла Трыщану: ꙗ не милую ни ѡдное рѣчы на свѣте ꙗкъ тебе, а ни даи богъ поки буду жыва. Видечы то ижъ ест Ижота с нимъ ѡдное мысли, не ѡткладаючы далеи того, шли у комору и сполънили свою волю; ѡттоле на вѣки не ѡтменила сѧ ихъ милость и ѡт тое милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцэра, которыи бы поднѧлъ толко муки длѧ милости, колко Трыщанъ.

А такъ была велика шкода, иж у тые часы не было большого витезѧ над него: ѡнъ был третии витез на свете. Рекъ Говорнар Брагини: Што ти сѧ ѡ том видит? Види ми сѧ, што Трыщан узѧл паненство Ижоте, ꙗ есми их виделъ уместе. Ѡна рекла Говорнару: Мы есмо погибли, коли ее наидеть король Марко не в паненствѣ, ѡн мусить погубити всих насъ. Рекъ Говорнаръ: Не бои сѧ, коли-ж уже такъ сѧ стало по нашых грехах, треба сѧ намъ печаловати ѡ тои речы, абы нихто не вѣдал. Рекла Брагинѧ: ꙗк то може быти? Рекъ Говорнаръ: Даи то на мене, ꙗ то вчыню. (стр. 70). И ѡна рекла: То бы то добре, бы то бог дал! А ѡ том Трыщанъ и Ижота не знали ничого, што ѡни то вѣдают, и не мыслил Трыщан ничого, толко ѡ Ижоте, а Ижота ѡ Трыщане, и не было в них иное на вмѣ, толко ꙗко-бы в раи были, и миловали ѡдин другого болшеи ниж самъ себе. И такъ вросла ихъ милость, ижъ не знали ꙗкъ-бы сѧ въздержали ѡдин ѡтъ другого; а шли до Корновалѧ безъ мешканѧ.

И была имъ ѡдна переказа: в одинъ день година сѧ ѡтменила, а море надуло сѧ, вѣтръ повсталъ и погнал ихъ игвалтомъ тую ночъ куды не хотѣли и назавтреи подъ некоторым градом великимъ и моцнымъ, которыи былъ на ѡдном ѡстрове на моры, ѡколо его было много ѡстрововъ великихъ; а тые ѡстровы полны добрых людеи и всѧкого добра, которых то зовуть Долние ѡстровы. А пан ихъ ест Галиѡт прынчыпъ, а то была его ѡтчызна, иные земли и панства побрал своею

добротю; а тогды былъ Анцолот в однои земли, котораꙗ сѧ зоветъ Соренлоисъ. Рекъ Трыщанъ: Вѣдаете-ль вы, морнары, гдѣ естъ тот Плачевныи городъ? Рекли ѡни: Не вѣмы, але ѡн ест прынчыпа Галиѡта городъ. Рекъ Трыщан: ꙗ быхъ по воли не хотѣл сѧ в нем наити, иж ми поведали, што в немъ злыи ѡбычаи. Говоречы ѡни ѡ томъ, аж идуть шесть чѳловеков зброиныхъ. Коли видели, што ѡни с кораблемъ не могуть никуды, ѡни имъ рекли: Ѡткуль есте вы, што есте прыстали у наше прыстанище без нашого дозволенѧ? Рек Трыщанъ: Мы есмо с Корновали, послы королѧ Марка, а идемъ из Ѡрлендэи, а то нас зла година загнала, а вам есмо не винни а ни шкодимъ вамъ ничого. И ѡни рекли: Ѡткуль есте вы? За нашу вмову вы вѧзни нашы, вылезте вон штоколвекъ ест вас тут, и поидите у городъ и увидите закон наш. Трыщан рек дружыне своеи: ꙗкъ хочемо? Если ихъ послухаемъ, то в руках есмо, могуть намъ зло вчынити. Ѡни рекли: Не вѣмы, што ѡны мыслѧть, а лепеи намъ тут боронити сѧ што могучы, хотѧ и побити сѧ; а иные рекли: Наше ѡтнимание непомочно ничого, иж есмо у ихъ (стр. 71) руках, могут насъ из судном потопити, албо з города камѣнем побити, але лепеи даимо сѧ у ихъ руки. Рек Трыщанъ: Панове, варуите сѧ што чынити, тотъ городъ так злого закону, коли сѧ дадимъ у ихъ руки, ѡни насъ могуть погубити, або в темницы вкинути, тут не будет ѡт насъ наша послуга имъ вдѧчна, а и ласка ихъ намъ ничемна. Ꙗ быx рекъ: Лепеи боронимо сѧ што могучы, лепеи намъ вмерети, нижли въ ихъ ласцэ быти, бо ихъ ласка не ест намъ пожыточна. Рек Трыщан Ижоте: А ты што мыслиш ѡ том? Ѡна сѧ была престрашыла и рекла плачучи: Трыщане, ꙗ не вмею ѡ том мовити, ꙗ тобе дана в твои руки и в опеку, ты мене вывелъ з моее земли, а если мнѣ прыидеть ганба албо смерть, то ми ѡт тебе будет. Коли Трыщан то слышал, почал клести тот день, в которыи сѧ родилъ, и рекъ: Панно, чы хочешъ абых сѧ в сем судне, докуль мѧ забъют, або подмо на гору в замокъ и даимо сѧ имъ в руки? Ѡна рекла: Нехаи такъ будет, ꙗкъ ты хочеш. Рек Трыщанъ: Поидимо на гору к ним и терпѣмо, што

намъ прыидет ѡт них, коли не можемо сѧ им ѡборонити. И к тому прыступили вси и вылезли вон з судна и пошли на гору у город, нашли в замку досыт добрых людеи, витезев и пахолковъ и невѣст и слугъ. И прывели ихъ ув-одинъ великии домъ, в котором было много коморок, а в нихъ были вѧзни, которых имывали, а двор былъ огорожонъ велми твердымъ муром, иж ни ѡдин вѧзен не може втечы. И пустившы ихъ внутръ, ворота замъкнули. И рек Трыщан: Панове, мы есмо вѧзни да есмо погибли, иж тыэ сут такъ злого закону и такъ невѣрни, иж мы не выидем ѡдъ них безъ нашое смерти если богъ нас не вызволить. И почали вси плакати и тужыти велми грозно молчком, бо не хотѣли абы их иные слышали. А такъ был Трыщан з дружыною своею тот день и ночъ у везеню, и нихто ихъ не видел. И назавтреи прышли к нимъ шесть чоловѣковъ без ѡружьѧ и рекли имъ: ѩк сѧ масте? Рек Трыщан: ѩко в тои прыгоде, которую нам бог далъ, але прошу васъ панове, так вамъ бог помози, тут ли маємъ ѡстати в сем везени, споведаите нам? Рекъ ѡдин витезь: (стр. 72) Тоє нетство, с которого николи никто не выходит, то такъ справлено всимъ, которых тут сажають, и николи вже не выидут с того плачу и в слезахъ вси дни свои, и длѧ того сѧ зовет Плачныи город. Рек Трыщанъ: Ѡхъ мои милыи боже, єсли то правда єсли бы ни ѡдинъ не былъ жыв, которыи сезде влѣзет? И онъ рекъ: Заисте ни ѡдин ѡтъ того часу, ѩк тотъ законъ поставленъ, але коли бы нашол сѧ витезь велми высокого серца и рыцэрства, а пани крашеи нашое пание, а прыехали бы ѡба посполе, то бы были нам господары, а тые бы мусили померети, которым мы служыли. Коли Трыщанъ то чулъ, вельми сѧ ѡбвеселилъ и рече: Коли быхмо были справедливе сужоны, были быс мы просты ѡт везенѧ, иж Ижота наицуднеишаѩ реч на свѣте, а ѡ рыцэры што богъ даст. И рече витезю: Поведаи ми, прошу тѧ, коли-бы тут нашол сѧ рыцэр болшъ вашого рыцэра, а пани цуднеишаѧ вашое панеи, чы могли быхмо выити з нетства? Ѡн рече: Вышли-б есте, але сѧ то тут не може наити, бо наш рыцэр ест панъ вроженыи и стоит в тои твердости а таковыи есть рыцэръ, што

не мает друга на свете. Рек Трыщан: Коли-бы сѧ нашолъ рыцэр большыи на свете и большеи Анцолота?—И такому мы дадим ровню.—А коли вашого витезѧ добудет, будем ми прости ѡт везенıа? И онъ рекъ: Будете, коли-б з нимъ посполъ прышла пани. Рекъ Трыщан: ıа тобѣ мовлю, мы есмо свободни, если нам крывды не вчыните, то бых рек и на дворе королѧ Артиушовомъ, иж тот витез, которого вы поведаете, не ест болшъ нашого, ни ѡнаѧ пани не цуднейшаıа надъ нашу. И ѡныи витез сталъ ıакъ забывшы сѧ и рек: Гдѣ естъ тотъ, которого вы так фалите? Рек Трыщан: Єсли намъ право будет учинено, а вышли быхмо на поле, а держати-ль будете нам ваш закон и правду? И выведте вашу панию и вашого рыцэра и даите нас на правыи судъ: если будетъ наша пани лепшаıа и витез наш лепшыи, нехаи будем свободни, а коли сѧ так не наидет, нехаи ми главу сотнуть. Рек ѡныи рыцэр: Досыт еси мовилъ, ıа хочу поити и поведати тамъ где сѧ годит. И так ѡн пошолъ съ тыми, которые с нимъ прышли. А повѣмъ вамъ, длѧ чого сѧ зовет тот город Плачныи, бо поставленъ злыми законы в тые лета, коли (стр. 73) Иѡсифъ пошол у великие краины прыказанем Господа нашого Исуса Хрыста и ѡбратил был множество люду на Хрестѧнскую вѣру. А коли слышалъ, ижъ тые Долние ѡстровы полны людъства, Иѡсифъ послал там набожныхъ людеи ѡбрачати къ богу народ, и ѡбратили вси тые ѡстровы кромѧ ѡдного ѡстрова, которыи сѧ зоветъ Ѡрашы. И тамъ мало было иныхъ людеи, толко Ѡрашы, а пан ихъ былъ ѡрашец, и мѣлъ дванадцать сынов и вси были ѡрашцы.

Коли хрестѧне прышли в тот ѡстров, тогды был государъ тому ѡстрову именемъ Давлитесъ, и былъ нѣıакъ раненъ ѡт медьведѧ дикого, и тутъ ѡткинул сѧ ѡт Иѡсифа крещенıа.

Коли ѡныи витез прышолъ къ Брунору и к его панеи и рече: Пане, поимали есмо молодых людеи корновален и поведили есмо им закон наш сего города, и ѡдин витезь зъ их товарыства поведал сѧ быти лепшеи тебе и панию лепшую нижли наша пани, и длѧ того есмо прышли дати вѣдати вам, бо мы не можемъ ѡпу-

стити закону нашого, што нам вставили предкове нашы: дла того поведаите, што маете чынити. Рекъ Брунор: Не ıа его въставил, а ни ıа его могу ѡпустити; зовите тыхъ, которые маюꙉть судити и смотрѣти; котораıа пани цуднеишаа, таıа вам ѡстанет панею, а другаıа мусить умерети. И справуите тую битву, а а готов. Ѡни рекли: Инакъ быти не может. И прышли къ Трыщану и мовили ему: Коли вы маете витеза того ıакъ есте рекли, и вамъ може са добре стати, будьте готовы, бо завтра будете бити са. И выпустили ихъ тот день и ноч и давали Трыщану што была потреба, и прыходыло много рыцэров пытаючы имени его, а не могли са довѣдати, и гледели на Ижоту, а ѡна са таила и не могла са утаити, и тые, которые видели, говорыли межы собою: Згубили есмо панюю нашу господарыню, бо ест (стр. 74) таıа лепшаıа. И назавтреи Трыщан убрал са, и давали ему иныи мѣчъ, и ѡн рекъ: Даите ми мои меч, и ѡни ему дали. Усѣлъ на конь велми добрыи, а Говорнаръ несъ ему щытъ и сулицу, а Ижота убрала са велми в коштовное ѡдѣнье и всѣла на инаходника, а Брагина и другие дѣвки з нею. И прыехали къ шатром и нашли тыхъ, которые мают судити их красу у шатрох, а тые шатры были полны добрых людеи и витезеи и панеи, которые прышли гледѣти тое битвы. И прыехалъ Трыщан з дружиною и, зседшы с конеи и сели, бо еще Брунор былъ не прыехал; и тут затрубил человѣкъ у рогъ, которого рогу далеко было чуть, и усѣлъ Бруноръ на добрыи конь и выехал з города велми убран, а с нимъ прышло нѣколко витезеи и пани его, мати Галиѡтова. Коли Брунор прыехалъ къ шатром, рек: Гдѣ ест таа невѣста, котораıа ровна естъ нашои панеи красою? И ѡни ему указали Ижоту, и онъ виделъ Ижоту и престрашыл са велми и рече: У мои дни не виделъ есми лепшое невѣсты, ıа са бою утратити наимилеишую реч дла тое панеи красы. И прышла мати Галиѡтова, котораа была великое красы, а коли ѡна видела Ижоту, ѡна са престрашыла, иж еи за ее красу умерети, бо са ѡна еи видела наицуднеишаа речъ на свете.

Виделъ Трыщанъ ѡную панию, кивнул Ижоте и прыступилъ

к судıамъ и почал мовити: Панове и паниє, которыє маєте судити красу тыхъ пании, гледите, ѡто ѡни стоѧть посполь; судите право. И ѡни молчали, бо видели што Ижота далеко цуднеишеи тое панеи. И Трыщанъ мовилъ повторе: Ꙗ вас прошу, держыте мѧ на правде у вашом законе. Ѡни ѡтказали жалостны: Мы маєм такъ учынити, але вельми намъ жаль. Ѡбротившы сѧ ко Ижоте и рекли: Пани, ты-сь лепшаꙗ и твоѧ краса смерти тѧ избавила, и длѧ твоее красы тебе хочемо держати за нашу господарыню; але коли лепъшеи тебе, котораѧ прыидет, будь пэвна, ижъ мусиш умерети, ꙗкъ и таꙗ, котораꙗ такъ долго была межы нами, (стр. 75) которую єсмо у великои почестности мѣли, а тепер єстъ ѡсужона на смерть. А намъ того велми жаль, але инак не може быти, бо єсмо присѧгнули тот закон держати. Тотъ будь проклѧтъ, хто тот законъ напервеи поставил! Коли то выказали, вси закрычали великимъ голосомъ, плачучы с такою жалостью, иж не было такого чоловѣка, которыи видел, штобы не жаловал.

Рекъ Трыщанъ: Панове, велика ласка, гдѣ єст тот, с которымъ сѧ мнѣ бити? Ѡни рекли: Ѡто тот властныи, и вказали на Брунора. И ѡнъ рекъ: Варуи сѧ мене, иж ꙗ не хочу року ѡткладати.

(Битва Трыщанова зъ Бруноромъ) И взѧлъ щытъ и сулицу и скочылъ к нему, а ѡнъ к нему, и вдарыл ѡдин другого так моцно и прыкро, аж ѡружыє и щытъ имъ выпадали з рук, и ранили сѧ ѡба и пали с конеи. Трыщан былъ раненъ не глубоко у бок, а Брунор былъ раненъ у перси велми глубоко, и сулицы поламали, и вынемшы мечы почали сѧ рубати велми моцно. Брунор позналъ по вдарцахъ, иж Трыщан ѡдин ѡт добрыхъ витезеи, и почал сѧ силити, и рубал ѡдин другого велми моцно и велми часто, каждыи рубалъ ѡберучъ, бо имъ ѡбема ѡ горло шло. И познал Бруноръ, иж Трыщанъ большыи надъ него витез, длѧ того сѧ покрывалъ мечом, абы сѧ Трыщан упрацовалъ, але то не могло быти, и трафлял Трыщана тѧти в голоє мѣсто, але Трыщан на то былъ добрыи мистръ, вмѣлъ сѧ стереч. И рубали сѧ великии час и были ѡба ранены и вмордовали

сѧ, иж потреба имъ было ѡтъпочынути; и ѡтступили ѡдин ѡт другого, и стали възлегшы на щыты и на мечы, гледечы ѡдин на другого, и стоѩли великуѩ филю. Рекъ Трыщан: Пане Бруноре, ѩ тебе мамъ велми за доброго рыцэра и велми вмѣлого, и длѧ того тобе прыѧю, то богъ вѣ, не рад бых, абысь мелъ загинути; але прошу тебе, если можешъ ѡставити тую битву з моимъ почстенемъ и з вызволенемъ тое дружыны, ѩ рад ѡставлю, абы ты не вмер. Рекъ Бруноръ: Мы есмо на томъ мѣстцу, либо ты мене забешъ, або (стр. 76) ѩ тебе, або ѡба будем мертвы, инак не може быти. Рекъ Трыщан: Гдѣ естъ ненавист, там милости нѣтъ, и коли-ж такъ, варуи сѧ мене. И почали сѧ рубати, и вси сѧ имъ дивовали. И наконецъ Брунор не могъ стерпети, пустил щыт и меч и самъ на землю палъ. Рекъ Трыщанъ: Або вже большъ не можешъ? И Брунор рекъ: Рыцэру, такъ ти ѡтпускаю тую битву, не меи ми за зле, ижъ не чыню по воли, бо не могу. Рекъ Трыщан: Ѩ тѧ хочу пожаловати, даи ми свои мѣчъ и мовъ: Побит есми. Рек Бруноръ: То быхъ был злыи чоловѣкъ, коли бых рекъ то своимъ езыком, што-б было з моею легкостю; не́ даи того бог до моее смерти, котораѧ ест близко мене! Рекъ Трыщан: Чуеш ли сѧ на томъ, што можешъ жыв быти? Рек Бруноръ: Твои ми мѣчъ ни ѡдного продлуженѩ не далъ, вжэ естъ конец близко; если ми не верышъ, тепер же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу.

Виделъ Трыщанъ ижъ вмер, и снѧл ему гелмъ з головы и кинулъ ѡт него далеко. А позвалъ тых, которые его были прывели, рек имъ: Панове, если ѩ досыть вчынил за мое свобожение и моее дружыны? Ѡни рекли: Досыть еси вчынил, добыл еси сесь град и сесь ѡстровъ и нам еси всим господар, а таѩ панъна, которую еси прывел, ест наша господарынѧ; але еще маеш прынѧти реч. Рекъ Трыщанъ: Которую? Ѡни рекли: Тои нашои панеи Бруноровицы вътни главу мечомъ. Трыщанъ сѧ ѡгленул на нее, а ѡна плачет велми грозно, и было ему ее велми жал и рекъ: Ѩк ѧ маю вбити жону? И ѡни рекли: Инакъ не может быти. Трыщанъ был велми сердитъ и почал много мы-

слити. Рекъ Трыщан: Проклатъ тот, которыи тот закон поставилъ, и тыє, которые тот закон держат; ꙗ мушу вчынити таковую речъ, што не буду николи веселъ, коли то успомену. И пошол, сталъ еи голову и рекъ имъ: Вы мене прывели къ ганбе, иж кождыи добрыи чоловѣкъ, которыи то увѣдает, поставит ми то за ганбу. Рекли ѡни: Не тобѣ то ганба, але тым, которые тотъ (стр. 77) закон учынили. Поидимо-ж на гору у город и там намъ прысагнешъ у городе деръжати закон того города, ꙗкъ сут чынили первые, которые были перво тебе. Пан Трыщанъ не радъ былъ тому панству, але инакъ не могло быти, и пошолъ с ними у замокъ. Рекли: Трыщане, тут нам прысагни. Трыщанъ не радъ былъ прысагнути, але инак не могло быти, прысагнул имъ; ѡни ему велели стати у том мѣсте со Ижотою, в котором стоꙗлъ пан Бруноръ зъ своею панею. Ѡни тутъ мешкали у такои милости, Трыщану не было иного на вмѣ, толко Ижота, а Ижоте Трыщан. А коли видела бѣднаꙗ сестра Галиѡтова своего ѡтца и матер мертвых, и ѡна девка была наисмутнеишаꙗ на всем свѣте. Будучы ѡна у тои жалости, и учынила ѡдну судину и взала ѡтцову голову и матерыну и прыправила на конь и поехала з малою дружыною у Долные ѡстровы искати Галиѡта, и кудыколвекъ ехала, стречала рыцэры а юнаки, у кождого пытала ѡ Галиѡте прынчыпе, и кождыи еи поведалъ правую дорогу, гдѣ естъ пан Галиѡт. Єдучы ѡна и стретила ѡдного рыцэра велми доброго, высокого рыцэрства, у зуполнои зброи едучы з малою дружыною. Ѡна его поздровила, ѡнъ еи вернулъ поздровленье велми дворно. И рекла панна: Рыцэру, даи ми сꙗ спытати ꙗк пана и длꙗ твоеи дворности, если еси слышал ꙗкие слухи ѡ Галиѡте прынчыпе? Рекли ѡни: Ты еси стрела кого ищеш. И ѡна на него смотрела долго великую филю, а не познала его, што былъ у зброи, а коли его познала и кинула сꙗ к нему на горло плачучы и не могучы говорыти. Коли узмогла говорыти, рекла: Николи есми не слыхала такъ великому пану бы сꙗ такаꙗ жалост стала, ꙗкъ тобѣ, которую ти хочу поведати, бѣднаꙗ твоꙗ сестра. И ѡткрывшы судды, у которых были тыє кости, и рекла: То ест

кости того, хто тебе родил, а то голова того, котораꙗ тебе у чреве носила; ѡбѣюхъ ихъ убил своею (стр. 78) рукою Трыщанъ сестренец короля Марка корновалского, и для того есми поехала тебѣ искати, абыс ѡ том ведал, што бысь мѣлъ с тымъ чынити, бо ты можеш учынити што хочеш, ꙗко силныи человѣкъ. Рекъ Галиѡт: Ꙗкъ ся то стало? Ѡна ему споведала все по раду, и Галиѡт порозумѣл, иж Трыщан в том невиненъ, не мѣлъ на него жестокого серца и з великое жалости прослезил ся и рекъ: Милаꙗ моꙗ сестро, намъ стало такъ великое зло за мои грехи. Коли бых ся надевал, ꙗ бых давно сказилъ тые злые законы, которые у том ѡстрове. Але теперъ поиду и скажу тые злые законы, а Трыщану учыню ꙗкъ ему слушыть, а для того не могу ся ѡслушати, абыхъ ся не мстилъ, то бых зле вчынил. И поки буду жыв тѣлом моим, буду ся мъстити. Вернимо ся у Сореилонсъ и там положымъ тѣло ѡтца моего и матки у ѡднои ѡпатии и там порадимо ся, ꙗкъ быхмо прыити мели на помщене. И поехали вси велми жалостни, и не зналъ жадэн чоловекъ штобы то Галиѡт, бо ехал з малою дружыною. И прыехали к ѡному граду, у которомъ былъ король из стома витези. Коли ѡнъ виделъ Галиѡта, был велми рад для того, што Галиѡт прыехалъ, да не вдячно ему было, што прыехал зъ малою дружыною, и рек: То вже не дармо. И коли Галиѡт розъобралъ ся зъ зброи, король прышол и рек ему: Пане, ꙗкъ ся маешъ? Чому еси так не весел? Для Бога поведаи ми, што ся стало? Рек Галиѡт: Не дивно, што есми не веселъ, же ми ся стала великаꙗ легкост и жалост. И почал поведати, ꙗкъ ему Трыщан убил ѡтца и матеръ. Рече король: То ест, господару, великаꙗ жалост; да што с тым мыслишъ? Рек Галиѡт: Хочу поехати у тот ѡстров с одным рыцэром и з двема пахолками и з добрым конемъ и з зброею, так штобы мя ни ѡдин чоловекъ не позналъ, иж хочу прыити гостем, хочу ся бити с Трыщаном. Если мя убъеть, то ми жалости конец, а коли ꙗ его убъю, нихто ми того не поставит за ганбу, леч за рыцэрство. А тобѣ прыказую, абыс ми собралъ пять сотъ тисечъ воиска добрых людеи

(стр. 79), и поиди по мору у тот ѡстров, под Плачныи город, хочу сказити тыє злыє законы, што имати гостеи и держати в темницы. И ты погуби их всих и вози у болото и нехаи не ѡстанет сѧ и ѡдин чоловѣкъ ни жона; а которыє гости наидеш, тых всих пусти свободне. Рекъ кроль над сту витези: Пане, што велиш мнѣ, то все будет мною готово, коли не умру. Але ꙗкъ ты мыслиш бити сѧ с Трыщаном, которыи ест наиболшыи рыцэръ, ꙗков не єст ни Анъцолот локвенскии, и не мает друга на свѣте рыцерством по всих чотырох сторонах по мору и по суху? Не пускаи сѧ на такую прыгоду и погибель, на то ꙗ тобе не ражу. И рекъ: Пане, далъ ти ест Богъ панство и такую моцъ, што сѧ не годит тобѣ мстити ни класти сѧ ѡ такую реч легко, бо єсли сѧ тобе зло станеть, або смерть, все твоє панство зле упало, а єсли тѧ ѡсоромотит, то ти будет великаѧ легкость. Пане, ꙗ тебе завжды мам за доброго, ꙗ тобе ражу: ѡставъ тую битву с Трыщаномъ, а коли его наидешъ ласкою, ѡн, видевъ такую твою жалост, ѡнъ самъ прыимет на себе тую помсту; а єсли вы два будете на поли, єсли тѧ ѡн не преможе, сотни ми главу. Рекъ Галиѡт: Знам што ми говорыш правду, и ꙗ в тебе велми дуфам, але коли бых ꙗ єму мстил Анъцалотомъ або иными рыцеры, то бых гореи учынилъ; але, ꙗк єсми тобе росказал, такъ учыни; хотѧ ми будет умерети, мушу то вчынити, што єсми вмыслил, то и вчыню, бо не буду вов-покою доколе не вижу Трыщана. И король был у великомъ страху, што сѧ боꙗл, иж Галиѡт не можеть терпети против Трыщану, и был велми смутен, иж миловалъ своего пана Галиѡта зо всего серца. По тых речах Галиѡтъ велелъ понести ѡтца своего в одинъ клѧштор и положыти в коштовныи гроб и голову матерыну з великим плачом, и потомъ ѡставил сестру у томъ граде велми почестно, а сам поехал къ мору с одным рыцером и з двема служебники и с конемъ, на которого конѧ велми надевалъ сѧ, и зброю взѧлъ велми добрую и мѣчъ, которыи был Анъцолот дал.

Коли прыехал къ мору из своєю дружыною, нихто єго не познал, бо не єждчывал з малою дружыною. Стоѧл тамъ ден, и

нашол сѧ єму корабль направлен, а година добра, и пошол по мору. И коли былъ далеи ѡтъ краю, рек морнаром: Добываите сѧ под Плачныи город. Ѡни рекли: Не даи того Богъ намъ, што быхмо там были, лепѣи (стр. 80) бы намъ смерть нижли там поити. Рекъ Галиѡт: Не может быти инак, мусите там поити. Коли морнары послышали ѡтъ Галиѡта, не ведали што-бы вчынити, иж если бы там пошли, то погибли, а не пошедъшы, Галиѡт велми сердитъ, а мает дружыну и зброю, может насъ погубити. И ѡн другии раз реклъ: Ходите, не боите сѧ, без боѧзни можете тамъ быти. Рекли ѡни: Пане, єсли може то быти абыхмо сѧ не боѧли, змилуи сѧ длѧ бога, не хотечы нашое и своее смерти, бо вѣдаеш сам, иж ни ѡдин там не ѡстанет, што-бы не был мертвъ; тамъ насъ не веди. Рек Галиѡт: Або не хочете ити, гдѣ ю велю, тепер есте мертвы на том мѣсте. И вынѧлъ меч, замахнулъ, ѩко-бы тать. Ѡни сѧ перестрашыли и рекли: Пане, коли инакъ не може быти, мы вси въ твоих руках, што велиш, то вчыним, толко не погуби нас. И ѡн рекъ: Не боите сѧ, не будет вам ничого. И ѡни ѡбернули къ ѡстрову, а другого днѧ прышли ув-островъ къ прыстанищу под Плачныи городъ. И прышли к нимъ люди з вышнего замку и рекли: Поимани єсте. Галиѡт рекъ: Хотѧ єсмо прыстали у вашу землю, але не годит сѧ насъ имать, занюж єсми готов тот ваш закон деръжати. И ѡни рекли: Тогды хочешъ бити сѧ с Трыщаномъ, которыи єстъ наболшыи витезь на свѣте. Рек Галиѡт: Хотѧ-бъ большыи нижли ест, але на иное не прышол, леч с нимъ бити сѧ. Ѡни рекли: Выидите вон. Ѡни вышли, и граждане морнаров в темницу повели. Рекъ Галиѡт: Пустите ми тыє два юнаки и витезѧ, нехаи ми помагают товарышства до того мѣста, гдѣ будет битва. И пытали єго: ѩкъ тобе єст имѧ? Рек Галиѡт: Ѡ моємъ имени тепер не можете вѣдати, поведете мѧ, гдѣ маємъ бити сѧ. Ѡни рекли: Тым сѧ не печалуите, скоро будет битва. И всѣло ихъ на кони петнадцат конников и Галиѡт з дружыною ехал к тому мѣсту, гдѣ мает быти битва. А Трыщанъ был у вышнемъ замку со Ижотою и з Говорнаром и з Брагинею у ве-

ликом веселю. Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничого, ѡдно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тоє имъ нецство было велми сладко, и мешкали ꙗко-бы в бога, а не поменули ѡ королю Марку а ни ѡ Корновали, жыли тут у том веселю два месецы. И на концы третего месеца прышол ѡдин витєз передъ Трыщана и рече ему: Пане, ты сѧ можешъ веселити ныне со Ижотою, а завтра маєш сѧ бити (стр. 81) с однымъ витеземъ, которыи длѧ того прышол з двора королѧ Артиуша бити сѧ с тобою; мы єсмо его поставили на месте, гдѣ сѧ маєте бити. Рек Трыщан: Вѣдаєте-ль, што за витез на имѧ? Рек: Не вѣдаємъ, не хотелъ намъ ѡ собе поведати. И Трыщан помыслилъ, абы то не Анцолотъ, рекъ: Ꙗ знаю, которыи то витезь; чы нарадили єсте битву? Коли ѡн на то прышолъ, ѡнъ будет мети, да хотѧ ѡнъ на моє зло прышол, ѡднако-ж поздоровте его ѡт мене, бо ꙗ внимам, иж ѡн ест великии витез. И ѡн с тым ѡдышол ѡт него, а прышолъ къ Галиѡту и рек: Завтра сѧ маєте бити, а Трыщан тѧ поздоровлѧет. Рек Галиѡт: Поздоровлѧєтъ мѧ Трыщан ꙗкъ непрыꙗтель, а ꙗ его также поздоровлѧю ꙗкъ непрыѧтелѧ. И говорыли межы собою досыт, а не познали его хто ест. Говорнаръ слышалъ, иж ѡныи рыцэр ѡ битве говорыть, рек: То єст конечно Анцолот, поехал з двора Артиуша королѧ ищучы розличных и жестоких прыгодъ. И велми сѧ єго Говорнар боꙗлъ и прыступил къ Трыщану и рекъ: Завтра маєш бити сѧ. Рек Трыщан: Вѣдаєшъ ли с ким? Ѡнъ рекъ: Не вемъ, але надевам сѧ иж Анцолот умыслне на то прыехал бити сѧ с тобою, але ѡнъ естъ большыи витез на свѣте.—Ꙗ радъ с нимъ покусити сѧ, занюж коли прыидет на вдарцы, а коли мнѣ богъ похочеть зычыти а будемъ ли ровни, то бых не хотѣлъ болшоє славы, а єсли мѧ убьєть, волю быти ѡт него побитъ, нижъ ѡт пѧти иных. Говорнаръ сѧ єще большеи престрашыл и рек: Так ест, ꙗкъ ты говорыш, але тут велик страх и велика погибель. Рекъ Трыщан: Длѧ смерти не треба сѧ боѧти, вѣдаєш ты сам, мистре, ижъ мы завжды на том.

Слышавши то Ижота, почала плакати и тужыти говоречы: Тѧжко моему серцу, ꙗкъ то ест злаꙗ прыгода, и в злыи часъ

єсми родила сѧ на сесь свѣтъ! Єще ми не вышли тры месецы моеи фортуне и моєму веселю, и вже ми сѧ находит мука и скороченье моему жывоту, и єсли бы ми сѧ прыгодила великаѧ рана або смерть, то бы ми сладко и лѣпшъ было.

Трыщанъ ее тѣшыл говоречы: На мою вѣру не будѐт ѡн над мене мѣти наперед ничого. Рече Ижота: ꙗ не прошу ѡт бога болшъ, ѡдно бы ми ты здоров был, а не был ѡсоромочен ѡт тое битвы, занюж сѧ ꙗ ни ѡдного витезѧ не бою, толко Анцолота. И в том страху стоꙗли, а Галиѡт ѡ томъ ничого не вѣдал.

(Стр. 82) И коли была ноч, прыидет ѡдин витез у зброи, которые были пры Галиѡту, и рекъ: Повѣмъ вамъ, прышолъ король над сту витези, а с нимъ воиско, прыстали у прыстанище зброинн на конех. Мы рекли абы вышли вон, хотечы учынити нашъ закон; коли єсмо хотели ихъ поимати, ѡни пофатили ѡружыє и побили нашых людеи, немало порубали и покололи, и мы перед ними не могли терпети и дали сѧ єсмо у их руки. И мы єсмо, пане, у их руках и ѡни сут из Коръелонѧ, люди Галиѡта прынчыпа.

Коли то ѡни слышали именуючы Галиѡта, побѣгли вси по своих потребах, а Галиѡт стоꙗлъ до ютра в шатре. А на свитани убъралъ сѧ Трыщан у великоє ѡружыє и слухавшы мъшы поехалъ з города, а с нимъ Ижота и Говорнар и Брагинѧ и чотыры пахолки. Коли был близко шатров, Галиѡт был на кони и видел Трыщана близко, взѧл сулицу и щыт. Трыщан виделъ, иж ѡн естъ готов, и рекъ Говорнару: Поедь къ ѡному витезю и доведаи сѧ: Єсли ест Анцолот, волѣлъ бых с нимъ товарышство мѣти. Говорнар поехалъ и поздоровилъ Галиѡта, и ѡн єму вернулъ поздоровлене. Говорнар рекъ: Рыцѳру, то єстъ Трыщанъ с кимъ сѧ ты маешъ бити, але ѡнъ тебе просит длѧ твоее дворности, споведаи єму, хто єси ты. Вже вѣдаэш с кимъ сѧ бъешъ, нехаи бы тэжъ и ѡнъ вѣдалъ, с кимъ сѧ бъет. Рекъ Галиѡт: Коли ѡн Трыщанъ, а ꙗ его непрыꙗтель смертныи, а по правде, што ми убилъ ѡтца и матку, и прышол єсми мстити сѧ на немъ моим тѣломъ єсли буду могъ; а имѧ ми ест Галиѡт з Дольних ѡстровов, досыт далеко слышать имѧ мое.

Чулъ то Говорнаръ ѡт Галиѡта вѣдаючы, иж Галиѡт болшыи господар на свѣте, престрашыл сѧ и поведалъ Трыщану. Чулъ то Трыщан и рек: Божэ, хвала ти буд, иж наболшыи пан и наболшыи витезь ѡт света берет сѧ против мене бити сѧ со мною на поли, а то ест цвѣт добротам и храбръством, паном пан прышол бити сѧ со мною, могучы поставити сто тисеч воиска на поли зброиных зъ сулицами. Конец тых рѣчеи.

(Битва Трыщанова зъ Галиѡтом) Пустилъ сѧ ѡдин къ другому, ꙗкъ могли кони скочыти, и ударыл ѡдин другого так моцно, ажъ сѧ сулицы им поломали, и вдарыли сѧ так моцно, иж ѡба пали с коньми на землю, и ѡт того удару (стр. 83) были ранни и ѡба ускочыли так ꙗкъ тые, которые были великое доброти и великого серца, и пофатили мечы и почали сѧ рубати. И Трыщан был у страху, и ѡни ѡба были великие чоловѣки, и били сѧ такъ силно, не было чоловѣка, которыи видел, абы страху не мѣл. Трыщан билъ моцно, а Галиѡт также, указывалъ ѡдинъ другому свое непрыѧтелство. Трыщан познал своего непрыꙗтелѧ, а Галиѡт рек: То естъ большыи витезь, которыи по свѣте слывет, тут ми прынѧти смертъ, або быти добрым чоловеком. Ѡни сѧ ѡба силили указуючы ѡдин другому свое витезьство, а Ижота конца гледѣла того, кого миловала болшъ ниж сама себе; коли ѡн прыимал таковые ударцы, ѡна была блѣда и дала-б весь светъ, абы ѡн был здоров и простъ ѡт тое битвы; коли Галиѡт билъ Трыщана, тогды ѡн на коленах падалъ, а Ижота прыимала ударцы в сэрце свое и была блѣда, ꙗкъ папуга, а коли Трыщан Галиѡта билъ и поле ему брал, а Ижота была велми весела и румѧна. Ѡни били сѧ, а Ижота брала ударцы у свое серце и была пэвна, же Трыщан маеть добрую битву, занюж ѡнъ гонилъ Галиѡта по полю куды хотѧ. А Галиѡт былъ велми ранен а кровю сходил, Трыщан не велми былъ раненъ, а Галиѡт сѧ силилъ противъ Трыщану, што наболеи могъ, и мовилъ: Нехаи вижу, колко могу с ним трывати. Будучы Галиѡт у своеи тэсъкности и говорыл: Ꙗ не могу збыти смерти ѡт Трыщана. Аж вышол корол над сту витезми з людми зброиными на

помоч Галиѡту, а шли прудко, бо король виделъ, што его Трыщанъ змагал. Коли Галиѡтъ познал свою хоругов, тогды рек: Трыщане, ты мертвъ, видиш то сут мои люди, а ты ми убилъ ѡтца и матку, если бых сѧ тобе не мстил, вес свет бы ми за зле мѣлъ. Рек Трыщан: Не може то быти, пане, штоб ты мене людми застрашылъ, ꙗ тебе знаю так доброго, не ехал бы ты ко мнѣ, если бы еси мѣлъ мнѣ инымъ мъстити. Ꙗ сѧ иного не бою, а ни сѧ стерегу, толко тебе, а бог вѣ, же-м ти невинен въ смерти ѡтца и матеры твоєи, и сам то добре вѣдаєшъ. А даю ти сюю битву за добытую и пусти мѧ з моею дружыною свободне. Зле-м вчынилъ, иже-мъ добыл меча против тебе, напротивъ болшого пана и набольшого витезѧ, а то бог вѣ, же того не мовлю длѧ страху абых сѧ (стр. 84) боꙗл смерти. И прыступил, далъ ему меч. Галиѡт взѧл мечъ и рек: Ты-с ми только вчынил, што быхъ тебе мѣлъ ненавидит со всего серца, але не чыню того длѧ твоее доброты, иж еси наибольшыи витез на свете. Не ест годно тебе погубити и ѡбецую тобе свою прыꙗзнь. А Трыщан поклекнул перед нимъ на колени свое и подѧковал ему дворне за его ласку. Галиѡт его узвел под руки а рек: То сѧ не годит, ачколвек ꙗ великии пан, а ты также великии чоловѣкъ и врожеными, ꙗков и ꙗ, а витез еси большыи, нижли ꙗ, и нѣт тобѣ друга на свете.

А король надъ стома витезми к ним прыближает сѧ из сулицами на Трыщана. И Галиѡт закликалъ на него што могучы: Стои, верни сѧ ѡт Трыщана, если ти жывот треба. Король тое чувшы стал и вернулъ воиско и поехал самъ до Галиѡта и пыталъ его рекучы: Пане, ꙗк сѧ єси мѣлъ? Рекъ Галиѡт: Добре з ласки божое, але не велми. Рек корол: Ꙗ вам перво ѡ том поведилъ. И Галиѡт рек: Коли єсми из жыволом с тое битвы, але велми ми сѧ хотѣло з ним бити и весел єсми ѡ том, што сѧ з нимъ познал; если бы сѧ могло стати, хотѣлъ бых мѣти их из Анъцолотом посполъ, бо тыє витези ꙗкъ храбрые так дворные и всѧкое доброти полны. Рек король: А што теперъ мыслишъ? Галиѡт рекъ: Поедьмо вси до дому Трыщанова с нимъ и там ѡпочыну покуль буду здоров. И вселъ Галиѡт и Трыщан и

Ижота и вся их дружына велми прудко, и коли прыехали на гору и в замок, которыи ся зовет Ѡраш, ѡгледали ран Галиѡту и Трыщану, и были в Галиѡта великие раны и кровю был надышол. Лѣкары прыложыли зѣлье къ ранамъ и дивили ся ꙗкъ ест жывъ, и не мог рушыти тѣломъ цалыи месец. А Трыщан лежал пятнадцат днии, а товарышы его были пры немъ, а которые были у темницы, тые ся вси собрали къ Трыщану. А тые люди прышли из Артиушом королем, которыи надъ сту витезми, и вшли у Плачевныи город; и выступили вязни а град зажгли, бо гражане били ся з ними ѡ тот закон Иѡсифов, которыи деръжали много лѣт. А Галиѡт прыказал, абы нихто Трыщановых не гнѣвал а ни его гостя, а не дал ѡт себе Трыщану ѡтходити поки ѡба выздоровели. Рек Галиѡт Трыщану: Ꙗ былъ прышол у тот ѡстровъ на твою смерть, помстити смерть ѡтца (стр. 85) моего и матки моее, але вѣдаю иж ты вбил ихъ по неволи для твоего рыцэрства; ѡтпускаю тобе тое. А поведал ми еси, иж несеш тую панну за своего дядка, ꙗкъ ся еси ему ѡбецалъ; ꙗ тя пускаю з нею, але велми ми жаль того, што не можешъ ехати зо мною, иж есми не видел жадное мильшое рѣчы, коли бых вас виделъ с паномъ Анцолотом уместе. Ты можеш взяти ѡтпущение у своего дядка и прыедь ко мнѣ у королевство сирелонское або гдѣколвек буду, успомени тую дворность, што еси мелъ ѡт мене и ѡтпущеня гневу моего, прыед ко мнѣ што наборздеи можеш, а ꙗ ти ѡбецую ся ꙗкъ витезь, бо есми не король, тыэ панства и земли мое, што есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абых мѣлъ з вами двема товарышство, а вы со мною; ꙗ быхъ большого богатества не хотелъ. Рек Трыщанъ: Пане, велика милост, ты-сь такъ много для мене учынилъ, ꙗ тобѣ того не могу заслужыти, але коли бог даст жывотъ, ꙗ тебе хочу ускоре видети гдѣколве будешъ. То ти говору зъ своею дружыною. И было ему море тихо, и Галиѡт его провадилъ до мора и просил его, абы инакъ не вчынилъ, и так бы учынилъ, ꙗко ся прыѡбецал.

Але потом мало помешкавшы прышла ему вѣст, што Галиѡт преставил ся, и ѡ том Трыщан былъ велми жалостенъ.

И коли ся розлучыл Галиωт с Трыщаном, писал Галиωт лист своею рукою и послалъ до королевое Веливеры, поведаючы ей тое попсованье злых законовъ по смерти ωтца и матки своее, и якъ нѣт болшых на свете ωт двух витезей; и межы ихъ не знам, которыи большыи, если Анцолот з Локве, чы-ли Трыщан зъ Єлиωноса, сестренец короля Марка.

Коли Веливера тот лист прочла, было ей велми вдячно и рекла: Мило бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут было ω Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ час былъ ωнъ з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогды, коли Милиенец короля Бана и Бендемагулъ прыехали у двор короля Артиуша и добыл королевую Веливеру в опецэ Кенишовой столника и повел ее у Лондрешъ.

И коли прыехал пан Трыщан у Корноваль со Ижотою ик королю Марку из своею дружыною, и тут было великое веселье, якъ молодыи, так и старыи вси ся веселили, играли. И в том веселью коли вже была ночъ, а былъ часъ Ижоте с королем Марком поити до ложы, а Ижота была у великои печали, ижъ не могла забыти того (стр. 86) кого миловала. Рекла сама к собѣ: Єще бых волела ув-острове Ωрашову быти, гдѣ есми мѣла Трыщана по своеи воли. И в тои мысли легла на постели; для утраченья паненства своего упросила Брагиню, абы вмѣсто ей с королем на ложы была тую первую ноч. И король Марко мешкавшы прышол до нее у ложницу, а в ложницы ни кого не было, ωдно Трыщан и Говорнар а Брагиня. Скоро ся король розобрал, Трыщан погасил свѣчы, и рек король: Чому-сь то вчынил? Рекъ Трыщан: Ωбычаи тот естъ ув-Орлендэи, коли хочет великии панъ на першую ночъ лечы с панною, свѣчы угашают, абы ся панна не стыдила. И мене мати ее заклела и я ся ей такъ ωбецалъ. Рек король: Добрэ еси учынилъ. И затым вышли вон из ложницы Трыщан, Ижота и Говорнаръ. А Брагиня легла на постели вмѣсто Ижоты, а Ижота была на тот часъ устала напротив короля, коли король увошол у ложницу, и стояла Ижота у закрете, поки к неи вышла с коморы Брагиня.

Коли король споліънил з Брагинею, не познал штобы не Ижота; и скоро по спаню вышла Брагина, а Ижота ушедшы легла с королемъ. И коли было на завтреи, рек король Марко Трыщану: Трыщане угодниче мои, сыну мои нероженыи, прынесъ ми єси чыстоє злато. И былъ Трыщан ѡ томъ велми весел. И на тои радости велѣлъ король Марко витеземъ исполнити серцо весельем, а говорыл: Прывелъ ми Трыщан чыстое золото; и казал прывести всѧкие гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы; того дѣла учынилъ такоє веселье, абы сѧ рыцеры ку храбрности мѣли. Видечы панны такое веселье, танцовали горотинскии танец за доброт пану Трыщану, говоречы: Прывелъ намъ пан Трыщан у чомъ намъ ест пѣти играти до конца днеи нашых. И позирала руса Ижота своими ꙗсными ѡчыма на ѡсобу пана Трыщана, а Трыщан таке-ж на Ижоту позирал, нихто того со всихъ витезеи и панеи и панен не зналъ, толко Трыщан а Ижота и Говорнаръ и Брагина. И пребывал король Марко у весели зъ своими витезми.

И ѡдного часу прышол ѡдин витез королѧ Марка и рек ему: Велможныи королю, нехаи то будет утаєно што ти хочу поведати. И позрѣвъ король на витезѧ, рек: Говоры, што хочешъ. Рек витез: Ты пан моцныи, а мнѣ невдѧчна твоꙗ легкость; ꙗ ти повѣмъ: милуеть Трыщан Ижоту телеснымъ учынкомъ. Король рекъ (стр. 87): Можетэ-ль того довести? Ѡн рекъ: Пане, заисте єсми чул иж мают сыити сѧ у первую сторожу ночы у городец за сѣнми. И король Марко, хотечы того доведати сѧ, рекъ рыцэромъ: Маемъ ехати. Рек Трыщан: Кому велишъ зъ собою? Рек Трыщану: Ѡ почстеныи рыцэру Трыщане, не едь тепер со мною, жди мене тут завтра. И ѡтехалъ король далеко ѡт двора и вернулъ рыцэров ѡт себе, а самъ вернулъ сѧ ѡпатъ до двора и ушол у городецъ и възлѣзъ на ꙗблонь. А тогды была ноч месечна и длѧ того не могъ скрыти теню своего. А пан Трыщан змовил был со Ижотою, абы вышла у городец; ѡна вышла и стала близко тое ꙗблони велми весела ѡ милости Трыщановои; а прышол Трыщан ко Ижоте близко и убачылъ тѣнь чоловѣчыи

на ıаблони и погледѣлъ ку верху и поклекнулъ на колѣно, рек Ижоте: Ѡ велебнаıа пани всимъ панимъ коруна, дла того єсми тебе просилъ, абы єси вышла у сесь ѡгородецъ, ıа бых сказал мысль мою. Мышлю поити по мору и по суху, бо єсми чул, што рекъ король Марко: Позирает Трыщан на Ижоту милостнымъ ѡбычаємъ. Ино дла бога, поведаи королю мою службу, ıакъ єсми бил са с огненым Бланором, з наиболшымъ витезем, дла его быхъ єму тебе досталъ; нехаи бы са король на мене не гневалъ. Ижота была вельми мудра и ко всакои речы хитра, познала, ижъ Трыщан нешто видит, и посмотрела по ѡгородцу и ѡбачыла тѣнь чоловѣчыи на земли, и не возревшы на дерево и рекла: Ѡ велебныи витезю, всим витезем коруно, которыи милуешъ панство корола Марка, бо ведает король твою великую послугу, што єси ѡсвободилъ всю Корновалю ѡт мала и до велика, и вси ѡколные стреснули са дла великого витезства твоего. То бы мѣлъ бьıти великии дивъ, же-бы корол забыл твоее доброти, а мѣлъ вѣрыти ѡдному витезю; буду ıа ѡ тобѣ мовити государу королю, надеваи са, иж король мне, малъжонце своеи, будет верыти. А коли єси вмыслил ходити по мору и сухом, еще понехаи, покуль прыидет корол Марко. Пан Трыщан въздалъ фалу богу и подаковал за то красной Ижоте и поклонилъ са, шол ув-обецныи палац, а Ижота до ложницы. И злѣз король Марко из дерева и рек сам къ собѣ: Нѣт тут Трыщановы вины, если бы то была правда, ино то бы теперъ было. Прышло на мысль єму, иж тотъ витезь гнѣвъ мает на Трыщана, иж с Трыщаном ходил ув-Орлендэю по Ижоту; а коли прыстали под замокъ Дамолотъ в лонъдрышъском кролевстве (стр. 88) в держаныю корола Демагула, а так к нимъ прыехали были два витези, Iащоръ и Маргоноръ ровни собѣ пытаючы, а Трыщан велми хотелъ з ними коштовати са, и тот витез внимал его мовечи: Трыщане, не пошли есмо с тыми витезми бить са, але пошли есмо прынести Ижоту из города Биана из Ѡрлендэи, дочку корола Ленвиза, нашому пану королю Марку. Тогды єму рекъ Трыщан: Єсли ты боишъ са колоти у Лондрешы, тогды не-иди с нами ув-Ѡрлендэю, занюж

там наидем много добрыхъ витезеи, а не дадут намъ Ижоты без моцное битвы. И за тое тот витез гневалъ сѧ на Трыщана; и прышол тот гневъ королю на умъ и не вѣрылъ ему.

Прышол корол Марко у палац и прышла к нему Ижота и рекла ему: Велебныи пане, повѣмъ ти ѡдну реч. Коли еси ѡтехал из своими витези до другого двора, а тут ѡставилъ Трыщана, ѡнъ захотѣл поехати по свету, и ꙗ его пытала: Чого делѧ едеш? И ѡн ми рекъ: Позналъ есми, што король на мѧ позираетъ гнѣвными очыма; и ꙗ его унела, доколе сѧ по тобѣ довемъ. Прошу тѧ, государу, длѧ того позиранѧ, вѣдаешъ сам, ꙗко Корновалѧ была понижона ѡли-жъ ее Трыщанъ ѡсвободил, убилъ наибольшого рыцэра Амурата ѡрлендэиского ув-острове Самсоне, ѡсвободил Корновалю ѡт великого и до малого, а то вчынил длѧ того, абы ты пановал; а еще побилъ наибольшого витезѧ ѡгненого Бланора, и то чынил длѧ тебе, мене тобѣ доставаючы. И еще которыи бы колвек рыцэр прыехал ѡткул на твои двор ровни пытати, а еслиб вѣдал, што Трыщан у вас ест, не мѣти будет с нимъ битвы, а если сѧ будет бити, ты будеш повышон Трыщаном; бо коли прыеждчали рыцэры на ѡтца моего двор, тогды сѧ не мог наити ни ѡдин витез, которыи бы сѧ противил Паламидежу; и коли сѧ зъехал с Трыщаномъ, ино Трыщан с конѧ его скинулъ. Длѧ того, пане, не даи ему ѡт себе проч поити. И король Марко послухал ее цудныхъ рѣчеи и рек еи: Поведано ми на Трыщана, але самъ знаю вѣрна его к собѣ и милую его серцэмъ ꙗко сам себе.

(Сонъ королевскии) А потомъ рек король Марко красной Ижоте: Виделъ есми сонъ: было ѡдно панство велми хороше, и на немъ была выросла ѡдна рожа велми пекна, а на неи были цвѣты велми красны; и говорыли витези: то будет панство доброе длѧ тое красное рожы. И говорылъ пан того панства (стр. 89): Панство моє, але рожа не моꙗ; хтоколвек ѡзмет цвѣт ѡт рожы, будеть ему рожа. И многиє рыцэры прыеждчали у тоє панство, а каждыи рыцэр хотѣл того цвѣта ѡт тое рожы, и нихто не мог взѧти цвѣта ѡт рожы; и прышолъ ѡдин витезь и

простер руку к тои рожы и ѡтналъ ѡдин цвѣтъ ѡт рожы. И рекли ѡныє витези: То ест диво, ꙗкъ долго не могъ нихто ѡтнати цвѣта ѡт тое рожы, а сесь рыцэр скоро прышол и взалъ цвѣт ее. А тот витез былъ велми веселъ ѡ тои рожы, а коли єще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не мѡг болшъ уфатити. И в тот час прочутилъ сѧ есми ѡт сна. Ижота рекла: Пане, мнѣ сѧ видит, которыи витез взѧл цвѣт ѡт тое рожы, его будеть и рожа. Корол внимал штобы сѧ того нихто не домыслилъ, а Ижота была велми мудра и домыслила сѧ длѧ чого то корол мовил, и внимала же-бы єму Брагинѧ поведала ее милованє съ Трыщаном. И была Ижота велми сердита на Брагиню и мыслила ꙗко-бы ѡна не была жыва.

И поехал пан Трыщан в чистыє дубровы искати битвы, бо ѡт неколку днеи жедалъ того, а Ижота рекла Брагини: Поехал пан Трыщан битвы искати и там мусит несколко ран мѣти, а того былиѧ мало, чым раны лечыти; а такъ поехати мнѣ або тобѣ зѣльѧ того искати. Рекла Брагинѧ: Ѡ почстенаꙗ пани, не слушыт тобѣ мимо мене ехати, а хотя бы ми и далеко морем и сухом ехати, ꙗ поеду не толко до чыстых дубров и далеи прынести зѣлье пану Трыщану. Але прошу тебе, пошли со мною двух витезеи, абы ми которого прысловѧ не было. Ижота казала позвати дву хлопов и велела имъ вбрати сѧ у зброю, а кгды сѧ ѡни убрали, рекла имъ: Поедьте с тою девкою и тамъ загубите ее на смерть, а ꙗ за то вам упрошу короля, абы васъ поставил витезми. А коли прыехали в чыстыє дубровы и мыслили много говоречы: Таѧ панна много послужыла пану Трыщану у граде Биꙗну у Ѡрлендэи, ѡна ест мудра и хитра; споведаимо мы то еи, чого для поехали есмо, может-ли то ѡна вчынити, ꙗко быхмо были просты ѡт карности и ѡна ѡт смерти? И ѡни рекли: Вѣдаеш ли, панно, што маеш ѡт нас смерть? Ѡна рекла: Не могу ничого з вами мовити, докул не вижу парсун вашых. И ѡни зналь гелмы и указали еи парсуны, и ѡна познала их Брагинѧ, што ѡни поехали (стр. 90) длѧ ее смерти, и рекла: Не смѣите иного вчынити, ѡдно што вамъ казано; а коли хочете, можете быт про-

сты ѡт греха и учынити прыказанє пана нашого. Ѡни рекли: Ѡ добрая панно, дла того єсмо тобѣ споведали, што быхмо просты ѡт греха, а ты ѡт смерти. Девка рекла: Поведете мѧ на роспутиє чыстых дубровъ, єсть ѡно древо велми красно, гдѣ завжды много лютых звѣреи, к тому мѧ древу прывѧжыте, нехаи ѡт звѣреи умру. А для того рекла, иж мало того, штобы не былъ витез пры том дереву. И тыє хлопи прывели ее и прывезали к тому дереву и позирали на вси стороны, ѡткуль тыє звѣры прыидут, и вбачыли иж едет красныи Паламидежъ Ануплитичъ, а за нимъ єго слуги. Исполнила Брагиня серца весела, ижъ познала красного Паламидежа; и взрѣлъ Паламидеж и рекъ своимъ: Не стало ми сѧ на мою мысль, я былъ дла того поехалъ, абых ѡт руки пана Трыщановы вмер, ажъ єго самого смерть поткала, бо коли бы былъ панъ Трыщан жыв, не стало бы сѧ то Брагини. Рек єи: Помилуи тебѣ бог, панно, якою смертью пан Трыщан згибъ? Бо єсли бы ѡн был жыв, не стала бы сѧ тобѣ такаѧ легкост. И ѡна рекла: Рыцэру, я тѧ знамъ, иж ты храбрыи рыцэр Паламидеж, сын короля Ануплита, набольшыи непрыѧтель пану Трыщану. Такъ бых не погибла ѡт лютых звѣреи, якъ єсми не видела весельшого пана Трыщана як вчора был, и поехалъ в чыстыє дубровы битвы искати з добрыми витезми, иж того давно жедал. Рекъ Паламидеж: Што за выступъ твои предъ красною Ижотою, иж єси в таковои муцэ? И ѡна рекла: Ѡпрости мѧ ѡт древа, я вам повем. Паламидеж ѡтвезал ее ѡт древа и рек: Поведаи, панно. Ѡна рекла: Для того ми сѧ то стало: пошла єсми зъ своею госпожею з ѡдного кролевства у другое, ѡна понесла свои ѡдинъ цвѣт, а я мои другии цвѣт, и ходили єсмо морем и сухом; идучы по мору пани моя утопила свои цвѣт, а я свои не втопила, и ѡна поставила мои цвѣт, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми сѧ тое зло стало. Паламидеж рек: Вѣдает ли то пан Трыщан? И ѡна рекла: Не вѣдает. И ѡн рек: Ѡ добрая панно, ты много послужыла пану Трыщану, а мнѣ єси много выступила, а коли єсми тебе ѡпростил ѡт смерти, послужы ми. И ѡна рекла: Кождыи рыцэр го-

дея чсти зычыти витезем и паннам. Паламидеж рек: Поедмо с нами в Корноваль и поведаи ми ѡбычаи вашого пана короля Марка. И ѡна (стр. 91) рекла: Добрыи ест ѡбычаи нашого пана: коли прыидут витези на господу а поведать королю Марку, ижъ прыехали витези з-ыное стороны битвы искати, повинен имъ кождому король послати конь и зброю, если будут свое кони потрудили, нехаи сѧ на свѣжых зводают. Паламидеж рекль: Ѡт чого таковыи ѡбычаи вставлен, занюж тотъ ѡбычаи естъ короля Артиуша, которыи естъ всимъ королем коруна по всим чотыром сторонамъ? И ѡна рекла: Тот ѡбычаи въставленъ коли прышол пан Трыщан из Ѡрлендэи в Корновалю. А за тым поехал Паламидеж в Корноваль. Паламидеж рекъ: Панно, хотѣл быx ꙗ, абы мѧ не вѣдали, хто есми и ѡткуль до часу. И коли прыехали на господу рыцэрскую, тогды ему прывели конѧ и зброю прынесли и рекли: Вы есте витези, прышли есте битвы искати? Паламидеж рекъ: ѧвне; ест ли тут панъ Трыщан? Ѡни рекли: Поехал в ловы. Паламидежъ рекъ: А мнѣ его поведали у дубровах. Ѡни рекли: Поехал был битвы искати з великими рыцэры и добыл тых рыцэров. И пытал Паламидеж: Не раненъ ли велми? Ѡни рекли: Ранен, але не велми. Пытал ихъ Паламидеж: Борздо ли мает прыехати пан Трыщан? Ѡни рекли: Не вѣдаем, если бы сѧ ему там битва нашла, и ѡн бы змешкал, иж ѡн естъ всимъ витезем коруна, которые милуют нашого пана королѧ Марка. Паламидеж был ѡ томъ велми веселъ, што ему тут не споведали Трыщана, и вышол перед господу и видел тры панъны, а ѡни идут по улицы, говоречы: Велит король витезѧмъ и дѣвкам к собе прыити ув-обецныи палацъ. Рек Паламидеж Брагине: Што ти сѧ ѡ томъ видит? Ѡна рекла: Видить ми сѧ, што государъ король хочет ѡ мнѣ пытати. И ѡнъ рек: Коли мнѣ час вдарыти чолом королю? И она рекла: Коли сѧ соидут витези до королѧ ув-обецныи палац. Ѡнъ рек: Милаꙗ панно, пилнуи того. А потом рекла Брагинѧ Паламидежу: Часъ тобѣ чолом вдарыти королю Марку. И ѡн пошол, а с ним его витези. А так прышол красныи Паламидеж з двема мечы, с чорным щытомъ у обецныи палац икъ ко-

ролю Марку и поклонил сѧ; король его прывитал велми цудне, а потом рекъ король: Хто-бы мог вѣдати ꙗкою смертью згибла дѣвка Брагинѧ, ꙗ быхъ его даровалъ велми много, а хто-бы ее сповѣдал жывую, за што бы его рука сѧгнула, (стр. 92) то бы сѧ ему не заборонило. Паламидеж почал ему поведати ѡ короли Артиушы. Король Марко исполнилъ серцо веселемъ и велелъ прынести шахы, рекъ Паламидежу, абы игралъ с ним. А коли сѣли играти, рекъ король Паламидежу: Так ти ꙗ говору, рыцэру, што нихто сѧ мнѣ не противит в шахы играти. Рек Паламидежъ: Ꙗ вѣм королю, што еси пан хитрыи, але коли хочешъ играти ѡ тое, которыи з насъ выиграет, по што сѧ его рука хватит, нехаи собѣ ѡзмет. И на то ѡба прызволили, и выиграл ѡ тое Паламидеж и рек: Королю Марко корновалскии, ты-с рек: Хто бы вам поведалъ о жывоте дѣвки Брагини, по што бы того рука сѧгнула, то нехаи ѡзмет; а еще еси рекъ, хто бы з нас кого в шахи поигралъ, за што сѧ рука его хвитит, нехаи ѡзметь. А большаꙗ ест речъ вѣра кролева, нижли кролевство его. Даи ты мнѣ красную Ижоту, а ꙗ тобѣ дамъ дѣвку Брагиню. Король рекъ: Гдѣ естъ? Ѡнъ рекъ: На моеи господе. И рекъ Паламидеж своему витезю: Прыведи Брагиню. И витез ее прывел; а коли видел ее король Марко, велми был весел и рек ѡдної дѣвцэ: Поиди, мов Ижоте: Нарежаи сѧ, поехати маешъ с Паламидежомъ. А краснаѧ Ижота радила сѧ велми тихо, ѡжыдаючы штобы прыспел панъ Трыщанъ, не смелъ бы Паламидежъ ѡ том ни поменути. А такъ прышла цуднаꙗ Ижота пред королѧ, и рек корол Марко: Рыцэру, ѡто-ж ти пани. Паламидежъ исполнилъ серцэ весельем и вздалъ фалу Богу и подяковал королю Марку за Ижоту. Цудная Ижота рекла: Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновалского, ѡн велел мене тобѣ дати, ты самъ ведаешъ, што еси служыл у моего ѡтца тры годы длѧ мене, не могъ еси мене выслужыти, але коли мѧ еси досталъ так борздо у королѧ Марка, подмо ув-ѡную цэрков и кленим сѧ богом, абы не ѡставил ѡдин другого до смерти. Ѡ том был Паламидеж велми гнѣвенъ и рекъ: Подмо пани. И прыехали къ

цэркви, Ижота зъсѣдъшы и ушла в цэрков первеи Паламидежа; а были в тои цэръкви реманые лѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тыхъ лѣствицахъ до ѡкна верхънего, и коли была у ѡкне, узволокла лѣствицу к собе; а за тымъ вшол витез Паламидежъ (стр. 93) Ануплитич у церковъ велми весел. А коли Ижоту свою видел у ѡкне цэрковном, был велми смутен и рек: Ѡ почстеная пани, чого для то чынишъ? Злѣзь доловъ и кленимо ся ѡдин другому богом, абы не ѡставил одинъ другого до смерти, а сама еси то рекла, пани, я тобѣ говору вѣрою витезскою: коли мнѣ тебе дал король Марко, не хочу поехати без тебе. И рекла Ижота витезю: Поедь з Богом, ижъ есть витези у короля Марка, которые поехали у ловы, а коли тя наидут пры ихъ цэркви, будеш мѣти моцную битву. Паламидеж рек: Ѡ почстеная пани, я не бою ся ни ѡдного витезя, коли ми тя дал король Марко. Тогда погледела Ижота куды поехали витези, и вбачыла аж едеть къ церкви пан Трыщанъ; бо тот ѡбычаи мѣл Трыщан: коли ехал до двора, або з двора, завжды заеждчал к тои цэркви. Ижота рекла Паламидежу: Витезю, едь з богом, едеть на тя витез. Паламидеж рекъ: Пани, што мя страшыш витезем? Не будь ѡдин, нехаи будут два! Пани, соиди доловъ, поехати тобе со мною. Ижота рекла: Витезю, поедь з богом, витезь едет к цэркви витезьским ѡбычаем, стережы ся вдару ѡного витезя. Паламидеж рекъ: Не будь ѡдин, нехаи будут тры, пани; злез долов, и кленимо ся як есмо рекли. Рекла Ижота: Витезю, поедь ѡт цэркви, доидеш сорому ѡт вдару другого витезя, бо вже витез близко цэркви, которы на тя едеть. Паламидеж рекъ: Не буд ѡдин, будь их десеть, прыимам вѣрою витезскою ждати тебе тры дни и тры ночи, а не хочу ѐхати без тебе. Рекла Ижота Паламидежу: Не тры, не два, ѡдинъ Трыщан едеть. А Паламидеж въскочылъ на коня и побѣгъ што наборъздеи мог, бо вѣдает ижъ умѣет Трыщан с копемъ на кони. И видел Трыщанъ гдѣ побегъ витезь ѡт церкви, и позналъ по знамени и скочылъ што наборздеи мог и не догонил, вернулъ ся, бо ему конь был спрацован у ловах. А коли прыехал панъ Трыщан до цэркви и ви-

делъ цудную Ижоту и розгнѣвал сѧ велми, а не хотѣлъ длѧ Паламидежа пытати, ѡдно рек: Всѧдь, пани, на конѧ и єдмо до королѧ Марка. Ижота рекла: Не годит ми сѧ ехати икъ королю, ижъ ме ѡтдал Паламидежу. Трыщан рекъ: Ѡ почстенаѧ пани, ѧкъ то може быт, штобы тебе далъ Паламидежу, (стр. 94) иж король Марко любит всякоє розличноє веселє? Ижота рекла: Трыщане, коли бы єму мило веселє, ѧкъ бы мене дал еждчалому рыцэру?

А по тыхъ речах поехал ѡт цэркви пан Трыщанъ со Ижотою по свѣту ездити и ехали ѡт Корновали къ Домолоту, и стрѣтила их ѡдна дѣвка и рекла: Рыцэру, ѧ не знаю хто еси, але бачу тѧ доброго витезѧ; мнѣ жаль твоее легкости, занюж коли поедешъ тою дорогою, не можешъ быти без легкости. Пан Трыщан рекъ: Панно, дѧковано ти будь ѡт всих витезеи, што еси рада ѡстеречы витезѧ ѡт легкости; прошу тѧ, панно, чого делѧ мене унимаешъ ѡт тое дороги? И ѡна рекла: Добрыи рыцэру, на переду тобѣ стоит корол Артиушъ из своею королевою Жэнибрoю, а так естъ много добрыхъ рыцэров, занюж кождыи добрыи рыцэр милует панство королѧ Артиуша, а тые рыцэры, коли узрат с тобою нацуднеишую панию, усхотѧт ю у тебе ѡтнѧти моцною битву. Рыцэру, не будет тамъ ѡдин або два, але там много витезеи добрыхъ, будеть кому ламати сулицы, и сам собою ее ѡтдати мусишъ. Панъ Трыщан рекъ: Панно, зафалено ти буди всими витези и паннами, што єси рада ѡтвести витезѧ ѡт легкости, але рачы то вѣдати, хто бы мѧ колвек не ѡтвернул копъемъ на кони, нихто мѧ не можэ ѡтнѧти ѡт тое дороги. А за тым сѧ ростал панъ Трыщан с тою девкою. И коли виделъ шатры королѧ Артиуша, и там сѧ надевалъ битвы; и были велми цудне украшоны. Того длѧ рек пан Трыщан красной Ижоте: Почстенаѧ пани, видиш шатер королѧ Артиуша ѧкъ близко дороги роспят? А ѧ вѣмъ, што тут много добрых витезеи, а если мы поедем правою дорогою на шатер королѧ Артиуша, будет на мѧ моцна битва, а коли поедем стороною ѡколо королѧ Артиуша, и так сѧ надевам битвы, узмовять: ѡно ведет страшливыи витез нацуднѣи-

шую панну. Для того, пани, мушу поити правым путемъ къ шатру корола Артиуша. Але тобѣ мовлю вѣрою витезскою: если инуды посмотрыш нижъ мнѣ Трыщану межы плеч, а коню своему межы ушы, буду са на та велми гнѣвати. И рекла Ижота: Ѡ почстеныи рыцэру Трыщане, коли быхъ ıа много ходила по мору и сухомъ, не видала быx ни ѡдного рыцэра большого, толко тебе, а которые суть наибольшые витези ѿт двора корола Артиуша, (стр. 95) тых ıа всих видала у дворе ѡтца моего у Ѡрлендэи. А так прыехалъ Трыщан къ шатру корола Артиуша, бо так близко был шатер дороги роспатъ, иж поврозы через дорогу переходили. Трыщан поехал дорогою по поврозех и зачепилъ конемъ поврозов и страснул всим шатром; а в тот час король седелъ за столом ис королевою своею Жэниброю и з своими витези. И видевшы то витези скакали через столы гледети того, говоречы: Хто ест так пышныи и нашому пану королю Артиушу, которыи естъ всим королем коруна? Красная Ижота и Говорнаръ, чувшы звукъ сосудов в шатрех, што витезы скачучы через столы розбивали сосуды, и велми са злакли боячы са ганбы. А коли были за нимъ зъ шатра вышли, видели его наиболшого витеза и с нимъ панюю; а был тутъ с ними и Анъцолот сын Долота корола з Локви, намилеишыи товарышъ Трыщановъ; але не познал Трыщана, што был въ зброи, и виделъ са ему велми добрыи рыцэръ, рече: Много есми ходил моремъ и сухомъ, а ни ѡдного рыцэра не видел, которыи бы такъ моцно на кони седелъ, або такъ хорошо ногу в стрымени держалъ, крома одного, а ни ѡдное панны не видел есми так цудное, крома ѡдное. И был в корола Артиуша подчашыи именем Геушъ ново поставленъ витезем, а мѣлъ великую храброст, але мало силы; тот подчашыи видел нацуднеишую панию Ижоту, исполнилъ серцэ веселемъ и вздал хвалу богу, прышол в шатер икъ королю Артиушу и поклакнулъ мовечы: Пренаможнеишыи кролю всимъ королем коруно, твоему панству ровни нѣтъ далеко а ни близко, ты мнѣ рекъ, быx ıа видел нацуднеишую панну, тую ми еси мѣлъ дати; про то, пане, коли быхъ ıа много лѣт ездилъ морем и сухом, не

мог быхъ так наити цудное дѣвки, ꙗкъ таꙗ з ѡнымъ витезем, которыи минул мимо твои шатеръ, не вдарылъ вам чолом. Нехаи ему ѡтонму тую панну, а его к тобѣ прыведу. Король рек: Витезю, если ми того витеза прыведеш, не толко ѡнаа девка, але чого всхочеш, то ѡзмеш. Ѡныи подъчашыи подаковалъ велми смѣло, ꙗкъ бы вже въ своихъ рукахъ мѣлъ, и почалъ сѧ убирати въ зброю, велми борздо поспешаючы сѧ за Ижотою. И Анцолотъ ему рекъ: Геушу, не квап сѧ ехати за тым витезем, бо ꙗ знаю (стр. 96) ꙗкъ ѡн на кони седит и ꙗк-ли ногу в стрэмени держыт; перво хочэ дати твои кон видение нам на поводы наступаючы, нижли бы ты его прывел пры своем слабом стрэмени. Ꙗ тобе повем справедливе: не могъ бы страшливыи витез так цудное панны водити, и перво нас бы в него ѡтняли. Геушъ рэчэ: Не слушыт ни ѡдному витезю другого витеза ѡтводить ѡт его почестности, а ꙗ тобѣ повемъ верою витезскою: коли ꙗ с нимъ соимем, мало з нимъ мышлю мистэрства простирати. Панъ Анъцолотъ рече: Пане подъчашыи, ꙗ тое надѣи, коли сѧ соимете, мало мистерства будете простирати. А так поехалъ подчашыи за паном Трыщаном што наборздеи могъ у великои безпечности. А коли его увидели Ижота и его Говорнаръ, и рекла Ижота Трыщану: Витез за тобою едет. Рече Трыщанъ: Ꙗкъ едеть? Ижота рекла: Што наборздеи колко конь может. Рек Трыщан: Тот витезь ново поставлен, а мыслит со мною мало мистерства простирати, а ꙗ съ ним. Аж кличе Геушъ подчашыи великим голосомъ: Рыцэру, што водишъ нацуднеишую панну, почекаи мѧ, нехаи увидиш, которыи з насъ будет годнеишыи миловати ее. Пан Трыщан перво копъе взѧл подъ пахи, ниж сѧ ѡбернулъ, и речэ: Едь да видишъ.

(Битва Трыщанова з Геушомъ) Коли снѧли сѧ копъи вместо, Геушъ полетелъ на ѡдну сторону, а конь его на другую сторону, а Ижота и Говорнаръ гледели што сѧ межы ними учынить, и ѡни не могли познати, штобы сѧ Трыщану нога у стрымени рушыла, не толко штобы сѧ у седла показило длѧ зуфалое рѣчы того витезѧ. Скочыл с конѧ пан Трыщан и скинулъ Геушу

гелмъ з головы и хотелъ его душы избавити, и ѡн его просилъ ѡ жывотъ. И рече ему пан Трыщанъ: Учыни-ж так, што ꙗ тобѣ велю, а ꙗ тебе вызволю ѡт жестокое смерти и ѡт ѡстрого меча моего. Ѡныи витезь рече: Ѡ пане, хотѧ бы мѧ еси послал далеко морем и сухом, если мѧ жывота не збавиш. Рече Трыщан: Рыцеру, розберы сѧ из своее зброи и даруи тую зброю своему пану, которыи тѧ послалъ. Ѡбернулъ сѧ к нему плечыма; и злюбил на том тотъ витез и пошол пѣшъ, несучы свою зброю. Аж идеть кроль Артиушъ из своими витезми и кролева Женибра с паннами, и увидели витези, што идет конь наступаꙗ на поводы, а за ним иде витез нагнув сѧ, и тыє витези, што были товарышы подъчашого, говорыли королю Артиушу: Пане, ꙗкъ храбрыи твои под (стр. 97) чашыи а наш товарыш Геушъ, надеваем сѧ, што убил ѡного витезѧ зъ ѡною панною, а зброю его несет, што николи єсмо первеи не видали такъ цудное зброи, ꙗкъ была на том рыцэры. Пан Анцолот рече: Ѡ мои боже, ꙗкъ нестале поведаете нашому пану королю Артиушу, бо коли бы нашъ витез того витезѧ добыл, длѧ чого бы своего коня упустил? А ꙗ вамъ говору вѣрою витезскою: наш витез свою зброю носит. А по тыхъ речахъ прышол подчашыи, несучы зброю свою на беремени, и прыступилъ къ королю, рэчэ: Пане, воли мѧ жыва, ниж мертва, волел есми то учынити, нижли голову утратити; а ꙗ тобе поведам, ижъ нет витезꙗ, которыи бы сѧ ему противил. И был корол ѡ то велми жалостенъ, што его витезю стала сѧ легъкост. И позвал корол свою королевую Женибру и рэк: Пани, поиди с паннами а проси Анъцалота, абы прывелъ того витезꙗ, занюж ѡн наболшыи витез межы нами, всим витезем коруна, которыи любѧт панство мое. Королева просила Анцэлота такъ говорэчи: Наивышшыи витезю Анъцэлоте, длѧ бога соими з нашого пана королѧ Артыуша терновъ венец и узложы смилного, прыведи к нам того витезꙗ, а тобе будет ѡнаꙗ панна. Анцэлот рэкъ: Почтенаꙗ пани, чого длѧ мене шлеш за тым витезем, за прыкрою моею смертью? Але коли ты велишъ, ꙗ мушу ехати. А за тым убрал се в зброю и всел на конь и поехалъ за Трыщаномъ

такъ тихо ступою, бо ведал, што можэ его догонити, говоречы: Не бежыть тот витез, которыи водить такъ цудную панну из собою. А коли был близко Анцэлот, увидели его Ижота и Говорнаръ, и рэкла Ижота: Пане Трыщане, еде за тобою витез витезским ѡбычаем. Пан Трыщан рэк: Пани, ꙗкъ еде тот витез? Ѡна рэкла: Витез ест цудное ѡсобы, а еде тихо ступою. И Трыщан погледѣлъ далеко пред себе и увиделъ велми хорошую цэрковъ, а перед нею пекнаѧ сѣнь; рече Трыщан: Поедмо к тои цэркви под ѡную сѣнь; и поехали тамъ. И рекъ Ижоте: Пани, то ест витезь старых витезеи, ꙗ (стр. 98) не вѣмъ, если ты будеш его, або моꙗ. А за тым прыехали къ цэркви, и сѣлъ под ѡною сѣнью в холоду и знѧлъ гелмъ з головы, бо єму была голова употѣла. Виделъ єго Анъцолот и скочылъ велми боръздо, ижъ позналъ што панъ Трыщан, и ѡ познаню єго был велми веселъ. И видевшы єго пан Трыщан, възложылъ гелмъ на голову и вскочыл на конь, а был готов. И видел єго пан Анцолот на кони, кинул гелмъ свои, и Трыщан єго позналъ, скочылъ с конѧ, и прывитали сѧ велми ласкаво и пытали ѡдинъ другого: Рыцэру, ꙗковую єси прыгоду мѣлъ ѡт тыхъ часов ꙗкъ єсмо сѧ ростали? Хвалилъ сѧ єму пан Трыщанъ такъ говоречы: Которыє колвекъ витези што ездечы ровни ищут, племѧ королѧ Бана ѡт Банока або королѧ Перемонта француского, никоторыє сѧ не противили ударцу моему. Пан Анцолот рече: Которыи колве витези любѧть королѧ Артиуша, ꙗ тымъ витеземъ всим коруна. И за тым мовилъ къ пану Трыщану: Вели конѧ готовати и едмо у твою дорогу, занюж не верну сѧ до королѧ Артиуша. Рече Трыщан: Длѧ чого не маєшъ ехати икъ королю? И ѡн рече: Длѧ того што єсми им мертвъ, толко єсми тобою жыв. Трыщан рек: ꙗкъ то може быти, рыцэру? И ѡн рэкъ: Послали были мѧ за тобою, абых тѧ прывел, а того бы не вчинил ни ѡдин витез. Речэ Трыщанъ: Хочэмо поехати икъ королю Артыушу, а буду єму мовити, иж ты болшыи витез надъ мене. Анцэлот рэклъ: Чого бог не хочеть, нихто не можэт учынити: не ест ꙗ болшыи витезь над тебе, ты всим витезем коруна. И засѧ рэкли: Што узмовит Ижота, то

учынимо. Руса Ижота рэчэ: Вы есте ѡба добрыи витези, бог вѣ, которыи з васъ болшыи, але коли єсте рекли то, што ꙗ реку, тогды поедмо къ королю Артиушу. Много витезеи говорать, ижъ єст кролева Жэнибра лепша над мене, а ꙗ сама по собе вѣдаю, што єсми лепшаꙗ, але хочэм ведати красу панеи и доброту витезев. А за тым поехал пан Трыщан из своим наимилшым товарышомъ Анцэлотом къ королю Артиушу. Видевшы их витези были велми весели, (стр. 99) мнимаючы што Анцолотъ ведет того витезѧ, а коли были близко шатра, тогды видели ажъ ѡные витези милують сѧ велми цудне межы собою. И такъ увошли у шатер къ королю Артиушу, а тот корол миловалъ витези болшы, ниж што иного. И пан Трыщан палъ на колена и речэ: Пане, нехаи вѣдает твое панство, иж есть болшыи витез Анцэлот, прывел мѧ ꙗкъ еленѧ за горло пред вашу велебност. И то рекъшы всталъ. Тогды палъ на ногу Анцэлотъ и вздалъ фалу Богу и рече королю и кролевои: Панове, дꙗкуитє пану Трыщану за мои жыботъ, иж мене не хотел погубити, ѡдно мѧ прывелъ, ꙗкъ дитꙗ бичом, ца стан королѧ Арътиуша. Рачте вѣдати, иж Трыщанъ есть всии витезем коруна по всим сторонам чотыремъ, морем и сухом. И вси витези рэкли: Вы есте ѡба добрыи витези, помилуи васъ бог ꙗкъ сѧ есте цудне рыцэрством поставили, вашому рыцэрству нет ровни ни близко ни далеко. То вжо есмо вашу доброту видели, нехаи ещэ видим красу панеи вашэи. А королеваꙗ Жэнибра [и] Ижота ѡбе сѧ вкрасили што наболеи могли; и вышли витези и суди кролѧ Артиушовы глѧдечы красы их, и ѡдин изъ судеи рекъ: Мы єсмо поставлены, абыхмо судили справедливе на ѡбе стороне, але мнѣ сѧ видить ꙗкъ естъ лепшыи злото ѡтъ срэбра, такъ лепшаꙗ того витезѧ пани ѡт нашое кролевое. А вам што се видит? Ѡни рэкли: ꙗкъ еси судилъ, и нам сѧ такъ видит, иж нѣт витезѧ добротою подобного пану Трыщану, а ни панеи, котораѧ бы сѧ противила панеи Ижоте. Кролеваꙗ Женибра за то была велми гнѣвна на тыє судьи, нижли не могла тому ничого вчынити и много мыслила, чым бы могла поганбити Трыщана, и просила Гаваѡна, сестренца кролѧ Артиу-

шова, рекучы: (стр. 100) Рыцэру, збодаи сѧ с Трыщаномъ, и єсли его добудеш, велику честь будеш мѣти иж добылъ набольшого рыцэра, а коли ѡн тебе добудет, ганбы тобѣ с того нѣт, а же тѧ добыл наибольшыи рыцэр. Гаваѡн рече Трыщану: Рыцэру, вели готовати собѣ конь, хочемо сѧ покоштовати. Трыщанъ рече: Добрыи рыцэру, добре єси рек, ꙗ нѣ ѡт колко днии жедал фортуны покусити. А такъ выехал Гаваѡнъ у зуполнои зброи.

(Битва Трыщанова зъ Гаваѡномъ) И коли сѧ видели тыє витези межы собою, коли бы могъ Гаваѡн, роскинул бы тую битву, ꙗкъ сѧ єму виделъ Трыщан хорош и добръ у зброи. И рече Гаваѡнъ: Витезю, варуи сѧ ударцу моего. А такъ сѧ ѡба ударыли, древа скрушыли на много уломъков и треснули сѧ плечыма и щытами. Гаваѡн пал на ѡдну сторону, а конь его на другую. Женибра з дѣвками гледѣла, што сѧ межы ними учынить, але не познала, штобы сѧ Трыщану нога у стрымени рушыла, не толко штобы сѧ єму у седла што зказило. Краснаꙗ Ижота въздала фалу господу богу и рече: Помилуи бог пана Трыщана. Видевшы то кролева Женибра Гаѡвана на земли, и велми сердита была, не жаловала спадениꙗ Гаваѡнова, колко жаловала рѣчеи Ижотиных. Королеваѧ шла у ѡбецныи палац ку витезем и рече им: Почтованыє витези нашого королѧ Артиуша, за часть божю и ку воли всим витеземъ и паннамъ збодаите сѧ с Трыщаном, а коли хто з вас добудет Трыщана, ѡн повышыт весь двор королѧ Артиуша, а єсли ѡн васъ добудет, в том вамъ не будет жадное ганбы, бо ѡнъ єстъ всим витеземъ коруна. И в тотъ час вси сѧ убрали и всѣли на кони и волали къ пану Трыщану: Варуи сѧ вдарцу моего.

(Битва Трыщанова зъ витезми королѧ Артиуша) И которыи колвекъ прышол на вдарецъ пана Трыщанов, кождыи падалъ за конь, и таꙗ битва трывала тры дни. А кгды видела кролеваꙗ, што нѣтъ ни ѡдного витезѧ у дворе кролевом, которыи бы збил Трыщана, толко сѧ сподевала на Анъцэлота и просила его говоречы: Добрыи рыцэру Анцолоте, сбодаи сѧ с Трыщаномъ,

ачеи быхмо были тобою повышоны. Анцолот рек: Чому мѧ шлешъ к лютои смерти вдарцу Трыщанову? Ꙗ то мушу вчынити. А за тымъ рекъ Трыщану (стр. 101): Рыцэру, кажы кони готовати собѣ, а вбираи сѧ въ зброю, хочемо сѧ коштовати. И ѡн рекъ: Рыцэру, нѣт ни ѡдного рыцэра с ким бых сѧ так рад коштовал, ꙗкъ с тобою, занюж єсли мѧ добудешъ, то мѧ добыл намилеишыи товарыш и набольшыи витезь, а коли ꙗ тебе добуду, то єсми добыл намилеишого товарыша и наболшого витезѧ. Нижли бачылъ єси, ꙗкова ми была моцнаꙗ битва за тыє тры дни? Даи ми рокъ тои битве ѡдин день. Анъцолот рече: Не годно тобѣ ѡт мене року просити днѧ, ѡзми собѣ рокъ пѧтнадцат днии, будеш со мною мѣти моцную битву, ниж со всими тыми витези. А длѧ того такии рок положыли, иж вѣдалъ Анцолот иж до того року усхочет Трыщан бити сѧ. И часъ был поехати Трыщану до своего стану, и поклонившы сѧ королю и королевои и витеземъ, и хотѣл с ним поити Анцолот, и упросила єго королеваꙗ говоречы: Рыцэру добрыи, не иди тепер, чули єсмо иж маєт прыити король Самъсижъ ѡт Чорного ѡстрова на двор королѧ Артиуша. А за тым прыехалъ король Самсижъ и рече: Вѣмъ, королю, иж єси всимъ королемъ коруна, длѧ того єсми прыехал, иж вемъ у тебе набольшых витезеи; а вы витези, которыє милуєте панство кролѧ Артиуша, нехаи которого ꙗ васъ добуду, нехаи ꙗ надъ ним воленъ, а єсли которыи з васъ мене добудет, нехаи будеть волен надо мною. И витези ѡ томъ были велми веселы и убрали сѧ у зброи, и кождыи з них жедалъ первеи прынѧти битву ѡдин перед другимъ съ Самсижомъ ку воли королю Артиушу.

(Битва Самсижа королѧ зъ рыцэры Артиуша королѧ) А за тымъ король Самсиж уѡружылъ сѧ и всѣлъ на конь и бил сѧ з витезми королевыми, и которыи колве прышол на ударец Самсижов, нашол сѧ за конем. И збил король Самсижъ ѡдиннадцат витезев. А захотѣло сѧ Анъцолоту поити против Самсижу. И коли сѧ поткали, древа поломали на много штукъ и вдарыли сѧ плечыма, аж под ѡбема кони пали. Анцолот спалъ с конѧ, а кроль Самсижъ повис на кони и не достал сѧ с конемъ. И говорыли ви-

тези крола Артиушовы: Не єст понижена битва нашымъ витезем, бо ѡба с конеи спали. Король Артиушъ рече: Не мо(стр. 102) жемо побитое битвы на ногах поставити, тот витез битву добыл, которыи сѧ с конем не ростал. А был король Артиушъ милъ витеземъ, а витези єму; и рече кроль: Волю поити з моими витезми в Чорныи ѡстровъ в темницу крола Самсижа, нижли тут ѡстат ѡт нихъ. И вŏружыл сѧ кроль Артиушъ и всѣлъ на конь и рече королю Самсижу: Варуи сѧ вдару моєго.

(Битва корола Артиуша зъ Самсижомъ) И потъкали сѧ короли на вдарец, и королю Самсижу лятвеишаѧ была битва из Артиушом, нижли з наменшым витеземъ с тых єго ѡдиннадцати витезеи. И палъ Артиушъ кроль далеко ѡт кона, а потом кроль Самъсиж повелъ корола Артиуша и єго витези, а тыє витези єго были велми смутни, кождыи был блѣдъ ѡтъ смутку.

Рече Анцолот королю: Пане, мыслъмо, ꙗк быхмо были просты ѡт руки Самсижовы; єсли не будемо просты Трыщаном, а иным витезем не будем просты. И прызвали к собѣ Женибру королеву и рече Анцолот: Пани, поиди наиди пана Трыщана и поведаи єму, што сѧ надъ нами учынило, и ѡт мене єму мов: Просил тѧ Анцолот твои намилшыи товарыш: Рыцэру, єсли не будемо тобою прости ѡт Чорного ѡстрова темницы корола Самсижа, тогды нам умерети у єго темницы. А королева шла велми поспешно и стрѣтила ѡдну дѣвку и рекла єи: Дѣвко, можеш ли ми што поведати ѡ пану Трыщане? Ѡнаꙗ девка рече: Пани, ѡ ком пытаєшъ? Тому витезю всегды єст дома, а господа єго на кони. Кролеваꙗ поехала ѡт тое дѣвки велми смутна и стрѣтила другую дѣвку и рече: Дѣвко, можеш ли што поведати ѡ пану Трыщане? И ѡна рекла: Пани, ꙗ тебе не знаю, што єси за пани и ѡткуль єси и ꙗкъ тобе имѧ, але вижу тѧ добрую панюю, але смутну. Коли мѧ пытаєшъ ѡ пану Трыщану, длѧ єго доброти ꙗ ти хочу поведати. Вѣдаєш первоє прыстанище, а в того прыстанища много судьѧ, и перво вбачыш судъно пана Трыщаново въкрашоно пэрлы и дорогим каменемъ; а єсли єго в томъ судне не будеть, и ты єго тамъ пытаи, на котором стану

красу и веселье наболшое узрыш, бо то ѡн любит. Женибра кролевая поехала ѡтъ тое дѣвки весела и скоро увидела (стр. 103) тое прыстанище, познала судно пана Трыщаново по повести ѡное дѣвки и была велми рада. И близко того судна много станов витезскихъ было; тая пани видела перед ѡнымъ станом дѣвку и пошла к неи и рече: Прошу тѧ, дѣвко, кое стан Трыщанов? И ѡна рекла: Которого пытаешъ, перед тым станом стоиш. И королевая безъ вѣсти влѣзла в станъ а скоро почала говорыти пану Трыщану, якъ повелъ корол Самсиж королѧ Артиуша з его рыцэры. И еще рекла: Рыцэру, мовилъ тобе Анцолот твои намильшыи товарышъ: если не будем высвобожены тобою ѡт темницы Самсижа кролѧ, то мусимо там помрети. А в тот часъ панъ Трыщан почывалъ, иж вчораишыи день бил сѧ з великими витезми и добыл дванадцат рыцэров и мѣл раны не великие, и длѧ того лежал.

А коли слышал речы королевое, взялъ мѣчъ в головах и стреснул такъ прудко, аж з ранъ кровъ по постели потекла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королевая коруновавая, якъ еси ты прышла къ набольшому витезю с печалными речми? Тобѣ было прыити тихо и ѡтворыти мѧккие уста на тихие беседы, нехаи бы сѧ витезю серцэ на храброст ѡбротило. Королевая рекла: Пани Ижота, якъ наша мысль розна! Ты нацуднеишая пани на свѣте а маешъ водле себе своего пана, у ком надею маешъ, ты его можеш учынити здорова наболеи до десети днеи, а я видела, гдѣ поведен мои панъ король Артиушъ и его витези. И поглѧнул панъ Трыщан сердито на Ижоту длѧ речеи королевое Женибры.

Вѣдаючы Ижота ѡбычаи Трыщановъ, ижъ ему мило веселе, и похватила королевую за руку и почала играти горатанскии танецъ велми пекне, и длѧ того почало сѧ серцэ пану Трыщану на храброст ѡбрачати, и рече Говорнару: Даи ми лютню. И почалъ играти велми цудне, и ѡбема паням и пану Трыщану исполнило сѧ серцэ веселем слухаючы лютни. Потом пан Трыщанъ рече Ижоте: Направ ми судно и положы ми у нем хлѣба и вина;

прыимамъ тобѣ верою рыцерскою, або ми ѡстати с королемъ Артиушом у темницы Самъсижовои, албо ми вызволити короля Артиуша и его витези. (стр. 104) Ижота рече: Пане, можеш поити коли будеш здоров. Рече Трыщанъ: Могу лечыт ся идучы ꙗкъ и лежечы, ижъ которые раны подъ зброею упаре, тымъ лѣкара не треба. Видевшы Ижота, што не можетъ его уняти, рече: Пане, твое судно ест украшено, готово, а легко можно уставити стравы и вина. Тогды ушол Трыщан у судно и Ижота и Говорнаръ и кролева Женибра; и коли ся ѡтопхнули ѡт берега, вѣтръ усталъ, а море ся надуло, и не знали, гдѣ прыстали. Просила Женибра Ижоту говоречы: Пани, ꙗ ся не учыла по мору ходити, проси пана Трыщана, абы велел указати прыстанище, а мы быхмо уздали хвалу Богу, которыи нас избавить морское смерти. Видечы Трыщан, што на волънахъ морскихъ, взял лютно и почалъ играти, и коли играл немало, ни ѡднаꙗ пани не дбала ѡ прыстанищы, так имъ было мило слухати. Тогды рек Трыщан морнаромъ: Прыставте насъ къ прыстанищу, да вздадимъ ѳалу господу богу, што нас избавилъ морское смерти и ѡт греха. И прыставили морнаре подъ ѡдин замокъ, где было доброе прыстанище, але злыи ѡбычаи. Тут прыняли Трыщана ласкаве и пытали его: Витезю, што тобѣ тые панны? И ѡн рекъ: Сестры ми ест; указал Женибру, рече: то ми сестра старшаꙗ, и указал Ижоту: а то ми ест молодъшаꙗ. И ѡни рекли: Помилуи васъ богъ, але нигдѣ есмо такъ ѡдностаиного роду не видали. Пан Трыщан рече: Витезю, не рачте за зле мѣти ѡ што вас спытам, бо в нашои земли за то не диват: бо если бы вѣдал, тэды бы не пытал. Ѡни рекли: Витезю, тут ѡбычаи добрыи, пытаи што ти треба. Рече Трыщан: Ѡ томъ васъ пытамъ, вижу вас ѡсобы красны, але чому есте так блѣды? Ѡни ему рекли: Чы не вѣдаешъ тутошнего ѡбычаю? Тому замку ест панъ ѡдна панна, котораꙗ мужа не знает, а таковыи ѡбычаи мает: хтоколвек у тое прыстанище прыстанет, нихто еи не смѣетъ чоломъ ударыти, если не будет валашан; а ты рыцэру, если-с ест валашан, удар еи чолом. Рече

Трыщанъ: Много есми ходилъ морем и сухом, а не видел есми такъ злого ѡбычаю; тажко вамъ што его терпите, а намъ (стр. 105) може быти, што бог даст. Даите ми конѧ и зброю, и поеду, ѡтколе есмо прыехали. Ѡни рекли: Рыцэру, могли бы сѧ того домыслити и инъшые рыцэры, абы сѧ то могло стати. И поимали Трыщана и вкинули в темницу, а в тои темницы было дванадцат витезеи ѡт семи лѣтъ, и тые змовлѧли сѧ: Даимо сѧ звалашати, лепѣи намъ умерети на свете, нижъ у темницы. И один ѡт нихъ рече: Ѡ боже мои, а то в насъ пан Трыщан! А другии витезь рече: Чому сѧ узрадовал набольшого витезѧ легкости, а нашои погибели? Ѡн рече: Не радую сѧ ꙗ тому, што ты говорыш, але радую сѧ нашому ѡпрощенію, а его почстенью, бо ꙗ вѣмъ, што умѣет учынити пан Трыщан з мечомъ. И были у ѡное панны два браты, ѡдин над нею старшыи, а другии молодшыи; тотъ молодшыи завжды, коли хотѣлъ, тогды мовилъ сестрѣ, але старшыи не смѣлъ. И рече еи молодшыи брат: Панно, нехаи ѡзму ѡного витезѧ сестру старшую за брата, а молодъшую за себе. Ѡна ему рече: Єсли ми будеш ѡ том большеи мовити, розлучу тѧ з душою. И ѡн пошолъ вонъ и виделъ Женибру и Ижоту, а ѡни стоѧт, велми цудне убрали сѧ; и рече со всего серца: Коли бы хотела поити за мене таѧ молодшаꙗ, ꙗ бых еще мовилъ сестре своеи! И прышолъ к ним и рече Ижоте: Панно, если ꙗ упрошу сестре моее, хочеш ли поити за мене, а можем пустити брата вашого? Ижота рекла: Паницу, намъ нѣт ничого милеи брата нашого, которыи въ темницы вашои. А носила Ижота под сукнею мѣчъ Трыщанов; и ѡныи паниц рече: Могу ꙗ дати вам видети брата вашого, але ѡткажы ми ѡ милости, што ꙗ тобѣ мовилъ. Ижота рече: Ѡдно ты проси сестры своее. В тот часъ Ижота вкинула мѣчъ в темницу, и взѧлъ пан Трыщанъ мѣчъ въ свое руки, а шолъ ку воротамъ темничнымъ, а за нимъ тые витези вышли с темницы; и коли их узрѣли тамошние витези, и пустили сѧ к ним улицами хватаючы копъѧ в руки и мечучы гелмы на головы, што тэж и первѣи добывали сѧ с темницы витези, нижли ѡпѧтъ

ихъ загонивали. И ѡдин ѡт нихъ велми храбрыи перво иных прыбѣгъ къ Трыщану, хотечы его угнати у темницу; тому витезю полетѣла голова далеко ѡт трупа. Панъ Трыщанъ почалъ чынити жестокие (стр. 106) вдарцы, и в когоколвекъ увидел копъе в рукахъ або гелмъ на голове, того каждого забил. А был ѡбычаи тое панны, иж ни против ѡдного витеза не рушыла сѧ з мѣстца, коли еи чоломъ вдарылъ. А кгды еи споведали ѡ Трыщану, а ѡна на золотом узголовю посмыкала сѧ ꙗк змиꙗ на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла велми прудко, стретила его насеред палацу, а вода по ногам текла, и поклѧкънула перед Трыщаномъ. И пан Трыщан ухватил ее за верхъ головы и сталъ голову, кинулъ вон далеко говоречы: Нехаи сѧ не деръжыт злыи закон у томъ ѡстрове. И погледѣлъ Трыщан по палацу, ест ли тут витези, але не было никого, разве ѡдно панѧ, еще не был поставлен витеземъ. И прышло ему на умъ, ꙗкъ его увиделъ, рече: Чы не тое то панны брат, што хотел взѧти Ижоту? И пошолъ с ним вон. И рече Женибре и Ижоте: Пани, годенъ ли тот паниц голову стратит? Ижота рече: Пане, мы҃ не ради ни ѡднои смерти, але просилъ тот панич мене. И Трыщан ему стал голову. Женибра рече: Пани, чому то еси учынила? Ижота рече: Почстенаꙗ пани, ꙗ вижу тепер натуру пана Трыщана, коли бых ему правды не поведала, не вѣмъ што бы сѧ з нами учынило. А потом сѧ витези собрали ув-обецный палацъ, и панъ Трыщанъ велелъ прывести к собѣ вси кони и зброи тое панъны и даровал тых витезеи, которых застал у темницы, каждого конем и збросю, и еще имъ рече: Витези, вы ждали выити на свѣт ѡт неколка лѣт, а теперъ хто што хочеть, нехаи собѣ берет. Тые витези велми покорно подѧковали пану Трыщану и мовили ему: Рыцэру, коли ты насъ опростилъ ѡт смерти, мы хочем поити с тобою и хочем вамъ служыти. И Трыщанъ рекъ: Витези, будь вам дѧка ѡт витезеи и ѡт панеи, што мѧ частуете межы собою, але сѧ мною не печалуите, поидите в домы вашы, а которыи з васъ усхочет назвати сѧ пану Анцолоту слугою, а мною Тры-

щаном данъ, хочу того вчынити тому замку и тому прыстанищу паномъ. И рече с них ѡдин витез именемъ Амодоръ: Пане, ꙗ хочу быти слугою пану Анцолоту тобою паномъ Трыщаном дан. И панъ Трыщан тот замокъ и прыстанищо ему далъ дла того, абы сѧ (стр. 107) звал намилеишого товарыша его слуга. И говорыли тыє витези: Ѡ наш милыи боже, ꙗкъ много мыслить пан Трыщан повышенемъ Анцолотовым! Помилуи его бог. А потом пан Трыщан пустил сѧ на море до короля Самсижа велми поспешно, и прыстал в другое прыстанище, котороє то прыстанищо велми хорошо, а градъ красен и вси ѡбычаи добрыє мѣлъ, толко ѡдин зрадливыи крыжнак, тот былъ много добылъ зрадою и был виненъ ганбою витезем и паннам, а таковыи ѡбычаи мѣлъ: кождого гостѧ зрадне забивалъ и статки его брал. И коли сѧ прыставилъ пан Трыщан с тыми панѧми, взял у руки лютню и почалъ играти велми пекне. Прышли витези того града слухати того веселꙗ и тое красоты, и прыиде з ними зрадливыи крыжнакъ, и говорыли: Тотъ витез не на зло создан, але ку витежству створен. Нихто былъ сыт слухаючы тое лютни, а ѡныи зрадливыи крыжнакъ помышлѧлъ, ꙗкъ бы убил того витезя пры тых двух паннахъ, и говорылъ: Ꙗ мам злота и сребра и всѧкое красоты, што єсми добылъ зрадою и безпечностью моею, и еще коли бым тому витезю пры ѡных паннахъ голову стѧл, то бы ми досыт бог учынил. Ѡт того часу и до ночы ходил зрадныи крыжнак ѡколо Трыщана, хотечы абы его могъ забити, але того не мог довести и рече: Может по рану поити на мшу, а ꙗ его дождчу за муром и такъ єму хочу главу стѧти. Аж идет пан Трыщан на мшу к тои цэркви, а за нимъ Ижота мѣч несла, а кролеваꙗ Женибра щытъ, а витези, которыє их видели, говорыли: То єст наболшыи витез и нацуднеишыє панны, А коли были близко церкви, Ижота рече Трыщану: На ти мѣчъ. витезю, варуи сѧ удару другого витезѧ. Трыщанъ первеи меча добыл нижли сѧ ѡбернул, ажъ стоит витезь з нагимъ мечомъ за муром, хотѧчы тѧти Трыщана. Пан Трыщан наскочылъ на него, и ѡт ѡдного вдару спала голова крыжнаку. Трыщан рекъ: ꙗкъ

єсми стал витеземъ, ни зъ одным витеземъ так простого бою єсми не простер, ꙗкъ з сим витезем; того ми жаль. Рекли єму витези того града: Нехаи ѡнъ болшъ того не будет зра́жати, и тобѣ хотѣл тым жо послужыти. Трыщану то было немило што єго вбилъ, мнимал ижъ бы єго тутошние витези вызывати на битву мѣли за крыжнака, бо сѧ поспешал к королю (стр. 108) Самсижу. И кгды Трыщан прышол в цэрковъ, прышли к нему витези града того с панънами и мовили єму: Рыцэру, зафалено ти будь всими витезми, што єси нам выкинулъ злыи закон ѡт доброго прыстанища. Поиди з нами, подадимъ тобѣ все имене єго, бо тоє имѣнье вамъ пригожо, а никому иному да тому, кому ты даси, бо ты над тымъ воленъ, иж єсмо такъ рекли: ѡт кого єму смерть будет, тому имѣне єго. Пошол пан Трыщанъ с тыми витезми, ѡны єму указали ѡдны склепы и ѡтомкнувшы рекли: Рыцэру, то ест твоє.

Виделъ Трыщан у тѣхъ склепех много всѧкого добра розличного, золота и серебра и перелъ и дорогого каменꙗ, и всякого различного камѣньѧ и товару. Пан Трыщан почалъ делити тоє добро рыцэром и паннамъ и комуколвекъ годно было. А такъ и єго даровали витези того града говоречы: Повышен будь витезю, што єси загубил зрадливаго крыжнака. Трыщан тутъ ѡпочинул неколко дневъ и рече королевои Женибре и красной Ижоте: Почтеныє паниє, ѡто видите прыгоды нашы на сеи дорозе; а єсли тым ѡбычаємъ прыидемъ къ королю Самсижу к Чорному ѡстрову, не вѣмъ што сѧ ѡ нас учынит, а не толко што быхмо королѧ Артиуша и єго витези ѡпростили. Ѡныє паниє рекли: Пане Трыщане, хотѧ быхомъ ходили морем и сухом, не нашли быхомъ такого порадъцы, ꙗкъ тебе. Пан Трыщан велелъ собѣ скроити латынские шаты и Говорнару своему, а тым панѧм ѡбема мнишъскиє шаты, и наклал у судно всѧкого розличного товару и учынил сѧ латынником и пустилъ сѧ на море, и рече морнаромъ: Везите нас к Чорному ѡстрову. И ѡтопъхнули сѧ, и коли шли по мору гдѣ далеко ѡт прыстанища, тогды Трыщан завжды у лютню игралъ, а тымъ панѧмъ серцэ веселил. А потом прыстал к Чорному ѡстрову ѡтоку.

И вышедшы витези короля Самсижовы, шли к нему што набордзеи, бо такии ѡбычаи кроль Самсиж мѣлъ: ѡт кого бы колвек судно прышло, тогды прыходечы витези брали што хотели, а тотъ купец, што оповедает што в него взято, то король платит за витези. (стр. 109) И рече Трыщан морнару: Ѡтпхни ся ѡт краю, бо я вѣдаю короля Самсижов ѡбычаи, а если хто в мене ѡзмет Женибру або Ижоту, не мает мнѣ король Самсиж чым заплатити, а злота и сребра и я досыт маю. А за тым закликал говоречы Говорнаръ: То ходит ѡдин купец, а хотелъ бы свои товар продати, нехаи ему кгвалтỹ не будет. И ѡни рекли: Купче, шлюбует господар король и вси витези, если бы не было твоее доброе воли, а кгвалту ти не будет. И напотом прысталъ пан Трыщан, и роспяли шатер и росклали перед нимъ розличного товару много; и прышол ѡдин витез къ Трыщану, мовечы: Рыцэру добрыи, для чого ся еси учынил латинникомъ? Рече Трыщан: Много людеи подобных витезем, я быx радъ, абых тот витез былъ, кого ты мѣнишъ, але я латыненинъ; если ти чого потреба, купи, мам ти што продати. И ѡн рече: Рыцэру, я тебе знам, ты тот рыцэр, што ѡно побилъ тры витези, племенниковъ короля Бана Банецкаго въ дворе короля Ленвиза ув-Ѡрлендэи, тобѣ нѣтъ ровни добротою близко ни далеко. Рече Трыщан: Ни што такъ не ѡмылястъ, якъ парсуна чоловеческа; колиб ты узложыл зброю, я бых мнималъ што ты витез, але тя бачу, што еси блазэнъ, а хочеш ѡт мене дару. Ѡному витезю было сором̃ъ велми и говорыл: Ничого есми такъ прыличного не виделъ, якъ тот купец ко ѡному витезю доброму. И пытали его иншые витези: Латынине, што естъ тобѣ тые пание? Трыщан рекъ: То ми сестры, ѡдна старшая, а другая молодшая. И ѡни поведали королю Самсижу говоречы: Пане, которыи купец шлюбу просил, естъ с нимъ двѣ девки сестры, але быхмо на крыж свѣтъ прошли, цуднеишых быхмо не нашли, але што молодъшая бѣла якъ паперъ и красна якъ рожа; если бы-с хотел, мог бы их купити. И шол самъ король Самсиж, абы ихъ виделъ, и прыиде къ шатру Трыщанову и рече: Здоров, латынине. Трыщан потек

к нему и поздоровил его, и дивили сѧ кролевы витези, ꙗк мистерне тот латыненин до кролѧ кинул; з нас бы того нихто такъ не вчынил. Король шолъ в шатер и зосталъ ѡные панне в шахы играючи, которые шахи были крышталовы велми пекны. И пытал (стр. 110) король: Латынине, што тобѣ ест тые панны? Рече Трыщан: Сестры ми ест. Крол рече: Продаи ми тые шахы. И ѡн рекъ: Не можеш ми заплатити. И кроль рекъ: Коли быхъ хотѣлъ, ꙗ быхъ тобѣ дал за кождого пѣшка ездчалого витезѧ, а за королѧ того кролѧ Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што сѧ не продает, того не можеш купити. И крол рекъ: Продаи ми сестру молодшую, а хочу тобѣ золотом тры крот ее отмѣрыты, а сребромъ колко самъ усхочеш. И ѡнъ рек: Пане, рек ми еси, чого быхъ не хотел продати, в томъ кгвалту не будет, а коли быхъ сестру свою хотѣлъ продати, в первымъ же прыстанищу большую быхъ цэну взял. И рекъ корол: Играимо-ж в шахи ѡ нее и ѡ третюю часть моего кролевства. И Трыщан рекъ: На што бы ми не было моеи воли, рекъ ми еси, на то кгвалту не чынит, а ꙗ не знаю, ꙗк в шахи играют; ꙗ поставлю попа в старшомъ местцу, а иншыи шахи гдѣ маем поставити? Рек король: Правыи естъ латыненин, у нихъ поп начеснеишыи. И зась рече король: Латынине, збодаимо сѧ-ж ѡ тую панну и ѡ пол моего королевства. Трыщан рече: Рек ми еси, на што моеи воли не будет, кгвалту быти не мело, а ꙗ не знаю, ꙗк на́конѧ усѣсти и ꙗкъ у зброю убирати сѧ. И ѡн рекъ: Рубаимо сѧ-ж ѡ нее ѡ все мое кролевство, с того троига ѡберы собе, што хочешъ, а коли не всхочешъ, ꙗ и даром ѡзму. Трыщан рече: Коли нѣт у первои речы, не може быти и у последнеи, бо есми не видал болшое битвы, ѡдно коли сѧ почнут бити играючы латынские дѣти текучы по улицах древнѧными мечыками; так ли и мы маемъ? Король рече: Так, латинъниче, але мы будем железными; добре еси учынилъ, што ми еси тую цудную панну прывелъ.

И назавтреи прынесли ѡт королѧ Трыщану двою зброю говорѐчы: Убираи сѧ, латынничэ. Трыщан почалъ класти левую наруч на правую руку, а правую на лѣвую, а правую наною

на лѣвую, а левую на правую, и рекъ: Понесите тую зброю пану вашому, иж не може прыстати свѣтлаѧ зброѧ на латынские плечы. И ѡни понесли зброю и говорыли: Милостивыи королю, не вмѣет вбирати сѧ, а наша пани, позираючы на него, смеетъ сѧ, тым сѧ веселит, не жалуючы смерти брата своего длѧ твоего почстеньѧ. А межы тым (стр. 111) Трыщан рекъ Женибре и Ижоте: Справуите лѣкарство до ран, занюж поиду къ наболшому витезю сего свѣта, а вберите сѧ в налепъшые шаты. И вышол панъ Трыщан в зуполнои зброи, а на гелму в него велми цудного цвѣту́ венокъ, а за нимъ ѡбе пание. Аж стоит крол Самсиж изъ своими витезми, и коли ѡбачыл Трыщана, не радъ бы с нимъ мѣлъ битвы, але коли видел Ижоту пекне убраную, хотѧб єму и шлюб втратити, взѧл бы ее без кождое битвы, такъ сѧ єму хороша видела. И рече крол: Латынничэ, ѡ што єси со мною прынѧлъ битву? Ѡ моє кролевство? И ѡн рек: Королю, ты-с то мовилъ, а ѧ того не прыималъ, занюж вижу близко себе смерть свою, але мушу прынѧти с тобою сечу. Ѩ много ходилъ морем и сухом, а коли маю вмерети, волѣлъ бых тамъ, гдѣ видѧть болшъ смерть мою. Чулъ єсми, што єстъ в тебе много добрых людеи в темницы, вели ихъ вывести, нехаи видѧт смерть мою. Король рек своим: Што то єму поможе, ижъ кроль Артиушъ з витезми своими увидѧть смерть его? Велите ихъ вывести с темницы. И когды кроль Артиушъ з витезми своими вышли, и видевшы их Артиушовы витези дванадцат и пан Анцолот, розсмеѧли сѧ, ѡкром Паламидежа, наибольшого непрыѧтелѧ Трыщанова. Король Артиушъ рече: Чому сѧ смеете? Не дивлю сѧ иншым, але дивую сѧ Анцолоту, што сѧ смеет смерти наиболшого витезѧ а намилшого товарыша своего, а нашои и своеи погибели. Паламидеж рече: Єсли маєм быти просты Трыщаном, лепеи бы нам умерети в сеи темницы в Чорномъ ѡстрове. Анцолот рече: Не смею сѧ ѧ его смерти, але ми ест мила свобода наша, иж вемъ, коли ест тут Женибра кролеваѧ а Ижота, укажэт пан Трыщан куншть.

Король Самсиж прыступил и рече Трыщану: Би сѧ, ла-

тыниче. Трыщан рече: Пане, навчы ма. Король вынал мечъ и почал бразкати по зброи его говоречы: Так тъни, а так са укрыи, и заса рече: Хочеш ли, латынине, ѡставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыл добре, ꙗко пан великии, але коли бых са мог уложыти ѡт твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И ѡн рече: Єсли можеш, укрываи са, але не узможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? (стр. 112) Корол рече: Тни. Трыщан рече: Кролю, научыл ма єси, варуи са-ж ма.

(Битва Трыщанова зъ Самсижом королем) И почали са гонати, ꙗкъ лвы по полю, ѡдин на другого наскакаꙗ, ꙗкъ тым витезем, которымъ не было ровни близко ни далеко. Прыбивал Самсиж Трыщана, и ѡн са заметал мечомъ и щытом и на колени падалъ перед моцными ударцами Самсижовыми, а коли Трыщан прыбивалъ Самсижа, ѡн са заметал мечомъ и щытом и на колени падалъ перед моцными ударцами Трыщановыми. Витези короля Самсижовы говорыли: Дива великиє! Не мог са наити ни ѡдинъ витезь, которыи бы са могъ противити нашому пану, а ѡныи латынник такъ чынит, скаче ꙗко левъ. И прыскочыл Самсиж и почалъ рубати што наболеи мог по зброи Трыщановои; дабы ихъ зброи не ѡдержали, ѡба бы были мертвы. На конецъ битвы поизрел панъ Трыщан, аж Ижота з лица ступила, и дла того панъ Трыщанъ ѡткинулъ щытъ и взал мѣчъ у ѡбе руки и почал чынити жестокиє ударъцы без укладаныꙗ и талъ корола Самсижа по ѡбеюх руках, и ѡтпали єму руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметаи са королю, абых ти рукъ не ѡкрвавилъ, але болшъ того не умѣю. И ухватилъ мѣчъ свои за конец и понес Самсижу говоречи: Чого дла єси покинул мѣчъ твои? Єсли тажок, на-жъ ти мои мечъ, а тот даи мне. И поизрел кроль Самсиж на Трыщана гнѣвным ѡбычаем. Рече Трыщан: Чому на ма так сердито смотрыш? Што єсми тебе победил хитре и мистэрне, инак єсми не вмелъ с тобою поити, єно такъ. Кроль рек: Почтеныи витезю Трыщане, по шырмеръству єсми тебѣ познал и просил єсми бога, абыхъ не вмер наг-

лою смертью ѡт жестоких вдарцовъ твоих и ѡт ѡстрого меча твоего. Ꙗ тобѣ говору вѣрою витезскою, бы ми єси того послал хто бы ми ѡ тобе поведал, ꙗ быхъ тобѣ пустил корола Артиуша и єго витези, бо вижу ижъ ми дла их прышла смерть. Виделъ то корол Артиушъ из своими витезми, пошолъ до Трыщана и сполнилъ серцэ веселємъ, и почали са съ Трыщаном прывитати велми ласкаво и въздали фалу господу богу, а дачовали пану Трыщану: Навышшыи рыцэру, зафалено ти буд всими витезми, ижъ єси насъ ѡсвободил ѡт темницы Самсижовы. И кождыи рек: Богъ помилуи Трыщана, иж так много працовалъ дла корола Артиуша и єго витезеи своєю доброю волею. (стр. 113) Пан Трыщан казал прынести тоє веселє, которым са Самсиж веселил, трубы, дуды, лютни, арфы, арганы, шахи, варцабы велми цудне украшено ѡбычаємъ господским, и почали веселити са. Того весельа мило было слухати королю Артиушу и єго витеземъ; и коли пан Трыщан самъ узал лютню и почал играти велми строино, королю Артиушу и єго витеземъ исполнило са серцэ весельємъ слухаючы ноты лютни Трыщановы, и нихто з витезеи не был сытъ слухаючы. Тогды Ижота ухватила королевую Женибру и даровала королю Артиушу: Пане, даруєть ти панъ Трыщанъ тую панию, ачъколве котораꙗ легкость вам стала, нехаи са почестностю направит. И каждого витеза даровала конемъ и зброєю, и єще рече витезем: По што са чыа рука хватит, не будет єму заборонено. Анцолоту рече Ижота: Рыцэру, даруєт ти Трыщанъ штоколвекъ добылъ имѣнеи зрадцы крыжнака, а дарує ти витеза Амодара изъ замкомъ тое дѣвки, што была пониженыи закон поставила у своемъ прыстанищу. Кроль Артиушъ уздалъ фалу господу богу и дачовалъ Трыщану, говоречы: Ѡ навышшыи витезю Трыщане, захвалено ти будь великоє твоє рыцэрство всими витезми и всими людми по всихъ чотырох сторонахъ! Доброти твоее нѣтъ друга ни близко ни далеко на земли.

Тут прыехал ѡдин витезь из Францэи ѡт корола Перемонта и вѣдалъ ѡ тыхъ витезах в того прыстанища и велми хотѣл с ними ровни пытати. Виделъ то Трыщан, иж ѡн на то

прыехалъ, рече кролю Артиушу: Велможныи королю, всим королем коруно, за част божю даи ми ωдин даръ. Артиушъ рекъ: Надо всимъ єси воленъ, ωдно не дамъ ти гонити с тым витеземъ. Трыщан речэ: Й того прошу, а иного всего досыт мам. И крол: Для того-мъ то рек, што єси спрацован, але и тымъ будь воленъ. И подаковалъ єму Трыщан, и витез Францэискии рек єму: Рыцэру, за свою великую легкост дакуеш єму. И Трыщан рекъ: Погледишъ того.

(Битва Трыщанова з витезем францэиским) И всели ωба на кони а вдарыли са моцно, копа строщыли на много штукъ, а сами са вдарыли щытами и плечыма. Витезь францэискии полетелъ на одну сторону, а конь єго на другую, (стр. 114) и нихто не мог познати, штобы са Трыщану а нога в стрымени рушыла. И другиє были витези прышли ровни пытати, а кгды видели францэиского витеза збитого, и не хотѣли са коштовати, вдарыли чолом Артиушу и поехали там ωткул были прыехали. И в том прыстанищы корол Артиушъ и єго витези ωтпочынули нѣколко днеи. И ωтопъхнули са з великим веселемъ на море ωтъ Чорного ωстрова, а с ними панъ Трыщан.

И в первомъ прыстанищу ωтлучыл са ωт них пан Трыщан, а Анцолотъ много просилъ корола, абы пустилъ єго с Трыщаном. Король рече: Добрыи рыцэру Анцолоте, коли прыидемъ до дому, ωттоль можешь поехати къ Трыщану, бо завъжды єго можешъ наити, гдѣ витези ровни пытають.

А за тым прыехало къ Трыщану сем витезеи и вздали фалу богу, што нашли Трыщана, и рекли єму: Ѡ навышшыи рыцэру, ты повиненъ почстеньемъ витезскимъ. Прыехали єсмо на величество славы твоєа, иж и иншыє витези ω твоеи милости са пытают. Рече Трыщан: Говорыте, што потреба? Ѡни рекли: Славутныи рыцэру, таковыи ωбычаи маєт Смердодугии поганин: хто у єго прыстанищо прыстанет, кождого витеза велми ласкавє будеть прыимовати, а коли будет перва стража ночы, укинеть витеза на ωстрыє муки, и ни ωдин витез не может поехати без легкости. И мысмо были у єго прыстанищу и терпели тоє, што и

другие витези. За част божю, пожалуи нашое легкости, поиди с нами ко ѡному прыстанищу, бо если не будем тобою повышоны, то вже нам конецъ, ачеи бы еси з божеи ласки тот злыи закон сказил. Трыщан рече витеземъ: И мнѣ естъ жаль тое ганбы вашое, ꙗ хочу поити з вами, але штобы мѧ нихто не знал, хто есми и ѡткул до часу.

И коли прышолъ Трыщанъ с тыми витезми у прыстанищо Смердодуга поганина, и вышли против ихъ с того замку витези и велми их ласкаве прывитали и розлучыли их зъ ѡружъем и вели их ув-ѡбецныи палац. И прыиде Смердодуга поганин у ложницу къ жоне своеи и рече дочцэ своеи: Ѡзми лютню и поиди в чорныи палацъ и весели ѡныхъ витезеи, которые не чували играючы, поки будет час вкинути их на муку. И ѡна взявшы лютню пошла к нимъ и почала играти велми хорошо. Тые витези, которые не чували (стр. 115) играючы пана Трыщана, мнимали иж бы нихто так цудне не мог играти ꙗкъ таꙗ панна. Трыщан рече: Панна, нехаи бы сѧ не ѡпросил ѡ што тѧ пожедам. Ѡна рекла: Не ѡпросишъ сѧ. И ѡн рекъ: Позыч ми тое лютни, видимъ иж велми пекне играешъ, а мы хожалые витези, ачеи хто з насъ троха на лютни умеетъ. Ѡна ему дала лютню, и Трыщанъ не ударыл у лютню, первеи почал строити и настроил и почалъ играти велми цудне. Каждому витезю исполнило сѧ серцэ веселѧ, и таꙗ дѣвка прыступила ближеи, абы могла ноту перенѧти. И говорыла к собе: Коли бых ꙗ такъ умѣла, што бы ми стоꙗло за все имене ѡтца моего! Трыщанъ познавшы то, ѡтдал еи лютню, и ѡна тут не хотела ни ударыти и пошла къ ѡтцу своему и рече ѡтцу: Ѡтчэ, если бы еси хотелъ тых витезеи соромотити, жыв не будешъ, занюж естъ межы ними пан Трыщан, которыи не даст соромотити. Смердодугии поганин рече: Ꙗкъ ты можеш познати пана Трыщана? А тые витези, которые его видали, чы не познали бы, а ты его николи не видевшы знаеш? Ѡна рекла: По том ꙗ знаю, иж ни ѡдин витез не вмѣеть на лютни так ꙗкъ ѧ, кром ѡдин Трыщан, а естъ межы ними ѡдин витез,

што лепшеи нижли ꙗ на лютни играет. И поганин самъ пошол гледѣти и прышодшы к ним почалъ с ними розмовлати. Ино по правде пудные рѣчы походили ѡт того витеза, которого ему дочка поведала, и по его доброте познаҗъ и почал с ними дворыти, што налепеи умѣлъ, и далъ имъ на ноч добрыи покои на ихъ волю. А назавтреи ихъ ѡтпустилъ и после ихъ ворота граду затворыли и узводы узвели, и ѡдин витез з города рече: Вы семъ витезеи дакуите пану Трыщану за упокои сего прыстанища, а мѣли бысте легкость, а кгды з вами Трыщан, ничого са не боите. Трыщан самъ рекъ: Мы быхмо ради абы з нами был пан Трыщанъ, икъ которому быхмо колвекъ прыстанищу прыстали, везде быхмо были повышени с Трыщаном. Ѡн рекъ: Заисте ты еси самъ Трыщан. Ѡтехавшы ѡт того града розсталъ са з ними пан Трыщанъ, и ѡни ему даковали, што в том прыстанищу почтены им были.— Смердодугии поганин говорылъ: Много есми рыцэровъ ѡсромочалъ, а коли быx могъ еще Трыщана ѡсромотить, (стр. 116) то быx доконал своего умыслу. И поехал за Трыщаном а догонил его, рече: Навышыи рыцэру и славныи по всихъ чотырох сторонах, мыслил есми по свету ездити, а ни с ѡдным витезем а ни с королем не хотѣлъ быx ездити, ѡдно с тобою, и назвати са хочу твои слуга. Прошу та, пане, поедь в дом мои, абых поручылъ замокъ кназю, а поеду с тобою. Пан Трыщан на его слово поехалъ самъ. И кгды прыехалъ къ прыстанищу, вышли напротивъ Трыщану с многим веселемъ мовечи: Возвеличоно има твое, а мы слуги твое. И з ним розлучыли ѡруже его и вышли с палацу. Почали тут межы собою радити; и былъ тут ѡдин витез з далека и рекъ пану Трыщану: Рыцэру, ꙗ не знаю хто естэсь а ѡткули, нижли бачу васъ доброго рыцэра и красную ѡсобу; мнѣ жаль твоее легкости: ѡ томъ радать, которою-бъ смертью мѣли тебе вморыти. И Трыщанъ погледѣлъ по палацу и не виделъ гелму а ни меча ни копьа, и велми ѡтчаал са, што не было пры немъ меча его. Витези того града прышли в палацъ и поимали Трыщана, а рекли: Которою смертью хочем его вморыти? Смердодугии поганин рече: Поведите его и сотните. А того-ж дна

былъ прыехал храбрыи витез Паламидеж Ануплитич з двема мечы и с чорнымъ щытомъ, наибольшыи непрыятель Трыщанов ѡт двора короля Артиуша. И ѡн рекъ: Не слушит так доброму витезю без битвы главу стяти, добудьте его битвою рыцэрскимъ ѡбычаем. То есми видал, што витез витезю главу сотнеть, але рыцэрскимъ ѡбычаемъ, а того не видалъ, якъ вы хочете.—Ѡни ему ѡтказали: Мы видали што тать за тата вступает ся. Видечы то Паламидеж, што ѡбеюх поганьбили, скочылъ и подал ѡдинъ мѣчъ Паламидеж Трыщану, и сам з другим мечом; и Трыщан скочылъ якъ лютыи, а почалъ рубати моцно на право и на лѣво, и в когоколвек увиделъ копе в рукахъ и на голове гелмъ, тых стинал. И пошол к палацу вбити поганина, и ввидел его бегучи велми рыхло, и догонил его Трыщан, и ѡн вскочыл в цэрковъ свою, гдѣ не годит ся рыцэру з мечом воити. Трыщан рече: Поиди вон, зрадцо, и борони ся битвою. И ѡнъ рече: Вѣдаи запэвне, покуль еси тутъ, не выиду ѡтселе, якож и не выходилъ докуль въ его замку былъ. Трыщан пошолъ ѡт тое цэркви, бо вѣдалъ тотъ закон, што ему (стр. 117) тут не годит ся з голым мечом стояти, и пошол на палац Смердодугов и въздал фалу господу богу, што его збавил наглое смерти. И рече Паламидежу: Витезю, зафалено ти будь витезми и паннами, што ми еси не допустил згинути. Паламидеж рече Трыщану: Рыцэру, за всю мою службу, што ти есми послужыл и еще ти мышлю послужити, даи ми ѡдну реч, которое буду тебе просити. Трыщан рече: Чого просишъ, дамъ ти, ѡкром Ижоты. Паламидеж рече: Будь ми набольшыи непрыятель, якъ еси перво был. Трыщанъ рече: Нехаи того витезю, ты мнѣ великое почстенье учынилъ, а я тэж могу мыслити ѡ твое почстенье. Паламидеж рече: Иншого не хочу, нижли ѡдно того.

И коли видел Трыщан ижъ мусит мѣти битву с Паламидежом, и рече Трыщан: Рыцэру, если маю бити ся, волю моимъ мечом, нижъ тымъ мечомъ. И прынесли пану Трыщану его мѣчъ, и убрали ся ѡба витези у зброи.

(Битва Трыщанова с Паламидежомъ) И скочылъ ѡдинъ

на другого велми храбро, и почали сѧ гонити ꙗкъ два лвы, и такъ сѧ моцно рубали, абы их зброѧ не ѡдержала, ѡба были мертвы. Прыбивалъ Паламидеж Трыщана, ѡн сѧ укрывал мечом и щытом, уступаѧ перед удары Паламидежовыми, а потом Трыщан кинулъ ѡтъ себе щытъ и взѧлъ мѣчъ у ѡбе руцэ и почал рубати не укрываючы сѧ, Паламидежъ сѧ заметалъ мечом и щытом на ѡбе колени падаꙗ, надѣючы сѧ смерти ѡт моцного удару Трыщанова. Витези того града говорыли: Тот витез погубилъ много витезеи, а тепер добывает красного Паламидежа. Трыщан тѧл Паламидежа по гелму и ростѧл ему гелмъ и далъ ему великую рану на голове. Трыщан рече: Витезю, єсли мѧ добудешъ, не дадут ти витези похвалы, бо єси видел ꙗкую єсми битву мѣлъ с оными витезми; понехаимо тое битвы, а положимо собѣ рок, где-ль бы колвек которыи з нас был, нехаи сѧ становит на тот рок пры тои цэркви, гдѣ сѧ витези збирают. И положыли рок пѧтнадцат ден. Длѧ того то вчынил Трыщанъ, иж хочет вчынити его ѡстрыи мѣчъ тѧжку смерть Паламидежу; и ростали сѧ ѡдин ѡт другого, Паламидеж поехал до двора королѧ Артиуша и поведал ѡ прыгоде Трыщановои, говоречы: Ѡ витези нашаго доброго пана королѧ Артиуша, помените доброть пана Трыщанову, ꙗк ѡн много (стр. 118) витезем почтенꙗ чынил, а тепер не может собѣ добра вчынити. Король Артиушъ и его витези рекли: Длѧ чого? И ѡн рекъ: Подступил его Смердодугии паганин, вбавил его в град свои зрадне и ѡковалъ, и ꙗ с поганиномъ бил сѧ єсми ѡб него и взѧл рану на главу свою, длѧ которое болшеи не могъ сѧ єсми бити з нимъ. И положыли єсмо рок пѧтнадцат днии пры тои цэркви—поведилъ ее именемъ. Єсли буду мочы, ꙗ буду бити сѧ за него, а єсли ми таѧ рана до того року не згоит сѧ, тогды вы его выпростаите. Королю Артиушу и его витезем было велми жаль, Анцолот рекъ: Ꙗкъ сѧ таꙗ легкост стала моєму товарышу? И засѧ стал веселъ с королем: Смердодугии выидет, мало будет со мною мистровства простирати.

И коли рокъ прышол, прыехал пан Трыщан к тои цэркви, а с ним Ижота и Говорнар, и была над дверми тое цэръкви напись

тыми словы: Ѡтъ сѧ мает бити лев зъ змиемъ сего дня. Трыщан рече: Єсли ꙗ лев, а Паламидеж не змѣи, а если ꙗ змѣи, тогды Паламидеж не левъ; буду ꙗ ѡдинъ з нихъ, а Паламидежъ не будет. А в том пан Анцолотъ прыехалъ у зброи и мнималъ, абы то его ждал Смердодугии поганинъ. А Трыщан былъ того домнимания, абы то прыехал Паламидеж. Анцолот скочил прудко и храбро, а Трыщан его ждалъ смѣло и умѣло.

(Битва Трыщанова зъ Анцолотомъ) И коли сѧ вдарыли, копья скрушыли и вдарыли сѧ плечыма и щытами, и под ѡбема кони пали. Трыщанъ спал с конѧ и вхватилъ мѣчъ и рече: Нихто болшеи с копемъ на кони, а нихто з мечомъ на земли. И скочыл ѡдинъ къ другому и почали сѧ гонити ꙗк два львы, ѡдинъ другого наскакиваꙗ ꙗкъ тые, которым не было ровни близко ни далеко. Пребивал Анцолот Трыщана, а ѡн сѧ закрывалъ щытом и мечом и вступаѧ перед ударцы Анцолотовыми; а коли почалъ панъ Трыщан рубати велми жестоко без укрываня, Анцолот закрывал сѧ мечомъ и щытом, на колени падаючы перед моцными ударцы Трыщановыми. И рек Говорнаръ Трыщановъ: Велико диво, доселе не могъ наити сѧ ни ѡдин витезь з великих витезеи ѡт королѧ Артиушова двора и ѡт Бэнока племени королѧ Банова из далеких стран, которыи бы мог так з мечомъ трывати против моего пана Трыщана, толко его намилеишыи (стр. 119) товарыш Анцолот, сынъ До[мо]лота королѧ з Локви. А Говорнаръ Анцолотов говорыл: Много єсми ходилъ морем и сухом, а не видал єсми ни ѡдного з великих рыцэров королѧ Артиушовых, а ни з-ыншихъ далеких сторон, которыи бы могъ такъ з мечом трывати противъ пану моему Анцолоту, толко пан Трыщанъ. Ижота такие рѣчы выслухавшы и рекла витеземъ: Ѡ добрые витези, розберыте сѧ, абы того вамъ не было жаль. И сняли гелмъ и познали сѧ и почали сѧ ѡблапати велми ласкаве; и пытал ѡдинъ другого, ꙗковые прыгоды мѣлъ ꙗк сѧ с нимъ ростал. Хвалилъ сѧ ему Трыщанъ и рече: Колкоколвекъ витезеи еждчалых, которые добрые витези ездечы ровни искали, и племени королѧ Бана Бенецкого и ѡт королѧ Перемонта Францэиского,

нихто сѧ не мог мнѣ спротивити. И Анцолотъ рече: Которыэ колвек милуют нашого пана королѧ Артиуша, тым всимъ ꙗ єсми коруна. А за тым рече Анцолот: Рыцеру, узложы гелмъ на голову и рубаимо сѧ, толко єсмо тепер зранили сѧ, а ни ѡднои битве не можем ѡдин перед другим повышон быти; лепеи нехаи умрет ѡдин ѡт другого. Трыщанъ рече: Помилуи тѧ бог, рыцэру, што бити сѧ хочешъ? Нѣт ни ѡдного витезѧ на свете, с ким быхъ ꙗ рад так битву мѣлъ ꙗк с тобою, занюж если мѧ добудеш, то мѧ добылъ наиболшыи витез а намилеишыи товарыш, а коли ꙗ тебе добуду, то єсми добыл всимъ витезем коруну, наибольшого витезѧ и намилеишого товарыша. Але, рыцэру, волѣлъ бых тѧ не знати, иж бых раднеи с тобою бил сѧ, нижли знаючы тебе. Ижота рече: Будьте здрови, рыцэры, а можете быти здрови за пѧтнадцать днии, а битве даите покои. А побрала ихъ Ижота, и ѡни поехали у зброꙗх, а раны имъ под зброꙗми прѣли. А стрѣтил ихъ ѡдинъ ѡправца в чорномъ знамени, а за нимъ везут мертвого витезѧ в колесехъ, и тот ѡправца къ пану Трыщану рекъ: Рыцэру, мои пан Паламидеж с тобою змовил рыцэръскимъ словомъ: в котором имѣню гдѣколвек будеть, же бы сѧ на тот змовныи рок становил в тои цэркви. Ѡн бы волѣлъ жывым быти, але нехаи мертвого витезѧ реч права будет. Трыщан рече: Длѧ тое умовы хотѣл сѧ єсми убити з моимъ намилеишымъ товаришом! И поехал пан Трыщан и Анцолотъ, и стрѣтила их ѡдна дѣвка (стр. 120) носечы лист писан до пана Трыщана, и дала лист Трыщану, и ѡн прочотшы розсмеꙗл сѧ. И рек єму Анцолот: Чому сѧ смеєш? И ѡн рек: Тому сѧ смею: ездит дѣвка по народу такъ говоречы: Береть сѧ турнаи на дворе королѧ Перемонта францэиского ѡт семи лѣт, хто хочет свою сестру або дочку королевую поставити, поедь без мешканѧ; а мы тамъ не можемо ехати, бо єсмо велми ранны. Анцолот рече: Витезю, можем мы тамъ ехати, хочемо видети, с которое стороны витезь турнаꙗ добудеть, ачеи быхмо могли ѡпосле копъе в руки взѧти и гелмъ на голову напротив того витезѧ. И прыехали у ѡдно село, а тоє село было полно витезеи и паненъ, и ни ѡдин витез не хотѣлъ

имъ господы поступити, а ихъ была вжо ночъ застала. И взали древа у руки, хотечы битвою господы искати, и ехали ѡт того села и видели на переде ѡдны дворы, што были добры але ѡпали, а перед ними стоѧла панна велми з малою дружыною. Трыщан рече: Панно, єстъ ли у тебе гдѣ стати? Ѡна рекла: Може быти—и ухватила за руку Трыщана, а за другую Анцолота и увела их в один палац, а тот палацъ былъ велми цудне украшон; и засѧ пошла у другии палацъ, и тот унутры украшонъ господъским ѡбычаем. Рекла панна: Витези добрые, вам тут станы, вамъ самым у том палацу, а у другом вашим конемъ. Трыщан рече: ꙗкъ намъ добръ стан, такъ и конемъ нашымъ. И прынесла имъ ести двѣ птицы, ѡдну печоную, а другую вароную, вина а хлѣбец; и конем дано ести. И рече имъ: Витези, честуите сѧ, занюж вамъ мыслити ѡбо мнѣ и ѡ собѣ. И ѡни сѧ посумнѣли, иж были ранены, а ѡна им велит себе королевую поставити.

А потомъ пан Трыщан рек: Панно, не рач подивити ѡ што тѧ буду пытал. И ѡна рекла: Рыцэру, таков тутъ ѡбычаи, нѣт с того диву, чого рыцэр попытает, занюж єсли бы вѣдал, и ѡн бы не пыталъ. Трыщанъ рече: То добрыи ѡбычаи, прошу тѧ, поведь ми, што то за пташечки? И ѡна рекла: То ест два скока, а ꙗ єсми дочка ѡдного королѧ, которыи вальчыл напротив королѧ Перемонта, и звалчылъ єго Перемонт и взѧл землю єго и ѡтогнал ѡт него вси слуги єго, толко єму мене ѡставилъ с тыми скоками; и ꙗ ꙗкъ могучи кормила єсми ѡтца своего, што убила на ѡбѣдъ, того бывало и на вечеру, а што къ вечеры, того и на снедане. Пан Трыщан рече: (стр. 121) Панно, то сѧ єси кинула на великую вагу, што єси длѧ нас убила тоє, чым бы єси мѣла кормити ѡтца своего. Ѡна рекла: Витези, ꙗ того не жалую, што єсми убила два скока двум соколом, иж вижу васъ доброе ѡсобы и цудное парсуны. Витези, вам мыслить ѡ мнѣ и ѡ собѣ. А на завтреє поехали проч ни ѡдин другому не мовѧчы, и Анцолот рече: Рыцэру, што мыслиш, ижъ со мною не мовишъ? Трыщанъ рѣкъ: А ты што мыслишъ? И ѡн рек къ Трыщану: Але ты ест старшыи, мнѣ годит сѧ вас пытати. И Трыщан рекъ: Ꙗ мы-

шлю, ꙗко быхмо ѡную панну королевою поставили. И Анцолотъ рекъ: Ѡ добрыи рыцэру Трыщане, бог же вам заплат, што мыслиш ѡ почестномъ тое панны за ее учту! Ѡба єсмо ѡдное мысли. И вернули сѧ ку ѡнои панне, и пан Трыщан рече: Панно, вбираи сѧ и вкраси сѧ штоналепеи можеш, єсли бог даст, маєшъ быти сего днѧ кролевою. И ѡна рекла: Рыцэру, так ми богъ поможы, не мам болшого вбиранѧ, толко то што на мнѣ естъ, да ѡдин венец цудного цвѣту цыприсова, которыи принесен ѡт двора королѧ Артиушова. И взѧла венчык и узложыла на голову свою, и ѡни рекли: Добре ти прыстои тот венец. А затымъ поехали с тою панною к тому турнаю и наехали витезѧ у зброи едучы, а з ним везут у возе панну велми у коштовныхъ шатахъ убранную. Трыщанъ спыталъ слугъ: Которыи то ест витезь? И ѡна рекла: То ест витезь Амодор, пана Анцолотов слуга, а славным рыцэром Трыщаном дан. И Трыщан к нему рек: Заисте тут ест Трыщан и Анцолотъ. Слышалъ то Амодор, скочылъ с конѧ и снѧлъ гелмъ з головы и поклѧкнул перед ними и рече: Мои панове, куды едете? Трыщан рече: Едемо у турнаи вашого пана королѧ Перемонта, ачеи быхмо могли нашу сестру кролевою поставити. И ѡнъ им рекъ: Для бога верните сѧ, ачеи быx мог ꙗ свою сестру поставити кролевою; ꙗ вѣмъ, што у васъ сестри нѣт. Трыщан рече: Витезю, хто бы насъ не вернулъ копємъ, а прозбою нас нихто не может унѧти. Амадор рече: Ꙗ вемъ, што умѣеть чинити пан Трыщан з мечом на земли, а не толко з древом на кони; ꙗ мушу вернути сѧ. Трыщанъ рече: Амодоре, нам бы удѧчно штобы ты с нами поехалъ, але коли сѧ ворочаєшъ, наша панна не мает доброе шаты: позычъ намъ шат своее панны. Амодор рече: Пане, беры што ти треба. (стр. 122) Пан Трыщан взѧл ѡныє шаты, у которых сестра Амодарова хотела королевою стати, и рек панне своєи: Убираи сѧ у шаты.

Коли ее видели у шатах, велми сѧ имъ подобала, хотѧ бы и сестра ихъ была, не соромели бы сѧ ею. Анцолот рече Трыщану: Рыцэру, даи ми ѡдин дар, чого у тебе попрошу. Тры-

щан рече: Все еси воленъ у мене взяти, ѡкром красное Ижоты. Анцолот рек: Будь ты ныне мои пан, а ѧ твои ѡправца. И ѡнъ рек: Нехаи того, рыцэру, ты старшыи и болшыи рыцэръ нижъ ꙗ, ты будь мои пан, а ꙗ твои ѡправца. И Анцолотъ рекъ: То быти не може.

А того турнаꙗ был ѡбычаи: которыи витез ѡпосле прыедет, тот свою панъну мает нижеи посадити. И ѡни прыехали к тому турнаю къ воротамъ, гдѣ был коловорот затворен, и витези вже гонили, и Анцолот скочыл через коловорот и ѡтворылъ, а Трыщан с панною въехал. Ажъ седѧт два рады панен ѡт воротъ шранковыхъ до судеи; панъ Трыщанъ посадил свою панъну в навышшомъ местцу. А коли виделъ сын королѧ Перемонтов Трыщана и рек: Ꙗ бым зычыл, коли бы того витезѧ панна королевою была. А кгды видела дочка королева ѡную панъну, не зычыла, абы ее витез турнаѧ добыл; и дивуючы сѧ мовили: То витез єстъ упрамыи, прыехалъ в турнаи ѡпосле и свою панну вышеи всих посадил. Трыщан рекъ своеи панне: Даи ми тот венецъ. И ѡна вскочыла и зхватила венец зъ себе и взложыла своими бѣлыми руками на єго свѣтлыи гелмъ, рече: Добрыи рыцэру, почестне єго носи по турнаи и ѡборонившы мне, засѧ єго верни. А иные панны мовечы смеꙗли сѧ єи: Ѡ глупаꙗ дѣвко, ꙗкъ може не ѡборонившы вернути тот цудныи венецъ! А коли ѡн всѧдет на конь, єго блѣдоє лицо и свѣтлый гелмъ мают нашы витези змешати с прохомъ.

Услышал витезь Дивданъ, а был болшеи вдѧчон дѣвкам, нижли рыцэромъ, и жедал потъкати сѧ с Трыщаном. Пан Трыщан вселъ на конь, Анцолот єму за стрымѧ прынял. Витезь Дивдан рек: Рыцэру, варуи сѧ вдарцу моего; Трыщан рече: Кгды того хочешъ, будемъ мѣти.

(Битва Трыщанова зъ Дивданомъ) А коли сѧ вдарыли, Дивдан пал на ѡдну сторону, а конь єго на другую. (стр. 123) А панны смотрели, што сѧ межы ними мает чынити, але не могли познати абы нога Трыщану въ стрымени рушыла сѧ, не толко штобы в седла рушыло сѧ. А Анъцолот

попалъ Дивдана и кинул через шранокъ и рече: Ѩ поведаю кождому рыцэру: мои панъ свободно по турнаю ездит. Видевшы то ихъ панна исполнила серцэ весельемъ и почала поглядовати смѣло межы паннами. И видевшы витези того турнаю, што Трыщан смѣло ездить по туръналю, боюли сѧ его удару, а ѡн ездечы чынилъ жестокие удары на право и на лево, икъ которому витезю прышол, поставилъ его за конем, а Анцолот беручы и метал за шранокъ, а мовил великимъ голосомъ: Витези, мои пан по турнаи свободно ездит. И рекли судьи: Тот витезь турнаѧ добывает, с кимъ ходит добрыи ѡправца.

И был тут ѡдин король ѡт многих лѣт и рече: Не тот, але ѡныи витез добываеть, которыи свободно по турнаи ездит. А тогды свободно по турнаю ездилъ Ѩщор Мадерым, брат Анцолотов, сынъ Домолота королѧ Локвенского. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тутъ и памет; и еще рекли судьи: Тот витезь добываеть, за ким ѡн добрыи ѡправца ходит; не дивно, што рыцэрь рыцэрски чынит, бо ест рыцэр, але диво, што его ѡправца велико рыцэрство чынит, у зброях рыцэров через шранки мечет. А ѡныи король пред сѧ мовит, иж ѡныи рыцэр добывает, што свободно по турнаю ездит. И панна Трыщанова рече: Ѡхъ мои боже, добрыи ѡбычаи у нашои стороне, не дадут скомороху добрые люди зъ собою розмовлати, дадут ему дуду, нехаи ихъ веселит. И коли виделъ пан Трыщан, ѡ чомъ судьи говорать, и слышалъ своее панны смѣлую речъ, и рече: Рыцэру, которыи свободно по турнаю ездиш, варуи сѧ вдарцу моего. Ѩщоръ рече: Ходи да видишъ.

(Битва Трыщанова зъ Ѩщорем) И коли сѧ вдарыли, Ѩщор полетѣлъ на ѡдну сторону, а конь его на другую сторону. Трыщан рече: Ѡх моего товарыша намилеишого брате, не хотелъ есми абы сѧ то над тобою стало, але не збит еси ѡт иного рыцэра, толко ѡт Трыщана, або ѡт пана Анцолота. Ѩщоръ скочылъ на конь и прысталъ к нимъ, и поехали тые тры рыцэры, Трыщан, Анъцолот и Ѩщор на крыж по турнаю, и не могъ имъ противна наити сѧ. Которыи витез виделъ ихъ

трех, метал копе з рукъ и гелмъ з головы, а не хотели з ними коштовати сѧ.

(Стр. 124) Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словом рыцэрским: Доколь конь не падет, не хочу зъсести длѧ того, ачеи будет рыцэр издалека ехал, а не прыспелъ, хочу его дождати. Анцолот виделъ ѡдного травника, а ѡн траву несеть и рече рыцэру: Ѡно едеть рыцер рыцерскимъ ѡбычаем, трещыт ему конь копытомъ, а твои конь спрацовалъ сѧ. И ѡн ѡбротил такъ моцно, аж ему конь пал; а длѧ того то Анцолот вчынилъ, абы сѧ рыцэрское слово сполънило. Рече Трыщан своеи панне: Ѡ добраꙗ панна, которые панны намъ смеꙗли сѧ, тепер ты надо всими тыми кролица, волна еси которую хочешъ куды послати.

И тут панъ Трыщан заволалъ во услышанье всему турнаю: Панна, ѡзми крогулѧ на руку, а поступи и сѧдь на столцы позлочоном. И ѡна сѣла и была королевою корунованою. И корол Перемонт што былъ взѧлъ у ѡтца тое панны имѣнье, все ему вернул до конца, бо тую панъну взѧл за сына своего.

Тое рыцэрство учынившы тые два рыцэры, пан Трыщан а панъ Анцолот, и поехали ѡдными чыстыми дубровами и прыехали под ѡдин город велми великии и велми богатое мѣсто над иные городы, а то была ѡтчына ѡдных трех братов, силных рыцэров, што перед тым были на земли наимоцнеишые рыцэры; имена имъ Либрун, Игрун, Марко, и два их были умерли, а Либрун былъ жыв и держалъ тот город, а имѧ тому городу Кесарыѧ, а велми былъ город давныи. А тому витезю Либруну было сорок лѣт ꙗкъ конѧ ѡпустил длѧ старости, а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхом ѡбросла. А была в него жона велми хороша, имѧ еи было Цвытажиѧ.

И Трыщан и Анъцолотъ стали под городом, а послали к тои панеи его говоречы: Выиди вон зъ замку, маемъ ѡдин зъ нас с тобою мѣти любовъ. Ѡнаꙗ пани с того была велми смутна и пошла къ Либруну и рекла: Дождали есмо жалости и легкости: прыехали два рыцеры, а стали передъ городом, а шлют ко мне.

говоречы: Выиди вон из града, имаэт с тобою ѡдинъ з насъ любовъ мѣти. Витезь Либрун послалъ к ним, (стр. 125) мовечы: Витези, поедте з богом; и ѡни не внали сѧ. Послали еще къ панеи прыказуючы: Выиди изъ замку. И Либрун засѧ послалъ к нимъ мовечы: Витези, поедьте з богом. И ѡни еще послали къ панеи. Витез Либрунъ рече: Даите ми зброю и сулицу и конь. Коли сулицу взали, аж ѡна мхом поросла, и ѡбвили ее ручниками. И ѡнъ вбралъ сѧ и всѣлъ на конь и выехал к ним на поле и рече им: Тецэте, витези. И ѡни подворыли межы собою: Которыи перво хочемъ? И похотѣлъ Анцолот. Рече Либрун: Под шлюбом не хочу с однымъ, леч ѡба поспол, бо ѩ першых витезеи витез.

(Битва Либрунова зъ Трыщаном и з Анцолотомъ) И ѡни ѡба вмѣсте пустили к нему и вдарыли его ѡба ровно, аж сулицы поломали на много зломковъ. А Либрун схватилъ их с конем ѡдного ѡдною рукою, а иного иною рукою и положыл ихъ митус перед собою на кони и потрепал ихъ кождого рукою по челюсти и рекъ: Єдьте з богом, вы есте ѡба добрые витези. И ѡни поехали з одное стороны велми смутны, а з другое смеѩли сѧ. И поехали ѡдными дубровами и поткали ѡдного витезѧ, а ѡн едет велми цудне. И рекли ему: Рыцэру, не едь не бив сѧ з нами. И ѡн рекъ: Не вмѣмъ сѧ колоти; и ѡни рекли: Ѿтоимем вамъ конѧ; и ѡн рекъ: Але не вмѣмъ. И ѡни ему взали конѧ и зброю, и ѡнъ рек: Коли инакъ не може быти, даите ми мои конь и зброю. И вбрал сѧ на конь, а заехав ему против Анцолотъ, ѡн збилъ Анцолота, и было Трыщану велми жаль.

(Битва Трыщанова и Анцолотова зъ Галецомъ) И скочыл против его велми прудко, и ѩкъ сѧ вдарыли, ѡборвали сѧ в седла Трыщанова попруги, и полетѣлъ къ земли, и летечы выхватил мѣчъ с пошвов, а сталъ на ногахъ, ѩко бы не рушоныи. И ѡн познал Трыщана велми сердитого и закликалъ: Ѩ есми Галецъ Анцолотович. И Трыщан и Анцолот были тому велми веселы, а Галец велми смутен, иж своего ѡтца и Трыщана зболъ, и ѡт такъ великое жалости пострыг сѧ въ мнихи, а

ѡпосле не слыхали есмо ѡ немъ жадное повести, если (стр. 126) жыв або вмер. А Трыщан зъ Анцолотом поехали до двора короля Артиуша, а коли прыехали, король ихъ з великимъ веселем прыналъ. А потом панъ Трыщанъ взялъ прощене короля Артиуша, и корол его ѡтпустилъ з многим веселиемъ и з многими дары. И вси паны и добрые люди ѡтправили его с поздровенемъ и дворностью. И поехал Трыщан и Ижота въ Корновалю къ королю Марку.

И коли прыехали, Трыщан даровал Ижоту королю Марку и рече: Королю, маешъ ми за нее дяковати, што есми тобе ее другии разъ мечом добыл. Кроль Марко дяковалъ ему, говоречы: Мои милыи сестрэнче Трыщане, ты много доброго вчынилъ, а ꙗ твои и все твое, што ꙗ маю, будь на твою волю. Трыщан поклекнулъ на колени и вздалъ фалу господу богу и потом дяковалъ королю Марку велми покорне. И тутъ была вся Корновалня вмѣсте, и не был ни старъ ни молодъ, хто бы не игралъ а не танцовалъ и не веселилъ. И такъ были ради, ꙗкъ бы имъ самъ бог прышол, иж были так веселы, лепеи нижъ тогды, коли имъ перво Ижоту прынесъ из Ѡрлендэи.

Коли довѣдала ся Ижота вѣры и правды Брагинины, ѡна еи дала ласку большую нижъ первеи, и был король тому велми веселъ и весь двор его. И дал король Трыщану ключы своего королевства и рече: Сестренчэ, волен еси моим королевством, иж есми тебе верного нашол, бо ми еси сполнилъ вѣру и правду. И был тут Трыщан чостован кролем Маркомъ и всими добрыми людми, ꙗкъ и сам крол. И прышла Корноваль ку тому, што ее боꙗли ся вси земли и вси королевства дл ꙗ пана Трыщана.

И в тот часъ чути было, иж берет ся турнаи у Пазаранскои земли подъ городом Барохом. Волала его ѡдна панна на имя Ижота з белыми руками, ѡдного короля дочка, и на тот турнаи поехалъ пан Трыщан. Коли прыехал къ турнаю, ажъ прышло много витезеи ѡт многих земль, и тут былъ взялъ (стр. 127) ѡдин витез ѡдну сторону турная, а пан Трыщан другую сто-

рону. Тогды Трыщанъ закликалъ витезю Лвова знамена у ѡчю зубы: Поткаи сѧ со мною.

(Битва Трыщанова с Климъберком) И ударыли сѧ так моцно и жестоко, Климберко зламал сулицу на много штук, Трыщан его вдарыл всею моцю што мѣлъ у собе. Климберко палъ с конѧ на землю, а Трыщан скочылъ к нему. Климберко кликнул: Рыцэру, мѣи сюю битву за добытую. Трыщан всѣлъ ѡпат на конь и поехал по турнаю, велико чудо чынечы на право и на лево, нихто не смѣлъ его дождати, бо збил былъ пѧтнадцат витезеи пасаных и ѡсмнадцат бановъ. И кликалъ Трыщан: Єсли єщо хто хочет, нехаи сѧ готует къ колбе. И закликал ѡдин витезь, которыи был великое доброты, именем Єрдинъ, брат тое Ижоты, што з бѣлыми руками, и кликнул: Рыцэру, жди мѧ. Трыщан его дождал.

(Битва Трыщанова зъ Єрдином) И коли сѧ вдарыли, сулицы поломали и ударыли сѧ щытами и плечыма, и пали ѡба с конми, и ухвативъ сѧ почали сѧ рубати ꙗкъ два лвы. Трыщан велми много умѣлъ, нижли раны были его знѧли ѡт многих вдаров, а ѡднакож в томъ недбалъ и тѧлъ на ѡстаток Єрдина всею моцъю што мог, а ѡнъ палъ мертвъ.

И вчынившы тое рыцэрство добрыи рыцэр панъ Трыщан и поехал до цэркви в опатию. А в тотъ часъ прышол єму лист ѡт красное Ижоты говоречы: Пане, ꙗк рыба безъ воды не може быти жыва, так ꙗ без тебе не могу жыва быти. И Трыщан ѡт великого смутку и ѡт ран сомлѣлъ, занюжъ было дивно, ꙗкъ мог терпети таковыє раны, бо кров с него велми шла. И ѡтправил до королѧ Марка с тымъ: Пане дѧдко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ мѧ несли; если-м вамъ добре послужылъ, єще може мене вам потреба быти, пошли ми кролевую Ижоту, ачеи бы мѧ злечыла, иж ѡна лѣкаръство добре умѣєт, а ꙗ лежу в Пазареискои земли под градом Барохом. Корол Марко ѡтпустилъ Ижоту вдѧчне, и ѡна пошла велми з веселымъ серцэм, а прышодшы почала єго лечыти, што могучы. И не вѣм, єсли с тых ран выздоровелъ, або так вмеръ. Потуль ѡ нем писано.

Исторыѧ ѡ кнѧжати Кгвидоне.

(Стр. 129) Ꙗко писмо говорыт: Добрыи мужу, бог ти будь на помоч и вховаи тѧ ѡт смерти и ѡт злое прыгоды! Хочу вам поведати добрую повесть ѡ Кгвидоне Антонскомъ кнѧжати и ѡ єго сыне, ѡ великом и славномъ рыцэру Бове. Тотъ Кгвидонъ храбрыи конник былъ, але ѡдну реч зле вчынилъ, иж в час жоны не понѧлъ, але коли вже старъ былъ, тогды понѧл жону з великого племени, и ѡна его не мела ни за ѡдин пѣнез. И в первую ночъ коли с ним спала, почала ѡт нѐго сына. А коли вышли мѣсецы днеи, и ѡна родила сына цудного створенѧ, и коли его крестили, дали имѧ єму Бово. И ꙗкъ почалъ рости, и ѡн єго поручыл ѡдному служебнику своєму Симбалду, и ѡнъ єго ховал болшеи нижли семъ годъ. И ѡное дитѧ за тую семъ годъ възросло немало, а был велми пекное ѡсобы, парсуна єму была ꙗкъ рожа, а волосы мѣлъ жолты ꙗко злото, и лепшое дитѧ над него не могло сѧ знаити. Тутъ вернимо сѧ.

Поведаимо ѡпѧт ꙗкъ жона Кгвидонова згубила пана своего доброго Кгвидона, а єи было имѧ меретрысъ.

Ѡнаꙗ пани ѡдного часу по рану вставшы и убрала сѧ у добрыє шаты и умыла сѧ водкою рожаною и погледѣла сѧ в зеркало и рече: Беда ми, што мои ѡтец и мои род покинули мѧ, иж мѧ за того старого мужа дали, иж ѡн не может ми ку воли вчынити. И прызвала ѡдного своего служебника, которому было имѧ Рычардо, и рече єму: Поедь къ городу Маганцу до кнѧжати Додона, до моєго милого, и поздрови єго ѡт мене, бо

ми ест велми милъ не пущеи ѡтца и матеры; и хотѣла єсми за него поити, але не хотелъ мои ѡтец и мои род. Але ти говору: послужы ми в томъ с правого серца и мовъ єму: нехаи зберет своих людеи пятнадцать тысечеи доброго люду зброиного, а нехаи прыидуть взѧти Антон град, а стали бы в лузе ѡт Склоравенѧ, а ꙗ в тот часъ пошлю (стр. 130) Кгвидона в лов; ѡнъ не ѡзмет зъ собою жадное зброи и слугъ не ѡзметь болшъ двадъцати юнаковъ, а тамъ можеть ѡтца своего смерть помстити; и ѡзмеш град своими людми и все моє панство тобѣ будет, а мене собѣ ѡзмеш за жону.

И коли Рычардо выслухавшы тых рѣчеи и ѡтказалъ єи: Зле ты мовиш и великъ грѣхъ маєшъ; не помози ми богъ єсли бых там поехал. И ѡна сѧ розгнѣвала и рече: Курвинъ сыну злодею, єсли ми того посэльства не справишъ, роздеру на собѣ вси шаты а буду мовити кнѧжати што мѧ єси зачепал, и ѡн тѧ велит ѡбесит за горло. Чулъ то Рычардо, был велми жалостен и рече: Пани, могу ꙗ вчынити на твою волю. И вскочылъ на ѡдного иноходника и поехал къ Маганцу нигде не замешкиваючы, и прыехал на двор Додоновъ и вшолъ у палацъ и вдарылъ чолом Додону. И ѡн єму рекъ: Добре ли єси прышол, добрыи друже? Ѡтколе едешъ и до кого єси прышол, прыѧтелю? Рычардо рече: До тебе єсми прыехал з добрыми речми из доброго города Антона, посол єсми доброе панее жоны Кгвидоновы. Мною тобѣ послала поздровленьє и прыꙗзнь; ѡна хотѣла за тебе поити, але того не хотѣлъ ѡтец и племѧ ее; ѡна велела тобѣ мовити, абы єси собрал своего воиска пѧтнадцат тисеч конъных и прыехал взѧти Антонъ град. И мовил єму вси тыє рѣчы, што єму пани казала.

Коли чулъ Додон тыє рѣчы ѡт Рычарда, почал єму говорыти: Курвыи сыну, бог даи тобе лихо, Кгвидон єстъ добрыи рыцэр на кони у зброи, коли ѡн убил ѡтца моего, и мнѣ тоє-ж может учынити. Ѡнъ тебе послал на лазучъстве; не поможи ми богъ, єсли тѧ не велю ѡбѣсит. Рычардо рече: Пане, выслухаи мѧ: єсли ми не вѣрыш што ꙗ говору, вели мѧ ѡсадит у темницу

до того часу, поки сѧ того добре довѣдаеш; єсли так не наидеш, того-ж часу вели мѧ ѡбѣсит. Коли Додон тоє ѡт посла чул и рече: Вере так мушу вчынити. И велелъ єго вкинути в темницу.

Собралъ вси свои люди, и было ихъ пѧтнадцат тисеч, и взложыл на себе добрую зброю и вскочылъ на бoрѣздыи конь и за стрымѧ се не прынѧлъ, а копъє узѧлъ в руки а щытъ на плечы, (стр. 131) и поехал зо всими людми, а гэтманом Дан Албрыго, брат Додонов муж удалыи. Прышли ко Антону граду и улѣзли у лугъ ѡт Скларавенѧ. Пани Кгвидонова ѡдное ранины уставшы и ушла у комору, и прышол к неи Кгвидон; ѡна рекла: Пане, послухаи мене, заступила єсми детем и велми жедаю зверынного мѧса, покорне тѧ прошу, пане, поедь у ловы, ачеи ѩкого звера можеш уловити. Ѡн еи рече: Вели ми дати зброю. И всѣдъ на конь и поехал, а с ним десет юнаковъ. И уехал Кгвидон у луг ѡт Скларавенѧ и почалъ искати усюда звереи и добылъ зверыны досыт. И перво нижли выехал з лова Кгвидонъ доброє кнѧжа, а Додон почал волати: Кгвидоне Антонскии, тобѣ прышол нине последнии ден. Кгвидон почувшы почал плакати и вдарыл сѧ пастю в груди моцно и рече: Бѣдныи Кгвидон и злочастен, то єстъ учынила моѩ жона Бландоѧ. А Додон заболъ конѧ и вдарылъ Кгвидона копемъ у перси; ѡнъ в себе не мѣлъ ниѩкого оружѧ, чым сѧ боронити, же ѡт такого вдару пал мертвъ на землю, а єго добрыє юнаки того-ж часу побито. И поехалъ къ городу борздо и нашолъ ворота ѡтворены, а узвод ѡпущон, и уехал у град и пошолъ у палац Кгвидонов. А курва жона Кгвидонова против єму вышла и рече єму: Добре єси прышол, воиниче, погубил ли єси Кгвидона, которыи мнѣ не мил был а ни вдѧчон? Ѡн рече: Убил єсми єго, пани, за то хочу дат на девет десѧт молитов. И ѡна єго узѧла за руку и увела его у ѡдну комору. А тыє люди Кгвидоновы, которыє были у городе, вси вышли з города, не хотели тут жыти; то вчынили з великое жалости, што их пан добрыи погублен.

Виделъ то Додон и поставил сторожу, абы нихто не смѣлъ поити з города, говоречы: Ѩк есте служыли Кгвидону, так слу-

жыте и мне Додону, ꙗ хочу вас ховати; верните сѧ ѡпѧт вси. А Бово был побѣгъ вонъ; и коли єго не видел дѧдѧ єго Симбалдо, шол єго искати, не мог єго наити нигде и рече: Ѡ беда мнѣ, ѡтец мертвъ, а сына нѣт. И пошол у конюшню и погледелъ под ѧсли и увидел Бова, а ѡн тут крыет сѧ, и почал єго звати: Сыну, поиди сам ко мнѣ. (стр. 132) Бово єму рече: Дѧде, што сѧ то вчынило? А ѡн рече: Сыну, твои ѡтецъ мертвъ, убилъ єго бэзэцныи Додон из Маганца зрадне. Сыну, можешъ ли на кони ехати? Хочем поехати во свѧтыи градъ Семиѡн, которого ми дал ѡтецъ твои; такъ трыдцат год ꙗкъ ми єго дал, и єсли быхъ мог тебе донести до того граду, и ꙗ бых воєвалъ Додона. Бово рече: Могу ехати добре на кони, и поедьмо борздо до свѧтого Семиѡна града. И Симбалдо тотчасъ пошолъ по замку, ищучы хто бы хотелъ з ними ехати, и нашол прыꙗтелеи Кгвидоновых шестдесѧтъ конныхъ добрых юнаков въ зброѧх, и взѧл сына своего Терыза и поехали ко свѧтому граду Семиѡну, а Бова из собою понесли. И ѡдин з нихъ вернулъ сѧ ѡпѧт ку Антонию граду и почал кликати: Додоне з Маганца, велми твердо спиш, изъ Антониѧ града уехали шестдесѧтъ конныхъ, а мають прыходечы валчыти подъ Антонъ, и взѧли зъ собою Бова сына Кгвидонова; а єсли ѡн прыидеть к лѣтомъ, будет на тебе валчыти а всхочет тобѣ мстити смерт ѡтца своего. Устань и верни ихъ назад, а можеш ухватити дитѧ и погубити.

А коли крол Додон то услышал, въстал, воиско собрал и рек: Даите ми моє оружъе; и вбралъ сѧ и поехалъ за Симбалдомъ. И в тот час зрадца Бововъ прыехал Рычардо, и пытал єго Симбалдо: Чому єси там замешкал? И ѡнъ ѡтказалъ: Не мовилъ єсми зъ жоною ничого. И Симбалдо пред сѧ ехал из своими людми, а Бово з нимъ. Потомъ Симбалдо ѡгленулъ сѧ назад и узрел з далека много людеи едучы за собою. И в тот часъ служебник Симбалъдов вгонилъ єго; ѡн пытал: Што то за люди? И служебникъ єго рекъ: Не вѣмъ. И почалъ мовити зрадливыи Рычардо: Ꙗ на добромъ кони и въ зброи поеду и довѣдаю сѧ, што то за люди. И рече Симбалдо: Поедь, богу тѧ полецам,— бо не знал, што на

зраде ходил. А Рычардо поехалъ велми борздо и прыехал къ Додону, мовечы: Пане, едь борздеи, бо Симбалдо и его люди не могуть боръздо ехати, можеш Бова ухватити и згубити; а если ѡн доидет лѣтъ, коли узможеть въ зброи на кони ехати, будет тобѣ велико зло чынити прыходѧ под Антонъ, и ѡтца своего будет (стр. 133) мстити смерти. И то рек, ѡпѧт назад скочыл, што конь может. И коли догонѧл Симбалда, видел его Терыз Симбалдович и рече: Ѡтче, то ми сѧ видит лазука, поеду ꙗ, вчыню его мертва. И забол конѧ, скочыл к нему и вдарылъ его копемъ, щыт ему пробил; и прышло ему копє в серцэ, и спалъ с конѧ мертвъ. А Терыз вернулъ сѧ ко своимъ и поехали къ граду Семиѡну.

И тутъ сѧ имъ нефортуна стала, Бово с конѧ спал, и Додон прыболъ конемъ и вхватилъ Бова и понесъ єго у Антонъ. Ѡ боже великии, ꙗкаꙗ болесть нашла сѧ!

Виделъ то Симбалъдо, што Додон взѧл Бова, и ѡт великое жалости сомлѣл и не мог ни з мѣста рушыти сѧ ѡт седла, и видел што єго Додон несеть и почал кликати што может, говоречы: Юначе, верни его ѡпят, хочэмъ єго ѡткупити, ѡзми за него што хочеш, а єсли не всхочеш, Додоне, подъ божю прысѧгою первеи хочэм помрэти, ниж єго дати на сромоту.

И ехали ѡпят за ним, ажъ до воротъ городовых. Крол Додон уехавшы з Бовомъ в городъ, и велелъ ворота затворыти и узводъ узвести, и ѡни вернули сѧ и ехали къ свѧтому Семиѡну.

И ѡт того часу почалъ Симбалдо збирати воиско и на кождыи ден воевати под Антономъ, и не смели люди из города выходити къ цэркви помолити сѧ богу, поки третаꙗ часть днѧ выидет.

И ѡдного часу таꙗ курва маретрыс рече Додону: Пане, доколе будем такъ без покоѧ жыти? бо покуль тот злодеи старыи буде жыв, не можемъ ѡт него впокоѧ мѣти. Ѡнъ прывелъ зъ собою десеть тисечеи воиска под Антонию, а в тебе в городе ест трыдъцат тисеч. И подобала сѧ ему ее речъ, и тотъ часъ велелъ у рогъ трубити, и собрала сѧ ихъ трыдцать тисечъ конных и добрых зброиныхъ. И с тыми людми ехалъ про-

сто до сватого Семиωна и прытагнулъ там, послалъ до Симбалъда посла и добывал города.

А Симбалъдо з города боронилъ сѧ, и тамъ было мертвых на ωбе стороне много. И коли ночовали первую ночъ под замкомъ, король Додон Маганецкии тое ночы виделъ во сне, ꙗко бы Бово у зброи проколол ему серцэ и утробу; и въставшы ωт сна, позвал своего брата Дан Альбрыга и рече ему: Уберы сѧ у зброю и возми зъ собою сто пахолковъ и поедь до жоны моее и ωтъ мене (стр. 134) ее поздрови и мов еи, абы ми прыслала сына своего Бова, хочу его згубити, занюж есми сее ночы во сне видел Бова у зброи, проколол ми серцэ и утробу. И Дан Албрыго того-ж часу убрав сѧ и взѧвшы сто юнаков поспешал сѧ до Антониꙗ града, и нашодшы панию Бландою и поздровилъ ее Додоновым поздровением и мовил еи въ речы Додоновои. Ѡна рекла: Длѧ ласки ωтца Бовова, не пошлю его къ Додону, але хочу его тутъ ωтрутити заисте. И Дан Албрыго с тым поехалъ къ Додону, а пани велела Бова замкнути в ωдну комору. И был тамъ Бово пѧть днеи не едѧ а ни пиꙗ, и почалъ крычати: Ѡ мати, маеш великии грѣхъ иж мѧ хочеш такою смертью уморыти. И ωна тоє учувшы, не могла стерпѣти и позвала ωдну дѣвку и дала еи велми злую трутизну и рече: Замеси у тесте, испечы ωдин хлѣбецъ и понеси моему сыну Бову и мов ему: Поздровлѧеть тѧ матка и велела тобѣ мовити: За жалост, которую маю со смерти твоего ωтца, забыла есми тебе, и коли доростеш, дам ти твоего ωтца зброю и конь.

А дѣвка с тою трутизною спекла два хлѣбы и взѧла ωбрусъ с хлѣбом и шла къ Бову в комору, а за нею прышли двоє щенѧт, которые были велми голодны. И рекла Бову: Устань, прынесла ти есми досыт ести и пити ωт твоеи матеры, велела тѧ поздровить; небои сѧ ни ωдное рѣчы, иж если тебе давно не въспоменула, але коли будеш могъ зброю носити, тогды дам ти зброю. Давшы ему хлѣбъ пошла вон, и почала мыслити и рече: Бѣда ми, если ꙗ тое дитѧ уморю. И вернула сѧ ωпат борздо в комору и рече Бову: Не еж того хлѣба, бо ест трутизна. И

Бово рече: Даи ми скибу; и ѡна рекла: Чыни-ж пак, ꙗкъ хочеш. И вышла с коморы; Бово ѡдин хлѣбъ розрѣзал на полы и кинул половицу ѡдному выжлу, а другую другому выжлу; и еще псы хлѣба не зели, ѡбема ѡчы выскакали. И видевшы то Бово, вышол с коморы у палац, а с палацу побѣгъ из замку великими вороты.

Кгды былъ на поли, нихто его не поткал, а бралъ сѧ ко свѧтому Семиѡну граду, нижли заблудил з дороги и влезъ у великии лугъ и тамъ ходилъ тры дни ничого не кушаѧ, кромъ только (стр. 135) кореньꙗ травного и воды. И увидел ѡдно прыстанище у мора и пошол к тому прыстаницу на берегъ мора, и почал говорыти: Ѡхъ мои Боже, хотѧ-м къ прыстанищу прышол, а не могу за море добыти сѧ и назад не ведаю. Боже даи мнѣ милост, абых утекъ з моим жывотом и мстилъ быхъ смерти ѡтца своего. И смотрѣл на море и увидел ѡдно судно на моры и не мог сѧ докликати ихъ; и увидел его ѡдин морнаръ и вказал его всим купцом; ѡни вси его увидели. И мовилъ тот морнаръ купъцом: Панове, ѡт сорока годъ туды по мору хожу и самъ и тамъ, а жадного-м чоловека тут не видалъ, кром ѡдно двое скота а ѡдного лва,а тепер видимъ ѡдно дитѧ мало. Поедьмо и погледимо, если будет хрестѧнин, можемъ его взѧти, а коли поганин, мы не берымо. И пошли судномъ къ берегу; где увидели Бова, мовили ему: Ѡтколе еси, хрестѧнин або ли поганинъ? Бово ѡтказал: Ꙗ по Бозе хрестѧнинъ и ѡт хрестѧнина рожон, ѡдного млынара сын, а мати моꙗ богатымъ жонам кошули мыет за пенѧзи и тым сѧ кормить ꙗкъ убогаѧ жона. Ѡногды есми заблудил, ест ѡсмыи ден ꙗкъ есми ничого не елъ ни пилъ, длѧ Бога даите ми ести. И тымъ торговцомъ его было велми жал, и взѧли его в судно и повезли зъ собою, а дали ему ести и пити, и поднѧли парус и пошли по другому мору, и за трыдцат днеи перешли море.

Бово мѣлъ достатокъ ести и пити и вчынил сѧ ѡпѧт хорош, ижъ лѣпшое дитѧ не могло быти на вѣки. И почал ѡдин торговецъ говорыти Бову: Служы мнѣ за страву; а другии рекъ: Мнѣ

служы, ꙗ тебе напервеи увидал и ꙗ всимъ споведал. А за тымъ межы собою посварыли сѧ и добыли мечовъ, хотели сѧ рубати. И Бово имъ рек: Панове, хочу вам служыти, ѡдному пры ѡбеде, а другому пры вечеры; и торговцы на томъ перестали и рекли: Добре мовит. А в тот час судно прыстало у Армению градъ. Арменил увидел древо на прыстаницы и велелъ слугам довѣдати сѧ, што за люди; и ꙗкъ слуги к ним прышли, почали ихъ купцы пытати, естъ ли тут король арменеиския. И король самъ до них прышол, и увидел Бова стоечы (стр. 136) серед судна так цудного, ꙗко бы намалеван. Корол почал говорыти: Ѡ сватаꙗ Марыѧ, бы ты был з моими двореннми або з моими хлопаты! И пошол у город. Морнары судно къ берегу прытѧгнули, король арменеиския ѡпат до нихъ вернулъ сѧ и видев Бова, а ѡн стоит услонив сѧ на судно, прыступилъ король, почал на него смотрѣти. Рекли торговцы: Пане, кажы, што ти треба? Корол рече: Пытам васъ, што то за хлопец, што его вижу? Чы з вашого города? Ѡни рекли: Пане, нашли есмо его на прыстанищу у мора, а ради быхмо его продали. И корол имъ рече: Хочу вам тое дитѧ добре заплатити, дамъ вамъ двадцать литръ злота. И велелъ его изъ судна вывести. И вышол Бово, поклонилъ сѧ королю; и рече ему король: Храбрыниче, хто твои ѡтец, хто ли твоѧ матка, поведаи ми. И рече Бово: Мои ѡтец ѡдин мlынар, а мати моꙗ ходечы богатымъ жонамъ мыеть кошули за пенѧзи и тым сѧ кормить, ꙗкъ убогаѧ жона. Рече ему король: Храбрэниче, послужы ми добре, маеш поити у конюшню, тамъ тобе годно быти, занюжъ еси самъ поведалъ себе простого роду. А коли было такъ, ꙗкъ писмо говорыть, был Бово чотыры годы у конюшни служечы машталеромъ, и такъ было цудное хлопѧ, ижъ там лепшого не могло быти. И почали витези ѡ немъ королю говорыти, не ѡдно витези, але и люди иншие и пание. А коли тые повести чула дочка королева Друженна, што витези и пание ѡ его красѣ говорат, и почала мыслити, которым бы ѡбычаем могла его насмотрѣти сѧ. И коли сѧ домыслила, ѡдного днѧ пошла на гору у палац до королѧ, и

видевшы ее витези и юнаки пошли против ее, и самъ корол противъ ее рушыл сѧ на ноги: Дочко, поведаи што ти треба? Не мѣла еси того ѡбычаꙗ сюда ходити. Кролевна Дружнена рече: Ѡтче, ꙗ ти повѣмъ: позвала есми к собѣ на обѣдъ шестьдесат невѣстъ добрых, а треба тэж доброго слуги хто бы имъ служил. Рече кроль: Дочко, возми кого хочешъ. Дружнена пошла къ Бову и почала его пытати: Храбрениче, тобе поити со мною, маеш послужыти двадцатма невестам добрым. Рече Бово: ꙗкъ твоѧ волѧ естъ. И коли была Дружнена с тыми панами за столомъ, не могла ничого ести гледечы на Бово, и не могла з него ѡчю знести и взяла (стр. 137) у руки хлѣбъ и нож, и режучы хлѣбъ упустила нароком под столъ нож, и Бово нагнулъ сѧ под столъ поднати нож, племенида Дружненна прыгнула сѧ, ухватила Бова и поцаловала его под столомъ. И въ тотъ часъ ѡба усклонили сѧ. Бово сѧ закраснелъ болшеи ниж рожа, а племенида панна не могла ѡчю насытити гледечы на Бова.

И коли ѡныє паниє устали ѡбѣдавшы, поклонившы сѧ пошли кождаꙗ до своее господы, а Дружнена шла у свою ложницу, а Бово сѣлъ за столом ѡбѣдати, и еще был ѡт стола не встал, панъна Дружненна послала по него абы шолъ к неи у ложницу, и Бово до нее пошолъ. Нашол ее седѧ на лаве и поклекнулъ пред нею на колени своє; ѡна ему рекла: Устань. И почала его пытати ѡ роду его, ѡтколе ест. Бово еи отказал: Ты зло говорыш, великую ми крывду чыниш, чому тобѣ моего роду довѣдовати сѧ? а коли ты того хочеш, ꙗ тобѣ повемъ: мои ѡтецъ был ѡдин млынар, моꙗ мати богатым жонам кошули мыєть за пенѧзи и тым сѧ кормить, ꙗк убогаѧ жона. Панна ему ѡтказала: Млоденъче, не поведаєш правды, бо парсуна твоѧ того не вказуєть. И Бово рек: Ѡтпусти мѧ, маю єхати у поле травы конем жати. И повернул сѧ, скочыл на двор, уселъ на конѧ и поехал, и нашолъ у поли свою дружыну, а ѡни вси траву жали. Бово купил травы береме и вскинулъ на конь и вчынылъ с травы венецъ и взложыл на главу и вскочылъ на конь и поехал къ городу. И коли в городе вбачылъ ѡдно воиско стоечы на поли; а в томъ воиску кроль

Маркобрунъ прышол красну Дружненну за себе взѧти и з нимъ двадцат тисечъ воиска конного збронного люду. А былъ турнаи справленъ, и сам корол Армениіъ у томъ турнаи, а племенида Дружненна того гледѣла на кганку стоечы. Бово покинул траву, прыехал и виделъ воиско на поли, а ѡни у турнаю бьють. И захотело сѧ ему у тот турнаи ехати и скочыл на конь и поехал у поле и стрѣтилъ ѡдного витезѧ, а ѡн едет зъ щытомъ позлочоным, и рече: Рыцэру, позыч ми того щыта ехати у турнаи, и хочу людем чынити смехъ. И ѡн ему щытъ далъ, и Бово узложылъ его на мышцу и поехал говоречы: Бых могъ копъє наити! И убачыл жердь пры ѡдныхъ воротех, и взѧл Бово тую жердь у руки и пошолъ ку воиску на турнаи, (стр. 138) и стретил ѡдного пахолка конного и того с конѧ збил, и другого поткал и того с конѧ скинулъ, и скоро их шести с конеи позметал и поехал у воиско. А племенида Дружненна тое видечы велми сѧ веселила. Бово уехалъ у великии турнаи и много бою учынилъ. И стретилъ королѧ Маркобруна и тотчас скинул его с конѧ велми сромотно. А еще у Бова таѧ жердь была тѧжка, изметалъ с конеи болшеи ста юнаковъ, а Маркобруна ѡпѧтъ всадил на конь. Кроль Маркобрунъ прызвалъ к собѣ сто витезеи и почалъ имъ говорити потаи: Мои витези, которыи мѧ скинулъ с конѧ, прошу васъ, учыните его або жыва або мертва. Кролевна Дружнена гледѣла, што с того маеть быти, и велела у рог трубити. И того часу витези розобрали сѧ и Бово вернул сѧ с турнаѧ и отдал витезю щытъ, а жердь прыслонилъ къ тымъ воротамъ, и шол опѧтъ в конюшню, носечы на голове с травы венецъ. Кроль Маркобрун рече: Й мам великии гнѣвъ на тую панну, што мѧ ее юнак с конѧ скинулъ на ѡном турнаи, не могу з жалости жыв быти. А панъна Дружненна пошла в конюшню и нашла Бова, а ѡн легъ на траве, што сѧ был спрацовал на турнаю. А парсуна его была лепшеи нижли ѡдин цветъ. И ѡна ему рекла: Даи ми тот венок, абых его с твоее ласки носила; и Бово рече: Панно, не добре мовиш и велик грѣхъ маеш, коли ты сѧкии венец хочеш ѡт мене носити, веро-ть его не дам. Панна еще ему рекла: Даи ми его; а Бово рек: Не дам

ти его; а панна велми сѧ розгневала и почала говорыти: Курвын сыну, так ми прыкро мовишъ, знать по тобе заисте, што еси млынарчыкъ, ижъ ти не вдачна милост належшое панны; а если ми того венца не даси, теперъ уизрышъ на мнѣ шаты розодраные, и буду жаловати сѧ ѡтцу, што мѧ еси хотелъ кгвалътовати, ѡнъ тѧ велит ѡбесити. Бово тое чул, не могъ инакъ учынити, снѧл венецъ зъ своеи главы и кинул его на землю перед нею и рече: Ѡто-ж его возми, иначеи ти его не хочу дати. Племенида панна почала на его гледѣти, бо ѡн такъ еи был мил, иж не могла з него ѡчю знести, и прышла еи великаѧ жалост з милости, и рече ему: Даи ти богъ зло, курвинъ сыну, если ми его не узложыш на голову, (стр. 139) уизрыш на мнѣ вси шаты розодраные. — И Бово тое чул, не мог инак учынити, взѧл венец и взложылъ еи на голову, и ѡна его руки прынемшы и узложыла на себе и велми его моцно поцаловала. И еще Бово был з Дружненою не розстал сѧ, прышли Сарацэны къ прыстанищу изъ за морѧ, Лукапер великого солъдана сын. Тотъ Лукаперъ мелъ межы ѡчъю великое пѧди, а с ним прышло сто тисечеи зброиного люду; и прыехал къ воротам городовым з двадцатма тисечема людеи и почалъ моцно кликати: Гдѣ кроль ест Арменилъ?

Коли Арменилъ чулъ и рече ему: Хто-с ест, што так кличеш? Рече Лукапер: Ѩ из за морѧ, прывелъ есми з моим ѡтцом сто тисечеи воиска, а хочу Дружнену взѧти. И рече ему король Арменилъ: Перво бых тѧ всего розсекъ, нижли ю дам. И велелъ в рог трубити, и собрало сѧ десет тисечеи добрых людеи воиска конных, и кроль Арменилъ згодившы сѧ з Маркобруном и пошли на поле.

(Битва королѧ Аръменила зъ Лукаперомъ) И коли сѧ зъехали сѧ, корол Арменилъ вдарыл самъ на Лукапера и трафлялъ его под щыт и не мог ему зашкодити, бо щыт был добръ, але гвоздье выпадало, а копе сѧ зламало, а Лукапер не рущыл сѧ в седле ни мало; а ѡн вдарыл королѧ велми моцно, щыт ему розбилъ, але зброѩ была добра, не дала его погубити. И скинул его велми далеко ѡт конѧ и засѧ его ухватил и дал его двадцатма Сарацэномъ повести къ солдану ѡтцу своему.

(Битва Маркобруна зъ Лукапером) А Маркобрун таке-жъ прышолъ его вдарыти Лукапера и вдарыл его у щыт позлоцон и не могъ его пробити, а копъє зламал, а Лукаперу ни нога в стрымени не рушыла сѧ. Лукапер его вдарыл вельми моцно и скинул его на землю, и того звезавшы послалъ до солдана. И поехал Лукаперъ у бои, на когоколвек прышол, того мертва учынилъ. Агулин, которыи хоругов носил, тотъ побѣгъ, и коли прыехал у городъ, аж Бово зъ Дружненною в конюшни стоить. А первеи того ꙗкъ єще Агулинъ не прыехал был, тогды Бово заслышалъ глас, што кони ръзали, и взышол Бово на ѡдин кганокъ и вбачыл гэрбъ сарацэнскии, там жо виделъ и арменеискии. И взышол Бово на стену бронную и почалъ гледѣти у поле, и увиделъ ѡдного хлопца и спыталъ его рекучы: Што то, брате? што плачуть (стр. 140) люди? И рече ему хлопец: Мы вси втекли, а корола поимали, и ꙗки-сь добрыи Маркобрун также поведен. И Бово опѧт пошол у конюшню и єще там нашол панъну Дружненну и рече еи: Панно, твоего ѡтца поимано, и Маркобрун твои паницъ и болшеи тисечы иныхъ рыцэров. И рече ему Дружненна: А мы можем градъ затворыти и взводъ узвести, ты будеш панства сего коруну носити. И ѡн рече: Ꙗкъ то може чоловекъ учынити, кдли его пан за пѣнези купил на роботу? Але ѡдначе мушу там быти, коли не мамъ зброи, ꙗ и без зброи, а коли не мамъ конѧ, ꙗ и пѣш, поиду, и хочу понести ѡдно великоє древо, а кого вдару, тот не будеть большеи бит сѧ. И Дружнена рекла ему: Ты пѣшъ не поидешъ, хочу тобѣ дати зброю и доброго конѧ гальца, и дам ти добрыи мечъ кгладэнцыю, которыи был доброго Аливера, и хочу ти дать доброго конѧ, которого лепшыи не можеть быти: ѡн был ѡдин ѡт чотырох, и не могла на нем жаднаꙗ душа ехати.

И Бово рече: Даи ми того истого конѧ. И ѡна ему указала, и убрал сѧ Бово у зброю и взложыл гелмъ на главу, а добрыи мѣчъ ущепилъ на шыю, и взалъ щыт на плечо и копъє в руки, и скочыл на конѧ и за стрымѧ не прынѧл сѧ. Панна Дружненна пытала Бова: Чому сѧ мечомъ не ѡпасалъ? И ѡн

рече: У моеи земли таков ѡбычаи, ни ѡдин юнак не ѡпашет сѧ мечомъ, толко витезь. Друженна рекла: Садь с конѧ, ꙗ есми дочка королѧ коронованого а у венцы есми корунском, ꙗ могу ѡдного витезѧ поставити, а звлаща у тот час. И Бово скочылъ с конѧ, а панна Друженна рекла: Ꙗ тебе не могу витезем поставити, докол ми не споведаеш родины своее. И ѡн рекъ: Панно, ꙗ ти повѣмъ: ꙗ сын ѡдного королѧ, которыи держалъ добрыи город Антонию, а имѧ ему было Кгвидонъ. Коли ѡна чула, што ѡн не з малого роду, прытекшы к нему и трежды его поцаловала сладко и рече: Ꙗ твоѧ Друженна, могу тѧ поставити добрым витезем. И так ему подала заушницу и мечом его ѡпасала и рекла ему: Не ѡбцуи же з лихими и зрадливыми. И ухватила его рукою за горло и велми моцно его ѡблапила. А в тотъ часъ Игулинъ прышолъ з битвы (стр. 141) и увиделъ Друженну, а ѡна цалует Бова, и рече еи: Курво, даи ти бог зло, што то чыниш, а твои ѡтец поиман и Маркобрунъ, которыи тѧ хотѣлъ понѧти, а ты стоишъ у конюшни а молодцы цалуеш. Але коли ѡни с темницы втекуть, и ѡни тѧ сотнуть.

Бово тое чул, розгневалъ сѧ на него и шодшы ударыл Агулина у стегно, и ѡнъ спалъ с конѧ на землю, и ѡдин рукавъ розорвал ему. А панна Друженна прыказала чотырыста коннымъ, абы ехали за Бовомъ, штобы инакъ не было, и ѡни выехали за Бовомъ з города, а Бово ехал на том великом кони моцномъ.

И прыехал до Сарацэнъ, а под нимъ землѧ тресла сѧ с переду и з заду, а панна Друженна гледела конъца и велми сѧ веселила, ижъ видела Бова велми доброго витезѧ. И видел его Лукапер, выехал противъ ему и почалъ велми говорыти: Хто ест ты? Поедь назад, не ест твоѧ Друженна, даи ми Арменню безъ крови пролитьѧ и веруи у Махомэта бога моего, а ꙗ хочу Друженну взѧти.

Витезь Бово рек: Мысль тѧ заводить, первеи сѧ хочу дати розсечы, нижли бы ты Друженну взѧлъ.

(Битва Бовова зъ Лукаперомъ) И забол борздо кона и скочылъ къ Лукаперу и рече: Варуи са мене, ты тепер погибъ. И Лукапер к нему пустилъ; и вдарылъ Бово Лукапера в щыт позлацонъ, щыт ему пробилъ, а бенди ѡпали, и прошло копє в серцэ, и мертвого его скинул на землю с кона, и почал Бово кликати: Биите юнацы свободно. И чотыры ста конников пошли къ битве, и кождыи своего скинул, и был велик бои межы ѡбоими, а кролевна Дружненна велѣла у рогъ трубити, и собрало са добрых конъниковъ десет тысечеи, и послала на помоч Бову, а ѡнъ былъ у бои уступил, и всю тую двадцат тысеч побили, которые прышли з Лукапером подъ Армению град, разве ѡдин Сарацэнин утекъ старыи, што не могъ бити са. Бог дал ему лихо, што утекъ и тры копа у хрыбте ѡтнес, и прыбѣгъ къ солъдану у заставу, и солъдан его видел, речэ ему: Што за вѣсти поведаєшъ ѡ моемъ сыну? Ѡн рекъ: Злыє вѣсти ношу, выехал ѡдин витезь из Армениа града и велми добрыи, ѡт первого удару Лукапера с кона мертвого скинул и двадцат тисеч, которые з Лукаперомъ были, всихъ погубилъ. То рекъшы здохъ падшы (стр. 142); а солданъ ѡт тых речеи сомлѣлъ и пал на землю, ꙗкъ мертвыи. И потом, коли ку памети прышол и всталъ, почалъ тужыти велми грозно и ѡпат рече: Панове, коли Лукапер загибъ, а надо мною што будет? А так солъдан улезъ у корабль, а другиє Сарацэни почали бѣгати гдѣ хто могъ. И в тот час Бово витез за ними прыгналъ на прыстанищо и тут ихъ большеи двадцати тисечеи убил, зась вернулъ са къ шатру и наехал корола Арменила и Маркобруна, гдѣ были повазаны, и ѡтвезал ихъ ѡбѣюхъ и усадил ихъ на добрые кони, а ѡни были у зброꙗхъ. И кроль Арменилъ пошол за Сарацэны, абы са помстилъ, и зашол з другого мора и погубилъ всихъ, которые были на прыстанищы. И витез Бово рече королю: Пане, што тому человеку слушыть учынити, которого его пан за пенези купил, если ему на потребу не поидет? Королю, ты мене купилъ за двадцать литръ злота, ꙗ тобе хочу дати за ѡдну литру сто литръ: ѡзми тую землю, которую єсми добылъ.

И все воиско на кони усѣли и поехали до замку. Коли прыехали къ городу, а кролевна Дружненна, стоечы на кганку, смотрела ꙗкъ ехали; и уехали у город, а з ними Маркобрун з левое руки, а Бово по правои руцэ. Кролевна Дружденна вышла противъ ѡтца и рекла: Пане, Бово єстъ большыи витезь на свете, и ꙗ єго поставила витезем, иже-мъ сѧ доведала того, што ѡн сынъ доброго королѧ Кгвидона ѡт доброго города Антонѧ. Мои ласкавыи ѡтче, даи ми его за мужа. И рече кроль: Ꙗ тоє, дочко, и самъ мыслилъ. А в тотъ часъ прышолъ Агулинъ и рече: Кролю пане дѧдку, и мене Бово ударылъ у стегно и нагавицу ми роздрал, ꙗ хочу с ним умрети и мовлю то, абы ѡн не былъ витезем, а ты свою дочку можеш дати за которого королѧ велможного и богатого, а се крол Маркобрун маєть венец корунскии, ѡн водит трыдцат тисечеи воиска: за того можеш свою дочку ѡтдати, а за Бова можеш ѡтдати ѡдну сестру мою. З витеземъ Бовом ꙗ хочу бити сѧ, але не вемъ, єсли ѡн похочеть. И казалъ король воиску розехати сѧ (стр. 143), и кождыи поехал до господы, а витез Бово пошол ув-одну комору и легъ спати. Агулинъ пошолъ у ѡдну комору и легъ спати, и вышедшы с коморы, пошол по городу искати юнаков, которыє бы з ним Бова забили, и собралъ ихъ добрых шест десѧт, и запрысегалъ ихъ на эвангелеи, абы Бова у коморе на постели забили. И улезшы у комору увидели Бова, а ѡн лежыт прыкрывшы сѧ колдрою, а добрыи єго мечъ и всѧ зброѧ пры немъ лежала. Агулин скрылъ колдру с него, аж Бово нагъ ꙗкъ ѡт матеры рожен. Агулин почал говорыти юнаком: Верните сѧ ѡпѧт, можем єго потом убити; а ѡни зъглѧнули сѧ ѡдин з другим и рекли: Прывел насъ Агулин на зло, єсли єсмо єго теперъ не згубили, а ѡпосле ѡн нас всих побъєть, занюж Бово велми добрыи витез на кони. Агулин ѡпѧт єго ѡпранул и вышол с коморы у палац. И рече ѡдин старец Агулину: Ꙗ єсми твои чоловѣкъ, хочу ти добре порадити, єсли усхочеш мене слухати. Ꙗ велми парсуною къ королю трафил сѧ и хочу поити у комору и лѧгу и велю прыправити много

свеч, абы ѡколо мене горѣли, и нехаи будет пры мне много людеи, и пошлю по Бова говоречы: Зовет тѧ корол, и ѡн мусит ко мнѣ прыити; а ты того пилнуи, штобы ѡн не въ зброи прышол, и пошлю єго до солдана. А ты справ лист до солдана, пишучы єму поздровлене и прыязнь, и єще напишы: Хто ти тот лист прынесет, то єст витез истыи Бово, которыи твоего сына доброго Лукапера убил; учыни над ним, што хочешъ, або вели єго ѡбесити.

И тогды Агулинъ написал лист и послал по Бова, и ѡн того-ж часу пошол и вошолъ в комору и пал перед старцэм на колени и рече: Пане, што велишъ? И рече єму старец: Велми збит єсми в тои битве и не вемъ, буду ли жывъ, для того хочу, абы ты поехалъ до солъдана: ѡт мене єго поздорови и проси єго, абы мѧ простилъ ѡт смерти сына єго Лукапера; а што тэж ѡнъ учынилъ моим людем, то ꙗ єму прощаю. Витезь Бово внималъ, иж бы то корол Арменил, (стр. 144) и старец далъ Бову лист и рече: Тот лист даи солдану и мов єму: Цару солдане, што ти тот лист укажет, то учыни.

Витез Бово узѧл лист и заховал и рече: Могу-ль понести зброю зъ собою? И ѡн рече: Не треба, поедь на иноходнику. Ѡ боже небескии, и того Бово ничого не познал, а панна Дружненна ни корол того не вѣдали! И Бово поехал. А коли такъ было, ꙗкъ писмо говорыть, ехал витезь Бово тры дни ни єдѧ ни пиѧ, кром зѣльѧ и коренѧ што по земли ростет. Ѡ боже, сватаѧ Мариѧ, матка божа, прыими Бова иж велми у злую дорогу входит! И почал перед себе гледѣти и увидел на ѡдном поли, аж стоить ѡдин дуб, а под тым дубом стоꙗл ѡдин богорадникъ, а перед ним лежалъ бохон хлѣба и вино. Витезь Бово к нему прыехал и зселъ з [и]находника и рече богораднику: Помози ти бог, єсли бы-сь хотѣлъ, рад бых с тобою єлъ. Ѡтказалъ єму пельгрым: Єсли рачыш, єжъ; и Бово почалъ єсти и взѧл ѡдинъ збанок пити, и пельгрым єму дал другии и рече: Пане, лепшеи сеє вино пии.

И коли Бово того вина напил сѧ, тот час заснул, занюж тоє вино было з одным зѣльємъ змешано. Витез Бово тутъ спал пѧть

днеи не пробужаӕ сѧ, а богорадникъ знал з Бова его мечъ добрыи и вселъ на Бовова конѧ и поехал проч и ѡставил своего подездъка, которыи уже был устал. И у пѧтыи день Бово пробудил сѧ и почал искати того богорадника и не нашол его и конѧ своего и доброго меча и почал тужыти: То ми далека дорога пѣшому ити, то есми у злыи час рожон. И вселъ на того подездка, ѡн конь под нимъ пал, иж не могъ его поднѧти. А небог Бово пошол пѣшъ день и другии и дошол города Задонии и вошол в город и на палац ушолъ; и увидел солъдан на кганку стоечы и бороду скубучы, велми плачучы, бо не давно прышол с под Армении, а своего сына великого Лукапера мертва ѡставил и сорок тисечеи своих людеи.

И прышед Бово, поклонил сѧ ему покорно и почал говорыти: Ваш панъ Махомет ховаеть великихъ и малых, которые суть в том городе, а звлаща царѧ солъдана. И цар ѡтказалъ: Добре-сь прышол (стр. 145), после, ѡтколе и которые вѣсти носиш? Рече Бово: Пане, ӕ из Армении ѡт королѧ Арменила, мною тобѣ послалъ поздровление и прыӕзнь и жедает, абы еси ему дал прощене ѡт смерти сына своего Лукапера; а король арменеискии тебе прощает на его побитых людеи, бо ѡн тэжъ у битве велми сѧ збилъ и велми сѧ боит смерти и хочет с тобою змирити сѧ первеи смерти за жывота. И дал ему лист; и солданъ узѧвшы лист, казал его чести, аж тое писано: То ест тот истыи, которыи забилъ твоего сына Лукапера своею рукою, послал есми его к тобе, абыс его казал ѡбесити.

Коли солъдан выслухал листа, и почал смотрети у виденэ Бову: Ӕ тѧ мало могу любити, што ты моего сына Лукапера убил; а хто тебе сюда послал, не маеть тѧ ни за ѡдин пѣнезь. И рече своим юнаком: Имите его. И Бово тое чулъ зъжавшы пѧсть и вдарыл ѡдного сарацэнина перед солданом, ѡнъ мертвъ пал на землю. И прыскочыли многие сарацэни и ухватили Бова и завезали ему назад руки и вкинули ему на ѡчы хусту, абы не виделъ куды его ведуть.

(Солъдан Бова казал ѡбесити) И казалъ его солданъ

ѡбесити, и повели Бова до шыбеницы чотырыста сарацэнов. И была в солдана дочка на имѧ Малгарыѧ, таꙗ прышла къ сольдану и рече ему: Государу ѡтче, выслухаи мене, Бово так добрыи витезь, иж на свете болшыи не може быти над него, коли ѡн убил Лукапера брата моего; а коли ѡставит бога своего а увѣрыт у Махомета, которыи ему можеть помочы, ты ми его даи за мужа, иж не маєшъ такого чоловѣка во всеи своеи державе, которыи бы мог твою земли здержати коли ты умреш, а Бово может царъство твоє здеръжати. И ѡн казал прывести Бова перед себе; и рекла Малгарыꙗ: Ꙗ сама поиду и верну его. И шла до шыбеницы, велела его вернути, и ѡни вернули, инакъ не смели учынити, и прывели Бова перед сѡлдана, и рече ему солдан: Брате, ꙗ бых рад с тобою миръ учынилъ, если ты усхочеш своего бога ѡставити а вѣрыти Махомету, которыи можеть тобѣ добре помочы, а хочу ти дати свою дочку за жону, а коли ꙗ умру, ты всего моего царъства коруну ѡзмеш (стр. 146) и будеш государъ болшъ трыдцати городов. Рече Бово: Того ꙗ не хочу вчынити, Господа Бога ѡставити а панну взѧти, котораѧ у твоеи земли росла. И велѣлъ солдан опѧт Бова ѡбѣсити. И еще Малгарыѧ почала ѡтцу говорыти: Ѡтче, даи его мнѣ, а ѧ вкину его у свою темницу, а не дамъ ему ести и пити, бо знаю, иж его Махомет ѡбернеть у нашу вѣру, а не даи его погубити.

(Сольданъ казалъ Бова в темницу усадити) И рече сольданъ: Впустите его в турму. А таѧ турма была болшеи сорока ступеневъ въ шырки, и ни ѡднаѧ душа в неи не была, толко ꙗщерыцы и змии. Небог Бово седелъ ни едѧ ни пиѧ; а ꙗкъ вышло днеи пѧть, царовна сама понесла ему ести и пити. И видел Бово у турми ѡдну змею, и просветила таѧ; ѡн ѡзрѣв сѧ и увиделъ ув-угле мѣчъ, которыи тутъ ѡт давных днеи стоꙗлъ, и взѧлъ тотъ мечъ, помыслилъ забити Мальгарыю. И ѡна тоє видечы рекла Бову: Што чыниш? Ꙗ хочу, штобы ты вбѣгъ, а прынесла есми тобѣ ести и пити. И Бово тому сѧ урадовал и мѣчъ кинул и почал ести и пити. Потом царевна Малгарыѧ по-

чала ѥму мовити: Брате Бово, послухаи мене: цудънеишое панъны над мене не знаидешъ, ѥсли хочеш, ѡтступи ѡт бога своего, возмеш коруну всее державы моего ѡтца. И рече Бово: Панно, того ꙗ не могу вчынити, с того везенѧ мене бог мои вызволить, але перво сѧ хочу дати розсечы, нижли ѡт бога ѡтступити и взѧти панну сее земли за жону, и не ѡпущу Дружненны, которую велми милую. Коли ѡна тоѥ чула, розъгневала сѧ велми и за малымъ не поведала ѡтцу, и ѡпѧт почала мыслити: Ѥсли повѣмъ, ѡн велить ѥго ѡбесити, и не буду ѥго мѣти у своѥи коморе. И пошла ѡт него, а солъданъ рече: Того вѧзнѧ вынмите и прыведите ко мнѣ, хочу сѧ доведати, хочет ли своего бога ѡставить вѣру, а вѣрыть у Махомэта; а ѥсли не хочеть, велю ѥго ѡбѣсить. А Бова стерегли у турме двадцат сарацэнинов; и впустили их семи у турму, штобы Бова вывели.

(Ѡ двадцати сарацэнинов, которых Бово в турме будучы позабивалъ) Коли ѡни прышли къ земли, почали кликати: Гдѣ ты, темничнику? велелъ тебе солдан вести вонъ и ѡбесить. И Бово скочыл и вдарыл ѡдного, и ѡн пал мертвъ на землю; и Бово и тых шести побилъ, а тыѥ, которыѥ на верху стоѧли, почали говорыти: Што там чыните, чому не ведете? (стр. 147) И ѡни не ѡтказали, иж были мертвы. И пошли другаѧ сем, витез Бово и тых побилъ на смерть и рече: Ѡ Боже и свѧтаѧ Марыѧ матко божѧ, час и годъ тот, коли мѧ солдан дал стеречы двадцатма рыцэромъ сарацэном, буду споминати, то ѥсми их чотырнадцати забил; а коли быхъ вышол вон, и тым быхъ головы постиналъ. И всѣлъ на коловорот, а сарацэны ѥго почали тѧгнути; ꙗк вытѧгнули, вынѧлъ мечъ и тымъ шестма головы постиналъ, кром ѡдинъ втек и почалъ верещати поведаючы, иж Бово утекъ, деветнадцати ставшы.

И довѣдалъ сѧ того солдан, иж Бово утек, и мовилъ тот сторож: Коли бых ꙗ не втекъ, и мене бы стал, и помог ѥму Махомэт втечы. И были у солъдана два дѧдковичы братеники, ѡдному имѧ Транкацын, а другому Абрам, были добрыѥ витези и скоро стали у зброи и побѣгли за Бовомъ на конехъ, а с ними

две тисечы воиска. А Бово полем бѣгъ, што может наборздеи, имѣлъ погинути.

(Бово забил Абрама) И догонилъ єго Абрам у зуполнои зброи и прыбол к нему, хотечы єго погубити, а Бово взѧлъ мечъ ув-обе руцэ и скочыл к нему и тѧл Абрама по гелму и ростѧл єму гелмъ и голову, и выпалъ мозок з головы. Абрам палъ с конѧ мертвъ, и Бово инѧл конѧ и борздо на него ускочылъ, и єще щыт на плечы въскинул и копє єго взѧлъ у руки. И догонил єго Транкацын, братъ Абрамов, тот был витезь велми хвалебныи, и виделъ своего брата мертва, забол к нему, мнимаючы ѡсветити смерть брата своего.

(Бово забилъ Трамкацына) И витез Бово забол конѧ и вдарылъ Трамкацына копєм, и ѡн пал с конѧ мертвъ. А Бово поехал боръздо къ мору и увидел ѡдно судно, ано хочеть ити за море, и вжо торъговцы ѡдопъхнути сѧ хотѣли. И прышолъ Бово и почалъ кликати говоречы: Панове, ꙗ єсми хрестѧнинъ, а втек с темницы ѡт солдана, держалъ мене годъ и тры мѣсецы. Длѧ бога вас прошу, повезите мѧ, хочу поити у свѧтоє крэщениє. И торговцы вчынили длѧ спасенꙗ, упустили єго в судно к собѣ и ѡтопхнули сѧ на море. А сарацынскоє воиско прытѧгнуло къ прыстанищу, и почали кликати купцом говоречы: Верните того млоденца, што утек с темницы ѡт царѧ солъдана; (стр. 148) єсли-ж єго не выдасте, не бываите у нашу землю ни купити ни продавати. Купцы хотѣли Бова выдати, и Бово видечы што єго хотѧть выдати, а там єго ѡбесѧть, взѧл меч и забил ѡдного купца. Видечы то другиє купцы, мѣли великую жалость и пали єму на колени говоречы: Пане, не чыни зла, хочем тѧ повезти гдѣ ты велиш. И Бово рече: Повезите мѧ под город Арменню; и ѡни рекли: На твою волю. И поднѧли парус и шли до Армении, нигде не станова сѧ. И коли хотѣли у прыстанища ку краю прыстати, вѣтръ великии ѡтпихал их ден и ноч, и не могли прыстати ку краю и ѡпѧт вернули сѧ. А была великаѧ фортувина, и Бово на поду стоꙗл, и назавтреи великии вѣтръ; и купъцы прыставшы на краи, и пошли купцы на потребу свою.

Бово погледѣлъ по мору и видел ѡдного рыбака по мору ездечы; Бово его прызвалъ к собе, и ѡн прыплылъ, и рече Бово: Маєшъ ли рыбы, што нам продати? И ѡн рекъ: Єст, пане, досыт. Бово почал говорыти рыбаком: Котораѧ то землѧ и хто ее держыт?— Пане, тому городу имѧ Момбрадъ, и в немъ корол Маркобрун, а тотъ нине чынить великоє веселиє в городе, узѧл дочку королѧ Арменила, красную Дружненну. А коли ѡна тутъ с нимъ прыехала, ѡна просила єго, абы не спал с нею до году; длѧ того ѡна учынила, покул Бова забудет. Крол на томъ еи шлюбил, а то вже ѡт того днѧ до нинешнего днѧ годъ. И Бово уздохнул и рече: То єст нине тот день, што сѧ мають соити; и рекъ рыбаку: Повези мѧ ку краю у своєи лоди, на том пиру хочу быти, бо не можеть лепшого скомороха над мене быти. И рече торговцом: Платите за рыбу рыбаку. Ѡни рекли: Што єму платити? Рече Бово: Даите єму двадцать литръ злота. И ѡни дали.

И убрал сѧ Бово у золотыє шаты и улез у лодю к рыбаку и пошолъ морем. И торговцы узрадовали сѧ, што єго збыли. А рыбак єго прывез на краи, и Бово хватил у свою калиту и нашол пѧть болванцовъ золотых и далъ рыбаку и рече: Добре-ль ти плачоно? И ѡн (стр. 149) рече: Добре, пане, бог ти помож, покул єсми жыв, не буду рыбами торговати.

Витезь Бово шол по краи мора и почал мыслити: Ꙗк ѧ могу увоити у городъ Момбрад, а ѧ в цудных шатах? Єсли мѧ стрѣтить крол Маркобрун, можеть мѧ познати, а за то, што єсми єго збил, кажэ мѧ ѡбесити ꙗкъ злодеѧ. И узрыть на поли дуб, а под нимъ стоить богорадникъ ѡдин, што сѧ зоветь пельгрым; и прышед к нему и рече: Даи ми свое шаты роздраны, а возми мое золотыє. И рече єму пелгрым: Того не хочу вчынити, иж не могу хлѣба выпросити у тых шатахъ, а змѡвать ми люди: Украл єси ихъ. Бово прыступил к нему и възвернулъ єму гуню на голову и убачыл под гунею мечъ, познал свои мѣчъ добрыи кглѧренцыю и вынѧл єго, ѡгледал и рече єму: То ест мои мечъ, дала ми єго племенида Дружненна коли мѧ витеземъ поставила. Ты-сь пелгрым, которыи мѧ ѡчаровал злым питьемъ, коли єсми шол

к солдану в посельство. Курвинъ сыну, даи ти бог зло, тепер єсми вспоменулъ, ты мнѣ дал ести и пити и ѡкормилъ мѧ ѡдным ѡкормом и взѧл ми єси мечъ, которым бых ꙗ тисечу сарацэнов мог постинати. Ѡт тебе ꙗ у солдана у темницы седел, длѧ того твоего учынку добрым ти хочу платити. И вдарыл єго больдицою и тым ударомъ пробилъ єму тры ребра. Пельгрым пал предъ Бовом и рече єму: Пане, длѧ бога не вчыни ми зла, дам ти ѡдно зѣльє бѣло ꙗкъ снѣгъ, а хто бы сѧ имъ умылъ, будет чорныи ꙗкъ уголь; и єще ти дамъ другоє зѣльє: хто бы єго розмешавшы з вином хотѧ мало укусилъ, три дни не пробужаꙗ сѧ будеть спал. Витез Бово рече: Даи ми тыє зѣльѧ. И пелгрым далъ; Бово взѧл и рече: Будеть ми єго потреба ув-одинъ час; и сховалъ тоє корэньє и ѡболокъ сѧ в розодраныє свиты, а свои єму дал и мечъ свои под гуню прыпоєсалъ и вчынил сѧ чорнымъ и пошолъ къ городу и влез у город. И видел трех гражан, а ѡни стоꙗть в ѡдном угле, и видевшы почали межы собою говорыти: Виделъ ли хто так великого пелгрыма ходечы? И ѡдин с нихъ рече: Ѡткуле єси и с которое земли и куды идешъ, (стр. 150) поведь намъ. И Бово єму рече: Ꙗ єсми из Францэи, а было нас сем тисеч, шли єсмо через море и вси погинули, разве ꙗ втекъ; длѧ бога, будте на ме ласкавы и за милость доброго витезѧ Бова даите ми. И прыступил ѡдин гражанин, вдарыл єго за вхо-и рече: Пельгрыме, ты не ведаєш тутошнего ѡбычаю: нашъ кроль Маркобрун взѧл кролевну Дружненну из Армении града, ѡна єго на то прывела, абы сѧ заклѧл на эвангелеи, коли будеть в семъ местцу, абы съ нею Маркобрунъ не спалъ до году ѡт того днѧ, в которыи тут прышла, длѧ милости того Бова, которого єси перед нами успоменулъ; а то єси зле рек, ижъ за єго милость просишъ, а нине ѡни маютъ злучыти сѧ на любовъ. Поиди-ш собѣ у палац, тамъ чынѧть великиє прыправы к обѣду, бо звано каждого чоловѣка на ѡбѣдъ, и кождыи тобѣ даст по пѣнезю. Бово имъ подѧковал и пошол на двор и вполъ в кухню, гдѣ стоꙗли кухары; Бово прыступил, почал говорыти: Даите длѧ бога и за милость доброго витезѧ Бова.

(Бово забил кухара) И встал ѡдин кухаръ и взѧлъ головню горачую и вдарыл Бово по голове и всю гуню ему ѡпалилъ; и Бово был велми жалостен, а взѧл головню и вдарыл кухара по голове, ѡн пал мертвъ, а мозок и ѡчы єму выскочыли; и другого вдарыл, ѡдин ѡсталъ, и вси вонъ побегли, а тому бок выбилъ.

И пошол Бово на палац и стретил ѡдного дворѧнина и рече Бову: Даи ти Бог зло, чому еси убил кухара? И рече Бово: Пане, выслухаи мѧ: ꙗ в них просилъ длѧ бога, а ѡнъ мѧ вдарыл головнею и всего мѧ зъжогъ, а ꙗ сѧ єму боронил. Не меи ми за зле.

И ѡн рече: Брате богораднику, бог тѧ уховаи, а ꙗ тобѣ ражу: поиди в комору, бо в коморе Дружненна и иныхъ великих панеи много, а проси в нихъ про бог. Бово вшолъ в комору и виделъ панеи, а ѡни седѧть на ѡбѣде за столом; и Бово прыступил ближеи и вслонилъ сѧ на посохъ, рече паниꙗмъ: Длѧ бога вас прошу и за милость доброго витезѧ Бова. Коли чула Дружненна именуючы Бова, не могла болшеи ести ни пити и пошла къ пелгрыму и рекла єму: Видел ли еси гдѣ Бова? Ꙗкъ єго знаеш, што єго длѧ просиш? Не вѣдаешъ обычаꙗ, которыи тут уставлен: хто Бова помѧнеть, (стр. 151) мает быти ѡбешон. Але гдѣ ты, пелгрыме, Бова видел? И рече Бово: Ꙗ ти хочу тут поведати, так ми бог помози. Седѣл єсми у солъдана въ темницы годъ и тры мѣсецы. Будучи племенида Дружненна з Бовом в тои розмове, и услышал конь Бововъ и познал голос пана своего, почал ръзати так моцно, мало сѧ весь град не рострасъ, и мало семерых желѣзъ не розбил: ѡнъ был ѡт чотырох наболшыхъ, которые у граде хованы. И рече Бово: Што то за конь? И ѡна рекла: То ест конь, которого єсми дала витезю Бово, и єго зброю прынесла єсми зъ собою, иж былъ Бово в ѡдин часъ мои человекъ; а купил єго ѡтец мои за пенези, и поведал сѧ млынаровичом, а ѡн былъ сын ѡдного королѧ, которому было имѧ Кгвидон, з города Антонѧ. И в тот час прышли сарацэны из за морѧ, царъ солдан и сын єго Лукаперъ з великого града Задонии, и болшеи ста тисечъ воиска збройного. И прышол мои ѡтецъ и Маркобрун, и поимали моего ѡтца и Маркобруна, а ꙗ, злочаст-

ница, поставила Бова в тот час витезем и тогды сѧ есми довѣдала, хто его ѡтец. И забил Бово поганого Лукапера и большеи тисечы сарацынов головы стял и моего ѡтца и Маркобруна ѡсвободил, и ѡпѧт тое-ж ночы невѣмъ куды пошол, и до сего часу есми его не видала. А Маркобрун выпросил мѧ у ѡтца моего, але бог вѣдаеть, што на то не была волѧ моꙗ, што ми ѡтец мои его за мужа дал. И ѡт того часу и до нинешнего днѧ невесела есми ни день ни ноч длѧ милости Бововы, которого велми милую, а ѡн мене. А коли быхъ его видела, ꙗ бых с ним пошла; длѧ того есми прывела конѧ его и зброю его зъ собою прынесла; а конь не дает сѧ ни ѡдному чоловѣку повести, кромѧ мнѣ, злочастницы, а вже убил семнадцати юнаков, докуль в тои стаини поставлен. А все то чынить длѧ своего пана Бова.

Вроженаꙗ панна то говорыть, а сама плачеть. И в тот час увошол Маркобрун и рече: Пелгрыму, даи ти бог зло, што ты говорыш моеи жоне иж ѡна велми плачеть. И рече Дружненна: Пане, недивно што ꙗ плачу, ѡн ест прышол з двора ѡтца моего и поведаеть ми, што моꙗ матка умерла. И рече кроль панеи: Даи ему ести. А добрыи конь все ръзал, чуючы своего пана. (стр. 152) И рече пелгрымъ: Могу ꙗ прыити к тому коню, а могу его злечыти до трех ден, занюж лѣкара лепъшого над мене не може быти на свѣте: можеть на немъ кождыи хлопец ехати, ѡдно мѧ к тому коню поведи. И потом прышол опѧт Маркобрун, и Друженна ему рекла: Выслухаи, королю, што тот пелгрымъ говорыть: поведаеть сѧ наилепшымъ коньскимъ мистромъ, не можеть быти жадныи пудкии конь ни дикии, которого бы ѡн не могъ укротити. И рече кроль: Єсли бы то была правда, ꙗк ѡнъ говорыть, хочу ему дати четвертую част Момбрада, а две тисечы конников, штобы ему служыли.

И взѧлъ пелгрыма за руку, а Дружненна за руку за другую, и пошли до конѧ в конюшню. Конь вчынилъ велико ръзане и ланцухи покрышил; а кроль Маркобрунъ упалъ и не хотелъ тут стоꙗти и пошол з стаини, а ворота сѧ за ним затворыли, и ѡн мнималъ, иж его конь хочеть забити. А Дружненъна

с пелгрымом ѡстали сѧ въ стаини, и корол пошолъ с паны у палац. И што то вчынил конь добрыи? И всталъ на задние ноги, а передние ноги положыл Бову на плечы и поцаловал усты Бова; а коли бы тот конь умелъ говорыти, рекъ бы єму: Добре єси прышол, пане. И ѡпат сѧ ѡпустил на землю.

И Дружнена рекла: Ѡчаровал єси, шатане, єго, ꙗкъ борздо к тобѣ прывыкъ! Рече Бово: Не дивно то, што конь мене позналъ: ꙗ єст Бово, которого ты жалеєш. И ѡна рекла: Бог вѣ, ты лъжеш, а где-ж пакъ добрыи мечь, которымъ тѧ єсми ѡпасала? И Бово възналъ гуню, выналъ меч кгларенцыю, и ѡна рекла: Соими клобук, укажы тот знак, што єсми лечыла тебе ув-ѡтца своего, коли єси был с ѡдное скалы спал. И Бово клобук знѧл, и ѡна єго познала. Аи боже! Почали сѧ велми цаловати, и рече Дружненна Бову: Хочеш ли у дворе зостати, чы-ли хочемо єхати? Рече Бово: ѧ хочу в дорогу, даи ми мою зброю. И ѡна пошла на палацъ. И коли єе увидел Маркобрун, пошол к неи и рече: Гдѣ єст пелгрымъ? чы-ли єго конь зъел, або убил? Ѡна рекла: Єст у стаини пры коню, а хочеть єго нине злечыти и укротити, хочу єму велѣти дати постель, нехаи и спить пры кони у стаини, нехаи к нему прывыкаєть и в дни и в ночы. И рекъ кроль: Учыни по твоєи воли. И ѡна взѧла (стр. 153) в коморе всю зуполную зброю и увезала в постелю и велела понести до стаини, а сама в тот час шла в комору до ложы. И прышолъ к неи кроль, бо вжо было час до ложы, а Дружненна борздо змыслила и чашу забытного питьѧ дала єму, и ѡн скоро єе выпил, тот час заснулъ. А Дружненна шла борздо до стаини, аж витез Бово в зуполнои зброи и гелмъ на голову прыправил и мечом сѧ ѡпасал, щыт взложыл на руку и взѧл толъстоє копъє под паху и скочыл на конѧ и за стрымѧ сѧ не прынѧл и не розминул сѧ бы с тисѧчою витезеи. А Дружненна на прудца усѣла и выехали с твердого Момбрада, а в тую ночъ двадцать миль переехали. А назавтреи, ꙗкъ зора узашла, Дружнена не могла єхати, што была велми спрацовала сѧ, и рече Бову: Хотѣла бых ꙗ зъсѣсти, иж не могу єхати; длѧ бога, положы мѧ тут близко сту-

денца. И Бово ее зъсадилъ, ѡна умыла руки, а Бово конѧ прывезалъ и напоилъ его, умыл руки, и прышодъ къ Дружненьне и ухватил ее за груди и спал с нею треичы. И на томъ месте почала Дружненна два сыны, ꙗко писмо говорыть: ѡдин хочеть быти кроль, а другии княже. Бово тот час заснулъ, занюжъ не ведалъ, што маеть на него прыити, а коли бы ведал, ѡн бы не становил сѧ. Але сѧ опѧт вернимо.

Коли сѧ пробудил Маркобрун и не нашол подле себе Дружненны, зменила сѧ ему парсуна, и пошол до стаини, гдѣ конь стоꙗл, и не нашол тамъ ни конѧ ни пелгрыма, и сѣлъ у великом плачу, а велел у рог трубити. И прышло великое воиско людства к нему, и рече имъ: Мое витези, тепер ми вас потреба: прышол Бово зъ Антониꙗ, пелгрымом сѧ учынил, ѡтвелъ ми красную Дружненну и доброго конѧ. Прысегам богу, хочу за ним поити с трыдцатма тисечми воиска конного, которые суть у граде. И тут был у королѧ ѡдин мудрыи чоловѣкъ, именем Мамродо, ѡн завжды королю добре радил и рече: Кролю, тое ночы Бово двадцать миль уехал, а нине можеть другую двадцать миль уехати, а в тебе ест ѡдинъ чоловѣкъ, именемъ Пулкан, ꙗкии сѧ чоловѣкъ не можеть наити над него: ѡн можеть на трыдцѧт тисечеи конных ударыти. Маеть ѡбразъ чоловечыи и руки и перси (стр. 154) шыроки, до поеса чоловѣкъ, ано нижеи ꙗк пес, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест, а николи на конѧ не всeдал, завжды пѣшъ хожывал, и нѣт на свете конѧ, которого бы ѡн не втекъ. А коли ѡн идеть за двѣ мили, звукъ его чуть; а ѡн естъ твои чоловѣкъ, а ты его даруи ѡт твоего имениꙗ, ѡн ти может прывести Бова и Дружненну. И рече крол: Добре ми еси радилъ, занюж коли бы воиско великое пошло, не перешло бы болшеи трех миль за ден, иж воиско почываючы идеть. И послал корол по Пулкана, а ѡн прышол и рече: Пане, што велиш? Король рече: Й ти повѣмъ: прышол Бово из Антониꙗ, ѡтвелъ ми Дружненну и конѧ; а если ми их ты можеш прывести, Бова хочу повѣсити, а Дружненну зъжечы, а тебе хочу ѡсвободити и дам тобѣ четвертую часть Момбрада и тисечу конниковъ, абы тобе служыли, и хочу ти дати

ѡдну панъну за жону. И Пулканъ тому сѧ узрадовал и рече: Пане, могу тобѣ ихъ прывести перво, нижъ три дни выидут. И почал сѧ радити и взѧлъ тры жерди, ꙗкъ всегды звыкъ, и пошол за Бовом, и виделъ сѧ ꙗк дъꙗбол с пекла, побегъ полемъ. И третего днѧ почал догонѧти Бова; то была великаꙗ ѡхота Пулькановa за Бовомъ, а его звукъ за две мили было чуть. Племенида Дружненна тоє чувшы рекла Бову: Пане, улѣзьмо в тот луг, иж за нами ѡдин дъꙗболъ ѧвныи, имѧ єму ест Пулкан, ѡт пса и ѡт жоны рожон ест и много конников погубил, и нетъ чоловѣка на свете, которыи бы сѧ єму спретивилъ; ꙗ тебе прошу, улезмо у тотъ луг. И рече Бово: Не помози єму бог и светаѧ Марыѧ матка божа, если ꙗ мам ѡт ѡдного чоловѣка погинути. И скочыл на своего конѧ и взѧл сулицу у руку и щыт на плечо и стал серед дороги. И в тот час прышол Пулканъ и почал волати: Не можешъ утечы, ты будеш ѡбешон, а Дружненна сожжена. Бово єму ѡтказал: Прыꙗтелю, мысль тѧ заводить, перво сѧ дамъ розсечы, нижъ быс мѧ повел.

(Битва Бовова с Пульканом) А Пульканъ прыскочылъ и кинул на него ѡдну жердь, и коли-б Бово щытомъ не заложыл сѧ, на том же бы мѣстцу єго пробил; а з другое стороны богъ ест защытилъ, што его не вдарылъ. И рече: То ест ѡдин дъꙗбол, што с пекла выгнанъ. И почали сѧ бити копьꙗми; (стр. 155) Пулканъ вдарыл Бова по гелму, гелмъ был моцон, пробити не могъ, а Бово прыгнул сѧ на седелныи лук; и велми смутен был Бово, не мог Пулкана ударыти никакож, и скинул копє и скочыл с конѧ и вскинул узду на седло, а щыт ѡбернулъ на плечы, и взѧл мѣчъ въ обе руцэ, внимал вдарыти Пулкана и прыскочы к нему, а Пулкан скочыл через мечъ, а мечъ сѧ в землю забилъ, а Бово мало не здох ѡт жалости, а Пулькан єму далъ ѡдинъ удар у щыт. Великъ былъ удар, што Пулькан учынилъ, ѡт того вдару Бово упал на колени, весь изблѣдъ и рече: Аи боже створытелю небескии, уховаи мѧ, пане, ѡт смерти. Еще то вамъ скажем, што вчынил добрыи конь: коли тот конь виделъ своего пана зле падшы на земълю, пошол къ Пулькану велми боръздо и вдарыл его всими

ногами чотырма; а Пульканъ с тым велми умѣлъ и вскочыл на конѧ у седло, и добрыи конь познал, што на нем не его пан, и почалъ валати сѧ по земли, а Пулкан не спал с конѧ, и конь шол под ним у наигущыи луг и содралъ ему всю парсуну и не мог скинути и вернулъ сѧ ѡпѧт к тому мѣстцу. Племенида Дружненна видела, што вчынил добрыи конь, и мела велику жалость и пала на колена, с правого серца почала бога просити: Боже, которыи еси прынѧл муки за насъ грѣшных, которыи еси створыл свѣт, небо и землю и море, и Адама еси сотворыл и его жону Евъву учынил еси их з глины, и подал еси им все створене, кромѧ ѡдного овоща, што было напретив имъ; ѡнаѧ Єевъва ела и мужу дала, и дъꙗбол на них вражду учынил, иж по свету ходечы зло чынить; тамъ был кождыи згинул, злыи и добрыи, ты еси зъшол за нашы грехи, которыи еси в блогословенъную панну вступилъ, ѡдъ нее еси рожен! Мы вѣдаем дванадцать учэников твоих, которых еси мѣлъ, и ѡдин з нихъ тебе выдал за трыдцать пенезеи зрадне; и за насъ еси муки терпѣлъ, и ꙗк тебе Логвин ударылъ под правую пазуху, и вышла кров и вода, и таꙗ кров ему злила сѧ на парсуну, и ѡн прозрѣлъ на светъ ѡчыма и виделъ, што зле учинилъ, почалъ тебе просити; и в третии день з мертвых еси всталъ (стр. 156) и вказалъ сѧ ученикомъ и вшол еси на небеса; а мы то добре знаем. Ꙗ тебе прошу, учыни милость, уховаи моего друга Бова, абы не вмер, а ни поведен у темницу соромотно. А добрыи конь идеть против своему пану. И рече Пульканъ: Аи боже и светаꙗ Марыѧ! ꙗкъ добрыи конь своему пану вѣренъ! А Дружненна почала говорыти: Пулкане, послухаи мѧ, чому сѧ не хочеш домыслити? Коли тебе Маркобрун прывелъ зъ собою у двор ѡтца моего, тогды есми тебе ховала, и узрос еси у моего ѡтца дворе и злым ми хочешъ то платити! А коли бы еси з Бовом зъеднал сѧ мир деръжати и з ним товарышыти, на всем бы свѣте не нашли сѧ лѣпшые товарышы надъ вас. Рече Пулкан: Ꙗ сѧ рад велми хочу змирити, але не вѣмъ, если Бово усхочеть; если бы ѡн хотѣлъ, ꙗ бых пошол с нимъ, иж таких двух другов не може быти: ꙗ Пулкан не видел есми ни ѡдного

чоловѣка, хто бы сѧ мнѣ спротивилъ. А Бово вже велми спрацовал сѧ и не мог большеи бити сѧ. И рече Пулкан Бову: Пане, хочеш ли ты со мною зъеднати сѧ? Не хочу ѡт тебе ѡтлучыти сѧ, хочу поити с тобою.

Бово єму ѡтказалъ: Пулкане, нехаи будеть на твою волю, а ꙗ хочу с тобою змирыти сѧ. И тот часъ ѡба кинули мечы на землю и вложыли шлюб межы собою и ухватили сѧ за горло и почали сѧ цаловати. И змирывшы Бово всѣлъ на конѧ, а Дружненна на иноходника, а Пулькан пѣшъ пошол; и прышли ку ѡднои горе и убачыли на неи замок ѡдного великого кнѧжати; имѧ тому городу Костел, а кнѧжати имѧ Ѡрыл. И рече Бово Пулкану: Чыи то город? И рече Пулканъ: То ест город Маркобруна, и взѧл єму ѡдинъ витез, кнѧжа Ѡрыл, маеть в себе унутры города пѧть тисечеи витезеи и иных юнаков, все на добрых конѧхъ зброиныхъ, и сам в городе жыветь и на кождыи ден ѡни мають бѣгати па конех воюючы Маркобруна. И рече Бово Пулкану: У тот город добро нам поити, можеть нам кнѧже Ѡрыл великую честь учынити. Рече Дружненна: То ест моꙗ ѡтчызна. Пулькан рече: Правду говорыш. И коли были перед городомъ, (стр. 157) рече Пулкан воротному: Ѡтворы ворота, хочем поити у город. И воротныи рече: Не пущу вас. А Пулкан скочыл через стену и ѡтворыл ворота и ѡпустил узвод, и Бово з Дружненною уехали у город и поехали по городу никому зла не чынечы, и увидели, гдѣ седел кнѧжа на кганку, а не было з ним никого, толко ѡдна жона єго.

Коли кнѧже видел Пулкана, и рекла єму жона: Ходить Пулкан, а с ним едеть ѡдинъ витез и пани, а надевам сѧ, што ест витез Бово, которыи взѧл Дружненну у королѧ Маркобруна. А ѡни шли до палацу, княже Ѡрылъ пошолъ против Бова, жона єго противъ Дружненны, и рече еи: Родичко, што сѧ тебе поткало? А Дружненъна почала поведати все по раду, ꙗкъ ее Бово украл у Маркобруна, нарадившы сѧ пелгрымом, и ꙗкъ сѧ с Пулканом бил, а ни ѡдин другого не добыл, и ѡни сѧ змирыли. И было потом час поити къ обѣду, и селъ Бово за стол из своею

Дружненною; и в тот час Маркобрун прышолъ под замок, и з ним трыдцать тисечеи воиска, все на добрых конѧх и въ зуполных зброюх, и велелъ шатры поставити и сам вселъ на конь безъ зброи, узложыл на себе ѡдин плащъ и поехал до города Костела, и прыехавшы близко, вызвал к собѣ воротного и рече: Поиди до кнѧжати, нехаи прыидеть ко мнѣ и говорыть со мною. И воротныи пошол и нашолъ кнѧже Ѡрыла, а ѡн з Дружненною за столом седить, и рече: Кнѧже, король Маркобрун прыехал к воротамъ и зоветь тѧ говорыти зъ собою, а ѡн ест самъ ѡдин и без зброи. И встал Ѡрыл, рече витезю Бову: Што велиш? Мов. — Ѩк сѧ бога боиш, поиди, але вѣдаю, чого ѡнъ прышолъ.

Кнѧже Ѡрыл шолъ к воротамъ и видел королѧ и рече: Добре єси прышолъ, королю, што кажеш? Рече король: Брате, то добре вѣдаєш, иж то городъ мои, а ты ми єго держышъ кгвалтом; але мнѣ ѡн не стоить ни за пенез, але ты не хочешъ со мною змирыти сѧ и воюеш мѧ ходечы под мои город, и ꙗ бых сѧ с тобою хотел зъеднать, коли бы ми ты выдал Пулкана и Бова и Дружненну. И рече Ѡрылъ: Пане, ꙗ того не могу вчынити, такое зрады двум витезем. А так кнѧжа Ѡрылъ ѡпѧть вернулъ сѧ и рече Маркобруну: Велю тѧ слонами убить. А Маркобрунъ поехалъ ѡпѧть к воиску до шатровъ и велелъ воиску у зброи (стр. 158) убирати сѧ, а Ѡрылъ прышол на палац, и почал его Бово пытати, што говорыл Маркобрун, и ѡн єму все поведал. И рече Бово Пулкану: Вбираимо сѧ. И Бово и Пулькан стали у зброи, и рече Бово Пулкану: Ѩ хочу поити на тоє воиско, а ты тут стережы Дружненны, абы єи ꙗкаꙗ зрада не стала. И рече Пульканъ: Нехаи будеть на твою волю, брате. Витез Бово скочыл на свои конь и рече кнѧжати: Пошли со мною своє воиско, хочу сѧ ѡ королѧ покусити, если буду мог.

(Битва Бовова з воиском королѧ Маркобруна) Витез Бово выєхал з воискомъ з города и пошол на королѧ Маркобруна и стрѣтилъ воєводу королева. И вдарыли сѧ древы, Бово вдарыл воеводу у щыт и щытъ єму ѡбилъ и зброю ему пробилъ, а воєвода палъ мертвъ на землю, и копи поломали на много уруш-

ков. И тот час Бово пятнадцать витезеи добрых мертвыхъ учынил и тут великую битву учынилъ. Витезь Бово добыл меча и многим головы постинал; и коли виделъ княже Ѡрыл храбрость Бовову, ѡн уружыл ся и пять тисеч воиска вывелъ из города противъ воиску кролеву.

(Битва короля Маркобруна с княжатемъ Ѡрыломъ) И увидел их Маркобрун, ѡбернул до них и забол коня, ударыл княжа копємъ у щыт, щытъ єму пробил, а зброя была добра, ѡт смерти єго уховала, и скинул єго с коня на землю, и королевы к нему прыбегшы ухватили єго. И казал у рог трубити и пошол своєю дорогою из своимъ воиском, а княжа Ѡрыла повел звезаного.

И коли витез Бово воиско побилъ и поле взялъ, а того не вѣдалъ, што король княже ухватил. Витезь Бово прыехал у городъ Костел, ажъ ворота городовые ѡтворены, а жона княжати седить з Дружненною плачучы. Бово рече: Бог вѣ, не вѣмъ чого плачете. Ѡни рекли: Пане, кроль Маркобрун ѡтвелъ княже.

Витез Бово рече: Тепер же иду за ним. Рече пани: Пане, для бога не иди, ховаимы города Костела. И тыє сто конников вошли в город, которые з Бовомъ ходили къ битве, а Маркобрун всадил княже в темницу и ѡпятъ велел єго перед себе прывести и рече єму: Брате, послухаи, хочу с тобою умову вчынити, хочу ти дати Костелъ град и на кождыи год десеть литръ злота, а ты ми даи Бова и Пулькана и Дружненну. А хочу тя завътра пустити. (стр. 159) Рече Ѡрыл: Пане, того я не могу вчынити, первеи ся хочу дати на розсечене, нижли бых мѣлъ тым двум витезем зраду вчынити. И велелъ на поли кол убити и к нему прывезалъ княже и велелъ позвати двадцать добрых молодцовъ, абы ножы боли княже. И король ѡпят ему рекъ: Хочу ти водлуг первое умовы вчынити, иж тебе пущу, а ты зберы в городе тисечу молодцов, а нехаи на постели убъють Бова и Пулкана, а ты ми даи своих сыновъ в закладе, а я хочу поехати с тобою до Костела и хочу в лузе скрыти ся, поки ми то справишъ.

Видечы то княже, што иначеи не може быти, ку тому прыз-

волил и послал по свои два сыны и дал ихъ в заставе. Княже вшолъ у город, а корол у луг; и вшодшы княже в город и рече: Втекъ єсми; и шол по городу в ночы и собрал сто юнаков збройных и велѣлъ имъ поити у великии палац, а сам шол у свою комору. И Пулкан почул много людеи ходечы по палацу, гдѣ Бово спалъ, и заса Пульканъ шолъ до ложницы, где княже спало изъ своєю жоною, и почулъ, што княже говорыть жоне, ꙗкъ с королемъ умовил и ꙗкъ собрал сто юнаков; и хочу сее ночы Бова и Пулкана и Дружненну ухватити и хочу дати ихъ Маркобруну; але коли быхъ ꙗ (не) замешкалъ, бо єсми єму своихъ два сыны далъ у поруцэ, а коли ихъ [не] выдам, ѡн ихъ маеть повешати. И рече єму жона єго: Пане, нехаи тоє рѣчы, лепеи хочу, абы мои сыны померли, нижли бы тыє два рыцэры погинули. И за тоє ее княже вдарыл по виденю, и кровъ єи линула сѧ з носа.

И Пулькан чуючы княжатские рѣчы, и мѣлъ смертную жалость и вдарыл у дверы и розбил ихъ и шол боръздо къ постели Ѡрылове, а не мѣлъ пры собѣ ничого, толко ѡдин ножъ, и ухватил єго сонного за волосы и вдарыл єго трыкроть ножомъ и кинул єго мертва. А Пулькан шол в палац и взѧл мѣчъ и увиделъ конники, шол на них з мечом, и ѡни вси розбегли сѧ и поховали сѧ, куды хто мог. А Пулькан шол до коморы, гдѣ Бово спал, и поведалъ єму все по раду. И с тоє повести Бово убрал сѧ у зброю и всѣлъ на конь, а Дружненна на инаходника всела, и поехали з города. И едучы ѡт того города Костела и увидели воиско королѧ Маркобруново; Дружненна не могла ехати занюж была (стр. 160) ѡт бремени тѧжка, а Пулкан в тои земли был не свѣдом; и рече Пулканъ: Бово брате, поиди ты с панею тою дорогою, а ꙗ хочу поити тоє воиско пробити. Витез Бово поехал с панею тою дорогою, которою Пулькан велел, а Пулкан взѧ мѣчъ у ѡбе руцэ и прыбег къ воиску и почалъ чынити жестокиє вдарцы на право и на лево: комуколвек дал ѡдин вдар, тотъ пал мертвъ на землю; и розбил воиско на двѣ части и ѡбернулъ сѧ ку ѡдной стороне, и стретилъ єго ѡдин полкъ королѧ Маркобруна, и побил ихъ и повезал ихъ, кони погнал передъ собою.

И догонилъ Бово и рече: Мы єсмо добре дошли в тои земли. Пулкан велми сѧ здобыл; и рече Бово: Подмо тамъ, гдѣ єси гуфъ побил. И прышли къ шатром и не нашли в шатрех ничого и побрали шатры; а Дружненна не могла большеи ехати, иж была в девети мѣсецов вступила; и ѡни въехали у ѡдин лугъ и тут роспѧли шатер.

(Порожене кролевны Дружненны двухъ сынов) И тут кролевна Дружненна родила два сыны и нарекла ѡдному имѧ Симбалъдо, а другому Кгвидон, и маютъ прыити на великую добротъ, иж на свете большых витезеи над нихъ не будеть. Пулькан тых ѡбоє детеи прынѧл, а Дружненъне дал ести и пити, иж ѡн был тут усюды свѣдомъ усюды ходечы.

И былъ слухъ по всем свѣте, иж взѧлъ Бово Дружненну королю Маркобруну, и прышолъ тот слухъ у Арменію до королѧ Арменила.

И слышалъ то корол Арменилъ, велелъ десеть голеи направити и послал по всих городех искати, гдѣ бы хто могъ чуть Бова и Дружненну, и прыказалъ абы воиско збирало сѧ. А витез Бово рече: Брате Пулкане, поити хочу до прыстанища къ мору, а тобѣ полецамъ жону мою и дѣти: ты стережы; ачеи прыидеть крол Арменилъ з воиском на прыстанище з мора, ꙗ быхъ воиско розогнал, и пошли быхмо у Арменію. Рече Пулкан: Поедь, брате, богу тѧ полецамъ. Бово поехал, а Пулкана пры Дружненне и пры дѣтѧх ѡставил. И коли Бово на ѡдну дорогу был прышол къ мору до прыстанища, и коли Пулкан ѡсталъ с панею в шатре, и Дружненъна сидела држечы дѣти перед шатром, и в тот час выбегла кошуба с краꙗ луга через поле (стр. 161) мимо шатры близко, а за нею два львы. И увидела Дружненна львы, и ѡни близко к неи идуть, и ѡна мѣла смертныи страх и крикнула всимъ голосом: Помагаи, Пулкане; а ѡн спал под ѡдным дубомъ. Ѡи Боже, свѧтаꙗ Марыѧ, ꙗкоє зло учынила пани, иж закрычала; а коли бы молъчала, лвы ничого не чынили.

(Пулканъ умеръ отъ львовъ) И пробудил сѧ Пулкан и видел лвы, а ѡни из шатра вышли; ѡн скочылъ и вдарылъ

лва по голове мечом, и ѡн палъ мертвъ на землю; а другии левъ скочылъ къ Пулкану и вдарыл его ногтами у перси и пробил зброю и вси ногти у сэрцэ єго угрузил, а Пулкан тал лва по голове мечом, и ѡба в тот час пали мертвы. А Дружненна в тот часъ мѣла великую жалость и почала тужыти и мѣла великии страх, не смѣла тут быти и взала свои сыны в руки и пошла тым лугом ѡдною стежкою, котораꙗ вела къ мору, искати Бова. Коли прышла на прыстанище и не нашла Бова, и тамъ єго не нашедшы пошла, ищучы Бова по свету и по городех. А Бова искалъ воиска у прыстанищы и не нашедшы вернул са ѡпат къ шатру къ Пулкану и к Дружненне и къ дѣтамъ, и нашолъ Пулкана мертва и два лвы мертвых и мнимал, иж бы тыє лвы зъели Дружненну и дѣти, а Пулкан за их бил са, и ѡны и Пулкана загубили. И мелъ Бово великую жалость и не вѣдал, што зъ собою чынити, и почал велми тужыти, аж и памети ѡтбылъ. И ѡпат коли са въспомнел, зъселъ с кона и взал Пулькана перед себе на конь и понес ку ѡдной ѡпатии и положыл его в цэръкви в добромъ гробе.

И поехалъ ѡттуле ко светому Семиѡну и уехал ув-ѡдин город, а нашол в городе сто конников збройных, которыхъ собралъ ѡдин витез, готуючы са некуды прочъ. И Бово не смѣлъ своего кона ѡтыити и прывезалъ его велми коротко, абы иных конеи не бил. Таковыи был конь у Бова: жадному не дал к собѣ прыступити, толко самому Бову; и прывезал кона, вшолъ у палацъ городовыи, а в нем было много добрых людеи. И видел са им Бово велми добрыи рыцэр, и вси против его встали; и был тут ѡдин чоловѣкъ добрыи Рычардо (стр. 162) и рече Бову: Добре єси прышол, добрыи чоловече, можеш тут много добра добыти; ꙗ хочу мовити тым людем, штобы ты был гетманомъ над сто конниками. Витез Бово рече: То єст на твоєи воли. Рычардо рече: Ꙗкъ тобе има? Бово рече: Има мнѣ єст Ангосъ; да куды ма пошлешъ? Рече Рычардо: Подь въ Антонию град. А повѣмъ ти: был тамъ ѡдин господаръ великии, именем Кгвидон, ужо єст сем годъ ꙗкъ умер, а звал са великим кназемъ, и

был в него сынъ велми цудныи, именем Бово, и тот згинул безъ вѣсти; и послал ѡдин добрыи чоловекъ, именем Симбалдо, искати его по свѣту, и ест семъ годъ, ꙗк его ищуть, и нигдѣ его не могуть наити; а ꙗ тэж его ищу и не могу его наити. А колиж есми его не могъ наити, ꙗ хочу ѡпатъ вернути сѧ, а Симбалдо маєть пѧть тисеч воиска конныхъ, а хочеть поити воевати под Антонию, хочеть помстити смерти своєго пана. Єсли хочешъ со мною поити а быти воєводою над тыми сто конниками, за десеть иных зброиных хочу тобѣ платити. Бово рече: То на твоеи воли, а ꙗ поиду радъ. И назавтреи собравшы сѧ вси и шли на прыстанищо нигдѣ не замешкиваѧ къ мору, нигдѣ не станова сѧ до свѧтого Семиѡна. И коли прыехали ко свѧтому Семиѡну, увидел Рычарда Симбалдо, прышол к нему и ѡблапил его за горло; и рече Рычардо Симъбалду: Пане, не мог есми Бова наити и прывел есми сто чоловѣков конныхъ и нашол есми ѡдного витезѧ большого над иных витезеи, ни ѡдного чоловека не видел есми так великого, великое пѧди болшъ иных людеи, а маєть зброю добрую, конѧ доброго; если на него трафить сѧ Додон, прыиметь великое зло ѡт него. И Симбалдо и Терызъ сын его видели Бова с тыми людми на моры, пошли к ним.

И взѧл Симбалдо Бова за руку, а Терызъ з другое стороны, и пошли в город, и вси тыє люди с ними пошли, которых Рычардо прывел. И спытал Симбалдо Бова: Ꙗкъ тобѣ имѧ? Рече Бово: Имѧ мнѣ естъ Ангосъ. Симъбалдо рече: Мусиш ты быти добрыи витез, и парсуна твоѧ так указуеть. И Рычардо рече: Не стоить пенѧзѧ.

Коли тое Бово услышалъ, рече ему: За што, брате, ганиш? ꙗ с тобою не хочу турнаꙗ коштовати, а ни в битве на поли. (стр. 163) И рече Рычардо: Ꙗ с тобою хочу на турнаи ити. Витез Бово рече: Хочу с тобою умову мѣти, нехаи сѧ иные за то не бьють; если ꙗ тебе с конѧ зобю, нехаи мое юнацы твоимъ наплюють, а коли ты мене скинешъ, нехаи твое также моим учынѧть. Рече Рычардо: Добре мовиш. Назавтреи вси юнацы конники воружыли сѧ, кождыи з собою повелъ сто конъников; тыє ѡба витези взѧли сулицы и пошли ѡдинъ къ другому.

(Бово Рычарда збил с кона) Витез Бово вдарылъ Рычарда и тот час его скинулъ с кона на землю; и рекли Бововы конники Рычардовымъ: Видите, што умеєть чынити нашъ витез? А ѡни ничого не ѡтказали. Рычардо рече: Коли бы ѡнъ видел мои мѣчъ, што бы умѣлъ вчынити, не смѣлъ бы его ждать. Витезь Бово рече: Рычардо, послухаи, брате, ты можеш видети мои мѣчъ пытаючы перво, нижли ѡт города ѡтеду. За тым вси конники вернули сѧ ѡпат къ городу; витезь Бово взял Терыза за руку и рече: Коли хочем поити добывати Анътонию городъ? И рече Терызъ: Завтра у первую зору, коли почнеть свитати. Рычардо усталъ и ѡправилъ себе и свое конники, а Бово Терыза взялъ у своє товарышство; и шли под добрыи город Антонию. Бово былъ свѣдомъ ѡного Антониѧ в кождомъ месте; и прышод ко Антонию шыховали сѧ; а был ѡбычаи того города: докуль не выидеть третаꙗ часть днѧ, ворот городовых не ѡтворать.

(Бово забрал добыток) И коли был часъ ворота ѡтворыти, тогды ѡтворыли и узвод ѡпустили и выгнали многии добыток из града на поле; и видел тоє Бово, выехал з луга, ѡтвернулъ весь добыток и подал его своим юнакомъ, и ѡни ѡтогнали на перед. И прышла Додону вѣсть, и ѡн мѣлъ великую жалость и тот час у зброю убрал сѧ и велѣлъ в рог трубити. Тот часъ собрало сѧ воиска пѧтнадцать тисеч зброиныхъ на конехъ, а гэтманомъ Дан Албрыго. А Додон въ зуполнои зброи и ехал перед воискомъ ѡдин далеи нижъ стрельбище; и тут витез Бово споведал сѧ Терызу, прызвалъ его к собе и рече: Ꙗ есми, брате, витез Бово, вкажы ми, єсли познаєшъ у воиску, хто загубил нашого пана. И сталъ с того Терыз велми веселъ и рече: Брате, тепер же ти (стр. 164) его вкажу: ѡно, што перед всими едеть, то ест Додон, которыи загубил нашого доброго королѧ Кгвидона. Витезь Бово рече: Єст ли то правда? Рече Терызъ: Так ест. Бово рече: Нехаи же сѧ єму такъ ѡбротить. Рече Терыз: То ест воиско великоє, не можемъ противъ ихъ трывати. Витез Бово рече: Нехаи тое рчы, тепер же узрыш моего меча, коштуючы

сѧ на Додоновом воиску зрадцы злого; перво бых умер, нижли быx не потъкал сѧ с тым зрадцою.

(Битва Бовова з Додоном) И забол конѧ, а древо взѧл под паху, ꙗк добрыи витез, и вдарылъ Додона у щытъ позлацон, щытъ ему пробил, а сулица прошла всю зброю, и прокололъ ему ꙗкъ былъ кгротокъ долгъ, и скинул его с конѧ на землю, и его юнацы прыскочывшы и вскинули его на конь и побегли с ним. Бово витез похватил добрыи мечъ кглѧренцыю и тѧл гетмана Дан Албрыга по гелму, до зубов ему мѣчъ пробѣгъ. Видѣлъ тоє Терыз и вельми его похвалилъ; и тоє воиско витез Бово прогнал и пошол ко свѧтому Семиѡну. А Додон был велми немоцон ѡт раны на смерть и почал говорыти: Хто ми можеть помочы ѡт тоє раны, дам ему злота колко сам усхочеть. И чуючы Бово тот слухъ, што Додонъ говорыть, почал Симбалду говорыти: ѧ хочу поити Додона лечыти, а возму з собою Терыза. И рече ему Симбалдо: Ꙗкъ ты можеш тоє учынити, занюж Додон познаеть Терыза и повелить вас ѡбесити? Бово рече: Даи покои тои рѣчы, знаю ꙗ таковоє зѣльє, што не можеть насъ жаден чоловѣкъ познати; и понесемъ тоє зѣльє з собою. И прызвал Бово Терыза, и пошли в комору и помазали сѧ ѡба тым зелємъ и стали чорныє, чорнеи угольѧ, и пошли къ Симбалду, и ѡнъ видел ихъ и почал дивити сѧ, ꙗкъ сѧ пременили, и рече: Панове, можэте поити, ано и ꙗ вас не могу познати ѡдного з другим. Бово рече Симбалду: Зберы-ж ты сто тисеч воиска, а ꙗ поеду Додона лечыти до ѡсми днеи, а ѡсмого днѧ будь готовъ з воиском подъ Антонию, и коли вчуєшъ (стр. 165) трубечы в рог, будь готов пры воротех, маєш ми в городе помочы. И рече ему Симбалъдо: Пане, понеси тот лист, которыи єсми тобѣ написалъ, и даи его Глиберту, брату моему, бо ѡн тамъ воротным єстъ. Витезь Бово взѧл тотъ листъ и учынили сѧ с Терызом пелгрымами, Бово мечъ свои подъ гуню прыпасалъ, и пошли до Антониѧ и прышли къ воротам городовымъ и нашли Глиберта пры воротех. Бово сѧ з нимъ прывиталъ, и рече Глибертъ: Што єсте за люди? Рече Бово: Мы єсмо лѣкары с чужое земли, прышли єсмо лечыти До-

дона. И ѡн рече: Ꙗ вас не могу до свое господы прынати. И Бово ему лист дал и рече: Тотъ лист послалъ тобѣ Симъбалдо; и ѡн взавшы лист прочол, ажъ пишеть: Хто тобѣ тот лист дасть, то есть Бово, а другое Терызъ, сын мои. И ѡнъ увелъ ихъ у свои домъ; Бово Глиберту поведалъ все, ꙗкъ сѧ зъ Симъбалдом змовил на Додона. И борздо пошла вѣсть по городу, што прышли знаменитые лѣкары и хотѧть Додону раны лечыти. И чулъ тое Додон и тотъ часъ по нихъ послалъ, и ѡни прышли. А коли Бово виделъ Додона, иступилъ з лица а вчынил сѧ блѣд, ꙗкъ пупава. Коли виделъ Терыз, што Бово зменилъ сѧ, и рече: Коли то лекар идеть лечыти ран, не любить, штобы его жонка стрѣтила, але тепер его жонки стречали; бог даи имъ лихо. И рекла пани Додонова: Поидите-ж, панове, до господы, а завтра прыидите лечыти. А ѡни пошли. Виделъ ихъ Глибертъ, шолъ противъ имъ, и ѡни ему поведали, што сѧ чынило и ꙗк видели своего зрадцу Додона, а ѡн седить на постели. И потом ѡсмого днѧ прышли къ Додону, и ѡн имъ рече: С которое есте земли? И ѡни рекли: С твердого города Момбрада. Рече Додонъ: Єсли можете злечыти, хочу сѧ вамъ злотом ѡтважыти. И ѡны ѡгледавшы рану, рекли: Послухаи, Додоне, тот витез, которыи ти тую рану дал, мыслить тебе загубити. Рече Додон: Бог вѣ, ты даеш ми знати, иж не могу ѡт тое раны выздоровети, але ꙗ тому витезю могу помстити.

(Бово Додона выпровадил з города своего Антонъѧ) И Бово и Терызъ в тот часъ скинули зъ себе гуни и ухватили мечы, Бово почалъ велми говорыти: Додон, злыи зрадца, ꙗ есми Бово твои непрыѧтель смертныи, (стр. 166) ты-сь забил ѡтца моего, а ѧ тобѣ дал тую рану, а тепер не хочу вдарыти, занюж мати моѧ тебе навела забити ѡтца моего; и встань и поиди з моего города. Додон встал с постели, а Бово в рогъ затрубилъ; тотъ часъ Симбалъдо прыспѣлъ къ городу з воискомъ, а Додон всѣлъ на конь и ехал з города, а Симбалдо уехалъ в город. А Бово посѣлъ свои город и велелъ перед себе прывести свою матер; а коли ѡна прышла, велелъ Бово ѡгонь складти

и ее жечы, або коньми волочыти. И рече ему Симбалдо: Не чыни того великого греха, вели ее межы двух стенъ замуровати нехаи сѧ своих греховъ каеть, нехаи на нее всѧка мокрота и студен падаеть, а нехаи сѧ ее похоть гасить.

(Ѡ смерти матери Бововы) И Бово так вчынилъ, ꙗкъ Симбалдо велелъ, и велелъ еи давати на ден по тры еицы и хлѣба и по малу воды въ уста пускати; и тутъ ѡна висечы умерла. Так Бово помстил ѡтца своего и добыл своего города Антониѧ, а Додона выгналъ ѡт своего добра, што мелъ в городе.

И коли Додон вышолъ из Антониꙗ, был ему боль ѡт раны, и ехал у Францыю къ королю Пипину и жаловал сѧ ему, ꙗкъ его витез Бово выгнал зъ его державы, и просилъ королѧ, абы ему дал на помоч, и корол того не хотѣлъ вчынити, и ѡн его почалъ ещо болшеи просити. И корол ему дал на помоч трыдцать тисечъ воиска, и самъ король с ним пошолъ, и пошли под Антонию.

И коли прышли ко Антонью, корол и Додон велѣлъ шатры роспѧти перед градом, и зрадца Додон пожогъ все предмѣсте. Витезь Бово то виделъ и мелъ великую жалость и рече: Даите ми мою зброю и конь; и дали ему. Бово воружыл сѧ и скочыл на конь и взѧл щыт и сулицу и заболъ конѧ а пошол у воиско Додоново, а Симбалдо и сын его Терыз зъ своими пѧтнадцатьма тисечы воиска велели ворота ѡтворыти и взвод ѡтпустити, и все воиско з города вышло.

(Битва Бовова съ Додономъ) Витез Бово увидел пропоръ Додонов и забол конь и скочыл ꙗкъ лев голодныи, и стретилъ первого и другого и скинул ихъ с конеи (стр. 167) и вдарыл Додона у щыт позлацон, щыт ему пробил, и зброю прошла сулица, и трафилъ его под сэрце и скинул его мертва на землю. И видечы Додона мертва, и шол внутръ воиска, и когоколвек ударыл, тые мертвы падали на землю.

(Битва Бовова с Пипиномъ) Витез Бово поткал сѧ у воиску с королем Пипином и вдарыл его у щыт позлацон и

пробил щыт, а зброѧ была добра, не дала его погубити; и скинул его с конѧ, и ухватили его витези Бововы.

И видечы Бово Додона мертва, а королѧ Пипина ухвачена у своихъ руках, а ѡн вернулъ сѧ противъ воиска, а королѧ повел зъ собою звѧзаного; и въехавшы в город, ушолъ в палацъ и велелъ прывести королѧ и рече ему: Королю Пипине, ты маешъ великии грѣхъ и много еси злого учынилъ, што мѧ еси в моем городе заступилъ и села мои показилъ. И рече ему корол: Правду говорыш, а ѧ тобѣ шлюбую, занюж ми иначеи не може быти, хочу тобѣ прысѧгнути на эвангелеи, што ѡт сего часу на веки не хочу воевати твоего панства. Рече Бово: Ꙗкъ тому могу вѣрыти? Рече крол: Дам ти у закладе моего сына и будеш безпечон. И рече Бово: Вели его прывести.

Корол послалъ по своего сына до воиска, и пошолъ его посол а с нимъ ѡдин граженин, и прышодшы къ королевичу, рекли ему, што король велелъ; а пры немъ были два чоловеки знаменитые, ѡдин Солумон, которыи его ховал, а другии Кгвидон, которыи его учыл, тые ѡба пошли с ним у Антонию. А коли прышли, корол Пипинъ прыказал Бову у закладе своего сына, а сам взѧлъ прощене ѡт Бова и пошол до своего воиска и почал поведати, ѩкъ сѧ з Бовом змирыл, абы кождыи вѣдал, и ѩкъ своего сына у поруцэ дал Бову, и рушылъ сѧ до дому з воиском. А Бово собралъ собѣ великии дворъ витезеи и юнаковъ на добрых конѧх.

И послышал, што Дружненъна прышла ув-Ормению и жыветь у дворе ѡтца своего королѧ Арменила. А Дружненна чула, што Бово вернул сѧ у свои город Антонию и ѩкъ помстилъ смерти ѡтца своего, и не мѣла своего жывота, если не наидеть своего пана Бова. (стр. 168) И розмешавшы ѡдно зѣлье и намазала сѧ им и стала чорна, ѩкъ уголь, и взела гусли и взела злота и сребра, колко могла понести, и повела зъ собою ѡба свое сыны и пошла з города, вчынившы сѧ скоморошницою, и шла по свету и по городехъ играла у гусли, а сынове скакали, а тым было семъ год. У котороe мѣсто прышла, або кого на

дорозе стрѣтила, нигдѣ сѧ не нашол, хто бы еи злоє слово рек. Племенида Дружненна видела сѧ людемъ доброе ѡсобы про то, што мѣла твар хорошу; а то длѧ того чыни[ла], занюжъ еи стоѧло за великоє кролевство, коли бы Бова нашла. Але тут вернимо сѧ до Бова.

Бово часто прыпоминал ѡ Дружненне, и прышол к нему посол зъ сарацэнское земли ѡт града Задонии ѡт царевны Малгорѣи, дочки цара солдана, сестры великого Лукапера. И нашол Бова, а ѡн с однымъ витеземъ в шахи играєть и своє серцэ веселить; и поздоровилъ Бова и рече єму: Бово, здоров будь. — Прыѩтелю, добрэ єси прышол, ис которое єси земли? И ѡнъ рекъ: Пане, ѩ посолъ ѡт царевны Малгарыи, котораѧ тебе велми милуєть, дочка цара солъдана, которыи тебе в темницы держалъ в Задонии граде. А стоить ѡколо города корол угорскии и хочеть ее силою взѧти, а ѡна єго не маєть ни за ѡдинъ пѣнезь, а ѡтец ее цар солъдан умер; и до тебе послала, што бы-сь еи помогъ. Успомени ее великую доброть, што тобѣ ѡна чынила, коли ты был в темницы у ее ѡтца. И хочеть панна Малгарыѩ крестити сѧ у твоего бога вѣру, а ты ее поими за жону, и будеш господар трыдъцатьма и двум мурованым городамъ. И Бово росмеѩл сѧ и рече: Панове, што сѧ вамъ видить в тои рѣчы? Нарадимо сѧ поити там, ачеи можемо ее ѡпростити ѡт тое печали. И рече Симбалдо: Помозимо єи што наболеи можем.

Витез Бово того-жъ часу послалъ по всих своих землѧх, абы прышли зброины на конех, и собрало сѧ конных пѧтнадцать тисеч, а пѣшых сто тисеч, и вышли з города Антонѧ, гетманом Терызъ, и шли два дни, а третего днѧ дошли. И видел Бово на поли воиско (стр. 169) и пошол к нимъ.

(Бово побилъ воиско угоръское) Тоє воиско видевшы, што не могуть терпѣти против Бова, и побѣгли. Витез Бово гонилъ за ними и побил их, прышол къ городу Задонию и нашол ворота ѡтворены и въехалъ в город и шолъ на палац со всими витезми. И прышла к ним панна Малъгарыѩ и покорне подако-

вала витезю Бову. Велѣлъ Бово стати добрым людемъ у великии круг и казалъ позвати ѡдного бискупа и велелъ крестити красную Малъгарыю и дла ее цудности не хотѣлъ еи имени ѡтменити и велелъ ее Малгорэтою звати. Бово почал прыправлати са къ весэлю, хотечы ее понати за себе; и тот час прышла Дружненна в город Задонию и видела Бова, а ѡнъ стоить на ѡдномъ кганку, а с нимъ его витези и царевна Малгорэта. Дружненна почала у гусли играти велми пекне, а ее два сына танцовали; и почала Дружненна прыпевати ѡ короли французскомъ и ѡ Бову анътонеискомъ, а витези и юнацы слухали до конца, што ѡна прыпевала, а ѡна прыпевала ѡ Дружненне цудной, ıакъ ее Бово втратил близко мора на прыстаницы.

Коли Бово тые пѣсни порозумел, прышодшы к неи и рече: Пани, поведаи ми, што за пѣсни? И ѡна ѡпатъ почала прыпевати; и рече Бово: У злыи час есми рожен, што тaıа скоморошка ходечы по городом прыпевасть ѡ мнѣ и ѡ Дружненне. Рече: Пани, прыиди сюды к намъ, маешъ быти честована и добре дарована. Коли пани то познала и не хотѣла болшеи играти; и пошла Дружненна на стан, а витези и юнацы велми са дивили, што ѡна говорыла играючы въ гусли. Коли был часъ к обѣду, Дружненна ѡба сыны въбрала в шаты и рече: Поидите у двор, коли усхочеть тот пан умывати руки, вы єму ѡдин воду даи, а другии ручникъ, а ıак садеть за столом, стоите передъ нимъ, а коли васъ спытаєть, где ваш ѡтец, и вы мовте: Не вѣдаєм, не видели єсмо его ıакъ и родившы са, ищем єго ходечы по чужых замлахъ. Єстъ тут наша мать, можэм ее попытати. Такъ ихъ навчыла.

(Стр. 170) И ѡни стали перед Бовом. Видел ихъ Бово и спытал Симбалда, которыи подле него седѣлъ: Знаєш-ли, што то за дѣти? Рече Симбалдо: Не вѣдаю а ѡтколе суть; и вси почали са дивити. Витезь Бово рече: Дѣти, прыступите ближеи, ѡткуль єсте вы? Рекли дѣти: Мы не вмѣемъ того поведати, не вѣдаем ѡтца своего, не видели єсмо его ıакъ и родившы са, але вѣдаєть наша мати, што има єму Бово з доброго города

Антонья, а мы его ищемъ ходечы по чужых землахъ; а наша мати дочка короля аръмениискаго, а имя еи Дружненъна.

Коли витез Бово познал тые рѣчы, што дѣти говорать, и скочыл через стол, прышолъ къ своим дѣтемъ, почал ихъ цаловати и ωт великое милости сомлѣлъ. И коли ся успомену́л и рече: Сынове, ꙗ есми тот, кого вы ищете; гдѣ ест ваша мати? для бога поведаити ми! Рече Кгвидонъ: Там есть на стану. И рече Бово: Поидимо, гдѣ ваша мати. И дѣти пошли, а Бово за ними, витези и юнацы вси пошли за ними ωставившы потравы на столе. Прывели их дети до стану, гдѣ седить Дружненна, а ωна была чорна ꙗкъ уголь. И видевшы ее дѣти, ωна седить на земли, рекли: Ѡто наша мати. Бово рече: Нешляхэтницы, вы мною кунштуете! Замахнулъ рукою, хотечы их вдарыти; и видечы то Дружненъна скочыла и рече: Пане, пожди тут мало, пани есть в другомъ [домѣ], ꙗ велю выити. И влѣзла в другии домъ, умыла ся водкою цудною лицэ и руки, ωпятъ стала по первому цудна, и вбрала ся у велми коштовное платье у злотоглав, и взложыла на голову венец велми цудныи, и вчынила ся так красна, ꙗкъ ни ωднаꙗ рѣчъ на свете.

И вошол Бово у комору и ввидел Дружненну у красной парсуне, и прыступилъ к неи борздо и велми милостиво поцаловал, и много ся з нею миловавшы пошол с нею на палацъ. И пошла повесть по городу, што Дружненна прышла; (стр. 171) и вчувшы то Малгарыя прышла на палац и нашла Бова з Дружненъною и з сынми; тые панее ωбе велми ласкаве ся прывитали, и рече Малгарыя: У добрыи час еси прышла, пани! И почала Бову говорыти: Господару, ꙗ тебе прошу, коли тобѣ прышла пани Дружненна, и ты мнѣ даи которого своего витезя вроженого и доброго, штобы могъ рыцэрство носити и добрую зброю, штобы мог царства моего коруну, трыдцать и два городы, што держал ωтець мои цар сольдан. Бово рече: Теперъ ꙗ тобе могу вчынити. И прызвалъ Терыза и рече ему: Хочу, штобы еси понял панну Малгарыю за себе. Витез Терыз прынял ее велми вдачно и сталъ господаремъ всеи его державе. И тут перво взял Бово панну

Дружненну, и тутъ было многоє веселье, тут витези танцы играли. Тутъ веселившы сѧ витез Бово з Дружненьною и зъ своими сынми до города и з своимъ воискомъ ѡт города Задонии вышли у свою ѡтчызну в град Антонию, и там было великоє веселє, што сѧ злучыл зъ своєю панею и з дѣтми. А Терыза Симбалдовича ѡставилъ у сарацынскои земли. А юнацы Бововы кождыи у дом свои; а витез Бово з Дружненною и з своими сынми был у великои моцы и славе, а з великое ласки и милости ѡба сыны свое поставил витезми, а даровал кождому з них по сто витезеи на добрых конех, а за жывота своего нарече своєго сына, которому было имѧ Кгвидон, королем, а которому имѧ Симбалдо, тому речеть великии кнѧз. И в тои силе жывучы, были храбрыє витези конъныє и збронныє, и вси ѡкольныє земли богали сѧ их и служыли им, бо были великое доброти и рыцэрства; а Терызу в Задонии в сарацынскои земли дал богъ сына ѡт царевны Мальгорэи, имѧ єму Кгвидон, и тот былъ у великом панстве, а у Кгвидона єщо был сынъ, имѧ єму было дѣдово Терыз, а матка єго была Спэрра. А такъ сѧ докончыло писаньє ѡ Бове [1]).

---

[1]) Страница 172 не записана.

Исторыꙗ ѡ Атыли короли угоръскомъ (стр. 173).

Глава а҃.

Кгды перед давными часы гуннове, або ꙗк ихъ нине посполите зовут угрове, из своими кнꙗжаты Белем, Кэвом и Надыком положыли сꙗ были ѡбозом надъ рекою Тисою, тогды в тот часъ в Панънонѣи, то єстъ в том краю, которыи теперъ угорскимъ зовемо, мешкали разныє народы, а украиныє мѣстца длꙗ наездовъ непрыꙗтелеи сторожу держечы и до ѡбороны готовъ будучы держалъ с тое стороны Дунаꙗ неꙗкии Матэрнус, албо ꙗкъ его некоторыє зовуть, Матрынусъ. Тот не толко тыє краины, которыє тепер угорскою землею зовемы, але тэж и Далмацыю, ѡбою сэрбъскую землю, Ахаю, Трацыю и Мацэдонию у своеи владности мѣлъ; а такъ коли єму єго люд дал справу, иж великоє множество гунновъ або угров в земли єго великою моцю над рекою Тисою ѡбозом сꙗ положыло, умыслил просити ѡ помоч Дэтрыка, которыи на тот часъ не малую часть немецкое земли под своєю владностю мѣлъ, поневаж самъ ѡбавал сꙗ давать ѡтпор такъ великому множству непрыꙗтел. Тот тогды зобравшы борздо зо всихъ пограничных народов великоє воиско, ꙗкобы до угашеньꙗ всимъ догараючое пожоги, прытꙗгнувшы до угорское земли положыл сꙗ не далеко ѡт Дунаꙗ къ полудневои стороне на том местцу, котороє теперъ Лꙗзагалемъ зовуть. Ѡтъ того мѣстца недалеко было мѣсто, котороє звано Потэнцыꙗна, межы тымъ пререченым полем а мѣстомъ Тэтэс, котороє на берегу тое-ж

реки лежало, годно вечное паметки дла ωсобного мѣстца и иншых пожытковъ. Там кгды Матэрнусъ мешкал, а воиско до давана ωтпору так наглому непрыателю по готову мѣлъ, ехал до него Дэтрыкъ абы з нимъ порадил, ꙗкъ бы в тои (стр. 174) мѣре поступовать мѣли, а иж бы межы собою постановили, если бы было лепеи перепровадившы са через Дунаи на угры въ ωбозе неготовыє ударыть, чы-ли наити инъшую дорогу, котораа бы их пожыть, або пакъ ꙗким бы способом з непрыателемъ таким несподеваным а незнаємым битву сточыть мѣли, што скоро шпѣгове угром ωзнаимили. Кгды са ωна их рада должеи нижли прыстоало межы гетманы проволокла, зоставившы у воиску дла боронеꙗ жонъ и всих речеи своих нешто люду, сами з другимъ множствомъ жолнеров перепровадившы са через Тису прытагнули на мѣстца близко Дунаа лежачые. А ачъколве Дэтрык и Матэрнусъ мѣли тую справу ωт сторожы, ижъ са непрыꙗтель прыближаєть, ведъже розумели то быть межы собою а межы угры великии муръ Дунаи, маючы за тоє абы через него угрове нелацно перебить мели; спустившы са тогды на тоє, кгды лениве а нечуиие въ своих справах поступовали, угрове розумѣючы то собѣ быти малую працу, по переехаю ωных высокихъ а до переезду трудных горъ и глубоких рѣкъ через Дунаи перепровадить са, ужываючы до того мѣхов скураных, которых до таковое потребы у воиску велми много мели, над надѣю непрыателеи нижеи Бузыни перепровадили са через Дунаи на томъ мѣстцу, на котором теперъ ест местечко, котороє дла того перепроваженꙗ зовуть по угорску Кэленфеуульдэ, то єст земла переезду або перепроважена; и там справившы жолнеры свое, ударыли знагла а без вести ω полночы на Матэрна а на Дэтрыка у мѣста Потэнцыи в шатрах, а ωни в тот час будучы на впокою спали; которые будучы незвыклым ωкрыкомъ угров на знак татарского ωт них учыненымъ ωбужоны, не вѣдали што бы чынить, ꙗкъ бы са вымкнути або непрыателю ωтпор дати мѣли. Жолънеры тэж и товарышы их также ꙗкъ и гэтманове, будучы так наглымъ непрыꙗтельскии

вторгненемъ перестрашоны, занедбавшы зброи и ѡбозу почали утекати. Угрове утекаючых гонили, цэлую ночъ били, сѣкли а забивали и все гдѣ могли мечом трапили. (стр. 175) Назавтрэе угрове, абы сами собѣ и жолнеры их зъ ѡное поражки въ непрыѧтелю ночы прошлое учыненое будучы спрацованы ѡтпочынули, положыли сѧ ѡбозом в долине Тарнокъ недалеко ѡт Потэнцыи. Тою поражкою люду своего Дэтрык и Матэрнъ будучы непомалу засмучоны, мыслили ѡ томъ у дни и в ночы ѧкъ бы ѡную подънатую соромоту зацным ѧким учынком затерли. Зобравшы тэды ѡстатки ѡного воиска, которыє были ѡт поражки зостали, взавшы к тому жолнеры длѧ боронена мѣста зоставленыє, и другиє на иншыхъ мѣстцахъ будучыє, справившы их первеи, нижли бы угрове зъ ѡного упрацованьѧ поправити а покрепить сѧ могли, ударыли на них в онои долине Тарнокъ. Угрове частю с поражки прошлое ночы ѡкром великое працы в непрыѧтелю учыненое смѣлость взавшы, частю теж множеству люду своєю уфаючы, смѣле противко непрыѧтелю шли и мужне сѧ боронили, гэтмане поделившы сѧ воискомъ кождыи частю напоминанемъ а намовленемъ, частю тэж непрыѧтелскую неможност и троха люды льжучы чынили пилность, абы жолнеры их тым ѡстреи и мужнеи на непрыѧтелѧ натирали, а где бы тэж непрыѧтель набольшеи налегалъ, сами надбегали, мужне собѣ в битве почынали а мужства своего знаки ѡказовали. З другое стороны тэж рымлѧне неленивеи ѡтпор угром давали, себе и горла своего боронили а в люду угорскомъ великую поражку чынили, паметаючы на то, же в тои битве ѡ их маєтность, панство и ѡ здорове игра шла [1]).

Была тэды быстра и великаѧ битва и поражка з ѡбѣюх сторон, поле ѡбоеи стороны трупами положоно было, ѡт поранку аж до вечора битва сѧ точыла, по чом лацно бы кождыи ѡбачыти мог мужство ѡбоига люду, ѧкъ хто много рукою и мужством а дужостью тѣла могъ. Але кгды сѧ вже солнцэ

---

[1]) На поляхъ отмѣчено: Битва Дэтрыкова зъ угры.

хилило къ вечору, почали угрове слабити дла невыспаны прошлое ночы, неѡтпочынку и працы, почали тогды порхати, которых, иж вже битвою спрацованы были, Дэтрыкъ и Матэрнъ не могли гонити. Угрове перепровадившы са так прудко ıако и первеи через Дунаи, вернули са до своего ѡбозу, которыи были за рекою зоставили.

(Стр. 176) Поведають ижъ в тои битве сто двадцать и пать тисечеи угров побитыхъ легло, межы которыми тэж Кэво ѡдин гетманъ былъ забитъ; а рымановъ поведають же бы мѣло полечы два кроть сто тисечеи и десеть тисечеи ѡкром тых, которые въ ѡбозе были побиты [1]). Заправду быстра то битва, а вечное памети годна. На завтрэе Дэтрыкъ и Матэрнъ ачколвекъ битвы выграли, ведъже ѡднакъ не хотели на том мѣстцу вернены угровъ ждати а битвы с такою великою люду своего небезпечностю, которое са певне сподевали давать. А такъ рушывшы са тагнули спѣшно зъ остатком люду до мѣстечка Тулны, которое было недалеко ѡт Ведна а тепер естъ до ракуское земли прылучоно.

Глава б҃.

Угрове, довѣдавшы са иж непрыıатель утек, вернули са на ѡное поле, на котором битва была, на котором позбиравшы трупы свое, а набольшеи Кэвы гэтмана з великою .... ѡбычаемъ татарскимъ погребли их подле дороги, на которомъ мѣстцу поставили столпъ каменыи, абы былъ ѡных речеи, которые са там стали, у людеи потомныхъ паметкою, и дали тому мѣстцу има Кэвегаза, то ест дом Кэвы, которые тепер ѡтменившы и ѡтнавшы нѣкоторые литэры зовуть Кэазо. Потомъ коли угрове водле ѡбычаю своего трупы свои поховали [2]), не за долъгии час всю дольную угорскую землю, котораı есть над

[1]) На поляхъ помѣтка: Личба з обудвух сторон побитых.
[2]) На поляхъ: Трупы похованые.

Дунаем, частью моцю, частю тэж через подане подъ свою моц подъбили, в которои зоставившы жоны, дѣти и все домовство, хотечы далеи щастѧ своего досвѣтчыти, з великим воискомъ, которое были засѧ зо всего поспольства досыть не малое пописали, надувшы сѧ с прошлого звитажства тагнули до Тулни мѣстечка. Дэтрыкъ и Матрын по прошлои битве зобравшы новое воиско зашли им дорогу на поли, которое зовуть Кэсмау.

Угрове умыслили первеи умереть, нижли сѧ битвы зборонѧть а мѣсца уступить а славу першого своего мужъ(стр. 177)ства так великими працами и пебезпеченствы вже набытую зэльжыть. Первеи тогды, нижли непрыꙗтель, справившы воиско, на пострах непрыꙗтелю учынили ѡгромныи а страшливыи ѡкрыкъ, бъючы по своиску въ бубны, стрелѧючы здалека на непрыꙗтелѧ розною бронею, мешали им гуфъцы, а коли видели у них великую мешанину, учынившы потканє чынили з ними вруч. Дэтрыкъ также зъ своими не ленивеи собѣ почынал, тамъ где набольшеи налегалъ непрыꙗтель ѡтпор давалъ, а себе и своихъ мужне боронил, але угрове гдѣ ѡдно наперли, всюды великую поражку чынили. Почавшы ѡт свитаньѧ аж до девѧтое годины на день быстра битва трывала, на ѡстаток рымѧне поднѧвшы велми много ран, подали тылъ, угрове пустившы сѧ по них кого догонить могли забивали.

Матэрнъ в тои битве забит [1]), Дэтрык будучы в чоло з луку постреленъ, ледво ушол, с которое раны потомъ ледве жыв ѡсталъ, длѧ которое раны поднѧтое угрове єго назвали несмертэльным, которого и нинешних часов угрове въ своих песнѧх исторыею ѡбычаємъ кгреков в собѣ замыкаючых Дэтрыком несмертельным зовуть. Поведають иж половицу тое стрелы, которою был пострелен, абы ѡное раны близною и стрелы половицою у цэсара ѡ собѣ сведэцство далъ, до Рыму был зъ собою занес. Так много крови на томъ мѣстцу битвы текло, иж

---

1) На поляхъ: Матэрнъ забитъ.

мало не все поле было крываво, ꙗкожъ и угром тое звитѧжство неледаꙗкъ прышло, бо сорокъ тисечеи ихъ полегло, межы которыми Бэлѧ, Кэвэ и Кадыка гэтманы побиты, которых тѣла у того столпа каменого, што єсми ѡ нем вышеи поведал, в гробе Кэвы поховано. Рымѧнов велми много полегло, ѡкромъ троха, которыє утечы могли. По тои битве ни ѡ што сѧ не кусили противъ угром а ни немцы, а ни иншыє народове; так двух битвъ поражкою знадзоны сила ихъ была зъутълѣла и упала.

Глава г҃.

Ѡдержавшы угрове тое звитѧжство, почали заразом всеи тои земли, (стр. 178) што ее тепер угоръскою зовуть, и всим краинам, которые под Матэрномъ были, волне росказовати а жаден не был хто бы сѧ противку их ѡбурыл, такъ же ѡное великое панство наглою щастѧ ѡтмѣною за короткии час з рук до рук перешло. Стративши тогды, ꙗко-мъ поведалъ, угрове чотырохъ гэтманов, того униманѧ были, абы тоє так великоє панство працами, небезпечностѧми и моцю набыто крепчеише напотом было, коли бы над ним ꙗкого великого мужа переложыли, бо паметали на тоє, иж не меншого мужства надоби до захованѧ королевствъ, нижли до набыванѧ. Долго тоє тогды первеи межы собою розъбирали, хто бы налепеи тому спростати, а такъ великоє множество людеи великим щастем большеи нижли первеи вынеслые с посполитым добромъ мог радити. Потом за сполным всихъ зазволенемъ року ѡт нароженьѧ сына божого чотырыста первого ѡбрали королем Атылю, которыи з личбы ѡных угорскихъ гэтманов толко самъ вже был з братомъ Будою зостал, ѡ которого прыроженю, ѡбычаєх и знаку тела видить ми сѧ быти не з дороги нешто поведать [1]). Атылья тогды, которого по угорски зовуть Этэле, был середнего узросту, персеи и плечеи шыроких, головы водле инъшых члонков померное,

[1]) На полях: Взростъ и ѡбычаи Атылевы.

авого, ωчю
л, бороды р
а велми скл
студень и н
оброе и см
чоныи, до с
нараженю.
:ве всего д
рго гэтмана
брныи, а п
ы мужство
од свою мс
утю розшь
которых п
у велъ, ωб
ыслил тогд
на сербъскі
: перед ть
ы в небыт
иж бы был
ьднул, про
аиною, кот
іс ку полн
о народу кр
ему послуп
:обѣ столиц
о десеть кр
ска свѣтчы
которые са
зе, ижъ так
водле ωбі
свою моц г
м самъ мен
гим камѣн

стоra, были золотые, а споенье их было перлами ѡсажоно, а другие, в которых кони стоѧли, вси были шолковые; ложа, на которомъ лежал, столы, начыне кухонное, седъла, рады, иншые конские уберы золотом и дорогими каменьми были ѡсажоны. А так борздо скоро на початку панованѧ своего, иж велми был хотливыи до всихъ рѣчеи на воину потребных, про то справил велми много дѣл иншого начынѧ военного до ламанѧ муров и на ѡкоповане ѡбозу; справил тэж былъ десеть тисечеи возов косами ѡсажоных, абы ими ѡбоз свои rакъ муромъ ѡточыл; мечъ носил, rакъ ѡн сам мнимал, ѡт бога посланыи, бо кгды некоторое ночы во сне видѧл rакъ бы его Марсъ у зброю убиралъ, назавтреи некоторыи его воиска жолнерын прынесъ ему мѣчъ, которыи с трафунку нашол на просторном поли, коли шол слѣдом . . . . раненое, котораr реч не помалу его в том потвердила, абы съну своему прошлому вѣрылъ. Гэрбъ rакъ на тарчы так на хоругвѧх носил ѡрла, коруну (стр. 180) на голове маючую; жолнеры его мѣли бронь с татарское земли прынесеную, тарчы скурою поволоканые а желѣзомъ гладкимъ ѡкованые, луки зъ стрелами, древца, а шабли у боковъ. Узрост ихъ был не велми великии, але ѡбличчa на погледенью велми грозны, бороды долгие, волосы не стрыжоны, ѡдѣнье было с косматых скур ѡбычаем татарскимъ; тым убером всим людем были на пострах, которого угрове в кождои потребе военнои ужывали ажъ до часу Кгеиси сына Торонового; за бога хвалили: Євиша, Марса, Мэръкурыуша и Вэнуса, которых справою мнимали, иж сѧ им мѣло на всем щастить. Тытул Атыли, которым сѧ писал, тот был: Атылѧ сын Бэндэкгэчов, внук великого Немрота, въ Энкгадзе выхованыи, з божеи ласки корол угорскии, медскии, кготскии и датскии, страх свѣта; до которого тытулу потом дѧ слов пустольниковых прыдал: Бич божыи, ѡ чом нижеи повѣмъ шыреи [1]) . А тым способом забравшы и прыготовавшы воиско не толко своимъ, але тэж и всимъ иншым людем был Атыльѧ на див и на страх.

[1]) На полях: Тытулъ Атыли.

Глава X.

Паметаючы тогды на тое Атыла, иж словаки, сэрбове, ахаичыки, мацэдоны и траконове против ему и против его народу Матэрнови передъ тымъ на великои помочы были, а иж за их помочю великаа са была поражка в люду угорском стала, про то вторгнувшы з великою ѡхотою у их землю пустошыл ихъ всаким способом, вже и до Костантынопола з надѣею звитежства прыближал са, кгды часу на тую воину готована новина прышла, иж Тэѡдѡзыусъ цэсар умер. Сабэльликъ историк зацныи пишет, иж бы угрове ѡт гэтманов Тэѡдозыусовых ѡдною битвою были звитажоны, але стараа угорска кроиника свѣтчыть, иж угрове не ѡтнесшы жадное поражки а ни шкоды, звитажство ѡдеръжавшы з радостю и з великою корыстю зъ Атылем вернули са до Сыкамбрыеи.

По Тэѡдозыусе на цэсарство наступил Мартиѧн, которыи ѡбовла(стр. 181)ючы са силы Атыллевы много королевствъ розшыроныи, абы его чотыри насильнеишые народы: ѡт усходу слонца пэръсове, ѡт заходу висиготове, ѡт Афрыки вандалеве, ѡт полночное стороны угрове заразом ѡдного часу воиною...... про то зъ Кгэнъсэрыком вандалским королем и с пэрсы до пэвного часу перемире взалъ, так розумѣючы, же колибы тые утихнули, лацнеи бы са угром ѡпирати мог. Кгды Атылла, або боечы са жебы Марцыѧн цэсаръ противко ему зъ Азеи не вытагнул, ѧкъ нѣкоторые поведають, або тэж перепужавшы са тое злое ворожки, же шатер его кгды повѣтрэ тихое было и небо ѧсно нагле са ѡбвалил, до Сыкамъбрыи са вернулъ, роспустившы воиско на тые угорские мѣстца, которые был имъ на то роздал, абы в них собѣ по тых працах через нѣакии час ѡтпочынули а в час собѣ учынили, ѡн сам абы того часу, которыи мѣлъ ѡт воины волныи, марне а ѡкром посполитого подданых своихъ пожытку не травил, умыслил королевство свое уставленем правъ укрѣпити, уважаючы то у себе, же до укреплена королев-

ства так много надобѣ прав якъ и зброи, а такъ, кгды на томъ засѣлъ, абы права, которые бы съ посполитымъ люду его добрым были, списалъ, становечы межы поддаными порадок, водле которого бы жыть мѣли. Много королевъ и народов, будучы до того прыведены частю имена его славою, которое сѧ вже мало не по всем свете было ѡславило, частю тэж так мнимаючы, же ѡн зложывшы зъ себе ѡное першэе ѡкрутное прырожэне, удал сѧ до скромнеишых а людем прыстоинеишых ѡбычаев и хоче королевство свое прав уставленемъ укрепити, а тою речю ѡказалъ бы по собѣ нѣякии знак скромности, повстагливости своее, з розмаитых свѣта краины што день до него сѧ зъеждчали, которых абы собѣ посторонных людеи с прыязнью хуть зъедналъ, ласкаве их прыимуючы великие имъ дары давалъ.

Межы которыми Валамира готовъ на всход слонца мешкаючых кроль, Гэръдэрык, кроль кгэпидов велми можныи и валечныи а для зацных справъ велико славныи, к тому тэж Дытмар и Витмар ѡстроготъские кнѧжата, к тому маркоманънове, ѡварове, гэрулеве, (стр. 182) швабове и иншые народы с Турынкгиеи и Рукгиеи вси длѧ рыцэръских справ великозацны королю Атыли доброволне сѧ поддали а до него прылучыли.

Атылѧ змоцнившы сѧ так много звитѧжствъ а поднесъшы сѧ в пыху панством так много королевствъ и много народов, был того мниманѧ, жебы вже лацно въвесь заход слонца шаблею мог под свою моц подбить, а иж бы частю ѡказованьем богатствъ своих, частю укладностю, добродѣиствы и вшелѧкою гоиностю нахилил ку собѣ тыхъ, которые его еще так собѣ велико не важыли, а ни у них был в подив, уставилъ день, которого бы не толко его подданые, але тэж и посторонные, которые бы то учынити хотели, прырекъшы им за покои и безпеченство до них, волне ходили, длѧ которое прычыны много людеи з далеких краин до него сѧ з доброе воли своее зъеждчало. Дэтрык вэронэнчык, ѡ котором вышеи поведало-м, ижъ з Матэрномъ против угром нещастливе вальчыл, з многими панов земли немецъкое, которую под своею владностю мѣл, слышечы ѡ тои

добротливости Атыли, з доброе воли своее до него прыехал, которымъ Атылѧ великую хуть и склонность указавшы и ласкаве их прынѧвшы, великиє дары им дал. Дэтрыкъ, видечы Атылѧ так хутливого и ласкавого противъ собѣ и против тыхъ, што з ним прыехали, намовил его съ прырожэны его до воины и до таких забавъ хутливого, абы против немецкоє напервеи, а потом и француское земли шаблю поднесъ, до чого тым его латвеи намовил, ижъ ему за пэвную рѣчъ поведал, иж в Нѣмцах и у Францэи люду жадного поготову до ѡбороны нѣт.

А так Атылѧ зобравшы великоє воиско з люду и своего и посторонного, которыє сѧ были до него зъехали, а ѡ которых розумѣлъ, иж ихъ против собѣ хути и верности дознал, рушыл сѧ зъ Сыкамъбрыеи. Пишэть Сабэльликъ зацныи историкъ, ижъ на тотъ час воиска его было пѧть кроть сто тисечеи до бою людеи годных. Ведучы тогды воиско через ракускую, баворскую, швабъскую землю и через тыє немецкиє краины, которыє лежат межы тыми мѣстцы, гдѣ сѧ Рэн и Дунаи почынаеть, а в тѧгненю вси мѣстечка, которыє ему на дорозе были, частю длѧ ѡтпорности, частю жэ ему жывности боронено (стр. 183) и тѣсност дорогъ ему заважала, з кгрунту вывернувшы, частю тэж некоторыє в ласку прынѧвшы тѧгнулъ з воиском до Констанцэи.

Жыкгимонт [1]) король будучы на тот часъ ѡное земли паном недалеко ѡт Базылеи, мѣста надъ Рэномъ лежачого, з великим воиском дорогу ему зашол, которого Атылѧ зо всим его воиском латво поразил и ѡтгромилъ. Ѡнъ будучы поражоныи а ѡною битвою зутленыи, видечы сѧ быть и щастемъ и моцю Атыли делеко неровным, подъдал сѧ ему и с королевствомъ своим, а ѡттуль же, кгды што ден Атыли прыбывало и силы и богатествъ, ѡблегъ место Арькгэнтину, лежачеє над Реном. Того мѣста жаден был еще аж до того часу моцю не взялъ, але кгды его Атылѧ за короткии час добыл, все подал на лупъ жолънером, все будоване, длѧ ѡбороны учыненоє, казал показити и порозвалѧть,

[1]) На поляхъ: Жыкгимонт корол у Базылеи поражон.

муры на много местцах зъ землею зровнано, абы на паметку имена Атылевого всим людемъ волныи до мѣстца ωного былъ прыступ; и казал то возному ωбволать, абы ωных муров розваленых за его жывота ωбывателе не смѣли поправоват, а для тогож ωное мѣсто по немецку названо Страшпуркгъ, што ся выкладаеть замок дорогии [1]). Потом перепровадивщы ся через Рэн, тягнул з воиском через тулинкги, гэдви и сэкуаны, которое за нашого вѣку буркгундычыками зовут, Кгундыкара короля их, которыи вже в тотъ часъ з великою силою хотѣлъ ся до Аэцэуса и Тэωдорыка прылучити, зо всими его воиски в битве поразил.

Которое зацное звитяжство ωдержавшы, много ωборонных мѣстъ сэкванскихъ и француских велми богатых и зацных, межы которыми личать Лировъ, Бэсон, Матышкон, Люкгдунъ, Кабилен и Линкгон з кгрунту вывернул и збурыл. Сабэллик так поведаеть, иж у француское земли на первеи ся на ремэнсы ωбурыл, тамже и Никазы того мѣста бискуп, ω которомъ споведаю нижеи, чоловѣкъ для ωсобных ωбычаевъ и святобливости жывота великославныи и зацныи, там забитъ, але кроиники угерские свѣтчать, иж збурене Рэму и смерть Некажого аж ся по каталяионскои битве стала.

Глава е҃.

Атыля мало перед тым нижли на посредку земли француское дотягнулъ, видечы ижъ щасте всих рѣчеи пан, где бы ся ωдно ωбернулъ, звитяжъство ему ωбецовало, заразом тэж то передъ себе внимане (стр. 184) беручы, жебы у француское земли жаден ему дороги не зашол, которыи бы щастю и силы его ωтпор могъ дати, почалъ собѣ во всем над звычаи недбалеи почынати а множству люду своего болшеи, нижли прыстоить, уфати. А для того-ж, иж еще ω воиску Аэцыусовом против себе зобраным никакое пэвное вѣдомости не мѣлъ, мнималъ абы меншого воиска

[1]) На поляхъ: Аркгэнтыну, чому Страшпуркомъ зовуть.

мог мѣть досыть до указанѧ того, што был умыслил, послалъ тогды третюю част воиска своего на пустошэнє границ ишпанских. Поведают кроиники угерскиє, ижъ тыє жолнеры Атылевы, звоєвавшы ѡгнем и мечом неꙗкую част Ишпанеи, дошли были аж до королѧ бэтыцкое стороны, которому было имѧ Мироман, которыи велми улѧкнувшы сѧ угров, вси мѣстца в должъ и в шырыну велми воюючыхъ, зъ Ишпала, гдѣ мешкал, через теснины мора кгадытанского аж до Африки утекъ[1]); ведже ꙗ пэвне того твердити не смѣю, кдыжъ то ест реч ꙗвна, ижъ францускую землю, аквитанскую и ишпанскую на тот час висиготове были посели. А кгды єсми тепер учынил змѣну о А[э]цыусе, про то о єго початку и поводженью водле тое вѣдомости, которую ѡ нем маю, нѣшто коротюхно споведаю.

Тотъ напервеи длѧ ѡсобного мужства и в рѣчах рыцэрскихъ бѣглости ѡт Гонорыуса цэсара на мѣстцо Костанцыусово надъ всими воиски будучы преложон, много мужства своего знаков против буркгундом, франкомъ, галѧном ѡказовал; потом иж галѧномъ, ванъдалемъ и швабамъ, которыє сѧ были положыли у Эмэрыты над Арою рекою лежачою, моцю неровен будучи, до далшее Ишпанеи албо боечы сѧ непрыѧтел, або тэж розумеючы же сѧ не годило воиска своего против так великому множству людеи сквапливе ставит, воиско своє был назад увелъ, про то Гонорыусъ ѡтнѧл єму был гэтманство, на которого местцэ далъ былъ неѧкого Кастына татарского народу человѣка. Аэцыусъ, ѡтнесшы тую зэльжывост, вернувшы еѧ до Рыму умыслил на. . . . . спокоиныи жывот вести, в котором ѡднак ѡт ѡскаръженѧ непрыѧтел своих не мог быти безпечон. А так коли эго ѡскаржоно, ꙗкъ бы ѡн што нового . . . . . мѣл, смерти инак увоити не мог, ѡдно иж таемне до Угор утек, гдѣ за жывота ещэ Гонорыусового мешкаючы у Атыли и ув-угров был в ласцэ, частью длѧ ѡсобливое годности, частю тэж длѧ того, ижъ сѧ всих влоскеи земли справ и поступковъ ѡт него угрове довѣдали.

[1]) На поляхъ: Мироманъ бэтыцкии король.

Тотъ тогды, кгды Гонорыусъ умер а на мѣстцэ его Валентынан настал, вернул сѧ до Рыму, ѡткуль коли его прыведено до цэсара за радою Плацыдэи матки, былъ прынят в ласку, а Кастына, ѡ котором поведало-м вышеи, (стр. 185) зъ земли выволано. Тому Аэцыусови Валентынан поручыл был французскую землю, абы ее боронилъ, бо ему то был ѡбецал, же латвеи могъ загамовать угры абы зъ границ вгоръских выступить не смѣли.

А так Атыла с тыми, которые ѧ вышеи поменил, королми и людми на французскую землю, которою Аэцыусъ справовал, напервеи ѡбурыт сѧ умыслилъ, частью длѧ того, ижъ Аэцыусъ ѡбетниц, которые был угром ѡ влоскои земли учынил, не держалъ, частю а радше подобно длѧ того, иж звалѣчывшы французскую землю сподевал сѧ латвеи потомъ влоскеи достати, которое вже му сѧ давно было за намовою Аэцыусовою захотѣло.

Забившы тогды Кгундыкара королѧ и вывернувшы, ѩко-мъ поведал мѣстечка бургундыиские, тѧгнучы подле Родану реки а збурывши вси мѣстца, которые му сѧ на дорозе трафлѧли, тѧгнул до Аурэлиэ мѣста, лежачого над Ликгером, ѡблегъ его[1]). Которого кгды великою силою добывал, в тотъ часъ тепер доведалъ сѧ, иж Аэцыусъ намовлѧл короли и народы, абы великою силою против ему тѧгнули. То сѧ Атыли над надѣю прыдало; про то, абы Аэцыусъ, што сѧ вже ѡднакъ было стало, Тэѡдорыка заходныхъ гкотов королѧ, с которым вже был давно великую воину зачал, ку собѣ не наклонил, умыслил Тэѡдорыка на тот час Ишпанеи и Францэи аквитанское пануючого намовлѧти, абы его мог до себе наклонит[2]). Послал тогды послы до него, ѡзнаимуючы ему, жэ ѡн до французскои земли прытѧгнулъ большъ длѧ того, абы королевъ и народовъ прыѧзнь, нижли непрыѩзнь собѣ зъеднал, маючы за то, же ничого знаменитшого а до захованѧ панства на долгии час безпечнеишого быти не може, ѡдно добродеиством а прыѧзнью, поки сѧ може стать, сэрца королев

---

[1]) На поляхъ: Аурелѧ ѡблежона.

[2]) На поляхъ: Послове Атыли до Тэѡдорыка королѧ.

собѣ еднать а ку собѣ склонать, и для того-ж велцэ того прагне, абы з нимъ прыязнь, прэмирэ взялъ, не хотечы жадъное воины възрушати, ѡдно-ж толко зъ самыми рымяны прычыну воины маеть, которые еще с початку угром завжды непрыятелми бывали.

Кгды то Тэѡдорыкови попрожницы поведано, послове, не справившы ничого, вернули ся, бо вжо перед тым Аэцыусъ, будучи тое надѣи, жэ Атыля мѣлъ прагнути прыязни Тэѡдорыковои, самъ первеи наклонил его былъ собѣ [1]) и на воину ся з ним стоварышыл, тягнучы его к собѣ частю ѡбетницами, частю прыпоминанемъ старое вазни межы угры а кготами, поведаючы же кготове за давных часов ѡтнесл были ѡт угровъ крывду (стр. 186) и зэльжывост, продкове его зъ столиц своих ѡт угров были выгнаны, угрове тое были справили, иж кготтове, будучы з ѡтчызны выгнаны мужством ѡтчыстым мусели собѣ нового мешканя искати у Францэи и въ Ишпанеи, а тепер ся зас ѡ то старают, абы их зогнали с тыхъ мѣстцъ, которые ѡни собѣ за давных часов мужствомъ своимъ зготовали. К тому тэж и тое прыдавал, же тепер прытягнули угрове до францускоe земли тым умысломъ, абы и кготское и рымское панство з великою их зэльжывостю, если бы ся на то сполне не ѡгледели, мечом посполъ посѣлъ, а про то-ж тепер богъ дал до того дорогу, абы стародавная крывда кготом ѡт угров учынена была помщона, а пыха и быстрост ихъ погамована быт могла, што бы велми латво учынити, коли бы Тэѡдорык силу свою до силы рымское прылучил, а ѡн всяким способом хочет ся ѡ то старати, если собѣ не хочет ни в чом винен зостат, абы за его справою стародавных продковъ своих крывдъ за помочю божю помстил ся, а францускую землю ѡт ѡкрутенства ѡного грубого народу вызволил. Тэѡдорык король, будучы тыми словы и прыпоминанемъ давное непрыязни велми рушоныи, ѡбецал ся стоварышыти зъ Аэцыусом на воину против угромъ, а под тою умовою з ним ся збратилъ,

[1]) На поляхъ: Рѣчь до Тэѡдорыка Аэцыусова

иж ѡднакою силою и с полным накладом воину противъ угром вести и кончыти мѣли.

Глава ѕ҃

Кгды сѧ Атылѧ ѡ товарыштве Тэѡдорыка зъ Аэцыусом ѡт послов своих довѣдал, такъ розумѣл, иж прожне мѣлъ далеи ѡжыдати, але ничого не мешкаючы умыслилъ вытѧгнути против непрыѧтелеи, абы за его ѡтволокою сила непрыѧтельскаѧ с пограничных людеи што далеи то болшеи на кождыи ден не прыростала. А так ѡттѧгнувшы ѡт Аурелиеи поспешилъ сѧ з воиском против непрыѧтелъ, ищучы тое рады, абы их неѡпарных а не поготову здыбал.

Коли вже з воиском тѧгнулъ, жолнеры его нашли над прервою некоторое горы велми высокое нѣѧкого пустынника [1]), которыи, абы будучы волен ѡт забавок того свѣта мог на послузе божои вов-покою жывот вести, збудовал был собѣ подлую кучку на ѡдном мѣстцы, и прывели его до Атыли. Король зъ его (стр. 187) прыитьѧ велми сѧ урадовавшы пытал его, што бы за чоловѣкъ былъ, которого бы бога хвалилъ и чому бы на мѣстцы так трудном и прыкромъ жывот свои вести умыслил, и што бы за щасте ему на воине бог ѡбецалъ? Ѡныи пустынник молъчавшы долго, а потом ѧкъ бы духом божымъ надъхненыи, ѡтказал королю, же естъ француз, а хвалит ѡного бога, которого хрестѧне хвалѧть, а ѡн на том мѣстцу, ѡткуль его прыведено, ѡбралъ собе мешканье, абы будучы ѡт земских забавок ѡтлучоныи, богу тому, которого имѧ вызнавал, поддавшы тѣло под силу розумови а не досыпанемъ и недоеданьем .... спокоинѣишею мыслею служыти, закон его розмышлѧвати и прыказане ховати мог.

Потомъ мовил [2]): А иж мене, ѡ наиможнеишыи межы королми, до того прыневолѧеш, абых тобѣ волю божю ѡзнаимилъ и рады

---

[1]) На поляхъ: Пустынника до Атыли жолнеры прывели.

[2]) На поляхъ: Пророцтво пустынниково Атыли; далѣе другая помѣтка: Пустынниковы слова; и: Атыла бичъ божыи.

: ωного, которыи
и наменшым робач
чоные рады его мѣ
к ω воли бога мое
юди его хвалечые п
мнѣ дает хота тро:
л злостами люду с
правеДливости и ωт
ли пыхою, лакомст
ены, убогие утиска
одно до внутрное во
ищут, зыску спро
хлебъцахъ, котор
охиленьа королев
роскошываныо бол
бавах, к тому тэя
и, а до кождое речы
и, покоры, мѣрно
го покою, повстагл
ана добрых, до сл
в цэлости заховыв
до правдивого хв
милости ку нему
о жывота за твои
) в руки твои дал,
въ люду хрестанс
паметаеть, коли бу
ли своее дасть, (ст
кывати допуститъ
вне вѣдалъ, иж м
жадное моцы не б
ле тэжъ и небески
ке еси ωбачыл зна

ожа моц панства во

битве, которую з рыманы будеш мѣлъ, упустиш перо, але ѡднакъ не вжо зараз мужность твоꙗ и панство твое з рук твоихъ ѡтыидет, леч дотуль его ужывати будешъ, покуль бог, абы са его люд за твоим............ полепшыл, тобѣ назначыл.

Атыла кгды тые слова пустэлниковы учул, здививѡшы са ѡного человѣка такъ мудрои вымове, ведъже з несподеваного посэльства прелекнувшы са, казалъ его ѡт себе ѡтвести а дла знаменитое мудрости его въ учстивои сторожы ховать дотуль, ажъ бы са ѡт своих практыкаров, которых на тот часъ пры собѣ велми много мѣл, довѣдал са чого пэвнеи того ѡколо повоженьа своих рѣчеи. Прызвавшы их тогды до себе, пыталъ ихъ, што бы ѡ прышлои битве розумѣли; тые гледѣвшы на тых местъ водле науки своее на черова быдлачые повѣдили пустэлниково пророчество быти правдивое, тое тэжъ прыдали, же мѣлъ гетманъ непрыꙗтельскии в тои битве полечы. Про то, хота Атыла фрасовал са ѡ нефортуннои прышлои битве повожене, веджэ волѣлъ пустит са на щасте а всакого нещаста дознати, нежли тылъ подати а мужства своего славу спросным утеканем зэльжыт. Потом даровавшы ѡного пустэлника, ѡдославшы его до его кучъки, с которое было его прыведено, рушылъ са ꙗкъ наборздеи мог зо всим своимъ воиском ку полю каталянницкому, гдѣ [А]эцыусъ и Тэѡдорык зъ Санкгибаном аланским и Мэровэусомъ французскимъ королем з розмаитыми людми буркгунды, французы, которых королем былъ Мэровэусъ, з люцыаны, арморыки, сароны, рыпарыѡлами, брыкгоны, ламбрыѡны, сарматами, лютэцыꙗны и брытанны, которые большеи з вазни противъ Атыли, нижли з милости против [А]эцыусови з великими воиски зъехали са были. А кгды там прытагнулъ, довѣдавшы са воиско непрыꙗтельское быть далеко болшое, нижли первеи мнимал, почал того велми жаловать, иж третюю част воиска своего до Ишпанѣи был послал, умыслил тогды битву зволочиваючи дотуль, жэбы са ѡное его воиско до него вернути могло, и ѡбваровавшы ѡбоз свои ѡными десетма тисечми возов косами ѡсажоных, ѡ которых поведало-м вышеи, под заслоною сполное ѡколо покою

намовы, послал до [А]эцыуса послы [1]) просечы станьа або короткого прэмира, але [А]эцыусъ частю дла того ижъ рады Атылевы добрэ былъ свѣдом, частью тэж ижъ так много (стр. 189) королев и розмаитых народов моцы збытне уфал, не хотѣл жадного прымѣра дать. Атыла, ачъколвекъ са межы страхомъ и надееѭ розмышлалъ, розважаючы собѣ частокрот, же его воиско перед непрыıатєльским менъшоэ было, к тому тэжъ и ωное пустэлниково и вѣщъков своихъ пракътыку, ведъже ωднакъ згиненемъ гетмана непрыıательского, ω котором поведали пракътыкаре, сам себе тѣшылъ, а сэрце боазливое неıакою надѣею тешыл, будучы тое надѣи, ıако бы в тои битве [А]эцыусъ без ωхилена згинути мѣлъ, а так хота бы тэж не вѣдаю зъ ıакою воиска своего небезпєчностю пред са умыслил то ωтнесть, што бы нещастє военное прынесло, бы ωдно, ıако са сподевал, А[э]цыуса забитого виделъ. Много знаков небеских тое битвы назначало срокгость: два разы того року было затмѣнье мѣсеца, много мѣст наглым тресеньемъ земли упало, небо са крываваными вороты ωтворыло а ωщепы огнистые з обополне са через него пробивали. Надъ то еще черезъ колко ночеи видено комэту, стегаючую полома свое ку заходнои стороне, которых дивовъ много са людии лекало, а не толко Атыла, але и [А]эцыусъ зъс Тэωдорыком велми са клопотали, готуючы са до прышлое битвы ıако налепеи могли, кгдыж ωбоа сторона тушыла собѣ выиграти. Тагнул тогды Атыла з великою прудкостю на поле каталанницъкое, на которое кгды прытагнулъ, зобравшы до себе жолнеры, учынил до них напоминанэ тыми словы.

Глава з҃. [2])

Сама рѣчъ мене до того ведет, жолнеры а товарышы мои намужнеишые, абых нинешнего дна до васъ нѣшто мовил, або

---

[1]) На полѣ отмѣтка: Послове Атылевы до [А]эцыуса.
[2]) На поляхъ: Рѣч Атыли до жолнеров.

вѣдаю ест так великаѧ и потребънаѧ, иж если не хочэм богатствъ, маєтностеи и здорова нашого въ ѧвную небезпечност удать, мусим ѡ неи велми пилноє старанє мѣти, бо а которую через вси вѣку нашого часы срожшую, пилнеишую а небезпечнеишую потребу мѣли єсмо передъ собою, ꙗко теперъ, кгды ѡ королевство, ѡ маєтности и ѡ горла нашы игра идеть? Не вонтпѧю ничого ѡ вашом, жолнеры шлѧхэтные а товарышы наверненшыє, в потребахъ мужстве, статэчности и во всѧких прыгодах невыповеданое терпливости, бо на што-м очыма моими в много трудностѧх и небезпечностѧхъ гледѣлъ, ѡ том не прыстоит мнѣ намнѣи вонтпит, (стр. 190) або вѣдаю, пустившы на сторону вси иншыє вашы мужныє учынки, которых єсте прошлых лѣт досыт мужне доказали, а которыє єсте трудности а небезпечности во всеи немецкои земли и в-ынших непрыꙗтельских землѧх, через которыэ єсмо зброино тѧгнучы мѣли, мужным сэрцэмъ не перемогли, а ачколвек єсте того з вашого мужства доказали, ведъжэ моѧ тэж прытомност и рѣчеи всих трудных сполне зношенє ꙗкую колвек побудку вамъ до ѡказованѧ мужства дала; бо а которое трудности, которое працы, которое небезпечности, если на нас всих прышла, ꙗ з вами сполне ѡднаким сэрцэмъ не зносил, а котораѧ мене коли рѣч щастлива вышэи вынесла? Не пъркладаю сѧ над васъ ꙗко сѧ ѡднак учынити годить гэтманови, але в каждомъ щастливом и нещастливом положеню показовал сѧ єсми ѡдного стану быть з вами, длѧ которых прычын видит ми сѧ иж не потреба и час тэж того не несет, абых многими словы мѣлъ вас до того намовлѧти, до чого вас сама потреба, ѡстрыи народу людского ѡстенъ, с прыроженьѧ вашого попихать маєт. Видите ꙗко можного непрыꙗтелѧ, товарышы намужнеишыє, тепер на себе маєте, зъ ѧким множством люду а ꙗко прыготованымъ, што за снадность до битвы непрыѧтель наш маєт на ѡко видите, жэ єму у єго королевстве, у ѡчызне, а ꙗко посполите мовѧт, на домовых сметьѧх, а засѧ против тому, што за личба нас ест против имъ, ꙗко небезпечно в земли непрыѧтельскои битву давать потреба, абы то кождыи з вас у себе пилне уважал, нинешнего

дна або звитажство зачну за помочю божю ωдержати маем, если не хочем прыити в неволю, котораа далеко срожшаа естъ нижли смерть, або вси аж до ωдного погинут мусим. Прышли есмо на тое мѣстцо, жолнерэ мои шлахэтные, иж ωтсюль не можэмъ иначеи выити, ωдно черезъ мужъство и через мѣчъ: с переду нас непрыатель налетает, река Лигеръ с правое стороны заважаеть, з лѣвое Родан, а за ними мѣста и инъшыи француского народу.... дороги, черезъ которые есмо прышли, тѣсны нам залегъ а скончена тое битвы ждеть, чыгаючы на нашъ лупъ, а если быс мы умыслили въ ωбозе са замкнути а гуфъцэ нашы добре справившы и ωбъваровавшы по малючку назад уходити, а што бы было над то подобенство утекана соромотнеишого нашои славе розмаитыми а велми великими звитажствы набытое, а што бы было неучстившого, а што намъ спроснеишого, што народу татарскому всему свѣту страшливому непрыстоинѣишого, што продковъ нашых мужству противнеишого [1])? Завжды то за рѣч лѣпшую и хорошшую почытано зацне а славне умереть, а старшыхъ нашых гробы наведит, нижли ωбычаем люду никчемного а не валечного перед непрыателемъ нашым спросне утекаючы (стр. 191) соромотныи а зэльжывости полныи вести жывот. Если са мужне поставимъ вытагнувшы против непрыателю, можем тое надѣи быти, же Марсъ, ωсобливыи нашого народу бог, нам допоможе; если же звитажство рукою а шаблею нашою ωдержемы, а которого пожытку з него не будемъ мѣти? Наперввеи лупъ непрыательскии намъ са достане, к тому тэж королевство француское велми богатое и ωбфитое нам прыбудеть, на ωстатокъ славу непоследнеишую нашы мужные справы ωздобимъ. Над то, кгды тых еще поразим, вже са нам во всеи Эуропе жаден иншыи непрыатель не укажеть, хто бы намъ до богатъствъ и панована всего свѣта мѣл перекажати. Королевство француское кгды прылучоно будет до нашого угорского и немецкого панства, которое вже под ιармо наше прышли, ιакъ великии прынесет бо-

[1]) Отмѣтка на поляхъ: Атыла сам народом татарским зовет.

гатствамъ нашымъ прыдаток, ꙗкъ великое жывота нашого щасте! А што нам бог лѣпшого, пожыточнейшого и щастлившого може дати надъ тое? Нехаи вас не страшыть множство непрыѧтел, а ни чужое краины несвѣдомость, бо а штож есмо аж до того часу иншого чынили, ѡдно же есмо в ѡбчои земли много королевъ и много народов мужне звитѧжыли? Тые непрыѧтели, на которые тепер гледите, не суть вамъ незнаемые; тыхъ, што намужнейшую и напотужнейшую част вже перед тым вы, намужнейшые жолнеры, восполок зо мною з домов ихъ выгнали есте, вашого мужства и шабэль вжо давно дознали, тых напервеи скоро з домов нашых ѡичыстых вышедъшы первеи подъ Эмэрыком, потомъ под Винитаром королем спросне розгроменые всего есмо королевства збавили. Не суть тые над продки свои кготы а ни зацнейшые, а ни мужнейшые: всю силу кготскую вже ꙗ давно за вашымъ мужством, намужнейшые жолнеры, звутлилъ, знищылъ и выгладил, а тые ѡстатки, которые еще суть подъ Тэѡдорыком княжатем кготским, не будут ждати вашого натираны, а ни шабли, а ни силы вашое, если ѡбачать, иж сѧ на них мужне ѡбурыте, маючы еще перед ѡчыма, жолнеры милые, ѡное прошлое поражки а надзы своее ѡт продков первеи нашых, а потом ѡт вас подънѧтое паметку, котораѧ не мало сэрца и мужства, если его еще што мают, имъ ѡдыиме. А ѡ [А]эцыусе волю перед вами ничого не мовити, розуму, ѡбычаев и стану его вже давно так вы сами свѣдоми естэсте, ѧко и ѧ, которыи будучы длѧ гнюсности а ничэмности своеи з влоское земли выгнан до нашого панства утекъ, у воищэ нашом досыт через долгии час межы вами жолнѣрскую служыл, а никгды пред сѧ большыхъ мужства своего (стр. 192) не ѡказал знаков, нижли которыи наменшыи з вас, и ѡвшэм если чого коли доказал, тогды то учынил маючы уфност, ѡборону и смѣлост с товарышства вашого [1]). Лечъ нехаи будет иж маеть ꙗкую годность рыцэрскую в собѣ, ѡт вас сѧ ее без ѡхиленьѧ научылъ, знать вашу незвитѧ-

---

[1]) Отмѣчено на поляхъ: Мужство [А]эцышово.

жовую шаблю знает, мужство знаєт, в ка
тръвалост и статэчност, не своим сѧ будет
пописовалъ, если узрат же вы за моєю спр
тѧгнете. На ѡстаток и то у себе уважът
дет? Французы, которыє сѧ не так до меча
годѧт; ачъ суть узросту высокого, але н
заразъ за першым потканємъ рады слаб
товарыщы а сполне зо мною жолнеры н
битве ѡ честь, ѡ славу и ѡ горла всихъ
важ королевство велми великоє а зацноє
шого панства латво прылучоно быть моя
прыѧтелем битву мѣть маєте, которого пр
латве єсте выгнали, а к тому тэж з людм
воине прывыклыми чынити маєте, кото
нижли которыи з вас ест вам знаємыи:
єсте были сталого сэрца, а всего добро
девали сѧ, за богомъ напервеи, которого е
тоє здоровы прышли, а потомъ за мною
жолнером вашым, подьте. Допоможе бог
моцы, славы и богатствъ, а ѧ нигдѣ вас не
вси небезпечности, если до того прыидеть
сил, з вами восполок и жыл и умер. Ме
передъ ѡчы, а ѧ то учыню, иж первеи
прыѧтельскои согрѣтую, нижли зброи ва
ѡгледаєте, а вы моих учынъков наследуит
ѧ собѣ мужне буду почынал, тогды вы тэ
ливым сэрцэм на непрыѧтелѧ натираите,
Не з великою небезпечностю звитѧжство
ким мужствомъ и ѡднаким сэрцэмъ з не
кати будемъ.

Кгды то Атылѧ домовилъ, такъ мног
прыбыло, такъ великаѧ хуть в них сѧ пр
и такъ сѧ великоє ѡтусюль мовенье ста
абы з доброе воли своее в непрыѧтелѧ

Атыла нешто жолнеров напродъ выславшы, абы первеи легъкие утарчки чынили, сам часу а снадности до сточеня волное битвы искал, которую умыслне ѡтвлочал ажъ ку вечору, для того если бы, якъ ему пракътыковано, (стр. 193) непрыятель в битве гору мѣлъ, абы вжды ноч прыходячую собѣ и своим мог мѣти на помочы.

Кгды ся тогды слонцэ ку заходу склонало ся, вывел Атыла воиско свое на мѣстцэ, которое розумелъ до того быти способное, и ушыковал его тым способом: ѡстрокготы и част товарышов своих на правом рогу поставил, Валямира короля над ними преложыл, лѣвыи рогъ засадилъ кгепидами и ѡстатком товарышовъ своихъ, над которыми Ардарыка короля преложыл; на чоле поставил другие дробнеишые короли з людомъ збронным, а сам з людом што начольнеишымъ своим подле хоругви стал; ѡстаток воиска справил в гуфъ валныи, в котором люд был пребраныи для того, абы непрыятель множество люду своего уфаючы с тылу нань не ударыл або его не ѡгорнулъ. З другое стороны [А]эцыусъ з рымскимъ людом на лѣвом рогу сталъ, Тэѡдорык з висэкготами на правом, а Санкгибана короля аланского, иж вжо давно на него мѣли подоизрэне, якобы до Атыли прыстати а Аурэлию столечное мѣсто свое ему подати мѣл, в середнемъ гуфе поставили. А кгды тым способомъ ѡбѣдве воиска были справлены, Атыла, скоро ся почало к вечору хилити, казал затрубити ку потканю. Гуфъцэ з обу сторон по легку поступовали; кгды вже были ѡт себе на стрелене з лука, угрове з луков, с которыми добрэ умѣли [1]), з далека велми робили, непрыятеля конем и людем много ран задали, рымяне тым ся прудчеи поспешали, абы ѡт стрѣлъ и иншых потисков будучы волны, могли з угры зблизка чынити вручъ мѣчми, которым велми уфали. Валямир с правого рогу зъ ѡстрокготами [А]эцыуса и рымскии чольнеишыи людъ ѡстре нагревалъ, также тэж и Аръдарык король кгэпидов на Тэѡдорыка и на висэкготы мужне натиралъ; потом кгды вже вси ѡбоеи стороны силы мужне

[1]) Отмѣтка на поляхъ: Луки у угров давно.

боронѧчые чсти, щастѧ и горла своего поражкою а кровю змешали сѧ, так великаѧ з ѡбу сторон была поражка, так срокга и крывава [1]), иж не вѣдаю, бы которыи вѣкъ срожшую паметати могъ. Трупов по полю такъ много было, иж на ѡстатокъ на трупех битва сѧ точыла; так великое крви и людское и конское было пролитьє, иж струга малючка, котораѧ была посеред полѧ, нагле забравшы ꙗкъ поток трупы забитых за собою ѡтносила.

Поведают за пэвноє иж ѡ сто и ѡсмдесѧт тисеч людеи з обу сторонъ в тои битве полегло [2]). Тэѡдорык король, Тразымундов ѡтец, кгды на коню ездечы своихъ до битвы напоминалъ, ѡт некоторого угрына стручоныи с конѧ на землю был в битве потоптаныи. (стр. 194) Поведают некоторыє, же его нѣѧкии Аудакгъ ѡстрогот пробилъ ѡщэпом. Тразымундъ, Тэѡдорыков сынъ, кгды в ночы заблудившы трафил на воиско угоръскоє, ѡтменившы потребу в мужество секъ сѧ з ними мужне, которого кгды у голову ранено такъ иж с конѧ спал, ледве єго свои ратовали. А[э]цыусъ тэж зафрасовавшы сѧ ѡ поражку люду своего, блукаючы сѧ ледво сѧ до своихъ вернулъ. Тут историкове не згожают сѧ хто битвы выграл, єсли угрове чы-ли рымѧне; нѣкоторые пишут, жэ А[э]цыусов людъ доведавшы сѧ ѡ Теѡдорыковои смерти первеи почал пирхать, але другиє инак пишут поведаючы, же ѡбоѧ сторона долго ѡднакоє щастьє в битве мела, аж на ѡстаток Атылѧ будучы поражон, утекъ до ѡбозу возми косами ѡсажоными заточоного. Ꙗкоколвекъ сѧ стало, то ест пэвнаѧ рѣчъ, иж таѧ битва стала сѧ з великою ѡбоее стороны небезпечностю, з великою поражкою и згубою.

Глава и҃.

Тразымундъ Теѡдорыка ѡтца своего смерти велми жалуючы, назавтреи нашодъшы межы трупы побитых тѣло єго, учынил єму з великою почестностью ꙗко королеви ѡбход, на што угрове

[1]) На поляхъ: Битва великаѧ.
[2]) На полѧхъ: Личъба побитых.

з обозу своєго гледели. Потом умыслил зъ ѡстатком люду своего, угледевшы до того час погодныи, ударыти на ѡбозъ Атылев, а смерть ѡтцовъскую угорскою кровю ѡплатити. А Атылѧ, утратившы прошлого днѧ всю моц, праве ѡ своих речах звонтпившы, прызвал до себе своих жолнеров, просил и напоминалъ ихъ, поневаж так много воєн поднѧли, великиє сведэцства мужства своєго усюды ѡказали а много королев и королевствъ з великою мужства и можности своее славою звитѧжыли, а того рымѧнина непрыꙗтелѧ, которыи тепер роспышневшы налегаєт на єго ѡбозъ, хотечы на него ударыти, а котораго вчорашнего днѧ великою поражкою уруднили, абы сѧ покрепили а сэрцэ лепшоє взѧли, паметаючы на продки свои и своєго через так много лѣт ѡказаного мужства и звитѧжства; єслиж бы непрыѧтель вытѧгнулъ а на них сѧ ѡбурыти смѣлъ, поневаж жадное (стр. 195) иншое надѣи здоровѧ нѣт, абы славы працами а небезпеченностѧми набытое рукою, шаблею а мужствомъ охотне боронили а в цэлости ее доховали, то им тэж прекладаючы, же першаѧ сила непрыѧтельскаѧ єст преломена, ѡдна ночъ немного им силы або сэрца прыдати могла, а с тыми битву мают мѣти, которыхъ днѧ вчорашнего непомалу звутлили, розгромили а ꙗко быдло подлавили, а ѡни еще мают сэрцэ незвитѧжонои силы и небезпечности до вытрываннѧ всѧких трудностеи давным рыцэрскимъ звычаєм утвержоны. А тым еще их реч єст безпечнеишаѧ, иж ѡбозомъ всѧкими потрэбами ѡбвырованым, ꙗко накрепчеишым муром ѡточоны сут, а такъ не мают сѧ чого боꙗти; щастє будут мѣли по собѣ, абы за ним ꙗко за гэтманом смѣльшыи шли, а ѡчы свое на него ѡборочали, а ѡн того днѧ хочет то росправити, иж албо непрыѧтельскоє воиско угорским воиском и мужством за божю помочю поразить, албо ѡбычаєм продков своих, которыє завжды звыкли звитежать а не звитѧжоны быти, хвалебною и славною перед ихъ ѡчыма подоиме смерть. Тымъ напоминанемъ потѣшывшы и покрепившы нѣꙗко жолнеры свои, ѡн самъ сѧ пред сѧ намышлѧл, ѡпатруючы перед часом свое рѣчы, если бы ꙗкаѧ прыгода прыпала, а прызвавшы до себе

колько ѡсоб, которым большеи уфалъ, поведал имъ правдиве, иж угорскаѧ реч велми у великомъ вонтпеню[1]), а иж сѧ ѡбовлѧет множства непрыѧтел, абы если бы мужне а потужне налегали, сила люду его прошлого днѧ звутлена не была преломена; але поневаж фортуна славу военную и повожэне в руцэ своеи масть, ѡн пред сѧ хочет за нею ити а з ними восполок всѧкую пилност и старане чынити, працу поднѧти а мужства рушыти, абы непрыѧтель звитѧжства не ѡдержалъ; леч если же так щастье прынесет, которое неуставичное и вонтпливое ест а не завжды лѣпшым звыкло зычливо быти, жебы ѡбозу его непрыѧтель добыл, тогды волить згинути з руки своих жолнеровъ, нижли прыити в моц непрыѧтелскую, а будучы з многозацныхъ за их мужством справ так зацныи з великою соромотою в посмеиску быти. Росказал тогды седла и иншые спраты, которые напрудчеи поготову были, на ѡдну громаду скласти а з них могилу учынити; прыѩтелом, которым наболшеи уфал, ѡтведъшы сѧ з ними на сторону, раду свою таемне ѡзнаимилъ, иж еслибы непрыѧтел добывшы ѡбозу гору взѧл, ѡн хочеть (стр. 196) на ѡную могилу зъ седел учыненую вступити, а прото-ж просил их, намавлѧл и напоминалъ, абы в тот час под него ѡгонь заложыли, поневаж вжо волит за справою своих умереть, нижли з великою соромотою прыити до непрыѧтелѧ в неволю[2]). Кгды имъ такъ росказал учынити, казалъ тэж трубачом трубити, абы ѩкого подобенства улѧкненѧ по собѣ непрыѩтелю не давал, але абы сѧ здал быть пилным а битвы з нову прагнучым, ждал вторгненьѧ непрыѧтелъ не спечы цэлую ноч, не мнеи тэжъ товарышы и жолнерэ его были пилны а готовы все, штоколвекъ бы щастье прынесло, мужне зносить.

Кгды и угрове въ ѡбозе и Тразымундъ зъ своими намышлѧли сѧ радечы межы собою, што бы имъ было пожыточнеи учынити, [А]эцыусъ, будучы свѣдом рады Тразымундовои, ѡбавал сѧ еслибы кготове добыли ѡбозу угорского, а Тразымундъ

---

[1]) На поляхъ: Атылѧ собѣ вонтпилъ.

[2]) На поляхъ: Звонтпене Атыли.

мѣлъ бы гору над угры, абы ѡн, млоденецъ быстрыи, надавшы сѧ з ѡного свѣжого звитѧжства, выкореневшы угры не зламал єму прэмирѧ а всее силы своее противъ єму и против рымскому люду не ѡбернулъ; про то казавшы всим выити, учынил до Тразымунда рѣчъ тыми словы.

Прэмирє, прыѧзнь и стоварышэнє на воину, котороє-м с Тэѡдорыкемъ ѡтцом твоим мѣл, потом мужство твоє, которого-мъ и перед тымъ у многих рѣчах дозналъ и вчора против тым грубым людем сполныхъ всихъ добрых непрыѧтелом, на што єсмо вси гледѣли, смѣлымъ а нелѧкливым сэрцэм ѡказалэсь, ведет мене до того, Тразымунде королю, абых чого ты длѧ молодости твоее и сэрца, хотѧ єси прырожена дофътипного, ведже тою свѣжою ѡтца твоего поражкою большеи заєтроного а быстрого так далецэ ѡбачыти не можэш, ꙗ тобѣ на паметь прывелъ: ударыт на непрыѧтелѧ, ѡбозу его добывать, штурмовати на него а хотѣть его выкорэнити — суть то знаки великого мужства и уродивого сэрца, и ни ѡ што сѧ иншого ѡбема старать и усиловати не годит, ѡдно крывды поднѧтое мстити сѧ на непрыѧтелѧ, кгды сѧ до того погода укажэт, ударыть, добывати, выкорэнити єго, а славу зацными справами поки можэшъ росшырати. Леч єсли пилне у себе розважыш, сила наша, котораѧ прошлое битвы надзою ест велми звутлена, єсли сѧ тэж прыглєдиш щастю военному, котороє не мужнеишым албо смѣлшымъ, але тымъ, которымъ (стр. 197) ѡно хочет звитѧжство давати звыкло; єсли на ѡстаток углѧнеш в рѣчы твои властныє, ꙗко сѧ тепер по смерти ѡтца твоєго мают, трудно у себе становити, штобы лепеи або пожыточнеи чынити: єсли тепер намъ сѧ ѡ што кусити и почати што, а ѡстатки воиска нашого долгою воиною звутленого нерозмыслне на щастє пустит, чы-ли на иншыи часъ тую воину заховать. Непрыѧтель, ач єсть непомалу и ѡн днѧ вчорашнего звутлен, ведъже ѡднакъ имо его великиє и зацныє рѣчы, которых аж до того часу доказал, тэж з учорашнее великое люду нашого поражки ѡт него поднѧтое можем познать: єстъ то народ быстрыи, дужыи, мужныи, а волит наболшыє не-

безпечности поднати, нижли сѧ дати звитажыти[1]). Єсли єси умыслил ударыть на угры, тогды або выиграют битвы, чого боже уховаи, або до ѡдного вси полагуть на плацу, але смерть их не сухо сѧ нам ѡдерет; а єсли выигрѧют битвы, тогды нашы рѣчы сполне прыидут в такую трудност, иж ѡ твоє и рымскоє панство будет сѧ потреба непомалу бѡѧти, бо будет у великои небезпечности. Завжды то бывало великоє мужство и не леда рада прышлыє рѣчы наперед углядывати, небезпечностѧм, которыє бы прыити могли, розумом забегати, раду водле потребы ꙗко час прынесет ѡдменити. А коли маєшъ час и коли можэшъ все у себе розважат, абы потом упавшы у небезпечност не здало сѧ иж прожне розуму ужывати або раду ѡдменѧти хочеш, ꙗ заправду пры тобѣ спрыѧзливе, вѣрне и статэчным сэрцэм буду стоѧлъ а ꙗко на мужного чоловѣка належыт умыслилъ єсми в каждую небезпечност смѣле сѧ удати, єсли ѡдно может што славы достать з упору а з нерозмыслности, але видело бы ми сѧ же быс мы не только большыи пожыток, але тэж и большую славу ѡтнесли, если быс мы, поневаж непрыѧтел будучы поражоныи и розъгроменыи до ѡбозу зъ соромотою великою днѧ вчорашнего утекъ, ѡстатки жолнеров нашыхъ на потом сховали, а панства нашого ѡборону в цэлости заховали.

К тому єще, Тразымунъде королю, видит ми сѧ быти рѣч велми пожыточнаѧ твоимъ властным потребам, которыє абы были цэлы зъ стороны прыѧзни и товарыштва нашого сполного, не мнѣи ми ѡ них идеть, нижли ѡ мои властныє, єсли их будешъ над вси чужыє прэкладалъ, а здоровъє твоихъ жолънеровъ, (стр. 198) которыє єще позостали, а тобѣ и справам твоим пожыточни быти могуть, неледа ꙗко собѣ важыл. Ѡтец твои тебе а Валѧмира брата твоего дома тепер мешкаючого зоставил королевства своего дѣдичми; брат, порушоныи хутю панованѧ, довѣдавшы сѧ ѡ смерти ѡтцовскои, што ѡн дома в небытности твоеи мыслит, або въщынает, ты не вѣдаеш; мало ест

[1]) На поляхъ: Розважанє.

тых людеи, которые бы кревност над хуть панована прекладали. А если ѡн, будучы хутью панована звитажоныи, до чого сѧ нового склонить, панство ѡтцовское тебе выгубившы собѣ прывлащыт, богатства домовыє заберет, сэрца люду своего на всѧкую ѡтмѣну щаста склонные добротливостью, гоиностью и инъшыми таковыми выбавами до себе нахилить, што-ж тобѣ щасте зоставит, до чого-ж тобѣ прыидет?[1]) Ѡдно до того, абы сѧ права твоего ѡт брата воиною допиралъ, панства а королевства и богатствъ з великою длѧ неуставичности щастѧ небезпечностю мечом доставал, а знищывшы тепер або толко звутливши жолнеров твоихъ силы, што-жъ за ѡборону будеш мѣлъ, албо чого сѧ дома сподевати можешъ? Ну-жъ тэды, Тразымунде, намышлѧи сѧ, што ест пилнеишого а наглеишого, если брата твоєго радамъ забежеть а королевство ѡтцовскоє в моц твою взѧти, маючы еще жолънерэ в цэлости, чы-ли на угры з вонтпливымъ щастемъ в речы так небезпечнои ударыти. Єсли моє зданиє хочеш вѣдати, ѧ ражу воиска нашого остатки в цэлости заховати, а ты, абыс радшеи ѡ своих рѣчах, поки маєшъ час и можешъ, мыслил а радил, нижли сѧ на новыє воины щастэ пущалъ, абыс хотечы болшеи достати и того, чого продкове твои с працою великою набыли, спросне не утратил. Кгды непрыѧтель ѡбачыть, жэ есмо ещо цэло зостали, ничого против намъ, ѩко внимаю, не узъновить; а засѧ против тому, коли моц наша будет цэла, завжды штокольвек будеть мѣл перед ѡчыма, чого сѧ будеть ѡбавал, лекалъ и выстерегалъ. — Тразымундъ тою [А]эцыусовою ѡблудною прыѧзнью и намовою лацно сѧ давшы намовити, понехавшы рады ѡ добываню ѡбозу Атылевого, прызвавшы до себе своихъ, которые пры єго ѡтцу стоечы стоварышили сѧ были з ним на воину, вернулъ сѧ до Толезы, за которого ѡтеханемъ [А]эцыусъ и тыє, которые сѧ были рыманомъ на помоч зъехали, гдѣ хто хотѣл розехали сѧ. Новина ѡ тои битве каталѧуницкои такъ срокгое и кровавое вже сѧ была по всемъ свѣте розышла,

---

[1]) На поляхъ: Домовые заизрости.

ѡ которои тэж и ѡнаꙗ третаꙗ част воиска Атылевого, (стр. 199) которую был до Ишпании послалъ, добре вѣдала; про то боечы сѧ жолънеры гневу Атылевого, которого дивнаꙗ реч ꙗкъ се боꙗли, не вернули се до него до Угор николи, абы длѧ ѡмешканꙗ не были караны, але по его с поль каталауницкихъ ѡдтагненю положыли се были и засели пры границах тых поль. И того мниманꙗ суть угрове, але не вѣдаю, с чого то мають, ижъ ѡдъ презвища гэтмановъ угеръских, которые угерским езыком зовуть ишпаны, ꙗкъ кроиника угерскаꙗ свѣтчыт, не згажаючы се з другими, королевству ишпанскому прозвищо дано Ишпаниꙗ, хотѧ Трогкусъ Помпэюсъ пишэть, ижъ тую землю, которую перед тым Иберыею ѡт Ибэра звано, названо ѡт Ишпала Ишпаниею. [А]эцыуса в борзде потом з росказанꙗ Валлетынана цэсара в Рыме забито частю длѧ того, же былъ в подоизрэнью ꙗкобы сѧ на панство касати мѣл, частю тэж а радшеи длѧ того, иж его ѡбъмовлено, ꙗкобы ѡн прычыну до того дал, же Атылѧ, которыи зо всими воиски своими по тои прошлои битве велми латвеи могъ быти выкорэнен, ушол рукъ рымских.

Глава ѳ҃.

Кгды Атылѧ довѣдал сѧ, же [А]эцыусъ и Тразымундъ и иншые непрыꙗтели где хто хотѣлъ розехали сѧ, дивнаꙗ речъ ꙗкъ сѧ с того болшеи нижли прыстало пышнилъ, розумѣючы, иж вжо рымское воиско на потом не мѣло смѣти выходити против ему, а за разомъ ѡные пышные слова почал мовити, иж звѣзды перед ними падають, землѧ дрыжыть, а иж ест молотом всего свѣта. Потомъ з великое хлубы а ѡ собѣ мниманꙗ, росказал ꙗко был пустэлник рэк, абы его звано бичом божым, а тот тытулъ до листов прыкладано. Тѧгнувшы тогды на тое мѣстцо, гдѣ битва была, мешкал там колко днеи, абы жолънере его в покою собѣ вытхнули, там учынившы водле звычаю народу своего Марсови ѡфѧры и иншые ѡбходы длѧ щастливого в рѣчахъ его поводженѧ, вытѧгнул з воискомъ до других французских

мѣст, абы на себе не з большым, нижели первеи, страхомъ ѡбурылъ. Напервеи тэды до Трекашу мѣста, кото(стр. 200)рое тэж Треками и Троею часомъ зовуть, на границах сэнонских над рекою Сэкъваною лежачого прытѧгнул. Кальлимахъ поведает, же первѣи до тунгров тѧгнул и столечного их мѣста добыл, а мещаны его, не маючы жадного на плоть и на вѣкъ бачена, вси аж до ѡдного позабивал; леч если сѧ хто тому пилне прыгледить, тунгрове суть люди эбуренского народу не далеко ѡт реки Моса в земли леѡдынскои, далеко ѡт тое дороги Атылевои лежачои. Прожна бы то тэды его праца ѡт тунгров ворочать сѧ до трековъ, ꙗко Кальлимах поведаеть. Тых тэды Трековъ албо Троеи бискуп, што его звано Люпус, то ест волъкъ, чоловекъ свѧтобливого жывота, убравшы сѧ ув-одѣнье бискупе, з множством духовных ѡсоб вышол противъ Атыли прыеждчаючому [1]).

Тотъ учынившы прыстоиное поздровене пытал Атыли, што бы был зач, иж так много королевъ звитѧжывшы, народы и люди поразившы, мѣста збурывшы все моцъю подъ свою моцъ подбиваеть. Которому Атылѧ ѡтказалъ: Ꙗ естэмъ король угорскии, бич божыи. Которых слов Люпусъ улекнувшы сѧ реклъ: А хто-ж сѧ бичови бога моего ѡпреть, абы сѧ над кождым, над кимъ хочеть, гнѣвити не мѣлъ? Под же тэды, ꙗк поведаеш, бичу бога моего, едь гдѣ хочеш, все тобѣ ꙗко слузе божому, чому сѧ ꙗ зборонѧти не буду, послушно будеть.

Казал потомъ браны местъские ѡтворыть а Атыли држечы под нимъ конѧ за поводы з великою учстивостью впровадил, которыи албо поволностю а укладностью ѡного бискупа будучы звитѧжоныи, або тэж з воли божое не учынившы жадное шкоды и крывды никому, зо всими воиски своими через мѣсто едучы другою броною з мѣста выехал. Кроиника угорскаѧ поведает, же там ѡттуль до Толесу мѣста тѧгнулъ, которо[е] му сѧ доброволне подало, але не вѣдаю, если то може быти правде подобно,

[1]) На поляхъ: Люпус бискуп противъ Атыли вышолъ.

бо Толеса, будучы на ѡнъ час столицою Тразымундовою на границах Францэи нарбоненскои недалеко ѡт гор пирэнэиских, над Кгарумною рекою лежала; мѣсто было людное, арцыбискупомъ, кольлекгьами студентскими и купецкими гандлами велицэ зацно и славно, котораѧ дорога ѡт предсевзатьѧ Атылевого была, бо ѡнъ былъ умыслилъ, добывшы нѣкоторыхъ мѣст француское земли, ку полъночнои стороне лежачое, вернути сѧ до Сыкамъбрыеи столечного мѣста своего. Кгды тэды ѡт Треков до Ремов тѧгнул, великое милосердье и ласку всюды на дорозе ѡказывал, бо (стр. 201) кгды не мѣлъ трецкихъ ѡбывателев, которые ѡт страху зъ жонами и з дѣтми до лѣсовъ близских хотечы здоровъе свое ѡбваровать утекали, на дорозе убачыл, казавшы имъ быти доброе мысли а не боѩти сѧ, допустил имъ до дому ити [1]). Межы которыми прывели до него жолънерэ нѣкоторую невѣсту ѡт реки, до которое хотѣла ѡт страху въскочыти, котораѧ была дѣвочку малючкую, абы руки тымъ волнеишые мѣла, у шыи собѣ на хустках увезала, а двое меншых всадила на быдлѧ, которое перед собою гнала. Потом тэжъ инъшых дѣвочокъ семъ большых мѣла ѡколо себе ѡсадившы сѧ ими водле порадку лѣт ихъ. Рушыло Атыли непомалу плачливое ѡное невѣсты надзное до ногъ его паднене и так много дѣтокъ личба, и казавшы еи встати самъ ее руками своими подвигнулъ, которую потом великими дары, абы дѣвочки выховала и за муж выдала даровавшы, казал сѧ еи до дому вернуть [2]). В борзде потом Атылѧ ѡблегъ Рэмы мѣсто, маючы на него давно вазнь, иж кгды на полѧ каталѧуницкие, ѩко-м вышеи поведал, спешно тѧгнулъ, ремэнъсове жолънером его много злого вдѣлали. Паметаючы тогды на то все, выпустошывшы ѡгнемъ и мечомъ всю краину ремэнъсом прылеглую, а мѣсто ихъ тѧжкимъ ѡблежэньем ѡточывшы, казалъ дѣлы муры бити а розвалѧти такъ иж длѧ густости куль и

---

[1]) На поляхъ: Злитоване Атыли над утекаючыми и над невѣстою, дѣтми ѡтѧжоною.

[2]) На поляхъ: За божею волею милосердье королевское хотѧ ѡкрутника.

инъшыхъ пострѣловъ, частю тэжъ для частыхъ а потужных великого люду штурмовъ, жадэн чоловѣкъ до бороненьа муру прыступити не смѣлъ, а для тогожъ мещане не толко са бояли и лекали, але и вси надзы, которые въ ѡблеженю прыпадають, терпели. Невѣсты, дѣти и дѣвочки плакали, крычали, голос до неба выносечы, другие розмышляючы собѣ ѡкрутност звитажцы, которое са чуючы до себе што Атылевым жолънеромъ перед тымъ выражали, сподеваючы са ее на себе велми боали, всих до того дорог искали и досветчали, абы небезпечности уити могли[1]). Был на тот часъ в том мѣстѣ бискупомъ блогославеныи Никазыи, чоловѣкъ справедливостю, сватобливостю жывота и ѡбычаевъ зацныи. Тотъ зъ Эутропеею сестрою своею паненкою, еще з молодых лѣтъ до клаштора даною, котораа так цудностью ıако тэжъ иншыми душными дары была ѡздобена, черезъ весь ѡныи ѡблеженıа час уставичне са молитвами бавили, абы ублагали гнѣв божыи, для которого розумели, же Атыла мѣлъ мещаны велми утискати, а его (стр. 202) милосердье до всих покорныхъ прыходачые ѡдержали до того, коли Атыла срокгимъ ѡблеженемъ былъ велми тажкии. А вжо не мели жадное надѣи здорова своего мещане, ѡдны тажко въздыхаючы, другие плачучы, с покорою утекли са, до которого в тот час богу молащаго такъ мовили: Быс мы того не вѣдали, зацныи мужу, иж бог всемогущыи тую ласку и милосердье свое тобѣ дал, иж твое молитвы суть ему вдачны, а тую всю надзу для нашых злостеи на насъ допустил, а кгды са мы до лепшого способу жыта наверънем, бог заса непрыатела ѡт шыи нашыхъ або ѡтпудит, або его ласкавшым противъ нам учынить: не мѣли быс мы того у своеи моцы розмышлат са, если са до тебе утечы, чы-ли з дэспэрацэи, котораа са насъ розмаитыми надзами велми утисненыхъ срокго держыть, инак ѡ собѣ мыслить; леч ижъ и милосердье божэ мимо вси иншые людские речы завжды важнеишые быти розумѣемъ и тебе з много знаков ему быти прыемнымъ вѣдаэм, не ѡтегали

[1]) На поляхъ: Никазыи бискуп; и: Речъ рэмэнсовъ до Никазого.

сѧ єсмо прыити до тебе, за которого радою або ѡбороною и жыть и умерети давно есмо вже умыслили. Што за множство ест непрыꙗтелъ видишъ, што за ѡкрутенство против всим и ты вѣдаєш и мы вѣдаєм, чого много ѡколичныхъ мѣст трупов ꙗвным сведэцтвомъ єст; так великому того грубого народу множству должеи силами нашыми ѡпирать сѧ жадным способом не можемъ, мусимъ албо доброволне сѧ непрыѧтелю поддать, а вѣрности, которою єсмо пописовали сѧ боечы сѧ смерти, ѡтступить, або не хотечы моцы а ѡкрутности их досвѣтчыть, сами собѣ смерть задать. Ѡдно с того двоига подънѧти мусимъ, єсли або нас Бог не ратує, або за твоєю радою надѣи ꙗкое не будем мѣти ѡтдаленьѧ ѡт себе тое небезпечности. Почстивост сама вела бы насъ до того, абыс мы до ѡстатнего тъхненѧ ѡпираючы сѧ так ѡкрутному непрыꙗтелю ѡт статэчности, мужства и верности нашое длѧ страху смерти не ѡтступовали, коли бы єсмо мѣли ꙗкую надѣю ѡборонена; бо теж ѡднак вѣдаем, же бы нам было пожыточнеи тое ѡблежена надзы вытерпѣть, абыс мы потом покою а вольности пожеданое зъ жонами и дѣтми ужывали, нижли длѧ гнюсности и ничемности не даваючы ѡтпору непрыꙗтелю вдать сѧ в спросную а вечную неволю. Але што за лѣкарство на тоє зло наити маєм? Што маєм чынити, будучы вжо долгими працами, невысыпѧнємъ и голодом знадзоны, абыс мы сѧ смерти передъ часом прыходѧчоє устерегли? З гола невѣдаєм, ꙗкъ тыє, которыє вже ѡкромъ того (стр. 203) тъху, длѧ долгого непокою ледве ѡтдыхаючого, а скуры давным голодом зморщоное, ледве знать ꙗко видишъ, иж єсмо въжды люди. Ты, ѡ которомъ розумѣємъ же вѣдаєш воли боже, нѣшто порадь нам[1]), што маєм с того двоига злого над нами висѧчого ѡбрать. Єсли подамо непрыѧтелю мѣсто, без похибы маєтности и горла, всих нас в небезпечность удамо, а ѡпѧт єсли насъ кгвалтом а чого злого над нами не будет а ꙗкого ѡкрутенства, в котором тот твои люд не ест терпливыи, над нами тотъ грубыи народ броити

[1]) На поляхъ: Рады жедають.

не будеть, нехаи такъ будеть, жэ некоторые межы нашыми суть на тую надзу и на муку терпливые, але далеко большеи тых естъ, которые, будучы звитажоны кревкостью чоловѣчою, страхом и муками бога сѧ запруть, вѣры, которую вызнали, ѡтступать, а душы своеи ущэрбене учынать. Твоѧ то тэды рѣч ест, мужу божыи, абысь тому злому нас вельцэ утискаючому забѣгъ а ѡ твоеи громаде ѡт страху дрыжачои радил а в часъ лекарство ѩкое, если можеш, далъ, абыс мы сѧ ѡт учтивости и побожности надзою прымушоны не ѡдорвали а ѡт воли Божое не ѡтступили.

Глава Г.

Никазыи маючы еще перед докончэньемъ того ѡбѧвенье ѡт бога, короткими словы так имъ ѡтповедал[1]): Ачъколвек не так много, ѩкъ вы внимаете, мои милые мещане, бачу в собѣ годности, ведже штоколвек естъ даров божых мнѣ даных, то ѩ все прыписую его ку мнѣ милости, милосердью и добродеиству, которыи не длѧ моих заслугъ, але зъ властное своее добротливости хотелъ мене ласки своее а неѡшацованых добръ своихъ участникомъ мѣть, которому штоколвек у мнѣ естъ, все прыписую, а того што даром божымъ ест, не маете длѧ чого силам моим прывлащать: ѡн моц, можност и доброть свою во мне выставил, ѩ его духу, надхненью и воли мушу быти послушон, которого если росказанью иле можем досыть чынити будемъ, а ѡбѣтницъ жывота небеского пэвною надѣею ѡжыдати будемъ, ничого на насъ в тых речах свецкихъ так тѧжкого не прыидеть, чого бы есмо у его вѣре статочне зносить а вытерпети не могли, ничого такъ трудного а непрыѩтельского, што бы нам легкого а ку вытерпеню лацного быти не мело. Множство а ѡкрутность того грубого народу, мещане (стр. 204) рэмэнсы, вже давно и вѣдаю, иж надзы в суседстве близких народов дознал есми того, кото-

---

[1]) На поляхъ: Ѿтповедь Никазого; рѣчъ бискупѧ.

рая заправду з божого допущена походить. Атыла не могъ бы вамъ шкодить а ни моцы своее против вам вытягнути, быс мы были грехами нашыми бога на себе не розгнѣвали, которыи то вже постановилъ у себе, што мнѣ вже давно ѡзнаимилъ, иж тоє мѣсто на ѡстатокъ в руки непрыятельскиє прыидеть, а вы зо мною восполок на ѡкрутност того грубого народу єстъєсте на готовани, абыс мы за выступки телесныє, которых есмо винъни, короткиє а дочасныє муки утеръпевшы, достали ся до жывота небеского а были єго участниками. Ну-жъ тэды, намилеишыє братя, штож кольвекъ за надза и небезпечност на васъ прыидеть, сталым а мужным сэрцэм терпите, за мною идите, пастэром и ѡтцом вашым, мене собѣ передъ ѡчы покладаите, абысте вы на духу здорови были, ꙗ ся наперед в непрезпечност уфамъ: короткиє то будуть муки, которыє ѡт того грубого люду будем терпѣти; ѡныи небескиє заплаты, которые бог тымъ, што єго у вѣре а въ милости вызнаваюћь, ѡт початку постановил, ꙗко суть не ѡгарнены смысломъ людскимъ, такъ заса суть щастливы, несмертэлны а на жадныє вѣки никгды нескончоны. Нехаи же васъ тэды ничого не страшыть, телесная або надза або мука, а ни ся годить тымъ, которыє васъ преслѣдують, злого не зычыть, але наследуючы Хрыстуса Езуса и науки и учынку за непрыятелы вашы, абы ся до правдивое знаємости божое и до правдивое дороги навернули, зо мною восполокъ уставичне ся молите.

Также тэж и ѡная Эутропия панна смеле намовляла мещаны ку мужному зношенью того, што вжо праве перед ѡчыма видела, даючы то по собѣ знати, же хотя бы непрыꙗтель тѣлу ее муки задавалъ, пред ся серцу статэчности, абы пры добром зостать а в нем не мѣло трывати, ѡтняти не будет могъ: С тыхъ тэды людеи побожных напоминаня мещане нешто боязни на сторону ѡтложывшы, ѡхотнеишым вжо сэрцэмъ ждали всяких прыгод. А в тотъ часъ угрове збурывшы муры а через нихъ перешедшы а иншыє ѡбороны розметавшы, до мѣста нагле вторгнули и внутры ся всюды по мѣсту почали полны шаленое запальчывости

росходити, забиѧючы кого поткали, так дорослыє ꙗкъ недорослыє, не фольгуючы жадному вѣку а ни плоти[1]).

(Стр. 205) Никазыи и Эутропиѧ здивившы сѧ так великои непрыꙗтельскои ѡкрутности, спеваючы набожныє пѣсни до костела панны Марыи, которыи был тот цныи бискуп збудовал, утекли в тот способ, абы гдѣ за часу щасливого поваженꙗ богу сѧ молили, там тэж часу набольшого нещастѧ а праве ѡстатнего крэсу богу душу дали. Угрове з великою попудливостью збегли сѧ тэж до того-ж костела, которых кгды Никазыи узрал, киваючы на них рукою а даючы знать, абы помолъчали, так до них в коротцэ мовил: Вижу ꙗ, жолнере намужнеишыє, же єсте вы ѡт правдивых а мужных жолнеров крови далеко ѡтродили, а намнеи не паметаєте на скромност, которую много диких зверат с прырожена мевають, которое кгды бы єсте абы на меншую троха мѣли, не так бысте сѧ роспусне срожыли въ звитѧжстве, которое звитѧжоным частокроть фолькговати а на самыє пышныє срожыть сѧ звыкло, а ни бысте такое ѡкрутности ужывали, жебы єсте все мечомъ выкоренить, нижли на ваш пожыток ѡбернути волѣли, ꙗкъ бы тоє чыє иншоє, а не ваше было, чого єсте не так далецэ силами вашыми, ꙗко божымъ допущенєм, достали. Ѡт великое а шаленое быстрости и попудливости не бачыте, иж и увесь люд в неволю и маєтности а вси нашы рѣчы ку вашои ѡздобѣ, кгды сте мѣсто взѧли, прышло. Люд хрестѧнскии с покорою падаючы до ног вашых просить, абы былъ ѡт вас горломъ дарован, а вы кождого, кого поткаєте, ꙗко быдло забиваєте над вси ѡбычаи побожности людъскои. Єслиж єсте умыслили быстрости вашои не погамовать, але запомневшы побожности и пожытковъ вашых вси мѣстца ѡкрутенством наполнити хочете, на мене, ѡ жолнере, которыи єстъ єсми ихъ пастыром, вашу ꙗдовитост ѡберните, ѡт трачена тых повстегните вашы руки, фолькгуите покорнымъ перед вами па-

---

[1]) На поляхъ: Мордъ; смерть люта; слова Никазого до угровъ; Никазыи забитъ.

даючым, пышные а штпорные, которые сѧ вамъ противать, громите, мене, бискупа их, если вас болшъ шкрутност нижли побожность рушает, мене мовлю, которы-м ажъ дотуль ваше звитѧжство зволочывал, забите, на мене сѧ шбуръте, поневаж сѧ так богу здало, душу выдрыте, а тые мои швцы, которые ничого злого не заслужыли, горломъ даруите.—Кгды тым напоминанемъ быстрость угоръскаѧ ничого сѧ не гамовала, але сѧ на всих срожыли, и на тых, которые сѧ были до костела зобрали, тотъ побожныи бискуп Никазыи почал ꙗко и перед тым молитвы плачу пильные до бога чынити, а скоро шн псалмъ Давыдовъ заспевал: Душа моѧ до земли прыльнула, тэды нѣкоторыи воевода, добывшы шабли, стал его, (стр. 206) которого голова хотѧ шт тѣла штпала, так поведають, иж пред сѧ спевати не перестала, але пред сѧ тые слова Давыдовы вымовила: Ѡжыв мене, пане, водле слова твоего. Тым то способом тот блокгославеныи муж хвалечы бога з того свѣта зъшол.

Потомъ угрове срожачы сѧ без мѣры, улакомившы сѧ на хорошство шное Эутропеи панны, хотѣли еи кгвалтъ учынити, котораѧ ꙗко сѧ здавна статэчне научыла чыстости своее стеречы [1]), так и в тотъ часъ шбернувшы сѧ до того, што Никазого забил, рекла ему: Нашкрутнеишыи зо всих, которых землѧ уродила, або не вѣдаешъ на ꙗкого-сь мужа божого невинностью а свѧтобливостью жывота зацного руками сѧ своими торгнулъ, которого-сь, хотѧ-ть ничого злого не учынилъ, незбожне горла збавил? Слушне тебе за такии злостивыи учынок справедливыи суд божыи будеть ждати. Мало маешъ на томъ, же-сь человека свѧтобливого в костеле божем забил, але и мене до того прыневолѧеш, абых твоеи спросної хути поволна была, але бог, которыи цноты и чыстости боронить, того твоего скваплиного а незбожного учынку за моею послугою незомщоного не пустить. А домовлѧючы того Эутропѧ торгнула сѧ ему до волосов, а потомъ ухватившы его крепко за горло, выбила ему шчы [2]). Другие

[1]) На поляхъ: Эутропиеи статэчность.

[2]) На поляхъ: Мужство дѣвочэ; знаки дивные; видане дивное.

жолнере, которые гледѣли на мужство тое бѣлое головы, будучы рушоны прыгодою товарыша своего, торгнули сѧ на ѡную панну и на иншые хрестѧны, которыє были в костеле, а позабивали их.

Пишуть нѣкоторые так, ижъ угрове кгды вже над всими, так тыми, што въ костеле были, ꙗко тэж и надъ тыми, што на иншых мѣстцах по мѣсте, досыть срокгости ужывали, а до маэтности сѧ кинули, небескими страхы были прережоны. Видели на повѣтрыю воиска потыкающэ ся, слышали в костеле ꙗкии-сь дивныи а страшливыи шум, кгромот, которыми знаки будучы престрашоны дали лудови покои, а на розныє мѣстца з великим страхом з мѣста повтекали. А потомъ ѡное мѣсто долго пусто стоѧло, походни гораючыє надъ мѣстом часто и долго видано, спеванє ꙗкоє-сь з неба слыхано. Много мещанов, которыє были боѧчы сѧ непрыѧтелѧ повтекали, узревшы так много чудов и знаков, довѣдавшы сѧ ѡ ѡттѧгненю непрыѧтельскомъ, вернули сѧ ѡпѧт до мѣста, а Никазого и Эутропию и иншых людеи цнотливых тѣла з великим плачом поховали.

Глава а҃і.

То кгды ся въ ремэнскомъ мѣсте дѣяло, Атылѧ нѣкоторого гэтмана своего (стр. 207) Кгюлу, албо ꙗкъ єго нѣкоторыє зовуть, Юлюса, давшы єму немалую часть воиска своєго, послалъ до Колна, котороє зовуть Агрыпъпина, абы єго добывал, котороє мѣсто, ꙗкъ тепер, такъ и на ѡн часъ было зацноє и великоє. В тот часъ Этэреусъ, сын королѧ анкгельского, млоденец хорошыи, цнотливыи и добрых ѡбычаев почалъ сѧ старать в малъженство ѡ Уршулю, брытанского королѧ дѣвку ѡдиначку, пославшы з великою хутью послы до ѡтца ее, которого коли не вѣдал, што бы за ѡтповедь дати, Уршулѧ смутного и троскливого напомнела, абы давшы фрасунъком покои заручыл ее за Этэреуса, поведаючы иж маєть тоє объѧвеньє ѡт бога, абы сѧ не зборонѧла малженства того в тот способ, иж бы єи єще дано

вольные тры лѣта, через которые бы ѡтправила дорогу свою, на которую сѧ была ѡбецала, то ест абы шла до Рыму, маючы пры собѣ десеть тисечеи панен. А про тож того сѧ домовлѧла, абы и ѡнъ и Этэреусъ паниц ее старали сѧ сполне, ꙗкъ бы єи нашли десеть панен ѡсобное чыстости и статэчности, а каждаѧ з них абы мѣла пры собѣ тисечу панен, и ѡна сама абы тэж также пры собе тисечу мѣла, ѡдно же бы вси были ѡсобливое цноты и чыстости. Послове, взѧвшы ѡд отца Уршули тую ѡтповедь, з радостю ѡтехали.

Этэреусъ и брытанскии король, ѡтец Уршули, зобравшы водле змовы такъ много панен, дали их Уршули в товарышство, котораѧ прынѧвшы тое шлѧхэтное товарышство а справившы ѡдиннадцать великих кораблеи и другие рѣчы на так далекую дорогу потребные, пустила сѧ морем з Брытанѣи аж до того мѣстца, гдѣ Рэнъ в море упадаеть, гдѣ тепер єстъ часть Гольлѧндэи, ѡткуль ѡпѧт рекою против воды прыехала до Кольна з великою радостю мещановъ, а с Кольна до Базылѣи. Тамъ зоставившы корабли и иншэ спраты шла пѣша до Рыму, котораѧ потомъ, ѡбходившы и ѡгледавшы местца и свѧтости вси в Рыме, ꙗко была ѡбецала, вернула сѧ до Базылѣи, а папежъ Цырыꙗк проводил ее з великою почестносѣью ажъ до мѣстца. Всѣвшы тэды у Базылеи у корабль Рэномъ рекою на дол ехала до Кольна, котораѧ выседшы на берегъ ничого сѧ непрыꙗтелѧ не сподеваючы, але такъ внимаючы, абы все безпечно было ꙗкъ первеи, кгды сѧ до мѣста прыближати почала, тогды ее угрове зо всих сторон ѡбскочыли а з оными всими паннами ѡкрутне позабивали[1]). Так тогды ѡнаѧ шлѧхэтнаѧ панна зъ Этэреусомъ паницэмъ своим, которыи довѣдавшы сѧ же Уршулѧ назадъ едеть, з маткою и з сестрою Флюрентыною и з-ыншыми нѣкоторыми бискупы аж до Кольна противъ ее был выехал, и з оным Цырыꙗком папежом и зо всими ѡными паннами с того свѣта зошла, а чыстость свою Хрыстусу (стр. 208) правдивому девицства

---

[1]) На поляхъ: Ѡдиннадцать тисечеи девиц.

ѡблюбенцови ѡфаровала. Тых панен тѣла лежать въ Колне; историкове не згожають ся ѡ часе того побитья, але иж кроиника угорская старая тот час побитья тых панен быти поведаеть, подобна реч ест къ вѣрэ, иж в тотъ час, кгды Атыла у Францэи был, Уршула с паннами своими была ѡт угров забита. Атыла добывшы Рэмов, переехавшы францускую землю а Фландрыю злупившы и звоевавшы, тягнулъ до Турынкгии; тамъ хотечы ѡказати, ижъ всю францускую землю и увесь заход слонца звитяжыл, умыслилъ в мѣсте Изынацэ зъездъ мѣти а великии фэстъ учынити. А про тож много пограничныхъ королевъ и народов частю з боязни, частю иж и его самого и его пыху рады бы были видели, зъехали ся до него, которые Атыла гоине ударовавшы вольно пустил.

Было не мало народовъ над берегами мора брытанского и бальтыцкого або немецкого мешкаючых, которым еще неправе страшна была можность Атылева. Про то абы и тые шабли почули, ѡбрал колко гэтманов, абы тягнувшы воиском калетаны, нортманы, морыны, тункгры, фрызы, цымбры и прусы воевали, а все если не будуть его панованья послушны, ѡгнем и мечом пустошыли. Тые вси народове злякнувшы ся тягнучых непрыятел доброволне ся поддали угром; а в тот час Атыла довѣдавшы ся иж рымляне и кготове пописують жолнерэ, збирають воиско а воину против ему хотять възновити, ѡбаваючы ся абы ѡн самъ и его жолнере так великими працами, воинами и звитяжствы розмаитымъ повоженемъ ѡдержаными будучы велми спрацованыи не был яко ѡт непрыятеля . . . . ѡпустившы францускую землю вернулъ ся до Сыкамбрые столечного ув-Угрехъ мѣста своего, гдѣ былъ Буду брата своего зоставилъ.

Глава бі

Атыла, кгды ся на воине француской забавил, Буда брат его частью для того, иж ѡ звитяжстве и ѡ жывоте Атылевом ничого пэвного не вѣдалъ, частью тэж радшеи для того, иж ко-

ролевство двух панов мевать не може, умыслил панство угорскоэ вылучаючы ѡт того брата сам посѣсти, которое для тое прычыны водле воли своее дома справовати почал. Которое речы (стр. 209) были великие знаки, иж замок ѡныи, которыи Атыла почавшы недалеко Сыкамбрые будовать казалъ был Атылемъ прозвати, ѡн узгордившы волею братэрскою ѡт своего имена назвал Будою[1]). Для тых прычынъ будучы ѡбмовленыи Буда, кгды Атыла для того змоцнены не смѣл ся на него явне кинути, на зраде на него ударывшы поималъ его и забил и казал вкинути у Дунаи, над которомъ Сыкамбрыя и Буда албо Будзынь столечное коруны угорское мѣсто лежыть. Нѣкоторые такъ поведають, иж Буда еще передъ битвою каталяуницкою был забит, але я держачы ся кроиники угорское, держу ѡ том, же ся то по тои битве стало. Забившы Буду казал ѡбволати тот вырок, абы кождыи тот замок Атылем звалъ, а Будзына не вспоминал; ведже иж посполите прырожения людъские бывають розные, а большеи ся до речеи заказаных горнуть, про то много их было, которые тому росказаню не чынили досыть: угрове тот замок и мѣсто еще и тепер Будою албо Будзынем, а нѣмцы Эцэльбуркгъ, то естъ замок Атылин зовуть, теперъ ѡт цэкгельнеи, бо там перед тымъ много вапна жыгано, зовуть Офъфэн, ѡткуль значыт ся, иж нѣмцы, якобы через мѣчъ ѡт угровъ достаты, на ѡнъ часъ тэжъ Атыли послушни были.

По забитью Буды, кгды ся вси рѣчы ув-Угрех въспокоили и порадне постановили, Атыла пять лѣт в Сыкамбрыи мешкал, а через тот часъ жолнерэ его, прывыкшы лупу, сэрбъскую землю, Мацэдонию, Ахаю, Тэсалию и Трацэю наеждчали, лупили и пустошыли, а на ѡстаток тэжъ мѣста и люди угорские Атылевы подданые велми утискали и шкоды им чынили, так ижъ много его подданых, не могучы терпѣти такого лупежства, ѡтбѣгъшы добытку и быдла, упросившы ся первѣи у Атыли на иншое мѣстцо переносити ся мусели, гдѣ хто волѣлъ, а сам

---

[1]) На поляхъ замѣчено: Тепер то Будзынемъ зовуть.

Атыла абы мог вѣдати што са по всихъ краинахъ свѣта дѣеть, постановил на чотырох мѣстцах своихъ посты албо подводы [1]), ѡдну в Кольне, што их зовуть Акгрыппина, другую въ Єдоре, мѣсте далматскомъ, третюю в Литфе, четвертую у реки Танаис: с тых мѣстцъ кождоє мало не всего свѣта справы через ѡтмѣненые на мѣстцах своихъ посты до Сыкамбрыи до него доношоно, а ѡн ѡпатъ ѡным всимъ волю свою ѡзнаимовалъ. Кгды то постановил, тот мѣлъ с того пожыток, иж частью снадности а погоды на непрыѧтела, ѧкъ бы против ему справил, искалъ и пильновал, частью тэж ѡ всемъ в час, што ѡни против ему почать хотѣли, пэвную вѣдомость мевалъ.

Глава ѓі. (Стр. 210).

Сыкамъбрыю мѣсто, ѡ которомъ чынил часто възмѣнку, поведають исторыкове, иж французове збурывшы за справою Антэнора троѧнского Паннонию, которую теперъ угорскою землею зовуть, на паметку имена своего перед давными часы збудовали, через много лѣт в нимъ мешкали. Того мѣста Атыла, коли угрове Паннонию, ѧко-м вышеи поведал, посѣли, поправилъ а столицою собѣ ку мешканю ѡбралъ, которое єсли ѡт сыкамбровъ, людеи немецкого народу, над Рэном мешкаючых, которое передъ тымъ французове воинами утискали, єсли тэж для которое иншое прычыны Сыкамъбрыєю названо, не маю достаточное ѡ том пэрности. Тамъ хота ѡсобою своєю Атыла умыслил былъ мешкати, ведже будучы велми хутливыи до славы, уставичне ѡ том мыслил, ѧко бы панъство розшырылъ, королевство до королевства прылучил, кождыи народ под свою моц подбилъ а славы собѣ воинною прымножал. К тому тэж, роспоминаючы собѣ поражку люду своего каталауницкую, ѡ том розмышливал, на том увесь был, усихъ дорогъ а фортэлев до того искал, ѧкъ бы са крывды ѡное поражки помстити могъ. В тотъ

[1]) На поляхъ: Подводы Атылевы.

часъ услышавшы пэвную ω смерти А[э]цыусовой новину, розумѣючы же на доказане того, што былъ вжо давно умыслил, дорога ему сѧ ωтъ Бога подала, а къ тому нихто вже не былъ, которыи бы его силамъ ровенъ могъ быти, умыслилъ напервеи на землю влоскую ωбурыти сѧ, абы звитѧженемъ ее жалосное на каталѧуницъких полѧх битвы паметку новымъ мужством а новою военною славою затер. А так прызвавшы до себе королев и народов, которые через тот час подъ его хоругвою воину служыли ему кг воли, учынил до них рѣчъ тыми словы[1]).

Кгды ваше мужство а сэрцэ до справъ военных ωхотно, мои милые гэтманове шлѧхэтные и жолънерэ мужные, самъ у себе уважаю, а к тому тэжъ то, ꙗко-м много людеи, народов, краю, королевствъ мужством вашымъ, силами и товарышствомъ ратованыи под мою моцъ подбил, ꙗко-м на ωстаток много звитѧжствъ по всих землѧх ωдержал, зда ми сѧ реч не потребнаѧ, абых вас многими словы до того, до чого сами с прырожена своего склонъни естъесте, або напоминалъ, албо побужал, поневажъ до кождых мужных а рыцэръских справ, которые прыстоѧтъ мужнымъ людемъ, ꙗкъ еще сперву склонни а ωхотни были есте, досвѣтчылъ есми самъ того; толко ω то сѧ нам потреба пильне старати, абыс мы сѧ (стр. 211) дороги до учыненꙗ чого зацного, што ест у людеи в такои потребе рѣч напереднеишаꙗ скоро сѧ подаст, не лениве а хутливе хватали, которое если сѧ держать будем, товарышы милые, тэды все нам поготову будеть, лечъ если ее занедбаемъ, а ꙗк много працы, старанѧ и фрасунку первеи поднѧть мусим, нижли бы сѧ нам засъ подала.

Сила рымъскаѧ, великое панство, шырокое, вельможное а паметное завжды было, маючы под своею моцю увесь свѣтъ, вже вам давно естъ свѣдомы. Тое панство, иж просторнеишэ, шыршэ и зацнеишэ перед тымъ бывало, тым большому упадку а небезпечности тепер подъданы естъ, если пилне углѧнем в тое,

---

[1]) На поляхъ: Рѣч Атылева до королевъ и жолънеров своих, кгды на влоскую землю воину поднести мѣлъ.

ѧкъ сѧ тепер ихъ рѣчы мають, а чого злого ѡни тепер за нашого часу, або з божого допущеньѧ, або тэж зъ ѧкого силъ их звонтленьѧ а нахиленѧ не утерпели. Вандалове, висикготове, брытаннове и нѣмцы, которые панство рымъское водле воли своее наеждчали, давають то нам знать ѧкъ силы их тепер суть слабы, звонтлены и вынадзоны; Афрыку, Ибэрыю, Францэи не малую часть, Брытанъчию, которые земли перед тым под рымскимъ панованемъ были, тепер непрыѧтель маеть; Паннониѧ, сэрбскаѧ землѧ, Трацыя, Мацэдониѧ, словенскаѧ землѧ и иншые въсходу слонца краины мужством, жолнере мои милые, вашымъ рымѧном ѡтнѧтые, под нашым панованемъ суть. Чогож тогды вже иншогѡ не доставаеть? Ѡдно, абыс мы на влоскую землю ѡбурывшы сѧ, котораѧ ест над вси помененые краины преднейшаѧ, подбили ее под свою силу, чого если же дороги нам ѡт бога до того даное, жолнере милые, з рук спросне а недбале упустить не будете хотѣли, лацно доказать будете могли, бо а которые мѣстечка и великие мѣста, которые на ѡстаток народове, которые королевства шабли вашое не боѧли сѧ, не почули, не дознали [1])? Што сѧ коли, жолнере намужнеишые, так трудного вам видело, чого бы ваше мужство и во всих речах статэчност лацнымъ не учынила? А если же рымѧне в королевствах и в краинах помененых, которые перед тым подъ ихъ панованемъ были, не могли сѧ вашое шабли, вашому мужству и моцы жадным способом ѡтнѧти, штож розумѣете, што теперъ против вамъ, силы зуполные маючым, долгим ѡтпочываньемъ змоцненымъ, много товарышства розмноженемъ заможным, панство рымское вже звонтленое будеть могло? Битва каталѧуницкаѧ, абых тэж и нашое поражки въспоминаючы чужую надзу не запомнѧлъ, ачколвекъ нѣѧкою товарышов нашых исполных (стр. 212) жолнеров за мужством [А]эцыусовым прынесла, ведже если личбу непрыѧтел побитыхъ до нашых прыровнѧете, ѡбачыте, же то што есмо мы терпели, будеть смѣхомъ а игрыщомъ перед

[1]) На поляхъ: Выславѧеть люд свои.

ихъ упадком, а ни ꙗ еще тое прошлое битвы надзу, если есте которую поднѧли, гнюсности а ничэмности вашое прыписовати могу, бо а хто з вас не мѣлъ рукъ у крви непрыѧтелских ѡмочоных, або хто з вас непрыꙗтелеви горла не выдрал? Але што колвек тамъ злого на насъ прышло, то прышло з розного и никгды не ѡднакого поважена воины а ѡблудного щастѧ, которое такъ люди мужные, ꙗко тэж гнюсные а ничемные ѡднако без браку много кроть утискать упадком звыкло. Тепер тэды, товарышы а жолнере мои мужные, час ест абыс мы сѧ ѡнои давно поднѧтое поражки новымъ мужъством помстили, што будеть без похибы, если не будем волѣли ничэмне естъ въ гнюсности, нижли сѧ тое дороги а снадности, котораѧ се тепер подала, держать. Сэрдцэ мое будучы тых речеи, которые маютъ прыити, пророком, мнѣ даеть знати, ижъ влоскаѧ землѧ в коротком часе не з великою працою наша будеть, котораѧ кгды под нашу моцъ прыидеть, што-жъ вжо зостанеть въ Эуропе, што бы не лацно мусело подъ ваше ꙗрмо прыити?

Нуж тэды, мои милые товарышы, ꙗко сѧ есте до иншых рѣчеи аж по нинешнии день ѡхотне брали, так сѧ тэжъ и на тую выправу до Влох берыте, не зоставаите собѣ винни в щастю, въ богатствах и в зацности вашои, чого потреба на воину вже тепер готуите, зо мною восполок пущаите сѧ за щастемъ, вѣръте мнѣ, жэ не праца, не небезпечность и не иншые, которые сѧ на воине трафаютъ, надзы або трудности не ѡдорвуть мене ѡт розъмножанѧ вашыхъ богатствъ, ѡт захованьѧ прыꙗзни и помоганью товарышъства а ѡт боронена здоровѧ вашого. Все хочу з вами сполне подыимовати и ѡвшем всего перед вами хочу первѣи коштовать, только за мною за щастьемъ а за снадностю або погодою, которые двѣ рѣчы на воине суть напреднеишые, идите. Постараю сѧ ѡ тое за помочю божею, иж влоское земли не малаѧ часть первеи будеть под вашым панованем, нижли рымскаѧ сила против вамъ выидеть.—Тыми словы гетмане и жолнере Атылевы такъ были рушены, иж з великою радостью кликали, же не толко до влоское земли з нимъ потагнути, але до

каждое части свѣта, до которое Атылѧ каже, за єго хоруговю смѣле поидуть а росказанє чынить будуть [1]).

Зобравшы тэды Атылѧ своих [2]) и ѡстрокготов, эрулев, турцылинкгов, ѡвадовъ, рукгов, которых спереду в товарыш- стве на воине зъ собою мѣлъ воиско, кгды зготовавшы сѧ в дорогу на конь вседал, поведают же крукъ [3]) (стр. 213) ѡт усходу слонца прылетевшы усѣлъ на правомъ плечы єго, а потомъ възлетѣл къ горе и летелъ так высоко, же єго потом жадэн дозрэть не мог. С тое ворожки Атылѧ будучы вэсол, заразом тѧгнул в дорогу, напервеи тэды до Стырыи, Карынтыи, словенскои и долмацкое земли вторгнулъ, которые звоєвавшы а Салону и Спалѧт мѣста зъжогъшы до берегов адрыатыцкого мора прытѧгнул; потом Тракгур, Скардону, Сыбиник, Іадору, новую Сэкгнию, Потэнцыю, Поле, Тэркгестъ, Капифэрыю, мѣста велми богатыє и велми хорошые збурылъ а на луп своимъ жолнером ѡбернулъ [4]).

На самым до волоское земли втѧганю нѣшто люду Валентынѧнина цэсара засело было теснины або ужыны дорог, хотечы Атыле . . . . назад; але кгды сѧ там прыближалъ, тогды вси ѡт страху повтекали.

Рокъ [5]), которого Атылѧ ѡбурыл сѧ на вълоскую землю, был ѡт нарожены божого чотырыста пѧтьдесѧтыи. Эуззбиусъ прыкладаєть до того ѡдинъ рок, а Сыкгэбэртъ чотыры.

Вэнэтове, ѡ которых историкове поведають, ижъ згубившы под Троєю Пилимона королѧ, маючы вожэм Антэнора до внутрнои адрыатыцкого мора ѡдноги были прышли, на тот часъ ѡколо Адрыи мешкали; тыє зъ многими мещаны аквилеєнскими и ѡт иншыхъ близних мѣст ѡбыватэльми, боѧчы сѧ Атыли,

---

[1]) На поляхъ: Позволенє вальки.

[2]) На поляхъ: Выправа Атыли до Влохъ.

[3]) На поляхъ: Крук знак.

[4]) На поляхъ: Панства и мѣста збуроные.

[5]) На поляхъ: Рок, которого Атылѧ на влоскую землю ѡбурылъ сѧ.

стившы своє властное мешканє напервеи утекли были до нѣкорое выспы недалеко ѡт Аквилеи мѣста, потомъ домнимаочы сѧ, жебы и там Атылева сила досѧгнути мѣла, перенесли до иншое выспы, ѡт навалности морское безпечнеишое, которую зовуть Рыуусъ альтус, на котором мѣстцу почали будовать тоє мѣсто, которое теперъ Вэнэцэею зовуть [1]).

Глава ДІ.

По збуреню мѣст преречоных, кгды Атыла ку Аквилѣи тѧгнул, зашло єму дорогу ѡт тэръкгестынское ѡтноги рымское воиско досыть великоє, которое поразившы а выкоренившы ѡблегъ Аквилию мѣсто [2]), котороє ач трудноє было ку добытью, частю для того, иж мещане довѣдавшы сѧ ѡ тѧгненью Атыли, ѡгледѣли сѧ были на всѧкие потребы ку вытрываню ѡблежена и ку ѡбороне мѣста потребных, частью тэж (стр. 214) для того, иж не мало люду мужного ку ѡбороне в ним мѣли, ведже абы толко тоє ѡдно мѣсто не было прожно ѡт того так великого сэрца корола можности и потужности, хотѣлъ под ним всѧкого нещаста досвѣтчыти. А так добываючы єго дѣлы, которых не мало зъ собою мевалъ, кгды єму сѧ не водле мысли шанъцовало, тры лѣта по прожницы под нимъ стравил а в тот час вси пола вколо повоевал, котораѧ рѣч была того прычыною, иж въ ѡбозе Атылевом велми трудно было ѡ жывность, а для тогож так люди, ıако и быдлата, мусели єдать незвыклые потравы, розмаитые хоробы прыносѧчыє. До того вже было прышло, же сѧ былъ Атыла пры том ѡблеженю велми стошнил, и жолнере частю надзами долъгого ѡблеженıа, частю недостатком речеи потребныхъ, велми были стрывожоны и на телѣ звонтълены; вже всюды по ѡбозе слыхать было шамрене и нареканє жолнеров,

---

[1]) На поляхъ: Початок Вэнэцэи.

[2]) На поляхъ: Аквилиѧ ѡд Атыли ѡблежона; Аквилии тры лѣта добывалъ; фортэль.

гнѣваючых сѧ, ижъ не з людми прыстоиною воиною, але с каменьми а муры и баштами недобытыми справу мѣли, с которое працы и терпливости а ни славы а ни нагороды жадное мѣть не мѣли, поведаючы, жебы то было им учстивеи и пожыточнеи до Рыму влоское земли головы заразом тѧгнучы, єсли бы сѧ Атылѧ въ ѡблеженю мѣст кохалъ, которого добывшы лацно бы сѧ другиє мѣста поддали а всее влоское земли богатств угром сѧ достали; к тому єще, взѧвшы Рым, мѣли бы вечную своих справ славу. Тоє жолнеров нареканє ачъколвекъ Атыли было велми прыкроє, ведже, абы толко того ѡдного мѣста моцность славы єго с так много зацныхъ справ по всем свѣте квитнучое не нищыла, благаючы жолнере своє частю надѣєю ѡдержена звитѧжства, частю великими ѡбѣтницами, а их хуть против собѣ єднаючы, умыслил так долго ѡт ѡблеженѧ не ѡтступовать, аж бы того мѣста ꙗкоколвек достал, што абы што рыхлеи справити мог, про то и сам у небезпечност удавал сѧ, ездечы часто ѡколо муров мѣстских, ѡгледаючы а ищучы, с которое стороны лацнеи добыть; а такъ кгды нѣкоторыє молчаньє ѡблежоных а муры пустыє вабили єго до того, абы близко под мур заехал, нѣкоторыє жолнере местцы вытекшы таємне через рынштоки и инъшыє подкопаныє проходы под муром длѧ...... угров учыненые, нагле сѧ до него торгнули. Атылѧ, видечы же а ни утеканю а ни в иншых своих помочеи надѣи здоровѧ не мѣлъ, ѡдно у своеи дужости а мужстве, абы ѡднак без помсты не умеръ, смѣле на них ударыл а забившы двух, кгды другиє видечы єго смѣлость не такъ сквапливе натирали, здорово до своих вернулъ сѧ [1]).

(Стр. 215) Поведають, ижъ тыє жолнере мѣстцы поведали ѡпѧт своимъ, иж зъ ѡчю того жолънера, хтоколвекъ былъ, бо не вѣдали же бы то Атылѧ был, искры ꙗкъ бы ѡгнистыє блискали сѧ, кгды на них заꙗдовитившы сѧ гледел. Другого потом днѧ, кгды прожно розмаите до мѣста штуръмовавшы Атылѧ

[1]) На поляхъ: Дужост Атыли.

фрасунку полонъ водле своего ѡбычаю ѡколо мѣста ездилъ, увидел иж бусел на верху нѣкоторое высокое вежы гнездо мѣл, с которого дѣти свои еще голые ѡдно по другом до троснагу, которая была не далеко мѣста, в губе по ѡдному носилъ; на што Атыла загледѣвшы сѧ, кгды долго стоял мыслечы, потом рекъ до своих, же тот птах, чуючы мѣста того вже велми близкии упадок, беспечное дѣтамъ своим мѣстцэ готуе, бо иж сѧ до троснагу з дѣтми переносил, значыло сѧ иж в коротком часе мѣсто до его рук прыити мѣло, а протож бусель, чуючы прышлыи упадок, хотѣлъ дѣти свои мѣть на волности, абы потом вспол͡ок з мѣстом в борзде не згорѣли, або сѧ з вежою не ѡбвалили. А про тож Атыла, будучы тою ворожкою напомененыи, того-ж дня почалъ места лепеи и потужнеи добывать, але коли в тот час ꙗко и первеи не повело сѧ ему водле мысли, на завтрэе казал седла кождого четвертого коня зо всего воиска своего зобрати и в перекоп накласти по тои стороне, гдѣ мур былъ слабшыи, и зажечы, абы мур, будучы ѡгнемъ звонтленыи, або самъ сѧ ѡбвалилъ, або сѧ потом дѣламъ лацнеи дал збить[1]). В тот час Атыла, наготовавшы начыне до битꙗ муру, а жолнере до штурму напоменувшы, ждал часу абы скоро бы ѡгонь утихъ, муръ ламалъ а до мѣста штуръмовалъ, але его таѧ рада не ѡмылила, бо муръ будучы великим а кгвалтовным ѡгнем звонтленыи лацно сѧ дал розвалить. Атыла видечы тую снадность до взатꙗ места, напоминал жолнере, абы каждыи водле мужства своего старал сѧ через мур перебити а до мѣста воити. Ѡни з великою ѡхотою беручы сѧ до того кинули сѧ на жолнере, мѣста боронѧчые, будучы готовы всѧкие раны подыимовати, а ни збroини мещане а ни жадна небезпечност не могла их ѡт предсѧвзатꙗ гамовати, але смѣле а нелѧкливе через мур сѧ перебивал. Не меншым тэжъ серцэмъ мещане мѣста себе а своего и жон и детеи своих горла боронили, видечы иж жадное иншое надѣи здорова не мѣли, ѡдно коли бы непрыѧтелѧ долгою працою и надзами вже

[1]) На поляхъ: Ворожка зъ бусла; Мур вонтлен.

спрацованого ѡтогнати, а мѣсто моцю и мужствомъ своим заховать могли; што Атыла видечы, казал ранные до ѡбозу ѡтводить, а свѣжым на тое местцо наступовать; самъ, котораꙗ речъ тэж и гнюснэ або недбалые жолнере в рѣчы вонтпливои побужать а мужными (стр. 216) чынити звыкла, пры них был, кождого сѧ мужству прыглѧдывал, на кождого властным его прозвискомъ кликал, напоминал, просил, абы того што почали не переставали, поведаючы же вжо болшою працою трудност и небезпечност поднѧли а до ѡдержанѧ мѣста меншаѧ зостала, за которое подымоване кождому з них великую нагороду наготовалъ [1]). А такъ жолънере велми потужне силы прыложывшы а ѡколо муру пилне сѧ забавившы, за тры годины мѣсто взѧли [2]), молодые и старые ѡднако забивали, а ни вѣкови, а ни плоти не фолькговали, хиба троха бѣлых головъ што хорошшых зоставили [3]); все што было в мѣсте на лупъ жолънером подано, ѡ трыдцать и семъ тисечеи людеи там забито. Была на тот час в мѣсте бѣлаѧ голова так набожностью ꙗко чыстостю и роду зацностью славна, а так хороша, иж цуднеишое в мѣсте над нее не было; звано ее Дикгъна [4]). Таѧ довѣдавшы сѧ, ижъ угрове кождого забивали, хиба бѣлые головы што хорошъшые зоставовали, утекла на верхъ дому своего, умысливши первеи умерети, если бы ее которыи угрын хотелъ кгвалт учынити, нижли чыстость свою сътрати [5]). А так кгды нѣкоторыи жолнѣр улакомившы сѧ на ее хорошство гонил ее, хотечы еи учынити кгвалт, ѡна ускочыла в реку Натысону, котораѧ под ее дом текла, и утопила сѧ; так ѡнаѧ статэчнаѧ невѣста жолнера спросного спроснои хути смертью своею ушла.

---

[1]) На поляхъ: Мужство королевское.
[2]) На поляхъ: Аквилиѧ взѧта.
[3]) На поляхъ: Тые не бывають забиваны.
[4]) На поляхъ: Дикгна бѣлаѧ голова.
[5]) На поляхъ: Цнота бѣлое головы.

ла была
равою Ге
правою;
о, еслиб
тагнул
ца знак
мъ бави
тку прь
хипко и
ли, смен
гоиную,
ую прап
им бават
азалъ их
вседали
чынить
ложыть
порожн
, иж по
ромъ бу
ли [2]); ко
ѣчах уж
ы семна
мъ перв
з силу
на пер
шы ему

-

а кукгл
скочко
рдыи до
н.

казалъ [1]), иж водле волности поэтыцкои назбыт его выславаючы написал ꙗкъ бы Атыла ѡт богов пошол, поведаючы то быти великую невстыдливость, кгды люди смертэльные змышлꙗючы сꙗ мѣти початок от богов несмертэльныхъ. Потом Вэнэцыю, Мантуу, Брыꙁию, Бэркгамъ, Кремону, Фэрраръ, мѣста крепкие и богатые моцъю взалъ [2]) а на луп жолнером подалъ, которые вси частю длꙗ хорошого а коштовного ихъ будованьꙗ, частью тэж длꙗ прозбы прыꙗтелъ цэло зоставил а не жог ихъ, хиба самую Брыꙁию длꙗ раны в бране мѣсткои, кгды сꙗ кгвалтом до неи вдирал, поднꙗтое восполокъ з мещаны замкнувшы их в нимъ до кгрунту зъжечы был умыслилъ, але его прыꙗтели такъ же прозбами ѡт того ѡтвели. Добываючы тэж Винцэнцыи знаменитое мужства своего сведэцство ѡказал, бо кгды жолнере его длꙗ потужности ѡблежоных и глубокости воды до муру звлочали ближеи сꙗ шанцовать, самъ у перекоп прудко вскочывшы а через воду [3]) аж до персеи брынучы до муру прышол, которым его учынком жолнере побужоны за встыдомъ мусели сꙗ до муру убегать, а нѣкоторые з них потонули. Тамъ ѡттуль до Равэнны тꙗгнулъ. Был там на тот часъ бискупом того мѣста Ꙗнъ, аррыанскои сэкты великии ѡборонца; тот здавна зобравшы великие богатства, так велико наследуючы в том папежа рымского, ꙗко тэж на злост и на зельжывост, учынил был дванадцать бискупов тое-жъ сэкъты вызнавцовъ, абы за их послугою и помочъю ѡную сэкту свою шыреи по влоскои земли розмножыл. Тотъ коли сꙗ Атыла до Равэнны прыближал, з множствомъ духовных ѡсобъ и мещан вышедшы против ему просил его покорне абы гнѣвъ свои на сторону ѡтложыл, ѡбецуючы ему того довести, еслибы его вѣру прынꙗл, а тых которые костела рымского слухають пренаследовал, иж в коротком часе Рыму и всее влоское земли и Афрыки ѡкром працы а небезпечности достати можэ; которому Атыла

---

[1]) На поляхъ: Атыла виршы зъжогъ.
[2]) На поляхъ: Мѣста, которые побрал.
[3]) На поляхъ: Зацныи учынок Атыли.

ѡтповедалъ, же поневаж сѧ в по(стр. 218)кору вдали, ѡн имъ ничого злого не учынить, а ѡбетниц, если имъ досыть учынити будеть мог, рад ждати будеть; ѡтакже абы ѡднакъ потомъкове твоих мещанов не пышнили сѧ тымъ, же-м ꙗ того мѣста за ꙗкими умовами а не моцъю достал, про то хочу абы вси браны мѣстские зараз были поѡбвалены, а черезъ нѣкоторую част муру розваленую а копытами кони нашых утлучоную зо всим воискомъ зброино хочу до мѣста ꙗк звитѧжца уехати [1]).

Ꙗн бискуп и мещане вырозумевшы волю Атылеву, ѡтворывшы браны местские з радостю росказане чынили а королѧ до мѣста упровадили, в котором Атылѧ зо всими своими воиски потуль мешкал поки хотѣлъ. Потом Тыцын, который тепер Папиею зовуть, Плацэнцыю, Парму и Мурыны збурывшы, Мэдыѡлѧн [2]) взал моцю, мещаны позабивал, мѣсто збурыл и з землею зровналъ. Тамъ ѡттуль прытѧгнувшы на тое мѣстцо, гдѣ Мынцъ до Паду впадаеть, почал собѣ розмышлѧть если мѣл з воиском тѧгнути до Рыму, будучы рушоныи прыгодою Аларыка королѧ кготского, ѡ котором поведано ему, иж кгды тэж былъ первеи того мѣста добыл и вылупилъ его, нагле умер. А так кгды въ ѡбозе розмышливал собѣ што бы мѣлъ чынить, панове преднеишые рымские, ѡбавлѧючы сѧ абы сѧ Атылѧ до ѡблеженꙗ Рыму не поспешылъ, шли до Лва папежа и просили его абы ехал с покорою до Атыли, гнѣвъ его ублагал а горла рымѧном упросилъ, маючы тую надѣю, жебы то у него лацно упросил, поневаж тэж также Ꙗна равэннэнского арцыбискупа кгды пал до ногъ его в ласку прынѧл. Лев папежъ частю прозбою рымѧновъ, частю костела своего небезпечностю прыведеныи, умыслилъ так учынить. Поведаеть Сабэллик ижъ Валентынѧн цэсар Лва папежа на то был намовилъ. Кгды сѧ то дѣѧло, тогды Атылѧ абы его жолнере, которые працам а уставичнымъ справам прывыкли, не зничэмнели у прожневаню а

---

[1]) На поляхъ: Знакъ звитѧжства.

[2]) На поляхъ: Мэдыѡлѧн.

в покою, нѣякого Зовара воиска своего гетмана ѡбрал, которыи, взавшы немалую часть воиска, тагнул до Апулии, Калабрыи а до тыхъ влоское земли мѣстцъ, которые лежать надъ моремъ адрыатыцком, и пустошыл ихъ, которыи кгды вжо з великимъ лупомъ ворочал са назад, в тот час Лев папеж, ıако был умыслилъ, з великим множствомъ духовенства убравшы са в костельные уберы, взавшы зъ собою, ıако пишеть Сабэльликъ, ѡдного бурмистра и немало ѡсобъ з рады рымскои, прыехал до Атыли [1]), которого кгды Атыла вышедшы противъ ему з великою учстивостю прыналъ, тыми словы до него мовилъ [2]).

(Стр. 219) Великаа перед тымъ, не звитажоныи королю, рыманов всего свѣта звитажцов слава была, рымане звыкли были звитажонымъ ѡтпущати, у покору са даваючые в ласку прыимовать а звитажство милосердьем макъчыть, которыми речами панство и богатства розмножали, а славу имена своего чынили несмертэлную. Таковые кгды того час былъ рымане мѣли ѡбычаи, але кгды час ѡтмѣны прышолъ, што нам щасте ѡтнало, то тобѣ тепер, Атыла королю, дало, колько намъ убыло славы, толко его твоему мужству прыбыло. Ачъколвекъ еси много мѣстъ, много народов и королев звитажыл, зацнэ-сь трыумпы рѣчы ѡт тебе доказаных справилъ, мало не вси краины свѣта мужства твоего а моцы твоее слава перешла, ведъже если са тому пилне прыгледимъ, тые вси рѣчы не большую славу тобѣ, нижли тот сегоднешнии день уво всих людеи на потом будучых зъеднать может. Людъ рымъскии, которыи передъ тым всего света паномъ был, которого правомъ [3]) много са королевъ и народов перед тым судило, тепер прыведеныи твоею можностью с покорою до тебѣ прышолъ, просечы у тебе покою а хотечы вси способы покою, которые са тобѣ сподобають, добровольне прынати, толко абыс насъ розумѣлъ быти годные твоего милосердьа, ласки и

---

[1]) На поляхъ: Папеж до Атыли.

[2]) На поляхъ: Реч Лва папежа до Атыли.

[3]) На поляхъ: Права рымские.

прыꙗзни. Не потреба тобѣ шаблю рымского мѣста и тых мѣстцъ, которые суть ему послушны, доставать: з доброе воли своее твои естъ Рым, ˜мы твои естэсьмы, твоє ест все што естъ нашо, все чыни водле воли твоее, ужываи твоих правъ, все твоему росказаню будеть послушно [1]), мѣсто шабли словъ ужываи.

Нужъ тэды, наможнеишыи королю, которыи єси аж до нинешнего дна иншых звитежати звык, теперъ сам себе звитаж, сэрцэ ѡбражоное погамуи, гневъ повстагни, которымъ подобно умыслилъ еси был срокго са з нами ѡбходить. Жадною речъю до несмертэлности ближеи прыступити а богу подобным быти не можеш, ѡдно ѡтпущаючы покорным а милосердьа просащым уделать. Потом и бурмистръ и сэнат рымскии с плачомъ пали до ногъ Атыли, которым Атыла казавшы повстать а не фрасовать са, поведал же им покои ѡбецуе [2]), а к тому их в ласку, въ ѡборону, в товарыщство и в прыꙗзнь ѡзме, учынившы такоє постановенье ѡ податокъ, абы рымане напотом на кождыи рок Атыли податокъ давали. Лев папеж все, ѡ што просил и чого хотѣлъ, у него ѡдеръжалъ. Кгды вже ѡтшол папеж и ѡн рымскии сэнат, гетманы пытали Атыли, дла чого бы надъ звычаи так са лацнымъ а мактким против рыманом ставил, (стр. 220) а давшы са их прозбам и плачу увесть так пэвноє звитажство з рук упустилъ и всее Эуропы панство, котороє во всемъ здает са на волю папежову. Которымъ Атыла ѡтповедил, иж так учынить и прыстало и потреба была, досыть на томъ же до него с покорою прышли а до ногъ єго всего свѣта панове пали. Рым, которыи всему свѣту перед тымъ пановал, вызнавшы са быти звитажонымъ, теперъ са поддал под єго пановане, податок рымане на себе вложоныи доброволне прынали и все росказанье чынити мають. А што ест набольшого, поведал, иж над голову [3]) папежову видел чоловѣка в шыроком ѡдѣнью, поважного, сивого, з добрым мечомъ грозечы єго забити єсли бы на єго хуть

---

[1]) На поляхъ: Покора Рыманов.

[2]) На поляхъ: Ласка Атыли.

[3]) На поляхъ: Видене.

не позволилъ. Оттуль же уросла была куншттливаа прыповесть у его жолнеровъ[1]), ижъ Атыла большеи са боить дикихъ зверат самых толко прозвищъ, нижли зброиного воиска, поневаж у Францыи над волкомъ а въ Влохахъ надъ ильвом не ужывал своего панованьа.

Глава ЅІ

Вернувшы са до Равэнны Атыла казал Іѡана арцыбискупа всадити до везэньа, а ѿт него и ѿт мещанов равэнъненскихъ взавшы шестдесат тисечеи гривен золота, его самого и всих, которые аръръіанскую вѣру держали, казал погубити, або дла того, иж то был у него Лев папеж упросил, або тэж радшеи дла того, иж подобно в небытности его што нехорошого против ему въщынали. Потомъ прызвавшы до себе ѡных королев и гэтманов, которые у его воисцэ были, вычичал у кротцэ, которое воины за их мужством скончылъ, ꙗкъ можные короли, народы, мѣста и мѣстечка под свою моц подбил, ꙗкие працы и небезпечности, абы им несмертэлную славу зъеднал, частокроть подымовалъ, а тепер вжо то собѣ розмышливаеть, ижъ вси люди дла того працують, абы доставшы вечное славы по тажких а долгихъ працах колко бы могли тэжъ нѣшто покою ужывали а вытхнули тѣлу короткии вѣкъ маючому. А про тож если бы розумѣли иж досыть мели на тои славе, которое до того часу достали, умыслилъ до Угор, до назначоного ему и имъ ку ѿтпочыненью мѣстца, вернути са, поневаж вжо досыть (стр. 221) богатствъ, досыть трыумфов и славы, досыть зацности уво всих народов достал. Годить са абы по працах прышло ѿтпочынене, а на их местцо наступило, поневаж вжо зъ великою славою своею справили; вси люди по великих а тажких працах звыкли са держать покою и ѿтпочывана ꙗкъ нагороды за працу, трудности, фрасунки и непокои перед тым поднатые. Кгды его гэтманы тую раду похвалили, спешыл са абы са борздо до Угор вернул. Валентынанъ

[1]) На поляхъ: Прыповесть.

цэсар, ѡ котором чынил есми вышеи възмѣнъку, мѣлъ сестру Гонорыю [1]), котораѧ ѡкром вѣдомости брата своего пославшы до Атыли просечы, если бы сѧ мѣлъ ѡженити, абы ее понѧл, а если бы ему сѧ видело, жебы або вернул сѧ назад, або послал до Валентынѧна брата ее посла своего, просечы абы ему сестру свою в малженство дал. Вже был Атылѧ з влоских границ вытѧгнулъ, кгды посол до него прышол, а ачколвекъ тое посэльство было у него вдѧчно ѡ малженстве тое бѣлое головы, котораѧ была ѡсобное чыстости и зацности, ведже розумѣл то собѣ быти рѣч трудную, ѡбтѧжливую а нѣѧко зэльжывую, воиско свое вже далеко ѡт влоскои земли будучое а такъ далекими дорогами спрацованое, звлаща будучы вже ближеи угорское нижли вълоское земли, розмиловавшы сѧ ѡдное бѣлое головы назад вернуть. А так пославшы посла своего до Валентынѧна цэсара просил, абы ему дал в малженство Гонорыю сестру свою а в посагу половицу панства своего, чого если бы не учынил, тєды сѧ зараз хочеть до влоское земли вернути а ему все панство ѡтнѧвшы сестру кгвалтом взѧти. Ѡтправившы тэды посла сам сѧ вернулъ до Угор. Кгды в Сыкамбрыи столечномъ мѣсте своем мешкал, ачъколвек, ꙗко-м вышеи поведал, умыслил был по так великих воинах водле своее мысли справленых и скончоныхъ собѣ ѡтпочынуть, ведже то трудно быти масть, абы сэрцэ, которое сѧ на то народило, жебы завжды што справовало, будучы готовы до воины а до великих рѣчеи хутливые; про то не переставаючы на тои славе, которое был так многих справъ достал, против тому, што был первеи с похваленем своих жолнеров учынити умыслил, мыслил ѡ том во дни и в ночы, абы звитѧжывшы вжо Эуропу силы свои на Азыю, Асырыю и Эгипт ѡбернулъ, будучы того мнимана, же мало еще славы и панства достал, если бы тэж ѡные краины свѣта силы и шабли его не дознали а ему послушны не были. Кгды сѧ тэды, ꙗко-м поведалъ, Атылѧ . . . .
. . . . а намышлѧлъ што бы чынити мѣлъ, нетерпливостю милости

[1]) На поляхъ: Гонорыѧ сестра цэсарова.

будучы звитажоным, не ждучы ѡтповеди Валентынановы ѡ малъженство Гонорыи, поналъ Микольту, дочку короля бактрыянского, (стр. 222) паненку вельми хорошую, на которои вэсэлью праве по королевску учыненым, кгды большеи надъ ѡбычаи жарлъ вина, потом в ночы назбыт болшъ нижли прыстоить малженъством ся бавил, которые двѣ рѣчы, то єст вино и вэнусъ, поневаж не толко старым, але и молодым за збытным ужыванем суть небезпечные, кгды кров во всемъ тѣле єго узварыла а ѡн твердо заснул, пустила ся єму кров носомъ и удусила єго, року божого, ꙗко угорская кроиника свѣтчыть, чотыры ста чотырдесятого пятого.

Микольта [1]) почула же горячая кров єи на перси текла, а ѡчутывшы ся почала мужа......... и будить, которого тѣло кгды......... почула быти стюденоє а без душы, злякнувшы ся несподеваное прыгоды, почала великимъ голосомъ кликати на тых, што у двереи ѡное ложницы спали, которые, очнувшы ся зъ ѡного кликаня королевои, розсветившы свечу а вшедшы до покою Атылевого, нашли иж с кровю душа з него давно вышла. Тогды ся стало великоє всих кликанье и верещанье ку небу идучоє, по всеи Сыкамбрыи было полно плачу и жалостного нареканꙗ, кождыи так великого короля смерти велми плакал. Новина ѡ смерти єго в коротком часе по всеи угорскои земли розышла ся, кождыи жалобу на себе ѡболок, а всюды так было полно жалости, иж через долгии час жадного знаку веселя такого або доброе мысли не было видать. Кгды єму учынено угорскимъ ѡбычаем ѡбход а пры теле гонитвы чыненои спеване жалобноє з выславленем зацныхъ єго справ спевано, потом єго з великою а королю такому надлежачою гордостью в гробе продков єго поховано на долине Кэазо, не далеко ѡт столъпа каменого, где Кэву, Кэму, Каыка и Бэля, ꙗко-мъ вышеи поведал, были похованы.

Тое ночы, которое Атыля умер, поведають же Марцыянови цэсарови константинопольскому снило ся ꙗко бы ся лук Атылев

[1]) **На поляхъ: Смерть Атылева.**

ламалъ. Пишуть историкове, иж Атыла уродилъ са был того дна, которого Юлиусъ Цэсар, а умер петнадцатого дна марца, которого тотъ Юлиусъ въ главе рымскои двадцатьма и треми ранами был забит, а был жыв, ꙗко кроиника угорскаꙗ свѣтчыть, сто двадцать и чотыры лѣта. Сабэльлик поведаєть[1]) жебы Атыла мѣлъ умереть року вѣку своего патьдесат шестого, але са то не видить быти къ речы, бо то ест речъ асна, же Атыла межы иншыми гетманы угорскими был ѡдным в тот час, коли угрове выгнали кготы з мешкана их а потом вошли до Паннонии, которую ѡт их прозвища угорскою землею прозвано; а то не ест речъ здорожнаꙗ вѣрыть, же ѡн вже в тот час был чоловѣком дорослым и статочным, поневажъ с так много тисечеи ѡт народовъ на воину наражоных дла мудрости и в речах рыцэрскихъ бѣглости и тѣла дужости в личбу иншых гетманов был поличонъ. А угрове ушли были до Панонии, ꙗко-м вышеи поведал, року ѡт нарожена Хрыстусового трыста (стр. 223) семдесат третего, по котором року ѡбран был Атыла королемъ року двадцать ѡсмого, которыи был ѡт нарожена божого чотырыста першыи, ѡт которого королевалъ лѣт сорок чотыры. А єсли Атыла, ꙗко Сабэллик поведаєть, умер патдесат шостого року вѣку своего, тогды в тот час, коли его ѡбрали королем, мѣлъ дванадцать лѣт, што ест против розуму, бо бы был ѡн людъ валечныи а многими зацныхъ справъ и на тот час славныи, корола так молодого а не толко рѣчеи посполитых, але тэж и своих властных справовати не умѣючого, а звлаща на початку, кгды королевства шаблею доставали а воиною са все бавили, собе не ѡбрал.

А так водле превеченого рахунку, которое са до правды болшеи стосує, коли Атылю королем ѡбрано, в тот часъ єму было семдесат лѣт и двѣ; ѡттуль са тэды значыть, иж ѡн в тот часъ, коли угрове с татарское земли вышли, патьдесат мѣлъ лѣт и двѣ, што все єсли въ ѡдну личбу зложыш, покажеть са

[1]) На поляхъ: Вѣкъ Атылев а Сабэльликова ѡ нем ѡмылъка.

же Атылѧ был жыв лѣт сто двадцать и чотыры, не ꙗко Сабэльлик поведаєть, пѧтьдесѧт шесть. А иж ѡ немъ пишуть, же так много лѣт мѣлъ, може сѧ то дивно не здать, бо межы много иншыми, которых ꙗ тут умыслне ѡпущаю, тэж Эмэрык висикготскии корол мало тэж не такъ много лѣт был жыв. Над то ещэ меншъ будем сѧ дивовать так много лѣт Атылевых, єсли тэж и то у себе уважым, же тэжъ угрове могли рокъ коротшыи личыти, нижли мы, ꙗко аркадове, трыхарове и акарнанове шесть, а эгиптчане чотыры толко мѣсецы спродку у год личыли, або тэж єще и то, иж Атылѧ до дужости прырожена своєго а доброго умеркована тела такъ много лѣт нашых, ꙗкъ их мы мѣрым, пережыти мог.

Єго смерть много чудов перезначыло. Того днѧ, которого вэсэлє єго было, конь што налепшыи и навернеишыи, которыи в битвахъ под собою мевал, не маючы в собѣ жадного упережаючое хоробы знаку, нагле здох.

Микольта тэж пани молодаѧ, входечы до ложницы, так сѧ вельми в правую ногу ѡ порог ударыла, иж ѡт великого болю через немалую ѳилю усѣсти мусела. Перед єго смертью на двадцать днии комэту ку всходу слонца видено; надъ то поведають, иж некотораѧ невѣста вѣщаѧ, Атылѧ кгды назадъ тѧгнул з Влохъ до угорское земли, на перепроваженю черезъ реку Ликусъ межы реты а винъдэликами текучое, прыехавшы к нему на кони трыкроть ꙗдовитым а гнѣву полънымъ голосомъ рекла: Назадъ Атыли.

Глава з҃и.

По смерти королѧ Атыли два властныє сынове, невластныє сыны сэрцэмъ и мужствомъ далеко преходѧчыє, ѡдинъ Хаба зъ Геррыхи Гонорыуса кгрецкого цэсара дочки, а другии Алѧдарык зъ Крэинъгикъцэ кнѧжати баварского дочки уроженыи, вели спор з собою ѡ панство. Дэтрык вэронэнъчык, которыи сестреницу Атылеву за собою мѣлъ, ѡ котором (стр. 224) была

вышеи възмѣнка, гэтман воиска Атылевого з-ыншыми немецкими и других посторонных народов паны, которые сѧ пры Атыли бавили, зостали пры Аладарыку ꙗко пры том, которыи ѡднакъ з народу их немецкого пошол, Хаба большую част угровъ зычлившую собѣ мѣлъ. Тые два Атылевы сынове хутю панована побужоны кождыи хотел на себе панство посѣсти; зобравшы тэды з обудву сторон великое воиско, положыли сѧ ѡбозом на полах сыкамбреиских, гдѣ учынившы поткане, так сѧ великаѧ поражка стала, иж вода в Дунаю почавшы ѡт Сыкамбрыи аж до Потэнцыи мѣста на полы с кровю текла. Таѧ битва трывала аж до пѧтнадцатого днѧ[1]), а не первеи сѧ скончыла, аж болшаꙗ част посторонных жолнеров ѡт угровъ побита была, Аладарык в тои битве забит; первеи выиграл битвы Хаба, а ѡстатокъ будучы Дэтрыковыми фортэльми поражон, зъ шестмадесѧт братов своих, невластных сынов Атылевых, и з двадцатьма пѧтьма тисечеи угров, которые с поражки єще были позостали, утекъ до Кгрецыи до Гонорыуса цэсара . . . . своего, у которого мешкавшы трынадцать лѣт, ѡпустившы тую част королевства, котораѧ по матцэ на него прыходила, до татарское земли за рок вернул сѧ. Єще Бэндэкгуз, ꙗко кроиника поведаєть, которои мусим верыти, дѣдъ его по ѡтцу былъ жыв, за которого вжо велми старого радою поналъ был жону з народу коросманов, с которою мѣлъ дву сыновъ, Эдэмэна и Эда; которыи, паметаючы на ѡбъфитост земли угоръскои, частокроть сыны свои напоминал, абы коли доростуть, угорское земли ѡпѧт доставали. Которому напоминаню потомкове єго потомъ досыть чынили, бо по смерти Атылевои у трыста лѣт угрове с татарское земли з нову вышедшы, повторе землю угорскую были посѣли. Тотъ Хаба не долго в татарскои земли будучы жывъ умер. Нѣкоторые, што сѧ с кроиникою угорскою не згожають, поведають иж по смерти Атыли угрове в Паннонѣи, то ест в тои земли, которую тепер угорскою зовемо, пановали аж до часу

[1]) На поляхъ: Битва двѣ недели.

Маурыцого цэсара, ведъже поневаже-м ѧ ничого далеи писати на тот час не умыслилъ, ѡдно до смерти Атылевы, про то хто бы што далеи ѡ справах угорских вѣдати хотѣл, нехаи въ их кроиницэ чытаєть.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Слово о некоемъ храбромъ витязе и о славномъ богатыре о Бове Королевиче.

Бысть нѣкіи корол Гвидон в славномъ граде Онтоне. Коли он был млад і в добре поре, тогда к собѣ избирал во двор храбрых витязей в златокованыхъ доспѣсѣх и на быстрыхъ конях и охоч был с ними ѣздит в чистое поле тешитца на ловлю, с соколы и с ястрепы на птицы, и с выжлоки на звѣри. И какъ бысть в болшомъ возрасте, и тогда рече корол витяземъ своим, гдѣ-б ему приискали невѣсту от велика племяни; и тогда ему сказали: у короля де Кирбича есть тщер прекрасная Милитриса. Корол же Гвидон не утерпе о повести тои и скоро посылаетъ своего конюшего именем Личарду свататися за доброго короля Гвидона. Корол же Кирбич хотяше дат тщер свою прекрасную Милитрису за доброго короля Гвидона, прекрасная-ж Милитриса не хотя иттить за добраго короля Гвидона; корол же Кирбичъ дал силно тщер свою прекрасную Милитрису за доброго короля Гвидона, и бысть радость велия. Корол же Гвидонъ любя жену свою прекрасную Милитрису паче мѣры, а она-ж ево не любя и не имѣя его ни за един пеняс; корол же Гвидонъ спяше с прекрасною Милитрисою на единой постеле .г҃. года, и прекрасная Милитриса понесе чрево и носила .ѳ҃. мѣсяцъ и родила сына и нарекоша имя ему Бова. Бова-ж имѣя очи свѣтлы а власы желты аки шелкъ, а лице румяно аки злато; прекрасная-ж Милитриса нача во умѣ своемъ злую мысль держати, какъ бы могла бы извѣсти мужа своего добраго короля Гвидона. И здумав злую мысль и призвала

к собѣ кралевъского конюшег[о] именем Личарду: Ѿ Личарда, поиди от меня во град Молганскъ к доброму королю Додону и поздравствуи ему отъ меня многолѣтіе, великое здравие, чтоб он собрал воиска своего .҂к. тысящъ и шел бы под град нашъ Онтонъ и стал бы въ лугу в С[к]иарине, и яз вышлю мужа своег[о] добраго короля Гвидона в луг [С]кияран для ради звера а рку ему такъ: Понесла есми чрево, не вѣм сын, не вѣм тщер, и захотися ми мяса свежег[о] звериного. И онъ да поидетъ, а велю ему взят с собою .еі. отроковъ и тѣх без оружия, и он бы погубилъ мужа моего с могалцы добраго короля Гвидона, не любимъ ми быстъ. И рече еи Личарда: Ѿ г[оспож]е прекрасная Милитриса, како ми холопу на государя своег[о] такая великая пакость навести? Прекрасная-ж Милитриса рече Личарде: Ѿ злодею Личарда, аще сего не сотвориши, то на тебя наведу мужу своему великую пакость, и он тебя может злои смерти предат. Личарда же ся пакости велми убояхся и взяв грамоты запечатленны и поидоша во град Молга[н]скъ послом. И приідоша во град Молга[н]скъ и подастъ королю грамоты, Личарда же королю от прекрасные Милитрисы поздравствоваше великолѣпное здравие; корол же Додон прочтетъ грамоты, велми посмѣявся и рече Личарде: Ѿ Личарда, что мя госпоже прекрасная Милитриса велми прелщает? велитъ мнѣ погубити мужа своег[о] добраго короля Гвидона, а уж она с королемъ Гвидоном прижила дѣтище Бову королевича, а се король Гвидон добръ воин и воиско у нег[о], и яз против его стояти не могу. И рече ему Личарда: Ѿ государь мой, корол Додон, вели, государь, меня посадити в темницу и вели поит и кормит доволно, а сам поиди под град Онтон; аще слово мое не збудетца, и тогда меня злои смерти предат вели. Корол же Додон рече Личарде: Ѿ Личарда, слово твое паче меда устом моимъ. И повелѣ в рог трубити и собра войска своег[о] .҂к. тысящъ и поидоша под град Онтон и сташа в лугу в С[к]ияряне; и увиде его ис кралевских полат прекрасная Милитриса и приідоша к мужу своему к доброму королю Гвидону: Ѿ королю Гвидоне,

понесла есми чрево, не вѣм сынъ, не вѣм тщер, и захоти ся ми мяса свежег[о]. Корол же Гвидон тотчасъ повелѣ себѣ оседлать осля и всѣдъ на осля и взял съ собою .ег. юноков и взял с собою тенята и поѣхал в лугъ в Скиярян для ради зверя. И какъ будет среди лугу С[к]иярдня, и увиде его корол Додон и напустиша на нег[о] корол Додон; корол же Гвидон нача от него бежати, а сам говорит таково слово: Ѿ сыну мои милои Бова королевич, о чем ми еси не повѣдал злые мысли матери своеи? И сам говоритъ таково слово: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, а яз зле погибаю отъ жены своей. И достиже до него корол Додон и удариша ево мечем по главе, корол же Гвидон паде мертвъ на землю. И корол Додон поѣхал ко граду Онтону. Прекрасная-ж Милитриса увиде его ис кралевских полат, что корол Додон мужа еѣ добраго короля Гвидона с могалцы погубил, и повелѣ врата градные отворити и мосты спустити, и встрете ег[о] прекрасная Милитриса во вратѣх градных и взя его за руце и нача его любезно целовати и поведе ево въ кралевские полаты и нача съ ним пити и ясти и веселитися. Бова-ж в тѣ поры младенец не смысляше и вниде во едину хлѣвину и сяде во яслех. Дядка-ж ево Синбалда нача искат и не обретѣ ево нигде и вниде во едину хлѣвину, ажно тутъ и виде Бову во яслех седяща велми плачющася. Бова-ж рече ему: О дятка Синбалда, поиди ко мнѣ, повеждь ми что во граде нашем трубе и стужение великое? Дядка-ж Синбалда рече ему: Ѿ государь мои Бова королевич, приіде, государь, под нашъ град Онтонъ корол Додон и отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона съ могалцы погубил, а мати твоя злая прелесница та погубила отца твоего добраго короля Гвидона и возлюбила короля Додона. Ты, государь мои Бова королевич, можешь ли на конѣ сидет и со мною бежат во град Суминъ, коимъ меня отецъ твои пожаловал за мою великую службу? Бова-ж ему рече: Яз рад съ тобою бежат во град Суминъ. Дядка Синбалда прибрав тое нощи .н. юноков воруженых вѣрных и оседла Бове коня а собѣ другово, и поехали из града вон не вем никому. И един от них переметчикъ возвратился вспят и побѣже ко граду Онтону и нача

вопити гласомъ великим и рече: Ѡ королю Додоне, твердо спиш, не вѣдаете, что сеѣ нощи выехали из града вон Бова да дятка Синбалда да .н҃. юноковъ вооруженных, и коли Бова будет лѣт своих во граде Сумине, и тогда тебѣ отомстит смерть отца своег[о] добраго короля Гвидона. Корол же Додон возбнув от сна своево и повелѣ в рогъ трубити и собра войска своег[о] вскоре .҂д. тысящы из града вон за Бовою и за дяткою Синбалдою. И настиже их корол Додон; Бова-ж в тѣ поры дряхлъ и млад, не может на конѣ сидет и спаде с коня на землю; Синбалда же убеже во свои град Сумин и затворился. Корол же Додонъ хватиша Бову и сам возвратися во свои градъ Онтонъ. Дятка-ж Синбалда во своем граде Сумине повелѣ в рог трубити и собра воиска своег[о] .҂к. тысящъ и поиде под град Онтонъ, и сташа под градом Онтоном и нача бити во градную стѣну пушки и пищалми безотступно, и тако рекъ: Ѡ королю·Додоне, выдаи ми государя моег[о] Бову королевича; аще не выдаш государя моег[о] Бовы королевича, и яз от града Онтона не отступлю и до своея смерти. Прекрасная-ж Милитриса рече мужу своему королю Додону: Ѡ королю Додоне, что то нам сіі злодеи не дадут упокоя? Корол же Додон повеле в рог трубити и собра войска своег[о] вскоре .҂м. тысящ и поиде против дятки Синбалды, дятка-ж Синбалда много с ним бився и не может против ег[о] стояти, и нача от него бежати ко граду Сумину. Корол же Додон гна за ним и до Сумина града и ста под градом Суминым и нача бити во град Сумин пушки и пищалми безотступно день и нощь. И в первую ему нощь явися сон велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен, а носит в руце своеи щит и копіе и мечъ кладенец и прободает ему сердце и утробу. Корол же Додон возбнув от сна своего велми устрашися и призва к собѣ брата своег[о] Амбругустима и повѣда ему сон свои велми страшен: кабы Бова ходит по побоищу весь вооружен а носит в руце своеи щитъ и копіе и мечъ кладенец и прободает мне сердце и утробу. И скоро посылает брата своег[о] Амбругустима во град Онтон к прекраснои Милитрисе и повелѣ у нее взят Бову; и за тот сон хощет ево злои смерти

предат. Амбругустим же пріѣхав к прекрасной Милитрисе и поздравствоваше великолѣпное здравие и повѣда ей сон королевской велми страшенъ, что ему видѣлос, кабы Бова ходит по побоищу вес вооружен а носит в руце своей щит и копье и меч кладенец и прободает ему сердце и утробу; и за тот сон хощет его злой смерти предать. И нача у ней просит Бовы. Прекрасная-ж Милитриса рече Амбригустиму: Яз за любовь государя своег[о] добраг[о] короля Додона могу сына своего Бову и сама уморит. Амъбругустим же возвратився вспят х королю Додону, прекрасная-ж Милитриса посадила Бову своег[о] в темницу и не дасть ему пити и ясти .е҃. дней и .е҃. нощей. И не в которыи день увиде Бова матерь свою прекрасную Милитрису по двору ходящу и возопи Бова гласом великим и рече: Ѿ госпожа мати моя прекрасная Милитриса, про што мя еси посадила в темницу и моришъ гладом неповинног[о], не даеш мне пити и ясти .е҃. дней и .е҃. нощей? Она-ж отвеща к нему лстивыми словеси: Я, свет, поминаючи любов прежнюю отца твоег[о] добраг[о] короля Гвидона забыла во умѣ своем послати к тебѣ. И в тот час удоив змиина яду и замѣсив .г҃. хлѣбца и испече и з девицею послаша тѣ хлѣбцы к Бове в тѣмницу; девица-ж прідоша в темницу и дастъ тѣ хлѣбцы; Бава-ж взяв тѣ хлѣбцы и хотя их ясти, прекрасная-ж девица рече Бове: Ѿ государь мои Бова королевич, не вкушаи, государь, их хлѣбцовъ, аще вкусиш не можеш жив быти, потому что мати твоя месила хлѣбцы на змиину яду. И за девицею вскочили в темницу .в҃. выжлока, Бова-ж уломив тѣх хлѣбцов и вдастъ выжлоком, выжлоки-ж яд и умре. Бова-ж виде матери своей немилосердие, велми прослезився; прекрасная-ж девица много тут плаковъ смотря на Бовино лѣпообразие и неизмѣрную красоту лица его, и поиде вон ис темницы и не затворила дверей темъничных. Бова-ж выде вон ис темницы и ізыде из града вон не вѣмъ никому и выде за город и нача во умѣ своем мыслити: Куды мнѣ поити? итить мнѣ ко граду Сумину, и там попаду в руце королю Додону, и он меня злой смерти предастъ. И самъ государь Бова говоритъ таково слово: Милостивыи Спасъ, зри и

виждь, аще не ты наставиш на пут стопы моя, то не вем от града куды путем потещи. И поиде на луки морские и ходяше по лугам морским .г҃. дни и .г҃. нощи не вкушая от хлѣба ничег[о] же, развие корения травнаго, и не видал от человѣкъ живущих развсе л҃вов. И не в который день увиде Бова корабль по морю плавуще и возопи гласом великим и рече: ѡ҃ гости корабленицы, возмите меня на корабль къ себѣ. Гости-ж корабленицы не слышат, что корабль далече от града пловуще, и повеле парусы спустити и послаша человѣка в плаволоке ко брегу: Поед, проведаи, что нам мнитца на брегу за дѣтища будет; тако рабиченок крестьянские вѣры, и он у насъ служити, или будет татарченокъ, и мы ег[о] продадим. Человѣкъ же тот приѣхав ко брегу и воспрошал его: Отроча, какова еси роду и коеи земли и како ти есть имя и какова еси отца сынъ? Бова-ж ему рече: Аз есми хрестиянские вѣры, рабиченок, пономарев сынъ, а мати моя грешная жена на добрых людеи платье мыла, тем ся и кормила, а имя ми бысть Бова. Человѣкъ же тот взяша его в плаволокъ и привезоша ег[о] на корабль; гости-ж корабленицы нача Бову учит грамоте, Бова-ж у них на карабле аки цвет цветет, лице его возсияет яко солнечная луча. Гости-ж корабленицы хотят о Бове мечи ся сѣчь. Бова-же им рече: ѡ҃ гости корабленицы, не чините меж себя брани, яз ваш рабиченокъ вопчеи, яз вамъ служу по розчету, единому служу от утра, а другому от обѣда до вечера а в нощи по тому же. Гости-ж корабленицы послушели Бовы, унелися от брани, Бова-ж им нача служити по прежнему своему совѣту и плавал с ними на море в корабле том .е҃. лѣт. И приплы корабль их под нѣкиі град Армен, а царствует в нем корол Зинзовеи Андорович. И увиде корол Зинзовеи, что под его град пришол корабль, и скоро посылает провѣдыват, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром. И послаша провѣдывать .к҃. юноков; юноки-ж приѣхали ко брегу и хотя воспрошати, которог[о] царства корабль пришел и с каким товаром, и увиде на корабле отрока велми лѣпообразна, и зря на (его) [не]измѣрную красоту лица ег[о] и смутися во умѣ своем и забы

воспрошати. И самъ говорит таково сл
ницы, возмите у меня за сего отрока цену
рече ему: Ѿ государь наш корол Зинзс
нас много множество злата и сребра, а о
дат, потому что рабиченок нашъ вопчеи и
у смертного моря. Корол же Зинзовеи ре
леницы, аще у меня за сег[о] отрока
моег[о] царства и с товаром не можете
корабленицы учинив меж собою совѣт, и
взяша за него .л҃. литръ злата; корол-
Бову к собѣ на коня и едучи воспрошаше
ми како ти есть имя и какова еси отца сь
ми бысть Бова, пономарев сынъ, а мат
добрых людеи белье белила, темъ ся и ко
зовеи рече ему: Бова, коли еси ты такс
конюшню и буди над конюхи староста, бо
поиде на конюшню. И у короля Зинзовея
Дружнена, и некоим ухищрением увиде Б
и нарядишася в дорогоценное портище
отцу своему. И услышал корол Зинзовеи,
бимая ево тщер, прекрасная Дружнена,
сам и говорит таково слово: Пoиди гос
прекрасная Зинзовеевна. Она-ж ему рече
тюшка, корол Зинзовеи Андоровичъ, т
ваньем много у себя имѣю дѣвицъ чисты
единого отрока, нѣкому предо мною и пе
Пожалуи ми сего отрока, которог[о] ес
рабleниц и дал еси за него .л҃. литръ злат
рече еи: Буди госпожа, на твоеи воле.
велѣ Бове ходити к прекрасной Дружнене
день прекрасная Дружнена послаше по
нюшню, Бова-ж поиде в полату къ пре
лата-ж от лица его просветися; прекрасна
въ мѣсте усидѣт и з девицами и сама

Бова, стряпои ты передо мною и перед девицами. Бова-ж нача стряпоти перед прекрасною Дружненою и перед девицами; прекрасная-ж Дружнена зря на Бавино лѣпообразие, велми усумнився и сама уронила ножик под стол и рече: Бова, подаи ножик сиі. Бова-ж наклонився под стол по ножикъ, прекрасная-ж Дружнена наклонилас под сто̀л же и ухватила Бова за горло и начаша ег[о] целовати. Бова-ж у неѣ урвался и сам говорит таково слово: ѿ госпоже прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ против холопа вставати и холопа целовати. И в тѣ поры было у прекрасные Дружнены болши трехсот дѣвицъ, и всякая девица у себя у рукъ палцы переобкусали зря на Бавино лѣпообразие и неизмерную красоту лица его, прекрасная-ж Дружнена посадиша Бову за стол и нача пред ним сама стряпоти и перед девицами. Бова-ж яд и пив и поиде вон ис полаты на конюшню, ажно конюхи съѣхали в поле по траву; Бова-ж себѣ оседлал коня и поехал въ поле по траву-ж, ажно конюхи и ево урокъ травы везутъ, Бова-ж едучи выбрал из травы розноличных цветов и сплел себѣ венокъ и положил на главу свою. Прекрасная-ж Дружнена послаше по Бову дѣвицу на конюшню; Бова-ж приіде в полату, прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Бова, даи ми венокъ с своея главы на мою главу. Бова-ж еи рече: ѿ госпожа прекрасная Дружнена, не подобает мнѣ дат с своея главы на твою главу, потому что же мне имат от Бога грѣх велик. Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: ѿ Бова, аще ми не даш венца с своея главы на мою главу, то яз наведу на тебя отцу своему великую пакость, и он тебя можетъ злои смерти предат. Бова-жъ шибѣ венокъ на землю, прекрасная-ж Дружнена воста от мѣста своего и взя венокъ, никако-ж на Бову сердца не имѣет. Бова-ж побѣже вон ис полаты и шибѣ дверми полаты тоя, полата-ж оттово потрясес[я], и упаде камен полаты тои и прошибѣ Бове главу; Бова-ж паде аки мертвъ на землю, прекрасная-ж Дружнена нача рану Бове сама лечит. И в тѣ поры приіде под град Армен ис помор[ь]я корол Маркобрун а с ним воиска своего двести тысящъ, и скоро посылает х королю

Зинзовею посланные титла: чтоб корол Зинзовеи дал за меня тщер свою прекрасную Дружнену; аще не даш тщери своеи, царство твое все попленю, а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружнену во свою волю возму. Корол же Зинзовеи слышав тѣ посланные титлы и прочитавъ самъ грамоты, и не может против его стояти. И нарече его корол Зинзовеи короля Маркобруна себѣ зятемъ и зва его к себѣ хлѣба есть и воиску ево повелѣ по слободам стати. И после стола поѣхал корол Маркобрун з дворяны своими на поле тешитца; и приде Бова от конюшни своея х королю Зинзовею: Ѿ государь мой корол Зинзовеи Андорович, отпусти, государь, меня холопа своего посмотрит какъ ся тешит корол Маркобрун з дворяны своими. Корол же Зинзовеи повелѣ Бове ехати на поле; Бова-ж себѣ оседлал своего доброго коня надежнаго и поехал в поле смотрит, какъ ся тешит корол Маркобрун з дворяны. И напустиша на Бову по два и по три, Бова-ж их мечет с коней, что снопов. Прекрасная-ж Дружнена все зрит на Бовину храбрость; и напустиша на Бову по .к҃. и по .л҃., Бова-ж их всѣх мечет с конеи что снопов. Корол-же Маркобрун велми возриявся и повелѣ Бову убити на смерть и сам на него напустил, Бова-жъ и самого короля скинул с коня. Прекрасная-ж Дружнена виде Бову велми истомна и повелѣ в рогъ трубити, чтоб ся воиско унелос ото рвания конского. И в тѣ поры воиско унелос ото рвания конского, Бова-ж приѣхал на конюшню и нача спати по .г҃. дни и по .г҃. нощи не просыпаяся. И в тѣ поры приіде из Задония града царь Салтан Салтанович да с ним сынъ его Лукапер, а воиска с ними .҂р҃. тысящъ. Лукапер же славныи богатыр вышину имѣя .г҃.-хъ сажен, промеж очима пяд, и скоро посылает х королю Зинзовею посланные титлы: чтоб корол Зинзовеи дал тщер свою прекрасную Дружнену за моего сына Лукапера; аще не дашъ тщер свою, то царство твое все попленю а тебя под меч преклоню, а прекрасную Дружнену во свою волю возму. Корол же Зинзовен, слышав тѣ посланные титлы и прочитав сам грамоты, и призва к себѣ нареченного зятя своего короля Маркобруна и рече ему: Ѿ королю

Маркобруне! у тебя есть воиска своего .҂л҃. тысящъ, а у меня столко же, и сложимся обое вмѣсте и будет войска нашего .҂ѯ҃. тысящъ и поидемъ противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Корол же Маркобрун рече королю Зинзовею: Слово твое паче меда устом моим. И повелѣ в рогъ трубити и собра воиска своего .҂ѯ҃. тысящъ и поидоша против царя Салтана и сына его Лукапера; Лукапер же не допущая до царских знаменеи воиско их все побил и короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих в полон полонил. Бова-жъ послышав за градом зукъ и топот конскои приіде к прекрасной Дружнене и рече еи: Ѿ госпожа прекрасная Дружнена, что есть за градом нашимъ зукъ велик и топот конскои? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Тогднес приіде из Задония града царь Салтан Салтанович да сынъ ево Лукаперъ, а войска с ними .҂р҃. тысящъ, отца моего короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣих полонил і воиско наше все побил. Бова-ж рече: Ѿ госпожа прекрасная Дружнена, яз еду на помощь отцу твоему и королю Маркобруну. Прекрасная Друженна рече Бове: Господине Бова, не ѣзди на бои, отбѣи силу от града проч, а сами затворимся во граде своем: уже тебѣ батюшкове смерти, королю Зинзовею и королю Маркобруну не пособит; и меня возми женою себѣ и буди батюшкове душе поминокъ а царству его здержател. Бова-ж рече-еи: Ѿ госпоже прекрасная Дружнена, что же ми будетъ? Никако Бовы не может уняти и сама говорит таково слово: Господине Бова, не ускоряи ехати но помедли, яз тебѣ дам мечъ кладенец, от того-ж меча не может никакое желѣзо стоять; яз тебѣ дам колчюгу добраго короля Молганского, тое-ж колчюги не может никакое железо пробить. Прекрасная-ж Дружнена принесе Бове меч кладенец и щит и копъе; и садитца на кон Бова в стремя не вступая, и в тѣ поры тут прекрасная Дружнена сама Бове в стремена кладет ноги и говорит такъ: Господине Бова, уже ты едеш на смертное дѣло, любо ми с тобою судит Богъ видетца, любо и нѣт; повеждь ми какова еси отца сынъ? Бова-ж еи рече: Ѿ госпожа прекрасная Дружнена, аз есми от града Онтона, сынъ добраго короля

Гвидона и матери госпожи Милитрисы. Прекрасная-ж Дружнена виде Бовино отчество, зелми прослезися; и в тѣ поры тут прилучися кралевской дворецкой короля Маркобруна и говоритъ такъ: Ѿ госпожа прекрасная Дружнена, не подобает тебѣ холопа на кон сажати и на ратное дѣло отпущати. Бова-ж ево ударилъ мечем тупым концом, дворетцкой же паде аки мертвъ на землю и лежа .г҃. дни и три нощи без языка. Бова-ж поехал вонъ из града против царя Салтана и сына его Лукапера. И с[ь]езжаютца .в҃. богатыря, Бова и Лукапер; прекрасная-ж Дружнена все зрит, как сьѣжаюца .в҃. богатыря, Бова и Лукапер. Бова-ж ему рече: Господине Лукапере, ты надеежся на силу и на величество, а яз надеюся на Спаса и на Пречистую и на небесные силы. Лукапер же ему рече: Бова, ты ли хочеш град Армен отстояти и прекрасную Дружнену? со мною-ж нихто не может стояти от человѣкъ. Бова-ж рече ему: Господине Лукапере, помяни пророка Давида. Глаголаша и оба сразишася вмѣсто; Бова-ж ево ударил мечемъ по главе и разсече ему главу надвое, Лукопер же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по воиску его аки по лѣсу; уж у Бовы в трупу человѣчском кон не скочит а вес въ крови ходит и добиваетца до царских знаменеи. И един богатыр Кухаз имянем много з Бовою бишася и не может против его стояти и нача от нег[о] бежати, а на немъ бысть .д҃. раны мечевых да .е҃. ран копѣиных, и прибѣже в шатры и повѣда царю Салтану: что выехал из града витяз имянем Бова, сына твоего Лукапера убил и воиско твое все побил. Царь же Салтан побѣже по морю в карабле а с ним бысть воиска .н҃. человѣк; Бова-ж приехал к шатру, ажню корол Зинзовеи лежит связан, и он ево развезал и посадил ево на кон; и поехал Бова к другому шатру, ажно корол Маркобрун лежит связан же, и онъ ево развезал и посадил ево на кон, и поехали ко граду Арменю и едучи говорит в слух таково слово: Нѣкиі господин купил собѣ холопа и дал за нег[о] .л҃. литръ злата, а ныне ему холопъ такову службу сслужил, избавил его от смерти; и ныне бы ево государь пожаловал, свободилъ на свою волю. Корол же Зинзовеи рече ему: Еще тот хо-

лопъ не вѣдает, чем его государь хочет пожаловат. И приехали во град Армен, и встрѣчает ево короля Зинзовея доч ево прекрасная Дружнена: Ѿ государь мои батюшка, корол Зинзовеи Андорович, не даваи, государь, меня за короля Маркобруна, и даи меня за Бову королевича, вет он отца сынъ добраг[о] короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Онтона. Корол же Зинзовеи рече еи: О госпожа доч моя прекрасная Дружнена, буди на твоеи воле. Бова-ж приѣхал на конюшню, нача спати по .г҃. дни и по .г҃. нощи не просыпаяся; и в те поры приіде королевской дворетцкои короля Маркобруна на конюшню, котораг[о] Бова ушиб мечем тупым концом, а с нимъ бысть .к҃. юноковъ, и хотят Бову сонново мечем посечи. Бова-ж разметався спит, аки младенец; дворетцкои же наднесе на нег[о] меч и хотя его посеч, и обратися меч на его шею; дворетцкои-ж и до трижды подымал меч, и не может Бове никакие пакости сотворити. И поидоша вонъ ис конюшни и сами говорят такъ промеж себя: Не похвала нам будет такова славнаго и силнаго богатыря сонново убит, а сево и меч не сечет. И мы над ним сотворим иную пакость: есть у короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлоп, приличен х кралевскому зраку; и какъ Арлопъ поидет по кралевскому двору, и многие дворяня покланяютца ему, чаючи его короля Зинзовея; и мы сотворим с нимъ совѣт и положим его на кралевскомъ одрѣ и пошлем Бову в Задон град к царю Салтану, и он ему отомстит смерть сына своего Лукапера. И в тот час сотвориша со Орлопом совет и положиша ег[о] на кралевскомъ одрѣ и писаша грамоты, а в грамоте писали такъ: От короля Зинзовея Арменсково в Задон град к царю Салтану. Приехал, господине, службы не размогъся, а твоег[о] супостата Бову головою х тебѣ послал, и ты ему отомсти смерть сына своего Лукапера, и не моги ево жива пустити. И написаша грамоты и запечаташа королевскими печатми и положиша у Орлопа в головах и поставиша у него многие свещи вожженны, и повеле Орлопу обратитися к стене лицом, чтоб его Бова не опознал, и сами говорят так: как Бова Орлопа познает, и может нас всѣх злои

смерти предати. И в тот часъ послаша по Бову на конюшню. Бова-ж пріде в полату и поклонися Ѡрлопу до земля, чаючи его королем Зинзовеем; и рече ему Ѡрлопъ: Бова, поиди от меня в Задон град к царю Салтану и вдаи ему грамоты. Бова-ж взяв грамоты и поиде на конюшню и оседлал себѣ добраго коня надежнаг[о] и взя свои меч кладенец и поехаша из града вон, не явяс госпоже своеи прекраснои Дружнене. Корол же Зинзовеи искаша Бовы и не обрете ег[о] нигде и начаелся, что от нег[о] Бова от[ь]ехал; прекрасная Дружнева мног[о] тут плаков по Бове, корол же Маркобрун нача прошати у короля Зинзовея за себя прекрасные Дружнены. И корол же Зинзовеи отдал тщер свою прекрасную Дружнену, и прекрасная Дружнена не хотя иттит за нег[о] и уверилас с ним, что год ждати, не женитися на прекраснои Дружнене; и поехала с ним в поморе в землю его. А Бова-ж ехал .е҃. днеи и .е҃. нощеи не вкушая хлѣба ничего же, и приехал под дубъ, ажно под дубом сидит старец пилигрим, вкушает укругу сидя. И рече ему Бова: Ѿ старче пилигриме, даи ми сеи укруги вкусит. Старец же, приполнивъ полон сосуд спящаг[о] зелия, Бова-ж выпив вес и заспе твердо; и взя у Бовы старец пилигримъ златую свиту и меч кладенец и добраг[о] коня, а ему покинул худую свою раздранную старческую ризу, и кон Бовин у старца урвался и прибѣже кон к прекраснои Дружнене в поморе со всею збруею его. Прекрасная-ж Дружнена опознала, что кон Бовин, и нача велми плакати по Бове. А Бова спал .г҃. дни и .г҃. нощи не просыпаяся; и воста от сна своег[о] и не обрете своег[о] доброг[о] коня и златыеи свиты и меча кладенца, и воздеже на себя худую старческую раздранную ризу, и сам Бова говорит так: Милостивыи Спасъ, зри и виждь, уже меня калагир изобидил; и какъ ми появитца к царю Салтану? и велит меня повѣсит, и мнѣ нечем поборонитца от царских юноков. И сам Бова говорит так: Хотя яз положу в клобукъ камен и тѣм ся яз от них поборонюс. И прославиша Бога, и поиде путем своим, и пріде в Задон град к царю Салтану, ажно царь стоит у мши и у обедни. И пріиде к нему Бова и вдастъ ему грамоты; царь же Салтан про-

чет грамоты и тако рече: ѿ злодею Бова, мало тя перед собою могу видѣти. И повелѣ Бову повѣсити; и взяша Бову .л҃. юноков, Бова-ж сняв з главы клобукъ и положил в него камен, и всѣх тѣхъ он тут побил. Царь же Салтан велми возриявся и повелѣ приступат .т҃. юноков, и взяша Бову с великою силою и поведоша ег[о] на виселицу. И у царя Салтана бысть тщер прекрасная Малгирія; и увиде Бову велми лѣпообразна и приідоша к отцу своему: ѿ государь мои батюшка, царь Салтан Салтановичь, не вели, государь, Бовы повѣсит, но даи мне ег[о] на волю, и яз ево превращу от крестьянские вѣры в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета; уж тебѣ Лукаперове смерти не пособит, и даи меня за нег[о]: вет он отца сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы от града Онтона. Царь же Салтан рече: Буди, госпоже, на твоеи воле. Прекрасная-ж Малгиря прибѣже на седалище, ажно Бову хотят повѣсит. Прекрасная-ж Малгиря взяше его к себѣ в полату и нача его превращати и не может его превратит. Царь же Салтан приіде к ней и рече: ѿ госпожа доч моя Малгирия, ужли еси превратила? Она-ж ему рече: Еще, государь, не превратила. Царь же Салтан посадиша Бову в темницу, прекрасная-ж Малгирия нача Бове сама носити пити и ясти и превращает его от крестьянские вѣры и не может превратит. Бова-ж в темнице заспе мало и воста от сна своег[о] и бысть печален велми, и нача ходит по тѣмнице и молитися Богу: Милостивыи Спасъ, избави мя от смерти сеи. И приіде Бова в угол, ажно в углу просветився мало. И приіде в то мѣсто, ажно лежит меч кладенец, Богом создан бысть, кабы от многих лѣт положен тут. Бова-ж взяв в руце свои и прославиша Бога: Милостивъ Спасъ, благодарю тя Бога моег[о], уж мне есть чем попротивитца от царских юноков. Прекрасная-ж Малгиря приіде к Бове в темницу и нача его превращати: Господине Бова, не изнури красоты лица своего в такове младе юности, но отверзися вѣры крестьянские и вѣруи в нашу вѣру в латынскую и в нашего Бога Бахмета, а меня возми женою себѣ, и буди батюшкове душе поминок а царству ег[о] здержател. Бова-ж рече еи: ѿ гос-

поже прекрасная Малгиря, что яз Богу своему нарекуся, како ми отверхтися от крестьянские вѣры и вѣроват в вашу вѣру в латынскую и в вашег[о] Бога Бахмѣта? И сам ея хотя мечем посещи; прекрасная-ж Малгирия одва у него уклонилас. И приіде к отцу своему и повѣда ему: Не могла, государь, превратит Бовы. Царь же Салтан повелѣ Бову повѣсит; и приідоша по Бову в темницу .т҃. юноков, Бова-ж тѣх всѣх побил, и подмостяс мертвыми людми и выде вон ис темницы, и приіде на царев двор. Салтан виде Бову по двору ходящу, и возопи царь Салтан гласом великим, повелѣ Бову убити на смерть, Бова-ж тут многих витязеи побил и побеже на луки морские. Царь же Салтан повелѣ в рог трубити и собра воиска своего .҂р҃. тысящъ и рече им: Ѿ витязи мои и юноки, уиде у меня ис темницы мои супостат Бова, наидите ег[о] й поимаите его, и могу Бову повѣсити. И у царя-ж Салтана бысть .в҃. брата родные, богатыри Ахан да Онбан. И рече царю Салтану: Мы тобѣ Бову приведем на жезлѣ .в҃. нас. И взя с собою воиска по .҂н҃. тысящъ, Онбан пошел на юсть моря, а Оханъ пошел на луки морские; и тут наехал Охан Бову на луках морских и напустиша на Бову. Бова-ж разбежеся к Охану и скокънул к нему на конь и ударил его мечем по главе и разсече ему главу на двое, Ахан же паде мертвъ на землю, Бова-ж поехал по воиску ег[о] аки по лѣсу и воиско его все побил и ни единог[о] жива не отпустил. И приіде другой брат с устья моря і виде брата своег[о] побитого со всем воиском, а Бовы нигде не обрете и нача мыслити во умѣ своем: Поехат мне к царю Салтану, и он меня может злои смерти предат, а поехали мы .в҃. насъ на похвале, что было нам Бову привести на жезле; ино яз умру от Бовина плеча богатырсково, ино мне будет честнее. И напустиша на Бову и тот брат, Бова-ж и тог[о] побил со всем воиском, ни единог[о] жива не отпустил. Бова-ж увиде по морю корабль пловуще з гостьми; Бова-ж воспросил сетчи на корабль и поиде по морю; и в тѣ поры приіде царь Салтан и виде своих братев обоих славных богатыреи побитых со всем воиском, а Бовы тут не обрете. И увиде царь Салтан Бову на корабле пловуще з гостьми

и возопи гласом великим и рече: Ѿ гости корабленицы, здайте Бову с корабля. Гости-ж корабленицы не смѣют здат Бовы; царь же Салтан рече им: Ѿ гости корабленицы, яз вам за то повелѣваю во своих градех торгавати безданно и безпошлинно. Гости-ж сотвориша меж собою совет и хотя Бову сонново здат с корабля; Бова-ж послышав и побил гостеи всѣх, на корабле том остался один. Бова-ж наехал рыбалова, рыбу ловит, и воспроша его: Брате рыболов, которого еси царства? Он же ему рече: Аз есмь ис поморя короля Маркобруна. Бова-ж ему рече: Господине рыболов, еще ли жива прекрасная Дружнена? Он же ему рече: Еще, господине, жива. Бова-ж ему рече: Ужли на неи женился корол Маркобрун? — Еще, господине, не женилъся корол, потому что его госпоже прекрасная Дружнена уверилас такову заповед, что с нею не совокупитца до году, а все она ждет к себѣ друга своего милово Бову королевича; а уж та пора идет блиско, что женитися имат корол Маркобрун на прекраснои Дружнене. Бова-ж рече ему: Господине рыболов, уже колко нѣт Бовы? Рыболов же ему рече: Уже нѣт Бовы год и три мѣсяца. Бова же ему рече: Господине рыболов, возми у меня много множество злата и сребра и довези меня до Маркобруна короля. Рыболов же у него взяша злата и сребра и жемчюгу пол лотки, Бова-ж сяде к нему в лотку, а корабль собѣ пошол; и восташа на море волнование великое и разбиша лотку, злато и сребро все потопѣ и жемчюг, и рыболов потонул и Бовин меч кладенец, а Бова-ж выплыл на берегъ и поиде пеш путем своим. И приіде Бова под дуб, ажно под дубом сидит старец пилигрим, кои у Бовы увел его добраг[о] коня и меч кладенец и златую свиту. Бова-ж его нача мучити и подня ризы его, ажно под ризою у нег[о] мечъ кладенец; Бова-ж его нача зле мучити, старец же пилигрим повинився Бове: Господине Бова, не моги меня замучити, яз тебѣ дамъ свое зелие, единым умоешся и ты будешъ аки угол чернъ, а другим умоешъся зелиемъ, и ты аки цвет процветеш а лице твое просияет аки солнечная луча. Бова-ж облегчиша старцу і взяше у него двое зелие и потерся черным зелием, и бысть аки угол чернъ, и в тѣ поры потерся белым зелием,

и бысть аки цвет процвел. И взя Бова свои меч кладенец и поиде в поморе х королю Маркобруну. И пріиде во град и тут стоят .г҃. юноши, иже бяше при единои стране, Бова-ж пріиде к ним пилигримом и рече им: Даите ми про Бога, про Христа и для вашег[о] витязя Бовы королевича милостину. И един выверняс ударил его по лицу: Ѿ старче пилигриме, ты сеи заповеди у нас не вѣдаеш! Здес заповед такова: хто про Бову помянет, тот имат повешен бысть. Бова-ж ему поклонився и поиде на кралевскои двор и пріиде на поварню и рече Бова поворам королевским: Даите ми для Бога и для вашег[о] витезя Бовы королевича милостину. И един повар выхватя головню горящую и удариша ег[о] по главе и опалиша ему голову; старец же пилигрим взя его за ногу и удариша ег[о] о стену. И восташа на нег[о] многие повары, он же и тѣх поворов всѣх побил. И пріиде тут кралевскои дворецкои, коего Бова ушиб мечем тупым концомъ: Ѿ старче пилигриме, про что еси побил поворов королевскихъ? Он же ему рече: Яз, господине, у них попрошал для Бога и для Христа и для витязя Бовы королевича милостины, и оне меня опалили всего, и яз от них поборонился. Дворецкои же рече ему: Ѿ старче пилигриме, поиди под комору, там сидит прекрасная Дружнена, она тебѣ дастъ для Бовы милостину; он же ему поклонився до земля и поиде под комору и возопи гласом великим и рече: Ѿ госпоже прекрасная Дружнена, даи ми для Бога, для Христа и для витезя Бовы королевича милостину. Прекрасная-ж Дружнена высунулас по плеча в окно и рече: Поиди старче пилигриме ко мнѣ в комору. Бова-ж пріиде к неи; и рече ему прекрасная Дружнена: Ѿ старче пилигриме, где еси про Бову слыхал, или где его видал, что для его просиш? Он же рече еи: Какъ мне его не знати? яз з Бовою у царя Салтана сидѣл в однои темнице. Прекрасная-ж Дружнена нача плакоти; и пріиде в полату корол Маркобрун и рече: Ѿ госпожа прекрасная Дружнена, что сіи за старец? с нимъ глаголеш а сама все плачеш? Она-ж ему рече ложными словесы: То, господине, старец от отца моег[о], повѣдает

ми, что мат моя умерла. Корол же Маркобрун рече еи: Вели, госпоже, ему дат поесть. И сам поиде вон ис полаты. И в тѣ поры нача кон велми ржати, и кои тут звездочетцы сами говорят промеж себя: то де ржет кон Бовы королевича, то де слышит кон государя своего Бову королевича. Прекрасная-ж Дружнена нача велми плакати, Бова-ж у нее воспрошал: Ѿ госпоже прекрасная Дружнена, чем то кон ржет велми? Она-ж ему рече: То, господине, кон друга моего любимаг[о] Бовы королевича, а держу яз коня тог[о] для того, любо государя своего Бову заслышу и яз на нем до него доеду, или он ко мне приедет и мы от короля Маркобруна на нем уидем; а по ся мѣста все яз сама его и пою и кормлю, а уже он побил болши .҂г҃ˣ. юноков. Бова-ж рече еи: Яз вамъ коня сего излечу, что на нем станет сидет .г҃ˣ. лѣт дѣтище. И пріиде в полату корол Маркобрун и рече: Поиди, старче, вон ис полаты. Прекрасная-ж Дружнена рече ему: Ѿ королю Маркобруне, ещо хочет старец нашего коня излечит, что на нем учнет ездит .г҃ˣ. лѣт дѣтище. Корол же Маркобрун рече: Добро, госпожа прекрасная Дружнена. Бова-ж поиде х конюшне и взяв короля за руку, а прекрасную Дружнену за другую, и поиде х конюшне; кон же Бовин нача велми ржат, корол же Маркобрун трепетен бысть ото ржания консково и не возможе итит и возвратися вспят, прекрасная-ж Дружнена поиде з Бовою на конюшню. Бова-ж пріиде на конюшню и отворил двери конюшни тоя; кон же Бовин был привязан на .о҃.-ти чепях и то все оборвал и скокнул Бове на горло а пережние копыта положил ему на плеча. И нача кон Бову целовати; а токобъ кон имел у себя язык и он такъ рек: Откуды еси пришол и гдѣ еси был? Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашег[о] прелстил? Бова-ж рече еи: Госпоже прекрасная Дружнена, для тог[о] меня кон скоро опознал, занеже есми сам Бова. Прекрасная-ж Дружнена скоро усумнився и рече ему: Коли еси ты Бова, покажи мнѣ меч кладенец, коим яз тобя опоясала. Бова-ж подняв ризы своя и показал меч. Прекрасная-ж Дружнена рече ему: Господине старче пилигриме, то еси з Бовою

сидѣл в однои темнице у царя Салтана и ты еси у Бовы меч украл. И рече ему: Господине, покажи мнѣ язву, кою яз у тебя сама лечила. Бова-ж подняв клабукъ з главы своея и показал еи язву. Прекрасная-ж Дружнена рече Бове: Господине Бова, гдѣ еси ты узнурил красоту лица своег[о]? Бова-ж скоро потерся бѣлым зелиемъ и бысть аки цвет процвел, лице ег[о] просияло аки солнечная луча; прекрасная-ж Дружнена рече ему: Ѿ государь мои милои Бова королевич, откуды еси аки солнъце возсияло ко мнѣ? И нача ег[о] любезно целоват и ирече ему: Здѣ-ли хотим быт или проч ехат? Бова-ж рече еи: Поедем, госпоже, проч.—Добро, господине, седлаи себѣ коня а мнѣ другово, а яз к тебѣ твое оружие тот часъ к тебѣ сошлю з девицею. И пріде прекрасная Дружнена х королю Маркобруну, корол же Маркобрун рече еи: Жив ли, госпоже, нашъ старец? Она-ж ему рече: Жив, господине, нашъ старец, ходит блиско коня нашег[о] а кон ево познавает. И хочю к нему послат постелку. И въ тот часъ шед завертеша в постелю щит и колчюгу и послаше з девицею к Бове в конюшню, а сама поиде х королю Маркобруну и принесе к нему кубокъ забвенного вина: Испеи, господине, за любов нашу. Корол же рече: Испеи, госпожа, ты за любов. Она-ж испив мало и поднесе ему; он же испив все и заспе твердо. Прекрасная-ж Дружнена поиде к Бове в конюшню и пріде к нему, Бова-ж ходит весь вооружен а носит в руце своеи сщит и коп[ь]е и меч кладенец. И сяде Бова на кон а прекрасная Дружнена на другои и поехали вон из града не вем никому и переехали болши .,р҃. верстъ и доехали нѣкоего кладезя, и тут Бова учал шатер ставити и почив держати, и тут Бова с прекрасною совокупился трижды, и с тое поры прекрасная Дружнена понесе чрево. И воста от сна своего и поехаша путем своим, и рече Бове прекрасная Дружнена: Господине Бова, будет за нами погоня от короля Маркобруна: есть у него наспех именем Полкан, сидит в погребе, славный богатыр, от пояса до главу человѣкъ, а от пояса к ногам пес, и та ему .,р҃. верстъ за .г҃. верстъ он может добыт. И воста корол Маркобрун от сна своег[о], не обрете своеи госпожи прекрасные Дружнены

и повеле в рог трубити и собра воиска своего .,г҃. тысячъ и рече им: Ѿ витязи мои и юноки, пріиде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня госпожу прекрасную Дружнену, подите и поимаите их, и могу Бову повѣсит а прекрасную Дружнену ростреляит. И рече ему витязи и юноки: Ѿ государь нашъ корол Маркобрун, уже Бова сеи нощи переехал болши .,р҃. верстъ и нам его не сугнати, воиско идет опочиваяся на ден по .н҃. верстъ; ино есть у тебя наспех именем Полкан, сидит в погребе, и та ему .,р҃. верстъ за .г҃. верстъ, он тебѣ может добыт Бову и Дружнену. Маркобрун послаше по Полкана; Полкан же пріиде х королю Маркобруну, рече ему: Господине Полкане, пріиде ко мне Бова пилигримом и уведе у меня прекрасную Дружнену, поиди и поимаи их, и могу Бову повесит, а прекрасную Дружнену ростреляит. Полкан же рече ему: Яз тобѣ добуду их Бову и Дружнену. И побеже Полкан за ними; Бова-ж и Дружнена зрит, ажно Полкан бежит пеш, что конем же, Бова-ж уготовя меч свои и хотя ег[о] мечем посещи и пореше мимо, и шибе меч его по черен в землю, Полкан же выломив дубину ис корени и удариша Бову, Бова-ж бысть дряхлъ; Полкан же и вторицею шибе о него, Бова-ж паде на землю, Полкан же сяде на кон Бовин, кон же нача ег[о] мыкат по лесу и по деревью и по пустому лѣсу, слыша не государя своег[о] на себе, и нача кон тертися и валятися и одрал на Полкане всю кожу его. И побеже кон с ним мимо Дружненина шатра, и рече ему прекрасная Дружнена: Господине Полкане, не чините меж собою з Бовою бою и побратаитеся, ино вас богатыреи славнее и силнее и на свету не будет. Полкан же рече еи: Ѿ госпоже прекрасная Дружнена, яз рад з Бовою братство восприят. Кон же Бовин стал кротко, Полкан же приехал к Бове и слезе с коня и з Бовою братство восприял и меж себя уверишася. Бова-ж всед на кон а прекрасная Дружнена на другои и поехали путем своим, а Полкан за ними побеже пеш, что конем же. И приехали под некиі град Костел, а царствует в нем царь Урил. И послышав царь Урил тѣх дву витязеи славных богатыреи и град Костел о них запер. Полкан же розбежеся и скочил через стену градную

и отпер врата градные, Бова-ж не поехал во град и стал под градом. Царь же Урил повеле в рог трубити и собра воиска своего ҂еı. тысящъ и взя дву сынов своих и встрете Бову королевича; Бова-ж приіде во град и в палаты царские и нача пити и ясти и весилитись. И в тѣ поры приіде под град Костел корол Маркобрун, а войска с ним ҂ı. тысящь, и облег воиском своим круг града. Царь же Урил поиде з детми своими и с воиском своим против короля Маркобруна, корол же Маркобрун воиско у царя Урила побил и его в полон полонил и з детми ег[о]. Царь же Урил рече королю Маркобруну: Господине королю Маркобруне, отпусти меня во град свои, а возми у меня в закладе .в. сынов моих, яз тебѣ здам з города сонных Бову и Полкана и Дружнену. Корол же Маркобрун рече ему: Господине царю Уриле, слово твое паче меду устом моим; и отпустил его во град и рече ему: Зда-ж Бову и Полкана и Дружнену, яз тебѣ из своег[о] царства стану давати дан и оброки. Царь же Урил приіде во град к своей царице и лег с нею спати во своеи ложнице в полате, а корол же Маркобрун отпустил с царем Урилом выборных витязеи ҂в., кому имат Бову и Полкана и Дружнену. И леже царь Урил с своею царицею и говорит еи: Госпоже царица, яз у короля Маркобруна оставил в закладе дву сынов своихъ в том, что мнѣ сеѣ нощи здат з города Бову и Полкана и прекрасную Дружнену. А Полкан же то все слышит, что про них царь Урил говорит. Царица-ж рече: Господине царю Уриле, невозможно тебѣ здати з города таких славных и силных богатыреи. Царь же Урил удариша царицу свою по лицу, Полкан же скочив в полату и ухватил его за бороду и шибѣ его о середу, царь же бысть мертвъ. Полкан же посмотрив на царев двор, ажно полон двор войска; Полкан же взяв Бовин меч и выскочил вон и всѣх тут побил и град Костѣл до утра запер. Бова-ж воста от сна своег[о], и приіде к нему Полкан и поведа ему все по ряду, и Бова нача его любезно целовати, что о нем Полканъ велми радеет. И тако Бова вооружися иттит против короля Маркобруна, да Полкан с ним. Корол же Маркобрун нача с ним битис и не может против их стояти, и

нача от них бежати. Бова-ж и Полкан, отбив у короля Маркобруна .в҃. сынов царя Урила, и приведоша их во град и повелѣ им царствовати в отчине отца их, Бова-ж и Полкан поиде вон из града. Бова-ж всяде на кон, а прекрасная Дружнена на другои, а Полкан за ними побеже пеш что конем же. И доехаша Бова нѣкоего луга и тут Бова поставил шатер, а Полкану другои. И тут Бове прекрасная Дружнена родила два сына. Бова-ж поехал на пищу звереи добыват и заблудився, прекрасная-ж Дружнена вышла за шатер, ажно бежат на нее два лва; прекрасная-ж Дружнена возопи гласом великим: Господине Полкане, бежат на меня .в҃. лва. Полкан-же ухватя Бовин меч и выскочил за шатер и ударил мечем лва, лев же бысть мертвъ. И напустил на Полкана другои лев, Полкан же хотя и тово мячем посещи, и оба сразишася вмѣсто, лев Полкану прорва щрев, а Полкан его мечем розсѣче, и бысть оба мертвы, Полкан и лев. Прекрасная-ж Дружневна много тут ждав Бовы начаелась, что звери сьѣли, и взяв дѣтище на руку, а другое на другую и поидоша з горкими слезами пеша путем своим и заблудилас. Бова-ж приблудился к шатру и виде брата своего названого мертва да два лва, а прекрасные Дружнены нигдѣ не обрете и дѣтищ своих, и начаелся что их лвы сьели, и взя свои меч кладенец, и много тут плакав Бова о прекраснои Дружнене и поехал путем своим и наехал в поле витязя велми возрачна. Бова-ж воспрошал его: Хто еси ты, откуду и коег[о] града и како ти есть имя? Он-же ему рече: Яз езжу из Сумина града от дятки Синбалды, а имя ми бысть Личарда, послан есми провѣдыват по многим городам и по многим ордам про Бову королевича. Бова-ж рече ему: Да слыхал-лы еси гдѣ, господине, про него? Личарда же рече: Лише, господине, слышал про него, что де его в Задоне царь Салтан убил. Бова-ж ему рече: Господине Личарда, принимает ли государь твои к собѣ во двор служит? Личарда же ему рече: Прiiмает, господине. Бова-ж поехал с ним к городу Сумину, и приехали во град. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: Ѡ Личарда, обрел ли еси гдѣ Бову королевича? Личарда же ему рече: Исках, господине, и не обретох

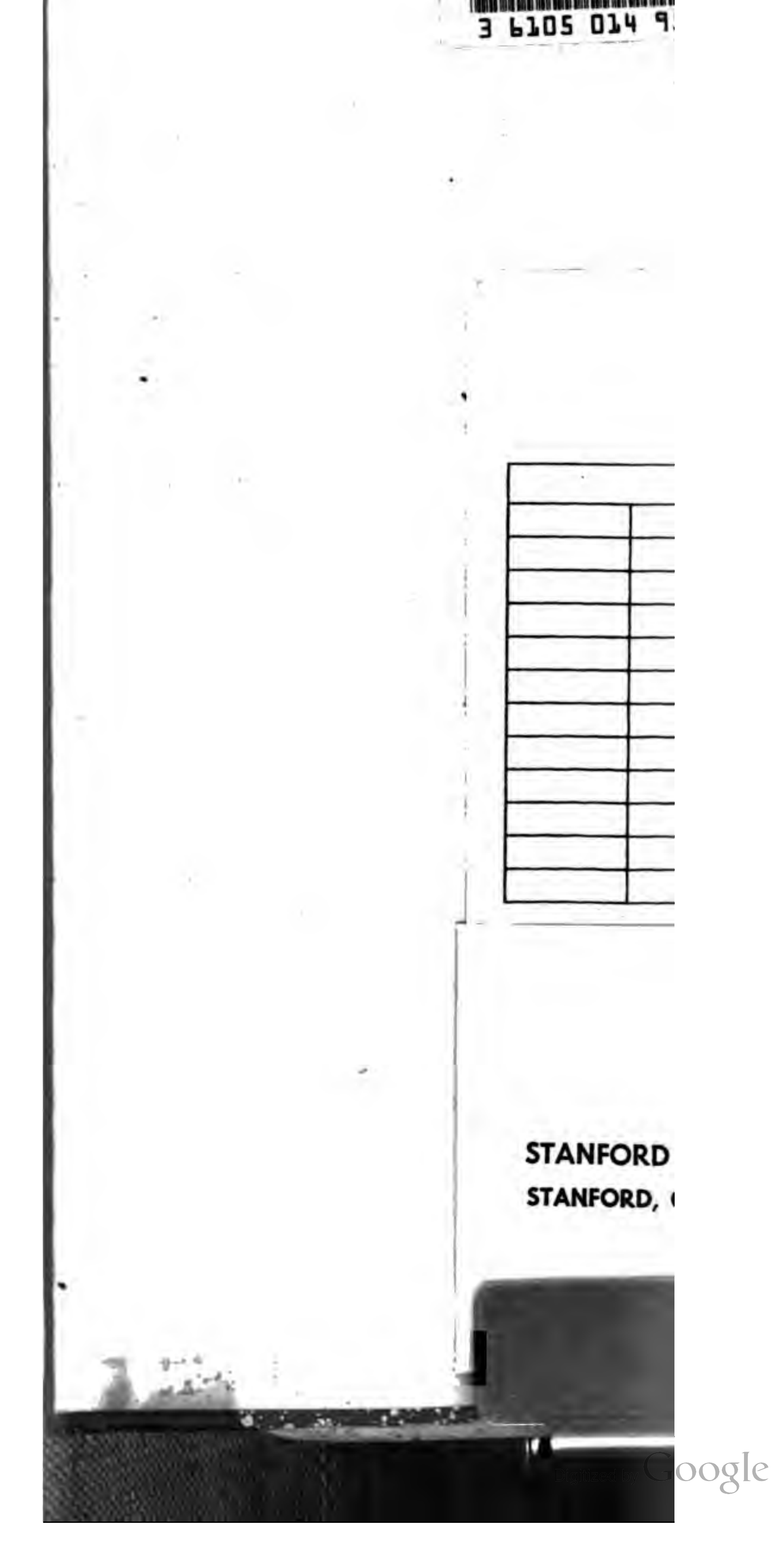
его, лише, господине, слышел про него, что его в Задоне граде убил царь Салтан. Дятка-ж Синбалда рече Личарде: Ѿ Личарда, хто с тобою приехал, что за витяз велми возрачен? Он же ему рече: То, господине, витяз приехал к тебѣ служит. Синбалда же рече Бове: Кто еси ты, откуду? Он же ему рече: Яз есмь ис Празни града; было нас .҂ѕ҃. тысящ, идох по морю, и разбися нашъ корабль, злато и сребро все потопе, а яз есми един остахся и іщу себѣ ласково[го] государя благоприятна. Дятка-ж Синбалда принял Бову к собѣ во двор служит и посадил Бову за столом выше Личарды. Личарда же бысть Бове грубител и досадител: Личарда же его привел, а дятка Синбалда выше его Бову посадил. И рече Личарда дятке Синбалде: Яз рад с новым слугою о мѣсте своем на поле дратца. Бова-ж рече дятке Синбалде: Яз с ним рад дратца. И поехали оба на поле; дятка-ж Синбалда отпустил за ними сына своего Тереза смотрит как ся учнут дратца и с конеи рватца. И как будут на поле, Бова-ж охапив Личарду за горло и ударил его о землю и рече ему: О злодею Личарда, грубител и досадител отца моег[о] доброго короля Гвидона, почто еси ходил во град Молганскъ х королю Додону, наводил еси на отца моего великие пакости? ныне же отмсщаю смерть отца своего доброго короля Гвидона! И отсече ему главу. И поехал Бова во град Сумин к дятке Синбалде и потерся бѣлым зелием и бысть аки цвет процвел. Дятка-ж Синбалда Бову опознал подлинно и рече ему: Ѿ государь мои, Бова королевич, гдѣ еси был, откуду еси ко мнѣ пришол? яз тебѣ, государю, холоп стариннои, возми к собе меня въ холопи и сына моег[о] Тереза. Бова-ж рече Синбалде: Поидем до вотчины отца моего доброго короля Гвидона под град Онтон. Дятка-ж Синбалда повеле в рог трубити и собра войска своег[о] .҂еі҃. тысящ и поидоша под град Онтон и нача бити во градную стену пушки и пищалми безотступно. И тако рече Бова: Грубител и досадител отца моег[о] доброго короля Гвидона, выди из вотчины отца моег[о] из града Онтона вон; аще не выдеш из вотчины нашеи, и яз не отступлю от града и до своея смерти, и нигдѣ можеш у меня скрытися. Корол же Додон

слыша, что под градом его стоит Бова королевич, и не знаша ег[о], что онъ храбръ и силен, и чаючи его младенствующа и повелѣ в рог трубити. И собра воиска своег[о] .,к̃. тысящ и поиде против Бовы королевича; Бова-ж напустилъ на царское знамя, а войска не замал ни единог[о] человѣка, и прибѣгоша х королю Додону и удариша его мечем по главе и разсече главу его. И рече им Бова: Ѿ витязи мои и юноки, возмите своег[о] короля Додона и свезите к матери моеи к прекрасной Милитрисе. Витязи-ж и юноки взяше ег[о] и понесоша ег[о] во град Онтон и свертеша главу его, а Бова-ж поиде во град свои Сумин. Корол же Додон нача главу свою лечити и лекареи пытати по многим градом; Бова-ж то слышел, что супостат его корол Додон ещо жив, лекареи пытает, Бова-ж рече дятке и поиде х королю Додону и поведа ему: Господине королю Додоне, пришли лекара из Празни града, хотят голову твою излечит. Корол же Додон повелѣ их пустит во град; Бова-ж и Терез приіде к нему в полату, корол же Додон рече им: Господине лекари, можете-л главу мою излечит? Бова-ж приіде к нему и взяв его за бороду и рече ему: Хто сию рану дал, тот тя и может докончат. И нача у него очи вертет и рече ему: Грубител и досадител отца моег[о], доброг[о] короля Гвидона, почто еси погубил отца моег[о]? пался еси, злодею, на женскую прелесть, душегубицу детеи своихъ. Корол же ему отвѣту не дал, Бова-ж его ударил о середу, корол же бысть мертвъ. Прекрасная-ж Милитриса побеже вон из полаты, Бова-ж еѣ ухватил за руку и рече еи: Ѿ госпоже мати моя прекрасная Милитриса, про што еси погубила отца моег[о], доброг[о] короля Гвидона, и про што еси возлюбила короля Додона? И про што еси посадила меня в темницу и морила еси гладом? Про што еси меня кормила змиіным ядом? Прекрасная-ж Милитриса сыну своему Бове не могла отвѣту дат, Бова-ж повелѣ ее обковат в бочку дубову. Бова-ж повелѣ в рог трубити и собра воиска своего .,н̃. тысящ и послаша своег[о] дятку Синбалду в Задон град к царю Салтану: чтоб за меня царь Салтан выдал тщер свою прекрасную Малгирю. Дятка-ж Синбалда приіде во град

Задон к царю Салтану и поздравствоваше царю Салтану от Бовы великолѣпное здравие: чтоб еси за нег[о] дал тщер свою прекрасную Малгирю. Царь Салтан рече Синбалде: Господине дятка Синбалда, поеди поведаи Бове королевичю, токоб приехал государь мои Бова королевич сам, и яз бы за нег[о] дал тщер свою от великия радости; а ныне мнѣ кому дат в руце? Дятка-ж Синбалда возвратился вспят ко граду Онтону. Прекрасная-ж Дружнена приблудишася ко граду Арменю, ажно во Армени царствует отца ея короля Зинзовея постелникъ, имянем Арлопъ, а отца ея короля Зинзовея в животе нѣт; и потихонку воспрошала от пути, куды пут ко граду Онтону, и поиде путем своим и пріиде на луки морские и поставила себѣ шатер. Дятка-ж Синбалда пріиде из Задония града и поведаше Бове, что ему царь Салтан говорил: тако бы де приехал государь мои Бова королевич сам, и яз бы де за него дал от великие радости тщер свою прекрасную Малгирию, а ныне мнѣ кому дат в руце? И в тѣ поры прекрасная Дружнена отпустила дву сынов своих во град Онтонъ. Детища-ж пріиде в полату к Бове и сташа перед ним; Бова-ж возре на них и воспрошал витязеи своихъ: Которог[о] моего витязя детища велми возрачны? Они-ж рече ему: Мы, господине, их не вѣдаем. Бова-ж их воспрошал: Ѿ дѣтища, хто вы есте, откуду? Они-ж ему рече: Мы, господине, пришелцы бысть в сем граде: отецъ у нас был Бова королевич. Бова-ж вскочил и нача их любезно целовати и воспрошал их: О дѣтища мои, где-ж мати ваша? Они-ж рече ему: Ѿ государь мои батюшко, Бова королевич, матушка наша стоит на луках морских. Бова-ж повеле себѣ в тот часъ оседлати коня, а дѣтищам по коню-ж, и поехаша на луки морские, ажно его прекрасная Зинзовѣевна стоитъ на луках морских в шатре. Бова-ж вниде в шатер и нача еѣ любезно целовати, Бова-ж взяв прекрасную Дружнену с великою честию, и поехаша ко граду Онтону, и нача с нею и з детми своими пити и ясти и веселитися и нача жаловат своих вѣрных раб: дятку пожаловал опят Суминым градом, а Огеня брата Синбалдина пожаловал на кралевство во Армени. И послаша Синбалду Арлопа воеват, и велѣл

Бова Арлопа перед собою поставит. Синбалда-ж приіде под град Армен и нача бити во градную стѣну пушки и пищалми безотступно; Арлоп же не может против его стояти и повеле град отворити, дятка-ж Синбалда приіде во град и взяв Орлопа по приказу государя своего Бовы королевича, а на королевство оставиша брата своего Агеня а сам возвратился во град Онтонъ. И поставиша Орлопа перед Бовою. Бова же рече ему: Арлопъ, ты еси злодею, про што меня посылал без увѣдания доброго короля Зинзовѣя в Задон град к царю Салтану и навадил еси на меня великие пакости? Ныне же еси заповинен мечю моему. Арлопъ же пав подклонився перед Бовою и не может против его отвѣту дат, Бова-ж повеле его повѣсит. И потом Бова нача пити и ясти и веселитися во своей отчине и дѣтине отца своег[о] доброго короля Гвидона и многими грады владѣти. Во вѣки аминь.

Ся повесть разбоиного приказу под[ъ]ячего Ивана Яковлева, писалъ своима рукама.


3 6105 014 9
STANFORD
STANFORD,
Google